

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 1
(19)

№ 1
(19)
2010

2010

РУССКИЙ ЯЗЫК

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 1
(19)

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва
2010

ISSN 1681-1062

Научный журнал

*Основан в январе 2001 года
Выходит два раза в год*

Редакционная коллегия:

А. М. Молдован (главный редактор), А. А. Алексеев, Х. Андерсен (США), Ю. Д. Апресян, А. Богуславский (Польша), И. М. Богуславский, Д. Вайс (Швейцария), Ж. Ж. Варбот, А. Вежбицкая (Австралия), А. А. Гиппиус, М. Ди Сальво (Италия), Д. О. Добровольский, В. М. Живов, А. Ф. Журавлев, А. А. Зализняк, Е. А. Земская, Х. Кайперт (Германия), Л. Л. Касаткин, Э. Кленин (США), А. Д. Кошелев, Л. П. Крысин, Р. Лясковский (Швеция), Х.-Р. Мелиг (Германия), И. Мельчук (Канада), Н. Б. Мечковская (Беларусь), Е. В. Падучева, А. А. Пичхадзе (ответственный секретарь), В. А. Плунгян, Т. В. Рождественская, А. Тимберлейк (США), Х. Томмола (Финляндия), М. Флайер (США), А. Я. Шайкевич, А. Д. Шмелев

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Редакция журнала «Русский язык в научном освещении».

Тел.: (495) 637-79-92, факс: (495) 695-26-03, e-mail rusyaz@yandex.ru.

Издательство: e-mail lrc.phouse@gmail.com, сайт www.lrc-press.ru.

Зав. редакцией *М. С. Мушинская*

Редакторы номера *А. А. Пичхадзе, Е. И. Державина*

Корректоры *Г. Эрли, О. Трефилова*

Издатель *А. Д. Кошелев*

Редакция журнала «Русский язык в научном освещении» просит авторов присылать статьи в журнал на адрес: rusyaz@yandex.ru.
Все публикации бесплатны.

Подписка на журнал оформляется в любом отделении связи по Объединенному каталогу «Пресса России», индексы 44088 и 42373.

Подписано в печать 07.10.2010. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Усл. п. л. 20. Заказ №

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, 2010
© Авторы, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

<i>А. М. Молдован</i> К истории фазового глагола <i>стать</i> в русском языке	5
<i>И. И. Макеева</i> Акцентная микросистема русского иноческого сборника XVII века	18
<i>М. С. Мушинская</i> Об одной лексической псевдоинновации в Изборнике 1076 г. (вино → медъ)	63
<i>А. В. Зубкова</i> К вопросу о сказуемости употреблении причастий в летописях XV—XVI вв.	89
<i>С. К. Пожарицкая</i> Модальные слова, производные от глаголов <i>быть, бывать</i> , в севернорусской диалектной речи	103
<i>Е. С. Скачедубова</i> Реализация гласных фонем в первой основе сложных и сложносокращенных слов в современном русском литературном языке	132
<i>Е. В. Корпечкова</i> Развитие архаических типов вокализма в говорах севера Белгородской области	143
<i>В. В. Шаповал</i> Графические дублиеты в словарях: приемы верификации	158
<i>Н. В. Гатинская</i> Семантико-синтаксическая история слов <i>очивѣсть, очевидно</i>	169
<i>А. Б. Летучий</i> Странное «согласование времен» в русском языке	210
<i>Г. Е. Крейдлин, А. Б. Летучий</i> Части тела в русском языке и в невербальных семиотических кодах. II. Щёки	222

Полемика

<i>А. Д. Шмелев</i> Языковые факты и корпусные данные	236
--	-----

Информационно-хроникальные материалы

Хроника Международной научной конференции «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (Екатеринбург — «Зеленый Мыс», 8—12 сентября 2009 г.) (Е. Д. Казакова, Е. В. Шабалина)	266
Хроника Международной научной конференции «Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества» (А. В. Тер-Аванесова)	274
Отчет о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН 2009 года (О. Г. Ровнова)	280

Рецензии

Великие четыре минеи. Проблемы и задачи нового издания. Die Grossen Lesemenäen des Metropoliten Makarij. Uspenskij Spisok. 1.—8. Mai / Hrsg. von E. Weiher u. a. — Freiburg i. Br. 2007. (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris; T. 51, *51.) — 639, *210 S. (А. А. Алексеев)	291
Протоиерей Георгий Крылов. Книжная справа XVII века. Богослужбные Минеи. — М.: Индрик, 2009. — 496 с. (В. М. Живов)	305

Обзоры

Т. В. Рождественская. Язык и письменность средневекового Новгорода: Богослужбные надписи и берестяные грамоты XI—XV вв.: Учеб. пособие СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. — 136 с.	311
Жития Игнатия Вологодского, Игнатия Ломского, Герасима Вологодского и Кассиана Угличского: Тексты и словоуказатель / Сост. И. В. Азарова, Е. Л. Алексеева, Л. А. Захарова, К. Н. Лемешев; Под ред. А. С. Герда. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. — (Памятники русской агиографической литературы; 11) — 196 с.	312
Die russische Sprache und Literatur im 18. Jahrhundert: Tradition und Innovation: Gedenkschrift für Gerta Hüttl-Folter / Hrsg. von Juliane Besters-Dilger und Fedor B. Poljakov. = Русский язык и литература в XVIII веке: традиция и инновация: Сб. ст. памяти Герты Хюттл-Фольтер / Под ред. Ю. Бестерс-Дильгер и Ф. Полякова. — Frankfurt am Main et al.: Peter Lang, 2009. (Русская культура в Европе = Russian Culture in Europe / Ed. by Fedor B. Poljakov; Vol. 5). — 384 с.	314
Secondary predicates in Eastern European languages and beyond / Ed. by Ch. Schroeder, G. Hentschel, W. Boeder. Oldenburg: BIS, 2008. — 449 S. (Studia Slavica Oldenburgensia; 16).	316
Незабытые голоса России: Звучат голоса отечественных филологов. Вып. 1 / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; Под ред. О. В. Антоновой, Д. М. Савинова. — М.: Языки славянских культур, 2009. — 240 с.	318

ИССЛЕДОВАНИЯ

А. М. МОЛДОВАН

К ИСТОРИИ ФАЗОВОГО ГЛАГОЛА *СТАТЬ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Глагол *стать*, обладающий в русском языке множеством разнообразных значений (БАС выделяет у него 22 значения), представляет интерес в аспекте истории грамматических средств русского языка, выражающих значение начинательности. Это значение развилось из «архетипического» значения *стать* ‘перейти в вертикальное или неподвижное состояние’ и реализуется в сочетаниях этого глагола с именными предикатами (*стать математиком; стать серьезным*) и в сочетаниях с инфинитивом (*стану работать*). Последнее справедливо считается классическим образцом грамматикализации глагола *стать*. В конструкции *стану сказывать я сказки* глагол *стать* является грамматическим показателем, указывающим на начало действия в будущем времени, а в конструкции *стали жить-поживать*, соответственно, — в прошедшем.

В современном русском языке употребление глагола *стать* в начинательных конструкциях очень распространено, так что еще недавно исследователям интуитивно казалось, что в будущем времени оно даже преобладает над стандартным начинательным глаголом *начать*; и только в прошедшем времени, как казалось, *начать* является «несколько более частым» [Křížková 1960: 140]. Сегодня благодаря Национальному корпусу русского языка (НКРЯ) эти представления легко верифицировать. Оказывается, что собственно фазовый глагол *начать* по частотности употребления с инфинитивом все-таки значительно преобладает над *стать*: выборка из НКРЯ за XX в. (ок. 40 тыс. документов, более 125 млн. словоупотреблений) показывает, что *стать* в начинательных конструкциях представлено 4260 примерами (в том числе в форме буд. времени — ок. 260 примеров; прош. времени — ок. 3700 примеров), тогда как *начать* дает почти 38 000 примеров (в том числе в форме буд. времени — более 5000; прош. времени — более 30 000), т. е. *начать* и в формах буд. времени используется чаще, чем *стать*, а в прош. времени *начать* употребляется почти в десять раз чаще, чем *стать*.

Причина, по которой в русском языке сосуществуют эти два синонимичных фазовых глагола, связана с их незаметными, но существенными семантическими различиями [Падучева 2004: 188; Короткова, Сай 2006: 96—98 и др.]. Главным из них является то, что, в отличие от *начать*, впи-

сывающего глагольное действие в членимую на логические фазы последовательность (*начать—продолжать—кончить*), фазовый глагол *стать* обращен к самому факту возникновения ситуации, ранее не имевшей места [Зализняк, Шмелев 2002: 219]. Это значение особенно наглядно выражено в словосочетании *стало быть*, которое в современном русском языке сохраняется в роли вводного словосочетания вопреки ограничению на сочетание *стать* с глаголом *быть* [Грамматика 1980: 249]¹.

Основанием для развития приинфинитивного употребления связки *стать* послужило, по-видимому, широкое использование глагола **stati* в именном составном сказуемом и в сочетании с причастиями прошедшего времени. Обращает на себя внимание типологическое сходство такого развития с немецким: *er wird tragende (part.) > er wird tragen (inf.)* [Křížková 1960: 145].

Конструкция **станоу** + инфинитив отсутствует в старославянских и церковнославянских памятниках и довольно слабо представлена в древнерусских письменных источниках. Информация о ее истории традиционно встраивается в описание эволюции инфинитивных сочетаний с глаголами **начати**, **имѣти** и **хотѣти**, которая обычно рассматривается с точки зрения становления описательного буд. времени в русском языке [Борковский 1931; Яковлева 1953; Křížková 1960; Борковский, Кузнецов 1963: 285—288; Kiparsky 1967: 232—235 и др.]. При этом не обсуждается очевидный параллелизм таких сочетаний, возникающий при описании ситуаций, предшествующих моменту речи или следующих за ним. Между тем данные текстов показывают, что возможность употребления в инфинитивном сочетании того или иного вспомогательного глагола не зависит от выражаемого им значения времени. Если в тексте употребляется сочетание *почал молитися*, то, как правило, и в буд. времени в этом тексте будет *почну молитися*, а если *стал молитися*, то и в буд. времени — *стану молитися*. Иначе говоря, временные значения инфинитивных конструкций с фазовыми глаголами не влияли на выбор того или иного глагола².

В древнейших памятниках сочетание глагола **стати** в начинательном значении с инфинитивом встречается крайне редко. Первая известная нам фиксация³ содержится в грамоте Изяслава Мстиславича новгородскому

¹ Интересно, что еще в XVIII в. такого ограничения не было: *А как стал быть день, Иоанн, встав с постели своей, оделся в богатое платье* (Иоанн 245); *Они дошли до середины и стали быть между флотом и берегом* (МРФ I 75); *И я холоп твой нынѣ стал быть стар и дряхл* (ПСИ 106); *Учение Иппократово... стало быть извѣстно* (Плт. 1796 19) [СлРЯ XVIII в., 2: 186].

² Ср.: «Future is less a temporal category and more a category resembling agent-oriented and epistemic modality» [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994: 280].

³ По-видимому, иллюзорный пример такого сочетания содержится в Повести временных лет по Лаврентьевскому списку под 971 г., где в эпизоде, предшествующем рассказу о гибели Святослава от печенегов, сказано: ...Печенизи. засту-

Пантелеймонову монастырю, датируемой 1146—1155 гг.: А кто почьнетъ въстоупатися въ тою землю <...> и онъ въ второе пришьствие станеть тяжатися съ святымъ Пантелеимономъ [Срезневский 1860: 27; Корецкий 1955; Семенов 1959]⁴. Второй пример — в духовной грамоте Антония Римлянина, составленной не позднее 1147 г., в которой наряду со **стати** трижды в этом значении выступает **начати**: А которой братъ нашъ да от мѣста сего начнетъ хотѣти игуменства или мздою или насильемъ, да будетъ проклятъ; или ото князя начнетъ по насилью дѣяти кому или по мздѣ, да будетъ проклятъ; или епискупъ по мздѣ начнетъ кого ставити или инъ станеть насильствомъ творить на местѣ семь, да будетъ проклятъ [ГВНП 160 (копия XVI в.)]. Третий пример относится к XIV в. В Новгородской первой летописи старшего извода по Синодальному списку под 1238 г. (создание этой части летописи датируется 1330 г.) сообщается о нападении татар на Рязань: князь же Рязаньскыи Юрьи затворися въ градъ с людьми; князь же Романъ Инъгоровичъ ста битися противоу ихъ съ своими людьми [НПЛ 1950: 75].

Этими примерами практически исчерпываются сведения об употреблении конструкции **стати** + инфинитив в памятниках до XV в., когда частотность его использования начинает возрастать (см. ниже).

В это же время в ряде памятников делового и бытового содержания, а также летописях и других сочинениях, находившихся за пределами стандартного церковнославянского канона, в сочетаниях с инфинитивом активно использовался другой фазовый глагол, которого также не знают старославянские и церковнославянские памятники, — глагол **почати**.

Древнейшее свидетельство использования **почати** с инфинитивом содержится в новгородском граффито 1050 г.: **почали дѣлати на стѣаго константина и елены** [Медынцева 1978: 56]. Встречается оно и в записи в Остромировом евангелии 1056—1057 гг.: **почахъ же є писати въ лѣтѣ .ѡ.Ѣ.ѡ.д.** [Остр.: 294б]. В берестяных грамотах в сочетании с инфинитивом используется только **почати** (8 примеров): **поцьньши насмихати** 752 (XI в.) [Янин, Зализняк 2000: 46—49]; **поченете (ч)етъ лести(ти)** Смол. 12 (сер. XII в.) [Зализняк 2004: 344]; **почьне п[ь]нати** 820 (60—70-е гг. XII в.) [Зализняк 2004: 370]; **пъцьне князь кѡпцьѣ надѣливати** 794 (посл. четв. XII в.) [Янин, Зализняк 2004: 25—26]; **поценеши тиро(вати)** 227 (XII в.)

пиша пороги. и приде Стѡславъ къ порогомъ. и не бѣ лъзѣ проити порогъ. и **ста зимовати** в Бѣлобережьи [ПСРЛ, 1: 73]. Аористная форма **ста** в этом примере является, скорее всего, не связкой, а полнозначным глаголом со значением ‘остановился’. Такое толкование подкрепляется иным написанием этого места в Ипатьевской летописи: ...**ста зимовать**... [ПСРЛ, 2: 61], где форма **зимовать** (с **ь** вместо **ѣ**), очевидно, является супином.

⁴ Оригинал этой грамоты до нас не дошел, но три ее копии (XVI в., XVII в. и XVII—XVIII вв.), имевшие разную судьбу, абсолютно тождественны в приведенном фрагменте.

[Арциховский, Борковский 1963: 49—51; Зализняк 2004: 375—377]; **поцне прошати** 406 (60—70-е гг. XIV в.) [Зализняк 2004: 593]; **поцнешь давать** 364 (посл. 20-летие XIV в.) [Там же: 606]; **поцне продавать** 129 (90-е гг. XIV в.) [Там же: 643]. В новгородских пергаменных грамотах **почати** с инфинитивом представлено 29 примерами, в том числе встречается в грамоте Мстислава 1130 г.: **даже которыи князь по мокъм княжении почынетъ хотѣти ѿпати оу стго геургия** [Ильинский 2000: 341]. В двинских грамотах — 5 примеров. В смоленских грамотах с инфинитивом один раз встречается **начати** и один раз — **почати** (в договоре Смоленска с Ригой и Готландом 1223—1225 гг.): **почынѣтъ сѧ кто ѿ нихъ просити вь иноую землю** [Смол. гр. 1963: 13]⁵. Инфинитивные сочетания с **почати** выступают также в древнейших московских грамотах; с середины XV в. *почну* встречается в них наряду с *учну* и *стану*, которые постепенно вытесняют его.

Выразительную статистику представляет Киевская летопись: **начати** + инфинитив — 147 примеров, **почати** + инфинитив — 94 примера⁶.

Помимо деловых, бытовых и летописных текстов, приинфинитивная связка **почати** изредка встречается в некоторых древних житийных, гомилетических и т. п. оригинальных и переводных памятниках восточнославянского происхождения, написанных гибридной разновидностью церковнославянского языка: **почынутъ наю птици бити въ полѣ половецкомъ** [СОПИ: л. 34 об.]; **почаста славити и хвалити нрода** [Ист.Иуд.в. 2004: 357629—30]; **поча помалѹ разѹмѣти домашнюю волестъ** [Там же: 377г17—18]; **почаста фрїамѣва дѣяти** [Там же: 469в3—4]; **почаша отроци мон бити и** (Пов. об Акире) [Григорьев 1913: 193]; **коли свинниа почнетъ на бѣлку лаати** (Сл. Дан. Зат.) [Зарубин 1932: 24] и др.

Как известно, нормой для стандартных церковнославянских текстов было **начати** + инфинитив. Поэтому даже в оригинальных русских сочинениях XV—XVI вв. в инфинитивных начинательных конструкциях представлено в основном **начати**, причем чаще всего в аористных формах (**нача смотрити, начаша искати** и т. п.): «Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году» (XV в., список XVI в.) — 26 примеров, «Сказание о Дракуле» — 6 примеров, «Повесть о посаднике Добрыне» — 2 примера, «Смиреннаго инока Фомы Слово похвально о благовѣрном великомъ князи Борисѣ Александровиче» — 20 примеров, «Сказание о Мамаевом побоище» — 33 примера, «Рассказ о смерти Пафнутия Боровского» — 23 примера и т. д. В то же время в «Повести о житии Михаила Клопского» (новг., кон. 70-х гг. XV в.) **почати** встречается 10 раз (почнете ловити; почаль по кѣльи темьяном кадитъ да и старца кадитъ учяль; почал пѣтъ; почали его звать Михайломъ; почаль беречи; почаль скорбѣти; почаль давати милостыню; почаль рукою двигати; почаль кто говоритъ; почали искати), тогда как **начати** — 4 раза (все аор.) и **учати** — 1: почаль по кѣльи темьяном кадитъ да и старца кадитъ учяль. Эта тра-

⁵ Большое количество примеров инфинитивных сочетаний с **почати** содержится в соответствующей словарной статье СДЯ XI—XIV вв. [7: 394—395].

⁶ См. http://www.lrc-lib.ru/rus_letopisi/Kiev/index.php (авт. работы И. С. Юрьева, ред. А. А. Пичхадзе).

диция продолжается вплоть до XVII в. Например, в «Повести о Савве Грудцыне» и «Повести о Карпе Сутулове», стилизованных под житийное повествование, в инфинитивных конструкциях употребляется только *начну*. Несколькo упрощая картину, можно сказать, что употребление инфинитивных конструкций с *начати* в русских текстах XV—XVII вв. свидетельствует об ориентации текста на стандартные церковнославянские образцы, тогда как использование инфинитивных конструкций с *почати* маркирует принадлежность текста к гибридной разновидности церковнославянского.

С начала XV в. в инфинитивных начинательных конструкциях отмечается глагол *учати*, *учну*⁷, причем сначала это только одиночные примеры, и только со 2-й половины XV в. инфинитивных конструкций с *учну* становится больше. Но уже в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина они абсолютно преобладают (только *л*-формы прошедшего времени: учили нас стреляти, не учили ся от меня крыти, ни жонь своих не учили крыти и т. п.), так же как и в «Домострое», сочинениях Ермолая-Еразма (формы презенса: учнут плакати; учнет мыслити и т. п.), «Повести о Еруслане Лазаревиче», «Притче о старом муже и молодой девице» и др. В «Стоглаве» *учну* в инфинитивных конструкциях употреблено 52 раза, *начну* — 12. В сочинениях Ивана Грозного *учну* также преобладает.

Глаголы-связки *стану*, *почну* и *учну* в этот период находятся в конкурентных отношениях. Например, в документах, собранных в издании «Памятники дипломатических сношений с империею Римскою I, 1488—1594» (СПб., 1851) представлено 155 примеров на *учну* наряду с 17 примерами на *стану* и 12 — *почну*. В «Памятниках дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией» (СПб., 1884) за период 1474—1505 гг. — 161 пример на *учну* наряду с 4 примерами на *стану* и 9 — *почну*; за период 1508—1521 гг. — 326 примеров на *учну* наряду с 21 примерами на *стану*, 1 — *почну* (а также 8 — *иму*) [Křížková 1960: 146]. В Псковской третьей летописи по Строевскому списку 1567 г. наряду с *начати* + инфинитив (68 примеров) представлено: *почати* — 26 примеров; *оучати* — 8; *стати* — 3 примера. В рязанских деловых документах XV—XVI в.: *учати* + инфинитив — 5 примеров; *стати* + инфинитив — 17 примеров; *начати* и *почати* — нет [ПРП XV—XVI вв.]. В «Памятниках южновеликорусского наречия. Кон. XVI — начало XVII вв.»: *начати* + инфинитив — 1 пример; *почати* + инфинитив — 6 примеров; *учати* — 31 пример; *стати* — 1 пример [Памятники южновеликорус. нар. 1990]. Еще в Уложении 1649 г. доминирует *учну*, хотя в 5 случаях отмечено *стану* [Черных 1953: 348]. В «Повести о Ерше Ершовиче» (кон. XVI — 1-я пол. XVII в.) 2 примера со *стану* и 3 — с *почну*. В «Повести о Горе-

⁷ Х. Кржижкова ошибочно приводит в качестве древнейшего примера употребления этого глагола цитату из Изборника 1073 г.: **акы свинна въ вѣрнии каалтиса въчнемъ** (δίκην χοίρων βορβορέφ χυλινδουμένοι) 386 5—7 [Křížková 1960: 141], в которой на самом деле выступает глагол **въчати** [ССЯ, 1: 354—355 и др.].

Злочастии» (XVII в.) в двух случаях с инфинитивом используется *учну* и в двух — *стану*.

Но уже у Аввакума в этой конструкции преобладает *стану* [Сосрон 1962: 239—249]. В сказочной Повести об Азове (XVII в.) *стану* с инфинитивом употреблено 6 раз, *почну* — 11 раз и 1 раз — *зачали*. В «Повести о Фроле Скобееве» (нач. XVIII в.) — только *стану* (только л-формы: 31 р.); аналогично в «Повести о Карпе Сутулове», «Калязинской челобитной» (*начну* — 1, *стану* — 5, *учну* — 1) и др.

Заключая этот обзор, можно констатировать, что в древне- и старорусских письменных памятниках до XVI—XVII вв. наблюдается следующее распределение: в текстах, написанных стандартным церковнославянским языком, в сочетаниях с инфинитивом употребляются глаголы **начати**, **хотѣти** и **имѣти** (парадигма которого смешивается с формами глагола **пати**, **иму**); а в текстах, написанных гибридным языком, а также деловых и бытовых документах наряду с ними или вместо них используется глагол **почати** (редко **начати**) и лишь одиночными примерами представлен глагол **стати**. Глагол **оучати** использовался в русских текстах (преимущественно из северных и центральных областей России) в течение сравнительно короткого периода времени — приблизительно со 2-й половины XV в. до 2-й половины XVII в.

Сочетание инфинитива с глаголом **почати** засвидетельствовано в текстах по всей восточнославянской территории начиная с XI в. и до Новейшего времени. Судя по фольклорным и диалектным материалам, на всей этой обширной территории оно поддерживалось и разговорным узусом⁸. Как получилось, что в дальнейшем не только характерные для церковнославянских текстов модальные глаголы **имѣти** и **хотѣти**, но и бытовавшие в гибридных текстах, наряду с **начати**, фазовые глаголы **почати** и **оучати** не прижились в русском языке? Почему в XVII в. их вытеснил глагол *стать*, превратившийся, наряду с *начать*, в стандартное средство выражения начинательного значения в русском языке? Семантических оснований для этого процесса в XVII в. быть не могло, так как грамматикализация этих глаголов в сочетаниях с инфинитивом произошла задолго до Нового времени.

Можно полагать, что скудные свидетельства связочного употребления глагола **стати** с инфинитивом в древнерусских документах не отражают реального распространения этой конструкции в древнерусском разговорном языке. Существование и развитие каких-то грамматических явлений, свойственных славянским языкам в древности и проявляющихся в их современном состоянии, могло не оставить следа в письменных памятниках, поскольку те разновидности языка и те текстовые жанры, с которыми они были связаны, вообще не предполагали письменной фиксации — например, древняя устная речь в ее региональных и социальных разновидностях,

⁸ Некоторые диалектные данные приведены в [Виноградова 1973, 4: 178].

фольклорные тексты и т. п. На это соображение наводят данные других славянских языков, из которых следует, что использование глагола **stati* в инфинитивных сочетаниях является общеславянским, а отнюдь не специфически русским явлением.

Так, в современном украинском языке конструкция *стати* + инфинитив возможна в принципе в тех же контекстах, что и в русском: *стала вона до діброви учацати* [УРС, 5: 480]; *ой став козак царь-зілля копати, стала над ним зозуля кувати; став божий світ світати, стали вони на коні сідати* [Грінченко 4: 194]; *ми стали співати — zaczęliśmy śpiewać* [Юрковський, Назарук 2003: 438] и др. При этом, как и для русского *стати*, для украинского *стати* в инфинитивном сочетании невозможен собственно императив⁹, причастные, деепричастные и инфинитивные формы. Сверх того, в украинском *стати* может выступать в несов. виде: *серце стає битися* [УРС, 5: 480]. Следует, однако, отметить, что начинательные конструкции со *стати* используются в украинском языке существенно реже, чем с *почати*.

Белорусский глагол *стаць* в начинательной функции также менее употребителен, чем в русском. В «Русско-белорусском словаре» приводятся следующие эквиваленты для русских предложений: *он стал заниматься в вечерней школе — ён пачаў (стаў) займацца ў вячэрняй школе. Но: что ты станешь делать? — што ты будзеш рабіць?, што ты зробіш?; я перед ним унижаться не стану — я перад ім уніжацца не буду; я не стал бы тебя беспокоить, если бы не крайняя надобность — я б цябе не турбаваў, калі б не пільная патрэба* [РБС, 3].

Аналогичным образом используется в польском языке глагол *stać* с инфинитивом: *Stala kołysać; Stał sikać wodą, budzić; Przypomniała sobie baba dziewic wieczór i płakać stała. Orzesz. [SJP, 6: 381]; Ona z ultajstwa grzeszyćby stała* Tyg. il. 1. X. 267; *Stalać go kołysać, stałać rzewnie płakać* Zb. VI. 118; *Staną sikać wodą. Stał sikać wodą* Wisła III, 84; *Stał budzić* Kozł. 142. W temże znac. Chełm. II, 83 [SGP, 5: 217].

В словацком языке представлено сочетание *stade* + инфинитив: *stade dobre vidiet'* [KSSJ 2003].

В сербском и хорватском языках сочетание фазового глагола *стати* (а также *постати*) с инфинитивом используется довольно часто: *стаде говорити* 'начал говорить' [Толстой 1976: 568]; *Једна је девојка стала плакати*. Макс.; *Са планина и облака стаде у долину силазити сумон*. Матош. [РСХКЈ, 5: 1005]; *Usta čoban, usta I devojka, pa se staše opremati na jezero*. 48; *Kad oružje staše djeliti, men' dadoše staro zargjalo*. Нрј. 1, 428; *Sta se dobra konja prihvatati*. 2, 157; *Ako se obratite k meni I stanete držati zapovijesti moje i tvoriti ih, zabraću vas*. Nem. 1, 9 [RHJ, 2: 470]; *Kad stane potresat*

⁹ Хотя, как и в русском, возможны несобственно императивные формы типа: *стань ему возражать — и такое услышишь!* Аналогично в украинском: *стань його вчить, то воно й слухать не хоче* [Грінченко 4: 194].

zlatima kosami. Š. Menčetić 11. *Stanimo, ljubavi, gledati vil ovu!* 61. *Sta néga većeokrat veselo moliti*. Lukarević 267. *Blavor se ustavi ter me sta čekati*. Vetrican 2, 143. *Mi smo stali odi (ovdje) karat se*. M. Držić 407. *Misal mi zbirat sta priliku...* Oresta. Zlatarić 21^a. *Tako sta govorit*. 87^b. *Djevica... sta to negovo neizrečeno djelovanje razmišlati*. A. Gučetić roz. mar. 125. *Tim veće krat stah vapiti*. Gundulić 259 и др. [RHSJ, 16: 457]. Хотя больше распространены в сербском и хорватском конструкции с союзом *da* и презенсом, причем чаще не со *стати*, а с *почети*, *отпочети* и др.: *Жито стане да сазријева*. Топ [РСХКЈ, 5: 1005].

В современных болгарском и македонском языках инфинитив отсутствует, но, по данным Ф. Миклошича, эта конструкция зафиксирована в болгарской рукописи, содержащей Жития Георгия, Николая и Петки, XVII в.: **станать почъсть приѣмати** [Miklosich 1862—1865: 882].

Таким образом, *stati* в качестве приинфинитивной связки представлено практически во всех славянских языках, хотя возможно, что в других славянских языках это сочетание распространено менее широко, чем в современном русском¹⁰. Существенно, однако, что конструкция *stati* + инфинитив фиксируется не только в литературных языках, но и в просторечии; причем в просторечии она представлена в большей степени, что, безусловно, указывает на ее праславянское происхождение¹¹.

Тем не менее, в отличие от также просторечного **почати**, с давних пор довольно активно использовавшегося в сочетании с инфинитивом в гибридной разновидности церковнославянского языка, **стати** с инфинитивом отражено в древнерусских источниках лишь единичными примерами. К сожалению, состояние изученности письменных источников не позволяет реконструировать механизмы семантико-синтаксического развития подобных явлений, равно как и особенности их функционирования на разных этапах истории. Ясно лишь, что решающим в данном случае было воздействие книжного узуса, в разные исторические периоды допускавшего в этих конструкциях одни связочные глаголы и не допускавшего другие.

Активизация приинфинитивного *стати* в текстах XVI — начала XVII в. хронологически совпадает со временем, когда в силу разнообразных культурно-исторических причин в России началось формирование но-

¹⁰ К сожалению, трудно составить представление о наличии и тем более о степени распространенности этой конструкции в других языках по имеющимся лексикографическим описаниям, поскольку обычно их составители не отражают эту информацию в словаре. В частности, в большинстве словарей русского языка соответствующие сведения о глаголе *стать* не приводятся.

¹¹ Косвенным свидетельством древности использования **стати** в фазовом значении является зафиксированная в древнейших славянских памятниках конструкция **прѣстати** + инфинитив: **не прѣсташтоу испоуштати еп(нскоу)пы въ всѣ страны еззыкъ** Supr 535, 5; **не престахоу тоужати са** non destitit... laborare Bes 19 19,91aa 23 sq (**не престахоу** Synod 76 14) [ССЯ, 3: 487].

вого литературного языка. Такое совпадение не может быть случайным. Как известно, значительную роль в этом процессе играли новые русские переводы, в частности переводы с польского языка, сблизившие русский письменный узус с разговорным языком. Влияние передовой польской культуры и польского языка приводило к усвоению русским языком и русской письменностью разнообразных полонизмов. С другой стороны, замечено, что чуткие к языку юго-западные писатели и культурные деятели, обосновавшись в Москве, старались освободиться от украинизмов, белорусизмов и полонизмов [Житецкий 1903]. Глагол *почати*, весьма характерный для польского языка (польск. *почаć*), был широко распространен и в украинском и белорусском языках. И в современных украинском и белорусском языках глагол *почати* с инфинитивом является доминирующим средством выражения начинательности, в отличие от *стати* + инфинитив. Можно полагать, что вследствие этого глагол *почати* в XVI—XVII вв. мог восприниматься русскими переводчиками как польский или украинский или относящийся к низкому «штилю» и на этом основании был решительно отвергнут.

Подтверждение этому можно найти в «Назирателе» — практическом руководстве по сельскохозяйственным работам, переведенном на русский язык с польского в XVI в. Глагол *почати* (*починати*), совпадающий с польским *почаć* (*почynać*), употреблен здесь всего 2 раза: (**почнет линиати** 148 об.18 *почyna linię* 129¹²; **починают вѣлати** 6 об.14 *почynaiać wiać* 7). Польские инфинитивные сочетания с *почаć* (*почynać*) регулярно передаются в русском переводе инфинитивными сочетаниями с *начати*, *начинати*: **начнет тягнути** 76.6—7 *почnie... ciągnąć* 67; **начнетъ... павлятися** 131 об.3—4 *почnie się wkazować* 117 и т. д. (всего 19 примеров). При этом *стати* с инфинитивом употреблено в этом памятнике 18 раз, и это *стати* почти во всех случаях выступает в соответствии с *być*, *będzie* в польском тексте: **станешь приходити** 24.2 *będziesz przechadzał* 19; **станѣть тамо видати** 24.6 *będą widać* 19; **станѣт к нимъ приходити** 27.11; **станѣт рости и множитися** 27 об.7 *będzie się kochać* 22; **станѣт черпати** 35.11; **станетъ давати** 71.9 *będzie dawało*; **станетъ ѿмоложатися и розростатися** 76.10 *imye się odmładzać u rozrastać* 67; **станетъ в'сходити** 97 об.13 *będzie... wseźedł*; **стала бы родити** 108.16 *będzie rodzić*; **станет вѣшатися** 113 об.6 *będzie osuszała*; **станет розростатися** 171.1; **станетъ лежати** 180.6 *będzie leżało*; **станѣт... понихати** 182.2—3 *będzie... popuchało* 156; **станѣт... сѣшити** 182.12—13 *będą suszyć* 156; **станет наклонятися** 190 об.7—8 *почnie zwieszać* 162; **станем сказывати** 192.11 *będzie powiadanie* 202; **станетъ цвѣсти** 197 об.12 *będzie kwitnąć* 206; **станѣть... рости** 203.18 — 203 об.1 *będą się kochały* 211.

Интересный материал дает также сопоставление русского перевода романа о Петре Златых Ключей, выполненного в 1662 г., с его польским ори-

¹² Цитаты приводятся по изданию [Назиратель 1973].

гиналом *Historia o Magielonie* [Кузьмина 1964]. Русский переводчик довольно свободно обращался с текстом оригинала, добиваясь естественности в переводе. Тем показательнее, что в инфинитивных начинательных конструкциях переводчик регулярно использует глагол *стать*. Он представлен в этих конструкциях 84 раза, тогда как глагол *почати*, соответствующий польскому *почąć*, — всего 4 раза. В большинстве случаев там, где в русском переводе употреблено *стать*, в польском тексте представлены либо конструкции с глаголом *почąć* (*почął po placu przejeżdżać* — *стал по тому месту ездить* 279, *почął narzekać i lamentować* — *стал горько плакать от воздыхания сердца своего* 303, *почęła... wolać* — *стала великим гласом кричать* 306 и т. д.), либо простые глагольные *l*-формы (*go natawiał* — *стал ему говорить* 276, *czekał* — *стал ждать* 279, *wszyscy... dziwowali* — *стали все дивиться* 279, *pytała* — *стала... спрашивать* 310 и т. п.). Только в одном случае в оригинале употреблена связка *stać* — и переводчик сохраняет ее: *O злый стал, окрутный стал я ныне* (в оригинале: *Iak zły a okrutny stał się dziś*).

Насколько эффективной была деятельность творцов нового русского языка в развитии этой тенденции, можно судить по ее плодам в XVIII в. В содержащихся в НКРЯ русских письменных текстах XVIII в.¹³ инфинитивные сочетания с *почать* (*починать*) вообще отсутствуют, тогда как инфинитивные сочетания со *стать* представлены 35 примерами, а *начать* (*начинать*) + инфинитив — 1149 примерами. Косвенное указание на лингвистическое значение этой конструкции в XVIII в. содержится в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова при объяснении словообразовательной семантики глаголов усиливающегося действия: «Разъ с приложением ся на конце глагола показывает увеличение силы или охоты в деле: разоспаться, разговориться, разкричаться, раскататься, то есть: стать отчасу крѣпче говорить, кричать, качаться» [Ломоносов 1755: 417].

В XIX в., по данным НКРЯ, глагол *почать* (*починать*) с инфинитивом встречается крайне редко и только в контекстах, имитирующих народную речь: в выборке за 1801—1917 гг., включающей 35 566 398 словоупотреблений в 2801 документе, он представлен лишь 32 примерами, тогда как *стать* + инфинитив — 580 примерами.

В современном русском языке и сам глагол *почать* и указанная конструкция еще более редки: в выборке из 39 995 документов общим объемом в 125 156 076 словоупотреблений глагол *почать* (*починать*) с инфинитивом представлен 41 примером. Это не удивительно, поскольку этот глагол находится в современном русском языке за пределами литературной нормы и используется только в стилистически сниженных контекстах (ср. *Дак и то: коня, бывало, почнешь к хомуту приучать, весь измочалится конишко-то...* (Евгений Носов. И уплывают пароходы, и остаются берега (1970)).

¹³ Подкорпус XVIII в. в НКРЯ еще далек от полноты, тем не менее он позволяет проводить достаточно представительные выборки по 800 документам, включающим 2 660 522 словоупотреблений.

Сравнив эти сведения с данными о частотности употребления в современном русском языке глагола *стать*, которые приведены в начале статьи, можно оценить динамику популярности, которую начинательные конструкции со *стать* приобрели всего за три века.

Л и т е р а т у р а

Арциховский, Борковский 1963 — А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963

Борковский 1931 — В. И. Борковский. О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку // Труды комиссии по русскому языку АН СССР. Л., 1931. Т. 1. С. 1—71.

Борковский, Кузнецов 1963 — В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.

Виноградова 1973 — В. Л. Виноградова. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Вып. 4. М., 1973.

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.

Грамматика 1980 — Русская грамматика. Т. 1—2. М., 1980.

Григорьев 1913 — А. Д. Григорьев. Повесть об Акире Премудром. Исследование и тексты. М., 1913.

Грінченко — Б. Д. Грінченко. Словарь української мови. Т. 1—4. Київ, 1907—1909.

Житецкий 1903 — П. И. Житецкий. К истории литературной русской речи в XVIII веке // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. Т. 8. Кн. 2. СПб., 1903. С. 1—51.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995—2003 гг. М., 2004.

Зализняк, Шмелев 2002 — Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Семантика 'начала' с аспектологической точки зрения // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2002. С. 211—224.

Зарубин 1932 — Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам / Приготовил к печати Н. Н. Зарубин. Л., 1932. (Памятники древнерусской литературы; Вып. 3).

Ильинский 2000 — Г. А. Ильинский. Юрьевская грамота 1130 г. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2000 М., 2000. С. 321—356.

Ист.Иуд.в. 2004 — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод / Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. Т. 1—2. М., 2004.

Короткова, Сай 2006 — Н. А. Короткова, С. С. Сай. Глагол *стать* в русском языке: семантика, синтаксис, грамматикализация // Третья конф. по типологии и грамматике для молодых исследователей (Санкт-Петербург, 2—4 ноября 2006 г.): Материалы. СПб., 2006. С. 96—101.

Корецкий 1955 — В. И. Корецкий. Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю // Исторический архив. 1955, № 5. С. 204—207.

Кузьмина 1964 — В. Д. Кузьмина. Рыцарский роман на Руси. Бова, Петр Златых Ключей. М., 1964.

- Ломоносов 1755 — М. В. Л о м о н о с о в. Российская грамматика. 5-е изд. СПб., 1755.
- Медынцева 1978 — А. А. М е д ы н ц е в а. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI—XIV века. М., 1978
- Назиратель 1973 — Назиратель / Изд. подгот. В. С. Гольщенко, Р. В. Бахтурина, И. С. Филиппова. М., 1973.
- НПЛ 1950 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.
- Остр. — Остромирово евангелие 1056—1057 года / Изд. А. Востоковым. СПб., 1843.
- Падучева 2004 — Е. В. П а д у ч е в а. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Памятники южновеликорус. нар. 1990 — Памятники южновеликорусского наречия. Конец XVI — начало XVII в. М., 1990.
- ПРП XV—XVI вв. — Памятники русской письменности XV—XVI вв. Рязанский край / Изд. подгот. С. И. Котков, И. С. Филиппова; Под ред. С. И. Коткова. М., 1978.
- ПСРЛ, 1 — Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. СПб., 1864.
- ПСРЛ, 2 — Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб., 1908.
- РБС — Русско-белорусский словарь: В 3 т. 8-е изд. Минск, 2002.
- РСХКЈ — Речник српскохрватскога књижевног језика. Нови Сад; Загреб. 1967. [Друго фототипско издање. 1990].
- СДЯ XI—XIV вв. — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.) Т. 1—8. М., 1988—2008.
- Семенов 1959 — А. И. С е м е н о в. Неизвестный новгородский список грамоты князя Изяслава, данной Пантелеймонову монастырю // Новгородский исторический сборник. Вып. 9. Новгород, 1959. С. 245—249.
- СлРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1—16. СПб., 1984—2006.
- Смол. гр. 1963 — Смоленские грамоты XIII—XIV веков / Подгот. к печ. Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин; Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1963.
- СОПИ — Слово о полку Игореве. Цит. по факсимильному воспроизведению Екатерининской копии в кн.: Слово о полку Игореве. М., 2003.
- Срезневский 1860 — И. И. С р е з н е в с к и й. Грамота великого князя Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю (1130 года). СПб., 1860.
- ССЯ — Словарь старославянского языка, изданный Чешской Академией наук в период с 1966 по 1997 г.: В 4 т. СПб., 2006.
- Толстой 1976 — И. И. Т о л с т о й. Сербскохорватско-русский словарь. 4-е изд. М., 1976.
- УРС — Українсько-російський словник / Головний ред. І. М. Кириченко. Т. 1—6. Київ, 1953—1963.
- Черных 1953 — П. Я. Ч е р н ы х. Язык Уложения 1649 года: Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги. М., 1953.
- Юрковский, Назарук 2003 — М. Ю р к о в с ь к и й, В. Н а з а р у к. Українсько-польський; польсько-український словник. Київ, 2003.

Яковлева 1953 — А. П. Яковлева. К истории форм будущего времени в древнерусском языке (на материале некоторых новгородских и московских памятников письменности русского языка). М., 1953.

Янин, Зализняк 2000 — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990—1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их вне-стратиграфическое датирование. Т. 10. М., 2000.

Bybee, Perkins, Pagliuca 1994 — J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago; London, 1994.

Cocron 1962 — F. Cocron. La langue russe dans la seconde moitié du XVIIe siècle (morphologie). Paris, 1962.

Kiparsky 1967 — V. Kiparsky. Russische historische Grammatik. 2: Die Entwicklung des Formensystems. Heidelberg, 1967.

Křížková 1960 — H. Křížková. Vývoj opisného futura v jazycích slovanských, zvláště v ruštině. Praha, 1960.

KSSJ 2003 — J. Kačala, M. Pisárčiková, M. Považaj. Krátky slovník slovenského jazyka. Bratislava, 2003.

Miklosich 1862—1865 — F. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1865.

RHJ — Rječnik hrvatskoga jezika / Skupili i obradili dr. F. Iveković i dr. Ivan Broz. Sv. 2. Zagreb, 1901.

RHSJ — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika / Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti; Obradili: J. Jedvaj, S. Musulin, J. Nagy, S. Pavešić, S. Pavičić, S. Pelz, P. Rogić, M. Stojković, S. Zivković. 1—19. Zagreb, 1880—1967.

SGP — Słownik gwar polskich / Ułożył Jan Karłowicz; Tom 5 do druku przygotował J. Loś. Kraków, 1907

SJP — Słownik języka polskiego / Ułoż. pod red. Jana Karłowicza, Adama Kryńskiego i Władysława Niedźwiedzkiego. T. 6 (s — ś). Warszawa, 1909.

И. И. МАКЕЕВА

АКЦЕНТНАЯ МИКРОСИСТЕМА РУССКОГО ИНОЧЕСКОГО СБОРНИКА XVII ВЕКА *

В рукописных собраниях иноческие сборники составляют небольшую часть фонда и датируются XVI—XVII вв. Как правило, внимания исследователей они не привлекают. Несколько таких рукописей имеется в собрании Овчинникова Российской государственной библиотеки. Их состав различен: от сочинений Иоанна Златоуста и других отцов церкви, традиционно составлявших большую часть сборников разного времени, до практических наставлений инокам. Такой состав и предназначение рукописных памятников позволяют предполагать, что в них в разной степени может быть отражена не только свойственная церковнославянским текстам акцентуация, но и народная, фиксирующая современные рукописи процессы.

Рукопись № 596 из собрания Овчинникова (Сборник иноческий, или Цветник), XVII в., 8°, имеет 314 листов (311 листов + 152а, 215а, 307а). Начало и конец списка не сохранились; возможно, есть лакуна в середине (после листа 109 об.). Рукопись написана одним почерком — крупным, четким и даже красивым полууставом по 20 строк на листе. Иногда чтение затруднено из-за осыпавшейся под чернилами бумаги и из-за реставрационных заклеек.

Большую часть сборника составляют «Слова» и «Поучения» Иоанна Златоуста и Исаака Сирина (последние доминируют). Кроме того, есть два произведения Илариона Великого¹, «Слово похвально от старчества о иноческом образе» (л. 111—122 об.), «Житие Марка Фраческого» (л. 13 об. — 34)².

Писец использует стандартный набор графем. Употребление **з** ограничено корнем *зло-* (*словъ* 54, *словѣми* 56 об.) и отдельными словами (*злѣта* 150 об., хотя *злѣто* 302 об., *ѡ востѣ* 114 об. и др.).

* Работа выполнена при поддержке Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущей научной школы Российской Федерации НШ-3402.2010.6.

¹ Атрибуция произведений указанным авторам в данном случае не рассматривается.

² Возможно, это «Житие» является патериковым текстом.

Позиционное распределение имели **ѣ**, употреблявшаяся в начале слова (**ѣ**ко 115, **ѣ**зыки 112, хотя **ѣ**ко 121), и **ѡ**, отмечаемая после мягких согласных и после гласных (**ж**итѣѡ 115, **з**ѡлцы 116, **в**ѡлѡ 185).

В начале слова и в предлоге и приставке **о** писец использовал **ѡ** («о широкое») и **ѡ** (**в**бращѣтъ 118 об., **ѡ** немъ 122, **ѡ** свѣщихъ 115, **ѡ**бразѡ 111, **в**бразы 118 об., **ѡ**дѣѣнїе 111 об.)³, в предлоге и приставке **отъ** — **ѡ** (**ѡ** 119, **ѡ**лагѡлѡ 119 об.). В остальных позициях употребляется **о** (**з**аходѡлѡ 119, **г**лавѡю 121). Иногда в середине слова встречается **ѡ** (**м**нѡгоимѣтелныи 114, **м**нѡжае 113, **м**нѡго 118 об., **ѣ**нѡкыхъ 113). Писец старается следовать тенденции писать **ѡ** в ударном слоге в формах множественного числа существительных (редко — прилагательных и местоимений) разных акцентных парадигм. Отступления от такого принципа нередки. Во-первых, **ѡ** встречается в безударных слогах, во-вторых, пишется в формах единственного числа, в-третьих, вместо **ѡ** во мн. ч. может быть употреблено **ѡ**. В родительном и дательном падежах мн. ч. писец пишет **ѡ** преимущественно в окончании, в остальных формах — в основном в корне, редко в приставке, суффиксе или флексии: Р.: **д**ѡхѡвъ 188 об., 305, **ѡ** дрѡхѡвъ 186 об., **в**ѣсѡвъ 26 об. — 27, 73 об., 90 об., 92 об., 94, 114, 115 об., **в**ѣдѡвъ 69, **ѡ** срѡдникъ 186 об., **с**лѡжны^х 257; Д.: **в**ѣсѡмъ 94 об., 151 об., **в**рагѡмъ 150 об., **в**ѣкѡмъ 104 об., 114 об., **в**ѣкѡмъ 49, **в**ѣкѡмъ 60, **г**рѣхѡмъ 57, **г**рѣшникѡмъ 204, **м**нѣхѡмъ 149 об., **н**едостѡткѡмъ 311, **с**кѡрѡемъ 209 об., **ч**инѡмъ 160; И. и В.: **в**ѣсѡве 21, **в**ысѡкыѡ 116 об., **г**ѡры 116, **г**рѡвы 289 об., **д**ѡрѡве — **д**ѡрове 176 об., **д**ѣѡкны, **еп**ѣскѡпы 287, **ѣ**нѡцы 113, **н**ѡгы 93, **п**ѡдѡвыгы 80 об. (остальные словоформы написаны с **ѡ**), **р**азѡвѣннѣцы 307, **ст**ѡпы 209 об.; М.: **п**ѡ **з**акѡнѣ^х 159, **з**акѡнѣ^х 156, **в** кѡстѣ^х 305, **в** **н**едѡгѡхъ 89 об., **в** **п**ѡкѡстѣхъ 251 об.; Т. **с**лѡвами 56 об. Ср. также написание словоформ отдельных лексем: **х**ѡлмы (В.) 116 об., **н**ѡ **х**ѡлмѡхъ 118 об., **х**ѡлмѡвъ 103 об.; **пр**ѡрѡкѡмъ (Д.) 148 об. — 149, **пр**ѡрѡкы (В.) 149; **с**лѡвѣсѣ 217 об., **с**лѡвѣсѣ 234 об.; **к**ѡзнѣ (В.), **к**ѡзнѣ (И.) 287; **п**ѡмыслѡмъ (Д.) 57 об., **п**ѡмыслы (И.) 67, (В.) 150, **п**ѡмысли (И.?) 76 об., **п**ѡмысли (И.) 82 об.; **м**ѡлвы (Р.) 66 об., 145 об., **м**ѡлвы (Р.) 145 об.; **с**кѡрѡи (В.) 102, **с**кѡрѡи (Д.) 209, **с**кѡрѡи (Р.) 103.

В начале слова писец пишет диграф **ѡѣ**; графема **ѡѣ** встречается в остальных позициях (**п**ѡманѡвши 120 об., **к**лѡчѡемѡ 121, **ѡѣ**шѣма 117). Диграф **ѡѣ** и **ѡѣ** не в начале слова встречаются также в случаях, когда они являются начальными гласными корня, находящегося после приставки: **н**ѡѡѣкъ 48 об., **с**ѡѡѣзѡ 51 об. и др.

Перед гласными пишется **ї** при **н** в остальных случаях (**н**грѡнїѡ 117, **ѡѣ**тїшїи 117 об.). В позиции конца строки или близко к концу строки вместо **н** может быть написано **ї**: **м**їра/ 115, **к**лї/ча 117, **т**їши/ны 259. Такая же замена графем безотносительно к началу/концу строки представлена в союзе **и**. Как кажется, определяющим при написании **ї** является начало

³ В приводимых далее примерах «о широкое» передается как **ѡ**.

следующего слова: первой буквой должна быть гласная. См., например, в «Слове похвальном от старчества о иноческом образе»: **ѿ ѿбразъ**, **ѿ ѿно** 111 об., **ѿ омываѣтсѧ** 112, **ѿ ополчаѣютсѧ**, **ѿ ѡ** 113, **ѿ инѣи** 116, **ѿ ѿбразѧ** 117, **ѿ дѣглы**, **ѿ естество** 120, **ѿ ѿнь** 120 об., **ѿ единъ** 121, **ѿ ещѣ** 121 об., хотя и **ѿггли** 112, и **овлещисѧ** 112 об., **ѿ сѧны** 113, и **ѿвратѣти** 113 об., **ѿ смирено**, **ѿ горко** 114, и **ѿчи** 116, **ѿ прѣйтъ** 120 об. По-видимому, это чисто графический прием.

Выносные буквы относительно немногочисленны, некоторые регулярно пишутся под покрытием. В качестве выносных выступают, причем нередко в конце строки, **о, с, х, з, ж, г, д, н, т, м, л, к, в** (**прѣ**^т 117 об., **влѣтъ** 112, **прорѣомъ** 118, **чи**^н 111, **бываѣ**^т 111 об., **аплан** 111 об., **вѣгрѣшно** 112 об., **ѿводи**^м / 112 об., **сатанѧ**^л / 112 об., **тѣ**^х / **мѣстѣ**^х, **егѣ**^х / 112 об., **ѿно**^к 114, **грѣ**^б 48 об., **овлечѣтъ** **ти сѧ** 266 об.). Только на границе строки как выносные могут быть написаны и другие буквы, в том числе лигатура **гѡ** (**ѿггльска**^{гѡ} / 112, **оутѣшающѧ**^{гѡ} / 119 об., **жилицѧ**^а / 114 об., **восходащѣ**^е / 116 об., **молитѣ**^ѣ / 50 об., **сѣдѣшѣ**^н / 51 об.).

В Овч-596 в целом еще сохраняется этимологическое написание **ѣ** в корнях слов, тогда как редуцированные в корнях и суффиксах писец пишет редко, несколько последовательнее — в предлогах. Во флексиях 3 лица настоящего времени глаголов обычным является написание **-тъ**.

Из лексических особенностей рукописи можно отметить следующее. На л. 222 в принадлежащем Исааку Сирину произведении встретился глагол **поглитатисѧ** (**в любви поглитаѣтсѧ**) «быть поглощенным», отмечаемый, как кажется, в русской письменности только у этого автора⁴.

Из морфологических особенностей можно указать совпадение форм родительного и местного падежей мн. ч. отглагольных существительных среднего рода на **-ие** и мужского рода на **-тель**: **искѣшенѣи** (Р. мн. ч.) 176 об., **в похотѣхъ** и **сквернѣхъ помышленѣихъ** 18, **во... застѣпленѣи**^{хъ} 191 об., **ѡ свой поползѣнѣи**^{хъ} 198 об., **ѿ... попеченѣи** 273 об. при **претерпѣти искѣшенѣи**^{хъ} 177 об., **ѿ заоушенѣи**^{хъ} 178 об., **ѡ мѣздѣ дѣлателѣихъ** 201 об., **всѧкон пѧмѧти** и **видѣнѣихъ** 240, **в чювьствѣихъ кромѣ ѡвраженѣихъ** и **в пѧмѧти кромѣ страсти** и **помышленѣихъ кромѣ поощренѣи** 246 об.⁵ У этих же имен существительных среднего рода засвидетельствована форма творительного падежа мн. ч. на **-ми**: **искѣшѣми** 134—134 об., **непщѣвашѣми** 214 об. — 215а, **видѣнѣми** 254 об. при **с частыми срѣтенѣи** 215а. Из отдельных словоформ внимания заслуживают **овощми** 9, **днѣвъ** 37 об.,

⁴ См. [СлРЯ 1989: 186], где приведен единственный пример из «Слов» Исаака Сирина в списке 1416 г.: **поглитаѣтсѧ разум ихъ въсегда от подобныхъ снмь**.

⁵ Не ясно, должно ли быть отнесено к этой же группе примеров (хотя речь идет о существительном женского рода) **ѿвращѣи** и **сѣ ѿ мысли и** 208 об. Предполагать, что, скорее всего, здесь имеются два слова (существительное и местоимение), позволяет написание рядом двух **ин**, тогда как внутри слова писец обычно перед **и** пишет **ѣ**.

пѣтѣвъ 280 об., ѿ зачала пѣтѣю 84 (ср. ѿ пѣтѣи 90 об.), сопротивна **вѣразовѣ** рѣзѣма 156 при сохранении таких форм, как, например, **в ризахъ позлащеннахъ** 298.

В Овч-596 глагол **воитисѧ** употребляется не только с обычным беспредложным родительным падежом (**воицимисѧ бѣа** 307), но и с предложением *отъ + существительное в форме родительного падежа*: **ѿ своѣа сѣни воитсѧ** 135, **ѿ часа смѣртнаго воитсѧ**, **ѿ срѣтенїа сѣда воитсѧ** 221 об., **ѿ смѣрти воитсѧ** 222, **ѿ сѣда вѣїа воитсѧ** 222 об. Такая конструкция встречается в памятниках церковнославянской и русской (в том числе деловой) письменности, причем начиная с раннего времени. Она известна еще в старославянском языке: **нѣ не вон сѧ отъ мжкѣ** Supr 16, 7 **μῆ φοβηθῆς ἐν ταῖς βασάνοις; да воит се ѿ лица г(осподь)на всака патъ** Zch 2, 13 **Cl εὐλαβεῖσθω... ἄλλο προσώπου** [ССЯ, 1: 138—139]⁶.

Языковых особенностей, по которым можно хотя бы приблизительно локализовать место создания рукописи, не отмечено. Написания 1 лица мн. ч. настоящего времени **подражаимъ** 44, **притажѧ/вѧимъ** 283 об. и **оумѣнѧютсѧ** 252 (мена начальных *в/у*?) не показательны.

Писец рукописи Овч-596 использует следующие надстрочные знаки: ´ (оксию), ` (варию), ´ (спиритус), ˆ (исо — сочетание спиритуса и оксии), редко — сочетание спиритуса с вариет (над формами местоимений, состоящими из гласной), а также камору ˆ. Постановка знаков вполне традиционна и может быть охарактеризована как старопечатная система [Зализняк 1985: 201]. Спиритус ставится над начальной гласной слова и над второй из двух стоящих рядом гласных: **ѿвѣинахъ**, **кѣ/зѣѧхъ** 115. Исо пишется над начальной гласной слова и над второй из двух стоящих рядом гласных в середине слова: **ѧко** 116, **ѧхъ** 115, **своѧма** 116. Акцентными знаками являются вариет (ставится над конечной гласной фонетического слова) и оксия, в том числе в составе изо (ставится над неконечной гласной фонетического слова). Оба знака крупные, величиной с буквы или даже длиннее.

Писец в основном точно над буквой проставляет все надстрочные знаки, в том числе акцентные оксию и варию. Встречается сдвиг знака вправо или влево и его написание над согласной: **ѣтъ** 156, **ѣлѣжѣ** 311 об., **земѧла** 114 об., **плѣтъ** 148. Нередко помехой для постановки акцентного знака над гласной и, как следствие, причиной его написания над согласной становится элемент буквы из предыдущей строки: **возвѣрѣи** 190 об., **враиен** 126, **вражда** 113, **в ницѣтѣ**, **во алкотѣ** 114 об. Иногда при отсутствии такой очевидной помехи знак сдвинут из-за того, что для длинной оксии или вариет, которые ставит писец, недостаточно места над гласной:

⁶ В Картотеке древнерусского словаря (КДРС) имеется пять примеров такой конструкции, причем два из них — из деловых источников: **не вошасѧ ѿ дѣлѣ своихъ** (Апокал. 72 об. XII—XIII вв.); и от всякого боится (Ерм.-Ер. л. 200 об. XVI в.); **не воитсѧ ѿ оубивающихъ тѣло** (Скрижаль IV, 22, 1656 г.); боясь от воинскихъ людей (Сл. и д. I, 331, 1634 г.); **вояца ѿ кѧмьщкѧ людей и ѿ чевана моуѣзы** (Астрах. а. № 3020, сст. 14, 1654 г.).

поиѣдиши 190 об., оумертвѣмъ 147 об. При этом для постановки оксии не становится помехой то, что буква, над которой она пишется, является выносной (в конце строки): похв^алите 46 об., погн^аномъ 86, невреж^енїа 199 об. Акцентный знак может быть поставлен даже в том случае, если вслед за ним находится выносная: прибл^ѣтиса 227.

Изредка встречается постановка вари и вместо оксии: делѣнѣ 205 об., мечт^атиса 95 об. (здесь, возможно, писец ошибочно акцентировал существительное мечт^а).

Несколькими примерами исчерпывается постановка двух акцентных знаков в одном слове — двух оксий или вари и оксии. За редким исключением, где очевидно имеет место колебание ударения (примеры приведены в соответствующих разделах), один из знаков является ошибкой: чїн^омъ (Т. ед.) 111 об.⁷, в безм^олвїи 206 об. (ср. безм^олвїа 207 об.), вѣщ^и (Р. ед.) 235 об., лиц^е (В.) 185 об.⁸, оутр^ѣбѣ 294 (возможно, на постановку вари повлияло следующее слово на алкотѣ), по^бвщ^енїемъ 46 об. Два акцентных знака (ошибочная вари и верная оксия) появились при первоначальном неверном прочтении и написании слова как глагола и исправлении его на омонимичную форму существительного: не ѣм^а бо... пом^ощ^и ни мал^ы сотворити 2 об.

Два акцентных знака поставлены в глаголе мїмоидетъ 302 об., очевидно, уже воспринимаемом как два слова, поскольку обычно писец проставляет в сложном слове только один акцентный знак (мног^одѣца 309, сребролюб^іе 307 об. и др.).

Изредка встречается неуктусная вари. Она проставляется над конечной гласной и — второй из двух стоящих рядом гласных, иногда наряду с акцентной оксией в том же слове, и ограничивается несколькими формами именительного падежа ед. и мн. ч. действительных причастий настоящего времени и существительным: ход^атай (ср. нсход^атан 93 об.), оу^со^пшей 29, люб^ащей, посп^ѣшающе^и 30, возд^ал^и 293 об. (ср. без вари в остальных многочисленных случаях: хот^аи 309 об., люб^аи 113 об., вознос^аи 114 и др.).

В рукописи нередко вместо оксии пишется вари перед клитикой же, в том числе когда она является частью слова (в наречиях, местоимениях): дв^а же 39, мен^ѣ же 59, егд^а же 61 об., мн^ѣ же 62, сї^а же 70, держ^и же 99, егд^а же 112, тогд^а же 121, дѣш^а же 291 об., возлюб^и же 299 об., ничес^од^ѣ 25 об., ел^ѣ же 37, ником^ѣ же 55 об., никол^и же 114, хотя никт^о же 14 об., бѣ

⁷ По-видимому, сначала писец поставил оксию над н; ср. приведенные выше примеры постановки акцентных знаков над согласными. Затем он решил внести правку и поставил вторую оксию над гласной. Интерпретация этого написания как чїн^омъ менее вероятна. Можно предположить, что именно для того, чтобы исключить такое прочтение, писец поставил знак над и.

⁸ Возможно, в вѣщ^и на постановку вари могло повлиять предшествующее до конц^а. Выше на том же самом листе два раза написано вѣщ^и. Постановку двух знаков в слове лиц^е кроме как ошибку трудно рассматривать. Не исключено, впрочем, что вари и оксия неуктусные.

же 32, понёже 35, 114, 114 об., мы же 38 об. и 40 об., шнй же 39, сё же 56 об., в неже 64 об. и 69 об., егёже 65 об., 122, занёже 65 об. и 70, когó же 120 об.

Над оканчивающимися гласной односложными местоимениями и служебными словами проставляется камора. В их число входят дательный и винительный падежи личных местоимений, возвратного и местоимения *и* (*мя, ми, ты, ся, ны, вы, ня*), частица *бо*, союзы *но, то* (в составе *я́ще... то*), формы среднего рода ед. ч. винительного и именительного падежей указательных местоимений *то, се*: н̄ 112 об., 113 об., 115 об., 119, 119 об. и др.; с̄ 113 об., 114 об.; с̄и (Д.) 116; в̄ 116 об., 117 об., 119 (2 примера), 120, 121 и др.; в н̄, м̄и 120 об., т̄а 121, т̄о 54 об., 55, (И.) 116 об., 121 в составе союза *я́ще... то* (2 примера), т̄и 59 об., н̄ы 121, 122 (2 примера); в̄ы 34 об., т̄а 59 об. Над местоимением *кто*, формой аориста глагола *быти* и формой винительного падежа мн. ч. местоимения *весь* может быть поставлена камора или вария: в̄с̄а 112 при в̄с̄а 115, 116 об., 121, в̄с̄и 59 об.; к̄т̄о 113, 118 об. (4 примера), 119 об., 120 (5 примеров) при к̄т̄о 113 об.; в̄т̄ь 116 об., 117 при не в̄т̄ь 117, 117 об., в̄ы 52 при в̄ы 197 об.⁹

Частица *да* или не имеет акцентного знака вообще, или над ней ставится вария: д̄а не в̄т̄р̄еши 238 об., д̄а спод̄овӣт 122, д̄а не оупра̄зднит̄с̄а, д̄а не взы̄ще̄т 194 об., д̄а не впад̄еши 295 об., д̄а не оӯснеш̄и 274 об., д̄а не реч̄еши 108 об. — да не реч̄еши 137, 190 об., да... насла̄д̄ит̄с̄а 118, да... про̄сла̄в̄ит̄с̄а 118 об., да не раз̄сла̄вим̄с̄а 122. Вария ставится также над находящимся в препозиции глагольным с̄а: с̄а гавит̄ь 42 об., с̄а испра̄вӣт 51.

В Овч-596 довольно высокая плотность акцентовки. Для неслужебных слов она составляет в среднем примерно 80%. Для отдельных листов плотность колеблется от 73% до 88%.

Акцентуация глаголов

В Овч-596 имеются глаголы акцентных парадигм *a, b, c*. Различий между обычными формами презенса и формами настоящего и настоящего-будущего времени в значении долженствования (конструкции с частицей *да*) не наблюдается. Большое количество акцентуированных форм принадлежит к вторичным имперфективам с суффиксами *-а-* и *-ва-*.

Акцентная парадигма а; глаголы с постоянным ударением

Акцентуацию по акцентной парадигме *a* имеют следующие глаголы: алкати: алкати 52, 56, я́чете 51 об.; не вполне ясно да ти а́чета оу́стнӣт̄ь 55 об. при находящейся выше аналогичной форме без знака: да ти ал̄чета р̄ц̄ӣт̄ь;

⁹ Если словоформа состоит из двух букв, писец ставит камору между буквами, иногда немного ближе к одной из них. Если же словоформа трехбуквенная, то знак пишется над второй буквой.

- ближити(сѧ):** приближитисѧ 27, 86 об., 210 об., 300 об., приближитисѧ 132 об., приближити^с 271 об., прибли^{жн}тисѧ 227, приближниши^с 190, приближитсѧ 140 об., 153, 221 об., да не приближитесѧ 216 об.;
- бѣгати:** бѣгаѣ^т 293 об., бѣган (пов.) 217 об.;
- бѣгнути:** побѣгнуѣтъ 84а, ѡбѣгнуѣ^т 147 об.;
- видѣти(сѧ):** видѣти 2, 2 об., 20, 84 об. и др., вижѣ 219 об., видиши 95 об., 133, да не видиши 272 об., видитъ 134, види^т 289, сѧ видитъ 47, видитсѧ 100 об., види^м 46; ненавижѣ 290 об., ненавидиши 200, завиди^т 47, завидѣ^т 113;
- врещи(сѧ):** воврещи 304, возврещи 190 об., поврещи 210 об., ѡврещи 208, вврѣжетъ 303 об., возврѣжетъ 243, ѡврѣжетъ 191 об., ѡврѣжетсѧ 209, 232, да ѡврѣжетсѧ 129 об., 208 об.;
- выкнути:** навыкнѣти 168, навыкнеши 234 об., навыкнемъ 75 об., ѡвыкнемъ 228 об.;
- высити(сѧ):** возвыситисѧ 74, возвыситсѧ 272 об., возвыси (пов.) 132;
- гибнути:** погивнѣти 211 об., погивнѣ^т 48 об., да не оугивнѣ^т 37 об., погивнѣтъ 189 об.;
- готовити:** не предуготовиши 135, оуготѡви^т 165 об., оуготѡви (пов.) 134 при оуготѡ/ви^т 166;
- далитисѧ:** оудалитисѧ 212, оудали/тсѧ 102 об., оудалихомсѧ 4 об. при оудалитисѧ 141;
- двигнути(сѧ):** подвигнѣ^т 98 об., 267 об., не двигнетсѧ 136 об., подвигнетсѧ 79 об., не подвигнетсѧ 275 об., да... подвигнемсѧ 45, да подвигнемсѧ 51, подвигни (пов.) 252, подвигнисѧ (пов.) 188 об., подвигни же сѧ (пов.) 228 об.;
- двигати(сѧ) и двизати(сѧ):** подвижѣсѧ 62, движешисѧ 200, движетъ 186, движетсѧ 68, 79 об., 173, 196 об., 205 об., 222 (2 раза), 242 об., воздѣвѣжетъ 69 об., подвижѣтсѧ 93, движѣтъ 212 об., движѣтсѧ 200 об., 205 об., 246, 246 об., дви/жѣтсѧ 197;
- дѣлати(сѧ):** дѣлати 228, дѣлаетъ 73 об., 236 об., дѣлаетсѧ 73;
- дѣлати(сѧ):** надѣешисѧ 188, надѣю во сѧ 251, содѣютсѧ 252; тематизация ударения в содѣѣти 274 об., ср. содѣѣти 80;
- знати:** знѣетъ 66, познѣетъ 94, 275 об.;
- избавити(сѧ):** избавитъ 2 об., избави^т 6, 169, да избавимсѧ 195;
- крыти:** да не скрыѣши 188, да покрыѣ^т 33 об.;
- множити(сѧ):** да не оумнѡжѣ 245, да не оумнѡжиши 260, мнѡжатсѧ 175 об., мнѡжѣсѧ 261, оумнѡжатсѧ 254 об.;
- мыслити:** помыслити 202, помыслиши 1, мысли^т 55, помысли^м 180, мыслѣ^т 41 об., 148 об., помыслитѣ (пов.) 297 об.;
- никнути:** возникнѣти 63, приникнѣти 244, приникнетъ 77 об.;
- ноудити(сѧ):** нѡдити 294 об., 311, нѡдитисѧ 242 об., понѣжѣ 61 об., понѣдиши 190 об.;
- обидѣти:** обидѣти 180, обидѣ 201 об., не преобиди^т 200;

- овръѣсти(сѧ):** овръѣсти 97 об., 138, 190, овръѣщеши 175, 201 об., 243, овръѣщесѧ 132 об., не овръѣще^Т 290, да не овръѣщеть^Т 133, овръѣщется 144, 299, овръѣщесѧ 159, вврѣще^М 46, овръѣщѣ^Т 180 об., да... вврѣщѣтъ 118 об.;
- печалитисѧ:** печалитисѧ 92 об., 195 об., сопечалнимсѧ 198 об.;
- плавати:** плавати 130 об., плаваетъ 130 об.;
- плакати(сѧ):** плакатисѧ 237, плачетсѧ 104, да не восплачетсѧ 63 об., восплачемъ 122, не плачи (пов.) 28, восплачи (пов.) 133, поплачи (пов.) 200;
- подовити(сѧ):** оуподовишисѧ 215а, да оуподовишисѧ 200 об., да сподови^Т 122, сподовитсѧ 75 об., оуподовитсѧ 53 об., да... сподовимсѧ 40 об.;
- покоити(сѧ):** покоити 59 об., покоитисѧ 118 об., оупокоити 196, покою 59 об., да оупокоюсѧ 137 об., покони (пов.) 120;
- поработити(сѧ):** да сѧ не поравотимъ 308 об., поравотите 309;
- правити(сѧ):** исправити 291, направити 238, править 285, исправит^Т 182 об., да сѧ исправит^Т 51;
- противити(сѧ):** сопровититисѧ 197 об., сопровити^Т ти сѧ 305, воспровитимсѧ 113 об.;
- прагати:** спрагати 27, спрагатеши 27 об.;
- работати:** работати 122 об., работаютъ 40, работают^Т 53 об., 149 при поработаемъ 222 об. (тематизация ударения);
- славити(сѧ):** да не раславишисѧ 132, не раславишисѧ 229, раславитъ 87, раславимсѧ 122, раславивсѧ 132 об.;
- славитисѧ:** да прославитсѧ 127, да... прославитсѧ 118 об.;
- слышати:** слышати 49 об., слышиши 250 об., не слыши^Т 48, не слышит^Т 48, оуслышитъ 4, слышите 216 об., (пов.) 34 об., оуслышите (пов.) 111;
- сръѣсти(сѧ):** сръѣсти 192 об., оусръѣсти 85, сръѣщеть 90, сръѣщется 190 об., сръѣщемъ 228 об.;
- ставити(сѧ):** ставити 117 об., оуставитисѧ 65, 70 об., да оставлю 137, оставши 128 об., да не оставши 197 об., воставить 125, 125 об., 282 об., оставить 124 об., 227 об., прѣставить 122 об., наставитсѧ 195 об., оставимъ 148, возстава^Т 282 об., вставите (пов.) 114 об., оуставишь еси 69 об.;
- стати(сѧ):** останешисѧ 51 об., востанѣ^Т 47, не останемсѧ 54, 54 об., востанѣтъ 66 об., 305 об., востанѣ^Т 305 об.; в императиве наряду с ожидаемым стани 123 отмечено востани 100 (неиктусная вариация?);
- стаити:** востаеъ 70, 126 об., востають 126 об., 246, остають 254, не престають 225 об.;
- стигноути:** достигнѣти 161, 195 об., 238 об., 244, достигнеши 295, достигнетъ 75 об., 222, 272 об., постигнѣ^Т 49 об.;
- сыпати(сѧ):** рассыпати 207, рассыплется 241 об.;
- торгноути(сѧ):** восторгнишисѧ 24, восторгнисѧ (пов.) 23 об., исторгни (пов.) 252;

оупразднити(сѧ): оупразднити 101, оупразднитѣ 123, оупразднитѣ 220 об., оупразднитсѧ 66 об., оупразднитсѧ 162, 232 об., оупразднитсѧ 188, да не оупразднитсѧ 62 об., 300 об., да не оупразднитсѧ 194 об.;

чапати: чаѣтъ 102 об., чаѣ^М133, 42;

очистити(сѧ): очистити 259 об., очіщѣсѧ 220, очисти (пов.) 55 об.;

чоути: чюѣши 127 об., почюѣши 175 об., 191.

Часть глаголов, которая в других рукописях того же времени, т. е. XVII в., относится к акцентной парадигме *a*, в Овч-596 представлена одной акцентуированной формой презенса или инфинитива: **овогати** 69, **вѣси**^Т307а, **оувѣрити** 253, **готовають** 189, **достіжетъ** 280 об., **жалімсѧ** 121 об., **ократи** 189, да... **возлагѣтъ** 118 об., **мажѣтъ** 121 об., **мѣчитсѧ** 2 об., 4 об., **оумѣетъ** 120, да не **оумѣеши** 305 об., **оплевати** 267 об., **позати** 43 об. (но **поползатисѧ** 170 об.), **исполнити** 100, 209, да **почиють** 118, **изринеши** 269, **разслабѣти** 62 об., **сѣбѣнитсѧ** 239, **сѣати** 74, **шесаѣтъ** 121, **растаати** 69 об.

По-видимому, к акцентной парадигме *a* принадлежат глаголы **-богатѣти** и **впаднѣти**: **впаднѣши** 125 об., да не **впаднѣши** 128 об.; **овогатѣетъ** 156 об., **швогатѣете** 114 об., да... **разбогатѣють** 118.

Новая а. п. *a* (вместо прежней исконной а. п. *c*) отмечена у глагола **-версти**: **ѡверсти** 11, **ѡверзетъ** 214 об., **ѡверзѣтсѧ** 257, **верзисѧ** (пов.) 23 об., **возверзи** (пов.) 135 об., **ѡверзите** (пов.) 40.

У ряда глаголов, представленных одной формой (редко двумя), можно предполагать а. п. *a* с большей или меньшей вероятностью, хотя нельзя исключить принадлежности некоторых из них к а. п. *b*: **возвыстритъ** 125—125 об.; **гнѣвансѧ** (пов.) 290 об.; **доваѣетъ** 253; **шдѣжде**^М298; **окаѣмъ** 115; **ошаатисѧ** 212, **ошаѣтсѧ** 273 об.; **насилитъ** 194 об.; **скарѣдитсѧ** 225; да **наслѣдиши** 60; не **оуболитсѧ** 48; **въсѣхлѣсти** (пов.) 176; **овесчѣстити же сѧ** 267 об.; а также **наричютсѧ** 162, **притичю**^Т140.

У нескольких глаголов, акцентуированных в русских рукописных источниках по а. п. *a*, в Овч-596 можно предполагать не а. п. *a*; для более точных выводов недостаточно материала: да... **оустрашатсѧ** 84 об., **разрѣшитсѧ** 69 об., да не **осквернитсѧ** 205 [Зализняк 1981: 148]. В инфинитиве **разширити** 69 знак отличается по величине от обычной оксии, поэтому он может не быть акцентным знаком. Возможно, ударение глагола **парити** «лететь» 276 об., в других источниках акцентуированного по а. п. *a* [Там же: 147], отражает его переход в другую а. п.

У нескольких глаголов отмечено ударение на суффиксе, т. е. сдвинутое вправо: **оувѣдаѣтъ** 297 при **заповѣдаѣ** 170 об., **гладати** 151 об., **поработѣемъ** 222 об., **престарѣтисѧ** 9 об. (при закономерном **-старѣтисѧ**), **послѣшати** 184 при не **послѣшан** 189; см. также в списке глаголов.

В рукописи встретились глаголы, имеющие постоянное ударение на суффиксе (перечень неполный): **взыскѣю**^Т168; **дерзѣетъ**, **дерзѣютъ** 251, **дерзан** (пов.) 100, **дерзанте** (пов.) 97 об.; **жадати** 267 об., да **жадаютъ** 221; **желати** 310 об., **желѣеши** 107 об., **желѣетъ** 241; **показѣтсѧ** 187; ле-

тати 310, лѣтаетъ 260 об., 272; мечтатиса (так!) 95 об., мечтаетса 96 об.; осазаютъ 121 об.; питаеть 261, препитаеть 125, питаютса 272; оуповати 191, 193, оуповаю 169; испытати 159; разумѣти 221 об., разумѣетса 92, разумѣи (пов.) 108 об.; возрыдаемъ 122; восійеть 293 об.; смѣютъ 169; стѣжаетъ 30, стѣжajúт 197; раѣтлѣти 69 об.; истазаетъ 153, истазал 238. Возможно, сюда же двнзатиса 254, овьюхати 3, обладаеть 153, 242 об., обладаа 246, а также навыцаемъ 162, оумчаетъ 303, ѡрицанса (пов.) 125.

Постоянное ударение на суффиксе независимо от того, от глагола какой а. п. они образованы, имеют вторичные имперфективы на *-а-ть*. У этих глаголов шире, чем у остальных, представлена тематизация ударения, не ограниченная какой-либо диалектной зоной [Зализняк 1985: 356]¹⁰. Поскольку данная словообразовательная модель была продуктивной, эта группа глаголов представлена в Овч-596 большим количеством лексем: соблюдаютъ 112 об., соблюдаютъ 113 об.; возбуждаетса 210; ѡверзаетса 66, 144 об., ѡверзан (пов.) 128 об.; провожаемъ 43; возвышаетса 70 об., 161, 263 об.; возвѣщаемъ 121; возглашаетъ 130 об.; поглощаетъ 71 об.; поглѣмлетса 73 об., поглѣмласа 232 об.; оупготовалетса 192; погрѣжаетса 108 об., 114; погѣвллетса 46 об.; оудаллетъ 131, оудаллетса 154, 206; покарлетъ 306 об.; оукланѣтиса 244, оуклонajúт 212 об., оукланajúтса 88; окормлетъ 201; оукрѣплѣшиса 243, оукрѣплетъ 191, 235 об.; крѣцати 112; искѣшаетса 179 об., окѣшаетса 154, искѣшаемса 178 об., искѣшаютса 296; лишаетшиса 108 об., лишаетса 79 об., 106 об., 243; оуловлетъ 287, оуовллетъ 97; не прелѣцанетса 39 об.; оумаллетъ во са 140, оумалajúтъ 235, оумалajúтса 261; переменлетъ 164 об., вмѣнлетса 298 об. — 299, оумѣнajúтса 252; оумирати 56; изнемогаеши 242, изнемогаеть 41, изнемогаетъ 146 об., помогаеть 113 об., 291, помогаетъ 300, премагаеть 108; омрачаетъ 297; не помышлѣемъ 180; обнажаютъ 285 об.; обновлетса 146 об.; понѣжajú 62, понѣжajúтъ 259, понѣжан (пов.) 282 об.; да не насыщѣеши 295 об.; воображати 95 об.; обращаетса 71 об., 242, вбращajúтса 181; обрѣтатиса 170 об., обрѣтаеши 140 об., 243 об., 277 об., обрѣтаетъ 77 об., обрѣтаетса 140 об.; ополчajúтса, ополчajúтса 113; съплетаетъ 214; повѣждаетъ 113 об.; сподовлетса 206, сподовлет же са 78 об.; неполнлетса 242, наполнлетса 187; исправлетъ 158, направллетъ 101, исправлетса 51; плѣнajúтса 78; причащатиса 40 об.; оупремѣдрлетъ 300, оупремѣдрлетса 276; пространлетъ 179 об.; сопротивллетса 160 об., сопротивлajúтса 153 об.; вопрошajúтъ 129; попущаетъ 193, попущал 84 об.; раждаетса 197, раждajúтса 262 об.; возрастаетъ 129, нзрастajúтъ 110; освашаетъ 62; вселѣтиса 255 об., вселлетса 191, 258 об.; не наслаждajúтса 64 об.; слѣчает же са 170 об.; смѣщаетъ 129; спасаютса 54; оставллетъ 254 об., оставлетса 130, ѡславлетъ 89 об., поставллетъ 185 об.; нзстѣпаетъ 120 об., не ѡстѣпаетъ 173 об.; стѣснлетса 179 об.;

¹⁰ О суффиксе см. [Зализняк 1985: 67, 147].

разсѣждати 72 об., разсѣжаю^Т во см 178 об., осѣждам 51 об.; срѣтаешиса 243, срѣтаютсa 158; осѣняютъ 296; оутвержаетсa 135; затвораетъ 185 об., сотвораетсa 128; истекаетъ 97 об.; потоплаетсa 130 об.; наоучаетъ 130 об. (2 раза); восхичаетсa 73 об., 249; сохранаетъ 257, сохраниетсa 170, 300 об., сохранисa (пов.) 277; очищаютъ 55, очищаются 53 об.; тавляетсa 81, 302, тавляются 302 (2 раза); да не оумзвлаетсa 55 об., оумзвлаетсa 283 об.; снѣдати 55, изъѣдаю 61 об.; а также: собираетъ 185 об., собираетъ 289 об., собираетъ 48 об., избираю 97; возгараетсa 161, разгараетсa 221; изгонаетъ 186 об.; призываетъ 131; заклинаю 30 об.; влагаетъ 291 об., влагаетъ 174, да не влагаетъ 168 об., налагаетъ 111 об., налагаетсa 254 об.; всылати 118; начинаемъ 303.

Значительно менее многочисленна группа вторичных имперфективов на *-ва-ть* (после корня на гласную), которые также имеют ударение на суффиксе: оувиваютъ 261; бываетъ 112 (2 раза), 112 об., пребываю 310; повелѣваетъ 133 об.; разгрѣваетсa 249 об.; воздаваетъ 201, воздаются 76; познаватиса 255 об., познавается 158, 192; оукротѣваетъ 262, оукротѣваетъ 174; покрываютъ 93; различаетъ 69 об.; омывается 112; ѿщетѣваетсa 242; настѣваютъ 289 об.; претерпѣвати 268; почиваетъ 260 об.; почювати 253 об., почюваетеши 242, почюваетъ 224 об., не почюваетъ 74; ѿпѣваю 120.

Отступлением от общего правила является провидѣвати 306 об.

Корневое ударение отмечено у глагола *-падати(сa)*: падати 131, падатиса 170 об., падаетъ 114, падаетъ 80 об., впадаетъ 249, припадаетъ 199, ѿпадаетъ 88 об., не падаетъ^М 180, впадаетъ^М 267, нападая 305, впадающий^Х 301 об.

У глагола *-тажавати* представлено колебание ударения: стажа/вае^Т 179 об., не стажаваетъ 202, стажаваютъ 212 об., притажа/ваимъ (1 л. мн. ч.) 283 об., стажавá/емы (прич. И. мн. ч. ж. р.) 283 об. Ср. ниже акцентовку глагола *стажати*.

Помимо двух указанных групп вторичных имперфективов ударение на словообразовательном суффиксе отмечено у глаголов, образованных при помощи суффикса *-ва-* от вторичных имперфективов на *-а-ть* (*облегчаватиса* 172 об., *обзчаваетсa* 179) и у глагола *окончаваетъ* 92 об.

Акцентная парадигма b

У глаголов акцентной парадигмы *b* при точном следовании соответствующей акцентовке изредка встречаются отступления в сторону акцентной парадигмы *c*:

-воротн(сa) и *-воритн(сa)*: ворити 113 об., воритиса 80 об., вóрешиса 56 об., вóрютъ 113;

-водити(сa): вводитъ 69 об., ввóди^Т 53, вóзвóди^Т 53, 106 об., 149 об., вóзвóдитсa 73, привóди^Т 147 об.;

-вззати(сa): свззати 252 об., не свззаетсa 277 об.;

-гонити: гониши 200 об., гóнитъ 86 об., ѿгóнитъ 149 об., ѿгóнитъ 189, ѿгóни^Т 52 об., ѿгóнимъ 151 (2 раза), прогóн^Т 6 об.;

- ДЕРЗНОУТИ:** дерзнѣти 136 об., да дерзнетъ 193;
-ЗЪДАТИ: зѣждеши 293 об., созѣде^Т 157;
-ИСКАТИ: взыскати 195 об., да не взыщеша 195, да не взыщѣ^Т 194 об., да не
 ѣщемъ 44, взыщемъ 89, поищѣ (пов.) 52;
-КАЗАТИ(СА): покажеша 129, да не покажеша 132 об., накажетса 168, по-
 кажи (пов.) 132, 188, 194 об.;
-КОРМИТИ(СА): накормити 43 об., окормитса 197 об., не прекормитъ 125,
 кормиса (пов.) 128 об.;
-КОСНОУТИСА: коснѣтиса 72, прикоснемса 49 об.;
ВКОУСИТИ: вкѣсити 84, 136 об., да вкѣшѣ 82 об.;
-ЛЮБИТИ: любѣти 130, любѣю 217, любѣши 268 об., любѣитъ 187 об., 199,
 любѣи^Т 149, возлюбѣи^Т 292 об., любѣимъ 121 об., возлюбѣимъ 90, да воз-
 любѣи^М 300, любѣитъ 123 об., любѣи (пов.) 293 об., не возлюбѣи (пов.) 128,
 возлюбѣи же (пов.) 299 об. при возлюбѣиши 220 об., любѣитъ 219, не
 радѣитъ любѣитъ 220 об.;
МОЛНИТИСА: молнитса 76, 104, помолнимъ 310 об., помолнимса 64, молиса
 (пов.) 1;
-МОЩИ: мощи 91, 178 об., 195 об.; помощи 6, 158 об.; могѣ 61 об., не воз-
 могѣ 182, возможеша 292, не можеша 32 об., 198, не можѣтъ 67,
 изнеможѣтъ 276, поможѣтъ 6, поможѣ^Т 6 об., можѣмъ 64, могѣтъ 65 об.,
 251, не могѣтъ 84 об., не могѣ^Т 304 об., возможѣ^Т 19, не можѣи (пов.) 189 об.;
НОСИТИ: носити 1, 16, приносить 10, ношѣ 131, носѣши, принѣсиши 102,
 носѣтъ 111 об., 131 (2 раза), 187 об., носѣ^Т 302 об., внѣси^Т 176, возносѣтъ
 130 об., 291 об., пренѣситъ 69, принѣси^Т 176 об., носѣ^Т 111 об., низ-
 носѣтъ 79 об., ношѣхѣ 111 об.;
-ПИСАТИ: пишѣтъ 128, пишѣтъ 112, не испишѣ^Т 37;
ПРОСИТИ: просити 237, прѣсиши 304, прѣси^Т 37, прѣси^М 152 об., прѣсите 157,
 прѣси^Т 168;
-СЛАТИ(СА): послѣтитса 193, вѣслѣтит 239, послѣю 292, послѣтъ 92 об., 304,
 низпѣслѣт^Т 133;
-СЛОУЖИТИ: слѣжиши 239, не послѣжит 11 об.;
ОУСНОУТИ: оуснѣти 213 об., да не оуснеша 274 об.;
-СТРАДАТИ: страдати 91 об., стражетъ 211, 259, 273 об., ѣтражетъ 187,
 пострадет^Т 173 об., страждѣте 91 об.;
-СТОУПИТИ: застѣпити 2 об., ѣстѣпити 26 об., 67, 141 (2 раза), 228 об.,
 278 об., да... застѣпитъ 211 об. при да не пристѣпиши 208 об.;
-СЪДИТИ: сѣдити 20, разсѣдити 60, сѣди^Т 307а об., не сѣдите (пов.)
 307а об. при осѣдишиса 48 об.;
ТОМИТИ: томѣти 56, томѣ^Т 45, 46 об., тѣ//митса 180—180 об., томѣ^Т 46
 при томѣтъ 148;
ХВАЛИТИ: хвалѣти 105 об., хвалѣю 119, хвалѣ^Т 1, 157 об., хвалѣ^М 46,
 похвѣ^А/лите 46 об. хвалѣ^Т 45 об.;
-ХОДИТИ: ходѣти 92, 131, вхѣдиши 292, прохѣдиши 155 об., 175 об., ходѣ^Т
 160 об., восхѣди^Т 9 об., вхѣдитъ 72 об., исхѣдитъ 124 об., исхѣди^Т

160 об., **низхóдитъ** 164, **прехóди**^T 155 об., **превосхóдитъ** 71, **прихóдитъ** 65, **схóдитъ** 73, **схóди**^T 114, **вхóдимъ** 64 об., **ѡхóдимъ** 43, **хóдатъ** 188 об., **хóда**^T 48, **вхóда**^T 191, **прихóда**^T 21 об.,

Отступления от акцентной парадигмы *b* в сторону акцентной парадигмы *c* в Овч-596 отмечены для *i*-глаголов **-любити** (2 и 3 л. ед. ч.)¹¹, **-стоупити** (2 л. ед. ч.), **соудити** (2 л. ед. ч.), **томити** (3 л. мн. ч.). Таким образом, для двух глаголов ударение, соответствующее а. п. *c*, отмечено только во 2 л. ед. ч. настоящего времени, для двух остальных — в других формах. По мнению А. А. Зализняка, «... ударение *-иши*, засвидетельствованное у глагола, обычно относящегося к а. п. *b*, само по себе еще недостаточно для вывода о том, что в данной “точной” системе а. п. этого глагола колебалась» [Зализняк 1981: 153].

У некоторых глаголов, для которых в других памятниках засвидетельствована а. п. *b*, в Овч-596 можно предполагать такую же акцентную парадигму, хотя материала недостаточно: **гразнетъ** 47; **зоблетъ** 54 об.; **оклеветати** 19 об.; **кѡплетса** «купаются» 205 об.; **искѡпити** 2 об.; **искѡсити** 87, 175, **окѡситиса** 155 об.; **лизати** 241 об.; **да лобжѣ** 220; **оумолкнетъ** 76; **поостри** (пов.) 132; **ощѣтити** 193, 258; **присвѣтитъ** 123; **ѡскочитъ** 281 об.; **смотрити** 77; **оустрѡбити** 189, **оустрѡбитиса** 195; **трепещѣтъ** 187; **тѣжитъ**, **тѣжи** 308 об.; **храмлетъ** 152а об.; **хѣли**¹ 160; глаголы с неслоговым корнем: **разгнѣмъ** (пов.) 115; **ни солжи** 290 об. Возможно, к а. п. *b* принадлежат также *-ну*-глаголы **исѣхнѣти** 254 об. (ср. **иссышетъ** 36 об.), **попóлзнемса** 198 об., а также **клицати** 293¹².

По-видимому, некоторые глаголы, изначально принадлежавшие а. п. *b*, в Овч-596 имеют иную акцентовку, а именно по а. п. *c*: **да не водвори/шиса** 295 об. — 296; **краситса** 222 об., **оукраси** (пов.) 55 об., 308 об., **оукраси** (аор.) 111 об., **ризокрѣсѡщиса** 9; **оумертвѣитиса** 228, **оумертвѣитса** 298 об., **оумертвѣимъ** 147 об.; **плодитса** 227.

Возможно, к акцентной парадигме *b* следует отнести глаголы **-стажати**, **поманѣти** и **-стоудити(са)**, которые имели в других источниках акцентовку по а. п. *c* [Зализняк 1985: 139, 140; Зализняк 1981: 170]: **стажати** 188 об., 221, **да стажѣши** 1 об., **не пристажнѣши** 269, **стажетъ** 193 об., **стажитъ** 80, 265 об., 173, **стажи** (пов.) 56 об., **стажитѣ** (пов.) 40 об.; **остѣдити** 283, **да не овѣстѣдитса** 217 об.; **поманѣши** 1, **поманѣвши** 120 об.

Акцентуация глагола **хотѣти** в Овч-596 такая же, как и в других памятниках: в настоящем времени, кроме 3 л. мн. ч., он относится к а. п. *b* (**хощѣ** 16, **хощѣши** 1 об., 17, 92, 175, 190, 221, **хощетъ** 20, 131, **не хощи** (пов.) 128, 169 об., **не восхощи** (пов.) 129); остальные формы соответствуют а. п. *c* [Зализняк 1981: 160].

¹¹ Ср. акцентовку причастий от этого глагола: **любѣще** (И. мн. ч.) 42, 307 об., **любѣщѣи** 102, **любѣщѣи**^ѣ 217 об., **ѡлюбѣщѣи**^ѣ 224.

¹² Ср. формы, приводимые при этом инфинитиве: **клицати**, **кличѣ**, **кличѣши** [ССЯ, 2: 29] и **клицавъ**, **клицая** [СлРЯ 1980: 175].

Акцентная парадигма с

У глаголов этой акцентной парадигмы в Овч-596 изредка встречается отклонение в сторону акцентной парадигмы *b*. В форме 1 лица ед. ч. настоящего времени отмечено уже только флексийное ударение, а в форме 2 лица мн. ч. еще сохраняется ударение на последнем слоге. К акцентной парадигме *с* принадлежат следующие глаголы:

- блюсти:** **соблюсти** 150, 259 об., **соблюдетѣ** 292, **блюди** (пов.) 97 об.;
- болѣти(сѧ):** **болѣти** 89 об.-90, **ѣще... разболѣмсѧ** 121;
- боитисѧ:** **боѣтисѧ** 98, 242 об., 261, **оубоѣтисѧ** 135 об. — 136, **бойшисѧ** 242 об., **да не бойшисѧ** 101 об., **да не оубойшисѧ** 157, **бойтсѧ** 135, 221 об. (2 раза), 222, 222 об., **не бойтсѧ** 93, 187, **оубойтсѧ** 175, **не оубойтсѧ** 171, **не боѣтсѧ** 191 при **не бойтсѧ** 130, **не боисѧ** (пов.) 19, 97 об., 130 об., **не боитесѧ** (пов.) 97 об.;
- возбранитисѧ:** **возбранѣтсѧ** 257, **возбранѣтсѧ** 241 об.;
- брати(сѧ):** **собрѣти** 279, **не изберѣтъ** 232 об., **соверѣтсѧ** 307;
- бреши(сѧ):** **пренебреши** 220 об., **брежиши** 207, **небрежѣтъ** 130 об., **пренебрежѣтъ** 199 об., **небрези** (пов.) 188;
- возбудитисѧ:** **возбуди** 89 об., **возбуди** 250;
- бѣжати:** **бѣжати** 195, **не оубѣжиши** 295 об., **бѣжѣтъ** 197, **бѣжѣтъ** 67, **бѣжи** (пов.) 218, **бѣжите** (пов.) 31 об.;
- веселитисѧ:** **веселѣтсѧ** 205, 293, **веселѣтъ же сѧ** 137, **веселѣмсѧ** 145;
- вести:** **возвести** 59 об., **привести** 109 об., 200 об., **ведѣтъ** 68 об., **ведѣтъ** 285 об.;
- влачити(сѧ):** **привлачитѣ** 209 об., **овлачитсѧ** 161;
- влещи(сѧ):** **овлещисѧ** 203 об., **совлещисѧ** 79, **совлечѣтсѧ** 78 об., **извлещи** (пов.) 282;
- вратити(сѧ):** **возврати** 16 об., **обрати** 197 об., **ѿврати** 113 об., 194, **возврати** 152а об., **обрати** 94 об., 223 об., **возвратѣмсѧ** 52 об., **сврати** 89, **соврати** 286 об., **обратитесѧ** 153 об., **да возвратѣтсѧ** 7 об., **совратѣтсѧ** 307 об.;
- вредити(сѧ):** **вреди** 57, **вреди** 171, **повреди** 99 об., **вредѣтъ** 197, **вреди** 164 об., 303, **не вредитесѧ** 159;
- возгниѣтити(сѧ):** **возгниѣтити** 301 об., **возгниѣтитсѧ** 301 об.;
- гнати:** **изгнати** 308 об. — 309, **ѿгнати** 308 об., **женѣтъ** 94;
- дати:** **дати** 1 об., **предати** 86, 170, **подати**, **не даѣтъ** 137 об., **воздаѣтъ** 293 об., **да подаѣтъ** 185, **предѣтъ** 104, **ѿдадимъ** 37, **дадите** (пов.) 41 об., **не дадите** (пов.?) 40;
- давати(сѧ):** **подаѣтъ** 194 об., **даѣтсѧ** 106 об., **вдан** (пов.) 311 об.;
- держати(сѧ):** **держати** 40, 169 об., **воздержатисѧ** 56, **содержати** 112 об., **сѧ оудержѣ** 54 об. (2 раза), **не воздержѣши** 51 об., **держѣ держѣтъ** 235 об., **держѣтсѧ** 237, **держѣмсѧ** 121 об., **оудержѣмсѧ** 54, **держѣ** (пов.) 99, 301, **держѣте** (пов.) 307а;
- дивитисѧ:** **дивлюсѧ** 110 об., **дивѣтсѧ** 275 об., **подивѣтесѧ** (пов.) 204 (2 раза);

- жити:** жи́ти 206 об., 291, 307, живѣши 128, живѣтъ 45 об., 107 об., 108, 226, 227 об., 297 об.;
- зрѣти:** зриши 132, 191 об., не зри́тъ 223 об., не оўзри́тъ 231 об., да оўзри́тъ 266, оўзримъ 121, 181 об.;
- клонити(сѧ):** оўклоніти 170, оўклонітисѧ 90—90 об., 156 об., поклонітсѧ 10 об., оўклонісѧ (пов.) 55, приклоніте (пов.) 49 об. при поклонатсѧ 10, прекло́нимъ (пов.) 31;
- крѣпитисѧ:** крѣпітисѧ 245 об., оўкрѣпа́тсѧ 196;
- легчити(сѧ):** легчи́тъ 236 об., легчи́тсѧ 261, овлѣчи́тъ сѧ 266 об.;
- лежати:** лежи́тъ 54 об., 213 об., прѣлежи́тъ 144 об., прилежи́мъ 44;
- лишити(сѧ):** лиши́тисѧ 173 об., лиши́тъ 107, 173, лиши́тсѧ 106 об., 152, да не лиши́тсѧ 104;
- ложити(сѧ):** вложіти 308, возложіти 85, 133 об., положіти 69, приложіти 62 об., 130, положіши 140, вложатсѧ 48 об., положи́ (пов.) 245 об.;
- лоучити(сѧ):** разлѣчи́ти 251, ѡлѣчи́сѧ 22 об., сѧ... лѣчи́тъ 125 об., слѣчи́тсѧ 62 об., 98, 287 об., ѡлѣчи́тсѧ 307 об., да полѣчимъ 282 об.;
- прельстити:** прѣлсти́ти 290, прѣлсти́тъ 290, прѣлсти́тъ 287, да... не прѣлсти́тъ 288 об.;
- лѣнитисѧ:** лени́тисѧ 299 об., не овлени́тсѧ 66 об., лени́мсѧ 38 об., влени́мсѧ 296 об.;
- мнѣти(сѧ):** да не мни́ши 139 об., оуѣмни́шисѧ 134, мни́тсѧ 48 об., да не вѣмни́мъ 217 об., да оуѣмни́мсѧ 202, не сомни́тсѧ 191;
- молчати:** молча́ти 245 об., молчи́ (пов.) 185 об.;
- мѣнити(сѧ):** прѣмени́ти 119 об., замѣни́ши 190 об., вѣмни́тсѧ 214 об., вѣмни́тсѧ 154 об., прѣмени́мсѧ 307а;
- нести(сѧ):** понесѣти 273, вознесѣтсѧ 114, 305 об., не принесѣтъ 91, понесѣтъ 11, принесѣте (пов.) 31;
- пасти(сѧ):** па́стисѧ 170 об., впадѣши 220 об., да не впадѣши 295 об., впадѣтъ 257, падѣтсѧ 287 об.;
- пещисѧ:** пещи́сѧ 195 об., печѣшисѧ 135 об., попечѣшисѧ 191 об., печѣтсѧ 152а об., 243, печѣ́тсѧ 88 об., попечѣтсѧ 89, ни пѣцѣмсѧ 180, пекѣ́тсѧ 152 об., попекѣ́тсѧ 188 об.;
- пити:** пи́ти 55, 288, 295, испіѣте 159;
- повѣдити(сѧ):** повѣди́тисѧ 188, повѣди́тъ 209 об., да повѣди́тъ 81 об.;
- напоити:** напои́ти 293 об., напои́тъ 122 об.;
- поститисѧ:** пости́шисѧ 55, пости́мсѧ 52 об., пости́тсѧ (пов.) 40 об.;
- предварити:** прѣвари́ти 183 об., не прѣвари́тъ 232 об.;
- поустити(сѧ):** низъпѣсти́ти 236, 308 об. — 309, попѣсти́тисѧ 90 об., попѣсти́тсѧ 130;
- радити:** не ради́тъ 66 об., 281, не радѣтъ 78, 220 об.;
- рещи(сѧ):** рещи́ 117 об. — 118, 179 об., 185, 251, изрещи́ 249 об., рекѣ́ 216 об., да не речѣши 108 об., да не речѣши 137, 190 об., ѡречѣ́тсѧ 232 об., не ѡречѣ́тсѧ 232, рекѣ́тъ 84;
- рѣшити(сѧ):** изрѣши́тисѧ 292, ѡрѣши́тисѧ 232, да не разрѣши́мъ 196 об.;

- СВОБОДИТИСЯ:** СВОБОДИТИСЯ 136, СВОБОДИТСЯ 70 об., 192 об., НЕ СВОБОДИТСЯ 231 об. (2 раза);
- СЕЛИТИ(СА):** ВСЕЛИТИ 117 об., ВСЕЛИТСЯ 102 об. (2 раза), 292 об., ВСЕЛИМСЯ 152а;
- СКОРВѢТИ(СА) и -СКОРВИТИ(СА)?:** ОСКОРВѢТИ 209 об., СКОРВИШИ 19, ОСКОРВИШИ 291 об., СКОРВИТЬ 112, 147 об., СКОРВИТСЯ 173 об., ОСКОРВИТЬ 107, ОСКОРВИТСЯ 167, 298 об., СКОРВАТЬ 112 об.;
- СЛАДИТИСЯ:** НАСЛАДИТИСЯ 3, 223 об., 228, НАСЛАДИШИСЯ 60, СЛАДИТСЯ 74 об., НАСЛАДАТСЯ 118;
- СПАСТИСЯ:** СПАСѢСЯ 218, СПАСѢШИСЯ 217 об., СПАСѢТСЯ 124, 302, СПАСИТЕСЯ (пов.?) 29 об. (6 раз), 30;
- СПѢШИТИ:** НЕПОСПѢШИТИ 81, ПОСПѢШИШИ 234;
- СТОАТИ:** СТОЙШИ 184, СТОИТЬ 221 об., ЪСТОИТЬ 16, 199, СОСТОИТСЯ 126 об., СТОАТЬ 241 об., ЪСТОАТЬ 213 об.;
- СЪДѢТИ:** СЪДѢТИ 237 об., СЪДИШЬ/ 51 об.;
- СЪЩИ:** ЪСЪЩИ 179, ПОСЪЩИ (пов.) 282;
- ОУТВЕРДИТИ(СА):** НЕ ОУТВЕРДИШИ 268 об., ОУТВЕРДИТЬ 193, ОУТВЕРДИТСЯ 62;
- ТВОРИТИ(СА):** ТВОРИТИ 52, СОТВОРИТИ 2 об., 24 об., 69, 91, СОТВОРИЮ 50 об., ТВОРИШИ 54, 148 об., 201, 293 об., СОТВОРИШИ 51, ТВОРИТЬ 78 об., 90, 107—107 об., 112, 121, 135, 229 об., 246 об., 250 об., СОТВОРИТЬ 79, 84, 125, ДА СОТВОРИТЬ 128, ТВОРИМЪ 208, СОТВОРИТЕ 88, ТВОРИ (пов.) 129, 300 об., ТВОРИТЕ (пов.) 40, НЕ ТВОРИТЕ (пов.?) 166; ЗАТВОРАТСЯ 11 об.;
- ТЕРПѢТИ:** ТЕРПѢТИ 124, 187, ПРЕТЕРПѢТИ 261 об., СТЕРПѢТИ 193, 235 об., 295, ПРЕТЕРПИШИ 124 об., 229, ТЕРПИТЬ 187, 214 об., 223 об., 237, НЕ ТЕРПИТЬ 213 об., НЕ ТЕРПИТЬ 186, 237, ПРЕТЕРПИТЬ 130, 276, 281 об., ТЕРПИМЪ 293 об., ТЕРПИ (пов.) 123;
- ТЕЩИ:** ВОСТЕЩИ 229, ПРЕТЕЧЕШИ 295 об., ТЕЧЕТЬ 131;
- ТОНЧИТИ(СА):** ТОНЧИТСЯ 164 об., ТОНЧАТЬ 262 об.;
- ПОТОПИТИ(СА):** ПОТОПИТЬ 48, ПОТОПАТСЯ 191;
- ТРОУДИТИСЯ:** ТРЪДИТИСЯ 183 об., ТРЪДИШИСЯ 14 об., 102, 241, ТРЪДИТСЯ 273 об., НЕ ТРЪДИТСЯ 210 об., НЕ ОУТРЪДИТСЯ 298 об., ТРЪДАТСЯ 159;
- ТРАСТИ(СА):** ТРАСТИСЯ 131, ЪТРАСѢТЬ 275;
- ТЩАТИСЯ:** ТЩИШИСЯ 181, ПОТЩИМСЯ 122;
- ОУЧИТИ(СА):** НАОУЧИТИ 146, ОБЪЧИШИСЯ 238, ОУЧИТЬ 63 об., 131, 262, 291 об., ОБЪЧИТСЯ 193 об.;
- ХРАНИТИ(СА):** ХРАНИТИ 109 об., 141 об., СОХРАНИТИ 81 об., 117 об., 127 об., 150, 223, 273 об., ХРАНИШИСЯ 243 об., СОХРАНИШИ 291 об., СОХРАНИТЬ 53 об., 69, СОХРАНИТЬ 272, СОХРАНИМЪ 226 об., СОХРАНИТЕ ЛИ 216 об., ХРАНИ (пов.) 294 при ХРАНИТ 156;
- ЧЕСТИ:** ЧЕСТИ 282, 288 об., ЧТѢШИ 288 об., ПРОЧТѢМЪ (пов.?) 115;
- ГВИТИСЯ:** ГАВИТИСЯ 100 об., ПРОГВИТИ 147, ГАВЛЮСЯ 260 об., ГАВИТСЯ 135, ГАВИТСЯ 84, ДА СА ГАВИТЬ 42 об.

Часть глаголов, имевших в других письменных источниках акцентуацию по а. п. с, в Овч-596 представлена недостаточным количеством мате-

риала: повелитѣть 289; навершити 112 об., совершити 54; повинѣмса 64; воскресѣть 252; оугодити 44, 225, 308; горѣти 125 об.; да не погрѣшитса 130 об.; погрѣетѣть 120; градѣши 239 об.; погрѣвити 85, 133 об., 187 об.; воздойтъ 122 об.; дѣлатѣть 78; оуединитиса 232 об.; жещиса 168; истреви (пов.) 55 об.; кипитѣть 249; ни клениса 290 об.; лѣетѣть 74 об.; ловити 111 об. — 112; смиритса 114; помрачниси 275; матѣтса 47; обнажитса 210; да не обновитса 305 об.; соплетиса (пов.) 133 об., сплетиса (пов.?) 85; не покоритѣть 261 об.; попрѣши 154; раститѣть 209 об.; растѣтѣть 124 об.; смѣтити 307а; посмѣютъ ти са 125 об.; постыдимса 228 об.; тайтъ 80.

Возможно, в Овч-596 к а. п. с принадлежат также некоторые другие глаголы, представленные одной формой: гнѣситса 200; заоушити 267 об.; погрѣшитѣть 151 (праслав. а. п. b); продолжитса 124 об.; не содрѣжитса 255; да не ожесточниси 275; вкоренитса 151 об.; окрѣжитса 168; мещѣтѣть 186; воображѣ 234; ополчитса 19 об.; да причаститса 40 об.; са стѣжитѣть 123, не стѣжитеси (пов.) 302 об.

По имеющимся акцентуированным формам не представляется возможным определить принадлежность к а. п. b или а. п. с глаголов: оуглѣвнса (пов.) 235; блговолити 71; коснѣти 174 об., не коснѣ (пов.) 128 об.; изрѣчити 2 об.; оудрѣчѣ (пов.) 127 об.; оухравнѣ (пов.) 132, вчютити 139.

Отклонения от а. п. с в сторону а. п. b встретились у глаголов **болтиса** (3 л. ед. ч. и императив), **клонитса** (3 л. мн. ч. и императив — 1 л. мн. ч.), **хранити** (3 л. ед. ч.). Отклонения от а. п. с у **клонити** могут быть связаны со старой акцентной вариативностью [Зализняк 1981: 159]. У **болтиса** новое ударение затронуло не только систему императива, но и систему презенса.

Как и в других древнерусских рукописях, в Овч-596 встретилось ударение **достѣитѣть** 282, представляющее побочную линию акцентной эволюции, не получившую развития в русском языке [Зализняк 1985: 362].

Исконное ударение в 2 лице мн. ч. настоящего времени сохраняется у глаголов а. п. с во всех таких акцентуированных формах: **сотворитѣ** 88, **обратитѣса** 153 об., 194, **испѣтѣ** 159, **не вредитѣса** 159, **соблюдѣтѣ** 292, **сохранитѣ ли** 216 об. Тем самым сохраняется акцентное противопоставление форм повелительного наклонения и 2 л. мн. ч. настоящего времени.

Глаголы с неслоговым корнем

Формы настоящего времени от глаголов с неслоговым корнем, тем более акцентуированные, в Овч-596 очень немногочисленны¹³. Чаще прочих встречается презенс глагола **ити**.

У большей части приставочных глаголов с неслоговым корнем, а также у *-по-*глаголов а. п. b сохраняется исконное ударение: **прѣндѣ** 260 об., **пѣндѣши** 191, **прѣндѣши** 295 об., **дѣндѣтѣть** 221 об., **нѣндѣтѣть** 250, 282, **пѣндѣтѣть** 90, **пѣндѣ** 160 об., **да пѣндѣ** 298 об., **прѣндѣ** 170, **не прѣндѣ** 302; **да**

¹³ Не имеют знака ударения, например, **пожнетѣть** 94 об., **сожжѣ** 155.

НЕ ВОЗМЕШИ 80 об., ВОЗМЕТЬ 209, ВОЗМЕ^Т 208 об., ВОЗМЕТЕ 159; ПОСЛЮ 292, ПОСЛЕТЬ 92 об., 304, НИЗЪПОСЛЕТЬ 133; ДА НЕ ОУСНЕШИ 274.

В **РАЗГНЕМЪ** (пов.?) 115 может быть отражено исконное флексийное ударение 1 л. мн. ч. повелительного наклонения [Зализняк 1981: 152].

Колебание, т. е. старое ударение наряду с новым представлено в презенсе глагола **начати**: **начнѣ** 85, **начнеши** 290, **начнетъ** 130 об., 131, **начне^Т** 130 об. (при неакцентуированных **начнетъ** 242, 306 об.), **начни** (пов.) 133 об. при новом ударении **начнетъ** 213 об., **начнѣтъ** 254; другие формы: **наченъ** 147 об., **начатъ** 244. Новое флексийное ударение развивалось в северной и средней частях восточной зоны [Зализняк 1981: 363]. Особенно широко отмечалось ударение *начнѣтъ*; «оно засвидетельствовано даже в ряде памятников, далеко отстоящих от основного очага данной инновации и не имеющих других примеров неисконного флексийного ударения» [Там же].

Второй инновацией является переход презенса глагола **-мрети** из исконной а. п. *с* в а. п. *б*, что представлено в большинстве микросистем [Зализняк 1985: 365]: **оумрѣ** 22 об., **да не оумрѣ** 24 об., **оумреши** 150, **не оумреши** 85.

Презенс с корнем *бј-* (**вити(сѧ)**), исконная а. п. *б*, встретившийся только в бесприставочной форме, аналогичен презенсам с *вј-*, *лј-*, *нј-* (**вити**, **лти**, **птити**), исконная а. п. *с*): **вѣтисѧ** 189 об., **вѣѣтъ** 305 об.

Сохраняется исконное ударение по а. п. *с* у **препнетъ** 241, **прѣстрѣтъ** 71 об.

В бесприставочном презенсе глагола **ити** отмечено только корневое ударение: **идеши** 28, 219, **идетъ** 186 об. (2 раза), **иде^Т** 102 об., **не иде^Т** 302 об. (единственный пример оттяжки ударения на частицу), **иде^М** 2 (2 раза) и 3, **иде^Т** 308 об.

Глаголы с суффиксом *-ова-/-ева-*

У глаголов данной группы, производных от слов а. п. *а*, ударение было корневым, у производных от слов а. п. *б* и *с* оно фиксируется на деривационном элементе [Зализняк 1985: 146—147]. В Овч-596 распределение глаголов по двум группам акцентовки следующее:

корневое ударение: **весеѣдовати** 307а, **весеѣдетъ** 62, **весеѣдемъ** 296 об., **весеѣдѣю^Т** 118; **вѣровати** 91 об., **да не вѣрѣши** 238 об., **вѣрѣѧ** 99 об.; **содѣнствѣѣ^Т** 100 об.; **кознѣствѣетъ** 205 об.; **излѣшеѣствовати** 251 об.; **миловати** 56; **навѣтѣетъ** 283 об.; **недѣгѣши** 108 об., **недѣгѣѣ^Т** 253; **обыкнѣетъ** 210; **печѣловатисѧ** 88 об., **печѣлѣши** 135 об., **печѣлѣи** (пов.) 1; **полѣзѣтъ** 142, 291 об., **полѣзѣѣ^Т** 218, **полѣзѣтсѧ** 303; **прѣзднѣши** 189; **рѣдоватисѧ** 5, 12, **возрѣдѣтсѧ** 114 об. — 115; **рѣзнѣствѣетъ** 159 об., 194; **рѣтовати** 194 об., 276, **рѣтоватисѧ** 95, **рѣтѣетъ** 84, **рѣтѣющѣи^М** (Д. мн.) 212; **трѣвѣетъ** 63, 137, 168, 171 и др., **трѣвѣѣ^Т** 211 об., **трѣвѣѣ^Т** 49 об., 161 об., **трѣвѣемъ** 232, **трѣвѣютъ** 244, **трѣвѣѧ** 292 об.; а также **послѣдетъ** 71 об., 130, 191 об. (2 раза), **послѣдѣѣ^Т** 87 об., **послѣдѣютъ** 239 об.; **ѣтранѣст-**

вѣши 189 об. Ср. также сложные слова: **лихоумствѣши** 242, **члѣколюбствѣтъ** 107 об. Сюда же (?) **молчальствовати** 64;

суффиксальное ударение: **бѣдѣлса** 27; **воѣтъ**, **воѣютъ** 285; **оуврачюеть** 265 об.; **извѣстѣтса** 192; **продержовати** 151 об.; **единовати** 189 об.; **именѣши** 201 об., **именѣтса** 63 об.; **повинѣтса** 186; **показовати** 96, **показоватиса** 166, **показѣтса** 254 об., **показѣл** 57 об.; **измѣнѣтса** 202; **немотѣа** 190 об.; **немошнѣтъ** 139; **непщѣтъ** 224 об.; **вообразѣтъ** 247; **плѣновати** 212 об.; **цѣлѣтъ** 187 об.

Императивы

Императивы с исконным флексийным ударением в Овч-596 сохраняют первоначальную акцентовку (материал приведен при соответствующих глаголах). Императивы с неисконным предконечным, т. е. сдвинутым влево ударением не встретились, за исключением глагола **болтиса**, у которого отступление от а. п. с отмечено также в форме 3 л. ед. ч.: **не бѣтса** (пов.) 19, 97 об., 130 об., **не бѣтсеса** (пов.) 97 об.; ср. **вдѣи** (пов.) 311 об. Не ясно **протѣгни** (пов.) 127, ср. **протѣгъ** 78. Возможно, глагол акцентуирован по а. п. а.

Страдательные причастия прошедшего времени

У страдательных причастий прошедшего времени от глаголов а. п. с с подвижным ударением в прошедшем времени (от *V*-корневых и *a*-глаголов) в Овч-596 представлена следующая акцентовка.

Нечленные причастия с неодносложной основой имеют ударение на начальном слоге: **сѣбранъ** 256, **прѣдани бѣдѣ** 8, а также **пѣсланъ** 147. Это старое ударение, характерное для восточной зоны [Зализняк 1985: 345—346].

Причастия с односложной основой имеют, как и в большинстве памятников, флексийное ударение: **данѣ** 91 об., **данѣ бысть** 100 при книжной форме с *-ни-* с наосновным ударением **данно бы было** 155 об. Наосновное ударение также у причастия с книжной флексией **зѣвѣни** (И. мн. ч.) 307 об.

Членные причастия с неодносложной основой также имеют ударение на начальном слоге (независимо от написания с *-н-* или *-ни-*): **сѣбраннаго** (Р. м. р. ед. ч.) 4 об., с... **сѣбраннымъ** 233 об., **сѣбранныѣ** 234 об., **сѣзданныхъ** 88 об., а также **пѣсланныѣ** (И. мн. ч.) 9 об. Такая акцентовка является поздней инновацией [Зализняк 1985: 349] и не распространяется на книжное адъективированное причастие **избранныи**, сохраняющее предфлексийное ударение: **изѣбранныѣ** 307 об.

Старое предфлексийное ударение еще сохраняется у причастия **погнанъ**: **погнанѣи быша** 6 об., **погнаномъ быти** 86.

Причастия от глаголов с неподвижным ударением в прошедшем времени демонстрируют тенденцию к корневому ударению, хотя имеется колебание между такой акцентовкой и предфлексийной: **есть писано** 167, **писано бо естъ** 171 об., **сѣззанъ** 199, **сѣззано** 233, **не оудержана бѣдѣши**

19 — оудѣржанѸ вы//ти 170 об. — 171; членное причастие на пѣтї топ-таннѣмъ 178. Ср.: оуготѣванное (В. ед. ч.) 22, оуготѣвано (предик.) 43 об., ѡлченъ 135, содѣлано 289 об.; в желаннѣхъ (субст.) 71 об., неиспытанны (И. мн. ч. ж. р.) 68 об., овѣщаннѣхъ (субст.) 71 об.

У *en*-причастий от глаголов а. п. *c* (у *i*-глаголов и *C*-корневых глаголов с флексийным ударением в прошедшем времени) встретилось флексийное и суффиксальное ударение.

При преобладании суффиксального ударения флексийная акцентовка отмечена у следующих нечленных причастий (как в предикативном, так и в непередикативном употреблении): положенѣ 238, положены вѣдѣтъ 13, вѣше прилѣпенѣ 17 об., двѣ рыбы испечены 25, не ограждена (предик.)¹⁴ 266 об. — огражена (Р.-В. м. р.) 181.

Только с суффиксальным ударением встретились книжные членные и нечленные причастия, написанные как с *-ни-* (почти всегда в членных формах), так и с *-н-*: вѣ гавленнѣхъ 191 об., сокровенно 302 об., сокровенна сѣ 234 об., сокровеннѣхъ 253 об., с сокращеннымъ 233 об., в сокращеннѣхъ 234, почтеннаго 117, не почтены 119.

Суффиксальное ударение представлено также и в других членных и нечленных причастиях с *-н-* и *-ни-* в предикативном и непередикативном употреблении: пѣщено 233 об., попѣщени выша 177 об., 262, совершена (И. ж. р.) 71, ѣсть совершено 198 об., спасени были 3 об., лишени 211, в... лишеннѣхъ 192 об., затворенъ 219 об., затворена (И. ж. р.) 221, оуединенъ 127, оуединенѸ (В. ж. р.) 179 об., оуединени 119, в роженѣхъ 12 об., разженныа (В. ж. р. мн. ч.) 283, оутверженна (Р.-В. м. р.) 195 об., оутвержени 196, овѣморена (Р.-В. м. р.) 46, овѣменени 59, раздѣленнѣхъ 208, ѡлченъ 239 об., оболчени 196 об., свобожденны (предик.) 246, в... позлащеннахъ 298. Следует отметить, что для форм именительного падежа мн. ч. нечленных причастий характерно книжное окончание *-и*, соответствующее литературно-богословскому содержанию рукописи.

У *en*-причастий от *i*-глаголов а. п. *a* почти всегда выступает корневое ударение: извѣвленъ 148 об., извѣвлѣ^н 35 об., да не разславлено вѣдетъ 49 об., мѣченъ 96 об., исполненъ 311 об., исполнено 284 об., исполнена 190, исполненою 217, составлена 146, оуставлено 208 об., вѣренъ 226 об. Иначе оумѣ... возвышена 78, неочищени 297 об., насыщенъ (предик.) 226.

У *en*-причастий от *i*-глаголов а. п. *b* отчетливо прослеживается тенденция к предфлексийному ударению: искѣшенѸ выти 94, бѣенъ вывъ 198, расточеннѸ (В. ж. р.) 203 об., заточенїи (субст.) 29 об., всѣжени вѣдѣ^н 45, моленъ вывъ 215 об., смѣшенны (предик.) 246, вопрошенъ 310 об. В преоукрашена (Р.-В. м. р.) 298 предфлексийное ударение обусловлено принадлежностью глагола в Овч-596 к а. п. *c*. Возможно, с этим же связано

¹⁴ Так здесь и далее обозначается предикативная и полупредикативная функция прилагательного и причастия, т. е. те позиции, когда они выступают в роли сказуемого или предикатива.

ударение причастия **оумёрщвѣно** 179 об., **оумершвѣна** (так! И. ж. р. предик.) 64. Отступлением является акцентовка членного причастия **возлюблены: возлюбленнаѧ** 111, **возлюбленаѧ** 122, **возлюбленїи** 114 об.

Не ясна акцентуация **посрамлени** (И. мн.) 181. Глагол принадлежал а. п. с, но отмечены следы а. п. b [Зализняк 1985: 140], которая, возможно, была у глагола в микросистеме Овч-596.

Страдательные причастия прошедшего времени с *-т-* представлены формами **ѣсть... взѧтъ** 23, **прѡклатъ** 85, 133.

Действительные причастия прошедшего времени

В Овч-596 в причастиях на *-въ*, образованных от *V*-корневых, *a*-глаголов, *i*-глаголов с подвижным ударением в прошедшем времени представлено уже только новое предфлексивное ударение: **превьѣвъ** 28 об., **ѡвратївъ** 138, **погвѣивъ** 73 об., **предавсѧ** 45 об., **оукротївъ** 36 при неакцентуированном **собра^ѣ** 289 об. В XVII в. микросистемы только с новым ударением встречаются уже и в восточной зоне [Зализняк 1985: 331]. Ср. также акцентуацию причастий от других глаголов: **воскресївъ** 36, **разлѣнївсѧ** 124, **поправъ** 204, **постївсѧ** 148 об., **сохранївъ** 304 об. (а. п. с); **вкѣсївъ** 82 об., **воздѣвъ** 290, **искѣсївъ** 279, **ощѣтївъ** 101, **вскочївъ** 127 (а. п. b). Таким образом, ударение действительных причастий прошедшего времени от разных глаголов унифицировано.

Действительные причастия настоящего времени

Действительные причастия настоящего времени в форме именительного падежа ед.ч. м. р. — современные деепричастия на *-а*, *-я*, образованные от глаголов а. п. с, в процессе эволюции изменили акцентовку с энклитической (**тѣрпѧ**) на флексивную (**тѣрпѧ**). Особую группу, сохранявшую первоначальную акцентовку, составляют причастия «группы *стоя*».

В Овч-596 представлена новая флексивная акцентовка у всех причастий от глаголов а. п. с, в том числе в «группе *стоя*». Такое же флексивное ударение отмечено и у причастий от глаголов а. п. b:

а. п. с: **вдѧ** 250, **воѣсѧ** 96 об., **подаѧ** 46, **живѧ** 18, **пїѧ** 45 об., **пїѧ** 306, **постѧсѧ** 213 об., **постѧ** / **во сѧ** 36 об., **скорвѧ** 127 об., **не творѧ** 36 об., 67 об., **творѧ** 103, 233 об., 303, **тѣрпѧ** 94 об., 124, **не тѣрпѧ** 310, **не тѣрпѧ** 223, **хранѧ** 81, **не хранѧ** 266 об.; **хотѧ** 206 об., 294, **не хотѧ** 101;

«группа *стоя*»: **лежѧ** 26, **молчѧ** 184 об., **стоѧ** 32 об., 78, **сѣдѧ** 59, 252;

а. п. b: **ворѧсѧ** 236 об.; **возводѧ** 96, **наводѧ** 214 об., 303, **приводѧ** 148; **ницѧ** 47, 289; **любѧ** 93; **молѧ** 32, **молѧсѧ** 157 об.; **носѧ** 58; **палѧ** 305; **просѧ** 32; **слѣжѧ** 185; **трдѧсѧ** 103 об.; **восходѧ** 119, **зѧходѧ** 119, 305, **исходѧ** 131, 198, **ѡходѧ** 270 об., **прѣходѧ** 120, **не сходѧ** 16.

Таким образом, в двух акцентных парадигмах в современном деепричастии (бывшем действительном причастии настоящего времени в форме

именительного падежа ед. ч. м. р.) представлено последовательное флексивное ударение.

У причастий а. п. *a* сохраняется корневое ударение: **плáчася** 127 об., **лáа** 47 об., **не чюá** 46 об., **вѣгаá** 293. У глаголов с постоянным ударением отмечена исконная акцентовка: **желáа** 93, 186 об. У вторичных имперфективов на *-а-ть* и *-ва-ть* ударение также сохраняется на словообразующем элементе: **возбранáа** 85, **ѡвращáа** 226 об., **вкѹшáа** 304 об., **гнѹшáа же сá** 226 об., **прогонáа** 148, **оупнѡвалáа** 43 об., **ѡпѣвáа** 120, **смирáа** 114, **отлагчáа** 125, **оужасáася** 275 об., **овьдáася** 43 об. (см. также примеры в списке соответствующих глаголов).

Инфинитивы с исконным конечным ударением

Как и в других письменных источниках, в Овч-596 у приставочных инфинитивов от глагола **ити**, имеющих книжный характер, встретилось предконечное ударение в тех случаях, когда перед корнем находится согласная: **взýти** 43 об., **внýти** 176 об., 242, 262, **изýти** 79, 210 об., 220, 243 об., 300 об., **ѡити** 215 об., 297 об. В случаях с находящейся перед корнем гласной ударение у инфинитива конечное: **прýти** 62 об., 84 об., 90 об., 92 об., 100, 179 об., 208 об., 213 об., 218, **прѣти** 65, 113, 137 об., как у производящего **ити** 106, 124, **итти** 39, 105, **итти** 128.

Сохраняется архаичное конечное ударение **взати** 189, **оумрети** 123, 123 об., 124 об., 125, 133 об., 310 об.

Новое (книжное) предконечное ударение у **начати** 159.

Конечное ударение сохраняется также в инфинитивах *C*-корневых глаголов на *согласную+ти*: **соблюсти** 150, 259, **возвести** 59 об., **привести** 109 об., **оверѣсти** 97 об., 138, 190, **ѡверсти** 11, **понести** 273, **трастиса** 131, **чести** 282, 288 об.

Такую же акцентовку имеют инфинитивы на *-щи* при отсутствии парных на *-чи*: **преневерещиса** 220 об., **овлещиса** 203 об., **совлещиса** 79, **жещиса** 168, **мощи** 91, 178, 195 об., **помощи** 6, 158 об., **рещи** 117 об. — 118, 179 об., 185, **ѡсѣщи** 179, **востещи** 229¹⁵.

Таким образом, система акцентуации данных групп инфинитивов в целом может быть охарактеризована как архаичная.

Прошедшее время (I-причастия)

Богословско-литературное содержание памятника в какой-то степени обуславливает господство аориста, тогда как количество форм перфекта, плюсквамперфекта и форм сослагательного наклонения, в состав которых входит *I*-причастие, невелико. Еще меньше форм акцентуировано.

¹⁵ Возможно, сюда же **оулещи** 304 об.: **и не мóгът оулещи ѡ зѣлнаго точенáа всегдашнаго в радóсти ихъ.**

У *i*-глаголов а. п. *a* представлено наосновное (корневое) ударение: **пoнѣднѣ**¹ 191, **нѣ вѣ...** **oстѣвилѣ** 197 об., **oудѣлилѣ еси** 138 (при **oудѣлитисѣ** 141), **сподѣбилѣ...** **еси** 138 (2 раза).

Соответствующих акцентуированных форм от глаголов а. п. *b*, как кажется, не встретилось). У *i*-глаголов а. п. *c* отмечается наосновное (тематическое) ударение: **трѣдилѣ ѣсть** 14, **еси трѣдилѣсѣ** 147, **сотворилѣ вѣ** 151, **творила** 3 об., **постѣлѣсѣ вѣдѣ**¹ 51, **ѡвратилѣ еси** 137 об., **oуклонилѣ еси** 238, **нѣ oвленилѣ еси** 20. Отступлением от такой акцентовки, т. е. вероятным маргинально-подвижным ударением является **родилѣ ѣсть** 12.

У *l*-причастий от *V*-корневых и *a*-глаголов встретилась следующая акцентовка: **вѣ алкаѣ** 52, **стѣлѣ еси** 228 об., **oстѣлѣ еси** 51 об., **пoслѣлѣ** 269. Возможно, о маргинально-подвижном ударении свидетельствуют **вѣли** 37, **прѣвило** 47 об., **сѡбрѣлѣ** 228 об.

Таким образом, можно предположить, что в прошедшем времени (*l*-причастиях) в Овч-596 представлено маргинально-подвижное ударение.

Акцентуация имен существительных

В Овч-596 имеются имена существительные акцентных парадигм *a*, *b* и *c*. Большую группу акцентуированных слов составляют производные существительные, которые также рассматриваются в статье.

Акцентная парадигма а

К акцентной парадигме *a* в Овч-596 относятся следующие имена существительные: **адѣ**, **ангелѣ**, **вѣсерѣ**, **братѣ**, **братѣиѣ**, **брашно**, **вѣтра**, **вѣтрѣ**, **дѣло**, **жажда**, **жизнь**, **инокѣ**, **камень**, **каменѣ**, **книга**, **лѣто**, **мати**, **моѣка**, **мысль**, **мѣра**, **мѣсто**, **ноѣжда/ноѣжа**, **печаль**, **пища**, **польза**, **правда**, **ратѣ**, **риза**, **рыба**, **сила**, **слава**, **смыслѣ**, **степенѣ**, **соѣбота**, **тысѣща**, **газыкѣ**: **вѣтрѣ** (И.) 287 об., **ѡ вѣтра** 294, **вѣтрѣ** 287 об.; **дѣло** (И.) 101, **дѣла** (Р.) 75, **ѡ дѣла** 235 об., **дѣла** (Д.) 228 об., **дѣло** (В.) 303 об., **в дѣло** 66, 196, **дѣло**^м (Т.) 181 об., **дѣломѣ** (Т.?) 82, **в дѣлаѣ** 191 об., **дѣла** (И.) 194, 237, (И.?) 163 об., (В.) 89, 238, **на дѣла** 45, 201, **дѣлѣ** 238, **дѣломѣ** (Д.) 293 об., **нѣ по дѣломѣ** 105 об., хотя **дѣлаесѣмѣ** 82, **дѣлы** (Т.) 298, **во...** **дѣлаехѣ** 236; **мати** (И.), **матѣри** (Д.) 122 об., **матѣрь** (В.) 309; **печали** (Р.) 42 об., **ѡ печали** 59 об., **печали** (И.) 107 об., (В.) 92 об., 301 об., **печалѣи** 123, 299 об., **печалми** 116 об., 302, **в печалѣхѣ** 59 об., **в печалѣхѣ** 106 об.; **рати** (Р.) 282 об., **ѡ ратѣи** 131 об., 263 об., **ратѣмѣ** 212 об.; **рыбѣ** (Д.) 206, **по...** **рыбѣ** 26, **двѣ рыбы** (И. или В.) 25, **рыбы** (И.) 206; **степенѣ** (И.) 161 об., (В.) 161, 176, **на степенѣ** 229, **степенѣи** (И.) 161 об., **степенѣ** (Р.) 160 об., **степенѣиѣ** (И.) 119; **газыкѣ** (И.) 249 об., **мзыкѣ** (Р.) 15 об., **ѡ газыка** 239, **газыкѣи** (И.) 10.

Часть слов, акцентуированных в древне- и старорусских памятниках письменности по а. п. *a*, в Овч-596 представлена одной или двумя разными акцентуированными словоформами и/или несколькими одинаковыми:

вѣрю 252, вѣрюю 86 об.; вѣчерѧ (Р.) 40 об.; врѣтище (В.) 111; вѣтвен 117—117 об.; гортѧнь (И.) 3, гортѧни (Д.) 50¹⁶; жѣрновъ (И.) 129 об., 309 об.; зѧлцы (И.) 116; зѧлта 150 об.; зѣрно (В.) 23; елѣни (И.) 116; іерѣѡ^М (Д.) 149 об.; вѣ кѧзѣни 9; в ковчѣсѣ 289 об.; колѣни (В.) 31; корчѧга 25; кѡплѧ (Р.?) 198 об.; мнѣхѡ^М (Д.) 149 об.; мѣди (Р.) 194; ѡ надежда 209 об.; невѣста 297 об.; нѣва 266 об., нѣво (Зв.) 58 об.; пѧры (И.) 76 'пар, испарение', 'дух, дыхание'; пѣрьсть (В.) 203 об.; печѧть (В.) 230 об., печѧтѣю 230; плѧча (Р.) 42; ѡ полѧтъ, в... полѧтахѣ 118 об.; пшѣница 302, пшѣницы (Р.) 94 об.; пѣснь (В.) 10, 117 об., 120, пѣсни (В.) 116; рѧны (В.) 279, рѧнами 107; стѧдо (И./Зв.) 34 об., (В.) 5; сѣвера 10 об.; сѣмѧ (В.) 205; ѡ сѣни 242 об., ѡ... сѣни 135; на сѣти 285 об., сѣтен 126, 293, сѣти (форма не ясна) 194 об.; в тѣнѣ 47; в... тѣквѣ 16; оѣтро (И.) 119 об.; чѧшѣ 295; чѧда (И.) 220 об., (В.) 289 об.; ѧзвѣ 283 об., ѧзвѣ 64; ѧмы (Р.) 303 об., 304, вѣ ѧмѣ 47.

Несмотря на флексивное ударение в творительном падеже мн. ч., к а. п. а в Овч-596 относится существительное **тварь**: тварѣи (Р.) 256 об., тварѣю 99 об., 101, 155 об., вѣ тварѣи 256, тварѣен 196, ѡ тварѣен 100 об., тварѣи 169 об., вѣ тварѣехѣ 231 об. Возможно, сюда же ѡ ѧди 56, гадѣи 9, ѧди (В.) 289 об. Отступление могло быть обусловлено флексивным ударением в этой же падежной форме принадлежавших к а. п. с имен существительных ж. р. *ѣ-склонения.

К а. п. а принадлежит существительное **кран**, у которого по памятникам возможна также акцентовка по а. п. b: до краѧ 17, 81 об., краѣи (Р.) 10 об. при неакцентуированном **при краѣ** 17 об. Из других слов, у которых по памятникам известна акцентовка не только по а. п. а, в Овч-596 встретились: гѧдове (И.) 190 (возможна а. п. с); с... кѣдромѣ 11 об. (возможна а. п. b); нрѧвы (В.) 84 (возможна а. п. с); солньце (И.) 26 об., 149, (В.) 278, солньца (Р.) 28 об. (возможна а. п. b); трѣпетѡ^М (Т.) 184, вѣ трѣпетѣ 96 об. (возможна а. п. с); свѧра (Р.) 40 об. (возможна а. п. b); оѣды (В.) 240 об., оѣдесѣмѣ 199 (новая а. п. с). Малочисленность форм не позволяет делать вывод о принадлежности этих существительных именно к а. п. а, за исключением слов **сварѣ**, **солньце** и **кѣдрѣ**. Флексивное ударение в дательном падеже мн.ч. оѣдесѣмѣ могло быть обусловлено самой формой на *-есемѣ*; ср. у существительного **дѣло**, которое без наращенія акцентуировано по а. п. а: дѣломѣ (Д.) 293 об., не по дѣломѣ 105 об. при дѣлесѣмѣ 82.

Не ясна акцентная парадигма довольно большой группы существительных, среди которых есть заимствования, поскольку в Овч-596 материала недостаточно — слова представлены одной или двумя словоформами. Не исключена акцентовка, по крайней мере некоторых из них по а. п. а, хотя вероятно их принадлежность к а. п. с: вѡни (И.) 113, вѡнны (В.) 282; на вѡи 129 об.; кѣлѧ (Р.) 185 об., в кѣлѣи 114 об., 189; с... кипарѣсомѣ 11 об.; кѧлѧ (Р.) 117, кѡпѡта (Р.) 117, кѡзни (И.), кѡзни (В.) 287; кѣколь (В.)

¹⁶ Это существительное в Овч-596 относится как к женскому, так и к мужскому роду: гортѧнь нѧшѧ 3, гортѧни моемѣ 50.

111 об.; **кѣщѣ** 118 об.; **лávры** (И./Зв.) 29 об.; **мáслина** (форма не ясна) 25; **мóщемъ** 85 об.; **мрáвѣа** (И.) 190; **мрѣжами** 97; **нѣдро** (И.) 241; **в нáдра** 188 'пазуха'; **овычáл** (Р.) 241 об., **овычáю** (Д.) 23, **одѣжею** 31, 181 об., **одѣждѣю** 298, **одѣжда** (В. мн.) 30 об.; **wkwвы** (форма не ясна) 239; **wnщѣ** 118 об.; **с пѣвгомъ** 11 об.; **пещѣры** (Р.) 18, 27 об., 32, **в пещѣртѣ** 25 об.; **плáмень** (В.) 7, 188; **птѣца** (Р.) 16, **w... птѣцахъ** 88 об.; **смрáда** (Р.) 19, **ѣмрáдѣ** (Д.) 294; **сóта** (Р.) 150 об., 224; **схѣмѣ** 111 об.; **оутрóбы** (Р.) 116 при **оутрóбѣ** 294; **в цáтѣ** 194; **ѣношѣ** 130 об.; **сытѣ** (Р.) 47 об.; **во оўжы** 142, **фѣнѣкѣ** (Р.) 16, **фѣнѣкѣ** (И.) 25.

Иную акцентовку, не соответствующую а. п. *a*, в Овч-596 имеют имена существительные **хорóугы** и **вертепѣ**: **хорóугѣ** (И.) 11; **до вертепá** 18, **в вертепѣ** 27 об., **в... вертепѣ** 20 об., **вертепѣ** (Зв.) 28 об. Можно предположить, что оба слова относились к а. п. *b*.

Акцентуация существительного **врѣмá**, возможно, такая же, как и у слова **врѣмá**, т. е. по а. п. *c*: **врѣмá** (И./Зв.?) 58, **врѣмѣнá** (И.) 159 об., 193 об., (В.) 99.

У существительного **плѣмá** встретилось ударение **плѣмѣнѣ** (Р.) 35 об.

Как и в большинстве памятников, новая а. п. *c* представлена у слова **чюдо**, изначально относившегося к а. п. *a*: **чюдо** (В.) 115 об., **в чюдесѣ** 195 об., **чюдесá** (В.) 23 об., 39, 146 об., 191 об.

Существительное **любы** имеет акцентовку, частично отличающуюся от первоначальной, но аналогичную акцентовке слова в других памятниках: **любы** (И.) 42 об., 192, 224 об., **любóвь** (И.) 224, 124 об., (И.?) 108, **любвѣ** (Р.) 78 об., 107 об., 221, (Р.?) 109, **ѣлюбвѣ** 89, 178, 202 об., **любóвь** (В.) 24 об., **в любóвь** 79 об., **любóвѣю** 87 об., 124 об., 217, **в... любвѣ** 30, **в любвѣ** 221 об., 222 об., **о любвѣ** 221.

Имена существительные **трапѣза** и **жнѣлицѣ** имеют акцентовку, соответствующую восточной зоне [Зализняк 1985: 289, 225]: **трапѣза** 25 об., 53 об., 145 об., **трапѣзы** (Р.) 307 об., **внѣзъ трапѣзы** 25 об., **трапѣзѣ** 25, **на трапѣзѣ** 298 об. (2 раза) при **трапѣза** в западной зоне; **жнѣлицѣ** (И.) 299 об., **внѣзъ жнѣлица** 141, **жнѣлица** (В. мн.) 21 об., 103, 146 об., **в... жнѣлицѣ** 114 об. при **жнѣлицѣ** в средней и южной частях западной зоны.

Акцентная парадигма b

К акцентной парадигме *b* в Овч-596 принадлежат следующие имена существительные: **вѣда**, **врагѣ**, **врачѣ**, **глава**, **грѣхѣ**, **жена**, **животѣ**, **змя**, **конецѣ**, **лицѣ**, **мзда**, **огнь**, **полкѣ**, **постѣ**, **поутѣ**, **равѣ**, **ран**, **рѣка**, **слоуга**, **сонѣ**, **стежа**, **соудѣ** 'суд', **троудѣ**, **оумѣ**, **часѣ**: **вѣдá** 251, **вѣды** (Р.) 208 об., **вѣды** (И.) 38 об., 302 об., (В.) 123 (2 раза), 301 об., **вѣдами** 187 об., 302; **женá** 6 об., 53 об., **женѣ** (Р.) 6 об., **женѣ** 53 об., **женѣ** (В.?) 309, **женáми** 12 об.; **постá** (Р.) 38 об., 50 об. и др., **постѣ** 57 об., **на постѣ** 294, **постóмъ** (Т.) 146, 307а, **с постóмъ** 37, **в постѣ** 147 об., 150, **о постѣ** 50, **о... постѣ** 34 об.; **стежá** 92, **стежѣ** (Р.) 175 об., **стежю** 17, **во... стежѣ** 238 об., **во... стежѣхъ** 238; **сѣдá** (Р.) 195, 221 об., 222, **ѣсѣдá** 222, **о... сѣдѣ** 42 об., **сѣдѣ** (И.) 10.

Некоторые слова, у которых в других письменных источниках засвидетельствована акцентовка по а. п. *b*, в Овч-596 представлены одной или двумя разными акцентуированными словоформами и/или несколькими одинаковыми формами, поэтому их принадлежность к данной акцентной парадигме устанавливается с большей или меньшей вероятностью: **на вѣрхъ** 300; **винò** (И.) 152а, (В.) 45 об.; **вóждь** (И.) 53; **враждà** 113; **во дворѣ** 82 об., **в...** **дворы** 33 об.; **во днò** 114, 236 об.; **дóждь** (И.) 16, (В.) 36; **игры** (В.) 181; **клеветѣ** 40, 56 об., **клеветы** (Р.) 302, **ѿ клеветы** 205; **корáвль** (И.) 114, 302, (В.) 285, **в коравли** 207 об.; **крилѣ** (И.) 53, 110, 149 об., (В.) 111 об., **пòкрылòма** 33 об. при **крилы** (Т.) 272; **лвà** (Р.-В.) 154, **лвы** (В.) 36; **лвнà** 13; **лвчнò** 252, **лоучамъ** 241 об.; **мертвецà** (Р.-В.) 64, **мертвецю** 258; **мечь** (И.) 251 об., **мечемъ** (Т.) 117; **млекомъ** (Т.) 122 об.; **ножѣе** (В.?) 53 об.; **овощи** 9; **орлà** (Р.-В.) 310; **пѣсь** (И.) 47 об., **пѣсь** (Р.) 241 об.; **прыщъ** (И.) 121; **сапозы** (И.) 189; **сатанѣ** 294 об.; **сестры** (И./Зв.) 34 об., 147 об., **сестры** (Зв.) 41; **скотъ** (И.) 55, **скотà** (Р.) 55; **сребрò** (И.) 302 об.; **двà столà** (В.) 25; **стопѣ** 238, 238 об., 248, **стппы** (В.) 209 об.; **толпы** (В.) 31 об.; **трѣбà** 230 об., 282, **трѣбы** (Р.) 282; **твгà** 179 об.; **оустà** (И.?) 296; **шлемомъ** (Т.) 123 об.

Возможно, о принадлежности к а. п. *b* существительного **здàть** косвенным образом свидетельствует ударение наречия и предлога **созаднì** 233, 305, 305 об.

Из слов, у которых по памятникам засвидетельствована не только а. п. *b*, в Овч-596 встретились: **блвдà** (Р.) 128, **въ блвдѣ** 201 об. (исконная а. п. *c*); **бронáми** 123 об. (возможна а. п. *c*); **винà** 69, **вины** (Р.) 166, 170 об., **ѿ вины** 178 об., **винѣ** 77 об., 106 об., 185, 194 об., **виню** 6, 170, **в винѣ** 217 об., **вины** (И.) 241, 211, 259, (В.) 164 об., **винамъ** 214 об., **винѣ ѿ винъ** 87 об. и др. (возможна а. п. *c*); **главà** 217, 281 об., **на главѣ** 261, **на...** **главѣ** 47 об. (возможна а. п. *c*); **ѿ... жезлà** 179, **жезломъ** (Т.) 222 об. (возможна а. п. *c*); **крестà** 209 об., **на крестъ** 209, 298 об. (возможна а. п. *c*); **овцà** (В.?) 101 об., **овца** (И.) 186 об. (возможна а. п. *c*); **плòдà** (Р.) 36 об., 228 (2 раза), **плòдà рáди** 215, **плòдà** (Р.) 223 об., **плòды** (И.) 58 об., (В.) 54 (возможна а. п. *c*); **стрàны** (Р.) 216 об., **ѿ стрàны** 197 об., **до...** **стрàны** 31, **стрàнѣ** 244 об., **стрàнѣ** 65, **во стрàнѣ** 66, **на стрàнѣ** 11, **во стрàнѣ** 103 об., 196 об., 197, 197 об., **во стрàнѣ** 198, **в...** **стрàнѣ** 66, **во стрàны** 72 и др. (возможна а. п. *c*); **ралъ** (Р.) 52 об., **из ралъ** 285, **рán** (В.), **в рán** 11, 152а, **в рай** (М.) 147, 152а, **рай** (Зв.) 6 об. (возможна а. п. *c*). К а. п. *b* из них принадлежат **блòдъ**, **вина**, **глава**, **жезль**, **крестъ**, **ран**, **страна**. У существительного **плòдъ** представлено колебание ударения. По остальным словам недостаточно материала. Для слова **бчелà** 289 выбор между а. п. *b* и а. п. *c* затруднен; см. [Зализняк 1985: 135].

Существительное **твма**, акцентуированное как по а. п. *b*, так и по а. п. *c*, в Овч-596 имеет следующие ударения: **тмы** **кромѣ** 186, **тмѣ** (Д.) 31 об., **со тмю** 128, **во тмѣ** 252; (числ.) **тмѣ** 98 об., **двѣ тмѣ** (И.) 39 об., **ѿ тѣмъ** 77.

К а. п. *b* относится существительное **молва**: **молвà** 303 об., **молвы** (Р.) 145, **мвлвы** (Р.) 145 об., **ѿ молвы** 59 об., **ѿ...** **мвлвы** 66 об., **молвѣ** (Д.)

128 об., **в молвѣ** 119 об., **молва́ми** 307а. Такое ударение характерно для восточной зоны при **мо́лва** в западной зоне [Зализняк 1985: 289—290].

С большей или меньшей вероятностью к а. п. *b* можно отнести следующую группу слов, представленных недостаточным количеством материала, хотя некоторые акцентные формы могут рассматриваться как соответствующие а. п. *c*: **зарю** 161 об., **зарѧ** (В.?) 205 об.; **гармѣ** (Зв.) 58; **плеветы** (И.) 302 об.; **вѣнѣць** (В.) 111, **вѣнцѧ** (Р.) 109 об., **вѣнцы** (И.) 13; **лжѣю** 285; **писмена** (В.), **в писменѣхъ** 229 об., 234; **мантїю** 111 об.; **во тлю** 100. Возможно, к а. п. *b* принадлежит существительное **рожець** 'плод рожкового дерева': **вождевъ**¹⁷ **рожцѧ** 226 об.

Акцентовка существительного **дверь**, скорее всего, указывает на его принадлежность к а. п. *c*: **дверь** (И.) 66, 257 об., (В.) 214 об., **дверѣн** (Р.) 252, **дверемъ** (Д.) 70, 231, **дверн** (В.) 32, 185 об.

Новая а. п. *a*, видимо, у существительного **воплъ**: **воплѧ** 18 об.

Из слов «группы *воля*» исконную акцентуацию по а. п. *b* сохраняет только существительное **вонѧ** (Р.) 28 об. У существительных **волл** и **кожа** встретилась акцентовка по а. п. *a*: **волл** (И.) 185, **волл** (Р.) 184, **ѡ волл** 106 об., 107, **воли** (Д.) 101 об., **по воли** 183 об., **волю** 19 об., 34, 100, 184 об., 294, **волею** 85, 93, 85 об., **неволею** 197 об.; **кожа** (И.) 21, **ѡ кожа** 26 об., **в... кѡжахъ** 115.

У существительных м. р. **ѡ*-склонения явно прослеживается тенденция к сохранению исконных флексий именительного и винительного падежей мн. ч. *-и* и *-ы* соответственно. Несмотря на книжную флексию *-и* в именительном падеже мн.ч. господствует исконное для а. п. *b* флексийное ударение (на основное ударение, как кажется, лексикализовано); такая же акцентовка сохраняется в винительном падеже: И.: **врази** 41 об., 148 об., **грѣси** 53 об., **плоды** 58 об., **сапозн** 189, **сѣдн** 10, **трѣдн** 251 об.; В.: **врагы** 8, 148, 193 об., 278, **на врагы** 52 об., 149, **грѣхы** 57 об., 127 об., 200, 307, **плоды** 54, **полкы** 31 об., **равы** 9, 53, **трѣды** 102, 104 об., 183 об., 286 об., **в... трѣды** 195. Таким образом, акцентное различие между словами **ѡ*-склонения и **а*-склонения в Овч-596 отсутствует; ср.: И.: **бѣды** 38 об., 302 об., **слѣгы** 261; В.: **бѣды** 123 (2 раза), 301 об., **слѣгы** 53, 294 об., **стѡпы** 209 об., **толпы** 31 об.

У имен существительных а. п. *b* отсутствует вторичная оттяжка ударения на предлог: **на вѣрхъ** 300, **на крѣстъ** 209, 298 об.

Акцентная парадигма с

К акцентной парадигме *c* в Овч-596 принадлежат следующие имена существительные: **вогъ**, **брань**, **бѣсъ**, **вещь**, **власть**, **вода**, **врата**, **время**, **вѣкъ**, **гладъ**, **гласъ**¹⁷, **градъ**, **гробъ**, **даръ**, **день**, **домъ**, **дрюгъ**, **доуша**,

¹⁷ У слова **гласъ** есть отступления от акцентовки по а. п. *c*: **гласа** (Р.) 7, 18 об., 217 об., **гласн** (И.) 76 об. при **гласы** (Т.) 144. Однако это не свидетельствует о принадлежности к а. п. *a*.

дѣтъ, жена, земля, има, кровь, медъ, миръ, море, моужь, небо, нога, ноздрь, ночь, око, плотъ, роука, свѣтъ, слеза, слово, страсть, стѣна, тѣло, чинъ, чрево: вода 16 об., ѿ воды 21, 206, воды (Р.) 206, водѣ (Д.) 17, водѣ 16, 26, 283, водою 36 об.; врата (И.) 11 об., вратъ (Р.) 11, прѣвраты 241 об. (на поле); морѣ (Р.) 15 об., 155 об., 205 об., 236 об., 302, по морю 16, море (В.) 17 об., в мори 21, 190 об., в... мори 236—236 об.

Некоторые слова представлены в Овч-596 одной-двумя словоформами или бoльшим количеством одних и тех же форм, и поэтому их принадлежность к данной акцентной парадигме является более или менее вероятной: на берегъ 6 об.; на веснѣ 145 об.; виды (В.) 275 об., видѣвъ 69; волны (И.) 204 «волны» при неакцентуированной словоформе в волнахъ 193 об.; воскъ 289 об.; в грѣзѣ 4 об.; долга (Р.) 201; древо (В.) 22, 129, съ древесы 12; ѿ дѣха 237, дѣхѣвъ 188 об., 305; зѣбрю (Д.) 22 об.; злато (И.) 302 об., злата 150 об.; князи (И./Зв.) 29 об.; люди (В.) 287; корени (Р.) 17, 26, 129, при корени 295; кoстѣ (В.) 27, в кoстѣ 305; мoстѣ (Д.) 231; во мрацѣ 278; мѣса (Р.) 51 об.; пѣпѣ, (В.) 181 об., пѣпелъ 249 об., попелъ (И.) 182; пота (Р.) 74 об.; помѣсь (И.) 189; ѿ родѣвъ 92; роса 16; саны (В.) 113; сласти (Д.) 184 об.; в... смѣхѣ 94 об.; снѣгъ (И.) 25; соль 25, бѣз соли 59; оуши (В.) 116, ко оушима 117; цвѣтовъ 289 об.; цѣны (Р.) 284 об., двѣ цѣнѣ (В.) 178; часть (И.) 108 об., 263, в части 109, 243 об., в... части 244 об.; черви (И.) 48 об.; в честь 53, къ чести 216 об.; ѣдъ (В.) 159.

Из имен существительных, акцентуированных в письменных источниках не только по а. п. с, в Овч-596 встретились: вечерѣ (Д.) 24 об., вечерь (нар.) 27 об. (возможна а. п. а); власа (Р.) 30 об., власы (Т.) 22 об. (возможна а. п. б); на гдѣ 101 об., 125, 135 об., 165, со гдѣ^м 2, со гдѣмъ 295 об. (возможна а. п. а); зѣвѣдѣмъ 236 (возможна а. п. б); в мѣчтехъ 180 об. (изредка а. п. б); ѿ... сѣрдца 51, сѣрдце (В.) 294, сѣрдцемъ (Т.) 135, сѣрдыцемъ (Т.) 123 (возможна а. п. б); скорби (Р.) 103, скѣрби (В.) 102, скорбѣн 173, 174, 188, 208 об., скорбѣмн 187 об., скѣрбѣмн 302 и др. (возможна а. п. а); ѿ средѣ 209 об. (возможна а. п. б); страхъ (И.) 108, на страхъ 282 об., страха (Р.) 127 об., 160, 307, страхѣ (Д.) 127, со страхѣ^м 183 об., въ страстѣ 242 об. и др. (возможна а. п. б); ѿ стрѣлы 101 об., стрѣлы (И.) 57, стрѣлами 196 (возможна а. п. б); на... хѣлмы 116 об., посрединѣ холмовъ 103 об., на холмѣхъ 118 об. (возможна а. п. б). Приведенные словоформы свидетельствуют, что в Овч-596 эти слова, за исключением существительных зѣвѣда и среда, для которых недостаточно материала, принадлежат к а. п. с. Как кажется, не акцентуировано существительное храмы (В.) 43, въ храмѣхъ 8 об., которое иногда могло принадлежать а. п. а.

По имеющимся в рукописи акцентуированным формам существительное гора принадлежит к а. п. с: гора (И.) 15, 28 об., 24, (И./Зв.) 24, горы (Р.) 17 об. (2 раза), до горы 22 об., горѣ 17 об., гѣры (В.) 116, горѣ 29, 103 об., 115 об., в горахъ 189, на горахъ 119 об.

К а. п. с по данным письменных источников обычно принадлежит существительное свобода. В Овч-596 оно имеет следующую акцентовку:

свобода 212, 281, **свободы** (Р.) 178, 197, 197 об. (3 раза), **свободѣ** (Д.?) 228 об., **свободѹ** (В.) 175, 194, 198 при **внѣ** **свободы** 239 об.; ср. **свободно** 239.

В Овч-596 еще остается регулярной оттяжкой ударения на предлог:

предлог *без*: **бѣз соли** 59, **бѣз чести** 118 об.;

предлог *во*: **во власти** 102, **во время** 196 об., 249 об., 311 об. и др. (регулярно), **во вѣкы** 2, 5, 9 об., 49, 60, 104, 114 об., 252, **во вѣки** 148, **во градъ** 124, **во градѣ** 128, **во градѣ** 126, **во гробѣ** 63, 258, **во дни** 50 об., 241, 301 об., **во дне** 81 об., 101 об., **во имѣ** 10 об., **во мращѣ** 278, **во свѣтѣ** 14 об., 28 об., 31, 115, **во ѣтрастѣ** 6 об.;

предлог *до*: **до свѣта** 32;

предлог *ко*: **ко гдѹ** 120 об.;

предлог *на*: **на бѣга** 135, 169, 190 об., 191, **на брегѣ** 6 об., **на веснѣ** 145 об., **на время** 240, 242 об., **на вѣкы** 9 об., 11, **на гдѣ** 101 об., 125, 135 об., 165, **на дшѹ** 48 об., 285 об., **на дшю** 66 об., 239, 246, **на землю** 16 об., 49 об., **на рѣкѣ** 130 об., **на ѣтрасти** 223 об., 282 об., **на страхѣ** 282 об., **на тѣлѣ** 21 об., **на тѣле** 121;

предлог *о*: **о вѣтѣ** 224, 224 об. (2 раза), **о востѣ** 114 об., **о чреве** 212;

предлог *по*: **по вѣтѣ** 209 об., 306 об., **по морю** 16, **по сѣхѣ** 16, 39, 155 об. — 156, **по слѣдѣ** 92, **по чинѣ** 78 об.;

предлог *при*: **при ногѣ** 59;

предлог *со*: **со гдѣм** 2, **со гдѣмѣ** 116 об., 295 об., **со ѣтрахѣм** 60, **со страхѣм** 183 об.

Отсутствие оттяжки на предлог: **о гла/дѣ** 132 об., **при корени** 295, **ѡ корени** 17, **ѡ дѣха** 237, **ѡ имени** 202 об., **во имени** 63 об., **о имени** 138, **по имени** 235. Примеры показывают, что оттяжка устраняется, во-первых, с предлога *отъ*, во-вторых, при употреблении других предлогов с многосложными (трехсложными) словоформами (см. выше **во имѣ** — **по имени**).

Акцентуация имен существительных а. п. с в формах ед. ч. У имен существительных м. р. в форме местного падежа ед. ч. на -у (слова исконного **й*-склонения) с локативным и не локативным значением при односложной основе встретилось флексивное ударение: **в домѣ** 143, 151 об., 247; **в мирѣ** 128 при **в мѣрѣ** 8 об., 18 об., 23 об., 33, 82 об., 93, 115 об., 125 об., 206 об., 218 об.; **в чинѣ** 262 об., **в... чинѣ** 160 об.

Такая же акцентовка в местном падеже ед. ч. на -у у односложного существительного ж. р. (исконное **ї*-склонение): **в ноцѣ** 46, 127, 220.

Флексивное ударение отмечено также у исконных существительных **й*-склонения в родительном падеже ед. ч. на -у: **ѡ домѣ** 131 об., **паче мѣдѣ** 25, хотя **мѣдѣ** 59. В формах родительного падежа ед. ч. на -а у этих же слов представлено наосновное ударение: **паче мѣда** 50, 224, **мѣда** 150 об., 277 об.; **чина** 78, 112 об., 113 об., 161, 168 об., **внѣ чина** 240; **мира** 44, 69, 103 об., 125 об., 206 (2 раза), 225, 301 и др.

У существительных **й*-склонения и **ї*-склонения наосновное ударение (в том числе с оттяжкой на предлог) отмечено в форме дательного падежа:

дѡмѸ 170 об., чинѸ 110 об., по чинѸ 78 об., 172 об., мѣрѸ 21, 210 об., к дарѸ 52; мѡстѸ 231, грѡбѸ 295 об., стрѡхѸ 127.

В предложно-падежных сочетаниях книжного характера у слов м. р. *ѡ-склонения и ж. р. *ї-склонения в местном падеже при односложной основе представлено наосновное ударение (в том числе с оттяжкой на предлог): во градѣ 126, во гробѣ 63, 258, во мрѡцѣ 278, во свѣтѣ 14 об., 28 об., 31, во ѡтрѡстѣ 6 об., въ стрѡстѣ 242 об.; в вѣщи 229, во власти 102, в скорби 107, в частѣ 108 об., 243 об. Наосновное ударение имеет место и при наличии стоящего между предлогом и существительным определения: во ѡномѣ вѣще 118, на сѣ свѣтѣ 311 об.; во всѣи скорби 107 об., в коѣн частѣ 244.

У имен существительных *ā-склонения в местном падеже встретилось флексийное ударение: в землѣ 22, 69 об., в землѣ 24 об., на землѣ 35, 224 об., 207, на... землѣ 54 об.

У этой же группы слов в форме винительного падежа засвидетельствовано наосновное ударение, а при наличии предлога — с его оттяжкой на предлог: на веснѣ 145 об., водѣ 16, 26 (2 раза), 283, в грѡзѣ 4 об., дѣшѣ 49 об., 291 об., землѣ 60, 117, на землѣ 16 об., 49 об., при ногѣ 59, рѣкѣ 25 об., стѣнѣ 56 об.

Акцентуация имен существительных а. п. с в формах мн. ч. У существительных м. р. *ѡ-склонения, *ї-склонения и *й-склонения в формах именительного и винительного падежей отмечено наосновное ударение. При малочисленных отступлениях в акцентуированных формах писец пишет исконные флексии *-и* и *-ы* соответственно: И.: вѣси 7 об., 26 об., 125 об., вѣсовѣ 21, глѡси 76 об., дарѡвѣ, дарѡвѣ 176 об., дрѡзи 297 об., (И./Зв.) 114 об., кнѡзи (И./Зв.) 29 об., чѣрви 48 об.; В.: вѣсы 112 об., 159, 205, на... вѣсы 290 об., вѣси 31 об., вѣды 275 об., на вѣкы 9 об., 11, грѡбы 289 об. при неакцентуированном во грѡвы 143, на... хѡлмы 116 об., во дни 50 об., 241. Такое же ударение (с оттяжкой на предлог) у формы винительного падежа в составе устойчивого словосочетания во вѣки вѣкомѣ: во вѣкы 2, 5, 9 об., 49, 60, 104, 114 об., 252, во вѣки 148.

У имен существительных среднего рода отмечено флексийное ударение: И.: вратѣ 11 об., словеса 50; В.: в... временѣ 307 об., именѣ 37, на небеса 57, словеса 11 об., 150 об., 212 об., тѣлеса 89 об., 150.

Имена существительные ж. р. *ā-склонения имеют наосновное ударение: И.: волны 204, слѣзы 280, стрѣлы 57; В.: вѡды 155, слѣзы 64, 79 об., 301 об., нѡгы 93.

У имен существительных ж. р. *ї-склонения в именительном и винительном падежах мн. ч. также представлено наосновное ударение (перечень неполный): И.: вѣщи 188 об., дѣти 194, нѡздри 3, скѡрби 251, 251 об., сласти 43, стрѡсти 225, 246 об., 247 об., ѡтрѡсти 212 об., 231 об., 254; В.: вѣщи 241 об., кѡсти 27, в нѡздри 13, скѡрби 102, скорби 298 об., стрѡсти 97, 308 об., 309, ѡтрѡсти 44, 85 об., 188 об.

В творительном падеже мн. ч. на *-ы* имен существительных мужского и среднего рода ударение флексийное: с вѣсы 4 об., 7, 95, со... вѣсы 290,

власы 22 об., **прѣвраты** 241 об. (на поле), **съ древесы** 12, хотя **гласы** 144. Таким образом, у слов мужского рода а. п. с четко прослеживается тенденция к акцентной модели *И.-В. наосновное ударение* — *Т. флекссионное ударение*, что позволяет различать омонимичные падежные формы. Эта же модель отмечена у производных приставочных имен существительных, также принадлежавших к а. п. с: *И.*: **ѡбразы** 225, **пóмысли** 82 об., 257, **пѡмыслы** 67, 106 об.; *В.*: **ѡбразы** 164 об., **во ѡбразы** 160, **пóмыслы** 263, 275, **пѡмыслы** 150, **в пóмыслы** 62 об., 300 об.; *Т.*: **вбразы** 285 об., **со... вбразы** 161 об., **с помыслы** 163 об.¹⁸.

Акцентуированные формы дательного падежа мн. ч. на *-омь* существительных мужского рода малочисленны: **вѣсѡмъ** 94, 151 об., 299 об., **чинѡмъ** 160, а также в составе устойчивого выражения **вó вѣкы вѣкѡмъ** 49, **вó вѣкы вѣкѡмъ** 104 об., 114 об. (при отсутствии акцентного знака во многих примерах). Таким образом, слова м. р. с твердой основой в дательном падеже мн. ч. имеют флекссионное ударение и этим отличаются от форм творительного падежа ед. ч.: **вѣсѡ^М** 267, **гладѡ^М** 41, 49 об., **гладѡмъ** 124 об., **миромъ** 19 об., 22 об., **с мирѡ^М** 306, **страхѡ^М** 56 об., **сѡ страхѡ^М** 60, 183 об., **с... страхѡмъ** 61. По такой же модели *Т. ед. ч. наосновное ударение* — *Д. мн. ч. флекссионное ударение* акцентуированы приставочные производные существительные мужского рода а. п. с: *Т.*: **ѡбразѡмъ** 242, 282 об., **пóмыслѡмъ** 64, 191, **пóмыслѡ^М** 310; *Д.*: **помыслѡмъ** / 280, **помыслѡмъ** / 57 об., **помыслѡмъ** / 263 об.¹⁹

У существительных ж. р. **ĭ*-склонения в дательном падеже мн. ч. встретилось наосновное (старое) и флекссионное (новое) ударение: **вѣщѡмъ** 211, **дѣтѡмъ** 37 об., **скѡрвѡмъ** 209 об., **страстѡмъ** 257 об., **страстѡмъ** 90 об., **страстѡмъ** 91 об.

Недостаточно данных об акцентуации имен существительных м. р. и ср. р. в местном падеже мн. ч. (формы на *-ѣхъ/-ихъ*), где, как кажется, представлено колебание ударения: **вó днѣхъ** 235, **вó днѣ^х** 24, **в мѣчтѣхъ** 180 об., ср. **на холмѡхъ** 118 об. Приставочные производные имена существительные м. р., которые тоже принадлежат к а. п. с, имеют следующее ударение: **на пóмыслѣхъ** 240 об., **в пóмыслѣ^х** 257 об., **в пѡ//мыслѣ^х** 83 об.-84.

У существительных ж. р. **ĭ*-склонения в местном падеже ед. ч. отмечено только наосновное ударение: **въ... вранѣ^х** 158 об., **в вѣщѣ^х** 201 об., 225, **в... вѣщѣхъ** 234, **в... вѣщѣ^х** 242, 272, **во... вѣщѣ^х** 154 об., **в кѡстѣ^х** 305, **во... скѡрвѣхъ** 107 об.

Эта же группа слов в творительном падеже мн. ч. имеет флекссионное ударение: **вещми** 309, **скорбми** 187 об., **скѡрбми** 302, **страстми** 289, **со**

¹⁸ Для существительных **промыслъ** и **подвигъ** из значимых акцентуированных форм встретились только **пѡдвигы** (В.) 80 об.

¹⁹ Дополнительным фактором различения форм ед. ч. и мн. ч. является написание (правда, непоследовательное) буквы **ѡ** в формах мн. ч. Ср. у существительных а. п. *б.*: **трѡдѡмъ** (Т.) 128 об. — **врагѡмъ** (Д.) 150 об.

ѣстрастьми 247, 255, дѣми 35 об. Флексивное ударение отмечено также у производного слова ж.р. похотѣ, акцентуированного по модели похотѣ, то есть по а. п. с, у существительного тварь, относящегося к а. п. а, и гадь: похотми 38 об., похотми 117 об., тварми 169 об., гадми 9; ср.: печальми 302²⁰.

В родительном падеже мн.ч. существительные м.р. *ѣ-склонения и ж. р. *ѣ-склонения имеют флексивное ударение: вѣсѣвъ 26 об. — 27, 73 об., 92 об., ѡ вѣсѣвъ 94, 114, 115 об., 123, 245, 291 об., 309, ѡ дрѣгѣвъ 186 об., дрѣгѣвъ (Р.-В.) 187 об., дрѣхѣвъ 188 об., 305, ѡ родѣвъ 92, холмѣвъ 103 об., цвѣтѣвъ 289 об., хотя видѣвъ 69; бранен 126 об. (над ѣ по-меха), ѡ... скорбен 177, вмѣсто скорбен 173, скорбен 59 об., скорбен 173, 174, 188, 208 об., 262, вѣчен 18 об., 77, 79, 105 об., 173, 173 об., 174, 175 и др., из ноздрен 292 об., нощен 249 об., ѡ страстен 65 об., 205 (2 раза), 247, 277, 300, 306, ѡ ѣстрастен 228 об., 245 об., 246, страстен 65, 173 об., 241, 260 об., ѣстрастен 71 об., 252, 255 об., стрѣн 136 об. Отступлением от такой акцентировки является скорбен 104.

Таким образом, существительные м. р. *ѣ-склонения во мн. ч. имеют следующую систему ударения: И. вѣси, Р. видѣвъ — вѣсѣвъ, Д. вѣсѣмъ, В. вѣсы, Т. вѣсы — глѣсы, М. въ мѣчтѣхъ — на холмѣхъ. У существительных ж. р. *ѣ-склонения представлена следующая модель: И. вѣщи, Р. скорбен (1 раз) — скорбен, Д. вѣщемъ — страстенъ, В. вѣщи, Т. вѣщми, М. о вѣщѣхъ.

Акцентуация производных имен существительных

Имена существительные с суффиксом -от(а). Большая часть имен существительных с суффиксом -от(а) имеет флексивное ударение и относится, таким образом, к а. п. б независимо от того, принадлежало ли производящее прилагательное к а. п. а (нищѣ, чистѣ) или к а. п. с (жестокѣ, нагѣ, простѣ, тесенѣ) и каким было исконное ударение у производных слов: высотѣ 235, до высотѣ 17 об., с высотѣ 129 об., 309 об., высотѣ 67 об., на высотѣ 161, 162 об.; долготѣ 15 об., долготѣ радѣ 9 об., долготѣ 171, 244 об.; жестотѣ (Р.) 236 об., противѣ жестотѣ 107 об., жестотѣ 235 об.; наготѣ 251, ѡ... наготѣ 20 об., 26 об., наготѣ 29, во... наготѣ 21 об.; остротѣ (Р.) 254 об.; простотѣ 192 об., въ простотѣ 190, в простотѣ 152а об.; теплотѣ 5 об., 97, 131 об., 275, 281, 301, ѡ теплотѣ 263, теплотѣ 134, 260 об., 263, с теплотѣ 275, в теплотѣ 241 об., 260 об., 262 об.; тѣлотѣ (Р.) 275 об., ѡ тѣлотѣ 1, 273 тѣлотѣ 273; тѣснотѣ (Д.) 88 об., в... тѣснотѣ 20 об., 21.; чистотѣ 293 об., чѣготѣ 263 об., чѣготѣ (Р.) 65, 77 об., чѣготѣ радѣ 263 об., чѣготѣ 291, в чистотѣ 64 об., въ чѣготѣ 263 об., за чистотѣ 103 об., чѣготѣ 77, в чистотѣ 104, во... чѣготѣ 190 об.; нищѣтѣ 256 об., 310 об., 311, нищѣтѣ (Р.) 160 об., 270, 264 об., 291, нищѣтѣ 111, в нищѣтѣ 89 об., в нищѣтѣ 114 об., 138 об., 264 об., 291;

²⁰ Акцентуированные формы творительного падежа мн. ч. слов волѣзнь, памать, помощь, немощь отсутствуют.

тщѣты (Р.) 174 об., 199 об., (Р.?) 174 об., **тщѣтъѸ** 174 об., 175, 214 об. Такая перестройка у большинства основ отмечена в XVI—XVII вв. [Дыбо 1981: 124; Зализняк 1985: 287—289]. Она связана с изменением акцентного типа производящих прилагательных и первоначально происходила в восточной зоне восточнославянской территории²¹.

Наосновное (суффиксальное) ударение представлено у существительных **рабо̀та**, **лго̀та** и **до̀брота**: **до̀брѣта** 213, **до̀брѣты** 18 об., **ѿ до̀брѣты** 80, **до̀брѣтъѢ** (Д.) 298 об., **на до̀брѣтъѸ** 55 об., **до̀брѣтою** 172, **о до̀брѣтъѢ** 62; **лго̀тъѸ** 121 об.; **ѿ ра̀боты** 70. Эти слова, в отличие от приведенных выше **тщѣта** и **тѐплота**, сохраняют первоначальную акцентовку.

Существительное **лѣ̀пота** также имеет исконное ударение и принадлежит к а. п. с: **лѣ̀поты** (Р.) 22 об., **в лѣ̀потѸ** 270 об. Недостаточно данных об акцентуации слов **сирѣта** и **красѣта**, которые представлены одной словоформой **сирѣтъѢ** (Р.) 56 и **красѣта** 53.

Имена существительные с суффиксом -ин(а). Наосновное (корневое) исконное ударение сохраняется у слов **исти́на** и **ти́шина**, образованных от прилагательных а. п. а: **ти́шина** 257, **ти́шины** (Р.) 136 об., **ти́ши/ны** 259, **ти́шинѸ** 207, 260, **в ти́шинѢ** 257 об., 190 об., **в... ти́шинѢ** 205 (2 раза), 248 об., **во... ти́шинѢ** 135; **ѣсти́нѸ** 162, **во ѣсти́нѸ** 228 об., **по ѣсти́нѢ** 84 об., 113 об., **во ѣсти́нѢ** 115 об., 228 об.

У существительных, образованных от прилагательных акцентных парадигм *b* и *c*, в первом случае ожидалось бы суффиксальное ударение, во втором — акцентуация по а. п. с [Дыбо 1981: 144—146]²². В Овч-956 имеется только **на равни́нѢ** 65 и **та́ины** (И.) 205 об., (В.) 72, 187 об., 263 об., 266 об., **та́иннѢ** 71 об., что не дает возможности говорить о сохранении исконной акцентуации по а. п. с **та́инна**.

Флексивное ударение, т. е. акцентуацию по а. п. *b* имеет существительное **гло̀убина**: **гло̀убинна** 235, 269 об., **гло̀убинѢ** (Д.) 284, **во гло̀убинѸ** 129 об., 309 об., **во гло̀убинѢ** 114, 188 об., **гло̀убинна́мѢ** 73. Такая акцентовка, как и ударение **высо̀та**, характерно для восточной зоны [Зализняк 1985: 287].

Имена существительные с суффиксом -ост(ь). По славянским памятникам письменности слова с этим суффиксом имеют ударение на корне, если производящее прилагательное принадлежит к а. п. а (**ми́лостѣ**, **ра́достѣ**, **ста́ростѣ** и др.). У имен существительных, образованных от прилагательных а. п. *b* и а. п. *c*, по памятникам встречается суффиксальное ударение (**моу́дростѣ**, **кротѣстѣ**; **лѣ̀бностѣ**, **крѣ̀постѣ**) и накоренное (**моу́дростѣ**, **крѣ̀тостѣ**; **лѣ̀бностѣ**, **крѣ̀постѣ**) [Дыбо 1981: 107—122]. В Овч-596, по-видимому, существительные с суффиксом *-остѣ*, образованные от прилагательных разных акцентных парадигм, имеют корневое ударение, т. е. представлено совпадение трех а. п. в одной — а. п. а: **в бо̀дростѣ** 1 об., **при**

²¹ Ср. **на алко̀тъѸ** 294, **во алко̀тъѢ** 114 об.

²² Ср. ударение существительного **поу́чина**, образованного не от прилагательного, а от глагола: **пѣ́чины** (Р.) 302, **в пѣ́чинѢ** 280 об., а также **во вѣ́чинахѸ** 115.

гóрдости 169 об., гóресть (И.) 13, дёрзости (Р.) 159 об., 193 об., с дёрзостію 136 об., долгости (Р.) 249 об., драхлость (И.) 213 об., (В.) 183 об., крѳтость (И.) 280, на крѳтость 36 об., крѳтостію 184, в крѳтости 248 об., во... крѳтости 258, крѳпость (И.) 53, 149 об. (2 раза), (В.) 82, 193, крѳпости (Р.) 208, лёгкость (И.) 275, лёгкости (Р.) 254 об., лѳности (Р.) 151, 167, лѳность (И.) 179, (В.) 132 об., о лѳности 147 об., милостію 182 об., младости ради 131, мдрости (Р.) 289 об., премдрость (В.) 193 об., праздности (Р.) 167, праждности (М.) 144, радости (Р.) 311 об., в радость 292, радостію 115, в ревности 212 об., скорости (Р.) 262 об., скѳ постію 48, скѳпости дѳла 48 об., слабость (И.) 197, сладость (И.) 13, 224 об., (В.) 74 об., сладости (Р.) 159 об., 193 об., противѳ сладости 223, сопротивѳ сладости 213, во старости 121 об., стѳденость (И.) 275, стѳ /денности (Р.) 85, сытости (Р.) 135, на сытость 124 об., за сытость 226 об., тѳнкость (В.) 274 об., с тѳпостію 260, тѳхость (И.) 58, (В.) 97 об., с тѳхостію 207 об., тѳнкость (В.) 244 об., тѳнкости (Р.) 254 об., тѳжесть (И.) 179, 208, 275, (В.) 237, 248, тѳжести (Р.) 236 об., ѿ тѳжести 70, хитрости (В.) 114, хѳдость (В.?) 67 об., за хѳдость 216, в частности 244 об., ѿ юности 126, юности (Д.) 53, въ юности 121 об., ѳрость (И.) 199, (В.) 56, ѳрости (Р.) 40 об., 59 об.

Имена существительные с суффиксом -ств(о). По памятникам наосновное ударение имеют производные от слов а. п. *a* и а. п. *b*; у производных от слов а. п. *c* отмечается флексийное ударение. В Овч-596 флексийное ударение имеют существительные **естество** и **послѳшество**: **естество** (В.) 120, **естества** (Р.) 73 об., 156, 160 об., **естества** (Р.) 195 об., **естестваѳ** (Д.) 155, 160, **естестваѳ** (Д.) 109, **в... естестваѳ** 222, **естества** (И. мн. ч.) 5 об.; **послѳшество** (И.?) 253. У остальных слов отмечено наосновное ударение: **богѳтства** (Р.) 247 об., **богѳтства** 290, **величество** (В.) 261 об., **дѳнство** (В.) 100, 192 об., **жительство** (Р.) 102 об., **жительства** 262 об., **в... жительстваѳ** 198, **ковѳрѳства** (Р.) 153 об., **ко... коваѳрѳствомъ** 275, **в лакомѳстваѳ** 38, **о лакомѳстваѳ** 39 об., **лакомѳства ради** 39 об., 150, **лѳкаѳства** (Р.) 84, **недостѳточѳства** 243 об., **опѳснство** (В.) 244, **во опѳстваѳ** 226, **во... опѳстваѳ** 243 об., **ошѳлнничество** (И.?) 174, **ошѳлничество** (В.?) 262, **ошѳлнничѳства** (Р.?) 232, **ошѳельство** (В.) 215а об., **пѳлнства^a** / (Р.) 46, **пространѳство** (В.) 118 об., **ѳ пространѳстваѳ** 91 об., **в пространѳстваѳ** 192 об., **разнѳство** (И.) 160 об., **распѳтѳства** (Р.) 244, **сверѳпѳства** (Р.) 232 об., **на... содѳтѳства** 71, **чѳѳство** (И.?) 178, **чѳѳства** (Р.) 161 об., **в чѳѳстваѳ** 178, **чѳѳствомъ** (Т.) 77, **чѳѳства** (И.?) 72, (В.) 185 об., **чѳѳѳства** (В.) 191, **чѳѳѳствы** (Т.) 199, **чѳѳѳствами** 246, **въ... чѳѳѳствахъ** 225, **в нѳѳчѳѳстваѳ** 69. У слова **таинство** ударение наосновное: **в таинѳстваѳ** 72 об., **ѿ таинѳстваѳ** 233 об.

Имена существительные с суффиксом -ник(ъ). Как и у существительных с суффиксом -ств(о), у производных с суффиксом -ник(ъ) наосновное ударение отмечается в тех случаях, когда производящими были слова а. п. *a* и а. п. *b*. Производные от слов а. п. *c* имеют ударение по моде-

ли должникъ — должника [Дыбо 1981: 187—188]. В Овч-596 акцентуированы слова с ударением на корне, в том числе и образованные от слов а. п. с (пльнникъ и др.), т. е. обобщено корневое ударение: алчѣвника (Р.) 53 об., воздѣржникъ (И.) 295 об., воздѣржника (Р.-В.) 296, воздѣржникомъ (Д.) 213, грѣшника (Р.-В.) 200 об., грѣшникѡмъ (Д.) 204, грѣшники (В.) 7, двѣрникъ (И.) 297 об., двѣрника (Р.) 185 об., наймникъ (И.) 147 об., некнижнѣ (И.) 287 об., два шшѣльника (И.) 14, печаловникъ (И.) 259, пльнника (Р.-В.) 125 об., подвижника (Р.-В.) 212 об., подвижницы (И.) 296, по́стникъ (Д.) 62 об., по́стникъ 272 об., во... по́стницѣ^x 14 об., помощника (Р.-В.) 135, постѣлнѣ (И.) 297 об., праведникъ (И.) 200 об., проповѣдникъ (И.) 201, разбѣникъ (И.) 302 об., разбѣницы (И.) 180 об., разбѣницы 307, разбѣникъ (Р.) 271 об., ратникъ (И.) 113, сопротивнѣ (И.) 307, ѿ срѡдникъ 186 об., оугѡдницы (И.) 121, оугѡдники (Т.) 37, вѣщницы (И.) 45, (И.?) 91 об.; источникъ (И.) 75, источнѣ (И.) 97 об., на источникы 289, источникъ (Р.) 117 об., источникомъ 116.

Имена существительные с суффиксом -тел(ь). У этих слов ударение идентично акцентуации производящего глагола. Корневое ударение засвидетельствовано в производных от а. п. а; у остальных существительных ударение на тематическом гласном: гѣбитѣль (И.) 42, дѣлателѣиныхъ (Р.) 201 об., сожитѣль (И.) 53, защититѣль (И.) 213, избавитѣль (И.) 210, вблчитѣль (И.) 52, разоритѣль (Р.) 271 об., ѿ... родитѣлен 186 об., рѡгѣтѣль (И.) 129 об., 309 об., слѡжитѣль (И.) 215, 297 об., 149, совершитѣль (И.) 52, нестѡжатѣль (И.) 309 об., трезвитѣль (И.) 132, 309 об., оутѣшитѣла (Р.-В.) 292 (ср. оутѣшеніе), оучитѣлемъ (Т.) 8, хранитѣль (И.) 147 об., сохраниѣль (И.) 120 об., хотя правитѣлю 285; во обитѣли 28, обитѣ^а (В.) 79, обитѣль 292 об.

Имена существительные с суффиксом -ь(е). У слов, производных от а. п. а и а. п. б, исконным было наосновное ударение, у производных от а. п. с — флексивное [Дыбо 1981: 152—157]. В Овч-596, где встретились приставочные и бесприставочные слова, флексивное ударение сохраняется не у всех существительных: ѿ быліа 26, в бытѣ 71, 256, безмѡлвіа (Р.) 62 об., 74, 207 об., 236 об., безмѡлвіе (В.) 75, о безмѡлвіи 214 при в безмѡлвіи 206 об., беззѡчѣствію, беззѣдѣю (Д.) 58, вѣсчѣстїа (Р.) 43, вѣсѣліе (В.) 118, вѣсѣліа (Р.) 187, 298, доволіе (В.) 116, житѣ (И./Зв.) 120, во вбщнѣ житѣлахъ 307, ѿ здрѡвіа 245 об., во здрѡвіи 121 об., обнѣліа (Р.) 26, 135, орѡжїе (В.) 113 об., на пролїтѣ 294, разлїчїа (Р.) 262 об., в расплѣтїи 213, согнїтїа (Р.) 245 об., во оутїшїи 117 об., во царствїи 281, до пришествїа 187, шѣствїю 53. Колебание ударения отмечено у слова знаменїе: знаменїе (И.) 175 об., знаменїа (В.) 146 об., знаменїа (В.) 243, знаменїи 244.

Имена существительные с суффиксом -б(а). У слов с суффиксом -б(а) отмечено наосновное и флексивное ударение: слѡжбы (Р.) 78, 239, 296 об., на слѡжбѣ 311 об.; алчвѣа 53 (2 раза), алчвѣа так! 142, ѿ алчвѣы 26 об., 194 об., ѿ алчвѣы 20 об., алчвѣою 53 об., 54, 148 об., во алчвѣѣ 21 об., 53 об., борвѣы (Р.) 83 об., молвѣы (В.) 46, сѡдвѣы (И.) 68; а также

злѡба 305, злѡбы (Р.) 54 об., 205, злѡбѣ 176, злѡбы (В. мн.ч.) 52, злѡбѣ (Р.) 54, злѡбами 56 об.

Имена существительные с суффиксом -тв(а). Наосновное ударение имеют существительные с суффиксом -тв(а): жёртвѣ 102, на жёртвѣ 36, 149, ловитѣ (Р.) 244, молитвѣ 229, молитвами 46, молитвами 123 об., на молитвѣ 78, о молитвѣ / 50.

Имена существительные на -еж(ь). В Овч-596 представлены производные от а. п. с, которые сохраняют исконное ударение: матѣжѣ (И.) 272, (В.) 129, матѣжѣ (В.) 128 об., матѣжа 136, 176, 232, без матѣжа 56 об., матѣжѣ 278 об., падежемѣ (Д.?) 244.

Имена существительные с суффиксом -ни(е). Эта группа производных наиболее многочисленна, поэтому их перечень неполный. У имен существительных, образованных от глаголов а. п. а, представлено корневое ударение, как и у глаголов: глаголаніѣ (Р.) 55 об., дѣланіе (И.) 63 об., к дѣланію 77 об., в... дѣланіи 82, о дѣланіи 234, в дѣланіѣ 212 об., оуныніе (И.) 74 об., 179, оуныніѣ (Р.) 237, с посѣланіемѣ 74, ѿ слышніѣ 126 об., до... пришествіѣ 75, до исшествіѣ 72 об., ѿ срѣтеніѣ 221 об., с... срѣтеніи 215а. Отступления от такой акцентовки нередки: ѿ привлженіѣ 212, на вверженіе 9 об., ѿвверженіе (В.) 51 об., видѣніе (И.) 77 об., (В.) 226, видѣніѣ (Р.) 64 об., видѣніи (Р.) 227, видѣнми 254 об., ѿ гравленіѣ 55 об., движеніе (И.) 77 об., 117, воздвиженіе (В.) 70, на оздравленіе 121, окалніѣ (Р.) 117, мѣчєніи (Р.) 268, обрѣтеніе (И.) 217 об., по шврѣтеніихѣ 250 об., прѣобрѣтеніѣ (Р.) 243, ѿ... помышленіѣ 161, помышленіѣ (И.) 213 об., ѿ... помышленіи 192, ѿ помышленіи^х 231 об., промышленіѣ (Р.) 166, ославленіе 179, ѿ оуставленіѣ, в... оуставленіи 70 об., оутѣшеніе (И.) 163, 179 об., оутѣшеніе (В.) 206, 224 об. Вероятно, часть из них может быть связана с тематизацией ударения производящего глагола. Иногда могло иметь место обобщение суффиксального ударения.

У имен существительных, образованных от глаголов а. п. b и а. п. с, ударение отмечается на тематическом элементе (при производящем глаголе на -ати) или на суффиксе -ѣни(е): блюденіе (И.) 238, бореніе (И.) 163 об., обзѣзаніи (М.) 245, неврежѣніѣ (Р.) 199 об., собраніе (В.) 234, собранію (Д.) 47 об., 50 об., вѣжаніе (В.) 216, совершеніѣ (Р.) 195 об., совершеніѣ (Р.) 162, ѿ вреженіѣ 242 об., гламлєніе (В.) 75, (И.) 162, 300 об., гоненіе (И.) 23, прогоненіе (Зв.?) 58, в погрєвеніе 30 об., согрѣшеніе (В.) 51 об., во... погрѣвленіе 100, неоудержаніѣ (Р.) 150, дерзновеніѣ (Р.) 184 об., ко оуднвлєнію 74 об., досажєніѣ (Р.) 1, оудєднєніе (И.) 63, оудєднєніѣ (Р.) 94 об., созданіѣ (Р.) 164 об., имѣніе (В.) 47, 118, исканіе (И.) 77 об., в наказаніе 179, к наказанію 130, к сказанію 139, в... оуказаніихѣ 38 об., оклеветаніѣ (Р.) 251 об., поклоненіе (И.) 49, на заколеніе 186 об., оукорєніѣ (Р.) 251 об., оукрашеніе (И.) 53, 149 об., оукрашеніѣ (В.) 307 об., во искѣшеніе 90 об., искѣшенію 170, искѣшеніѣ (И.) 175 об., искѣшеніѣ (В.) 84, искѣшеніи (Р.) 176 об., ѿ искѣшеніи 179, искѣшеніи^х (Р.) 177 об., искѣшенми 134—134 об., во искѣшеніихѣ 108 об., лишєніе (И.) 107 об., за лишєніе 88,

лишенїа (Р.) 48 об., оумерщвенїе (И.) 198 об., 228 об., смиренїа (Р.) 225, во смиренїи 257 об. — 258, смиренїемъ (Т.) 55 об., 184, в моленїи^х 3 об., со... прилежанїемъ 282 об., положенїю (Д.) 68, ѿлщченїе (В.) 51 об., в... прещенїи 180 об., молчанїе (В.) 109 об., молчанїемъ (Т.) 184 об., ѿ помраченїа 292, измѣненїе (И.) 164, смщченїе (И.) 179, овнаженїа (Р.) 94 об., паренїе (В.) 260, ѿ паренїа 264, с паренїемъ 156 об., в писанїихъ 237 об., плетенїе (И.) 231 об., в поношенїе 94 об., попеченїе (И.), попеченїа (Р.) 166 об., в попеченїи 195 об., ѿ... попеченїи 273 об., ѿ... поползненїи^х 198 об., на погранїе 294, по/пщченїемъ (Т.) 46 об., о... пощенїи 278 об.—279, при распятїи 11, разрѣшенїе (В.) 51 об., сотворенїю 69 об., растворенїе (В.) 69 об., рашенїе (И.) 179, к рашенїю 204 об., разрѣшенїемъ (Т.) 167, по... разрѣшенїи 70 об., посланїе (И.) 233, ѿ слаженїа 161, смотренїемъ (Т.) 21 об., разсмотренїе (И.) 57 об., о спасенїи 38 об., стенанїемъ (Т.) 182 об., стоанїа (Р.) 78, пострашенїа (Р.) 127 об., застѣпленїа (Р.) 3 об., застѣпленїе (В.), во... застѣпленїи^х 191 об., нестажанїе (В.) 261 об., осуженїа (Р.) 54 об., во осѣненїи 69, ѿсѣченїе (И.) 74 об., оутверженїе (И.) 57 об., затворенїе (В.) 143, творенїи (Р.) 71, во отемненїи 248 об., ѿ терпѣнїа 224, терпѣнїе (В.) 194 об., терпѣнїю (Д.) 174, с терпѣнїемъ 302 об., теченїе (И.) 72 об., ѿ теченїа 36, теченїю (Д.) 110, расточенїе (И.?) 272, трѣжденїе (И.) 251 об., ѿ восхожденїа 178 об., ѿ заоушенїи^х 178 об., во... хотѣнїи 90.

У имен существительных, образованных от глаголов с постоянным ударением и от вторичных имперфективов на *-а-ть* и *-ва-ть*, ударение сохраняется на тематическом элементе, как у производящего глагола: **пребыванїе** (И.) 296 об., (В.) 20, **пребыванїа** (Р.) 68, **ѣ** **пребыванїи** 174, **желанїе** (И.) 297, 310, **к** **желанїю** 216 об., **в** **желанїи** 243 об., **зажиранїа** 184, **до** **скончанїа** 75, **лѣтанїю** 110, **питанїемъ** 43, **ѿ** **вспоминанїа** 67, **подвизанїа** (Р.) 69, **порѣганїа** (Р.) 183, **сѣданїе** (И.) 63, **оупованїе** (В.) 265, **оупованїемъ** (Т.) 157, **во** **нстажанїи** 71 об.

Существительные, образованные от глаголов с суффиксом *-ова/-ева-*, сохраняют ударение производящего слова: **врачеванїа** (Р.) 283, **кромѣ** **дарованїи** 91, **во**... **дарованїихъ** 163 об., **обжреванїа** (Р.) 145.

Акцентуация отдельных производных имен существительных. Помимо приведенных выше групп в Овч-596 встретились акцентуированные единичные имена существительные и небольшие группы производных слов с одним и тем же суффиксом: **волѣзьн** (И.) 84, **волѣзни** (Р.) 85, 180, **волѣзьн** (И.) 74 об., 208, (В.) 109, **волѣзни** (Р.) 107 об., **волѣзьнен** 94 об., в... **волѣзьнехъ** 90; **оукорїзны** (Р.) 242, **оукорїзнѣ** 216, **оукорїзною** 217; **воевода** (И.) 6; **властелинѣ** (И.) 6, **властелины** (И.) 8 об.; **младенець** 122 об., **мѣдрецѣ** (И.) 289 об., **старецѣ** (И.) 23 об., 215, **старцѣмъ** (Д.) 53, **творца** (Р.-В.) 188 об., **пришелцы** (И./Зв.) 34 об., **черныцѣвъ** 110 об.; **гордынѣ** (И.?) 80, **гордынѣ** (Р.) 178 об. (2 раза), **ѿ** **гордынѣ** 243 об., **милостыни** (Р.) 291, **о** **милостынѣ** 50 об., **милостынами** 53 об., **во**... **пѣстыни** 14, **в** **пѣстыни** 67, 128, **в** **пѣстыни** 105 об., **в** **пѣстыню** 105, **в** **пѣстыню** 59 об., **пѣстынѣ** (Р.) 32, 31, **пѣстыни** (Д.) 122 об.; **вдовиць** (Р.) 56, **десница** (И.)

59, е́диницею 133, ла́стовницы 115 об., по лѣ́ствици 116 об., те́мница (И.) 237, в те́мницѣ 19, в се́дмици 81 об.; прѣ́хтница (И.) 99, роди́телица 294, пѣ́аницы (Р.) 47, све́рстница 52, колесни́ца (И.) 57; гно́ище (В.) 181 об., по́коница (Р.) 28 об., ѿ... по́коницѣ 258 об., во... по́конище 258 об., пристѣ́анице (И.) 58, (В.) 145, сокрѡ́вище (И.) 186, (В.) 137, в сокрѡ́вище 226 об., сокрѡ́вищѣ^М (Т.) 102, сокрѡ́вица (В.) 186, въ... сокрѡ́вищѣ^Х 159 об., во... сокрѡ́вищѣ^Х 193 об., храни́лице (И.) 52; десѣ́тина, десѣ́тинѣ 35, скоти́на (И.) 46 об.; хо́датаи (И./Зв. мн.ч.) 29 об., исхо́датаи (И.) 93 об.; нача́ло (И.) 84, 281 об., (В.) 131 об., ѿ нача́ла 21, в нача́лѣ 74, 85 об., 132, 236 об., в нача́лѣхъ 132, ѿ за́чала 84, прѣ́жѣ за́чала 159, зерца́ло (И.) 57; пра́вила (Р.) 197 об., пра́вило (В.) 81 об., пра́вилѣ (Р. мн. ч.) 82 об., 144; ѿ па́токъ 105, нача́токъ (И.) 239, 303 об., недо́стѣткѣ^М (Д.) 311, до́бытка (Р.) 47, при́бытокъ (И.) 181 об., 199, ѿ пре́бытцѣ 174, въ при́бытцѣ^Х 199, ва́рива (Р.) 105 об.; безъ ко́рмча 302; ризничáрь 297 об.; в распáлиахъ 115 об.; невѣ́тане (И.) 36, хрѣ́тіане 42, ѿ... хрѣ́стіанина 182, ми́раны (Т.) 112 об.; ме́жъ недѣ́лами 105; отрочá (И.) 190 об., (В.) 122 об.

Акцентуация приставочных имен существительных. В эту группу входят имена существительные мужского рода **o*-склонения и женского рода **a*-склонения и **y*-склонения, основа которых состоит из минусовой приставки (кроме *не-*) и корня²³.

Большая группа имен существительных мужского рода имеет в Овч-956 наосновное (корневое) ударение, сохраняющееся во всех формах, т. е. они акцентуированы по модели *потопъ* [Зализняк 1985: 153]: с воздѣ́хомъ 236 об., на воздѣ́сѣ 241 об., за́конъ (В.) 204, за́конѣ 149, в... за́конѣ 36 об., во... за́конѣ 156, по за́конѣ^Х 159, искѣ́са (Р.) 93, 136, 178, искѣ́съ (В.) 149 об., со искѣ́сомъ 234, во... искѣ́сѣ 195, 238 об., с наро́домъ 189 об., нао́укъ (И.) 48 об., оплѡ́тъ 240, 287 об., подпѡ́ра (Р.) 287 об., поклѣ́ни (И.) 252, покрѡ́въ (И.) 31 об., (Р.) покрѡ́ва 3 об., 136 об., понѡ́съ (В.) 214 об., поро́ка (Р.) 19 об., посмѣ́хъ (И.) 214 об., ѿ потѡ́па 35 об., 148 об., предѣ́ла (Р.) 229, предѣ́лѣ (В.?) 227 об., предѣ́лѣ^М (Т.) 158, предѣ́лы (В.) 162 об., прѣ́стола (Р.) 109 об., прѣ́столаѣ 110 об., проро́кы (В.) 149, проро́кѣ^М (Д.) 148 об.—149, совлѣ́зна (Р.) 289, совѣ́томъ (Т.) 248, соста́вомъ (Д.) 26 об., сосѣ́дѣ (И.) 189, соо́узь (И.) 199, соо́узьѣ 51 об., оу́кѡръ (В.) 44, оу́ро́дѣ (И.) 214 об., оу́мѣты (В.) 115, 249 об., оу́става (Р.) 52; вхо́да (Р.) 66, при за́ходѣ 32, исхо́да (Р.) 102 об., до исхо́да 64 об., 228, 304 об., на исхо́дѣ 110, 121 об. Отступлением является *занма̀ ради* 53 об. Видимо, в эту же группу слов следует включить *посма́гъ* (В.) 62, *три́ посма́гы* (В.) 61 об., *поко́л* (Р.) 194 об., 197, *ра́ди поко́л* 37 об., *поко́н* (В.) 130, 173, *в поко́н* 197, 257, *к по́кою* 215а. Модель *потопъ* является для одних существительных исконной (*потѡпъ*, *воздоу́хъ*), для других — вторичной (*законъ*, *народъ*, *искоу́съ* в раннедревнерусском акцентуированы по модели *отро́къ*, *отрока̀*).

²³ У существительных женского рода имеется суффикс *-j-*, *-т-ь*, *-н-ь* или *-л-ь*.

По модели *потопъ* в Овч-596 акцентуированы следующие имена существительные женского рода **ā*-склонения: *ослабѣ* (В.) 167 об., *со ославою* 92 об., *преградѣ* (И.) 278, *досады* (Р.) 310, *весѣды* (Р.) 167, *весѣдѣ* (Д.) 219, *весѣдою* 1 об., *повѣда* 7 об., *ѡрада* 120 об., *во ѡрадѣ* 75 об., *на постѣли* 213 об., *потреба* 192, *потребы* (Р.) 79, 88, 108, 137, *потребѣ* (Д.) 179 об., *на потребѣ* 15 об., 128, 165 об., 301 об., *потребамъ* 103, *потребами* 166 об., *оутѣха* 120 об. Существительное *похвала*, которое в памятниках акцентуируется по модели *отрокъ* или *потопъ*, в Овч-596 представлено словоформами *похвалѣ* 135 об., *похвалѣ* 113, которые соответствуют первой из двух указанных моделей.

Наосновное (префиксальное) ударение, т. е. акцентовку по модели *окупъ*, имеют следующие имена существительные мужского рода **ō*-склонения: *образъ* (В.) 111 об., *образа* (Р.) 111, 112, 117, *образомъ* (Т.) 188, 242, 262 об., 282 об., *во образѣ* 69, *во... образѣ* 160 об., *ѡбразы* (И.) 225, *во ѡбразы* 160, *шбразы* (Т.) 285 об., *со... шбразы* 161 об.; *разѣ*^М (И.) 224 об., *разѣм* 160 об., *разѣмъ* (В.) 71 об., 248, *разѣма* (Р.) 72 об., 122 об., 156, *ѡ разѣма* 224, *разѣмѣ* 155 об., *к разѣмѣ* 159 об., *разѣмомъ* (Т.) 115 об., *с разѣмомъ* 61, *в разѣмѣ* 136 об., 188, 192; *пѡдвнга* (Р.) 89, 83 об., 132, 209 об., 273 об., *без пѡдвнга* 50 об., 129, *пѡдвнгѣ* 184 об., *в пѡдвнгѣ* 83 об., *в пѡдвнгѣ* 81, 150, *в пѡдвнгѣ* 85 об., *в... пѡдвнгѣ* 93, *пѡдвнгы* (В.) 80 об., (В.?) 235; *пѡмыслъ* (И.) 99 об., 272, (В.) 80, 185 об., *пѡмыслѣ* 63, *пѡмыслѡмъ* (Т.) 64, 191, *пѡмыслѡ*^М 310, *в пѡмыслѣ* 169, 190, 209, *пѡмысли* (И.) 82 об., 257, *пѡмысли* (И.?) 76 об., *пѡмыслы* (И.) 67, 106 об., (В.) 150, *пѡмыслы* (В.) 263, 275, *пѡмыслъ* (Р.) 131 об., 163 об., 184, (Р.?) 136, *ѡ... пѡмыслъ* 221 об., 262 об., *пѡмыслѡмъ* (Д.) 57 об., *пѡмыслѡмъ* 280, *пѡмыслѡмъ* 263, *в пѡмыслы* 62 об., 300 об., *с пѡмыслы* 163 об., *в пѡмыслѣ*^Х 83 об. — 84, *в пѡмыслѣ*^Х 257 об., *на пѡмыслѣхъ* 240 об. при неакцентуированном *въ... пѡмыслѣ* 204 об.; *прѡмыслъ* (И.) 71, 81, 169 об., 297 об., (В.) 152 об., 190 об., *прѡмысла* (Р.) 87 об., 152, *ѡ прѡмысла* 92 об., *на прѡмыслѣ* 190 об. Вероятно, сюда же следует отнести представленные единичными формами *ѡтроцы* (И.) 36, *во оѣжастѣ* 25 об. (с правкой?), 82 об., *до зѡпада* 10 об., *йзвергъ* (форма не ясна) 298 об., *ѡблакъ* (И.) 47, 240 об. Для слов *отрокъ* и *оѣжастъ* акцентуация по этой модели является вторичной; первоначальными были соответственно *отрокъ*, *отрока* и *потопъ*, *потѡпа*.

Имена существительные женского рода **ī*-склонения в Овч-596 акцентуированы, как и в других памятниках, в основном по модели *окупъ*: *зѡповѣди* (В.) 35, 78 об., 79, 184 об., 292, *во ѡбласть* 100 об., *пѡчестъ* (В.) 78, 138, 264, *пѡчести ради* 216, *прѣлестъ* (В.) 96, 238 об., *ѣ прѣлестъ* 98 об., *пѡхоти* (И.) 148 об., (В.) 42 об., 268 об., *пѡхотѣ*^М 44, *пѡхотѣмъ* 38 об., *пѡхотѣмъ* 117 об., *в пѡхотѣ*^Х 18 об.; *пѡвѣсти* (Р.?) 233 об., *пѡвѣсть* (В.) 22, *в... пѡвѣсти* 250 об., *сѡвѣсть* (И.) 226, 297 об., *сѡвѣсти* (Р.) 227, *сѡвѣстїю* 40 об., *ко оѣжастѣ* 254 об. Перемаркировка по такой модели представлена у слов *помощь* и *завистъ*: *пѡмощъ* (И.) 149 об., (В.) 104, *пѡмощъ* (И.) 52 об., (В.) 133, 304, *пѡмощи* (Р.) 4, 54 об., *ѡ пѡмощи* 239, *пѡмощїю* 23 об., 123 об., *зѡвистъ* (В.) 56, 252, *ѡ зѡвисти* 302 об., *зѡвистїю* 285, *зѡвистїю* 55.

По модели *потопъ* акцентуировано существительное **напастъ**: **напастъ** (И.) 1, (В.) 126, **в напастъ** 288 об., **напасти** (Р.) 169 об., **напасти** (В.) 123, 298 об., 302 об., **в... напасти** 301 об., **напастен** 302, **напастьми** 302.

Существительное **смерть** (**сѣмьрть**), обычно акцентуированное по модели *потопъ*, в более поздних памятниках замененной моделью *окупъ*, в Овч-596 имеет следующую акцентовку: **смерть** (И.) 182 об., **смерти** (Р.) 142 об., 187, 209, **прежѣ смерти** 3 об., **ѿ смерти** 37, 222, **до смерти** 113, **смерти** (Д.) 42 об., **смерть** (В.) 38 об., **ѿ смерти** 19, **на смерть** 104, 186 об., **смертїю** 8, 85, **по смерти** 149. По-видимому, она соответствует модели *потопъ*.

Имена существительные с плюсовой приставкой *па-* имеют ударение на приставке:

пѣгѣба 40, 149, **в пѣквстехъ** 251 об., **пѣмать** (И.) 78, 280 об., (В.) 67 об., **ѿ пѣмати** 79 об., 206, **в пѣмать** 68, **пѣматїю** 195 об., **в пѣмати** 73 об., **в пѣматѣ**^х 245 и др.

Слова с другой плюсовой приставкой *су-* представлены в Овч-596 недостаточным количеством материала. Это прилагательное **соугоубъ**, у которого не сохранилось первоначальное ударение на приставке (**сѣгѣбѣ** (В. ж. р.) 211, **сѣгѣбѣ**^х (Р.) 268). Существительное **сопостатъ** (**сопостатъ** (И.) 42, 83 об., **сопостата** (Р.-В.) 194 об., а также **сопостатницы** (И.) 113) не показательно из-за другого префикса.

У слов с приставкой *не-* представлено стандартное ударение: **немошь** (**нѣмошь** (И.) 143 об., (В.) 158 об., **нѣмоши ради** 66, 195 об., **о... нѣмоши** 132 об.), **недугъ** с перемаркировкой (**недѣгъ** 107 об., **недѣгы** (В.) 138 об., **в недѣгвхъ** 89 об., **в недѣзѣхъ** 245).

Акцентуация сложных слов. Среди сложных слов доминируют имена существительные. Прилагательные менее частотны, глаголы встречаются редко: **блгодѣти** (Р.) 187, **въ гранесослѣвїи** 273 об., **добродѣтель** (И.) 51, **добродѣтели** (И.) 262 об., **о... добродѣтели** 293, **ѿ долготерпѣнїи** 298 об., **иноплемѣнники** (В.) 36, **вслѣдъ мнвогодца** 309, **сребролюбїе** (В.) 307 об., **стрѣтотѣрпце**^м (Д.) 149 об., **сѣхладїю** (Т.) 294, **чревоуѣсїе** (В.) 199, **идолослуженїе** (И.) 23, **златолюбцы**, **сребролюбцы** (И.) 8 об.; **блголѣпны**^м (Т.) 298, **достоухвалѣ**^п (В.) 217, **златопрѣдными** 298, **злаѣстаго** (Р.) 301 об., **ѿ злоубны**^х 177, **злошѣствень** (И.) 84, **во мнвогвбразнѣ**^х 191 об., **плодоносїва** (И./Зв.) 58 об.; **чревоуѣсїитиса** 281 об., **чѣколюбствѣтѣ** 107 об.

Акцентуация имен прилагательных

Материала по акцентуации прилагательных в Овч-596 мало по нескольким причинам. Во-первых, общее количество слов этой части речи, в том числе акцентуированных, много меньше, чем глаголов и существительных. Во-вторых, среди акцентуированных форм часто встречаются членные прилагательные а. п. *a* и а. п. *b* (**добрыи**, **вражнїи**, **многнїи**, **нищнїи**, **теплыи** и др.), непоказательные для акцентной микросистемы рукописи. В-третьих,

редки наиболее показательные для акцентуации формы — именительного падежа. ед. ч. женского рода.

На основе имеющихся данных можно предположить, что у нечленных прилагательных а. п. *b* сохраняется исконная флексийная акцентовка наряду с инновациями: **добрà** (И. ж. р.) 52 (предик.), 53, 165 (предик.), (ср. **добрà** (Р.) 43, **добрѸ** (Д.) 301, наречие **добрѣ** 219 об.), **мертвѣ** 252, **мертвѣд** 226, **на голѣ** (М. ж. р.) 54 об., **лютъ** (И.) 170 при **люто** 43 об. в предикативной функции, **бодрѸ** (В. ж. р.) 118, **дрѹли** (И.) 119 (зд., вероятно, книжная форма с флексией *-и*).

Флексийное ударение, сохраняющееся в восточной зоне, отмечено у прилагательных «группы *высоко*» наряду с отступлением: **высокъ** (И.?) 176, **высока** (ж. р. предик.) 17, **глубока** (ж. р. опред.) 293 об., **глубокѣ** (Р. ж. р.) 303 об., хотя **ѣглубоцѣ** (М. м. р.) 76.

У прилагательных «группы *красно*» отмечена следующая акцентовка. Исконное ударение сохраняется у прилагательного **легокъ**: **легка** (И. ж. р. предик.) 193 об., (И. ср. р. мн. ч.) 159 об., (В. ср. р. мн. ч.) 99, **легокѣ** (предик.) 277 об.; ср. членную форму **легкоѣ** (И./Зв.?) 58. В связи с этим возникает вопрос об акцентной парадигме прилагательного **скѹпѣн** (Зв.?) 48 об., которое обычно в памятниках принадлежит а. п. *c*, но может быть акцентуировано по а. п. *b*.

У прилагательного **равенъ** отмечено наосновное ударение, являющееся книжным: **равѣ**^Р 297, **равно** (форма не ясна) 299, **равно** (наречие?) 216, **неравно** (предик.?) 217 об., а также: **равноаггльнѣн** (И.) 141. Возможно, сюда же **праздни** (И.) 254, **праздни** (И.) 237 об., **празденъ** (И.) 231 об., **оутѣлѣ** (И.) 36 об., **бѣдно** (предик.) 84.

У нечленных форм прилагательных а. п. *a* засвидетельствовано исконное наосновное ударение (ср. в наречии **исперва** 71 об. — **испервà** 51, 69). Зависимости от роли слова в предложении — выступает ли оно в предикативной, полупредикативной функции или является определением — не наблюдается. И. ж. р. ед. ч.: **велика** 15, **мала** 263, **полна** 25, 174 об.; И.-В. ср. р. мн. ч.: **преславна** 67 об., **чюдна** 67 об., **чѣста** 35; И.-В. м. р./ж. р. мн. ч.: **готóвы** 31 об., **неготóви** 297 об., **мáлы** 297, **мѣли** 39, **пáви** 10, **слáви** 37, **сѣлны** 52 об., 149, **чѣсти** 302. Исконное ударение сохраняется также в формах именительного и винительного падежей ед. ч. ср. р. и м. р.: **сѣленъ** 169, **слáвѣ**^Р 45; **готóво** 118, 209, **в долго** 250 об., **нѹжно** 101, **нѹжно** 143, **сѣлно** 127, **слáвно** 45 об., **чѣсто** 153 об., 270 об., 280, а также в выражении **мáло по малѸ** 193.

Исконное ударение сохраняется также у нечленных прилагательных а. п. *c*. В форме именительного падежа женского рода это флексийная акцентовка: **глѹхà** 48, **живà** 100, **скорбнà** 109, **цѣлà** 124 об. (слова употреблены в предикативной функции). Иное ударение **дѣвна** 192, часто встречающееся в письменности, непоказательно как книжное. В других формах отмечено исконное корневое ударение: В. ж. р.: **гóркѸ** 26, **жѣвѸ** 283, 293 об., **нóвѸ** 154 об., **тѣмнѸ** 302 об.; И.-В. мн. ч. ср. р. и м. р./ж. р.: **слáдка** 50; **бóси**

48, **крѡтцы** 76 об., **крѡтки** 101 об., **крѣпцы** 37, **нази** 119, **нагы** 9, 119, **немошни** 37, 146, **свѣтли** 302, **твѣрды** 7 об., **твѣрди** 252, **части** 252 об., **чѣстны** 43; И.-В. ед. ч. м. р. и ср. р.: **врѣдѣнь** 259, **дѣвѣнь** 217, **крѡтокъ** 259, **мѣкокъ** 25, **скѡрвѣнь** 148, **свѣтелъ** 1 об., **хладѣнь** 32 об.; **гнѣсно** 227 об., **мѡшно** 53, **немошно** 49 об., 62 об., **прѡсто** 105, **в пѣсто** 102 об. а также наречия **неврѣдно** 302 об., **гѡрко** 114, **спрѡста** 117, 181, местоимение **само** 284. Таким образом, у нечленных прилагательных а. п. с в форме среднего рода инноваций по модели **свѣтлѡ** не встретилось. Отсутствует также являющаяся нарушением акцентовка по модели **должѣнь** у прилагательных мужского рода. Флекссионное ударение, отмечаемое почти повсеместно, встретилось у местоимения: **в каковѣ** 223.

У самого слова **должѣнь** сохраняется исконное наосновное ударение в кратких формах и флекссионное в полных: **дѡлжѣнь** 96 об., 201, 210 об., 266, **дѡлжѣнь** 202 об., **дѡлжни** 10, 178 об., 303, **ѡ дѡлжнѡго** 233 об., **к дѡлжнѡмѡ** 236 об.

Первоначальное ударение без перехода к флекссионному в нечленных формах и флекссионное в членных отмечено у прилагательного **жестокъ**: **жѣстокъ** 84, **жѣстоко** 84, **жестокѡго** 202, **в жестокѡмѡ** 236.

Прилагательное **временны** имеет ударение **врѣмѣн**: **приврѣмѣннаго** 75, **маловрѣмѣннагѡ** (В. ж. р.) 85 об. У прилагательного **свободны** при ударении производящего слова **свобода** — **свобѡда** отмечена акцентовка **свѡбѡдѣнь** (И.) 154 об., 267 об., ср. наречие **свѡбѡдно** 239.

Акцентовка членных прилагательных а. п. с в Овч-596 также вполне стандартна. Из слов, у которых замена старого флекссионного ударения на новое наосновное завершилась к XVI в., в рукописи представлены: **в нѡвѣмѣ** 36 об., **ѡ нѡвыхѣ** 262 об., **ѡ мѣрнаго** 258 об., **свѣтлѡлѡ** (И. ср. р.) 280, **ѡ скѡраго** 264, **ѡ... тѣмныхѣ** 231 об., **в тѣмны**^х 9, **ѡннѡмѡ**^х 266²⁴. Из прилагательных, у которых по памятникам отмечается варьирование ударения, новое наосновное ударение имеют: **вѣчналѡ** (И. ж. р.) 149, **вѣчныя** (Р. ж. р.), **в вѣчныя** 33 об., **в дрѣвны**^х 297, **крѣпкомѡ** 260 об., **слѡдкимѣ** (Т. ср. р.) 116, **слѡдкнѣ**^х (Р.) 245, возможно, сюда же **дѣвноѡ** (И./Зв.) 120; старое флекссионное ударение сохраняется, помимо приведенных выше **должны** и **жестокни**, у слов: **гнѣсноѡ** (В.) 226 об., **тонѡкаго** 244 об., **чѣстны**^м (Д.) 215а об., **чѣстныя** (Р. ж. р.) 226, **чѣстнѡѡ** (И.) 135 об., **частыми** (Т.) 123 об., **с частыми** 215а, **частѡѡ** (И.) 296 об. (ср. наречие **частѡ** 53 об.), а также **слѣзныя** (Р. ж. р.) 64 об., **плѡтскыи** (И.) 249 об., **плѡтскѡѡ** (В.) 120, **плѡтскыми** 117 об. У нескольких слов представлено колебание ударения, которое, возможно, связано с формами ед. и мн. ч.: (Р.) **страшны**^х 183 об., **страшными** 134 при **во страшныи** 34, **о страшнемѣ** 115 об.; **скѡрвналѡ** (В. ср. р.) 243 об., **скѡрвналѡ** (В. ср. р.) 268, **скѡрвными**^м (Д.) 311 об. при **нескѡрвноѡ** (В.) 145, **прискѡрвныи** (И.) 311; **плѡтныя** (В.) 148 при **въ... безплѡтны**^х 249. По-видимому, наосновное ударение отмечается прежде

²⁴ Сюда же (?) **дѣкнѣ** 101 об., **дѣкнѣ** 103 об.

всего у приставочных прилагательных. Флекссионное ударение в Овч-596 сохраняется также у книжных слов, которые по памятникам могут иметь наосновную акцентовку: *нощнаго* 101 об., *земнаго* 129 об., 309 об., *земнаа* (В.) 295, *земнаа* (*так!*; В. мн.) 114 об., *о... земнемъ* 129, *земленаа* (И.) 249 об.

Следует отметить также наречие *нальво* 97 об., свидетельствующее об оттяжке наосновного ударения на предлог.

У других производных прилагательных (в членных и нечленных формах), образованных от слов разных акцентных парадигм, в Овч-596 встретилось следующее ударение (перечень неполный): *в... адово* 267, *араматныа* (Р.) 28 об., *блженныи* (И.) 251, *въ влѣдныѣ* 205, *бладивъ* (И.) 214 об., *бодрени* (И.) 288, *братнюю* 223, *брашеннымъ* (Т.) 127—127 об., *бѣсѣвскыи* (В.) 52, *бѣсѣвскыи*^М(Д.) 160, *бѣсѣвскыа* (В.) 31 об., 181 об., *виновата* (Р.-В.) 303, *повинна* (Р.-В.) 183, *неповинна* (Р.-В.) 122 об., *во внѣтренне*^Н 14, *в... неволныѣ* 106 об., *вражѣа* (И. ж. р.) 57, *вражѣю* 238, 282, *вражѣихъ* (Р.) 293, *вражѣа*ми 196 об., *гладни* (И.) 48, *безгнѣвентъ* (И.) 269, *к горнемѣ* 53, *грѣховнаго* (Р.) 19 об., *дѣвола* (Р.) 302 об., *до долныа* 21, *с домашними* 189 об., *домовнаа* (И. ж. р.) 53 об., *в бездѣшныихъ* 88 об., *дшѣвныа* (Р.) 65, *в дшѣвнѣмъ* 290, *дшѣвны* (предик.) 246, *дхѣвныихъ* (Р.) 255 об., *дхѣвна* (В.) 96, *жѣньско* (В.) 212, *на... жѣньско* 128, *жѣньска* (Р.) 18 об., *в задна*^а 242, *залишна* (И. ж. р. предик.) 224 об., (В.) 140 об., *о йноческомъ* 111, *йноческаго* 262 об., *прикладно* (предик.) 161 об., *ѿ прикладныхъ* 66 об., *в козѣлахъ* 115, *оукорно* (предик.) 239 об., *коравленомѣ* 285, *лениви* (И.) 288, *неложентъ* (предик.) 267 об., *ложна* (И. ж. р. предик.) 165, *ложныи* (В.) 115, *лѣкаво* (И.) 201 об., *лѣкавы* (В.) 286 об., *лѣкаваа* (В.) 96, *лютоотнаа* (В. мн.) 187, *немечтанентъ* (В.) 97 об., *молитвеныа* (И.) 76, *безмолвныи* (И.) 186, *безмолвное* (В.) 145, *молчаливъ*, *молчаливыи* (И.) 186, *мысленѣ* (В.) 86 об., *мысленыа* (В. мн.) 148, *безмѣрныа* (И. мн.) 280, *ненавистное* (В.) 226 об., *ѡгнена* (И. ж. р.) 57, (Р.) 161, *ѡгненѣи* (Д.) 6 об., *осѣвныи* (В.) 92, *паматливи* (И.) 203, *веспечалентъ* (И.) 93, *писментъ* (И.) 111 об., *подобна* (И. ж. р.) 230 об., *подобентъ* (И.) 303 об., *постнаго* (Р.) 52, *постное* (В.) 54, *преисподнихъ* (Р.) 10 об., *прозорливъ* (И.) 306 об., *прозрачентъ* (И.) 254 об., *во... пѣстынныѣ* 14 об., *радостентъ* (И.) 148, *разсѣдѣтелныи* (И.) 237 об., *ратнаа* (И. ж. р.) 230 об., *ратными* 307а об., *во... ратныѣ* 86, *ризыи* (В.) 30 об., *ризыѣ*^Х(Р. мн.) 2, *сатанино* (В.) 96 об., *сатанины* (И.) 251 об., *свиное* (И.) 40 об., *скверномѣ* 294, *в... скверныѣ* 18 об., *сквереннаа* (И. мн.) 213 об., *сковраднаа* (В. мн.) 308, *нескѣднаа* (Р. ж. р.) 260, *о неоскѣднемъ* 278 об., *словесныи* (И.) 222 об., *слѣжныѣ*^Х(Р.) 257, *смѣртни* (И.) 5 об., (предик.) 43, *смѣртнаго* 221 об., *в... смѣртныѣ* 9, *вѣзмѣртна* (И. ж. р.) 284 об., *смыслена* (И. мн.) 164, *снѣдно* (И.) 16 об., *солнечнымъ* (Д.) 241 об., *при... солнечнемъ* 32, *соннѣи* (Д.) 213, *бѣстрастнѣ* (Д.) 107 об., *страшливъ* (И.) 86, *сѣтнаа* (В. мн.) 241, *в... сѣтныа* 62 об., 300 об., *в сѣтныѣ*^Х 188, *сѣтна* (Р.-В.) 156, (И. мн.) 194, *ѿ тлѣнныѣ*^Х 165, *ѿ тлѣнныа* 23, *тлѣнно*, *нетлѣнна* (предик.) 284 об.,

тщ^аливъ (И.) 63, тѣлесна (И.) 143 об., тѣлеснѣ (В.) 109, тѣлеснѣю 38 об., тѣлеснымъ (Т.) 143 об., оумнѣю (В.) 242 об., оумныхъ (Р.) 72, в... фило-сѡфствемъ 22, хеттѣова (Р.) 15 об. 'хеттского (?)', в непроходимѣи 69, црковна (И. ж. р.) 217, бесчислена (В.) 39, безчислеными 215а, чювственною 85, чювственнѣ (Р.) 173 об., чюдесна (предик.) 252, йростна (Р.) 306.

Таким образом, у имен существительных, прилагательных и глаголов в Овч-596 представлены а. п. *a*, *b* и *c*. В целом принадлежность слов к акцентным парадигмам такая же, как и в других древнерусских рукописях, хотя встречаются особенности (хороугы и вертепъ — а. п. *b*). Для ряда слов, представленных одной-двумя акцентуированными словоформами, акцентная парадигма устанавливается предположительно.

У имен существительных а. п. *a* и а. п. *b* в целом представлена стандартная акцентовка. Следует отметить лишь сохранение исконного флексийного ударения в формах именительного и винительного падежей мн. ч. а. п. *b* несмотря на книжные флексии. Отмечаемое ударение **адми**, **тварми** обусловлено, видимо, «морфологическим принципом» акцентовки, когда одинаково акцентуированы слова одного рода и склонения. У слов а. п. *c* в форме местного падежа ед. ч. представлено флексийное ударение **въ домѣ**, **въ нощи**. В формах мн. ч. у имен существительных женского рода **i*-склонения засвидетельствовано колебание ударения, отражающее процесс перехода от старой акцентовки к новой (**вещемъ** — **страстемъ**). Акцентуированные формы местного падежа мн. ч. **o*-склонения единичны. Хотя у слов а. п. *c* еще сохраняется оттяжка ударения на предлог, уже встречаются случаи ее отсутствия.

В целом у нечленных имен прилагательных наибольшее количество инноваций фиксируется у слов а. п. *b*. У форм женского рода а. п. *a* и а. п. *c* сохраняется оппозиция **пѡлна** — **живѡ** при отсутствии зафиксированных инноваций, отсутствующих также и в других формах прилагательных а. п. *c*. У членных прилагательных этой акцентной парадигмы представлено новое наосновное ударение наряду с исконным флексийным. На то, что в рукописи отразился процесс перехода ряда слов от одной модели акцентуации к другой, указывает колебание ударения, в целом не характерное для акцентной микросистемы Овч-596.

У глаголов наряду с инновациями (**начнѣтъ**) сохраняется архаичное ударение, например у инфинитивов, в том числе **взѡти**, у глаголов с неслоговым корнем, в форме 2 лица мн. ч. настоящего времени глаголов а. п. *c* (**творитѣ**). Отклонения от а. п. *c* в сторону а. п. *b* встретились у глаголов **болтисѡ** (3 л. ед. ч. и императив), **клонитисѡ** (3 л. мн. ч. и императив — 1 л. мн. ч.), **хранити** (3 л. ед. ч.), а отклонения от а. п. *b* в сторону а. п. *c* — у глаголов **любити** (2 и 3 л. ед. ч.), **стоупити** (2 л. ед. ч.), **соудити** (2 л. ед. ч.), **томити** (3 л. мн. ч.). У страдательных причастий прошедшего времени при обычном суффиксальном ударении засвидетельствовано несколько случаев флексийного ударения.

Если морфологические и лексические особенности рукописи не позволяют установить место ее создания, то ее акцентная микросистема характерна для восточной зоны.

Л и т е р а т у р а

- Дыбо 1981 — В. А. Дыбо. Славянская акцентология. М., 1981.
- Зализняк 1981 — А. А. Зализняк. Глагольная акцентуация в южновеликорусской рукописи XVI в. // Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфонологии. М., 1981. С. 89—174.
- Зализняк 1985 — А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- СлРЯ 1980 — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 7. 1980.
- СлРЯ 1989 — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 15. 1989.
- ССЯ — Словарь старославянского языка. Т. 1—4. СПб., 2006.

М. С. МУШИНСКАЯ

ОБ ОДНОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ПСЕВДОИННОВАЦИИ В ИЗБОРНИКЕ 1076 г. (ВИНО → МЕДЪ)*

Изборник 1076 г. (далее И76) известен науке с начала XIX в. и на протяжении всей истории русистики входил в число наиболее часто упоминаемых и цитируемых текстов в работах по истории древнерусской литературы, лексикографических трудах и лингвистических исследованиях. В то же время об истории текста И76 до недавнего времени было известно крайне мало¹. Были определены славянские (древнеболгарские) источники отдельных входящих в него текстов, однако в целом, как компиляция, он занимал изолированное положение в древнеславянской книжности.

В исследованиях не раз отмечалось, что тексты многих источников вошли в И76 в сильно переработанном виде. Изменения, порой весьма глубокие, затрагивали разные уровни текста: структуру, содержание, язык. Пока между И76 и славянскими оригиналами его составных частей не было обнаружено промежуточных звеньев, эти радикальные изменения относили на счет составителя самого сборника. Считалось, что И76 составлен древнекиевским книжником из десятков находившихся в его распоряжении древнеболгарских источников. Сталкиваясь с разрывом между исходными версиями и их отражениями в И76, исследователи ставили его в связь с географической принадлежностью текстов, приписывая киевскому книжнику особый способ обращения с источниками, принципиально отличный от традиций древнеболгарской книжности, который описывали в терминах «лаицизации» [Lepissier 1966] и «киевизации» [Ševčenko 1966: 735] литературного текста. В литературе сложилось мнение, что язык И76 в значительной степени русифицирован, причем, в отличие от современных ему рукописей (например, Изборника 1073 г.), восточнославянская окраска присуща ему не только на уровне фонетико-орфографической и морфологической систем, но и в области лексики, см., напри-

* Работа выполнена в рамках государственного контракта от 20 июля 2009 г. № 02.740.11.0368 (шифр 2009-1.1.304-075-020) по теме: издание научно-образовательной системы для обработки и лингвистического исследования рукописных памятников Древней Руси.

¹ Обзор литературы на эту тему см. в [И76-2009, 1: 26—33].

мер, [Ševčenko 1966: там же; Мещерский 1977: 92; Нимчук 1985; Пичхадзе 2003: 22].

Взгляд на происхождение Изборника радикально изменился после того, как голландский исследователь У. Федер обнаружил ряд типологически сходных сборников в древнерусских и южнославянских списках, установил генетические связи между ними и показал, что они восходят к одному прототипу, для которого он ввел условное название «Княжий изборник» (далее КИ) [Veder 1983; 1994; 2008]. Это открытие позволило достаточно точно определить место И76 в текстологической традиции и рассматривать входящие в него тексты в перспективе изменений, которые они претерпели от первоначальных переводов с греческого до момента создания рукописи.

По мнению У. Федера, КИ был составлен в болгарском Преславе ок. 930 г. Именно на этом этапе тексты, включенные в КИ, подверглись глубокой переработке. По нашим наблюдениям, существовало не менее трех стадий эволюции КИ от момента его составления до создания И76². Главный вопрос, касающийся истории текста И76, теперь формулируется так: протекало ли это развитие во всех своих стадиях на южнославянской почве (как полагает Федер) или же часть этой эволюции принадлежит уже восточнославянскому ареалу?

Сопоставление текста И76 с данными родственных рукописей, учтенными в [Veder 2008; И76-2009], показывает, что некоторые черты И76, которые раньше казались его индивидуальными инновациями, на самом деле восходят к предшествующим стадиям эволюции текста. В число таких особенностей входит и лексика, которую традиционно относили к характерным русизмам И76. Не исключено, что мнение о восточнославянской окраске некоторых из этих лексем требует пересмотра, поскольку оно могло сложиться на основании их фиксации в И76. Предварительный анализ лексических разночтений в И76 и генетически связанных с ним сборниках показывает, что значительная часть изменений, внесенных в текст И76 на последнем этапе его истории, направлена на восстановление церковнославянских норм и унификацию языка текстов, довольно разнообразных по своему происхождению.

В настоящей работе мы разберем один эпизод из истории текста И76, иллюстрирующий значение его лексических особенностей на фоне данных родственных списков. Речь идет о многократно встречающейся в них замене лексемы **вино** на **медъ**.

Приведем необходимые для дальнейшего изложения сведения о сборниках, восходящих к КИ (подробнее о них, а также о славянских источниках КИ и их греческих оригиналах см. в [И76-2009]).

Старшая стадия КИ (КИ2) представлена Мелецким сборником (М — Киев, НБУ НАНУ, Мел. м./п. 119), кон. XVI в., югозападнорусская. У. Фе-

² У. Федер думает иначе: он выделяет в истории сборника всего две стадии и для второй вводит название «Изборник грешного Иоанна».

дер [Veder 1982: 154] квалифицировал рукопись (в части, восходящей к КИ) как списанную со среднеболгарского оригинала, но не объяснил, на каких орфографических особенностях рукописи основано это заключение. Такие в изобилии встречающиеся в ней черты, как неразличение **ъ** и **ь** (особенно в конце слова), **а** вместо **ѡ** после гласных, **лѣ**, **рѣ** в корневых сочетаниях редуцированных с плавными, входят в югозападнорусскую орфографическую норму XVI в., см. [Соболевский 1908: 86; Гальченко 2000: 138—139]. Юсы в рукописи не употребляются; есть следы их мены, например: 58 об. **волѡа** (вин. ед.) 2 р., 54 об. **плачѡащаѡа**, 58 **падающѡаа** (вин. ед. ж. р.), 74 об. **ѣю** (род. ед. ж. р.) 2 р., — но это также может идти от древнерусского протографа, относящегося к эпохе второго южнославянского влияния. Более показателен изредка встречающийся **ѣ** на месте этимологического **а** (51 об. **оувѣдаѣтъ**, 53 **любѣѣи**). Таким образом, хотя надежно определить оригинал западнорусской рукописи в принципе трудно, следует согласиться с тем, что мнение о болгарском протографе этого списка имеет под собой основания. К нему очень близок Уваровский список (**У** — Москва, ГИМ, Увар. 157—4°, 2-я четв. XVII в.). Его данные не имеют самостоятельного значения для текстологии КИ и привлекаются в качестве вспомогательных при анализе особенностей М.

Младшую стадию КИ (КИЗ) представляют:

П (Погодинский сборник) — Санкт-Петербург, РНБ, Пог. 1032. XV в., древнерусская. Второстепенным по отношению к нему является Воскресенский сборник (**В**) — Москва, ГИМ, Воскр. № 110. XVI—XVII вв., древнерусская.

А — Санкт-Петербург, БАН, Т. п. 13. XIV в. (1360—1380 гг.), сербская.

О — Саратов, НБСГУ 45. Кон. XV — нач. XVI вв., древнерусская.

* * *

На употребление слова **медъ** вместо **вино** как на характерную особенность И76 обратил внимание еще А. Х. Востоков [1858—1861, 1: 210]. Впоследствии исследователи неоднократно отмечали факт вторичности лексемы **медъ** в И76, опираясь на лингвистический и текстологический анализ контекстов. М. Н. Сперанский [1904: 426], сравнивая вариант И76 65 об. 9 (текст приведен ниже) с обнаруженным им параллельным текстом в южнославянском болгарском сборнике XIV—XV вв. (РГБ, Музейн. 2531), заметил, что первичность чтения **вино** в болгарской рукописи несомненна, так как в И76, где вместо этого читается **медъ**, относящееся к нему местоимение **к** осталось не согласованным с ним по роду. Н. А. Мещерский [1976: 37] указал на случай грамматической несогласованности в И76, 268 об. 6—9, где с подлежащим **медъ** связаны предикативные причастия среднего рода³. Поскольку лексема **медъ** в значении ‘хмельной напиток’

³ Правда, здесь не исключено безлично-предикативное употребление причастий. Мещерский рассмотрел эту возможность, но отнесся к ней скептически, отме-

хорошо представлена в оригинальных древнерусских произведениях, а в южно- и западнославянских памятниках до сих пор не была засвидетельствована, то и замена **вино** → **медъ** в тексте И76 расценивалась как одно из проявлений его русификации и связывалась с тем, что виноградное вино на Руси не было так употребительно, как мед [Мешерский 1976: 37], или «было доступно только имущим классам» [Нимчук 1985: 19] (на это последнее соображение можно было бы возразить, что неимущим классам книги были едва ли доступнее).

До тех пор, пока для фиксаций лексемы **медъ** в И76 не было известно аналогов в параллельных текстах других рукописей, отнесение данного явления к русизмам было абсолютно оправданным, см. также [Пичхадзе 2003: 22]. Однако после того как текст И76 был сопоставлен с привлеченными У. Федером родственными списками, оказалось, что эта особенность присуща не только И76. Слово **медъ** в значении ‘хмельной напиток’ обнаружилось, в частности, в Мелецком сборнике — представителе ранней стадии КИ, отделенной от И76 не менее чем двумя текстологическими поколениями. После этого вопросы о происхождении замены **вино** → **медъ** в И76, а также о ее языковом статусе встали заново⁴. Мы начнем с текстологического анализа этой замены в списках КИ, а затем попытаемся сопоставить наши данные с аналогичными фактами в других славянских памятниках.

Картина распределения лексем **вино** и **медъ** в списках КИ такова⁵:

тив, что, хотя такие конструкции встречаются в современном диалектном восточно- и западнославянском материале, ни в старославянском, ни в древнерусском языке они не засвидетельствованы. К этому следует добавить, что конструкции с предикативами на -о зафиксированы и в древнейших славянских [Ходова 1995: 257], и в древнерусских памятниках [Шаламова 1997: 45—46, Пичхадзе 2004, т. 1: 689]. Случай, совершенно аналогичный обсуждаемому, — с причастием в функции предикатива при существительном несреднего рода в функции подлежащего, отмечены в древнерусской Пчеле [Пичхадзе, Макеева 2008, т. 2: 149, 272]: **злѡба вьбычна ѣдва исцѣлено бываеть; больша часть воды прилито**. Возможно, правщик текста И76, произведя замену **вино** → **медъ**, оставил сказуемое в прежнем виде, поскольку подобная конструкция была для него допустимой.

⁴ В. В. Нимчук [1985], полемизируя с Федером, исследовал текст Мелецкого сборника в сопоставлении с И76 и заключил, что они имели общую историю на восточнославянской почве. Однако в качестве лингвистического обоснования этого вывода автор привел только один факт, а именно присутствие в обеих рукописях слова **медъ**, в значении ‘хмельной напиток’ а ргіогі принимаемого за русизм. Представляется, что здесь имеет место круговая аргументация. Ведь если в разных рукописях, восходящих к болгарскому протографу, нет общих безусловно восточнославянских инноваций, то и те их общие особенности, языковая природа которых не окончательно установлена, нельзя считать русизмами.

⁵ Пустые клетки означают, что в соответствующем списке нет параллели к данному контексту. Лексемы приводятся в таблице в виде лемм, за исключением случая 10; под таблицей помещены контексты в чтениях И76.

глава		адрес ⁶	И76	П	А	О	М	Другие редак-ции ⁷
Столонец	1	44.13	вино					вино
Наказание Исихия	2	65 об. 9	медъ	вино (=В)	вино	вино	медъ	вино
Книга Сирахова	3	169.11	медъ			вино		вино
	4	175 об. 5	вино			вино		вино
	5	151.5	медъ			вино		
	6	151.6	медъ			вино		вино
	7	151.8	медъ			вино		вино
	8	151.9	медъ			вино		вино
	9	151.12	медъ					вино
Слово Василия Великого	10	106.8	смысловая конъектура			питѣа	медоу питѣа	вино-питѣа
	11	106.9	медъ			питѣк	медъ	вино
Вопросы и ответы Афанасия	12	133 об. 10	вино		вино	вино	вино (= У)	вино
	13	КИ 12:161				вино	вино	вино
	14	219 об. 3	медъ			медъ	вино	вино
Фрагмент гомилии Златоуста	15	236.11	виньнын	виньныи (=В)			виньныи	винь-ныи
Сентенция Исихия	16	236 об. 11	вино				медъ	вино
Фрагмент из Лавсаика	17	237 об. 3	вино				медъ	вино
	18	237 об. 6	вино				медъ	вино
	19	237 об. 13	вино				вино	вино
Из гомилии Василия Великого Против упивающихся	20	265.12	медвьнын					
	21	266 об. 6	медъ					
	22	266 об. 8	медъ					
	23	267.10	медъ					
	24	267 об. 2	медъ					
Подборка библейских цитат о пьянстве	25	268.1	вино					
	26	268.12	медъ					
	27	268 об. 2	медъ					
	28	268 об. 4	медъ					
	29	268 об. 6	медъ					
Сентенции Менандра	30	КИ 13:145					медъ	вино
	31	КИ 13:146					вино	вино

⁶ Указываются лист и строка И76; для текстов, не попавших в И76, — глава и рубрика КИ по [Veder 2008].

⁷ В столбце учитываются источники КИ или независимые от него редакции. Сведения о них см. в [Veder 2008] и [И76-2009].

- 44.13 не рѣци како хлѣбъ тѣло и вино крѣвь
 65 об. 9 Пии медъ по малюу· кинко бо к съкрачакиши· то бл̄годѣтъ ти к
 169.11 Медъ и жены отворатъ (*ѡтврататъ) разоумьныа
 175 об. 5 Съ моужатицею отиноудъ не постѣди· и не повесѣдоуи съ нею
 въ винѣ
 151.5—9 о медоу | Въ медоу не моужанса· мъногы бо погоубилъ медъ·
 горестъ дши мъного пикумъ медъ...
 151.12—13 Въ пирѣ меда не облыган ближнмаго...
 106.5—10 Паче же въсего достонитъ члвкоу въздържатиса отъ бесѣдъ
 женьскыихъ и срамьныихъ словесъ (конъектура⁸): медъ бо и жены отъ-
 вращаютъ и съмыслныа.
 133 об. 10 виноградъ кгда процвѣтетъ вънѣ на се(лѣ)· то чжѣтъ вонж
 соущекъ въ храмѣ вино и цвѣтетъ съ нимъ и то
 Ки 12:161 (по М) Аще кто завѣщаетса съ клятвою· ничто бл̄го
 сътворити тако се нѣколко время вина не въкѣшати· или поститиса или
 ѡ своеа съложница въздържатиса
 219 об. 2—4 иже дѣвѣствьмъ въздържатъса· и медоу и масъ и инѣхъ
 въздържашеса...
 236.11 еже ижезекиа притъчею глааше· ... се бы безаконикъ содомьско
 тако... въ обилии виньнѣмъ питахоуца
 236 об. 11 Пии вино по малюу· кинко бо скоудо пикутъса· толико
 бл̄готвори
 237 об. 2—13 (оурокумъ бо въкоушан...) лоуче бо съ оуставѣмъ пити
 вино· съ величаникумъ водьноуоумоу питию· и вижъ ми въ мироу вино
 пиющиихъ стынхъ моужъ· и бе-щиноу водоу пиющиихъ моужъ нечистъ·
 и к томоу не хоули или хвали тѣло· нъ оублажиши оумъ добрѣ или зълѣ
 пиющимъ· пи иногда юсифъ вино въ егѹптѣ· нъ не врѣди моудрость
 265.12 безмѣрикъ медвонкъ съмыслъ погашактъ
 266 об. 6—8 Сего дѣла не слышатъ оучитель отъвьсюдоу имъ въпи-
 юштинимъ· (Eph 5:18) не оупива итеса медъмъ въ немъже нѣсть
 спсєннѣ· доколѣ медъмъ въ бѣдоу въпадакиши прочек
 267.10 Моужъ страшнѣ бывъ ратьнымъ: смѣхоу бывактъ дѣтѣмъ
 на оулицяхъ· медъмъ съврѣженъ бысть съ кона бе-желѣза
 267 об. 1 моужъ самога тоа върьсты носа цвѣ тчы медомъ бысть
 раздроушенъ
 268.1—3 (апла паула:) Не оупивантеса винѣмъ въ немъже нѣсть
 спсєннѣ (см. 266 об. 6)
 268.12 Горестъ дши медъ пикумъногъ (sic!)
 268 об. 2—4 въ медѣ не моужанса ни моудрѣствоуи
 268 об. 6—9 Медъ въ веселик дано бысть бг̄гьмъ· а не на пианьство
 сътворено бысть

⁸ Вероятно, конъектура в И76 и пропуск слова *медоу* в О имеют общую причину — дефект в протографе.

ны, кажется, что совпадение этого редчайшего явления в двух родственных рукописях не может быть случайным. Оно также не может быть следствием контаминации текстов разных стадий: ни в М, ни в И76 следов такой контаминации нет. С другой стороны, в трех списках, восходящих, как и И76, к младшей стадии КИ, этой замены нет. Кроме того, распределение вариантов **вино** и **медъ** в И76 и М совпадает лишь частично. Объяснить эту ситуацию можно только тем, что помимо замены **вино** → **медъ** при трансмиссии текстов КИ имела место обратная замена **медъ** → **вино**.

Если посмотреть на соотношение вариантов с этой точки зрения, то первым делом бросается в глаза совпадение П, А и О в случае 2. Однако оно не обязательно возникло случайно, в результате независимой правки, так как не исключено, что Наказание Исихия в этих списках восходит к более поздней стадии трансмиссии, чем та, от которой зависит И76. П и О содержат в этом тексте общие вторичные черты, см. [И76-2009, 1: 6]. Вероятно, еще одной их общей инновацией является замена **медъ** → **вино**, проникшая и в А.

Еще одной причиной расхождений в списках могли быть унифицирующие замены, особенно если в протографе встречались рядом разные варианты. Наконец, колебания между вариантами могут быть следствием механического переписывания текста. Поэтому для решения вопроса о том, восходит ли тот или иной вариант к прототипу КИ (т. е. к той стадии, на которой **медъ** впервые проник в текст), существенны последовательность и частота употреблений обеих лексем в предшествующем тексте. В частности, дополнительным аргументом того, что **медъ** не мог появиться независимо в И76 и М в случае 2, является то обстоятельство, что в обоих списках это первая фиксация данной лексемы (в этом значении), т. е. нет прецедента для проведения замены. Наоборот, в случаях 13 и 14 у редактора М были основания для исправления **медъ** → **вино**, так как несколько раньше в тексте говорилось о вине (12). А если в протографе М в случаях 30 и 31 был **медъ**, то отсутствие в списке обратной замены в первой сентенции может объясняться инерцией письма.

Определить, к какой стадии относится замена в каждом конкретном случае, с полной уверенностью, разумеется, нельзя. Но исходя из общего представления о том, что каждый редактор действовал в рамках определенной стратегии, можно предположить следующую картину изменений. Замена **вино** → **медъ** была проведена на ранней стадии развития КИ (не позднее КИ2) последовательно по всему тексту — во всяком случае, везде, где она сохранилась по крайней мере в одном списке. В нескольких контекстах ей препятствовали особые условия. Сюда относятся случаи, где **вино** выступает как церковная реалья (1), упоминается в связи с технологией виноделия (12) или в историческом контексте (15 и 19). В случае 25

§ 903—981) вплоть до повторения грамматических ошибок. Для этой особенности списка О у нас пока нет удовлетворительного объяснения.

замена не была произведена, по-видимому, в связи со ссылкой на апостола Павла: в окружающем тексте редактор последовательно устранял слово **вино** (20—24 и 26—29), и только авторитет имени апостола удержал его от того, чтобы написать **медъ** и в этом случае¹¹. С меньшей долей уверенности можно объяснить отсутствие замены в случае 4: возможно, описанная здесь «куртуазная» ситуация казалась чуждой славянскому книжнику, привыкшему к пирам как к коллективному мужскому занятию.

На следующих стадиях трансмиссии проводилась только обратная замена **медъ** → **вино**¹² — либо последовательно, как в О, либо спорадически, в зависимости от условий контекста, как в И76 в случаях 16—18 (поскольку непосредственно перед и после них сохранялось **вино**) и в М в случаях 13, 14 и, возможно, 31.

Замена **вино** → **медъ** не является фактом лексико-синонимической правки. Так как **вино** — привычная лексема для всякого книжника, то стилистических, литературных причин менять ее не было. Эта причина — прагматически-функциональная. Славянский книжник, заменявший слово **вино** на **медъ** в византийском или библейском по происхождению поучении, делал это с целью приблизить текст к своей аудитории. Это явление того же рода, что замена нарративного повествования с глаголами в 3-м лице императивными конструкциями или переадресация Поучения Василия Кесарийского, написанного для монастырей, к мирянам (И76, гл. 10).

Итак, замена **вино** → **медъ**, по всей видимости, относится к слою радикальных операций, произведенных в текстах при составлении КИ. Обратная замена **медъ** → **вино** проводилась в порядке нормализующей стилистической правки, особенно последовательно — теми редакторами, которые больше заботились о соблюдении книжных норм. Безусловно, книжник,

¹¹ Та же фраза из Послания к ефесянам встретилась в соседнем тексте (21). Очевидно, редактор, проводивший замену **вино** → **медъ**, в первом случае не опознал цитату и обратил на нее внимание только во второй раз, встретив прямое указание на источник. Незнание текста Апостола не вызывает удивления, тем более что данный стих не входит в апракосные чтения. Вероятно, его не знал и переводчик этих текстов: на это указывает своеобразная передача выражения (*ἐν ᾧ*) ἐστὶν ἁσωτῖα через (**въ немъже**) **нѣсть съпасеннѧ**. В древнем славянском Апостоле ἁσωτῖα обычно, и в том числе в Еф. 5:18, переводится словом **владъ** (см. [ССЯ, 1: 119]). Правда, в Христинопольском апостоле один раз встречается калькирующее образование **несъпасенник** (1 Петр 4:4), но оно является лишь частичной аналогией нашему случаю: разложив греческое слово на составные части, переводчик не сохранил его морфологическую структуру. В результате произведенных им операций уловить смысл оригинала в славянской фразе можно разве что при помощи обратного перевода.

¹² В противном случае получается, что один и тот же редактор в разных частях текста действовал в противоположных направлениях. Например, если в протографе И76 в тексте Сираха стояло **вино** и его заменили на **медъ**, то почему это не было сделано в случаях 16—18?

работавший над Саратовским сборником (О), был редактором именно такого типа — начитанным, умевшим работать с источниками, ценившим церковнославянскую чистоту стиля. Словоупотребление **мѣдъ** вместо **вино** в переводных текстах должно было казаться ему варваризмом, и он вносил соответствующую конъектуру. В отличие от него редактор Мелецкого сборника не был пуристом.

Вернемся к вопросу о локализации замены **вино** → **мѣдъ**. Версии о восточнославянском происхождении этой замены противоречит ее принадлежность к одной из ранних стадий КИ, в которой не обнаруживается несомненных русизмов. Таким образом, текстологические соображения заставляют предположить южнославянскую (древнеболгарскую) локализацию. Какие внетекстологические аргументы (культурные, языковые) можно привести за и против восточнославянской или древнеболгарской локализации?

Рассмотрим возможные аргументы против предположения, что замена **вино** → **мѣдъ** могла быть не восточнославянской, а южнославянской инновацией. Таких аргументов в принципе можно представить два: (1) **мѣдъ** в значении ‘хмельной напиток’ не засвидетельствован в древнеболгарских текстах, не подвергшихся редактированию на восточнославянской почве; это связано с тем, что (2) в X в. болгары пили вино и уже не употребляли алкогольных напитков из меда.

Первый аргумент будет рассмотрен ниже. Что касается второго, историко-культурного соображения, то оно нуждается в серьезных обоснованиях. Разведенный и перебродивший мед был основным алкогольным напитком древних славян и одним из важнейших продуктов экспорта в соседние области [Niederle 2000: 221]. Виноградарство возникло у славян, живших к югу от Дуная, до IX в. (у западных и восточных славян — только с XI—XII вв.) [Niederle 1911—1925, I: 214—215], однако это не значит, что в X в. в этих областях перестали варить мед. Культура медоварения существовала на Балканах параллельно с виноделием, что отразилось в многочисленных фактах пересечения терминологий виноделия и пчеловодства в языках этого ареала, а также в славянских заимствованиях терминов медоварения в диалектах неславянских языков, от северногреческих и турецких до румынских [Mladenova 1994]. Ранняя фиксация славянского названия напитка из меда — в греческой передаче *μέδος* — содержится в «Истории» Приска (сер. V в.), см. [Гиндин, Иванов, Литаврин 1994, 1: 85 и примечание к тексту]. По данным [ЭССЯ 18: 56—72], значение ‘хмельной напиток’ у рефлексов существительного **medъ* имеется (помимо восточнославянских языков) только в сербохорватском и польском¹³. В других

¹³ На болгарской лингвистической территории значение напитка у слова *мед* в лексикографии не засвидетельствовано. О. Младенова возводит рум. диал. *mied* ‘виноградный сок’ к древнеболгарскому [Mladenova 1994: 152], со ссылкой на статью **мѣдъ** в [ССЯ, 2: 200]; однако там приведен только один пример значения ‘напиток из меда’ — из Жития св. Вацлава, которое, во-первых, не является болгар-

языках есть суффиксальные образования: продолжения **medьkь* — в западнославянских, *medovec* — в сербохорватском, чешском и словацком; *medur*, *medenica*, *medovica* — в сербохорватских диалектах [Skok 1971—1974, 2: 396]; во всех западно- и южнославянских языках, в том числе в болгарских диалектах, фиксируется **medovina*¹⁴.

О том, что термин **МЕДОВИНА** существовал уже в древнеболгарском, свидетельствует пассаж из Палеи исторической, изданной А. Поповым по спискам XV—XVII вв. и охарактеризованной им как перевод, выполненный в Болгарии не позднее XII в. В Сказании о Самсоне [Попов 1881: 122—125] шесть раз встречается выражение **ВИНО И МЕДОВИНЫ (НЕ ПИТИ)**, которому в Септуагинте соответствует οἶνος καὶ σικερα¹⁵. О том, что слово **МЕДОВИНА** не принадлежит переводчику, а оказалось в русских списках в результате редактуры, речь идти не может, так как в оригинальных древнерусских произведениях оно не встречается¹⁶. Σικερα передается в старославянских памятниках как **СИКЕРА**, **ТВОРЕНЪ КВАСЪ** или **ОЛЪ** [ССЯ s. vv.]. По крайней мере первое из этих соответствий должно было быть известно болгарскому переводчику Палеи, так как оно фигурирует в Евангелии от Луки (1:15; стих этот, кстати, перекликается с Суд. 13:4, 14). Отказавшись от этого варианта, он действовал в манере преславских переводчиков X в.: подбирать аналоги (или создавать семантические кальки) для отсутствующих в их обиходе понятий и реалий вместо кирилло-мефодиевской практики заимствования греческих слов. Очевидно, ближайшим аналогом сикеры — крепкого напитка, отличного от вина и обычно упоминающегося в библейских текстах наряду с ним [Вауер 1958: 750], — для него был хмельной мед.

В сокращенной Палее русской редакции (по списку РНБ, Соф. 1448 XVI в.), составленной, по мнению А. Попова, в Новгороде на основе текста Палеи исторической, в параллельном месте читается (**НЕ ПИИ**) **ВИНА НИ МЕДЪ** [Попов 1881: приложение, 79].

ским памятником, и во-вторых, цитируется по русскому списку XVI в., содержащему в данном месте вторичное чтение (см. ниже). Таким образом, конкретный источник славянского заимствования в румынском остается невыясненным (что, впрочем, не исключает его древнеболгарского происхождения).

¹⁴ Ср. особенно толкование болг. *медовина* как субститута вина в [Геров 1895—1908, 3: 57]: «питие направено отъ медъ и вода съ хмель, пиеса за место вино», а также диал. (родоп.) *медовина* ‘спиртной напиток из меда наподобие вина’ [БЕР: 712].

¹⁵ Греческий оригинал перевода, содержащийся, по предположению Попова, в рукописи из Венской библиотеки, остался ему недоступен. Интересующий нас отрывок представляет собой переложение канонического текста Суд. 13.

¹⁶ Кроме Палеи **МЕДОВИНА** фиксируется в древнерусских рукописях только в одном контексте, в Рязанской, Варсонофьевской и Балашевской кормчих ([СДРЯ, 4: 516]; Картоотека СРЯ XI—XVII): **АЩЕ КОТОРЫХЪ ПРОЗВИТЪРЪ МЛЕКО И МЪ^д ИЛИ ВЪ ВИНА МЪ^дСТО ШЛОВИНОУ ИЛИ МЕДОВИНОУ ИЛИ ЖИТНО ИЛИ СОЧИВА КО ШАГАРЕВИ ПРИНЕСЕ... ДА ИЗВЕРЖЕТЬ^{с.на}**. Очевидно, в русском языке (см. [Даль², 2: 313]) это слово является поздним заимствованием.

В таких контекстах, как Суд. 13: 4 или Лк 1: 15, слова οἶνος и σικερα не имеют конкретно-предметного значения. Они образуют пару, служащую для обозначения родового понятия ‘крепкие напитки’, как выражение «злато и серебро» обозначает вообще ‘богатство’. Имело ли такой же характер болгарское выражение **вино и медовина**, мы не можем сказать с уверенностью, не имея примеров из оригинальных сочинений. Но в древнерусских памятниках есть примеры подобного употребления выражения **вино и медъ** — например, в Сказании о Борисе и Глебе, Усп. сб. XII в., л. 9г: **Къде... баграица и брачины, сребро и злато, вина и медовеє** [Князевская и др. 1971: 45]¹⁷. Показательна замена **пиво** → **вино и медъ** в редакции Жития св. Вацлава в составе макарьевских ВМЧ XVI в. (Соф. 1317, л. 147; цит. по [ССЯ, 2: 200]): **Како хощеши штѣхати брате: вино и медъ все цѣло имѣю оу себе**. В других редакциях Жития, сохранившихся в хорватском глаголическом бревиарии XV в. и древнерусском Торжественнике XVI в. (РГБ, ф. 256, № 436), на месте подчеркнутого фрагмента читается **пиво** [ССЯ, 3: 35]. В оригинальной версии этого древнечешского жития слово **пиво**, конечно, имеет обобщенно-родовое значение, которое для русского книжника XVI в. было либо уже непривычным (в связи с тем, что за словом закрепилось узко-конкретное значение), либо недостаточно выразительным. Заменяя его на **вино и медъ** (а не однословное выражение), он, вероятно, стремился стилизовать текст в духе древнерусских житий, опираясь на такие контексты, как приведенный выше из Сказания о Борисе и Глебе.

Подобные примеры, встречающиеся в риторических контекстах, показывают, что в качестве культурных понятий вино и мед выполняли функцию основных представителей своего рода. И в качестве таковых каждое из них претендовало на роль синекдохического представителя всего рода крепких напитков. Конкуренция между ними могла осуществляться в рамках двух оппозиций — во-первых, ‘книжная традиция’ (идущая через переводную литературу от византийской культуры, где вино было вне конкуренции) vs. ‘конкретная реальность’ (после X в. сохраняющая прежнее значение по крайней мере у восточных славян) и, во-вторых, ‘сакральная сфера’ (вино как церковная реалья, часть евхаристии) vs. ‘профанная сфера’. Вместе с тем эта пара терминов была по обеим линиям асимметричной: первый член имел вполне прочную опору и в реальном/светском быту. Конкуренция терминов осложнялась сосуществованием реалий.

Рассмотрим, как ведут себя оба слова (и их производные) в текстах разных жанровых традиций: от бытовых документов (грамот, надписей) до риторически украшенной гомилетики.

¹⁷ Параллельный текст в Житии кн. Ольги XVI в., Пог. 744, л. 12 (включенном во вступительную часть Степенной книги), заимствован вместе с целым пассажем из Сказания о Борисе и Глебе. Данная интерполяция произведена составителем жития Ольги Сильвестром, так как она отсутствует в Никоновской летописи, на которой основано житие [СККДР, вып. 2, ч. 2: 326].

В новгородских грамотах лексема **вино** зафиксирована один раз (грамота № 586), **медъ** — 5 раз, один из них в контексте, допускающем значение ‘напиток’ — в № 605 кон. XI — нач. XII в. [Зализняк 1995: 246]¹⁸. В древнерусских надписях XI—XII вв. встречается **вино** [СДРЯ, 1: 429]. Из древнеболгарского материала, сопоставимого с древнерусскими документальными свидетельствами, нам доступно только небольшое по объему издание грамот болгарских царей, где есть **вино**, **виньнъ**, **винарь**, но не **медъ** [Ильинский 1911].

Ценными источниками для выяснения характера функционирования лексем **вино** и **медъ** являются церковно-канонические тексты. Они занимают промежуточное положение между бытовыми документами и литературными произведениями: с первыми их сближает практическая функциональность, со вторыми — типизация описываемых ситуаций, а также — для славянских текстов — опора на заимствованную из чужой культуры высокоорганизованную традицию. При анализе контекстов будем различать два рода источников: официальные постановления церковных соборов (такие, например, как синтагма XIV титулов, вошедшая в состав Ефремовской кормчей), текстуально относительно устойчивые, и экзегетические произведения («вопросания», поучения, послания), для которых характерна вариативность в формулировках одних и тех же правил¹⁹.

Мед (в значении хмельного напитка) упоминается в древнейшем древнерусском «вопросании» — Ответах митрополита Киевского Георгия на вопросы игумена Германа (ГГ) [Турилов 2004: 250—251]: **Аще жидовинъ хлѣвъ принесеть а са^м пѣ^к или мѣ^д самъ варилъ [или] пиво не приими того** (статья № 20). В параллельной статье № 27 «Правила с именем Максима» (ПМ; текст опубликован в [Смирнов 1912: 53]) также говорится о меде (**Аще жидовинъ испече^т хлѣ^б са^м и принесет^л ли мѣ^д не приати ѿ него**); в аналогичной (по сути, но не тексту) статье «Правила о верующих в гады» (ПВГ) — памятнике, который С. Смирнов атрибутирует иерусалимскому монаху Афанасию, по происхождению болгарину или сербу, XIII в., — о вине: **Аще що либо wskврънитъ ржкож своеж евреннъ емь или въ вино или въ масло или ино что ѿ таковыныхъ...** (ст. 20) [Смирнов 1912: 146]. В Пра-

¹⁸ Это послание монаха к другу; автор объясняет, что не смог увидеться с адресатом, так как — очевидно, во время условленной встречи — был послан игуменом к посаднику **медоу дѣла а пришьла есвѣ оли звонили**. Учитывая срочность и важность поручения (так что посланные едва успели вернуться к службе), можно думать, что оно было скорее связано с внезапно обнаружившейся нехваткой хмельного, чем с рутинным пополнением пищевых запасов. При этом неизвестно, какой конкретно напиток был взят у посадника.

¹⁹ Впрочем, необходимо оговориться, что данное разграничение достаточно условно, а часто и вовсе невозможно, так как, во-первых, текстология и источники большинства церковно-канонических памятников не исследованы и, во-вторых, многие из них представляют собой многослойные компиляции, составленные из фрагментов различной канонической ценности.

виле «Аще двоеженец» (ПАД; см. [Смирнов 1912: 74])²⁰ запрет принимать питье от иноверцев сформулирован обобщенно: **Аще пога^Н хто хлѣвы при- несеть, или латыни^Н, или жи^{ДО} винъ или пие и гадъ своего доспѣха, не еманте** (№ 44). Такое же варьирование (между конкретными продуктами и родовыми понятиями) встречаем в правиле о съестных припасах, оскверненных мышами, ср.:

ПМ 21 **Аще впаде^Т мы^Ш в ме^Д или во ино что ти вкуси^Т ѿ него не вѣдаа· да поститса· .ѣ. дни а въ .Ѣ. днь мѣтвѣ^В взе^М кокаетъ.** Тот же текст читается в следующих компиляциях: а) особая редакция Правила из Кормчей Иоанна Схоластика (ст. 20) (ПСК; [Смирнов 1912: 134])²¹ (с добавлением (**въ медъ**) или **въ водоу**); б) «Опитемыи св. богоносных отец» 13 [Смирнов 1912: 153].

Епитимийник в Берлинском сборнике (болгарской рукописи) 1-й пол. XIV в., л. 3 об. [Миклас, Тасева, Йовчева 2006: 72]: **Аще мышь или ино что выпадеть. въ вино или въ медъ. или въ водоу или въ ино что. ти^И въкоусить его не вѣдни .ѣ. днѣ да постит са. и въ .Ѣ. днь възьметъ мѣтвѣ. и причестит са.**

ПВГ 18 (**гадь нѣкон...**) **Аще ли въ вино впаде^Т или въ елен. и аще въскорѣ швращетса, да изметса, и да приде^Т попь и оститъ е.** [Смирнов 1912: 145].

ГГ 95 **Аще хомакъ или мы^Ш или ино что впаде^Т в питье. или въ гаденіе. не вѣдаючи вкуситъ нѣсть за то шпитемін.**

Если в Берлинском сборнике слово **медъ** употреблено в значении ‘напиток’ (а это представляется наиболее правдоподобным толкованием, так как мед здесь упоминается наряду с вином и водой), то это чтение Берлинского сборника является единственным известным нам примером употребления слова **медъ** в значении ‘напиток из меда’ в болгарских рукописях²².

²⁰ Оба Правила являются древнерусскими компиляциями с неясной датировкой; Предложенная С. Смирновым атрибуция ПМ белгородскому епископу Максиму конца XII в. [Смирнов 1912: 339—341] признана неубедительной А. А. Туриловым [2004: 230—231].

²¹ Данная компиляция встречается в составе Устюжской и Иоасафовской кормчих. По мнению С. Смирнова, она имеет южнославянское происхождение и повлияла на ряд древнерусских компиляций, в том числе ПМ и ПАД [Смирнов 1912: 336—337, 350—352].

²² Епитимийник в Берлинском сборнике (известный в литературе под названием «Заповедь св. отец о посте», которое, впрочем, относится лишь к начальной части текста) представляет собой компиляцию, включающую правила различного происхождения, в том числе заимствованные из древнерусских источников [Сперанский 1960: 21—22; Турилов 2004: 220, 225]. Однако, даже если правило об осквернении продуктов мышами имеет древнерусский оригинал (во всяком случае, не ГГ, где, как видим, аналогичное правило имеет совсем другой вид), его конкретное текстуальное наполнение принадлежит болгарину — составителю Берлинского сборника. В другом тексте Берлинского сборника (правда, в утраченной его части,

В этих примерах лексемы **медъ** и **вино** не имеют явного расширительного значения, однако обозначаемые ими реалии приводятся в качестве основных или наиболее типичных представителей рода напитков²³. В синекдохическом, родовом значении оба слова встречаются в широко распространенной формуле, предписывающей воздержание от хмельных напитков (как правило, наряду с животной пищей). В текстах, восходящих к авторитетным византийским источникам, встречаем только **вино** в соответствии с неизменным в соответствующей греческой формуле словом οἶνος. Воздержание **отъ мѣсъ и вина** (иногда с добавлением **млека** или **масла**) неоднократно упоминается в Ефремовской кормчей (переводе византийской синтагмы XIV титулов) [Бенешевич 1906—1907: 33, 47, 73; 1987: 123], а также в епитимийных компиляциях: «Правилах св. апостол» в кирило-белозерском сборнике XV в. [Смирнов 1912: 61, № 10, 1], Заповеди «Аще епископ» из Номоканона XIV в. в РНБ, Q. II, № 80 [Там же: 137, № 21, 23]. **Медъ** встречается в той же формуле в экзегетических сочинениях, в частности уже в ГГ: **Аще ли кто впа^д въ ер^с... прин^тмѣ ѿпитемію... ѿ комканіа. и ѿ доры. и ѿ мѣса. и ѿ масла. и медоу...** ст. 20 [Турилов 2004: 237]²⁴, затем — в «Вопрошании Кирика» [Павлов 1880: 22, 49—50]: **пакты начнетъ слоужити, опитемью держа ѿ медоу, ѿ мѣса, ѿ молока (1); аже моужъ боудеть грѣшенъ человекъ... азъ ли заповѣдь дати кмоу... еже отиноудъ кмоу не ясти мѣсъ, ни медоу²⁵ пити...** (95)²⁶.

которая восстанавливается по близкой рукописи РНБ, Гильф. 42, XVI в., серб.) — «Заповеди св. отец о Великом посте» — встретилось словосочетание **квасъ медныи: Вына же или кваса меднаго. по чаши испивати** [Миклас, Тасева, Йовчева 2006: 43]. В параллельном тексте «Устава о посте», входящего в древнерусскую Соловецкую Кормчую 1493 г., прилагательное **медныи** отсутствует: **а питѣа ѿдина чаша мала квасъ** [Смирнов 1912: 182].

²³ Неясно, в каком значении употреблено слово **медъ** в ст. 33 «Вопрошания Кирика»: **Аще се и родоу и рожаницѣ крають хлѣбы, и сыр, и медъ? — Боронаше велми: нѣгдѣ, рече, молвить: «горе пьюшимъ рожаницѣ!»** [Павлов 1880: 31]. В вопросе речь идет вроде бы о неразведенном меде, который можно резать, как хлеб и сыр. Впрочем, слово **медъ** можно понимать и как напиток, если предположить эллипс глагола со значением ‘возливать’. В ответе говорится только о возлияниях, хотя очевидно, что запрет распространяется и на еду.

²⁴ Возможно, слово **медъ** или вся формула **ѿ мѣса. и ѿ масла. и медоу** добавлена составителем «Вопрошания», так как в параллельной статье ПМ эта формула отсутствует (епитимья ограничивается запретом присутствовать на церковных службах), в ПСК заменена одним словом (**да поститьса**). В ПАД вместо слова **мед** читается **питиѣа**.

²⁵ В списке Увар. 559, содержащем Особую редакцию «Вопрошания Кирика», находим интерпретирующее чтение **ни пити медоу ни вина** [Смирнов 1912: 3].

²⁶ В сходном контексте эксплицитное противопоставление вина и меда как атрибутов книжной и национальной культуры содержится в сочинении более поздней эпохи — Посланиях о епитимьях Иосифа Волоколамского: *И все дни разре-*

В русских летописях²⁷ термины **вино** и **медъ**, как правило, имеют конкретное значение: контексты позволяют разграничить соответствующие реалии²⁸. В случаях, когда речь идет о родовом понятии ‘хмельные напитки’, в летописях используется лексема **вино**:

(а) в описаниях ритуальных запретов: у индийских аскетов — **мѣсть не гадуще ни вина пьюще** ЛИ 7, ЛЛ (цитата из Хроники Георгия Амартола); у мусульман — **свинины не ѣсти а вина не пити** ПВЛ под 986 г. (ЛИ 33, ЛЛ, ЛН1);

(б) рядом с библейской цитатой: **люте въ граду тому въ немже князь оунъ** (Еккл. 10:16) **люба вино пити со гоусьми** ЛИ 52, ЛЛ, под 1015 г.;

(в) о хозяйственных запасах: **Данилъ же взѣ дворъ Боудиславль. какоже вино и वोца и корма. и копни. и стрѣль. пристранно видити** ЛИ 257, под 1229 г.

В примерах (а2) и (б) выбор термина, возможно, обусловлен спецификой контекстов; пример (в) свидетельствует об использовании слова **вино** в обобщенном значении в местном быту — очевидно, что в поместье галицкого боярина хранилось не только вино, но и другие напитки.

В некоторых случаях можно предполагать расширительное употребление слова **вино**, в значении ‘некий (неважно какой) хмельной напиток’:

(а) **прѣхаша... на Днѣстръ. и насыгншася рѣвъ и вина** ЛИ 250, под 1213 г.;

(б) в эпизоде убийства Андрея Боголюбского: **шедше в медушию и пиша вино. сотона же веселашеть ѣ в медуши... и тако упившеся виномъ. поидоша в сѣни** ЛИ 207, ЛЛ под 1175 г.;

шити... и мясо, и на сыры, и на вѣно, а по нашему обычаю, на медь... [Смирнов 1912: 228, 233]. Однако это противопоставление второстепенно: оба понятия отвечают конкретной реальности и делят центральное место в сфере хмельных напитков. Это видно из взаиморасположения слов *вино* и *медъ* в следующих случаях: *меду не пити, ни пива, ни вина* [Там же: 229]; *вина и меду в те три дни не пити* [Там же: 230].

²⁷ Текст летописей цитируется по изданиям [ПСРЛ1; ПСРЛ2; Насонов 1950]. Используем стандартные сокращения, принятые в СДРЯ XI—XIV вв.: ПВЛ — Повесть временных лет, ЛИ — Ипатьевский свод, ЛЛ — Лаврентьевский свод, ЛН1 — Новгородская летопись 1 по Синодальному (Син.) и Комиссионному (Ком.) спискам. При совпадении чтений в нескольких списках номер листа указываем только для первого.

²⁸ **Медъ** (напиток) фигурирует в эпизоде тризны (ПВЛ под 945 г., ЛИ 22 об., ЛЛ, ЛН1 (Ком.)); с упоминанием о его приготовлении (варке) (ПВЛ под 996 г., ЛИ 47, ЛЛ, ЛН1 (Ком.), ЛН1 под 1016 г. (Син. 1) и 1233 г. (Син. 116)); как товар или предмет дани (ПВЛ 946 г., ЛИ 23 об., ЛЛ; 969 г., ЛИ 27, ЛЛ, ЛН1 (Ком.), ЛН1 под 1071 г. (Ком. 91)); среди хозяйственных запасов (ЛИ под 1146 г., 122 об.). **Вино** в конкретном значении упоминается как продукт греческого производства (ПВЛ под 907 г., ЛИ 12 и 12 об., и 969 г., ЛИ 27, ЛЛ, ЛН1 (Ком.); ЛН1 под 922 г. (Ком. 31)); среди хозяйственных запасов (рядом с медом, ЛИ 122 об., 123).

(в) (Батый князю Даниилу) присла вина чюмъ и рѣ не шбыкли пити молока. пин вино ЛИ 271, под 1250 г.

Пример (в) явно содержит отсылку к приведенному выше месту из ПВЛ под 986 г.: здесь существенно не то, какой именно напиток поднесли Даниилу, а противопоставление хмельного напитка безалкогольному. Особенно показателен пример (б) — употребление слова **вино** в соседстве с **медоуша** (рядом с которым естественно было бы ожидать **медъ**) свидетельствует о том, что в языковом узусе летописца именно за ним было закреплено обобщенно-родовое значение.

Слово **медъ** в расширительном значении в летописях не встречается ни в одиночном употреблении, ни в паре с другими лексемами. Впрочем, парные синекдохи, обозначающие хмельные напитки, для летописей вообще нехарактерны — нам известен только один пример, и в нем вторым членом выступает не **медъ**, а **олъ**: **да не боудеть емоу пристанъка... да ходитъ шатагаста во странахъ желанне брашна да не боудеть емоу вина же и шлоу по скоудоу да боудеть емоу...** ЛИ 254, под 1226 г.

В оригинальных древнерусских агиографических сочинениях, помимо выражения **вина и медове** в Сказании о Борисе и Глебе, слово **медъ** в значении ‘хмельной напиток’ не фиксируется. То же относится к древнерусским гомилетическим произведениям — напротив, ср. **вино** в расширительном значении в Послании митр. Илариона [СДРЯ, 1: 429].

Наличие у слов **вино** и **медъ** расширительного значения могло служить предпосылкой для их взаимной замены (в контекстах, допускающих такое значение) при редактировании славянских текстов. Вне круга рукописей, восходящих к КИ, нам известно только два примера расхождений **вино** : **медъ** в различных редакциях одного памятника. Первый пример содержится в древнерусской редакции Пандектов Никона Черногорца (по спискам XIII—XIV вв.), в отрывке из жития Иоанна Милостивого (Слово 23). Чтению сербских списков, содержащих южнославянскую редакцию: **колико ксть тѣхъ иже желаютъ понѣ шбонѣти вино проливакмокъ въ моки винници** οἶνου τοῦ ἐκχυνομένου εἰς τὸ ἐμόν κελλάριον — в русских списках соответствует **медъ проливакмъ въ моки медоуши**²⁹; этот вариант, возможно, появился в результате вторичной замены³⁰. В списке РГБ, Тр. III

²⁹ Цит. по [Павлова, Богданова 2000: 292] и [Пичхадзе 2006], где добавлены данные не учтенных в издании списков.

³⁰ Данное разночтение обсуждалось в связи с дискуссией о соотношении русской и южнославянской редакций Пандект. Т. Славова [2003: 274] настаивала на первичности варианта сербской редакции ввиду его соответствия греческому оригиналу, К. А. Максимович [2004: 61] аргументировал противоположную точку зрения на основании того, что русская редакция содержит lectio difficilior. Первичность русской редакции в целом была на обширном текстологическом материале доказана в [Пичхадзе 2006]. Вместе с тем, как показала А. А. Пичхадзе, русские

III, 669, XV в., представляющем особую (неустановленного происхождения) редакцию Жития, встречаем третий вариант этого разночтения (отношение которого к первым двум неясно): **вино проливаѣмоѣ в моѣи мѣдвѣнници.**

Второй пример расхождения **вино** : **мѣдъ** встретился в Слове о богатом и Лазаре, греческим оригиналом которого является одна из гомилий «О милостыни», атрибутированных в византийской рукописной традиции Иоанну Златоусту — [CPG 4705, PG 64: 433—444]. Славянская версия этого сочинения входит в состав двух сборников — так называемого Торжественника (в одной рукописи со Златоустом, РНБ Ф.п.1.46) и Троицкого сборника XII—XIII вв. (РГБ, Тр. 12), л. 1—5³¹. Между этими списками имеются существенные различия. Торжественник содержит некоторые отклонения от греческого текста, изданного Минем, однако оказывается ближе к нему во всех случаях расхождений с Троицким сборником. Таким образом, в Торжественнике представлена версия, близкая к архетипу перевода, в Троицком сборнике — позднейшая редакция. Разночтения Троицкого списка в пассаже с описанием пира богача заключают в себе исключительно интересный лексический материал, в том числе гапаксы неизвестного происхождения (**чамъри**, **шемьлизи**), германские заимствования (**търтове**, **шъпнакве**), а также слова, засвидетельствованные только в древнерусских памятниках: **вѣкъша** в значении ‘деньги’, **перина** (кроме Тр. 12, фиксируется в древнерусской Пчеле), **пѣтъка** (Срезн.; в ССЯ — только **пѣтица**). Относительно локализации этой редакции трудно дать определенное заключение. Внесенные редактором изменения являются образцом макаронического стиля, в котором уживаются названия как местных, так и иностранных реалий. Они образуют специфический слой интернациональной лексики, характеризующийся более интенсивной миграцией и меньшей устойчивостью терминов, чем в условиях гомогенной языковой среды и традиционного быта. Языковые предпочтения редактора проявляются, по-видимому, в немногочисленных лексических инновациях, которые встречаются вне описания пира. Среди них находим одну типично восточнославянскую замену: **мѣдвѣнници** → **вѣкъши** (л. 3, в пересказе евангельского эпизода Мк. 12: 42).

Приведем только те фрагменты обоих списков, в которых присутствуют лексемы **вино** и **мѣдъ** (при наличии соответствия в греческом выделяем их подчеркиванием, в противном случае — курсивом):

списки прошли редактуру в отдельных местах, в частности в отрывке из Жития Иоанна Милостивого, и данное чтение относится к числу возможных инноваций, внесенных при этой редакции [Там же: 78].

³¹ Текст опубликован И. И. Срезневским [1867, вып. 3: 28—33] по Торжественнику, с разночтениями Троицкого сборника.

PG 64: 433—444	РНБ F.п.I.46	Tr. 12	
Ἐν δὲ τῷ ἀρίστῳ αὐτοῦ χρυσὸς ἄμετρος διηκόνει, καὶ ἄργυρος ἀμύθητος, οἶνος πολύτιμος,	на обѣдѣ же кго слоужба бѣ многа. злата и срѣбрьна. вино много	сѣсоуди златѣмь сѣковани и срѣбрьмь. брашьно многок раз-лично	1
φασιανοὶ, χῆνες, πορφυρίωνες, πέριδιες, περιστεραὶ, ὄρνεις, λαγωοὶ, ἀρνία, ἔριφοι	тетера гочси жеравни и равни голоуби коури запаци и клени		
		вепреве. дичина. чамъри· тѣртове· печени· крѣпаниа· шемьлизи· пирове· пѣтѣкы·	
μαγείρων πλήθος θορυβουμένων· ἄλλοι ῥίπιζοντες σποδὴ μὴ μία ὑφίσταται αὐτοῦ τῆ κεφαλῇ· ἄλλοι ἀργυροῦς νιπτῆρας κατέχοντες, καὶ ὀθόνια καθαρὰ ἔτοιμοι παρεστήκεισαν, τὰ ἄκρα τῶν δακτύλων αὐτοῦ ἀποσμήνοντες, ἀνακειμένου αὐτοῦ... Οἱ πάντες ἔκαμνον· αἰματοχειρῖαι, θόρυβος τοσοῦτος, ἵνα τοῦ ἐνὸς πλουσίου ἐκείνου τὴν κοιλίαν χορτάσωσιν.	множество сокачни. работающе и дѣлающе сѣ потѣмь. инни (и Tr. 12) мѣнози текоуще и на пѣрстѣхъ влюдо (-а Tr. 12) носаше. инни же махающе сѣ богазнию. инни же срѣбрьныа оумывальница държаше инни же оукропъница дѣмоуще инни стѣкланица сѣ виномъ носаше. и ти вси троу жахоуца. тѣщашеса кдинога богатога чрѣво насытити.	чашѣ срѣбрьны великыа позлащенъ. коуѣтци. и котъли. питник же многок. медъ и квасъ. вино. медъ чистын· пѣпъранъин. питниа обнощанага. сѣ гоуслъми. и свирѣльми. веселик многок. ласкавъци. шпилакве. праздѣно-словъци. смѣхословъци. пласаниа. мерзостн. вѣплеве. пѣсни.	2
προετοιμάζονται αὐτῷ καὶ κλίνα ἐλεφάντινα, χηνόπλουμα, συνδόναι καθαρὰ καὶ τρυφερά.	готоваше кмоу и одръ слоновъ. сѣ прѣтѣканиа понавами свиль-нами макъками.	готовать кмоу и одръ настѣланъ перинъ паволочнитѣхъ.	
...Ποῦ ὁ πλοῦτος; ποῦ ὁ χρυσός, ποῦ ὁ ἄργυρος; ποῦ ἡ στέγη ἢ ἄργυρά; ποῦ ἡ φαντασία τῶν παιδῶν; ποῦ ὁ οἶνος ὁ ἐχχυνόμενος, καὶ νῦν φανίδα ὕδατος ἐπιζητεῖς καὶ ἐπιθυμεῖς; ... ὦ ἄθλιε πλοῦσιε!	... w богатын кде ти богатѣство оуже кѣде злато. кѣде гърдѣник множество (-ѣмь Tr.) рабѣ. кѣде вино проливакмок а ныне капла водыныа желакши...	медъ проливакмын	3

В Торжественнике **МЕДЪ** отсутствует; **ВИНО** выступает единственным представителем рода напитков, в том числе и в фрагменте 2, не имеющем точного соответствия в греческом тексте, т. е., возможно, измененном славянским переводчиком или редактором³². Редактор Тр. 12 переработал и расширил описание пира гастрономическими подробностями, отделив еду от напитков. При этом **ВИНО** в начале пассажа, перед списком блюд (разночтение 1), было устранено и перенесено в перечень напитков, где оно занимает скромное место, уступая по важности меду (или разным видам меда: неясно, следует ли понимать выражение **МЕДЪ ЧИСТЫИ· ПЪПЪРАНЪИ** как обозначающее один или два напитка, соответственно возможным значениям прилагательного **ЧИСТЫИ** — ‘превосходный’ или ‘беспримесный’, т. е., в отличие от **ПЪПЪРАНОГО**, без добавления перца). В разночтении 3 вариант **ВИНО**, несомненно, первичен, а **МЕДЪ** внесен редактором версии Тр. 12, явно предпочитавшим это слово в качестве обозначения хмельного напитка *rag excellence*.

Надежных случаев непосредственного (а не на стадиях последующей редактуры) перевода греч *οἶνος* через **МЕДЪ** не зафиксировано: и в южнославянских, и в восточнославянских [Пичхадзе 2006: 78] переводных произведениях регулярным соответствием этого греческого слова является **ВИНО**. Однако в некоторых переводных произведениях (южнославянских X в.) засвидетельствованы суффиксальные образования от сущ. **МЕДЪ** в значениях, связанных с изготовлением и использованием вина:

(1) **СТАРЕШИНА МЕДАРЬСКЪ**: ἀρχαιοπόθος 8 раз в Пятикнижии, в эпизоде толкования снов Иосифом (Быт. 40—41). Чтения совпадают во всех списках четьего текста (как древнерусских, так и южнославянских), учтенных А. В. Михайловым [1908], а также в Геннадиевской библии [Горский, Невоструев 1855: 17]. Помимо этого пассажа, прилагательное медарьскъ в памятниках не засвидетельствовано; существительное медарь в значении ‘*rinserna*’ отмечено только в [Miklosich 1862—1865], со ссылкой на гомилий Мухановича³³. Рефлексы **medarъ* представлены в южно- и западнославянских языках (македонском, сербохорватском, словенском, старочешском, чешских диалектах) в значениях ‘бортник’, ‘продавец меда’ и т. п. [ЭССЯ 18: 43].

(2) **МЕДЪНИЦА**. Нам известно два контекста с этим существительным: в древнеболгарском переводе Лествицы (гл. 20:10) в соответствии с греч. ληρός ‘виноградное точило’: **БОГАТСТВО ДѢЛАТЕЛЕМЪ ВЪ ГОУМНѢ И МЕДЪНИЦѢ** (ληρός) **СЪБИРАЕТЬСЯ** Рум. 198, XII в., л. 116г, Рум. 199, XIII в.,

³² В то же время нет сомнений в том, что фрагмент 2 в Торжественнике первичен по сравнению с Троицким сборником, где весь пассаж есть позднейшая вставка, ни логически, ни синтаксически не связанная с окружающим текстом.

³³ К сожалению, не удалось увидеть контекст ввиду недоступности издания [Aitzetmüller 1957].

с. 175³⁴; и в значении ‘винный погреб’ — в Житии Иоанна Милостивого по списку Тр. III 669 (контекст приведен выше).

Слова **медарьскъ** и **медвѣница**, по-видимому, принадлежат архетипам соответствующих текстов (поскольку в списках нет разночтений). Но даже если какие-то из этих случаев появились в результате вторичной замены, это вряд ли произошло на восточнославянской почве, так как в древнерусских текстах данные лексемы не фиксируются; вместо первой (в значении ‘*ripserna*’) используются церковнославянские лексемы **винарь** или **виночьрпни**; вместо второй — **точило**, а в значении ‘винный погреб’ — специфически русское слово **медоуша**. По-видимому, лексемы **медарь**/**медарьскъ** и **медвѣница** в значениях, засвидетельствованных приведенными контекстами, следует рассматривать как реликтовые болгарские диалектизмы, свидетельствующие о том, что на предыдущей стадии языкового развития для обозначения родового понятия ‘хмельной напиток’ служило слово **медъ**. В этом своем качестве оно уступило место лексеме вино вслед за изменениями внеязыковой реальности. Производные слова, как более инертные, сохранились и на следующей стадии³⁵.

Подводя итоги этого краткого обзора распределения и функционирования лексем **медъ** и **вино** и их производных в древнеславянских памятниках домонгольской эпохи, можно констатировать:

³⁴ В словаре Востокова [Востоков 1858—1861: 210] этот случай приводится с интерпретацией ‘погреб для медов и вин’ (воспроизведенной в [Miklosich 1862—1865: 364] и [Срезн. 2: 120]) — т. е. подразумевается неточный перевод, который, однако, не мотивирован контекстом (где речь идет об обработке, а не хранении зерна и вина). Слово *κελλάριον* ‘погреб’ в греческом оригинале Лествицы не встречается. В том же переводе Лествицы (гл. 7:35) слово *ληνός* передано при помощи регулярного соответствия (см. [ССЯ, 4: 556]): **не вѣроуи своимъ источникомъ предъ съвършеннымъ очищениемъ не бо имать вѣры вино вѣскорѣ ѿ тѣскъ** (*τὸν ληνόν*) **затваряемо** Рум. 198, л. 71. Но в интересующем нас случае контекст несколько иной — здесь имеется в виду не сам пресс, а место, где давят виноградный сок. Возможно, слово **медвѣница** все же употреблено в значении, точно соответствующем греческому, — ‘виноградный пресс’ или ‘давальня’ (по аналогии с *‘место, где обрабатывают собранный мед’); тогда данный случай оказывается в одном ряду с описанными О. Младеновой фактами взаимопроникновения винодельческой и медодельческой терминологий в балканских языках (см. выше). Такое же чтение содержится в редакции древнеболгарского перевода, которую относят к XIV в. [Попова 2006: 290], в списке Тр. 10, л. 110 об. Во втором южнославянском (афонском) переводе Лествицы находим другое, стандартное соответствие **точилѣ** Тр. 156, 122 об. (список киприановской редакции [Там же: 291]).

³⁵ Такому соотношению обозначений простого и производных понятий можно привести множество аналогий, например: рус. *житница* и *хлеб*; новогреч. *αρτοπωλείο* ‘булочная’ и *ψωμί* ‘хлеб’.

В конкуренции вина и меда (вино — основной хмельной напиток у греков, мед — традиционный славянский) за место в славянской книжной культуре как хмельного напитка *par excellence* ведущая роль принадлежала вину. В произведениях переводной или ориентированной на переводные образцы литературы (жития, гомилетика) лексема **мѣдъ** не зафиксирована. Лексема **мѣдъ** в конкретном значении ‘хмельной напиток из меда’ засвидетельствована главным образом в древнерусских памятниках, так или иначе отражающих реальный быт современной им эпохи: летописях и толкованиях церковных правил применительно к местным, русским условиям. Только в последних фиксируется **мѣдъ** в расширительном значении ‘любой хмельной напиток’. Сравнить этот материал с аналогичным древнеболгарским на данном этапе не представляется возможным: оригинальные южнославянские историко-нарративные сочинения неизвестны, переложения церковных правил дошли в южнославянских списках не ранее XIV в. Сама лексема **мѣдъ** в качестве обозначения напитка из меда в древнеболгарских текстах не засвидетельствована (за возможным исключением Берлинского сборника, см. выше); имеющиеся данные говорят о том, что у болгар в этом значении использовалось суффиксальное образование **медовина**. Однако не исключено, что оно только позднее окончательно вытеснило в болгарских диалектах общеславянский термин **мѣдъ**³⁶, а в X веке еще сосуществовало с ним. В пользу этого предположения свидетельствуют сохранившиеся в южнославянских памятниках лексемы со значением ‘раздаватель напитка’ и ‘хранилище (место обработки) напитка’, производные от **мѣдъ** (а не **медовина**) — **медарь** и **медвьница**.

Замена **вино** → **мѣдъ** при редактировании славянских текстов крайне редка. Помимо И76 и родственных сборников, мы обнаружили ее только в двух текстах русских редакций (по количеству вхождений лексемы значительно уступающих КИ). Независимых (не текстологических) культурно-языковых резонансов, которые бы заставляли отнести эту инновацию к болгарской или русской стадии эволюции текста, нет. В КИ по текстологическим соображениям она должна быть отнесена скорее к болгарскому этапу истории текста.

Л и т е р а т у р а

Бенешевич 1906—1907 — В. Н. Бенешевич. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. 1. Вып. 1—3. СПб., 1906—1907.

Бенешевич 1987 — В. Н. Бенешевич. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. 2 / Подгот. к изд. и снабжен доп. Ю. К. Бегуновым, И. С. Чичуровым, Я. Н. Щаповым. София, 1987.

³⁶ Так же, как в русском языке **мѣдъ** ‘хмельной напиток’ был вытеснен термином *медовуха*.

- БЕР — Български етимологичен речник. Т. 3. София, 1986.
- Востоков 1858—1861 — А. Х. В о с т о к о в. Словарь церковнославянского языка. Т. 1—2. СПб., 1858—1861.
- Гальченко 2000 — М. Г. Г а л ь ч е н к о. О времени появления и характере распространения ряда графико-орфографических признаков второго южнославянского влияния в древнерусских рукописях конца XVI — первой половины XV вв. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. (2000). М., 2000.
- Геров 1895—1908 — Н. Г е р о в. Речник на българския език. Т. 1—6. Пловдив, 1895—1908.
- Гиндин, Иванов, Литаврин 1994 — Свод древнейших письменных известий о славянах / Сост. Л. А. Гиндин, С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин. Т. 1—2. М., 1994; 1995.
- Горский, Невоструев 1855 — А. В. Г о р с к и й, К. И. Н е в о с т р у е в. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. I. М., 1855.
- Даль² — В. И. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. Т. 1—4. СПб.; М., 1880—1882.
- Зализняк 1995 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- И76-2009 — Изборник 1076 года. 2-е изд. / Подг. М. С. Мушинская, Е. А. Мишина, В. С. Голышенко; Под ред. А. М. Молдована. Т. 1—2. М., 2009.
- Ильинский 1911 — Г. А. И л ь и н с к и й. Грамоты болгарских царей. М., 1911. (Древности. Труды славянской комиссии Императорского археологического общества. Т. 5).
- Князевская и др. 1971 — Успенский сборник XII—XIII вв. // Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971.
- Максимович 2004 — К. А. М а к с и м о в и ч. Заметки к дискуссии о древнерусских переводах с греческого // Русская литература. 2004. № 1. С. 57—73.
- Мещерский 1976 — Н. А. М е щ е р с к и й. О некоторых источниках «Изборника 1076 года» в связи с вопросом о происхождении их переводов // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 34—38.
- Мещерский 1977 — Н. А. М е щ е р с к и й. Взаимоотношения Изборника 1073 г. с Изборником 1076 г. // Изборник Святослава 1073 г.: Сб. ст. М., 1977. С. 90—99.
- Миклас, Тасева, Йовчева 2006 — Берлински сборник. Среднебългарски книжовен паметник от началото на XIV век с допълнения от други ръкописи / Изд. подгот. Х. Миклас, Л. Тасева, М. Йовчева // Трудове на Балканската комисия 47. Извори. № 3. София, 2006.
- Михайлов 1908 — А. В. М и х а й л о в. Книга Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Варшава. Вып. 4. 1908.
- Насонов 1950 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. С. Насонова. М.; Л., 1950.
- Нимчук 1985 — В. В. Н і м ч у к. З історії формування давньоруської редакції старослов'янської мови // Мовознавство. 1985. № 3. С. 17—24.
- Павлов 1880 — А. С. П а в л о в. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1 (памятники XI—XIV вв.) // Рус. ист. б-ка. Т. 6, ч. 1. СПб., 1880. [2-е изд. — 1908].

Павлова, Богданова 2000 — Die Pandekten des Nikon vom Schwarzen Berge (Nikon Cernogorec) in der ältesten slavischen Übersetzung / Hrsg. von R. Pavlova, S. Bogdanova Frankfurt am Main, 2000.

Пичхадзе 2003 — А. А. Пичхадзе. Книга Иисуса Сирахова в Изборнике 1076 г. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. (2002—2003). М., 2003. С. 7—26.

Пичхадзе 2004 — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод / Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. М., 2004. Т. 1—2.

Пичхадзе 2006 — А. А. Пичхадзе. К текстологии древнейшего славянского перевода Пандект Никона Черногорца // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. (2004—2005). М., 2006. С. 59—84.

Пичхадзе, Макеева 2008 — «Пчела». Древнерусский перевод / Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева. Т. 1—2. М., 2008.

Попов 1881 — А. Попов. Палея историческая (Книга бытия небеси и земли) // ЧОИДР. 1881. Кн. 1.

Попова 2006 — Т. Попова. Лествица Иоанна Синайского в средневековой славянской книжности // Многократные превода в южнославянского средновековие. София, 2006. С. 287—300.

ПСРЛ1 — Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997.

ПСРЛ2 — Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 1—7. М., 1988—2004.

Семенов 1892 — В. Семенов. Мудрость Менандра по русским спискам. (ПДП №88). СПб, 1892.

СККДР — Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2.

Славова 2003 — Т. Д. Славова. Ответ на вызов // Рус. яз. в науч. освещении № 2 (6). 2003. С. 260—282.

Смирнов 1912 — С. И. Смирнов. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины // Чтения О-ва истории и древностей российских. 1912. Кн. 3, разд. 2.

Соболевский 1908 — А. И. Соболевский. Славянорусская палеография. СПб., 1908.

Сперанский 1904 — М. Н. Сперанский. Переводные сборники изречений в славянорусской письменности. Исследование и тексты. М., 1904.

Сперанский 1960 — М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960.

Срезн. — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1—3. СПб., 1893—1912.

Срезневский 1867 — И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках // Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности. Т. 1. 1867. № 6—9.

СРЯ — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—28. М., 1975—2008.

ССЯ — Словарь старославянского языка. (Репр. изд.: Slovník jazyka staroslověnského. 1—51. Praha, 1966—1997). Т. 1—4. СПб., 2006.

Турилов 2004 — А. А. Турилов. Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа — древнейшее русское «Вопрошание» // Славянский мир между Римом и Константинополем. М., 2004. С. 211—262.

Ходова 1995 — К. И. Ходова. Синтаксические архаизмы в языке произведения Иоанна Экзарха Болгарского // Преславска книжовна школа. Т. 1. София, 1995. С. 254—261.

Шаламова 1997 — А. Н. Шаламова. Словарь русского языка XI—XVII вв.: проблемы и результаты (по материалам авторских томов) // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 35—54.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Вып. 1—33. М., 2007.

Ягич 1892a — И. В. Ягич. Разум и философија из српских книжевних старина // Споменик српске краљевске академије. Т. 13. 1982. С. iii-xix, 1—21.

Ягич 1892b — W. Jagić. Die Menander-sentenzen in der altkirchenslavischen Übersetzung // Sitzungsberichte der wienischen Akademie. Phil.-hist. Cl. 126. Abt. 7. 1892.

Aitzetmuller 1957 — R. Aitzetmüller. Mihanovic Homiliar // Edition monumentorum slavicornum veteris dialecte. Graz, 1957.

Bauer 1958 — W. Bauer. A Greek-English Lexicon of the New Testament and Other Early Christian Literature / Transl. by W. F. Arndt, F. W. Gingrich. Chicago, 1958.

CPG — Clavis patrum graecorum / Cura et studio M. Geerard. Brepolis. 1983—1998.

Körte, Thierfelder 1959 — A. Körte, A. Thierfelder. Menandri quae supersunt. 2. Aufl. Bd. 2. Leipzig, 1959.

Lepissier 1966 — J. Lepissier. Une source de l'Изборник de 1076 // Revue des études slaves. Vol. 45. 1966. P. 39—47.

Meineke 1840 — A. Meineke. Fragmenta comicorum Graecorum. Bd. 3. Berlin, 1840.

Miklosich 1862—1865 — Fr. Miklosich. Lexicon palaeoslovenicum-graecolatinum. Vindobonae, 1862—1865.

Mladenova 1994 — O. Mladenova. Honey & Grapes: Two Competing Products // Indiana Slavic Studies. 7. 1994. P. 146—155.

Niederle 1911—1925 — L. Niederle. Život starých Slovanů. 1—3. Praha, 1911—1925.

Niederle 2000 — Л. Нидерле. Славянские древности / Пер. Т. Ковалевой, М. Хазанова. М., 2000.

Skok 1971—1974 — P. Skok. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. 1—4. Zagreb, 1971—1974.

Ševčenko 1966 — I. Ševčenko. On Some Sources of Prince Svjatoslav's Изборник of the Year 1076 // Orbis scriptus: Dmitriy Tschizhewskiy zum 70. Geburtstag. München, 1966. P. 723—738.

TLG — Thesaurus linguae graecae (A Digital Library of Greek Literature). University of California. Irvine: [Электрон. ресурс:] Режим доступа: www.tlg.uci.edu.

Veder 1982 — W. R. Veder. Мелецкий сборник и история древнеболгарской литературы. // Palaeobulgarica. 6. 1982. № 3. С. 154—65.

Veder 1983 — W. R. V e d e r. The «Izbornik of John the Sinner»: a Compilation from Compilations // Полата књигописна. 8. 1983. P. 15—37.

Veder 1994 — W. R. V e d e r, A. A. T u r i l o v. The Edificatory Prose of Kievan Rus'. Harvard, 1994. (Harvard Library of Early Ukrainian Literature; Vol. 6).

Veder 2008 — У. Р. Ф е д е р. Кънажи изборъникъ. За възпитание на канарти-кина. Т. 1: Увод и показалци. Т. 2: Текст. Търново, 2008.

А. В. ЗУБКОВА

К ВОПРОСУ О СКАЗУЕМОМ УПОТРЕБЛЕНИИ ПРИЧАСТИЙ В ЛЕТОПИСЯХ XV—XVI ВВ.

1. Как известно, краткие действительные причастия прошедшего времени, утратившие формы склонения, могли «функционировать в др.-р. языке как сказуемые отдельных первичных предложений, представляющих собой, с синхронной точки зрения др.-р. периода, частный случай придаточных предложений. Сам факт использования в качестве сказуемого не личной формы, а причастия является грамматическим средством для выражения подчиненного статуса соответствующего предложения» [Зализняк 2004: 181—182] (ср. также [Потебня 1958, I—II: 208—231]). При этом наиболее очевидно данная функция проявляется в тех случаях, когда подлежащее при причастном сказуемом не совпадает с подлежащим, выраженным личной формой глагола [Там же].

Контексты данного рода в памятниках не очень частотны, однако встречаются уже с раннего периода, причем в текстах разных жанров, т. е. относящихся к разным языковым регистрам (ср. примеры в [Потебня 1958, I—II: 199]). Имеются они в том числе в берестяных грамотах, что свидетельствует о возможности такого употребления в живом древнерусском языке, ср.: ... *се Жадьке пославъ абедника дова, и пограбила ма въ братни долъ...* 235 [Зализняк 2004: 182, пример там же].

Следы рассматриваемого типа употребления остались и в современных русских говорах. Использование действительных причастий прошедшего времени в функции сказуемого зависимого предложения с самостоятельным подлежащим (*подходявши туда дождь застал; голова закружилась писамши* и т. п.) в настоящее время является специфически диалектным явлением. Подобные конструкции отмечаются на территории распространения «нового перфекта» (т. е. свойственны прежде всего говорам русского Северо-Запада), а также встречаются в части акающих среднерусских и южнорусских говоров.

Данное явление может расцениваться либо как архаизм, отражение относительной свободы в употреблении причастий в прошлом — для говоров, которым несвойственно употребление действительных причастий прошедшего времени в составе «нового перфекта», либо как невольное смешение финитно-глагольных и причастных конструкций, либо как и то и

другое одновременно — для говоров, которым свойственно регулярное употребление действительных причастий прошедшего времени в составе «нового перфекта» (обзор разных точек зрения см. [Кузьмина, Немченко 1971: 238—240], ср. также [Петрова 1959: 29; Рус. диал. 1964: 196]).

Следует отметить, что не все ученые расценивают подобные конструкции как случаи предикативного употребления действительных причастий прошедшего времени. Так, по мнению Е. В. Немченко, они относятся к случаям полупредикативного употребления, а именно к случаям употребления в функции предикативного обстоятельства (контексты типа *спина заболела сидемши*) или предикативного атрибута (контексты типа *меня дождь поймал с сена ишотчи*) [Кузьмина, Немченко 1971: 238]. Тем не менее предпочтительным все-таки кажется считать употребление действительных причастий прошедшего времени в подобных контекстах предикативным, поскольку оно находит прямые параллели в языке древнерусских памятников, и в частности берестяных грамот¹ [Зализняк 2004: 181—182].

Вместе с тем само по себе употребление самостоятельного подлежащего при причастном сказуемом еще не является свидетельством того, что данная конструкция восходит к живому употреблению; оно может быть вызвано и другими факторами, ср. замечание А. А. Потевни о том, что «бывают случаи, когда подлежащие причастия и глагола тождественны, но когда подлежащее с причастием получает вид именительных самостоятельных², будучи далеко разнесено с глаголом», т. е. наличие самостоятельного подлежащего при причастии может быть явлением чисто формальным [Потевня 1958, I—II: 199]. Задача настоящей статьи — не претендуя на исчерпывающее решение вопроса об источнике конструкций с самостоятельным подлежащим при причастном сказуемом, показать на материале двух летописных текстов, чем может быть обусловлено их употребление и как оно связано с общей нарративной структурой текста.

Материалом для данной статьи послужили Псковская III летопись по Строевскому списку (2-я половина XVI в.; далее — Пск. III лет.) и поздняя часть Никоновской летописи по Академическому XIV, или Патриаршему, списку (2-я половина 50-х гг. XVI в.; далее — Ник. лет.)³. Первый

¹ Правда, единственный имеющийся в берестяных грамотах пример употребления такого рода содержит действительное причастие настоящего времени: ... *а что про смрозерци хедыле есемо не платце, а платце в томо что про межи раду нѣту...* 131, XIV₂ [Зализняк 2004: 181—182; пример там же].

² Так А. А. Потевня называет предикативные единицы с самостоятельным подлежащим при причастном сказуемом.

³ Работа с памятниками велась по изданиям [Пск. лет. 2000; ПСРЛ XII 2000; ПСРЛ XIII 2000]. Поскольку расстановка знаков препинания в этих изданиях, ориентированная на современные нормы пунктуации, в некоторых случаях затемняет структуру анализируемого контекста, представляется целесообразным, приводя примеры, снимать пунктуационные знаки вообще (кроме точки в конце завершён-

текст выбран как представитель северо-западной диалектной зоны, на территории которой до сих пор встречаются следы употребления интересующего нас типа (см. выше). Следует особо отметить, что текст Псковской III летописи отличается своим не книжным характером и, в частности, тем, что в нем на разных языковых уровнях относительно свободно отражаются диалектные черты (об этом см., например, [Каринский 1909: 77—89]). Никоновская летопись выбрана как памятник, представляющий другую — центральную — диалектную зону. Для анализа взята часть текста (записи 2-й четверти XV — середины XVI в.), охватывающая приблизительно тот же исторический период, что и Псковская летопись. Сравнение данных этого текста с материалом Псковской III летописи интересно в контексте решения вопроса о том, насколько обусловлено наличие употреблений интересующего нас рода в последней фактом ее создания в северо-западной диалектной зоне.

2. Случаи употребления самостоятельных подлежащих при причастном сказуемом в исследованных текстах немногочисленны на фоне числа контекстов, в которых сказуемые, выраженные причастием и личной формой глагола, относятся к одному подлежащему, ср. (в первой строке указано общее число случаев употребления причастных форм в функции сказуемого — основного или второстепенного):

	Пск. III лет.	Ник. лет.
всего	ок. 435	ок. 1020
самост. подлежаж.	41 ≈ 9,4 %	62 ≈ 6,1 %

Такая картина, по всей видимости, является типичной для древнерусских памятников независимо от их регистровой принадлежности. Так, с одной стороны, А. А. Потебня, констатируя малочисленность примеров такого рода в книжных текстах, вынужден специально обосновывать их рассмотрение в качестве конструкций особого типа, а не индивидуальных ошибок писца [Потебня 1958, I—II: 197—199, 207]. С другой стороны, для берестяных грамот А. А. Зализняк отмечает, что «в целом... конструкция с несовпадающими подлежащими является... редкостью. Во все периоды безусловно преобладают примеры, где причастие имеет то же подлежащее, что и главное предложение...» [Зализняк 2004: 182]. Вместе с тем интересно отметить, что — при разных абсолютных показателях — доля контекстов с самостоятельным подлежащим при причастном сказуемом в общей массе случаев предикативного употребления причастий оказалась в исследованных летописях если не одинаковой, то по крайней мере сопоставимой. Однако, как будет видно из дальнейшего изложения, условия появления этих конструкций в данных текстах отнюдь не тождественны.

ного фрагмента текста и двоеточия между авторской и прямой речью), а также в некоторых случаях и заглавные буквы.

Контексты, в которых причастное сказуемое имеет собственное подлежащее, распадаются на две группы по следующему принципу: в части из них подлежащие при причастии и личной форме глагола называют один и тот же субъект, и, таким образом, их несовпадение является в большей или меньшей степени чисто формальным; в другой же части случаев подлежащее при причастии называет субъект, отличный от субъекта действия, названного подлежащим при личной форме глагола. Рассмотрим случаи обоих типов.

3. Вначале остановимся на тех примерах, в которых подлежащее при причастном сказуемом называет тот же субъект действия, что и подлежащее при сказуемом, выраженном личной формой глагола. К ним относятся в первую очередь контексты, в которых одно подлежащее буквально повторяет — полностью или частично — другое, ср.:

- (1) В лѣто 6942. О великомъ князи, какъ ходилъ на князя Юрья. *Князь велики Василій Васильевичъ слышавъ измѣну дяди своего князя Юрья Дмитриевича* что на бою у дѣтей его были воеводы его со многими людми и про то поиде на него *князь велики* ратью к Галичу онъ же... (Ник. лет. XII: 6942 (1434), с. 19);
- (2) Въ лѣто 7026. *Септевриа король Польскій Жихдимонтъ умысливъ своимъ помысломъ лукавымъ да къ великому государю Василію по опаснымъ грамотамъ пословъ своихъ пославъ моршалка своего и намѣстника Могилевскаго пана Яна Щита да моршалка же и писаря своего Бугуша* а самъ *король Жыхдимонтъ* пошелъ въ Польшескъ съ всѣми своими людми Лятыцкими и Литовскими и оттолѣ... (Ник. лет. XIII: 7038 (1530), с. 47—48);
- (3) ... сему оубо всемоу тако свершившюся *се же новгородчи видѣше* что ихъ воевода и князь корѣмлены о комъ было им стояти и боронитися аже ся от них тои из града к великомуу же князю выехалъ и *новгородчи* же все оупования положивше на Бога и во всю волю великого князя вдашася и град емоу отворили... (Пск. III лет.: 6986 (1478), л. 189).

Появление собственного подлежащего при причастии может объясняться в данном случае необходимостью поддержания связности нарративной цепочки: в приведенных и им подобных случаях сказуемые, выраженные причастием и личной формой глагола, отстоят друг от друга из-за наличия между ними одного или нескольких придаточных предложений (см. контексты (1) и (3)) или значительного распространения (см. контекст (2); в этой связи ср. приводившееся выше мнение А. А. Потебни [Потебня 1958, I—II: 199]). Заметим, однако, что дублирование подлежащего встречается в исследованных текстах и в тех случаях, когда причастие и личная форма глагола являются сказуемыми двух последовательных, ничем не разделенных предикативных единиц, ср.:

- (4) ... тако краль умыслиль своимъ лукавствомъ: людей своихъ послалъ подь Стародубъ а въ Крымъ краль послалъ царю и къ царевичемъ многіе дары и съ великымъ моленіемъ чтобы пошли ему на помощь на великого князя украинные мѣста не могуше самъ противитися и многими дарьми утоляетъ варварьскихъ царей проклятіи же и сквереніи (так!) варвари видѣвши къ собѣ королеву присылку съ великою мздою и съ моленіемъ они же клятвопреступницы и лживіи варвари царь и царевичи уклонишася на великіе дары королевы и... (Ник. лет. XIII: 7043 (1535), с. 96);
- (5) В лѣто 6988-е. Приехалъ князь велики князь (так!) Иван Васильевич месяца декабря 2 святого пророка Аввакума с Москвы в Великой Новгород и своими князми и своими бояры декабря 2 и оуслышавши князя великого приездъ в Великой Новгород князь псковский Василеи Васильевич осподара своего Ивана Васильевича и поеха князь псковский и своими людьми месяца того же 6 на память святого отца Николы в Великой Новгород князю великому... (Пск. III лет.: 6988 (1480), л. 193 об. — 194).

В таких случаях необходимости повторять подлежащее из-за дистантного расположения соответствующих предикатов (как в примерах (1)—(3)) нет, однако и здесь дублирование подлежащего служит одним из средств связи предикативных единиц. Особо отметим, что лексический повтор как средство связи предикативных единиц более характерен для не книжных текстов (об этом см. [Живов 2004: 73]), в связи с чем укажем на наличие в приведенных контекстах других лексических повторов (*многіе дары и съ великымъ моленіемъ — многими дарьми — съ великою мздою и съ моленіемъ — на великіе дары* в контексте (4), *князь велики — князя великого — князю великому* в контексте (5)), а также (в контексте (5)) еще одного явления, свойственного не книжным текстам — нарушения принципа проактивности (об этом ср. [Там же: 52—53]).

4. Помимо буквального лексического повтора в текстах обеих летописей — в случаях, когда сказуемые, выраженные причастием и личной формой глагола, имеют разные подлежащие, которые, однако, указывают на один субъект, — неоднократно встречается замена существительного (или его аналога) на местоимение при одном из этих сказуемых, ср.:

- (6) ... а самъ <князь Михаил Глинский> хотѣлъ бѣжати къ королю воеводы же великого князя князь Михайло Булгаковъ съ товарищи послышавъ Глинского измѣну что съ королемъ ссылается и наводитъ ихъ на великого князя людей а самъ хочетъ бѣжати и они его изымавъ послали къ великому князю и князь великій... (Ник. лет. XIII: 7022 (1514), с. 21);
- (7) ... се оувидѣвъ и сами услышавше послы юрьевскыи что посоль князя местера на всеи воли псковской прикончалъ и они же сами на-

чаша тако же какъ с воеводою великого князя съ княземъ Данильем и со княземъ псковскыи (так!) Ярославом Васильевичемъ и с посадники псковскыи и с послом новгородскимъ и с воеводою и со всѣм Псковомъ тако же прикончати на всеи псковской воли мир на 30 лѣт... (Пск. III лет.: 6982 (1474), л. 164).

Условия появления в этих и подобных им контекстах самостоятельного подлежащего, очевидно, аналогичны тем, которые имеют место в контекстах типа (1)—(5); разница состоит лишь в том, что здесь связность нарратива поддерживается с помощью анафорических элементов, а не лексического повтора, т. е. используется более «обычное», немаркированное средство связи.

5. Варианты случаев, описанных в пп. 3 и 4, представляют собой контексты, в которых соответствующее существительное или местоимение, его замещающее, сочетается со словом с количественной семантикой (числительным, существительным, обозначающим количество и т. п.; примеры такого рода встретились только в тексте Никоновской летописи), ср.:

- (8) ... и отголѣ пришли въ Суходровь <литовцы> слышавъ же то Можайци княже Ивановы Андрѣвича а князя Ивана Андрѣвича тогда въ Можайскѣ не было и собрася Можайчевъ сто человекъ а воевода у нихъ князь Андрѣй Васильевичъ Лугвица Суздальскихъ князей такоже слышавше и брата его князя Михаила Андрѣвича люди и собрася ихъ сто же а князя Михаила Андрѣвича тогда у себя въ Вереѣ не было а воевода у нихъ Судокъ такоже слышавше Ярославичя люди и собрася ихъ 60 человекъ а князя Василья Ярославича тогда въ Боровьскѣ не было а воевода у нихъ Жыневъ... (Ник. лет. XII: 6953 (1445), с. 63);
- (9) ... а того же лѣта Вятчяне шедъ суды Волгою на низъ взяша Сарай много тавара взяша и плѣнь много поимаша слышавше же се Татари Болшіе Орды понеже близъ ту кочевали за единъ день и тако многое ихъ множество поидоша переимати ихъ... (Ник. лет. XII: 6979 (1471), с. 141).

Другим вариантом той же структуры являются такие случаи, когда в контекстах интересующего нас типа из нескольких подлежащих последнее включает в себя несколько субъектов действия, названных предыдущими подлежащими или одним из них вместе с каким-либо из второстепенных членов соответствующей предикативной единицы. Таким образом, в этих случаях подлежащие при причастном сказуемом и сказуемом, выраженном личной формой глагола, фактически также относятся к одному и тому же субъекту, ср.:

- (10) ... онъ же съ радостію сотвори по словеси его и тако митрополитъ и епископа съ собою призвавъ и обои въ рукахъ взявше <икону>

и знаменаютъ ею великого князя и княгиню его и благородныхъ чадъ ихъ... (Ник. лет. XII: 6964 (1456), с. 110);

- (11) ... и тако знаменавшеса вси князь же великій мнози слезы излиавъ такоже и митрополитъ такоже и прочіи и взимають (несколько человек из вышеперечисленных) ис кіота чудотворную икону пресвятыа Богородици и Приснодѣвы Маріа и... (Ник. лет. XII: 6964 (1456), с. 109—110).

Особо отметим случаи, когда обозначение одного и того же субъекта разными подлежащими при сказуемых, выраженных причастием и личной формой глагола, осуществляется за счет лексической (синонимической) замены:

- (12) ... и сташа (воеводы великого князя) на берегу у Волги выше Казани на Казанской сторонѣ а про конныхъ воеводъ свѣдавши Казанцы что идуть х Казани и собравшиися князи и мурзы и вся земля Казаньская и встрѣтиша великого князя воеводъ за дватцать верстъ отъ Казани отъ города на Свѣгѣ... (Ник. лет. XIII: 7032 (1524), с. 44);
- (13) ... того же мѣсяца Декабря послалъ князь великій и его мати Казаньскихъ мѣсть вѣвати воеводъ своихъ князя Семена Гундорова да Василя Замытского за ихъ измѣну и клятвопреступленіе еже давъ свои правды и шертные грамоты великому государю Ивану Василювичю Ковгоршедь-царевна и Булатъ-князь въ головахъ и всѣ уланы и князи и вся земля Казаньская что было имъ быти отъ великого государя неотступнымъ и до своихъ животовъ и ихъ дѣтемъ и всей земли Казаньской ни царя было имъ безъ великого князя вѣдома не посылати они же зліи и скверніи варвари ни Бога бояшася ни клятвъ стыдяшася но безуміе единако ихъ безвѣрныхъ... (Ник. лет. XIII: 7044 (1536), с. 105—106);
- (14) ... и стоявъ царь ординскеи день да ночь у Оке реки и прочь поиде оубѣгомъ побѣже видѣвъ нечестивыи Агарянин что съ княземъ великимъ прямо его стояху противоу на полтороустахъ верстахъ 10000 и 80000 князя великого силы роускыа... (Пск. III лет.: 6980 (1472), л. 151—151 об.).

В контекстах (12) и (13) используется одна из летописных формул, неоднократно употреблявшаяся летописцем для обозначения казанцев, Казанского царства и в других случаях, ср.:

- (15) ... того же лѣта мѣсяца Іуліа послалъ князь великій въ Казань своего болшого посла Ѳеодора Ивановича Беззубцова Яналѣя царя на грамотѣ на шертной къ шерти привести и князей Казаньскихъ и мырзь и всю землю Казанскую на грамотѣ укрѣпити и къ шерти привести... (Ник. лет. XIII: 7042 (1534), с. 83);
- (16) ... а сказалъ (посол) великому князю и его матери великой княгинѣ что Ковгоршадъ-царевна и Булатъ-князь въ головахъ и всѣ уланы и князи и вся земля Казаньская великому князю измѣнили... (Ник. лет. XIII: 7044 (1536), с. 100).

Типичным является и имеющее место в контексте (13) наименование казанцев «варварами»: оно — с добавлением разнообразных нелицеприятных эпитетов — неоднократно употребляется в летописи для обозначения враждебных Русскому государству мусульман-татар (крымских или казанских), ср., например, контекст (4). К этому же роду замен относится и наименование ордынского царя «нечестивым агарянином» в контексте (14).

6. Особый интерес представляют случаи, когда подлежащие при сказуемом-причастии и сказуемом, выраженном личной формой глагола, называют разные субъекты. Контексты такого рода представлены в обеих исследованных летописях, однако, как кажется, появление их в этих текстах вызвано разными причинами. Обратимся к конкретным примерам.

Примеры данного рода распадаются на две группы. К первой относятся те контексты, в которых появление самостоятельного подлежащего (обозначающего отдельный субъект) может быть объяснено общим характером контекста:

- (17) ...воеводы же ставь по рву против Царевыхъ воротъ и Арскихъ и Алатыковыхъ такожде и Тюменьскихъ по всему рву и туры утвердиша граждане же стекшеся съ всѣхъ мѣсть и выльщи изъ всѣхъ воротъ и биющеся зѣь воици же цареви жестоко приступивше къ граду царь же благочестивый самъ выѣде къ граду и видѣвъ воици царя своего и вскорѣ вси устремишася на градъ и мужественнѣ бравшеся с неверными на мостѣхъ градныхъ и воротѣхъ и такожде и о стѣнахъ... (Ник. лет. XIII: 7061 (1553), с. 213);
- (18) ... и избра Богъ и святги Софеи премудрость Божия слоужителя своему престолу а Великому Новоугороду преосвященного архиепископа и ошаше на престолѣ жребей Фефилактов протодиакона и ризника владычня и всь Великои Новѣгород тымы часы гнавше на Вежища преведше и и [так в ркп.] възведше въ владычень дворъ на сени честно и нарекише и преосвященным архиепископомъ по неколичех днех Великои Новѣгородъ ключника владычня Пимина великим силным избеществовавъ бесчестиемъ на крѣпости издержавъ самого измоучивъ и кажноу вшоу в него розграбили и кончее самого на 1000 роублевъ тѣломъ его продали... (Пск. III лет.: 6979 (1471), л. 130—130 об.);
- (19) ... и се вси шесть насад псковскихъ и лодиа многи яко же езеру въмоутитися тоуто же начаша ко брегоу приставати и посадники псковскии и бояре вышедше из насадъ изналивавши коубци и роги злащенья с медомъ и с вином и пришедши к неи (къ царевне) челом оудариша и она приемши от нихъ въ честь и в любовь великоу и теми часы сама въсхоте с Ызмены и до обѣда вдале ехати бѣ бо еи еще се хошеть от Немець отѣхати и приемши ея посадникъ с тою же честью в насады и ея приятелевъ и казноу и на Скертове ночеваше и... (Пск. III лет.: 6981 (1473), л. 153—153 об.).

В подобных контекстах обращает на себя внимание обилие причастных сказуемых в пределах относительно небольшого фрагмента текста. Это связано, по всей видимости, с нарративной стратегией писавшего, с его стремлением формально скрепить в единый период цепочку предикативных единиц. Одним из средств связи в данном случае могла служить причастная трансформация сказуемого (ср. [Живов 2004: 73; 2008: 6]), в приведенных же контекстах ей подверглись в том числе и такие предикативные единицы, подлежащее которых не дублируется — прямо или косвенно — в окружающих предикативных единицах⁴.

7. Иную, отличную от предыдущей, группу составляют контексты следующего типа:

- (20) ... они же пришедше никогоже обрѣтоша но и еже тяжкая Татари пометаша отъ мѣди и желѣза и прочего множество товара *а огнь угасше* якоже бо отступиша отъ града и тако пріать ихъ страхъ и трепеть яко... (Ник. лет. XII: 6959 (1451), с. 76);
- (21) ... Татарове же вси устремишася на бой и *призываетъ православніи Бога на помощь* и напустиль на нихъ напередъ съ лѣса князь Юрьи Шемякинъ а... (Ник. лет. XIII: 7060 (1552), с. 208);
- (22) ... и ворончани послаша весть ко Псковоу и онъ взя перемирье обояшася страшныа и грозныа тоа туча и *посадникъ Селивестръ Левонтьевичъ и друуги посадникъ Федоръ Шибалкинъ со псковичи ехавше под городъ подъ Котелень* и онъ невѣрный князь Витовтъ оуслыша псковскоую рать посла на нихъ своя рати невѣрныхъ 7000 Литвы и Тотаръ а псковичъ мужъ четьреста... (Пск. III лет.: 6934 (1426), л. 63—63 об.);
- (23) ... того же лѣта за оумножение грѣхъ нашихъ месяца маиа в 21 день *с вечера вшедши тоуча* и иде дождь во всю ночь съ громомъ и с молнию и... (Пск. III лет.: 6978 (1470), л. 127 об.).

⁴ Вопрос о том, почему причастной трансформации подвергаются именно данные, а не какие-либо другие предикативные единицы, представляет собой отдельную проблему, которую нет возможности рассматривать в рамках данной статьи. Укажем лишь, что представление о предикативной единице с причастным сказуемым как о частном случае придаточного предложения [Потебня 1958, I—II: 208—231; Зализняк 2004: 181—182], носителя «фоновой», второстепенной в каком-либо отношении информации [Сахарова 2007: 88—90] и т. п. в контекстах такого рода часто оказывается вряд ли приемлемым. Таким образом, если не пытаться применить в данном случае встречающееся в литературе (ср. [Алексеев 1987]) объяснение такого употребления тем, что писавший недостаточно хорошо владел грамматикой причастия, следует, по всей видимости, признать, что в контекстах этого типа выбор того, какие из предикативных единиц должны подвергнуться причастной трансформации, носит в большей или меньшей мере случайный характер, смысловые же отношения между ними отходят на второй план (ср. [Живов (в печати)]).

В контекстах этой группы предикативная единица с причастным сказуемым, обладающим собственным субъектом-подлежащим, также является одним из элементов, составляющих нарративную цепочку. При этом, в отличие от случаев предыдущего рода, употребление причастия в предикативной функции не поддержано здесь многочисленным употреблением других причастий в ближайшем контексте. Таким образом, в этих контекстах предикативное употребление причастий представлено в наиболее «чистом» виде. Употребление причастий только в «скрепочной» функции кажется здесь менее вероятным, хотя такой вариант объяснения полностью исключен быть не может. Более перспективным, однако, представляется в данном случае другое объяснение.

Как известно, одной из специфических черт современных северо-западных говоров является употребление форм, генетически восходящих к действительным причастиям прошедшего времени, в составе так называемого «нового перфекта» [Кузнецов 1949: 59; Кузьмина, Немченко 1971: 116; Трубинский 1984: 156—157]. Наиболее характерным такое употребление является для говоров «узкого» Северо-Запада (говоры Псковской, Новгородской, Ленинградской, части Тверской и части Смоленской областей), однако они возможны и за пределами этой территории: по всей видимости, их нельзя считать исключенными ни для какой группы русских говоров [Кузьмина, Немченко 1971: 116—119; Трубинский 1984: 156—158].

Однозначного мнения по вопросу о времени и условиях возникновения этого явления нет; более того, точки зрения разных исследователей часто диаметрально расходятся: так, например, появление его могут как относить к периоду балто-славянского единства [Трубинский 1962: 17], так и считать «новообразованием последних веков» [Кузьмина 1982: 411]. Причиной такого разнообразия взглядов является отсутствие надежных примеров в памятниках, с одной стороны, и наличие параллелей такому употреблению в современных литовском и латышском языках — с другой (об этом ср. [Трубинский 1969]).

Как кажется, можно предположить, что по крайней мере ко времени создания рассматриваемых в настоящей статье текстов такое употребление уже существовало в живом языке, однако при этом воспринималось как маркированно диалектное явление, вследствие чего оно не нашло прямого отражения в языке памятников. Вместе с тем само по себе наличие этого явления в живом языке могло служить для создателей древнерусских памятников подкрепляющим или даже стимулирующим фактором при употреблении причастных форм, пусть даже и «как категории церковнославянского языка, чуждой грамматической системе восточнославянской речи» [Алексеев 1987: 197]. То есть можно, таким образом, предположить — причем для летописей как текстов гибридного регистра в первую очередь — взаимодействие двух противоположных тенденций в рамках употребления генетически одной и той же формы.

К случаям данного рода относятся в том числе такие контексты, в которых подлежащее при одном из сказуемых не названо, но может быть легко восстановлено из контекста, ср.:

- (24) ... и воевода великого князя и князь псковскыи и весь Псков князя местера челобитье послов его приим миръ имъ на всѣм на том дали на 20 лѣт *и грамоти* (так!) пописавъ <воевода великого князя, псковский князь и посол местера> и крестъ на том цѣловаль Индрикъ посол князя местеря генваря въ 7 день и... (Пск. III лет.: 6982 (1474), л. 162 об.);
- (25) ... в тое же время приехалъ к ним посоль нашъ Богданъ а с ним проводникомъ князя великого бояринъ Кузма Коробень а с нимъ с полтора ста человекъ а сказываа: наехавъ <я, посол> *великого князя в сам Петров день в Торжьскоу стояща с силами* а 2 недели стати емоу в Роусѣ а вы бы есте отчина моя Псковъ в самъ Ильинъ день на конь оусегли (так!) или оупоустивъ неделю кончее... (Пск. III лет.: 6979 (1471), л. 141 об. — 142).

Примеры такого рода немногочисленны и все (за исключением одного, см. ниже) принадлежат тексту Псковской III летописи; отличительной их чертой является относительно не книжный характер соответствующих контекстов (не книжной чертой является уже само использование эллипсиса в качестве средства связи между предикативными единицами [Живов 2004: 73]; ср. также употребление союза «а» в присоединительной функции в контексте (25)). Среди контекстов данной группы особенно интересны следующие два:

- (26) ... и пискоупъ юрьевскыи и посадники и ратмани и вси Юрьевичи тако же на томъ на всѣм цѣловали и печати свои привесили а пред послы псковскыи *и приехавше* (псковские послы) *во Псковъ* все то оуправивъ милостию Божию и стояниемъ домоу святыя Троици и здорovieмъ и счастьемъ великого князя Ивана Васильевича царя Роусии и всего Пскова князь же Данилеи... (Пск. III лет.: 6982 (1474), л. 164 об. — 165);
- (27) ... а в то время прислалъ царь и велики князь с Москвы на пособъ к Шюискому князя Василья Семеновича Серебряного *и пришед* <князь Серебряный> *къ Юрьеву июля* и мало воеводы постояли... (Пск. III лет.: 7066 (1558), л. 219—219 об.).

В данных контекстах, как кажется, можно видеть параллель к современным диалектным конструкциям, когда подлежащее при причастии опускается при условии того, что соответствующий субъект действия совпадает с одним из второстепенных членов предложения, имеющего своим сказуемым личную форму глагола, ср.: ... *осеней ушотчи Колю-то убили*; ... *у меня была книга, сдула буря из вагона ехавши* (эти и др. примеры см. [Кузьмина, Немченко 1971: 238—239]). Отметим, однако, что в диалект-

ных конструкциях такого типа предложение с причастным сказуемым имеет несомненно подчиненный статус по отношению к предложению со сказуемым, выраженным личной формой глагола, в имеющихся же летописных примерах такая зависимость с той же степенью очевидности не прослеживается: здесь предикативная единица с причастным сказуемым встроена в нарративную цепочку в качестве одного из звеньев, ее составляющих, и, таким образом, само это причастное сказуемое называет одно из последовательно совершающихся действий.

Особого внимания заслуживает тот факт, что именно к последнему типу близок единственный пример случая пропуска подлежащего при причастном сказуемом из Никоновской летописи:

- (28) ... а меньшица царица Астороханьская Ёльякши Ёдучи на дорогѣ въ судѣхъ на Волгѣ родила царевича именемъ Ярашты и *приѣхавъ къ Москвѣ* царь великій князь государь велѣлъ царевича крестити и съ матерію... (Ник. лет. XIII: 7063 (1555), с. 253).

Данный пример отличается от контекстов (26) и (27) тем, что пропущенное подлежащее в нем соотносится не с дополнением, а с подлежащим предыдущего предложения (царица⁵). Вместе с тем то, что предложение с причастным сказуемым обладает в данном случае несомненно подчиненным статусом по отношению к последующему предложению со сказуемым, выраженным личной формой глагола («... *когда* <царица с младенцем> *приехала в Москву, царь велел их крестить*...»), сближает этот контекст с приводившимися выше диалектными конструкциями. Отметим, однако, что данный контекст допускает и другое толкование: причастие как сказуемое может соотноситься здесь не только с царицей Ельякши, но и со всеми захваченными и отправленными в Москву астраханскими царицами, перечисленными выше. При таком прочтении этот контекст можно отнести к группе случаев типа (24)—(25).

8. Подведем итог всему сказанному. Случаи употребления самостоятельного подлежащего при причастном сказуемом составляют относительно небольшую долю от общего числа случаев предикативного употребления причастных форм. При этом такое употребление может быть обусловлено разными сопутствующими факторами: наличием значительного распространения или «вклинившегося» придаточного предложения, использованием причастной трансформации предикативных единиц для скрепления данного фрагмента текста в единый период и т. д.

Само по себе употребление самостоятельного подлежащего при причастном сказуемом может носить различный характер. Это может быть, с од-

⁵ В данном контексте «царь великій князь государь» никак не мог являться субъектом действия, обозначенного причастием «*приѣхавъ*», поскольку он во время путешествия астраханских цариц находился в Москве.

ной стороны, буквальное или небуквальное дублирование субъекта (субъектов) предыдущего предложения (предложений); в таком случае использование самостоятельного подлежащего можно, как правило, объяснить теми или иными формальными причинами. С другой стороны, в обоих исследованных текстах имеются контексты, в которых подлежащее при причастном сказуемом, так сказать, абсолютно самостоятельно. Некоторые из примеров данного рода сближаются с диалектными конструкциями, фиксируемыми в современных северо-западных русских говорах, однако возможность двойного толкования контекста (28) не позволяет говорить о строгой территориальной привязке имеющихся в исследованных памятниках конструкций этого типа. Вместе с тем все же кажется показательным то, что большинство примеров употребления таких «абсолютно самостоятельных» подлежащих при причастных сказуемых зафиксировано именно в Псковской III летописи — тексте, созданном в северо-западной диалектной зоне, в говорах которой до сих пор сохраняются специфические черты в области синтаксиса действительных причастий прошедшего времени.

Л и т е р а т у р а

Алексеев 1987 — А. А. А л е к с е е в. Participium activi в русской летописи: особенности функционирования // *Russian Linguistics*. Т. 2. 1987. № 2—3. С. 187—200.

Живов 2004 — В. М. Ж и в о в. Очерки исторической морфологии русского языка XVII—XVIII веков. М., 2004.

Живов 2008 — В. М. Ж и в о в. Референтная структура и порядок слов: Дателный самостоятельный в двух древних церковнославянских текстах // *Рус. яз. в науч. освещении*. № 1 (15). 2008. С. 5—56.

Живов (в печати) — В. М. Ж и в о в. Позиция причастных оборотов и их дискурсивные свойства в языке русских летописей (в печати).

Зализняк 2004 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. 2-е изд. перераб. с учетом материала находок 1995—2003 гг. М., 2004.

Каринский 1909 — Н. М. К а р и н с к и й. Язык Пскова и его области в XV веке. СПб., 1909.

Кузнецов 1949 — П. С. Кузнецов. К вопросу о сказуемом употреблении причастий и деепричастий в русских говорах // *Материалы и исследования по русской диалектологии*. Т. 3. М.; Л., 1949. С. 59—83.

Кузьмина, Немченко 1971 — И. Б. К у з ь м и н а, Е. В. Н е м ч е н к о. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971.

Кузьмина 1982 — И. Б. К у з ь м и н а. Причастие // *Историческая грамматика русского языка*. М., 1982. С. 280—411.

Петрова 1959 — З. М. Петрова. Наблюдения над вторыми падежами причастий в памятниках древнерусской письменности и в современных говорах // *Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена*. Т. 202. Л., 1959. С. 27—41.

Потебня 1958, I—II — А. А. П о т е б н я. Из записок по русской грамматике. Т. 1—2. М., 1958.

Пск. лет. 2000 — Псковские летописи. М., 2000. (Полн. собр. рус. летописей. Т. 5. Вып. 2).

ПСРЛ XII 2000 — Полное собрание русских летописей. Т. 12: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.

ПСРЛ XIII 2000 — Полное собрание русских летописей. Т. 13: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.

Рус. диал. 1964 — Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964.

Сахарова 2007 — А. В. Сахарова. К вопросу о прагматических критериях распределения предикаций на причастные и финитные в древнерусской летописи // Рус. яз. в науч. освещении. № 1 (13). 2007. С. 85—113.

Трубинский 1962 — В. И. Трубинский. Предикативное деепричастие в говорах русского северо-запада: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1962.

Трубинский 1969 — В. И. Трубинский. Балтийские и восточнославянские формы нечленного действительного причастия в системе глагольных времен // Вопросы теории и истории языка. Л., 1969. С. 342—349.

Трубинский 1984 — В. И. Трубинский. Очерки русского диалектного синтаксиса. Л., 1984.

С. К. ПОЖАРИЦКАЯ

**МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА, ПРОИЗВОДНЫЕ ОТ ГЛАГОЛОВ
БЫТЬ, БЫВАТЬ, В СЕВЕРНОРУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ ***

Достижения современной лингвистической семантики, которые справедливо оцениваются как «колоссальный скачок в сфере описания семантики языковых единиц — как лексических, так и морфо-синтаксических» [Падучева 1996: 195], основываются почти целиком на материале литературного языка в его письменной форме. Радует то, что в сферу внимания современной лингвистики в последнее время все более включается и спонтанная устная речь. Однако диалектная речь, которая несомненно должна представлять особый интерес для семантико-синтаксических исследований как бесписьменная и некодифицированная (хотя и имеющая свои нормы) разновидность языка, остается почти неизученной.

Предметом настоящей работы стали диалектные (севернорусские) «мелкие слова», производные от форм глаголов *быть*, *бывать*, которые рассматриваются в составе синтаксической конструкции в связи с категорией модальности.

Формам глаголов *быть*, *бывать* принадлежит, несомненно, особая роль в образовании служебных слов. Помимо употребления в своем экзистенциальном значении, эти глаголы участвовали в качестве вспомогательных элементов в образовании старых сложных форм времени: перфекта, плюсквамперфекта, футурума I и футурума II. Занимая позицию, способствующую энклитизации, их формы утрачивали как формальную, так и функциональную связь с глаголом и развивали новые синтаксические функции и значения.

Эволюция модальных слов, восходящих к формам бытийных глаголов, представляется особенно интересной в связи с их взаимодействием с глагольными категориями и синтаксическими конструкциями, в состав которых они входят. Это взаимодействие проявляется в сфере категорий модальности, времени, вида и показывает, что служебные слова, производные от бытийных глаголов, сохраняют обобщенную «семантическую память» на уровне общих категориальных значений, таких как «нерегулярность» для *бывает*, «будущее» для *буде*, «указательность», катафоричность для *-то* и т. д.

* Работа выполнена при поддержке Fondation Maison des sciences de l'homme.

Набор частиц, производных от глаголов *быть*, *бывать*, в диалектах тот же, что и в литературном языке: *бы*, *было*, *бывало*, *бывает*, *будто*, *буде* (*будет*). Е. А. Галинская дополняет этот список частицей *бишь*, различные модификации которой встречаются в материалах [СРНГ] и являются, по мнению Е. А. Галинской, остатком древнерусского имперфекта [Галинская 2006]. В наших материалах, как и в материалах Архангельского областного словаря [АОС], она, однако, не встретилась.

Современные севернорусские служебные слова *бы*, *буде*, *бывает* восходят к застывшим глагольным формам, функционировавшим в режиме синтаксического 3-го лица (соотносимым с пропозициональным субъектом: *это/такое бывает*, *бывало*, *будет*...). Семантика и употребление частиц *было*, *бывало* связаны с проблемами структуры и семантики временных форм глагола, в частности — плюсквамперфекта; им мы надеемся посвятить отдельное исследование.

Для изучения категории модальности, и в частности функций модальных частиц, иногда бывает необходимо обращение к внеязыковой ситуации, относительно которой порождается высказывание, и/или к предтексту, которым мы, к сожалению, не всегда располагаем. В ряде случаев это мешает однозначности принимаемых нами решений. Однако в связи с целями исследования для нас в первую очередь важно было не точное определение значения модального слова в конкретном высказывании (однозначный «перевод» каждой диалектной цитаты и каждого слова на литературный язык), а установление диапазона семантического варьирования диалектного слова на основании суммы контекстов, принадлежащих частной диалектной системе.

В Диалектологическом атласе русского языка [ДАРЯ] отсутствуют карты, посвященные частицам, поскольку программа собирания сведений для атласа [Программа 1947] их не предусматривала. Однако благодаря экспедиционным работам в разных районах Архангельской области (Каргопольском, Плесецком, Онежском, Пинежском, Лешуконском, Мезенском, Устьянском, Вилегодском, Ленском), а также сведениям из опубликованных выпусков АОС и его электронной базы данных, в которых богатый цитатный материал сопровождается географическими пометами, нам удалось выявить, хотя и весьма приблизительно, ареалы преимущественного и наиболее активного употребления интересующих нас частиц¹. Некоторые из них с разной степенью интенсивности функционируют на всей рассматриваемой территории, другие имеют ограниченный ареал распространения. При этом обычно в каждом ареале функционирует более чем одна частица, производная от *быть*, *бывать*, и их дистрибуция в пределах частной диалектной системы представляет для нас особый интерес, поскольку это позволяет более точно определить их семантику и связь с грамматическими конструкциями предложения.

¹ Список населенных пунктов, в которых был записан цитатный материал (как обследованных нами, так и упоминаемых в АОС), приводится в конце статьи. Фонетические особенности диалекта передаются в той мере, в какой они не требуют применения специальных транскрипционных средств.

1. *Бы*

Морфологический статус этой частицы как элемента формы сослагательного наклонения в сочетании с *л*-формой глагола является общерусским и свойствен в том числе и севернорусским говорам, напр.: *Всё время бы пели — скорее бы не забыли* (Пин. Лав.). Наряду с этим в говорах наблюдается незнакомое литературному языку употребление *бы* в контекстах с формами настоящего, будущего времени и императива: 1) *Оне бы хотят пиво-то; Она кабы не пила бы, страсть бы хорошо роботат*; 2) *Сын будет бы сватать девку — посмотрят, што умет делать; Она бы споёт*; 3) *Рвите бы лук-от, я не жалею*.

Это свидетельствует о том, что синтаксические ирреальные наклонения в диалекте могут взаимодействовать с категорией времени. Системный статус диалектного *бы* в связи с этим допускает два варианта интерпретации: (1) считать, что сослагательное наклонение как категория морфологии глагола располагает парадигмой во времени; (2) считать, что *бы* является ирреальным модификатором синтаксического плана, функционируя на уровне сложного предложения и взаимодействуя с временем предиката.

Заметим, что в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), по данным обобщающей статьи Н. Р. Добрушиной [Добрушина 2009], отсутствуют примеры употребления *бы* с формой настоящего времени, а в конструкции «*бы* + императив», по данным НКРЯ, встречается только глагол *быть*: «*Будь бы товарищ мой не глухой, я потрубил бы ему, мы бы сговорились и ждали зайца на той и другой стороне*» (М. М. Пришвин. Дружба (1941)).

В диалектных текстах *бы* всегда является энклитикой и обычно находится в контактной позиции по отношению к сказуемому, справа или слева от него (*мука бы есть* и *есть бы старушки*), но может быть отделено определяющим его наречием (напр., *мама бы хорошо работает*).

1.1. Типичный и преобладающий во всех говорах контекст употребления *бы* — двухчастная конструкция со строгим расположением частей и сопоставительным или противительным их отношением. *Бы*, структурно примыкающее к первому предикату, играет роль части двухместного (по АГ-80) союза; вторая часть открывается союзами *а, да, дак, но, ну, только*: *У меня бы есь деньги, да вот еще продаваю* (Пин. Нюх.).

При модальном предикате диалектное высказывание по своей грамматической семантике не отличается от литературного:

- (1) *Мне бы охота сходить попроведать, да некогда* (В-Т. Тин.);
- (2) *На бритке² ездят, на тракторе... нельзя бы на бритке людей возить, а куды девацце?* (В-Т. Вдг.);

² *Бритка (бридка?)* — транспортное средство, не предназначенное для перевозки людей; вероятно — тракторная телега, прицеп. Точное значение не установлено; в словарях отсутствует.

(3) *Робота бы гленице*³, *да только далеко порато*⁴ до дому (Пин. Лав.).

Ср.: «Разрешенье на словах уже получено... **Можно бы приступить** уже к работе... **Но** вот представь, городской инженер (...) сказал мне ужасно неприятную вещь: будто штукагурка в отношении просыханья — очень капризна» (Б. Пастернак, из письма).

Другие примеры употребления *бы* с предикатами в настоящем времени:

- (4) *Она может бы петь, да не запеваает* — ‘не может быть запевающей’ (Леш. Кеба);
- (5) *Люблю бы вот я луковки, но зубков нету* (Пин. Нью.);
- (6) *Клуб-от бы дивен*⁵ у нас, *да сцена маленька* (Леш. Кеба);
- (7) *В Турчасове на горе бы сухо, да там трактора, не перейдёшь* (Он. Турч.);
- (8) *Ничего не испекла: мука бы есть, дак дрожжей нету* (Усть. АП);
- (9) *Так они бы есть* немножко (грибы), *да они червивы* (В-Т. Тин.);
- (10) *В красном доме есть бы старушка, только болеет, ей уж под восемьдесят* (Пин. Нью.);
- (11) *Теперь бы сытые, а хуже веселяще* (Пин. Нью.);
- (12) *Есть женищина бы и хорошо шьёт, да робёнок у ней* (Пин. Нью.);
- (13) *Она зовёт бы, да я не хочу* (В-Т. Тин.);
- (14) *За рекой-то боле*⁶ *сухо бы топере, а некого ешо нету* (В-Т. Тин.);
- (15) *У ней больша бы комната, ну холодно, зимой нельзя жить* (Пин. Лав.);
- (16) *Она и баба бы хорóша, да взял маленьку какую-то* (Вил. Клуб.).

Примеры показывают, что *бы* употребляется как с оценочными, лексически выражающими связь с говорящим — (6), (7), (11), (12), (14), (16), — так и с нейтральными, констатирующими предикатами, чаще всего — бытийным *есть*. Содержанием первой части высказывания с частицей *бы* является некая **реальная** позитивная посылка; во второй, начинающейся с *а, да, дак, ну, только*, сообщается тоже **реальный** факт, который препятствует предполагаемому позитивному развитию ситуации, логически следующему из посылки в части первой. Тем самым потенциальное (невербализованное) следствие первой посылки противопоставляется содержанию заключительной части. В некоторых случаях в составе высказывания может быть восстановлена еще одна предикативная единица — не осуществленное позитивное следствие посылки, сформулированной в первой части (ср. с семантикой уступки, которую обычно рассматривают как нереализованное следствие): *клуб бы дивен* (и поэтому в нем могли бы быть концерты), *да сцена маленька*; *есть бы старушка* (которая могла бы спеть),

³ Гленице = глянется — нравится.

⁴ Порато — очень.

⁵ Дивный — большой, хороший.

⁶ Боле — уже.

только болеет; Есь женщина бы и хорошо шьёт (и она могла бы сшить), *да робёнок у ней*. В связи с этим можно предположить, что *бы* в диалектных примерах может прочитываться не на фоне предиката первой части с реальной модальностью, а в составе предиката отсутствующей части с ирреальной модальностью.

Ср. у Тургенева: «Молодой человек... называл своею родиной Одессу, хотя и воспитывался где-то в Белоруссии» = молодой человек воспитывался в Белоруссии и, как следствие, должен был / мог бы называть своей родиной Белоруссию, но называл своей родиной Одессу.

Такое «убирание» из состава высказывания пропозиции, обнаруживаемой «рефлексом» *бы*, сравнимо с художественной тактикой А. Платонова, фиксирующей ментальность наивного героя; эта тактика рассматривается в работе [Кобозева, Лауфер 1990] на примере опущения именных групп с пропозитивной семантикой, которые восстанавливаются благодаря аномальному Род. п.; ср.: *не понял кошки* (= не понял поведения кошки). Ср. также рассматриваемые в [Санников 2008] примеры сочинительных конструкций с союзом *но* типа *День был дождливый, но он взял зонтик*, где союз *но* не может связывать вербализованные части (потому что они не противопоставлены по вещественному содержанию); союз *но* здесь — сигнал, позволяющий восстановить отсутствующую часть («он не вымок»), вступающую в логические отношения противопоставления с первой частью, последняя же часть является обоснованием пропущенной пропозиции: «День был дождливый, но он (не вымок, так как) взял зонтик».

Примечательно, что во второй части высказываний либо имеется отрицание, либо предикат содержит «негативную» сему — *червивы, болеет, маленька, далеко, холодно*⁷. Близкие по структуре высказывания из литературной разговорной речи с модальными лексическими средствами — *вроде (бы), казалось бы* при предикатах качества типа *Умный вроде человек, но жутко прямолинейный; Хороший вроде Ариэль, но пахнет он сильно; Неплохой вроде бы мужик, но почему-то невзлюбил он старшего пасынка* (Интернет-ресурсы) — отличаются от диалектных контекстов с *бы* тем, что ставится под сомнение само качество предиктируемого субъекта: утверждение о том, что человек в самом деле умный, «Ариэль» вполне хороший, мужик неплохой — т. е. модальная частица взаимодействует с оценочным (качественным) предикатом, в то время как в диалекте семантика «нереальности» относится не к вещественному содержанию вербализованного предиката (клуб действительно достаточно велик, шерсти безусловно много, старушка на самом деле живет в красном доме и т. д.), а к той ситуации (невербализованной), которая не может реализоваться в силу причин, о которых сообщается в конечной части высказывания, и тем самым *бы* позволяет выявить невербализованный предикат с ирреальным наклонением.

Общий прагматический смысл диалектных высказываний такого типа — вербально не выраженное сожаление о нереализуемости имеющейся

⁷ См. о «позитивной» и «негативной» семантике в антонимических парах качественных прилагательных в [Апресян 1974].

предпосылки: поставить концерт с большим количеством участников, использовать существующие грибы, побеседовать со старушкой, провести родственников и т. п.

Такой же смысл имеют предложения со сказуемым в форме прошедшего времени + *бы*:

- (17) *Они бы не запрещали, но мы не могли* (В-Т. Вдг.);
 (18) *Мама бы хорошо работала, а отец деньги пропьёт* (В-Т. Тин.);
 (19) *Он уж бы и плыл, и ревел*⁸, *что спасайте, а никого нету* (В-Т. Тин.);
 (20) *Раньше и сыновья бы дома жили, а ноне уезжают* (В-Т. Вдг.).

Структура и семантика этих конструкций та же, что и в примерах с формой настоящего времени: *бы* является сигналом возможного, но не состоявшегося позитивного развития ситуации (например: *мама хорошо работала, и у нас могло бы быть достаточно денег*'), а л-форма глагола указывает на реальное прошлое, на то, что сюжет рассказа, формируемый предикатами действия или состояния, отнесен к прошлому.

В присущей обсуждаемым контекстам ситуации сопоставления рема (реже тема) первой части с примыкающим *бы*, как правило, выделяется повышением тона на ударном гласном акцентируемого слова; во второй части понижением обычно маркируется рема, если она относится к тому же подлежащему, либо тема, если во второй части предложение с другим подлежащим [Кодзасов 1996: 194]: *она /может бы петь, да не \запевает; мука бы /есть, дак \дрожжей нету; клуб-от бы /дивен у нас, да \цена маленька; у нас /река бы близко, а повадились в \колодец.*

Интонационная завершенность свойственна всему высказыванию в целом; отдельные его части интонационно не автономны.

Двухчастная конструкция с *бы* + частица/союз является своего рода формулой, клишированным способом выражения эмоции сожаления о нереализованной возможности осуществления имеющейся предпосылки. Клишированность, как известно, вообще характерна для разговорной речи, когда говорящий находится в ситуации недостатка времени для подбора разнообразных средств выражения и в то же время может рассчитывать на понимание собеседника, знающего и внеязыковую ситуацию, и предшествующий контекст беседы. В диалектной речи, естественно, есть свои «клише»: так, например, в архангельских говорах (преимущественно юго-западных) широко употребляется «формула» *‘до того до(глагол), дак ой-ой-ой’*, выражающая состояние или ощущения (чаще неприятные) человека, возникшие в результате доведения до предела интенсивности какого-то действия (*до того доплясались, дак ой-ой-ой*). Междометие *ой-ой-ой* замещает развернутое словесное описание того состояния, которого человек достиг в ходе произведенного им действия; вместо него может быть предложение с полнозначным глаголом (например, *до того докосилась, дак ру-*

⁸ *Реветь* — кричать.

ки не владеют). Но на самом деле такая конкретизация не обязательна, поскольку и характер эмоций, и лексические средства для их изображения предсказуемы, и междометие оказывается вполне достаточным способом передачи содержания (ср. лит. *она была такая нарядная, что просто ах!*).

1.2. **Бы** в высказываниях с одним предикатом:

- (1) *Она бы женщина трудолюбивая, работающая* (В-Т. Вдг.);
- (2) *Хорошо бы жить-то, всего бы много* (В-Т. Вдг.);
- (3) *Мне бы не ндравнице так-то жить-ту* (Леш. Кеба);
- (4) *Он бы и не старой, семнадцатого году* (Пин. Нюх.);
- (5) *У нас земля бы очень хорошая* (Пин. Нюх.);
- (6) *Теперь на скотнем (дворе) дивья⁹ бы обрезаще-то¹⁰* (Пин. Лав.);
- (7) *Выпью редко, не хочу бы пить-то* (Пин. Лав.);
- (8) *У меня бы щас хлеб-от есь хорошей бы* (Пин. Лав.);
- (9) *У меня есь бы еще открыточка от ней сохранёна* (Пин. Нюх.);
- (10) *Есь бы кто и хорошо шьёт* (Пин. Нюх.);
- (11) *Она бы споёт* (Пин. Нюх.);
- (12) *А так у нас народы всех бы принимают* (Мез. Мос.);
- (13) *Черёмухи сухой килограмм бы шестнадцать есть* (В-Т. Вдг.).

Некоторые из приведенных высказываний оставляют впечатление недосказанности, не вербализованной идеи несоответствия существующей ситуации тому, что автору представляется нормальным развитием сюжета, заявленного в первой части (*женщина трудолюбивая, а живет бедно*): в режиме спонтанной диалектной речи, в диалоге, когда собеседник обладает не только фоновыми знаниями, но ему понятны и эмоции говорящего, которые он, скорее всего, разделяет, антитеза, присутствующая в сознании говорящего, не нуждается в вербализации. Интерпретации таких высказываний в какой-то мере могут помочь сведения об их просодическом оформлении: завершающая интонация, наблюдаемая в ряде контекстов, указывает на их автономный характер и свидетельствует в пользу необязательности антитезы типа 'земля хорошая, а урожаи плохие', 'жить хорошо, а уезжают' и т. п. В принципе возможно и позитивное развитие сюжета общения: 'земля хорошая, и вследствие этого урожаи большие', 'она женщина трудолюбивая, и поэтому живет хорошо', 'жить хорошо, и в результате этого никто не уезжает'.

В таких случаях представляется возможной замена *бы* на *ведь* в том его значении, которое предполагает разные пресуппозиции говорящего и адресата: *земля ведь очень хорошая; он ведь не старый; есть ведь кто и хорошо шьет; не хочу ведь пить-то* — т. е. «удостоверительное» значение частицы, подтверждение того знания говорящего, которое, возможно, не оче-

⁹ Дивья — хорошо, не трудно.

¹⁰ Обрезаще = обраться — выполнять домашнюю работу, ухаживать за скотом.

видно для адресата (см. [Пайар, Маркович 1986; Бонно, Кодзасов 1998; Шимчук, Щур 1999]). Удостоверительное значение *бы*, синонимичное *ведь*, подтверждается следующими контекстами:

- (14) *Осенью бы отпуск, осенью и придет* (В-Т. Вдг.);
- (15) *Река-то бы маленька, покупались бы* (В-Т. Вдг.);
- (16) *Гости в Тойме и он бы в Тойме, а вот сойдутся ли?* (В-Т. Вдг.);
- (17) *Не надо покупать, свои бы есть* (Пин. Нюх.);
- (18) [Картошка у вас есть?] — *Есть бы картошка у меня* (Пин. Нюх.);
- (19) *Где у нас старушки? Нет бы боле* (Пин. Нюх.).

В (17) *бы* может быть понято и как частица / союз, синонимичная диалектному *дак*, которое вводит причинное обоснование заявленного в первой клаузе: *свои бы есть* = *свои есть дак* = ‘потому что есть свои’).

Частица *бы*, синонимичная модальной частице *ведь*, соотносит мнения разных субъектных сфер (разных личностей — говорящего и адресата) — в отличие от *бы* в (1.1.), которая участвует в соотнесении фактов в рамках одной субъектной сферы — говорящего.

Сомнение в точности сообщаемой информации (или, наоборот, ее подтверждение) может относиться и к словам количественной и качественной оценки (‘*кажется / ведь*’ — *трудолюбивая, хороший, не старый, всех, шестнадцать*), и к самому предикату (обычно — бытийному ‘*кажется / ведь*’ *есть*).

1.3. Бы с императивом отмечается редко и в разных функциях:

1.3.1. Бы при императиве в прямом значении:

- (1) *Рвите бы лук-от, я не жалею* (В-Т. Тин.);
- (2) *Чево хош бы делайте* (Вил. Клуб.).

Диалектная структура, представленная в (1), (2), может быть соотнесена, во-первых, с простым императивом ‘*рвите лук*’; во-вторых, с согласительным наклонением (синтаксическое желательное по АГ-80): (*Вы*) *рвали бы лук*. В первом варианте побуждение к действию имеет характер директивы, во втором выражается совет или разрешение совершить определенное действие.

В связи с этим интересно вопросительное высказывание, адресованное диалектологам: *Университет — это бы с каким уклоном?* (Пин. Нюх.).

Частица *бы* в этом случае относится не к объективному (диктальному) содержанию высказывания, а выражает отношение говорящего к адресату: смягчительная модальность естественным образом перетекает в форму вежливости¹¹ (побуждение → разрешение → вежливость). Тем самым частица

¹¹ Ср. в [Добрушина 2009: 298] об участии *бы* при л-предикатах в литературном языке в формировании семантики «смягчения категоричности»: «Частица *бы* для выражения желания встречается в корпусе значительно реже, чем мы предполагали, причем чаще всего субъектом глагола является адресат, а конструкция имеет значение мягкого совета, рекомендации».

бы, не связанная с реальным содержанием высказывания, отсылает именно к форме императива в модусной рамке (ср.: *рвите бы* — **скажите бы*).

1.3.2. Побуждение к действию (или его запрет) с формой императива 2-го лица + *бы* имеет косвенный характер:

- (1) *Оне бы удочкой-то ловите, а травить-то бы не травите* (Вил. Клуб.).

Обращаясь к собеседнику, говорящий сообщает ему свое мнение относительно тех действий 3-го (отсутствующего) лица, которые представляются ему правильными либо неправильными, желательными либо нежелательными; тем самым высказывание приобретает семантику оптатива¹².

Соединение двух речевых перспектив (говорящего и адресата) приводит к рассогласованию по лицу субъекта и предиката: благодаря 3-му лицу субъекта (*оне*) соблюдены интересы адресата, поскольку речь идет об отсутствующем лице; формой 2-го лица предиката (*ловите, травите*) говорящий помещает себя в ситуацию, когда адресатом становится лицо, чьи действиями он недоволен. Семантика оптатива становится более жесткой и приобретает характер директивы при участии частиц *пусть, пускай*:

- (2) *Уж будет ак сами выгучаце как надо, а пускай роботают бы! Пускай робят бы!* (В-Т. Тин.);
 (3) *Пусть бы поживёт неделю-то хоть бы у нас!* (Пин. Лав.).

Ср. мнение А. А. Шахматова по поводу семантики предложений с 3-м лицом в повелительном наклонении: «говорящий, выдвигая название действия-состояния... ставит данному третьему лицу обязанность стать его субъектом», которое сопровождается пометкой на полях: «Точно ли при 3-м единств. возможен императив? Не желательное ли это?» [Шахматов 2001: 483].

1.3.3. В составе сложного предложения с противительным отношением частей *бы* + императив в первой части формирует потенциальную ситуацию — ирреальную, но не контрфактивную, т. е. такую, которая в принципе возможна, но ее осуществлению мешает обстоятельство, сообщаемое во второй части:

- (1) *Хоть топеря бы поезжай — дак ишо правнуков рощу, ним помогаю* (В-Т. Вдг.);
 (2) *Восемь классов кончил — поезжай бы учице, а он вот ещё и не кончил* (В-Т. Вдг.).

¹² Ср. у А. М. Пешковского, объединявшего вопрос и просьбу, приказ в рамках побуждения: «...если мы сообщаемыми мыслями желаем повлиять на своего собеседника, подействовать на его волю, побудить его поступить так или иначе, нашу речь можно назвать побудительной речью. Последний случай разбивается на два: мы можем побуждать слушателя сообщить нам то, чего мы не знаем, ответить на наш вопрос — речь в о п р о с и т е л ь н а я, и можем побуждать его сделать то именно, что мы ему приказываем или о чем просим, — речь п о в е л и т е л ь н а я» [Пешковский 2001: 356].

В предложении (2) с предикатами временного следования (*кончил школу — поезжай бы*) первое действие (окончание школы) является условием для выполнения второго (отъезда на учебу), а третье аннулирует ожидаемый результат. Тем самым вербализованной оказывается та предикативная единица в составе высказывания, которая опущена в цитатах из раздела (1.2), и именно туда, на свое «законное место», перемещается *бы*, означающее потенциально возможное, но не реализуемое действие. Пример (2) позволяет восстановить невербализованный предикат в примерах из (1.2): *мука бы есть, дак дрожжей нету* = **мука есть* — [*леки бы блины*], *дак дрожжей нет; Люблю бы вот я лукавки, но зубков нету* = **люблю вот я лукавки* — [*ешь бы*], *но зубков нет* и т. д.

Выделительных акцентов в (2) два: во второй и третьей клаузах; размещение их характерно для ситуации контраста: *поезжай бы /лучиться, а он вот ещё и \не кончил* (и не поехал). Возможный восходящий акцент на первой и второй клаузе (*восемь классов /кончил — поезжай бы /лучиться*) объединяет первую и вторую клаузу в высказывание с условно-гипотетической модальностью, которое не обладает просодической завершенностью и нуждается в присоединении третьей клаузы с нисходящим акцентом: *а он вот ещё и \не кончил*.

Полисемантическую и одновременно высокую частотность *бы* иллюстрируют фрагменты беседы диалектологов с жительницами д. Лавела Пинежского р-на о возможности собрать деревенский хор (заметим, что фрагментарность текста является следствием того, что в разговоре участвовало одновременно несколько человек, каждый из которых высказывался спонтанно):

(1) *Моя сестра, да Петровна бы ещё, да Пантелевна бы, вот мы бы все бы Каскоменски-ти, да вот Авдотья бы Кузьмовна, вот с одной-то бы деревни, дак бы хорошо спевались*; (2) *Ровно бы на Каскомне есть, да Пантелевна. Две вот бы там на Каскомне живут тепере летом. Мы всё собираемсе бы к ним сходить, да не можем собраться чё-то тоже*; (3) *Лидка есть, ей бы подружка. Мы бы хорошо спеваемсе*; (4) *Одной-то бы петь-то бы худо*; (5) *Там бы Сараева есть, хорошо поёт*; (6) *Она причитат бы хорошо*; (7) *И голоса бы хорошише, она хорошо с нами поет*; (8) *От кабы один кто мне (помог петь)! Да бы! Нас бы трои хорошо. Вот «По Мурманской» хороша́ бы песня. Хорошая бы песня, да зарычели коровой. Тяжело вдвоёма, хто бы подхватыва, дак бы легко*; (9) *Всё время бы пели — скоре бы не забыли!* (10) *Хоть бы по-одному-то потянули-то!* (11) *Это бы тоже тоскливая песня*; (12) *Так ведь есть бы (поющие женщины), дак вот всё на роботу да по ягоды будут ходить*; (13) *От Анка да бы Надька — от бы хорошо*; (14) *Тогда нас бы много можно позвать*; (15) *Мы бы кабыть¹³ не выступывали*.

Этот текст — вероятно, в связи с его общей гипотетической направленностью — нагружен элементом *бы*, который выступает и в стандартных

¹³ *Кабыть* — вводное: кажется, как будто бы.

общерусских условных конструкциях (*всё время бы пели — скорее бы не забыли*), и в диалектной конструкции с союзной ролью *бы* при противопоставлении клауз (ср. *Так ведь есть бы* [поющие женщины], *дак вот всё на роботу да по ягоды будут ходить; Мы всё собираемсе бы к ним сходить, да не можем собраться чё-то тоже*), и в одиночных высказываниях с индикативом, где можно предположить как неуверенность в достоверности сообщаемого, так и удостоверительное значение частицы (ср. *Лидка есть, ей бы подружка. Мы бы хорошо спеемсе. Она причитат бы хорошо*). *Бы* может быть сигналом припоминания имен потенциальных участников хора: *Там бы Сараева есть, хорошо поёт* = ‘еще там есть Сараева, которая хорошо поёт’). И наконец, есть высказывания, в которых повтор *бы* представляется избыточным с точки зрения семантики текста, напр.: *Моя сестра, да Петровна бы еще, да Пантелевна бы, вот мы бы все бы Каскоменски-ти, да вот Авдотья бы Кузьмовна, вот с одной-то бы деревни, дак бы хорошо спевались; одной-то бы петь-то бы худо*. Очевидно, повтор частицы / союза здесь играет роль элемента, функция которого — реализация свойственной диалектной речи инерционности текста: связь фрагментов текста, усиление его выразительности путем повтора фрагментов, что вполне естественно в ситуации напряженного поиска имен возможных участниц хора¹⁴.

Для севернорусских говоров вообще характерна избыточная с точки зрения семантики насыщенность текста частицами, напр.: *Роботу-ту тежолу-ту не можот робить-та, а сидеть-то можот, гледеть-то ходить-то кругом-ту* (Леш. Кеба).

Частица-союз *бы* вне формы сослагательного наклонения функционирует на весьма обширной территории: по нашим наблюдениям, максимальная концентрация ее наблюдается в говорах среднего течения Пинеги (Пинежского и Верхнетоемского р-нов), а также в Устьянском и Вилегодском р-нах, единично отмечена в Шенкурском, Лешуконском и Мезенском р-нах.

2. Бывает

В литературном языке модальное слово (частица или вводное) *бывает* употребляется только с предикатами в узуальном времени (*Он, бывает, навещает мать; Такое, бывает, расскажет, что все со смеху покатываются*), характеризую действие по протеканию во времени и означая нерегулярную его повторяемость.

Бывает при предикатах с грамматической семантикой кратности существует также и в говорах: *Быват до того докосище, на позже*¹⁵ *родить*

¹⁴ О текстообразующей роли частиц см. [Евтюхин 1979].

¹⁵ *Пóжня* — поле в период или после жатвы зерновых культур; сенокосное угодье, луг.

стане (Плес. Прш.); *Как клюквы много осенью, так и ржи будут, а то бьиват и клюквинки нет* (Холм. ПМ); однако там же наблюдается формирование у *бывает* таких семантических характеристик, которые позволяют включить его в слова-эгоцентрики.

В говорах *бывает* представлено в разной степени эллиптированными вариантами: *бывае, быват, бват, бывай, быва, бываа, бай, вай, бат, ба, бувае, буват, бувá*, которые в пределах одной частной диалектной системы варьируются в зависимости от свойств их позиции во фразе, сохраняя семантическое тождество: напр., в д. Вадюга Верхнетоемского р-на отмечены варианты *ба / бай / быва / бывай / бывае*; в д. Веегора Пинежского р-на — *ба / бат / быва / бват / бьиват*.

Характерно, что полная форма *бывает* существует только как глагол; трехсложная *бывае* в качестве частицы встречается крайне редко и на слух мало отличается от двухсложной *бывай*. Самыми частотными являются односложные модификации частицы и двухсложная *быват*. Это можно рассматривать как подтверждение идеи о том, что «Интегральная редукция слова — стандартный способ маркировки семантического разрыва с исходной лексемой» [Кодзасов 2009: 328] и проявлением «фонетической эрозии», о которой пишет, в частности Б. Хайне: «Once a lexeme is conventionalized as a grammatical marker, it tends to undergo erosion; that is, the phonological substance is likely to be reduced in some way and to become more dependent on surrounding phonetic material» [Heine 1993: 89].

Различие *бат* — *бай* и *быват* — *бывай, бывае* может быть обусловлено наличием или отсутствием конечного согласного в форме 3-го лица исходной глагольной формы — среди архангельских говоров имеются как те, так и другие. Как корневая семантика, так и наличие форм с конечным *-т* позволяет избежать соблазна считать формы без *-т* восходящими к императиву, хотя известно, что формы, производные от императива, составляют существенный пласт отглагольных частиц и модальных слов, ср.: *возьми (возьми напиши ему), давай (давай кончай), пожалуй (пожалуй, скажу), пускай (пускай попробует)* и т. д.

Для всех модификаций слова *бывает* возможно любое, в том числе и инициальное, положение во фразе и свободное размещение относительно предиката, что свидетельствует о фразовом его характере. Возможно, что в связи с этим высказывания с *бывает* более «самодостаточны» и интерпретация их, как правило, меньше зависит от «левого» контекста. Акцентированными могут быть не только двух-трехсложные варианты слова, но и односложные, в особенности если они занимают инициальную позицию во фразе, например (1), (2), (8), (9) (см. ниже).

Основное значение разных модификаций слова *бывает* — эпистемическая модальность: оценка говорящим возможности осуществления предикативного признака (действия, состояния, качества), градуированная по степени вероятности, типа ‘пожалуй’, ‘кажется’, ‘может быть’, ‘вероятно’, ‘наверное’; ср. пример из рассказа о том, как женщина лечила мужа с по-

мощью бани: *Ну ладно. Говорю: «Давай завтра опеть буду топить». Третью баню истопила. «Ну, — говорит, — санки-то твои, я запарился, **быват**, не выйди!» Санки тяну, притянула там, а из бани вышел сам. Говорит: «**Бат**, выползу как-нибудь, выйду» (В-Т. Выя).*

Ср. у А. А. Шахматова, который интерпретировал подобное модальное значение высказываний в рамках синтаксического «предположительного (гипотетического) наклонения»: «Говорящий, устанавливая связь субъекта с предикатом, делает это не с полной уверенностью, а с оговоркой; это достигается наречиями: *кажется, вероятно...* при изъявительном наклонении». Здесь же приведено уточнение, представляющее для нас особый интерес: «Областное *быват*» [Шахматов 2001: 486].

Такое модальное значение частицы устанавливается по примерам в диалогическом режиме, в которых однозначно прочитывается единичность события, и, следовательно, интерпретация через значение многократности (как следовало бы предположить исходя из употребления *бывает* в литературном языке) невозможна.

2.1. *Бывает* с предикатом, относящимся к одному событию:

- (1) ***Бывай** не лучше ли засплю?* (В-Т. Вдг.);
- (2) ***Быват** и впереди сдохнем ещё* (Мез. Мос.);
- (3) *Наше-то пиво **бывае** вам и не погленеце*¹⁶ (В-Т. Вдг.);
- (4) *В поле растут, а в лесу-то **бывай** не растут еще* (В-Т. Вдг.);
- (5) *Садитесь чаю пить, **быва** не пили сёдни?* (Пин. Лав.);
- (6) *Чая-то **бывай** мало заварила?* (Пин. Лав.);
- (7) *Сёдне подморок*¹⁷, *дак ешо комара-то **быват** больше* (В-Т. Тин.);
- (8) ***Ба** всем не вымыцца, **байна***¹⁸ *низка да* (Пин. Вгр.);
- (9) (раздался звонок телефона) ***Быват** сурины*¹⁹ *звонят* (Пин. Нюх.);
- (10) *Уехал бы, да **быват** шофёром устроился бы, да квартиру **быват** подешевле снял бы* (Пин. Нюх.);
- (11) *Олёха-то не знай где, **бывае** в загуле опять* (Пин. Нюх.);
- (12) *Он записл што-то; **быват**, испортился там на чужой стороны* (Пин. Нюх.);
- (13) *По зиме **бат** худо кормили, дак не дояцце коровы-ти* (В-Т. Тин.);
- (14) *Анька-то так родила, девчонкой, в дватцать-то лет; нашла бы холостого, дак **быват** бы и взял, а то жонатой — сделать-то сделал, а взамуж не взял* (Пин. Нюх.);
- (15) *Ну, Анка, говорю, они **бай** заблудилисе* (Пин. Лав.);
- (16) *Тате*²⁰ *девьянсто третей год поидет, дак **бай** до негово доживу* (Пин. Лав.);

¹⁶ *Погленеце* = погленется — понравится.

¹⁷ *Пóдморок* — пасмурно.

¹⁸ *Байна* — баня.

¹⁹ *Сурины* — жители Суры.

²⁰ *Татя* — отец.

- (17) *Не знаю, **быва** либо дома не была, либо чё, не помню чё-то у ей свадьбы* (Пин. Лав.);
 (18) *Можот дешевле-то **быват** бы и взял* (Он. Лмц.);
 (19) *Она тожо год-от наверно не помнит **быват*** (В-Т. Тин.).

В большинстве случаев не вызывает сомнения значение предположения, неуверенности, которое сообщает высказыванию *бывает*, в особенности если оно подтверждается дублирующими *может, наверно* — (18), (19).

Но в некоторых случаях значение *бывает* представляется скорее удостоверительным, синонимичным значению *ведь*:

- (20) *Дай покурить! — Да у меня **бат** нету!* (Он. Лмц.);
 (21) *Прялки делают старики; **бат** у дедушки Володи сделана, не покупали торговых* (у дедушки Володи сделана = ‘сделана дедушкой Володей’ = ‘сделал дедушка Володя’; Он. Лмц.);
 (22) *Архангельск здесь **бат** недалёко* (Мез. Мос.);
 (23) *Закрой! **Бат** холодно, ветер* (Он. Лмц.).

В некоторых случаях возможна как та, так и другая интерпретация — (7), (8), (13), (15).

В значении, характерном для севернорусских говоров, *бывает* отмечено одной цитатой в словаре В. Даля: «*Бывает*, может статься; *быват* пойду, может быть, пойду, *арх.*» [Даль, I: 148].

2.2. В конструкции с двумя предикатами (в сложном предложении) первая часть с *бывает* формулирует предположение, а вторая, с соотносительным *дак* (*так*) или бессоюзием, выражает его возможное следствие:

- (1) *Соляры **бат** мало будет, и погасят* (электричество) (Он. Лмц.);
 (2) ***Быват** двери по́лы²¹, он всё выстудит* (В-Т. Грк.);
 (3) ***Быват** бурак²² простой²³, так принеси* (Карг. Оз.);
 (4) ***Быват** ребята пойдут, **дак** **быват** и он пойдет* (Карг. Оз.);
 (5) ***Быват** не заморжешь²⁴, **дак** с голоду умрёшь* (Карг. Оз.);
 (6) ***Бай** вы желаете чай, **так** берите* (Плес Прш.);
 (7) *Вам **бай** газеты надо, **так** возьмите* (Плес. Прш.);
 (8) ***Быва** бы была девка, **так** тожо истопила* (Нянд. Врл.).

Так же может быть прочитано и (13): ‘если зимой коров плохо кормили, то они не доятся’ / ‘вероятно, коров плохо кормили, и они теперь не доятся’. Условность таких выражений ориентирована на реальное настоящее / будущее в первой (условной) части и на реальное будущее во второй

²¹ *По́лый* — открытый.

²² *Бурак* — большая корзина.

²³ *Простой* — пустой.

²⁴ *Не замочь (незамочь?)* — стать слабым, больным.

части: она означает предположение о возможном событии и дальнейшей последовательности действий: ‘я предполагаю, что’ *вам газеты надо — так возьмите*, ‘может быть’, *солярки будет мало* [сегодня вечером], и [тогда] *погасят* [электричество], [возможно, что] *бурак простой*, [тогда] *принеси* [его]. Инициальная позиция *бывает* позволяет говорить о движении старой глагольной формы к формированию нового условного союза с модальным оттенком значения.

2.3. Примеры с императивом редки, и модальность их может быть интерпретирована по-разному: это может быть «поддержка» императивности, как в (1), (2), либо приглашение к совместному действию (инклюзивный императив), как в (3), где употребление *бывает* может быть понято как проявление вежливости по отношению к адресатам диалектологам (ср. подобную функцию частицы *бы*):

- (1) *Вы **быва** пойте!* (Пин. Лав.);
- (2) *Стас, **бывает** насос включи!* (Пин. Нюх.);
- (3) *Мало кто делат-то по-старинному, а мне приносят, я камус²⁵ шью да деревянные заготовки делаю — **бывает**, зайдём в передни комнаты-то, да я покажу* (Пин. Нюх.).

Обращение к диахронно-сопоставительному аспекту позволяет предположить, что семантика «нерегулярности» и «кратности» преобразовалась в говорах в новую оценочную семантику. Это могло произойти вследствие того, что идея «нерегулярности», базирующаяся на «неопределенности», послужила исходным пунктом для развития значения предположительности в *бывает*, и это значение разрушило семантику многократности, а следовательно, и связь с категорией вида. Тем самым диалектное *бывает* представляет следующую ступень развития в цепочке *он бывает у нее* → *он, бывает, навещает ее* (‘иногда, время от времени’) → диал. *он, бывает, навещает ее* (‘кажется, навещает’).

У А. А. Потевни имеются наблюдения, касающиеся связи семантики «многократности», «регулярности» и «возможности». А. А. Потевня описал случаи одновременного употребления лексем, интерпретированные им как дублирование смыслов, в высказывании с семантикой возможности и многократности (на материале славянских языков и русских говоров): «Переход от “иной раз”, “порою” к значению “может быть”, “вероятно”, “возможно” встречается и в других случаях; неопределенность времени совершения события служит представлением только возможности (а не действительности), сомнительности события: так в польском *z a s e m* = порою, и иногда, а затем и быть может... в украинском — *ч а с о м*, как усиление *м о ж е...* От многократного *бывает* — *бывать* — наречие *б ы в а т* (архангельское, вологодское, пермское). *Бывать* (новгородское) = может быть, вероятно, авось... в украинском — *б у в а е*, *б у в а* усиляет значение *м о ж е...*» [Потевня 1941: 222].

²⁵ *Кáмус* — полоса шкуры с оленьей ноги для подбоя деревянных лыж.

Таким образом, эволюция глагольных форм и их движение в направлении модальных частиц может быть представлена как перетекание смыслов между категориями времени, вида и модальности.

Разные модификации частиц, производных от *бывает*, отмечены на всей территории, охваченной материалами АОС. Судя по ним (а также и по нашим собственным наблюдениям), они особенно активно употребляются в говорах северной и восточной ее части (р-ны Верхнетоемский, Лешуконский, Мезенский, Онежский, Пинежский, Приморский, Холмогорский) и менее активно — в районах Вельском, Виноградовском, Коношском, Котласском, Красноборском, Няндомском, Плесецком. Однако следует учесть, что некоторые особенно обширные районы Архангельской области лингвистически не однородны; кроме того, они не одинаковы по количеству представленного в них материала, и это связано с разной степенью их заселенности и, следовательно, количеством обследованных населенных пунктов.

Модальное значение предположения, свойственное частице/вводному слову *бывает*, не чуждо, по-видимому, и южнорусским (в данном случае — орловским) говорам, ср.: «Этот, выходит, старуху опоил. Давал ей лекарству какую-то, — **бывает**, велел пить по маленькому, а она возмись глушить его большими стаканами...» (И. А. Бунин. Захар Воробьев // И. А. Бунин. Собр. соч.: В 5 т. М., 1956. Т. 2. С. 282).

3. *Буде*

В словарях литературного языка *буде* дается как союз со значением 'если' и с пометой «устаревшее»; в грамматике — «Союз *буде* используется в целях архаизации, а также с иронической окраской. Его употребление ограничено теми случаями, когда обуславливающая ситуация ориентирована в план будущего: *Мамашу я приглашу с собой в Ялту в сентябре и потом, буде она пожелает, вернется в ноябре в Москву* (Чехов)» [АГ-80 II: 569].

На территории Архангельской обл. есть два ареала особенно интенсивного употребления *буде*: северо-западный (Приморский и частично Онежский р-ны) и южный, юго-восточный (Каргопольский, Вельский, Вилегодский, Котласский, Красноборский, Устьянский р-ны). Семантические и грамматические характеристики слова *буде* в этих ареалах существенно различны, и это ставит перед нами ряд вопросов: 1) имеем ли дело с омонимичными союзами или с диффузностью семантики (многозначностью) одного слова? 2) следует ли связывать различие в значении *буде* на разных территориях с различием их происхождения или считать их дивергентами одной глагольной формы? Исходной формой для *буде* мог бы быть, в первых, императив *буди/будь* (к которому принято возводить союз *будто*), во-вторых — форма 3-го лица индикатива *будет*.

3.1. В северо-западном ареале (север Онежского, а также, по данным АОС, Приморского р-на) *буде* функционирует в качестве сравнительного союза 'как', 'будто':

- (1) *Все ляги*²⁶ *полны водой, буде колодцы стоят* (Он. Лмц.);
- (2) *Она (церковь) там буде чаечка белеет* (Он. Лмц.);
- (3) *Хвост роспушилсе буде куделя*²⁷ (Он. Лмц.);
- (4) *Идёт — дак четыре пролехи (прорехи), буде вся прирвана идёт, буде по кустам лезано* (Он. Лмц.);
- (5) *Борька на одной ноге скачет буде птичка* (Прим. Пшл.);
- (6) *Лампочки буде звездочки горят* (Прим. Пшл.).

Сравнение, как показывают примеры, осуществляется на базе сходства образов: 'лужа выглядит как колодец', 'церковь можно принять за чаечку', 'хвост похож на куделю' и т. п.

На той же территории *буде* изредка встречается в контекстах с эпистемической модальностью:

- (7) *Буде не стáра, а волосы седьы́* (Прим. ЛЗ);
- (8) *Как заболел ребёнок — буде поправился, буде нет* (Он. Пдп.);
- (9) *Буде какой богатой сожалеице и возьмёт (замуж)* (Он. Врз.).

3.2. В юго-восточном ареале *буде* функционирует в роли условного союза в придаточной части сложноподчиненного предложения в сопровождении соотносительного слова *дак*, реже *тогда* в главной части, находящейся обычно в постпозиции.

- (1) *Буде хорошая погода, дак погребитё* (Усть. АП);
- (2) *Буде нет замка, дак зайду в избу коромысло выну* (Карг. Лкш.);
- (3) *Глубоко у нас сейгод посажена картошка-то, а буде глубоко, дак там опеть холодно* (В-Т. Тим.);
- (4) *Я задавлюсе, буде ты не пойдёшь за меня замуж* (Котл. Збл.);
- (5) *Буде поедешь, тогда посмотрю* (Вель. Сдр.);
- (6) *Буде и пьяный напьётся, дак сожгёт буде всё* (В-Т. Тим.).

Первое и второе *буде* в (6) создают двойную гипотетическую модальность высказывания: предположение о том, что некто напьётся пьяным, и предположение о том, что в этом случае он может всё сжечь.

На близкой к исследованной нами территории В. И. Даль отмечает *буде* и *буди* в тех же двух значениях: «Буде со. Ежели, если, когда, коли (условно); стар., а в народе местами и ныне *будет... а будет нужда придет, покоримся и ей. Буди* нвг, в знач. Точно, ровно, словно. *Глянь, пыль взялась, буди кто идет*» [Даль I: 135].

²⁶ *Ляга* — большая лужа.

²⁷ *Куделя (кудель)* — вычесанный и перевязанный пучок льна, приготовленный для прядения.

3.3. *Буде* регулярно употребляется в проспективных контекстах в составе простого предложения с формами будущего времени; положение *буде* по отношению к предикату — свободное:

- (1) *А там **приедут** и увезут **буде*** (В-Т. Тим.);
- (2) *Только **буде** двоих **оставлю**, а остальных нарушу²⁸* (В-Т. Тим.);
- (3) *Изба-то не упадёт, едрёна²⁹, стая³⁰ **буде** упадёт* (В-Т. Врш.);
- (4) *Уедете — опять одна буду, **буде** одна старушка какá **зайдёт*** (Карг. Нкл.).

Особый интерес представляют три примера, записанных в одном говоре (д. Тинева Верхнетоемского р-на), где сохраняется форма *будет* с неутраченным конечным *-т* (см. выше цитату из словаря В. И. Даля):

- (5) *Мы-то сами по себе дак, у меня топере окорёно³¹, а потом раскряжжю³² **будет** осенью-ту, на кряжи опять вывожжу-ту* ('вывезти на кряжи' — вывезти спиленное дерево из леса в виде кряжей);
- (6) *Какá-то когды жонка пошла, а мужик-от только што выскочил, дак она одва³³ не испужаласе: думат, он быват чего **сделат** со мной **будет**;*
- (7) *Уж **будет** ак сами **выучацце** как надо, а пускай роботают бы, пускай робят бы!*

Единичные примеры такого рода встретились в АОС:

- (8) *Тебе, паря³⁴, **будет** 12 рублей **дадут*** (Вель. Сдр.);
- (9) *Зашила (начала шить) парню брюки, да **не дошью** **буэт**. Не маленькой, **оттяну** **буэт*** (Мез. Дрг.);
- (10) *Скажу Митрию, он тебе **намякат**³⁵ **будет*** (Шенк. ВП).

В примерах (1)—(10) возможна двоякая интерпретация роли *будет*: а) оно может быть частицей с эпистемической модальностью (неуверенное предположение) — 'раскряжжю, если смогу', 'сделает, чего доброго', 'разве что выучатся', 'наверное, дадут', 'боюсь, не дошью', 'пожалуй, намякает'; б) *будет* может быть интерпретировано как дублер-усилитель значения будущего времени, обозначенного формой предиката. Это последнее можно предположить как для (6) и (10), где предикат имеет ту же грамма-

²⁸ *Нарушйт* — уничтожить.

²⁹ *Едрёный (ядрёный)* — крепкий.

³⁰ *Стая* — хлев.

³¹ *Окорить* — очистить от сучьев ствол спиленного дерева.

³² *Раскряжевать* — распилить на части (*кряжи*) ствол спиленного дерева.

³³ *Одва* — едва.

³⁴ *Паря* — парень.

³⁵ *Намякать* — набить, побить.

тическую форму 3 л. ед. ч., так и для «рассогласованных» форм: *будет роскряжю* (5), *будет выучаще* (7), *будет дадут* (8), *будет не дошью* (9).

В таком дублировании можно видеть еще одно проявление характерного для говоров приема удвоения тождественных морфологических и лексических единиц для подчеркивания, «обновления» их смысла. Другие проявления этой тенденции — например, дублирование показателя итеративности с целью обнаружения идеи многократности действия, заложенной (но, видимо, «стирающейся») в глаголах НСВ типа *бить — бивать — бивывать, сказать — сказывать — сказывливать* и т. п. [Пожирицкая 1991]; дублирование приставок (*попосле, поподавать, попоехать, поподоить* и т. п.); повтор одних и тех же или синонимичных частиц (*некоторые дома наверно так буде стояли; можот быват бы и взял*). Сюда же в принципе относится и повтор корня: *из веков веков больница стояла, сидя сидит, до позда́ поздущего, пихко́м пихаются, бродко́м перебрeдеш, прóбегом бежала, блесто́м блестит, видо́м ненавидит* (Арх.), *просить на упрóс, прыгма́ прыгать, связма́ связать, сижма́ сидеть* (Ряз.), хотя представляется, что повтор корня может нести отличную от повтора аффикса функцию: если значение аффикса, как грамматичное и менее осознаваемое говорящими, может стираться и потому требует дублирования, то корневая семантика — более конкретная, вещественная и потому осознаваемая — при повторе дает усиление интенсивности признака и экспрессивности выражения.

В любом случае слово *будет*, теряющее согласование с полнознаменательным глаголом в форме будущего времени, но сохраняющее неусеченной форму 3 л. ед. ч. (*роскряжю будет, будет выучаще*), представляется нам промежуточным звеном, этапом перехода глагольной формы в модальную частицу *буде* (ср. выше замечание В. И. Даля: «а местами в народе и ныне *будет*» и ниже — примеры из Словаря XI—XVII веков).

Интересно, что в говоре д. Тинева регулярно употребляются и две других частицы — *бы* и *бывает* — и гипотетическое значение могло бы быть выражено частицей *бывает*: **быват роскряжю, *быват выучаще*. Однако *быват* (*бат*) в этом говоре выступает только в контекстах с предикатами прошедшего и настоящего времени, тогда как конструкции с *буде* формально и семантически ориентированы на будущее.

Употребление *буде* (*будет*) при предикате будущего времени вне условной конструкции согласуется с предположением М. Н. Шевелевой [Шевелева 2008] относительно возможности его независимого употребления в древнерусском языке в качестве глагольной формы, вводящей ситуацию будущего времени, подобно тому как вводит ситуацию настоящего времени форма *есть* (*В Окичкине, наверно, уж косят есь*) и ситуацию прошедшего времени — формы *было, бывало* (*Ак ведь мельницы были раньше-то было, а было и не было мельниц, всё было*).

Гипотетическое значение, осложненное семантикой неуверенного предположения при модальном предикате, можно видеть в следующих случаях:

- (11) *Весь чай простудили, **буде** надо подогреть* (Усть. АП) — ‘надо, пожалуйста, подогреть’ / ‘надо будет подогреть’;
- (12) *Воды там нет, надо **буде** из-под слуды³⁶ носить или с водокачки* (Усть. АП) — ‘надо, пожалуйста, носить’ / ‘надо будет носить’.
- (13) *Теперь не собрать **буде*** (В-Т. Тим.) — ‘не собрать, пожалуйста’ / ‘не смогу собрать’;
- (14) *Ехать-то можно, да сейчас не выехать ему **буэт*** (Прим. 33) — ‘пожалуй, не выехать’ / ‘он не сможет выехать’;
- (15) *Не дозвоницца мне **буэт*** (Прим. 33) — ‘пожалуй, не дозвонюсь’ / ‘не дозвонюсь’.

3.4. Буде нередко встречается при императиве:

- (1) *Ты это **подтегай** **буде**!* (В-Т. Тим.);
- (2) ***Допей** **буде-ка!*** (В-Т. Тим.);
- (3) ***Пойте** какую-нибудь песню **буде!*** (В-Т. Тим.);
- (4) ***Поди** **буде** ты в президенты!* (Усть. АП);
- (5) *Пойду я капусту поливать, а вы **буде** чайник **выключите*** (Усть. АП);
- (6) *Ты **не ходи** **буде** некуда, **обрежайсе*** (Вель. Пкш.);
- (7) ***Бежи** **буде** к девочкам* (Вил. Слн.);
- (8) ***Иди** **буде** ко мне на колени, **циган*** (Вил. Пвл.);
- (9) *Ну-ко давай **буде** чаю **стокан** **выпью**. Давай, баба, **буде** мне **налей**, не жирно только (о чае)* (Усть. Снк.).

Оттенки императивных значений, сообщаемых разными частицами (которые, в свою очередь, многозначны — ср. ‘давай пой’, ‘пой уж’, ‘пой, пожалуйста’, ‘пой же’ и т. д.), весьма разнообразны и едва ли могут быть определены вне широкого контекста, в том числе просодического. На это можно решиться только в отношении (9), где *буде* сопровождается побудительным *давай*: частице *буде* в этом случае можно приписать одно из значений частицы *пожалуй* — ‘принятие решения’ [Разлогова 1998], которое сопровождается и императив (*буде налей*), и индикатив (*буде выпью*).

Просмотр значительного массива примеров с *буде* показывает, что оно употребляется преимущественно в проспективно ориентированных контекстах, что вполне естественно в связи с его союзной ролью в условных конструкциях и при императиве. Однако и при индикативе *буде* чаще совмещается с формой будущего времени глагола. Так, среди 17 контекстов с *буде*, записанных в д. Акичкин Починок, встретилось только 3 контекста с *буде* + наст./прош., в которых *буде* имеет эпистемическое модальное значение:

- (1) *Одна тут есть дак пять **буде** было... **буде** всех уж сдала в детдом... ну што толку, нарожала да сдала... лучше бы уж не рожала **буде**... на оборт ходила, чем государству воспитывать;*
- (2) *Вот там одна женищина купила дом и вторые... там две семьи... вот третей **буде** дом купил;*

³⁶ *Слуда* — крутой берег реки.

(3) *Не знаю, чья родня, а **буде** уж Елене да Петеньке.*

Примеры из других говоров с формой настоящего или прошедшего времени:

(4) *Некоторые дома наверно так **буде** стояли* (Пин. Вгр.);

(5) ***Буде** там есть на лесопункте обша баня* (В-Т. Врш.);

(6) *Котята там шурчат **буде** ходя* (Плес. Прш.);

(7) *Слишком богомольных у нас **буде** нету* (Красн. ВУ);

(8) (Есть у вас слово «рада»?) — *Радуга **буде**?* (Красн. ВУ).

Буде сообщает высказыванию семантику приблизительности в оценке количества — (1), (2), неуверенности в точности сообщения — (3), (4), неуверенного предположения — (5)—(8).

Частицу / союз *буде* в ее союзной и модальной (эпистемической) функции можно рассматривать как реликт одной из форм будущего времени, в которой глагол *быть* употреблялся в качестве вспомогательного: во-первых, это была конструкция с инфинитивом, которая сохранилась в качестве формы сложного будущего времени (*буду ходить*); во-вторых, утраченная конструкция с формой причастия на *-л* (*буду ходил*), которую одни историки называют преждебудущим временем [Горшкова, Хабургаев 1997], приписывая ей таксисное значение временного предшествования, другие — «предположительным наклонением», имеющим «чисто модальное значение, которое может быть приблизительно передано как ‘окажется, что [нечто уже произошло]’... Данная модальная форма выступает в предложениях со значением условия и в придаточных относительных» [Зализняк 2004: 177].

Рефлекс этой формы, распавшейся на застывшее в форме 3-го лица *буде / будет* и *л*-форму, получил широкое употребление в памятниках делового характера в XVI—XVII вв., став настоящей приметой делового стиля не только в качестве условного союза — (1), (2), но и в качестве частицы с эпистемической модальностью: (3) «А **будя** у какого крестьянина хлеба бог уродит и с лишком, и оне б пиво варили не часто, а **будя** кому и сварить, и оне б больше чети не варили». Хоз.Мор. I, 117. 1651 г.; (2) «Дву сыновъ из стрелцовъ взяти в тягло, кто где жильъ, а третьяго сына, **будеть** есть, оставити в стрелцахъ». Ул.Ал., 258 об. 1649 г.; (3) «Ивашка Микитинъ, надеяся на него, архимарита, или **буде** и по ево поученью, тово старца Александра браниль». (Чел.) Суб.Мат. III, 54. 1666 г. (цит. по [Словарь XI—XVII: 344, 345]). В документах XVII в. отмечается утрата глаголом *быть* форм согласования.

Впрочем, и те историки, которые считают эту конструкцию формой времени, указывают на такую особенность ее «биографии»: «Наличие иных способов обозначения будущего времени могло способствовать специализации сочетания “буду + форма на *-л*” в качестве средства оформления именно условных конструкций». И далее: «“Самостоятельности” компонентов сочетания должно было способствовать уже наметившееся в систе-

ме древнерусского языка восприятие формы на -л как выражения собственно прошедшего, следовательно, указывавшего на предшествование, вне связи с *буду* (ср. параллельные конструкции с одним и тем же временным значением: *А что будет с ним погыбло... — А что с ним погыбло... в Р.пр. (Русской Правде. — С. П.)*) [Горшкова, Хабургаев 1997: 319].

Как видим, самостоятельными компонентами сочетания «*буду* + форма на -л» оказывалась и л-форма как выразитель значения прошедшего времени, и вспомогательный глагол, который стал выразителем модального значения этой рано исчезнувшей сложной формы и развил кроме условного еще и некоторые другие модальные значения, а в ряде диалектов приобрел функцию сравнительного союза.

Что касается сравнительного *буде*, свойственного северо-западным говорам и синонимичного союзу *будто*, то гипотеза о происхождении его из формы императива *буди / будь* не кажется нам единственно возможной. Союз *будто* кроме сравнения выполняет еще и функцию присоединения изъяснительных предложений, сообщая им модальное значение сомнения, неуверенности — ср. '*Мне сказали, что Иван приехал*' и '*Мне сказали, будто Иван приехал*'. Если в первом случае возможное сомнение говорящего по поводу истинности высказывания грамматически и лексически не выражено (но может быть выражено интонационно), то во втором случае его передает союз *будто*. Кроме того, идея предположения содержится и в сравнении: «*Идёт — дак четыре пролехи (прорехи), буде вся прирвана идет, буде по кустам лезано*» — 'идет женщина, у которой юбка с четырьмя прорехами: можно предположить, что юбка разорвана и что женщина лазила по кустам, но я знаю, что таков фасон ее юбки'; «*церковь буде чаечка белеет*» — 'нечто белеет, и кто-то может предположить, что это чайка, но я знаю, что это церковь'. Ср. также цитату из В. Даля: «*Глянь, пыль взнялась, буди кто идёт*» — 'могут быть разные причины того, что поднялась пыль; в данном случае я предполагаю, что кто-то идет'.

4. Обратимся к тому, как распределяются функции «мелких слов», производных от бытийных глаголов, если они сосуществуют в одной частной диалектной системе (из трех рассмотренных нами частиц в каждом отдельном говоре активно используются только две).

Лямца, Онежский р-н. (*бывает, буде*).

Бывает (бат, быват):

- (1) Дай покурить! — Да у меня **бат** нету!
- (2) У тебя **бат** холоднэ;
- (3) Закрой! **Бат** холодно, ветер;
- (4) **Бат** на мостике комары прикусуют;
- (5) Годоф-то **быват** шесть нету;
- (6) **Бат** и там, ф Пурнемы, нет краски;
- (7) Кто шаньгу³⁷ **бат** даст, кто олабыш³⁸;
- (8) Прялки делают старики;

³⁷ *Шаньга* — выпечное изделие типа ватрушки с разными видами начинки.

³⁸ *Олабыш* — выпечное изделие без начинки типа олады.

бат у дедушки Володи сделана, не покупали торговых; (9) Давно не стирывано, дак **бат** заржавела (стиральная машина); (10) Почти у всех **бат** были кони; (11) Сёдне суббота, не ходят в гости-то, а в воскресенье-то **бат** ходят; (12) Соляры **бат** мало будет, и погасят; (13) Я думала Валя **бат** придет; (14) Можот дешевле-то **быват** бы и взял; (15) Сходите поинтересуйтесь, **бат** есть кака-нибудь нежалима³⁹ (горбуша).

Буде:

(1) Ларь называли, **буде** гроб; (2) Мама, у тебя **буде** торокан; (3) Как не тоненьки-то блины, **буде** стекло; (4) **Буде** березовый лист пахнет; (5) У его рубашка с начесом, **буде** байка; (6) Глаз не видно, **буде** ножичком чирнуто; (7) Едешь, едешь, **буде** одно озеро, потом откроеще второ; (8) Идёт, да **буде** думаш конь; (9) Я одну разорвала, а там **буде** молочко; (10) Они так горбушей⁴⁰ косят — их **буде** водой несет; (11) Жердина **буде** оцеп⁴¹; (12) Ты нас бранишь, да **буде** хвалишь; (13) Собака, да **будь** медведь; (14) Хвост распушилсе, **буде** куделя; (15) Мошка-то **буде** лопатой роет; (16) Все ляги полны водой, **буде** колодцы стоят; (17) Привезет — дак уж **буде** птичка там на возу-ту сидит; (18) Идёт — дак четыре пролехи (прорехи), **буде** вся прирвана идёт, **буде** по кустам лезано; (19) Она (церковь) там **буде** чаечка белеет; (20) Приедешь поглядишь — дак **буде** налито.

Разделение функций частиц в этом говоре достаточно просто и однозначно: *буде* выполняет роль сравнительного союза; *бывает* (частица или вводное) — слово с эпистемической модальностью в диапазоне ‘неуверенное предположение’ — ‘подтверждение знания говорящего’.

Акичкин Починок, Устьянский р-н (бы, буде).

Бы:

(1) Оне совсем **бы** меня не касались, а я приглядывалась; (2) Хоть и годов много **бы**, и ничего **бы** не действует, всё болит, а умирать страшно. Я-то **бы** рада умереть-то, да нету смерти дак; (3) И время **бы** есть, и на работу **бы** не ийти, да сила не забрала; (4) Хочется **бы** побывать, да никак не сможем; (5) У меня и посуда **бы** есть малирована, да я всё в глиняной; (6) Она понимает **бы** в медицине, и роботат **бы** хорошо, да спилась. Она кабы не пила **бы**, страсть **бы** хорошо роботат. Вот к нам медика-то эково и сунули. Она вообще знает **бы** всё дело, опытная, ну испортилась вся; (7) Я ничего не испекла: мука **бы** есть, дак дрожжей нет; (8) Ну Олёшка тожо **бы** любит цветы, да ему некогда; (9) А сего-ду она (капуста) **бы** не объедена, да холодно, нету росту; (10) Парень **бы** хорошей, не пьет, не курит, да говорит худо, язык худо роботат;

³⁹ *Нежалимая* — та, которую не жалко отдать.

⁴⁰ *Горбуша* — коса с короткой ручкой и изогнутым в виде серпа лезвием.

⁴¹ *Оцеп* — шест-рычаг для поднятия тяжестей (ведра из колодца, люльки и др.).

(11) Так-то там большая **бы** деревня-та была, а сейчас домов десять; (12) Андрета тожо **бы** жолта картошка, да она неустойчива; (13) Он трезвой **бы** мужик хорошей, роботящей, а пьянь не дай бог; (14) Дак то **бы** евовно-то **бы** есть письмо-то наверно-то; (15) Там **бы** лампочка есть; (16) Я **бы** поваляцце тожо люблю на кровати да; (17) Сегодне огребать-то **бы** хорошо, мошки **бы** нет, комара **бы** нет; (18) Што пенсию получила — у меня её уж давно нету, как жить-то **бы** дальше, не знаю; (19) Я думаю, што **бы** положено за уход... дак ведь я тоже ухаживала за им, а мне **бы** не положено ухаживать. Пошто **бы** мне не дают? (20) Красны⁴² оне-то, помоложе **бы** меня; (21) Парень очень **бы** хорошенькой был.

Буде:

(1) Пойду я поливать капусту, а вы **буде** чайник выключите; (2) Поди **буде** ты в президенты! (3) **Буде** хорошая погода, дак погребитё; (4) Воды там нет, надо **буде** из-под слуды носить или с водокачки; (5) Я **буде** утром позвоню; (6) Весь чай простудили, **буде** надо подогреть; (7) На их надёжа-та, оне **буде** свозят меня; (8) Я никого не звала... этто вот двое, да **буде** Вася из Бестужева придёт, да Настя, и всё; (9) Вы булку-то ешьте, мне Дуська опять **буде** принесет; (10) Ты это ешь, а то я **буде** маме оставлю; (11) Сейчас у них экзамен, дак **буде** на тракторку приедет ненадолго; (12) Вот там одна женщина купила дом и вторые... там две семьи... вот третей **буде** дом купил; (13) Мало бы дождя, **буде** бы ленул большой; (14) Не знаю, чья родня, а **буде** уж Елене да Петеньке; (15) Мы всё так жили... **буде** уж одной жить... (тогда, возможно, будет лучше); (16) Одна тут есть дак пять **буде** было... **буде** всех уж сдала в детдом... ну што толку, нарожала да сдала... лучше бы уж не рожала **буде**... на оборт ходила, чем государству воспитывать; (17) Хоть бы **буде** убавили што ли.

Более половины цитат с *бы* представляет собой двупредикатные конструкции с антитезой (*бы... да*), т. е. с союзной или союзно-модальной функцией *бы*.

Модальные *бы* и *буде* встроены в конструкции с предикатами разного времени: *бы* — настоящего / прошедшего, *буде* — как правило, будущего. Если сопоставить те цитаты с *бы*, которые можно понимать как завершённые высказывания (типа *я бы поваляцце тожо люблю на кровати да; парень очень бы хорошенькой был*) с цитатами с *буде*, то очевидно, что в первых выражается отношение говорящего к содержанию сообщаемого ('*поваляцце [вообще-то] люблю*', '*парень [казалось бы] хорошенький*' или '*поваляцце [ведь] люблю*', '*парень [ведь] хорошенький*'), а во вторых формулируется некая гипотеза-выбор: '*буде [пожалуй, тебе не дам, а] оставлю маме*'; '*буде [пожалуй, предпочту] жить одной*'.

⁴² Красный — здоровый, полный сил, красивый.

Вадюга Верхнетоемский р-н (*бывает, бы*).

Ба / бай / быва / бывай / бывае:

(1) Посолите, **ба** малосолю; (2) У ней **ба** восьмой он; (3) **Ба** месяц дождя не кануло; (4) Траву да мох **ба** едят; (5) Репа-то насеяна, она **бай** не вырастет; (6) Наше-то пиво **бываё** вам-то и не поглянется; (7) Всё морочит⁴³, а **ба** и ничего не будет; (8) Он **ба** через Орхангельско не поедет, он поедет напролёт к себе домой; (9) В поле растут, а в лесу-то **бывай** не растут еще; (10) Вы **быва** и не помните? (11) **Бывай** не лучше ли засплю? (12) **Бывае** покушать хотите? Покушайте чё-нибудь; (13) **Ба** в тюрьму было или куды ли; (14) Как выпьет, пьяный-от **ба** ходит? (15) Адольф-от у нас один **быва** по всему сельсовету; (16) С песком хорошо, а так-то **бывай** и кислотовато; (17) А где девочка-то? **Бывай** лежит?

Бы:

(1) А потом молока-то **бы** мало станет, так и простая⁴⁴ машина пойдет; (2) Такая жо хорошая, дак беда⁴⁵ **бы**, только мало; (3) Он парень **бы** хорошей, смирной, да вот не можот никак сдать на шофёра-то; (4) На бритке ездят, на тракторе; нельзя **бы** на бритке людей возить, а куды девацце? (5) Хороша **бы** жись-то, да умирать наа; (6) У нас-то и река **бы** близко, да мы уж повадились в колодец; (7) Гости в Тойме, и он **бы** в Тойме, а вот сойдуцце ли? (8) Сечас **бы** и ничего жить-то, да здоровья нету; (9) Есь **бы**, да она толста́я; (10) Вот пекци **бы** не хоцце, мука-то **бы** есь; (11) У кого ведь и есь **бы**, дак...; (12) Восемь классов кончил, поезжай **бы** учицце, а он вот еще и не кончил; (13) Хоть топеря **бы** поезжай, дак ишо правнуков рóщу, ним помогаю; (14) Теперь и есь **бы**, да неохота; (15) Они **бы** и не запрещали, но мы не могли; (16) Раньше и сыновья **бы** дома жили, а ноне уезжают; (17) Она (трава) **бы** на все болезни, но ней трудно искать; (18) Шерсти-то **бы** много, да нехто не катает (валенки); (19) Шерсти-то **бы** много, да не хоцце вязать; (20) Она **бы** женщина трудолюбивая, роботящая; (21) Осенью **бы** отпуск, осенью и приедет; (22) Хорошо **бы** жить-то, всего **бы** много; (23) Черёмухи сухой килограм **бы** шеснаццет есь; (24) Знаеш **бы** бабок там насобираецца колько; (25) Сечас **бы** порато много носят; (26) У ней всё **бы** есь; (27) Оно **бы** много зеленой-то... (клубники); (28) Шаль-то та **бы** черная; (29) Река-то **бы** маленька, покупались **бы**; (30) У нас старого-то **бы** много было; (31) Война-то только вот **бы** весной-те кончиласе; (32) Она не можот, она **бы** певка́ молода-то; (33) У нас земля **бы** очень хороша; (34) Оне забьют **бы** сваю-то, да кабы железина какая, него **бы** и не унесло.

⁴³ *Морочит* — собираются облака.

⁴⁴ *Простая* — пустая.

⁴⁵ *Беда* — высокая степень качества; очень.

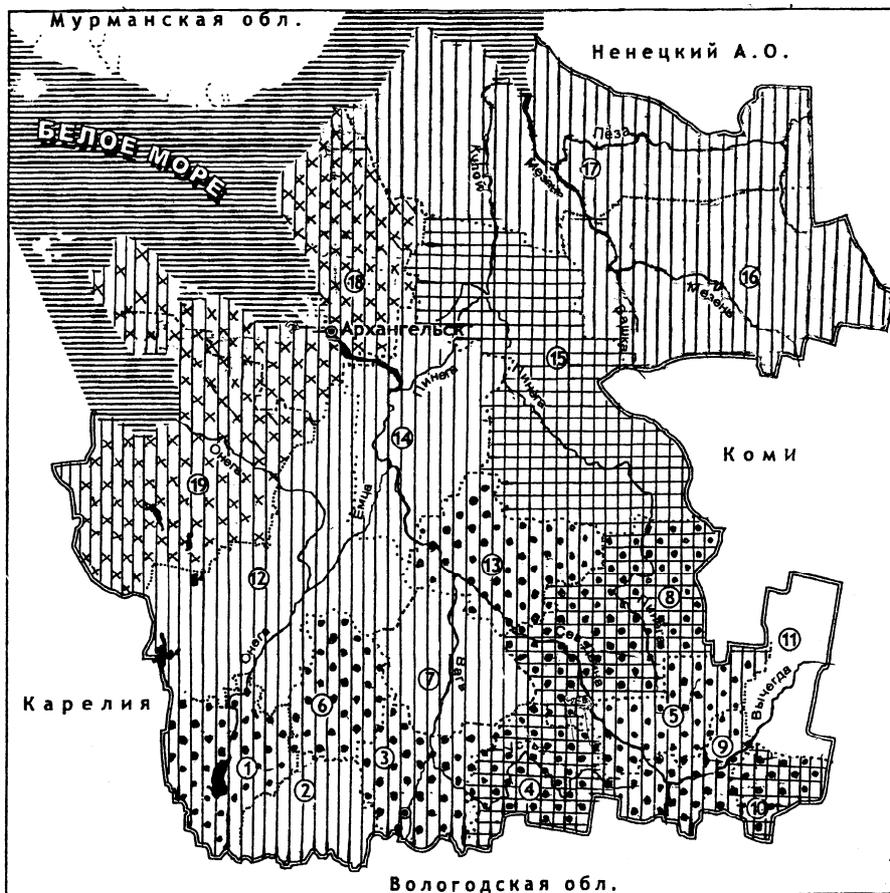
Среди контекстов с *бы* преобладают (как и в говоре д. Акичкин Починок) двухчастные конструкции с противопоставлением, где *бы* выполняет союзную функцию, осложненную модальностью. В высказываниях с одним предикатом *бы* выражает субъективное отношение говорящего к содержанию высказывания, преимущественно — подтверждение истинности сообщаемого: *у нас старого-то бы ('ведь') много было; осенью бы ('ведь') отпуск*. Частица *бывает* формулирует отношение говорящего к фактам объективной действительности: неуверенное предположение (гипотезу) относительно реальности события или факта: *в поле растут, а в лесу-то бывай не растут еще; бывай, не лучше ли засплю; а где девочка-то? Бывай лежит?*

Бы и *бывай*, казалось бы, близки по значению, однако мена их влияет на модальный смысл сообщения: ср. *осенью бывай отпуск, осенью и придет* означало бы, что говорящий точно не знает, но предполагает, что отпуск должен быть осенью; *осенью бы отпуск, осенью и придет* означает скорее уверенность говорящего (передаваемую им собеседнику) в том, что отпуск будет осенью.

В итоге можно сказать, что диалектная речь наглядно демонстрирует общее движение старых форм бытийных глаголов — переход их из грамматики глагольных форм (морфологии) на уровень грамматики высказывания (синтаксиса), в область эгоцентрических слов (обозначающих позицию говорящего). Взаимный обмен между лексической модальностью и грамматикой отмечается на разных исторических этапах как передвижение лексических средств в область обеспечения грамматических значений (ср. *имамь, начьну, хочу* в функции глагольной связки для оформления значения будущего времени [Юрьева 2006]) или грамматических средств в область модальной лексики (старые глагольные формы *бы, бывает, будет*).

Литературный язык формировался параллельно с грамматической рефлексией, обучением и письменной традицией, диалекты же — свободно, стихийно. Этим может быть обусловлено дискретное (во многих случаях) выражение категорий в литературном языке и их синкретический характер — в говорах. Литературный язык во многом развивался в связи с потребностью удалить объективное содержание сообщения от говорящего, объективировать его — в связи с задачами таких функциональных стилей, как официально-деловой, научный; об этом свидетельствует история вводно-модальных (рамочных) средств предложеческой структуры в отличие от частиц, характерных для бытовой разговорной речи, просторечия, по степени нормированности стоящих близко к диалектам. Высокая употребительность модальных частиц свидетельствует о том, что сообщения о «реальном положении дел» весьма часто сопровождаются субъективной оценкой говорящего с точки зрения вероятности, потенциальности события. При этом средства выражения оценки («мелкие слова» служебного характера) лексически минимальны, структурно и интонационно не выделены, а «вплетены» в диктум. Это говорит о большей степени включенности/прикрепленности говорящего к сообщаемому и тем самым о высокой степени эгоцентричности диалектов.

Служебные слова, производные от глаголов *быть*, *бывать*,
в говорах Архангельской области

Районы:

1. Каргопольский	7. Шенкурский	13. Виноградовский
2. Коношский	8. Верхнетоемский	14. Холмогорский
3. Вельский	9. Котласский	15. Пинежский
4. Устьянский	10. Вилегодский	16. Лешуконский
5. Красноборский	11. Ленский	17. Мезенский
6. Няндомский	12. Плесецкий	18. Приморский
		19. Онежский

слова, производные от *бывать* (*ба*, *бай*, *бывáй*, *бывáт*)

бы

буде — сравнительный союз

буде — модальная частица

Карта не отражает различий в степени интенсивности употребления той или иной частицы в разных регионах

Автор пользуется случаем выразить благодарность Е. Н. Никитиной, участие которой в написании данной статьи близко к соавторству, а также Н. Р. Добрушиной, прочитавшей первоначальный текст и высказавшей ряд ценных замечаний, и И. Б. Качинской за помощь в работе с материалом электронной базы АОС.

Список населенных пунктов

Вель. — Вельский р-н, Сдр. — Судрома, Пкш. — Пакшеньга;
 В-Т. — Верхнетоемский р-н: Вдг. — Вадюга, Грк. — Горка, Тим. — Тимошино, Тин. — Тинева, Выя, Врш. — Вершина;
 Вил. — Вилегодский р-н: Клуб. — Клубоковская, Слн. — Селяна, Пвл. — Павловская;
 Карг. — Каргопольский р-н: Оз. — Озёрко, Лкш. — Лёкшмозеро, Нкл. — Нокола;
 Котл. — Котласский р-н, Збл. — Заболотье;
 Красн. — Красноборский р-н, ВУ — Верхняя Уфтуга;
 Леш. — Лешуконский р-н, Кеба;
 Мез. — Мезенский р-н: Дрг. — Дорогорское, Мос. — Мосеево;
 Он. — Онежский р-н: Лмц. — Лямца, Турч. — Турчасово, Пдп. — Подпорожье, Врз. — Ворзогоры;
 Нянд. — Няндомский р-н, Врл. — Верола;
 Пин. — Пинежский р-н: Вгр. — Веегора, Лав. — Лавела, Нюх. — Нюхча;
 Плес. — Плесецкий р-н, Прш. — Першлахта;
 Прим. — Приморский р-н: ЗЗ — Зимняя Золотица; ЛЗ — Летняя Золотица, Пшл. — Пушлахта;
 Усть. — Устьянский р-н: Ап — Акичкин Починок, Снк. — Синики;
 Холм. — Холмогорский р-н, ПМ — Плёсо-Мякурье;
 Шенк. — Шенкурский р-н, ВП — Верхопаденьга.

Литература

- АГ-80 — Русская грамматика. Т. 1—2. М., 1980.
 АОС — Архангельский областной словарь. Вып. 1. М., 1980; Вып. 2. М., 1982.
 Апресян 1974 — Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. М., 1974.
 Бонно, Кодзасов 1998 — К. Бонно, С. В. Кодзасов. Семантическое варьирование дискурсивных слов и его влияние на линеаризацию и интонирование (на примере частиц *же* и *ведь*) // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М., 1998. С. 382—443.
 Галинская 2006 — Е. А. Галинская. Об одном остатке древнеславянского имперфекта в русском языке // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 2006. № 6. С. 47—60.
 Горшкова, Хабургаев 1997 — К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1997.
 Даль — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М., 1955.

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка. Центр европейской части СССР: В 3 вып. / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып. 1: Фонетика. М., 1986; Вып. 2: Морфология; Вып. 3: Синтаксис. Лексика. М., 1996; Карты. М., 1998; Вып. 3; Ч. 2: Синтаксис. Лексика. М., 2004.

Добрушина 2009 — Н. Р. Добрушина. Семантика частиц *бы* и *б* // Корпусные исследования по русской грамматике. М., 2009. С. 283—313.

Евтюхин 1979 — В. Б. Евтюхин. Аранжировка диалектных текстов с помощью частиц // Севернорусские говоры. Вып. 3. Л., 1979. С. 201—206.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Кобозева, Лауфер 1990 — И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер. Языковые аномалии в прозе А. Платонова через призму процесса вербализации // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М. 1990. С. 125—138.

Кодзасов 1996 — С. В. Кодзасов. Просодический строй русской речи. М., 1996.

Кодзасов 2009 — С. В. Кодзасов. Исследования в области русской просодии. М., 2009.

Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования. М., 1996.

Пайар, Маркович 1986 — D. Paillard, D. Marcowicz. Le partage du savoir ou l'ignorance n'est pas un argument. A propos de la particule VED' // Les particules enonciatives en russe contemporaine (3). Paris, 1986. P. 89—122.

Пешковский 2001 — А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001.

Пожарицкая 1991 — С. К. Пожарицкая. О семантике итеративных глаголов в севернорусских говорах // Современные русские говоры. М., 1991. С. 84—94.

Потебня 1941 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. 4. М., 1941.

Программа 1947 — Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. М.; Л., 1947.

Разлогова 1998 — Е. Э. Разлогова. Пожалуй // Дискурсивные слова русского языка. М., 1998. С. 331—335.

Санников 2008 — В. З. Санников. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008.

Словарь XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1 (А—Б). М., 1975.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1—41. Л.; СПб., 1965—2009 (изд. продолж.).

Шахматов 2001 — А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. М., 2001.

Шевелева 2008 — М. Н. Шевелева. О судьбе древнерусских конструкций с независимыми формами глагола *быти* в русском языке // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 2008. № 6.

Шимчук, Щур 1999 — Э. Шимчук, М. Щур. Словарь русских частиц // *Berliner slavistische Arbeiten*. Bd. 9. Frankfurt am Main, 1999.

Юрьева 2006 — И. С. Юрьева. Конструкции *имамь, хоцю, начьноу* с инфинитивом, или так называемое «сложное будущее I» в Житии Андрея Юродивого и в древнерусских летописях старшего периода // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 2006. № 5.

Heine 1993 — B. Heine. Auxiliaries // *Cognitive forces and grammaticalisation*. Oxford, 1993.

Е. С. СКАЧЕДУБОВА

**РЕАЛИЗАЦИЯ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ В ПЕРВОЙ ОСНОВЕ
СЛОЖНЫХ И СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫХ СЛОВ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ**

Реализация гласных фонем в словах элементарной структуры регламентируется местом по отношению к ударению и твердостью/мягкостью предшествующего согласного. Законы качественной и количественной редукции гласных подробно описаны в лингвистической литературе.

В словах с несколькими основами поведение гласных может быть иным. Законы произношения, свойственные исконно русским бесприставочным словам, могут нарушаться. По всей видимости, это связано с общим стремлением грамматического развития современного русского языка к аналитизму. Неоднократно высказывалось предположение, что композиты на самом деле являются не словами, а словосочетаниями [Русский язык и советское общество 1968; Панов 1971; Реформатский 1999]. Первые компоненты композитов могут пытаться доказать свою самостоятельность, что отражается на реализации гласных фонем. Выявление законов распределения гласных в первой основе композитов даст возможность ответить на вопрос, действительно ли аналитические прилагательные обладают особыми фонетическими признаками. В области вокализма первые части сложных и сложносокращенных слов могут подчеркивать свою самостоятельность двумя способами: дополнительным ударением на первой основе и/или произношением качественно нередуцированного безударного гласного.

Просодическая выделенность первой основы может быть различной по степени проявления и возникать под воздействием разных причин. В фонетической литературе термины «побочное ударение» и «акцентное выделение» [Николаева 1982] еще не так давно использовались как синонимы. В последние годы в работах ряда лингвистов эти понятия были разведены, что позволило внести бóльшую ясность в научную терминологию.

Во-первых, побочное ударение проявляет себя на уровне отдельного слова, причем обычно можно указать принципиальную возможность или невозможность его появления в конкретном слове (так, слово *водораздел* может быть произнесено и с дополнительным ударением, и без него: *вòдораздél* и *водораздél*; а в слове *водопад* побочное ударение никогда не встречается). Обязательной приметой слова побочное ударение может

быть только в том случае, если произнесение с одним (основным) ударением затруднительно. В первую очередь это касается слов, образованных сложением трех или более основ (*вдоогрязелече́ние*), а также слов, в которых между основным ударением и местом потенциального побочного ударения длинная безударная цепочка (*вдооэмульсио́нный*). Что же касается акцентного выделения, то оно, в отличие от побочного ударения, не проявляется на уровне отдельного слова, а реализуется только в условиях фразы при наличии теневого контекста, поэтому любая первая основа в слове сложной структуры может быть выделена акцентом (*Непоня́тно, заче́м ему́ вместо традицио́нного лече́ния рекомендо́вали в́долече́ние*).

Во-вторых, побочное ударение выделяет слог в слове, так как его появление обусловлено только ритмически, никак не связано со смыслом высказывания; акцентное выделение маркирует значимые единицы языка (морфемы, слова, словосочетания); это выделение семантическое, а не ритмическое.

Таким образом, первый компонент слов сложной структуры может находиться либо в нейтральной просодической позиции, либо в позиции просодической маркированности, при этом просодическая выделенность может быть разных типов: основа может стоять под побочным ударением или под акцентом, который сопровождает ее семантическое подчеркивание. Существуют две точки зрения на зависимость степени редукции гласного от наличия на нем ударения.

Первой точки зрения придерживался Р. И. Аванесов, который считал невозможным произношение качественно нередуцированных гласных в безударном слоге и, наоборот, говоря о наличии побочного ударения, аргументировал это особым качеством гласного [Аванесов 1974].

Однако в научной литературе широко распространена и вторая точка зрения. Многие авторы отмечали, что и при отсутствии побочного ударения безударные гласные могут произноситься без качественной редукции; среди большого количества примеров приводились и случаи отсутствия редукции в сложных и сложносокращенных словах: *к[о]мпа́ртия*, *з[о]сба́нк*, *с[п'э]цкúрс*. В работах М. Л. Каленчук и Р. Ф. Касаткиной предложена новая концепция, позволяющая развести вопросы о качестве гласного и наличии на нем ударения [Каленчук, Касаткина 1997]. В работе М. Я. Гловинской, Н. Е. Ильиной, С. М. Кузьминой, М. В. Панова свойство безударных гласных произноситься без редукции в первой основе сложных и сложносокращенных слов связывается с особым статусом первой основы. Авторы считают такие образования не сложными словами, а аналитическими конструкциями, состоящими из прилагательного и существительного [Гловинская и др. 1971].

Настоящая статья базируется на точке зрения М. Л. Каленчук и Р. Ф. Касаткиной: отсутствие или наличие редукции гласных в первой основе сложных и сложносокращенных слов не зависит от просодической выделенности первой части композита. Это значит, что слово *водораздел*, например, может быть произнесено четырьмя различными способами: *в[э]дора́здéл*, *в[о]дора́здéл*, *в[э]дора́здéл* и *в[ò]дора́здéл*.

Итак, в словах сложной структуры действуют особые закономерности, влияющие на реализацию гласных фонем в первой основе. В проведенном исследовании выяснялось, какими факторами обусловлено распределение качественно редуцированных / нередуцированных гласных в первой основе сложных и сложносокращенных слов.

Методика проведения эксперимента и анализа полученных данных

1. Методика проведения экспериментальной работы

Одной из основных задач исследования являлось получение фактических сведений о произношении композитов. Корпус данных собирался следующими способами.

1. Были проведены серии орфоэпических экспериментов, в ходе которых 80 информантов, москвичей во втором-третьем поколении, носителей русского литературного произношения, начитали на магнитофон специально составленные фразы достаточно большого объема, содержащие 182 проанализированных впоследствии композита с варьирующимися орфоэпическими условиями. Чтобы проверить степень влияния просодического фактора на сегментную организацию первых основ композитов, фразы в проведенном эксперименте были составлены таким образом, чтобы первый компонент одних и тех же сложных и сложносокращенных слов стоял то в позиции семантической выделенности, что провоцирует появление акцентного выделения, то в немаркированной просодической позиции. Информанты обоих полов были разделены на три возрастные группы: старшую (60 лет и старше), среднюю (30—59 лет) и младшую (17—29 лет)¹. В общей сложности было получено около 5000 дикторских ответов. Магнитофонные записи были подвергнуты слуховому анализу, а также проверялись инструментально с помощью компьютерной программы Speech Analyzer.

2. Были привлечены массивы записей звучащей речи из художественных фильмов, а также из теле- и радиопередач разных жанров.

3. Материалом для исследования послужили также фрагменты спонтанной речи.

2. Методика анализа полученных данных.

Многофакторный орфоэпический анализ

Орфоэпические исследования последних лет показали, что орфоэпический материал так же, как и фонетический, подчиняется позиционному описанию. Применение процедуры многофакторного орфоэпического ана-

¹ В дальнейшем описании рядом с цифрой, указывающей процент произнесений, будут приняты сокращения: старшая возрастная группа — ст., средняя — ср., младшая — мл. При совпадении результатов у всех трех возрастных групп указывается одна общая цифра.

лиза позволяет вероятностно представить появление конкретного варианта произношения как функцию целого ряда факторов.

Анализ научной литературы и собственные наблюдения на начальном этапе работы позволили выделить факторы и условия, которые предположительно могут влиять на распределение орфоэпических вариантов в первой основе сложных и сложносокращенных слов:

1) языковые: фонетические (длина слова, длина безударной цепочки от начала слова до слога с основным ударением или между слогами с потенциальным дополнительным ударением и основным, просодический фактор и др.), грамматические (самостоятельность/несамостоятельность второй основы, наличие двух или более основ), лексические (степень освоенности слова и частотность его употребления, русская или заимствованная основа);

2) социолингвистические: возраст информанта и его гендерная принадлежность.

1. Фонетические факторы

1.1. Сегментные факторы

Длина слова

Анализ полученных данных показал, что этот фактор не влияет на качество гласных первой основы. Вне зависимости от длины слова процент произнесений с редуцированным остается неизменным: *м[э]ловёр* (100 %) и *м[э]ловэрие* (100 %); *д[э]мосёд* (100 %) и *д[э]мово́дство* (100 %) *д[э]морóщенный* (100 %); *з[э]ловокружéние* (100 %) и *з[э]ловокружítельный* (100 %); *ст[и³]клова́р* (100 %) и *ст[и³]клова́рочный* (80 % ст., 100 % ср. и мл.); *свяц[и³]ннослужítель* (10 % ст., 20 % ср. и мл.) и *свяц[и³]ннослужítельский* (20 %); *карт[э]фелево́д* (10 % ст., 20 % ср., 30 % мл.) и *карт[э]фелево́дство* (10 % ст., 20 % ср. и мл.); *з[а³]счéк* (20 % ст. и ср., 30 % мл.) и *з[а³]спрéмия* (20 % ст. и ср., 30 % мл.).

Длина безударной цепочки от начала слова до слога с основным ударением или между слогами с потенциальным дополнительным ударением и основным

Количество употреблений качественно нередуцированных гласных (как просодически выделенных, так и безударных) достоверно увеличивается с удалением от ударного слога. Процент произнесений с редуцированным гласным у респондентов младшего поколения выше, чем у старшего и среднего, но тем не менее указанная тенденция прослеживается у всех возрастных групп: *мн[о]зогокóмнатный* (0 %), *мн[о]зоганáльный* (10 % ст. и ср., 0 % мл.), *мн[о]зонациóнный* (30 % ст. и ср., 10 % мл.), *мн[о]зоконфес-*

сиональный (100% ст., 90% ср., 40% мл.). Во всех вышеуказанных примерах суммированы все случаи произнесений с гласным полного образования — находящимся под побочным ударением и стоящим в безударной позиции.

Межслоговая ассимиляция гласных

Ассимиляции обычно подвергается конечный гласный первой основы на *-о*, за которым следует слог с *у*: *мете[у]бюро́*, *мете[у]чувствительный*, *голов[у]круже́ние*, *пале[у]глубины*.

В первом компоненте композитов вместо [э] в результате воздействия гласных соседних слогов могут произноситься звуки [э^{bl}], [э^a] и др., т. е. происходит ассимиляция по подъему гласных. Причем следует отметить, что изменениям могут подвергаться даже те гласные первой основы, которые находятся под потенциальным дополнительным ударением. Они испытывают влияние гласного, находящегося в последующем слове: *к[э^{bl}]рдиоце́нтр*, *к[э^{bl}]рдиоло́гия*, *карт[э^{bl}]фелекопа́лка*, *ми[э^a]гоко́мнатный*.

Зияние гласных

Л. П. Крысин пишет, что явление хиатуса, или зияния, не очень характерно для фонетической структуры русского слова [Крысин 2000]. Он отмечает, что увеличению числа слов, содержащих несколько гласных подряд, способствует численный рост класса аналитических прилагательных, оканчивающихся на гласный или на сочетание из двух гласных: *авто-*, *авиа-*, *аудио-*, *био-*, *кардио-*, *палео-*, *социо-*, *стерео-* и т. д. По мнению Л. П. Крысина, дополнительное ударение в сложных и сложносокращенных словах способствует произношению последовательности гласных с большей отчетливостью и меньшей, чем обычно, степенью редукции неударных гласных.

Действительно, данные проведенного эксперимента подтверждают, что процент произнесения в первых основах композитов качественно нередуцированных безударных гласных при их скоплении достаточно высок. Явление хиатуса не было предметом специального исследования в данной работе, тем не менее полученные данные позволяют сделать некоторые наблюдения.

1. В часто употребляющихся, «приболтанных» словах гласные редуцируются², причем это наблюдается у всех возрастных групп. Так, слово *кардиогра́мма* произнесли с редуцированным все опрошенные респонденты: *карди[а³]гра́мма*.

2. Зачастую даже малочастотные слова произносятся с редуцированными гласными в указанной позиции, причем степень редукции может быть различной: *мете[а³]наблюдéния* и *мете[э]наблюдéния*. Следует отметить, что

² В приведенных примерах обсуждается только качество второго гласного, так как безударный первый всегда произносился как [и³].

процент произнесений с редуцированным у младшей возрастной группы значительно выше, чем у старшей. Так, слово *метеонаблюдения* произнесли с редуцированным 20 % ст. и ср., 40 % мл., *метеограмма* — (20 % ст., 50 % ср. и мл.), *кардиосклероз* — (0 % ст. и ср., 20 % мл.), *кардиохирургия* (0 % ст. и ср., 20 % мл.), *палиосейсмологический* (50 % ст., 90 % ср., 100 % мл.).

3. Дополнительное ударение на первой основе композитов отнюдь не всегда способствует произношению нередуцированных гласных. По результатам исследования, обычно произносят гласный полного образования при ударной первой основе только представители среднего поколения: *мѐте[o]наблюдения*, *мѐте[o]грамма*, *мѐте[o]карта*, *кàрди[o]хирургия*.

Что касается представителей старшего поколения, то процент произнесений с гласным полного образования при ударной первой основе обычно выше, чем с редуцированным, хотя и встречаются случаи произнесения с редуцированным: *мѐте[o]наблюдения* (30 %) и *мѐте[a³]наблюдения* (20 %), притом остальные 50 % произнесли слово без побочного ударения, но с гласным полного образования: *мете[o]наблюдения*; *мѐте[o]грамма* (30 %) и *мѐте[a³]грамма* (20 %), но *мете[o]грамма* (50 %); *мѐте[o]карта* (30 %) и *мѐте[a³]карта* (20 %), но *мете[o]карта* (50 %). Некоторые слова респонденты старшей возрастной группы при ударной первой основе произнесли только с гласным полного образования: *мѐте[o]патический*, *мѐте[o]рологический*.

В речи же младшего поколения побочное ударение не оказывает никакого влияния на качество гласных при зиянии: *мѐте[o]грамма* (20 %) и *мѐте[a³]грамма* (20 %) (остальные случаи произнесены без дополнительного ударения на первой основе); *мѐте[o]карта* (20 %) и *мѐте[a³]карта* (20 %), *кàрди[o]хирургия* (40 %) и *кàрди[a³]хирургия* (30 %), *пàли[a³]сейсмологический* (100 %).

4. Часто редуцированный безударный гласный, находящийся без побочного ударения, провоцирует произношение безударного гласного в зиянии: *м[и³]те[a³]рология*, *м[и³]те[a³]грамма*, *к[э]рди[a³]склероз*. В большинстве случаев такое произношение с двумя редуцированными гласными свойственно младшей возрастной группе. То есть у говорящего имеется общая установка на редукцию гласных. При этом обратного явления не наблюдается: произношение гласного полного образования в месте потенциального побочного ударения не приводит к обязательному произнесению гласного в зиянии без редукции.

5. В речи младшего поколения при скоплении гласных может редуцироваться даже тот безударный звук, который находится под потенциальным побочным ударением: *зе[a³]логоразведочный*.

6. Сочетания гласных могут стягиваться в один звук. Л. Л. Касаткин выявил, что вероятность стяжения возрастает при увеличении расстояния от сочетания гласных до ударного слога [Касаткин 2008]. Полученный материал подтверждает это: *мет[и³]карта* — 10 %, *мет[и³]патический* — 20 %, *мет[и³]наблюдения* — 30 %.

Л. Л. Касаткин утверждает, что вероятность стяжения уменьшается при более четком произношении звуков в сочетаниях *ea, ia, eo, io, zo*. Это происходит, в частности, «в первой основе сложного слова со второй не связанной основой (т. е. употребляющейся в качестве отдельного слова)» [Там же]. В проведенном эксперименте получены аналогичные данные: *мет[и³]грáмма* — 0 %, *мет[и³]кáрта* — 10 %.

Наличие побочного ударения уменьшает вероятность стяжения: *кáрд[и³]хирургíя* — 0 % и *кард[и³]хирургíя* — 30 %. Следует отметить, что более сильная степень редукции гласного, предшествующего зиянию, провоцирует стяжение, т. е. процент произнесений *к[э]рд[и³]хирургíя* выше, чем *к[а³]рд[и³]хирургíя*.

1.2. Просодические факторы

Влияние акцентного выделения и дополнительного ударения на звуковой облик композитов

Проведенный эксперимент показал, что в первых основах слов, находящихся под акцентом, в первой основе чаще встречается гласный полного образования, хотя возможен и качественно редуцированный. Чем сильнее фразовая позиция, тем сильнее маркирована первая основа, что подчеркивает ее самостоятельность.

Процент произнесений с гласными полного образования в позиции под акцентным выделением обычно выше, чем в позициях под побочным ударением и без просодической выделенности: *м[á]лосолёный* (90 % ст. и ср., 70 % мл.), *м[à]лосолёный* (10 % ст.) и *м[а]лосолёный* (0 %) (случаи произнесения с побочным ударением у ср. и мл. групп не зафиксированы). Необходимо подчеркнуть, что в позиции под акцентным выделением также может встречаться и редуцированный гласный: *м[э]лосолёный* (10 % ст. и ср., 30 % мл.).

Во многих случаях из-за большого количества слогов между основным ударением и потенциальным побочным на первой основе возникает побочное ударение. Редуцированный гласный под побочным ударением чаще наблюдается у средней и младшей групп, чем у старшей: *[с'и³]йсмогеологический* (0 % ст., 20 % ср. и 30 % мл.); *палео[с'и³]йсмогеологический* (20 % ст., 50 % ср. и мл.); *карт[э]фелекопáлка* (0 % ст. и ср., 20 % мл.); *н[э]ртсобрáние* (0 % ст., 30 % ср. и 20 % мл.).

Влияние полного и неполного типа произнесения на сегментный состав первой основы композитов

Н. Д. Светозарова, рассматривая примеры особо четкого произнесения как ударенных, так и неударенных слогов, пишет о явлении «сверхполного», или «гиперполного», типа речи, противопоставляя его как неполному, так и обычному полному типу произнесения [Светозарова 2008].

Применительно к композитам сверхполный тип произнесения вызван спецификой самого материала. Часто такому типу произнесения сопутствует просодическое выделение первой основы. Процент произнесений с

гласным полного образования в этом случае обычно значительно выше, чем с редуцированным, вероятность стяжения гласных при зиянии крайне низка. Что касается неполного типа произнесения, то он присущ скорее младшему поколению. Во многом этим фактором объясняется большой процент редуцированных гласных у людей до 25 лет.

2. Грамматические факторы

Самостоятельность / несамостоятельность второй основы

Не выявлено разницы в качестве гласного первой основы в сложных словах с опорным компонентом, представляющим собой самостоятельное слово, и композитах со второй основой, представленной связанным компонентом: [б'и³]локáменный (100%), [б'и³]ломрáморный (100%), с одной стороны, и [б'и³]лобры́ сый (100%), [б'и³]лошвé йка (100%) — с другой; з[о]сдáча (100% ст. и ср., 90% мл.) и з[о]сстрáх (90% ст., 100% ср., 80% мл.); с[п'э]цфóнд (100%) и с[п'э]цхрáн (100% ст. и ср., 90% мл.).

В отдельную группу следует выделить слова, включающие в свой состав радикалоиды. Модель, по которой образованы такие лексемы, очень хорошо освоена языком: *садовóд, животновóд, овцевóд, лесовóд* и т. д. В результате носители языка уже не воспринимают такие образования как сложные слова, поэтому в первой основе произносится гласный обычной степени редукции.

Количество основ

В композитах с тремя основами при условии четко воспринимающейся границы между частями слова, как правило, первая основа стоит под побочным ударением и находящийся в ней гласный не подвергается качественной редукции: р[à]йвоeнкомáт (100%), р[à]йжилотдéл (100%), м[à]ловодопроницáемый (100%), ст[э]кложeлeзобeтóн (100%). Поведение второй основы в таких словах зависит от степени ее спаянности с опорным компонентом. При слабо воспринимающейся границе побочное ударение обычно отсутствует, гласный же может быть как полного образования, так и подвергаться качественной редукции: мáлов[о]допроницáемый (50%) и мáлов[э]допроницáемый (50%).

3. Лексические факторы

Степень освоенности слова и частотность его употребления

Частотные слова имеют четко прослеживающуюся тенденцию к своего рода опрощению, в результате чего происходит «слияние» основ и сложное слово в звуковом плане оформляется как слово элементарной структу-

ры: м[и³]лколéсье (50 % ст., 70 % ср. и мл.) и м[и³]лкотéмье (30 % ст., 20 % ср. и мл.); м[и³]дсестра́ (100 %) и м[и³]дредáктор (20 % ст., 40 % ср., 60 % мл.). На первой основе редко употребляющегося слова чаще встречается побочное ударение, что само по себе провоцирует употребление нередуцированного гласного.

Иногда в случае частого употребления слово перестает восприниматься как сложное, чему способствует наличие связанного компонента второй основы. В результате безударные гласные в первой основе подвергаются качественной редукации. Во всех нижеприведенных словах редуцированный гласный был произнесен в 100 % случаев тремя возрастными группами: м[э]лосóльный, д[э]мосéд, д[э]мовóдство, д[э]мофóн.

Русская или заимствованная основа

Разница в принципах звукового оформления гласной фонемы в этимологически русских и иноязычных первых основах композитов обусловлена исключительно степенью освоенности и частотностью употребления лексем. Если заимствованная основа хорошо освоена носителями языка и часто употребляется, то фактор ее происхождения не влияет на качество гласного звука в ней.

5. Социолингвистические факторы

Возрастные и гендерные различия

В младшей возрастной группе в подавляющем большинстве слов, допускающих варианты произнесений, зафиксирован более высокий процент гласных с качественной редукацией, чем в старшей и средней: э[и³]нсéк (30 % ст., 60 % ср. и мл.), н[э]намерикани́зм (0 % ст. и ср., 20 % мл.), э[а³]сдáча (0 % ст., 10 % мл.), ге[э^а]логоразвéдчик (0 % ст., 20 % мл.). Примечательно, что это касается не только частотных слов, но и редко употребляющихся, и даже окказионализмов: э[э]сперсо́на (0 % ст. и ср., 10 % мл.), э[э]счеловéк (0 % ст. и ср., 20 % мл.), н[и³]дстудéнт (0 % ст. и ср., 20 % мл.). Такую же картину можно наблюдать и в том случае, когда на первую основу падает дополнительное ударение: с[э]нги́гиени́ст (0 % ст. и ср., 10 % мл.), н[э]намерикани́зм (0 % ст. и ср., 20 % мл.), с[и³]йсмогеоло́гический (0 % ст., 20 % ср., 30 % мл.).

В некоторых случаях представители младшей возрастной группы допускают редукацию бо́льшей степени, чем представители старшего и среднего поколений: н[э]рtdисципlíна, р[э]йсобéс (ср. у ст. и ср.: н[а³]рtdисципlíна, р[а³]йсобéс).

Отдельно следует подчеркнуть, что процент произнесений редуцированных даже в позиции под акцентным выделением у представителей молодого поколения выше, чем у старшего и среднего: м[и³]лкомаситáбный (0 % ст. и ср., 20 % мл.), м[э]лосолéнный (10 % ст. и ср., 30 % мл.).

В речи молодого поколения практически в любой первой основе сложных и сложносокращенных слов может произноситься гласный, подвергшийся редукации, причем он может находиться под дополнительным ударением или акцентом. Во многих случаях подобные «младшие» варианты звукового оформления композитов противоречат лексикографическим рекомендациям, например: [a³]pɣvʲívody, [a³]pɣbáŋk, стр[ə]ŷmateriáлы, тр[ʲə]xрублѐвый, ге[ə]логоразвѐдочный и др. Различий в произношении гласных в первых основах сложных и сложносокращенных слов у мужчин и женщин не обнаружено.

Заключение

В ходе проведения исследования был получен представительный массив фактических сведений о реализации гласных фонем в сложных и сложносокращенных словах. К полученным данным была применена процедура многофакторного позиционного анализа, позволяющая выявить иерархию факторов, способных вероятно предсказать появление конкретных вариантов произношения.

Выяснилось, что реализация гласных в первой основе сложных и сложносокращенных слов зависит от возраста информанта. В речи респондентов молодого поколения практически в любой первой основе сложных и сложносокращенных слов в противоречии с лексикографическими рекомендациями может произноситься редуцированный гласный, причем во многих случаях он может находиться даже в позиции просодической выделенности: под побочным ударением или под акцентным выделением. Речь старшего и среднего поколений более консервативна.

Для каждой из возрастных групп основным фактором, определяющим реализацию гласных фонем, является просодический. Проведенный эксперимент показал, что в словах, находящихся под акцентным выделением, в первой основе чаще встречается гласный полного образования, хотя возможен и качественно редуцированный. Чем сильнее фразовая позиция, тем сильнее маркирована первая основа, что подчеркивает ее самостоятельность и провоцирует появление нередуцированного гласного. В позиции под побочным ударением чаще, чем в просодически нейтральной, встречается нередуцированный гласный. В позиции без акцентного выделения и побочного ударения резко снижается возможность появления гласного полного образования в первой основе сложных и сложносокращенных слов. Полученный материал позволяет сделать вывод, что большинство факторов — фонетических, грамматических и лексических — влияют на реализацию гласных первой основы опосредованно, так как действие этих факторов определяет наличие или отсутствие побочного ударения.

В сложных и сложносокращенных словах уменьшается значение нередуцированных гласных первой основы как показателей самостоятельности

основы, отдельнословности. Отсутствие редукции гласных в первой основе композитов как фонетический признак самостоятельности слова для аналитических прилагательных на современном этапе развития языка перестает быть релевантным. Это может свидетельствовать о том, что самостоятельность первой основы в композитах с течением времени становится все менее очевидной для носителей языка; в системе «младшей» нормы первые основы меньше, чем в речи старшего поколения, стремятся к выражению «самостоятельности».

Если бы грамматические особенности в подсистеме сложных и сложносокращенных слов (стремление к аналитизму и агглютинативности) продолжали диктовать фонетике направление пути ее развития, то можно было бы ожидать, что мы увидим картину прямо противоположную. Полученные же результаты позволяют сделать вывод, что если грамматический фактор в данной подсистеме и влиял на произношение, то только на начальном этапе массового появления композитов.

Л и т е р а т у р а

Аванесов 1974 — Р. И. А в а н е с о в. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.

Гловинская и др. 1971 — М. Я. Г л о в и н с к а я, Н. Е. И л ь и н а, С. М. К у з ь м и н а, М. В. П а н о в. О грамматических факторах развития фонетической системы современного русского языка // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971. С. 20—32.

Каленчук, Касаткина 1997 — М. Л. К а л е н ч у к, Р. Ф. К а с а т к и н а. Словарь трудностей русского произношения. М., 1997.

Касаткин 2008 — Л. Л. К а с а т к и н. Произношение сочетаний ЕА, ИА, ЕО, ИО, ЭО в современном русском литературном языке // Язык современного города: Тез. докл. междунар. конф. «Восьмые Шмелёвские чтения». М., 2008, С. 74—75.

Крысин 2000 — Л. П. К р ы с и н. Новые аналитические прилагательные и явления хиатуса // Активные языковые процессы XX в.: Тез. докл. междунар. конф. IV Шмелёвские чтения. М., 2000. С. 97—99.

Николаева 1982 — Т. М. Н и к о л а е в а. Семантика акцентного выделения. М., 1982.

Панов 1971 — М. В. П а н о в. Об аналитических прилагательных // Фонетика. Фонология. Грамматика. М., 1971. С. 240—253.

Реформатский 1999 — А. А. Р е ф о р м а т с к и й. Введение в языковедение. 5-е изд. М., 1999.

Русский язык и советское общество 1968 — Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / Под ред. М. В. Панова. М., 1968.

Светозарова 2008 — Н. Д. С в е т о з а р о в а. О полном и сверхполном типе произнесения и его отражении в тексте художественного произведения // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М., 2008. С. 787—797.

Е. В. КОРПЕЧКОВА

РАЗВИТИЕ АРХАИЧЕСКИХ ТИПОВ ВОКАЛИЗМА В ГОВОРАХ СЕВЕРА БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ*

Важным в изучении говоров южнорусского наречия является вопрос о происхождении и развитии различных моделей диссимилятивного вокализма.

Некоторые типы диссимилятивного аканья и яканья могут существовать в говорах при различении семи фонем под ударением. В таких случаях можно говорить о фонетической зависимости: качество гласного в первом предударном слоге обусловлено гласным под ударением, что наблюдается в говорах с архаическим аканьем, а также архаическим яканьем обоянской и задонской разновидности.

После утраты семифонемного вокализма начинается изменение всей системы гласных. Распределение звуков [и] и [а] в первом предударном слоге перед ударными /о/ и /е/ уже не обусловлено особенностями фонетической позиции.

Таким образом, типы диссимилятивного вокализма в современных говорах существуют в двух видах: в виде фонетически закономерного диссимилятивного яканья и в виде фонетически не закономерного [Захарова 1971: 4—5]. В частности, нефонетическими являются суджанский и щигровский типы яканья.

Процесс изменения предударного вокализма, связанный с переходом к пятифонемной системе гласных, происходит неодинаково в разных говорах. В ряде случаев в слоге перед слогом с ударными гласными среднего подъема дольше сохраняются гласные, свидетельствующие об архаической основе, в других, напротив, появляются гласные, не характерные для архаической модели.

В рамках нефонетических типов яканья (обоянского, щигровского) выделяются разновидности в зависимости от характера и количества грамматических категорий, в которых произносится тот или иной звук в первом предударном слоге [Захарова 1971: 7—10].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН (проект «Фонетические “отцы” и “дети” начала XX века. Стабильность и изменчивость произносительных норм»).

Зачастую система вокализма говора не укладывается в рамки одного типа: в слоге перед слогом с ударными гласными среднего подъема отмечается чередование гласных, не обусловленное фонетическими условиями.

Для выяснения, какие факторы влияют на выбор звука в этой позиции и, следовательно, на выбор того или иного пути развития вокалической системы в целом, необходим детальный анализ говора, рассмотрение множества случаев словоупотребления. При этом важно учитывать не только варианты произношения, подчиняющиеся общей модели говора, но и случаи отклонений от нее.

Для анализа были выбраны говоры двух населенных пунктов Белгородской области: с. Берёзовка Ивнянского района (жиздринское аканье, дмитриевское яканье) и с. Присынки Губкинского района (сильное аканье, щигровское яканье), в системе вокализма которых проявляется единая основа — диссимильативное аканье и яканье обоянской разновидности.

Оба выбранных населенных пункта входят в число сел, обследованных в 50-е гг. XX в. для Диалектологического атласа русского языка. Рукописные материалы с результатами этих обследований были привлечены в данной работе для сравнения с современным состоянием говора. Таким образом, были проанализированы данные, полученные от двух возрастных групп информантов — старшей (1900—1920 г. р.; по материалам ДАРЯ и аудиозаписям) и младшей (1930—1940 г. р.; аудиозаписи).

I. Первый из исследуемых населенных пунктов — с. Присынки — расположен на северо-востоке Белгородской области, в 10 км западнее г. Губкина. Село было обследовано трижды: в 1952 г. в ходе сбора материала для ДАРЯ (рукописные тетради, комплект № 448-Юг); в 2000 г. сотрудниками Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН Е. В. Щигель и Д. М. Савиновым; в 2008 г. автором работы (аудиозаписи, в общей сложности около 15 часов).

По данным ДАРЯ этот говор характеризуется сильным аканьем и диссимильативным яканьем жиздринского типа.

Система ударного вокализма в говоре с. Присынки представлена пятью фонемами. Однако в некоторых словах в сильной фразовой позиции было отмечено произношение особого звука под ударением на месте /о/. Особый [o] в речи старшей группы информантов встречается на месте *o¹: z[ōō]da, z[ōō]-ловы, z[ōō]лода, никакz[ōō]; в единичных случаях на месте *o: отx[ōō]ды. Произношение этого звука в речи младшей группы информантов не связано с его этимологией, он наблюдается как на месте /о/ из *o, *ъ: z[ōō]пу, z[ōō]ре, z[ōō]д, к[ōō]ля, х[ōō]д, так и на месте /о/ из *o к[ōō]вишик, к[ōō]жечка². Вне

¹ Этимология o определена в соответствии с методическими указаниями к «Программе собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка». М., 1957. С. 91—98.

² Кожаный ремень, соединяющий части цепа.

зависимости от возраста особый [o] был отмечен только в позиции после заднеязычных согласных. Подобная особенность произношения отмечается и в говорах других населенных пунктов юга России. Возможно, особый гласный является рефлексом предшествующего различия двух *o*, разных по происхождению. Как писал С. С. Высотский, «единое [э], не адекватное по уровню подъема литературному языку», отмечается «в тех зонах, где на памяти двух-трех поколений или еще раньше было два разных *o*: *o*-закрытое и *o*-открытое» [Высотский 2009: 104].

В материалах к ДАРЯ³ зафиксировано произношение [a] в первом предударном слоге независимо от того, какой гласный произносится под ударением:

перед ударным [a]: *пауна́л'и, пажáр, састáр'ил'и, сазва́ла, тава́рышы, бал'на́жа, напра́в'ил'ис', трахтарá, сарва́лаа, ун'истажа́жу, к'илаура́м, важжа́, па дама́м, бара́н, анба́р, трава́, дава́т', сказа́л, мали'а́ла; — стька́н;*

перед ударным [o] из *ω, *o, *ъ, *e: *дахтаро́ў, вазо́ў, валко́ў, ў ста-ло́ваи, забóта, забóр, сапо́х, каро́ва, даро́шк'и, харашо́, здаро́ўжа, слабо́дна, даво́л'ин, пало́ла, варо́т'иш, пастро́ил'и, распало́жутца, дал'о́ка, бан'б'о́шка;*

перед ударным [e] из *Ъ, *ь и *e: *хат'э́лас', и'илав'э́ка, с'ил'сав'э́т, пр'ибал'э́л, нау'э́, сав'я́ (совьэ́т), сас'э́т, па-па́д'з'эм'ишиу;*

перед ударными [и], [ы], [у]: *пау'и́бла, ваз'и́л'и, даб'и́ца, сматр'и́т'а, скат'и́ну, рукава́д'и́т'ил', распла́д'и́лас', мау'и́ла, сваи́м'и, я́вар'и́т', васп'и́тыват'; вады́, кладау́шы́к, налажа́ы́ла; палу́ч'иш, мауу́; кар'м'у́, двају́раднай́.*

Отмечено только одно исключение — произношение [э] перед ударным [a] в слове *ст[ъ]ка́н*. На основе приведенных выше данных тип предударного вокализма в говоре определен как сильное аканье.

Аудиоматериал позволяет скорректировать данные комплекта: звук в первом предударном слоге перед слогом с ударным *a* в говоре отличается от звука в слоге перед остальными гласными. В большинстве случаев это [э], встречается также [a]-узкое, противопоставленное более широкому [a] в остальных позициях:

перед ударным [a] ([ʼa]): *п[э]ста́вили, гр[э]за́, хр[э]ма́я, с[э]ра́й, к[э]на́ве, вор[э]ва́ть, н[э]ча́ми, к[э]са́ми, х[э]зя́йство, гл[э]за́, трудн[э]ва́тая, д[э]ва́ли, нед[э]ста́тки, б[э]га́тая, н[э]ста́вишь, н[э]шла́, зак[э]па́ють, мор[э]зя́ка, н[э]ча́ли, б[э]я́ться; пок[a]за́лась, доз[a]да́лись, к[a]тла́.*

В позиции перед ударными [и], [ы], [у], [o], [e] в звучащей речи произносится [a], исключений не отмечено:

перед ударным [o] из *ω, *o, *ъ, *e: *с[a]ло́му, н[a]ло́в, д[a]мо́й, с[a]ле́ный, з[a]ло́вки, х[a]до́к, пл[a]то́чек, з[a]ршо́к, д[a]мб́чки, [a]вэ́с, пор[a]се́ночек, н[a]де́ргать;*

³ В написании примеров отражена орфография источника.

перед ударными [и], [ы], [у]: к[а]р^мить, ост[а]л^ися, Р[а]сс^ия, к[а]п^усту, к[а]д^ушках, п[а]л^ю, п[а]й^ду, гол[а]в^ы, св[а]т^ы, в[а]й^ны;

перед ударным [е] из *ѣ, *ь и *е: к[а]с^ьб^е, дв[а]р^е, чел[а]в^{ек}, п[а]э^хать, п[а]в^{ес}ил, хол[а]д^ец, кл[а]д^ешь, н[а]п^ьётся.

Произношение гласного в приставках и предлогах, не имеющих самостоятельного ударения, в том случае, если они оказываются в позиции первого предударного слога, в целом подчинено той же закономерности, однако по сравнению с самостоятельными словами [а]-узкое встречается несколько чаще, чем [э]:

перед ударным [а] произносится [э] или [а]: н[э]п^аре, н[э]к^рай, н[э]п^алку, н[э]м^аслину, н[э]х^ати, н[э]п^раздник, д[э]я^ра, н[э]с^вятки; н[а]п^амятнику, з[а]л^апки, н[а]б^абровке, н[а]п^альцу, н[а]г^азе; н[а]я^ащичу.

Перед остальными звуками всегда произносится [а]:

перед ударным [е] из *ѣ, *ь и *е: н[а]с^ено, п[а]с^ету, п[а]д^еду, п[а]д^евкам, н[а]м^есяц, п[а]д^ести, н[а]м^ельницу, н[а]п^ечку;

перед ударными [и], [ы], [у]: н[а]м^исочке, н[а]у^илицу, н[а]к^ухне, з[а]у^игол, з[а]у^ихо;

перед ударным [о] из *ѡ, *о, *ь, *е: н[а]п^од, с[а]м^ою, д[а]н^ог, н[а]д^овр, н[а]ст^ол; н[а]л^ошадь, н[а]сл^ожную, з[а]с^оху, д[а]с^олнца.

Таким образом, тип аканья, характеризующий произношение предударного гласного как в самостоятельных словах, так и в приставках и предлогах, — диссимилятивный жиздринской разновидности.

В позиции после мягкого согласного в говоре отмечен щигровский тип диссимилятивного яканья, но как в материалах ДАРЯ, так и в аудиозаписях наблюдается значительное число отступлений от общей модели:

перед ударным [а] ([’а]): ДАРЯ: ст’ин^а, пш’ил^а, р’ик^а, сл’из^а, с’ин^ца, з’ирн^а, кал’ис^а, м’ишк^а, ш’ис^а, к д’ид^ам, пь д’ир’у^н’ам, з’ д’ит’ам’и, т’в’ит^ам’и, у д’ил^ах, т’ил’атк’и, р’иб’ат, т’у^ат’, св’из^ат’, см’у^ац^а, с’юд’ат’, ур’из’н’ат’, задр’им^ала, заб’иж^ал’и, пам’иш^ал’и, пан’ил^а, н’исл^а, в’из^анку, п’ит^ак, у^суд^а, н’ил’з^а;

аудиозаписи: с[’и]стр^а, з[’и]м^ля, с[’и]м^ья, св[’и]кр^ами, дв[’и]р^ями, сл[’и]п^ая, стр[’и]в^ать, в[’и]з^ала, прод[’и]р^жала, п[’и]к^ла, н[’и]л^ьз^я, н[’и]х^ай; [йи]г^нятками, т[’и]л^яты, в[’и]т^ряга, тр[’и]т^ьяк, з[’и]м^лянки, чер[’и]п^ная, од[’и]яла, кр[’и]ст^ьяне, п[’и]т^надцати;

перед ударными [и], [ы], [у]: ДАРЯ: з’амл’и, у с’ам’и, у ур’аз’и, м’ашк’и, ма^{ст}ар’ица, з’имл’ан’ика, р’иб’ат’ишак, в’ал’ика^а, л’ач’ит’, п^аб’ауиш, ул’ад’ит’, вр’ад’ит’, т’ал’ил^{ас}, з^ат’амн’ил’и, у^з’ал’ис’, п^{ав}’азл’и, н’асл’и, ул’ад’ит’а, у^п’ир’ад’и, д’ис’ат’и, ч’ат’ыр’и; у сн’ауу, у м’ашку, п^а п^л’ач’у, т’алуш^{ку}, п’ату^х, сл’ату^я, с’ад^уя, п’ак^у, б’ауу, ст’ир’ауу, б’арут’, ув’азут’, д’арут^{ца}, бр’ахнул, св’арну^{ла}, п^ат’ану^{ла}, н’иш’аму, к ш’аму; с’астры, тр’и в’арсты, с в’асны, д’ады, р’ады, ш’асы, сл’ап^цы, т’в’аты, сл’ап^ых, н’ам^ых, л’ажыт’;

аудиозаписи: д[’а]т^ми, ветр[’а]к^и, по[’йа]ск^и, п[’а]н^ки, м[’а]шк^и, т[’а]л^иась, [йа]д^им, [йа]й^чка, п[’а]к^ли, перев[’а]л^и, посм[’а]л^и, напр[’а]д^и,

зл[ʼа]ди́, дев[ʼа]ти́, тр[ʼа]пи́чники; зв[ʼа]зду́, с[ʼа]стру́, [йа]му́, в[ʼа]ку́, ку-р[ʼа]нью́, руб[ʼа]лю́, с[ʼа]лу́, л[ʼа]зу́шки, т[ʼа]лу́шки, подм[ʼа]шу́, кип[ʼа]чу́, нал[ʼа]плю́, заб[ʼа]ру́ть, отпр[ʼа]ду́ть, прин[ʼа]су́ть, см[ʼа]жу́ться, поч[ʼа]-му́, нав[ʼа]рху́; с[ʼа]стры́, [йа]ды́, цв[ʼа]ты́, шерст[ʼа]ны́е, звен[йа]вы́е, ч[ʼа]ты́ре; — ч[ʼи]ты́рнадцать, ч[ʼи]ты́рнадцатого;

перед ударным [е] (из *ѣ): ДАРЯ: у с'астр'е́, у́ в'адр'е́, н'ав'еска, н'ам'е́ют', ул'ад'ела́; — пр'им'е́й даро́га, пр'ул'ид'елас';

аудиозаписи: в сент[ʼа]брé, зв[ʼа]не́, т[ʼа]рпéть, бл[ʼа]стéли, л[ʼа]тéли, пот[ʼа]мнéл, загр[ʼа]мéл, т[ʼа]рпéла, ч[ʼа]стнéй, поб[ʼа]лéй, н[ʼа]вэ́стки, н[ʼа]дéль, н[ʼа]вэ́сту, в[ʼа]рéтья, ал[ʼа]ксéями;

перед ударным [е] (из *е, *ѣ): ДАРЯ: д'ише́ул'и, д'ир'е́ун'а, с'т'ир'е́ш', п'ик'е́ш, жи́ш мéн', с'им'е́йк'а, з'им'е́лк'и; — м'ат'е́т', с'т'ир'ау́еши;

аудиозаписи: в[ʼи]чéрить, дер[ʼи]вénскому, кр[ʼи]ицéнья, пл[ʼи]тéшь, н[ʼи]бéсная, прин[ʼи]сéшь, прин[ʼи]сé, д[ʼи]рэвня, т[ʼи]пéрь, пр[ʼи]дéт, с[ʼи]мéйство, д[ʼи]тéй, м[ʼи]тéт, под[ʼи]шéвлело, соб[ʼи]рéмся, б[ʼи]рéт-ся, пр[ʼи]дéшь, стер[ʼи]гéшь; н[ʼи]тéлечку, в[ʼи]ицéй, ст[ʼи]рéчь;

перед ударным [о]: ДАРЯ: н'ис'о́ш, пл'ит'о́м, с'ис'т'о́р, в'из'о́т', в'ир'о́вши ку, р'иб'о́наш'кау́, м'ит'о́лкажу́, заб'ир'о́т', з'ил'о́н'ин'к'ий, м'ит'о́т', д'ин'жо́нак, д'ин'о́ш'ик, ст'ир'у'о́м, д'ин'о́ш'ка, у п'ил'о́наш'-к'и, н'а б'ир'о́з'и, з'ит'jо́у, пр'ид'о́т', д'ишо́выи;

аудиозаписи: р[ʼи]бéночка, с[ʼи]рéжка, л[ʼи]пéшику, з[ʼи]лéный, коч[ʼи]-рéжка, жер[ʼи]бéночка, м[ʼи]тéлку, с[ʼи]рéдке, вл[ʼи]рéд, в[ʼи]рéвки, в[ʼи]-рéвкой, в[ʼи]дéрок, нар[ʼи]жо́ная, т[ʼи]жо́лый, ч[ʼи]твэ́ртого, пл[ʼи]тéные, сел[ʼи]знéв; — кис[ʼа]лэ́в, з[ʼа]млéй, н[ʼа]нэ́к, за пл[ʼа]чó;

перед ударным [о] из *о, *ѣ: ДАРЯ: п'ишкóм, к'ип'итóк, м'ишóк, в'идрóм, за р'иднóм, с'идо́й стар'ик, сл'ипо́й, п'ицóт; — қат'ало́к;

аудиозаписи: св[ʼи]крóвьина, св[ʼи]крóвью, св[ʼи]крóвьях, св[ʼи]кóльные, б[ʼи]гóм, н[ʼи]сóк, м[ʼи]шóк, б[ʼи]лóк, д[ʼи]дóк, б[ʼи]лкóм, цв[ʼи]тóчках, вос[ʼи]мьсóт, н[ʼи]тьсóт; — св[ʼа]крóвья, н[ʼа]шкóм, в[ʼа]рхóм, д[ʼа]дóк, св[ʼа]тóк, сн[ʼа]жóк, вет[ʼа]рóк, р[ʼа]дóчек, б[ʼа]лóк, м[ʼа]шóк, б[ʼа]лкóм, м[ʼа]шкóм, м[ʼа]джóм, р'им[ʼа]шкóм, цв[ʼа]тóчками, з[ʼа]рнóм, [йа]йцóм, с[ʼа]рпóм, глухон[ʼа]мо́й, н[ʼа]мо́й, шерст[ʼа]но́й, сл[ʼа]но́й;

перед ударным [о] из *ω: ДАРЯ: з'арнó, с'алó, п'атнó, р'аднó, в'адрó, ун'аздó, в'асно́у, р'акóу, хл'аб'о́у, см'алó, п'аклó, разв'алóс', дав'алóс', уар'иш'о́, к маст'арскóй, к пл'им'анно́й, к н'амóй, на жау́;

аудиозаписи: пом[ʼа]лó, с[ʼа]лó, ст[ʼа]клó, в[ʼа]дрó, р[ʼа]днó, с[ʼа]длó, з[ʼа]рнó, ч[ʼа]сóв, цв[ʼа]ткóв, р[ʼа]дóв, с с[ʼа]стрóй, н[ʼа]трóва, бел[ʼа]кóва, звень[йа]во́й (ж. р., Т. п.), в[ʼа]сно́й, сн[ʼа]слó; — с[ʼи]лó, с[ʼи]дьямо́й (ж. р.), с[ʼи]дьямо́м.

Перед гласными верхнего и нижнего подъёмов в первом предударном слоге принцип диссимиляции прослеживается последовательно: в первом предударном слоге перед слогом с ударными [и], [ы], [у] произносится [а], а перед слогом с ударным [а] — [и]. Регулярно встречаются варианты в произношении числительных *четыре* и *четырнадцать*. Появление [и] перед

ударным [ы] в числительных не прослеживается постоянно: ч[’и]т^ырнадцать, ч[’и]т^ырнадцатого в говоре произносится наряду с закономерным ч[’а]т^ыре, ч[’а]т^ырнадцать. Произношение [и] перед ударным [ы] в этих словах, также являющееся отступлением от общей модели, наблюдается и в других южнорусских говорах с диссимилятивным яканьем [Захарова 1959: 19].

В первом предударном слоге перед слогом с ударными гласными среднего подъема, по всей видимости, еще не утвердилось произношение того или иного гласного. Отмечается большое количество отступлений от общей системы щигровского яканья в отдельных словах и грамматических формах, варианты произношения одной и той же словоформы.

Перед ударным [е] разного происхождения зависимость от этимологии гласного сохраняется достаточно последовательно.

Появление [а] перед слогом с ударным [е] из *е наблюдается лишь в глаголах с ударными личными окончаниями: м[’и]м^ет и м[’а]м^ет, стер[’и]г^ешь и стер[’а]г^ешь.

Редко отмечаются варианты произношения гласного перед слогом с ударным [е] из *ѣ: пригл[’и]д^елась и гл[’а]д^ела, пр[’и]м^ей (дорога) и ч[’а]стн^ей.

Перед [’о] из *е наряду с обычным [и] может произноситься [а] в падежных окончаниях и суффиксах существительных, в притяжательных прилагательных с суффиксом -ов (в том числе и в фамилиях, восходящих к притяжательным прилагательным): з[’а]мл^ей, пл[’а]ч^о, п[’а]н^ек, кис[’а]л^ев. В этих формах под ударением на месте исконного *о появлялась *ω в результате действия грамматической аналогии под влиянием гласного в словах твердой разновидности. В слоге перед ударной *ω, появившейся таким образом, как и перед слогом с исконной *ω, в некоторых типах яканья согласнo диссимилятивному принципу в первом предударном слоге отмечается [а]. После утраты особой *ω гласный [а] в первом предударном слоге сохранился [Аванесов 1949: 93—94; Захарова 1959: 11].

В позиции перед ударным [о] из *ω преобладает произношение [а] в первом предударном слоге. Исключением является существительное село, которое может произноситься как с [а], так и с [и] с равной частотой.

В первом предударном слоге перед слогом с ударным [о] из *о, *ѣ отмечается наибольшее количество отступлений. В ряде случаев произношение одного и того же слова допускает варианты даже в речи одного информанта. Так, например, встречается произношение д[’и]д^ок и д[’а]д^ок, б[’и]лк^ом и б[’а]лк^ом, цв[’и]т^очках и цв[’а]т^очками в пределах одной полуторачасовой записи.

В результате анализа примеров были выявлены следующие особенности распределения гласных в первом предударном слоге.

Преобладает произношение [а] у информантов как младшей, так и старшей возрастной группы в следующих формах:

а) в форме Т. п. существительных мужского и среднего рода: [йа]йц^ом, з[’а]рн^ом, с[’а]рн^ом. У существительных среднего рода в форме И. п.

ударный [о] восходит к **ω*, и в слогe перед ним после мягкого согласного произносится [а]. Единственная форма с ударным [о] из **ъ* — форма Т. п. ед. ч. — испытывает, по всей видимости, влияние формы И. п., из-за чего в говоре произносится [а] в первом предударном слогe и в этой форме.

б) в форме И. п. прилагательных мужского рода: *шерст[’а]но́й, сл[’а]-но́й, н[’а]мо́й*.

В формах косвенных падежей имени прилагательного всех родов ударный [о] восходит к **ω*, и в соответствии с диссимилиативным принципом в слогe перед ним произносится [а]. Единственная форма имен прилагательных, имеющая под ударением [о] из **ъ* — это форма И. п. ед. ч. м. р. и ср. р. Под влиянием аналогии с формами косвенных падежей форма И. п. ед. ч. в говоре последовательно произносится с [а] в первом предударном слогe.

в) произношение [а] также преобладает в наречиях: *в[’а]рхо́м, н[’а]шко́м, б[’а]го́м* (но *б[’и]го́м*), варианты с [и] встретились в речи только одного информанта старшей возрастной группы — женщины 1912 г. р.

г) В формах И. п. и т. п. существительных, оканчивающихся на *-ок* и легко соотносимых с основами существительных без этого суффикса, произносится [а]: *св[’а]то́к, д[’а]до́к, сн[’а]жо́к, рем[’а]шо́к* (*свет, дед, снег, ремень*) у информантов младшей возрастной группы; также отмечены единичные варианты с гласным [и] в речи старшей группы информантов: *кип[’и]то́к; д[’и]до́к*.

Преобладает произношение [и] у информантов старшей возрастной группы и произношение [а] у информантов младшей возрастной группы в первом предударном слогe в следующих случаях:

а) В Р. п. местоимений типа *его* [’и] преобладает в речи старшего поколения информантов: [йи]го́, ч[’и]го́, *нич[’и]го́*; — [йа]го́, [а] — речи информантов младшей возрастной группы: [йа]го́, ч[’а]го́, *вс[’а]го́*; — *нич[’и]го́*. Исконным является произношение [и] в соответствии с этимологией ударного гласного — *о*-открытого [Савинов 2002: 261].

б) В формах И. п. и т. п. существительных, оканчивающихся на *-ок*, не соотносимых с существительными с основой без *-ок*: *н[’и]со́к, б[’и]ло́к*; и в форме Т. п. от них *б[’и]ло́м* в речи информантов старшей группы преобладает [и]; в речи информантов младшей группы чаще произносится в этой позиции [а]: *б[’а]ло́к, м[’а]шо́к, б[’а]ло́м, м[’а]шко́м*.

Меньше всего случаев появления [а] в словах с ударением на основе: существительном *св[’и]кро́вью*, прилагательном *св[’и]ко́льный*, а также у числительных: *н[’и]тьсо́т, вос[’и]тьсо́т*. Произношение *св[’а]кро́вья* встречается в единичных случаях, как правило, в речи молодого поколения информантов, в частности женщины 1937 г. р. В связи с этим можно сделать вывод, что позиция в корне слова, не допускающая чередований гласного под ударением при словоизменении, остается наиболее устойчивой к появлению [а].

Анализируя систему гласных фонем в первом предударном слогe после мягких согласных в говоре и, в частности, характер отступлений от этой

системы, можно прийти к выводу, что, сохраняя черты старого распределения гласных в первом предударном слоге, характерного для обоянского типа яканья, (произношение [и] перед слогом с ударным [о] из **o*, **ь*), говор приобретает с течением времени новые особенности (появление [а] перед слогом с ударным [е] из **e*, перед слогом с ударным [о] из **o*, **ь*). Произношение [и] или [а] в первом предударном слоге встречается с разной частотой в зависимости от формы слова.

Таким образом, на выбор гласного в первом предударном слоге в этом говоре влияет тенденция к выравниванию основ, которая затрагивает парадигмы существительных и прилагательных. Слова с постоянным ударением на основе, не испытывающие этого влияния, сохраняют предударный гласный в соответствии с этимологией ударного.

Система гласных фонем, представленная в произношении предлогов, приставок, частиц, оказывающихся в положении первого предударного слога, не испытывает действия названных факторов и в силу этого резко отличается от ситуации в самостоятельных словах:

перед ударным [а] (['а]): б['и]з *па́мяти*, б['и]з *ма́тери*, б['и]з *спра́вочки*, н['и] *ба́йковая*, н['и] *ста́ла*, н['и] *на́до*, н['и] *да́л*, н['и] *пла́чу*, н['и] *на́йдешь*, н['и] *бра́ли*, н['и] *стра́шно*, чер['и]з *гра́бли*, чер['и]з *ха́ту*; н['и] *ля́жешь*, н['и] *ся́дутъ*, н['и] *я́сно*, н['и] *пря́ла*;

перед ударными [и], [ы], [у] (['у]): н['а] *при́мутъ*, н['а] *ми́ло*, пер['а] *би́ли*, н['а] *ви́жу*, н['а] *сы́плю*, н['а] *ды́шим*, н['а] *си́и́тая*, пер['а] *ры́бу*, б['а]з *мы́льца*; н['а] *у́чит*, б['а]з *му́жа*, н['а] *ху́же*; н['а] *чу́ю*, н['а] *пью́т*, б['а]з *ю́бки*;

перед ударным [е] из **e*, **ѣ*: н['а] *ре́залась*, б['а]з *хла́ба*, пер['а] *ме́нки*, н['а] *де́вочка*, н['а] *э́здила*, н['а] *съя́ла*, пер['а] *ре́зала*, н['а] *ве́рь*, чер['а]з *ле́с*; н['а] *гре́бала*, н['а] *ле́зла*, б['а]з *пе́нши*; пер['а] *сче́т*, б['а]з *те́тки*, н['а] *ше́л*, пер['а] *д све́кром*, чер['а]з *че́рный*;

перед ударным [о] из **o*, **o*: чер['а]з *по́лог*, н['а] *по́мню*, н['а] *хо́чутъ*, н['а] *го́нит*; н['а] *ко́нчила*, н['а] *тро́нута*, пер['а] *со́хли*, н['а] *ро́дный*, пер['а] *д бо́гом*, чер['а]з *по́ле*, чер['а]з *го́д*.

Предлог, приставка или отрицание может оказаться в позиции первого предударного слога перед любым ударным гласным, следовательно, распределение гласных не может испытывать влияние тех же тенденций, что и у самостоятельных слов. В этой позиции перед гласными среднего и верхнего подъёмов произносится звук [а].

Особенности распределения гласных в первом предударном слоге позволяют предположить, что на основе щигровского типа яканья в говоре развивается жиздринский тип, причем именно жиздринское яканье наблюдается в произношении приставок, предлогов и отрицаний.

II. Второй населенный пункт — с. Березовка Ивнянского района Белгородской области — расположен в 60 км от г. Белгорода, на северо-западе области. Село было обследовано дважды: 1952 г. в ходе сбора материала-

ла для Диалектологического атласа русского языка (рукописные тетради, комплект №492-Юг) и в 2006 г. группой студентов Московского гуманитарного педагогического института под руководством сотрудников Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (аудиозаписи, в общей сложности около 30 часов).

По данным ДАРЯ этот говор характеризуется сильным аканьем и диссимилятивным яканьем дмитриевского типа.

Под ударением в говоре различаются пять гласных фонем. В единичных случаях в сильной фразовой позиции был зафиксирован особый [e] на месте *e* из *ѣ: *челов[[̣]ѣ̣]к, забол[[̣]ѣ̣]л*.

В позиции после твердых согласных по материалам Атласа в этом говоре отмечается диссимилятивное аканье жиздринского типа с произношением в первом предударном слоге [a³] перед слогом с ударным *a* и [a] в остальных случаях:

перед ударным [a] ([[̣]a]): *ска[̣]зál'и, скла[̣]дáйут', ста[̣]кán, ба[̣]рáны, ва[̣]н'áйа, та[̣]дá, н'и дьда[̣]лá;*

перед ударным [o] из *ω, *o и *ъ, *e: *дамнó, вало́у, забóта, сапóх, аднао́у, ув аднóм, дал'óка;*

перед ударным [e] из *e, *ѣ: *бал'éйа, стьран'é, у с'ел'сав'ét'a, мау'ét';*

перед ударными [и], [ы], [у] ([[̣]у]): *тънар'úшиша, валы́, палы́н', свайу́, пашл'út', н'икаму́.*

Звуковой материал, собранный в 2006 г., позволяет уточнить эти данные.

Перед ударным гласным нижнего подъема *a* обычно произносится звук [ə], реже — более открытый [a]. Перед гласными верхнего подъема всегда отмечается широкий [a]; этот же гласный обычно фиксируется и перед ударным *e* (из *e и *ѣ). Перед гласным *o* любого происхождения (несколько чаще перед *o* из *o и *ъ) отмечаются звуки [a] и более узкий [a], приближающийся по качеству к предударному гласному, находящемуся в позиции перед ударным [a]. Изредка в этом случае фиксируется звук [ə]:

перед ударным [a] ([[̣]a]): *к[ə]нáли, др[ə]вáми, дор[ə]гáя, пом[ə]гáю, с[ə]мáные, з[ə]мáшние, н[ə]гá, н[ə]жáлуйста, бр[ə]сáють, забр[ə]лá, м[ə]глá, н[ə]лjá, ст[ə]яла, н[ə]шлá, б[ə]лjáт, д[ə]я́рок, сн[ə]пáми, с[ə]я́ны, м[ə]я́; отк[а]зáлась, пор[а]сáта, поз[а]брáла, с[а]рáю, к[а]сáми, к[а]пнá, кар[а]вáй;*

перед ударным [o] из *ω, *o, *ъ, *e: *б[а]гнó, б[а]лшóе, дор[а]гóе, зол[а]тóе, дор[а]гóго, к[а]рóвку, за р[а]бóту, м[а]лóже, дор[а]гóго, с[а]лóма, з[а]кóнчил, н[а]тóм; пл[а]ткóм, пл[а]тóчку, б[а]лшóй (м. р.), сн[а]пóчки, ш[а]фёр, к[а]тёнок.*

Перед остальными гласными в первом предударном слоге произносится [a], исключений не отмечено:

перед ударным [e] из *e, *ѣ: *[а]бéd, [а]дéжду, в к[а]лéночки, н[а]éла, н[а]éхал, чел[а]вéк, р[а]здéлся, на г[а]рé, н[а]рéзала, н[а]вёсился, с[а]сéd, в[а]éнное.*

перед ударными [и], [ы], [у] (['у]): [а]д^ин, [йа]д^инный, в[а]д^ила, в[а]з^ими, в[а]с^ими, д[а]й^ила, к[а]р^имила, м[а]й^и, маг[а]з^ин, М[а]р^иночку, мол[а]т^или, мол[а]т^илка, н[а]с^ила, отд[а]х^ини, п[а]г^ибла, пад[а]ш^или, пол[а]-ж^ил, прих[а]д^или, пров[а]р^ила, р[а]д^или, р[а]д^имый, расск[а]ж^ите, ст[а]йт, ст[а]р^инное, сxor[а]н^ила, сxor[а]н^или, тракт[а]р^ист, тракт[а]р^исткою, х[а]д^ила, хор[а]н^ить; св[а]ю, пр[а]д^укт, м[а]г^у, п[а]м^у, п[а]й^у; м[а]ш^ину.

Исходя из этого, модель вокализма этого говора после твердых согласных можно охарактеризовать как жиздринское диссимилятивное аканье с элементами (перед ударным [о]) прохоровского диссимилятивного аканья.

В приставках и предлогах, оказывающихся в положении первого предупредительного слога, так же как и в самостоятельных словах, возможно произнесение узкого [а] или, реже, [э] в положении первого предупредительного слога перед следующим слогом с ударным [а] или [о] любого происхождения, в остальных случаях произносится [а]-широкое:

перед [а]: н[э] б^абку, н[э] ст^арую, н[э]м^аслишь, д[э] Кл^авки, з[э] М^анею, з[э] н^ами, з[э] х^ату, н[э] п^ять, р[э]зв^яжутъ; н[а] п^аску, [а]т^а п^альца, н[а] д^альный, д[а] кл^адки, н[а] н^ашем, н[а] п^раздники, н[а] св^адьбу, н[а] т^рактору;

перед [о] из *ω, *о и *ъ: н[э] ст^ол, н[э] д^ор; н[э] л^ошади, н[э]д^о г^ору; [а]к^осишь, д[а]х^одишь, н[а]м^очишь, н[а] в^осемь, н[а] ст^о, н[а] к^ойку, н[а]л^ожишь, н[а]-св^оему, з[а] п^очтою, н[а] чт^о, д[а] п^роса, н[а] д^осточку;

перед остальными гласными: [а]т^а в^этру, з[а] д^{вэ}, з[а] л^эсом, н[а] д^эжку, н[а] р^эчку, н[а] т^эхники, н[а] с^эссию, н[а] п^элики, н[а] з^эмь, з[а] д^энь, з[а] п^эрвого, н[а] ж^эневе, з[а] с^эмь, д[а] в^эчера, н[а] п^эчл; н[а] К^ирове, н[а] т^ридцать, н[а] т^ри; н[а] м^ыло; н[а] х^уторе, н[а] к^уртку, н[а] зв^уку, з[а] д^вух, з[а] г^рубкою, пр[а] л^ук.

По сравнению с самостоятельными словами [а]-узкое встречается в этой позиции реже, уступая место широкому [а].

В позиции после мягких согласных, по данным ДАРЯ, в этом говоре отмечается диссимилятивное яканье дмитриевского типа.

Перед ударным [а] всегда произносится звук [и], перед гласными верхнего подъема [и], [ы], [у] — звук [а]. Также не отмечено исключений перед ударным [е] разного происхождения: в этой позиции всегда произносится [и].

Перед ударным [а] (['а]): ДАРЯ: в^{'и}сна, с^{'и}стра, б^{'и}да, с^{'и}в^{'и}кра, н^{'и} з^{'и}вай, л^{'и}тат', с^{'и}т^{'и}р^{'и}улá, в^{'и}зánку, п^{'и}т^{'и}р^{'и}ál, с^{'и}м^{'и}йá;

аудиозаписи: в[']и[']сна, м[']и[']шка, з[']и[']рна, сем[']и[']на, л[']и[']са, в[']и[']зали, л[']и[']жала, х[']и[']лбаешь, пон[']и[']сла, гр[']и[']чаной, см[']и[']тану, д[']и[']ржак, з[']и[']мля, т[']и[']ляток, в[']и[']трак;

перед ударным [е] из *е, *ъ: ДАРЯ: на с^{'и}т^{'и}кл'э, у ун^{'и}з'д'э, н^{'и} п^{'и}в'ил'эл, п^{'и}л'ид'эт', п^{'и}в'ис'эдъват', н^{'и}д'эл'у; т^{'и}п'эр'иш'а, д^{'и}р'эун'а, иши'м'эн', н^{'и}с'эт', с^{'и}м^{'и}йэцъ;

аудиозаписи: з[']и[']рне; с[']и[']ле, пос[']и[']дела, погл[']и[']дела, н[']и[']веста, н[']и[']делю, д[']и[']тэй, р[']и[']мён, в[']и[']чёр, т[']и[']пэрича, д[']и[']рэвня, н[']и[']бесное, б[']и[']решь, нап[']и[']кешь, н[']и[']сет;

перед ударным [о] из *ω: ДАРЯ: *в'асной, с м'атлой, т'в'атбу, д'алоу, к с'адой* (Д. п., ж. р.), *п'атрбу д'ен', т'апло, с'т'акло, в'асло, гн'аздо, рьс'с'вало;*

аудиозаписи: *з[']арно, с[']ало, вес[']ало, в[']асной, м[']ашков, л[']асов, св[']атой* (ж.р.), *метс[']астрою, див[']аносто, п[']атров, с[']астрою, кот[']аховка* (улица в Берёзовке); *с[']истрою, б[']ильмо;*

перед ударным [о] из *о и *ъ: ДАРЯ: *за с'алом, з'арном, п'атном, с'адой* (И. п., м. р.), *р'адной* (И. п., м. р.), *в'ирхом, с м'ишком, м'идок, б'илок, в'инок, с н'уо;*

аудиозаписи: *с[']алом, в[']адром, хр[']анком, с[']адой* (м. р.), *св[']атой* (м. р.), *дерв[']аной* (м. р.), *земл[']аной* (м. р.), *шерст[']аной* (м. р.); *м[']ишок, б[']исок, п[']исок, б[']илок, б[']илком, л[']иском, п[']иском, б[']илмом, б[']игом, в[']ирхом, п[']ишком, с'в[']икровья, св[']иколочку, м[']ишочик, погр[']ибочек, [йи]го, н[']ичего, у н[']иго;*

перед ударным [о]: ДАРЯ: *т'ил'онкь, с'т'ир'ох, б'ир'озьука, в'из'онк'и, з'ил'оньй, з'имл'ою; пл'аш'о, м'ажою;*

аудиозаписи: *з[']ил'ю, гр[']ибеночкою, д[']итенков, з[']ил'еная, пов[']и-зёшь, разв[']идёшь, св[']ищённою, п[']инок, пл[']ичо, б[']илье, тр[']ипье, п[']иньком, пл[']ичом, б[']ильем; — з[']ил'ю;*

перед ударными [и], [ы], [у] ([']у): ДАРЯ: *к йаму, т'алушку, н'и пьв'арну, п'аску, пьс'тал'у; у с'астры, йазык, с'в'атых, л'ажыт', д'ажы; с'ард'ита^бй, п'акл'и, кр'ас'т'ил'и, л'ас'н'иш'ий, м'ашк'и;*

аудиозаписи: *м[']ашки, на з[']ами, с[']астр'ица, п[']арины, ветр[']аки, р[']азинка, кр[']апиль; дерев[']аны, с[']астры, [йа]зык, хр[']асты, л[']ажит; б[']арут, в[']азут, зав[']арули, заб[']арут, с[']астру, лозн[']аку, п[']ачурок, ячм[']аню.*

Перед слогом с ударным *о* в первом предударном слоге возможно произнесение как [и], так и [а]. Распределение звуков в этой позиции в целом связано с происхождением ударного звука, однако в связи с утратой различения [о] из **о*, **ъ* и **ω* зависимость гласного в первом предударном слоге от качества гласного под ударением исчезает. Тот или иной звук произносится в определенных грамматических категориях или в отдельных словах.

Перед ударным [о] из **ω* обычно сохраняется произношение [а]. Однако в этой позиции наблюдается звук [и] в следующих случаях:

а) в Тв. п. существительных 1 скл. (наряду с [а]): *с[']истрою* и *с[']а-строю;*

б) в позиции перед мягким согласным: *б[']ильмо.*

Распространение звука [и] в позиции первого предударного слога наблюдается в формах косвенных падежей существительных первого склонения (*с[']истрой*). Можно предположить, что это связано с влиянием формы И. п., в которой в корне перед ударным [а] произносится [и] — *с[']истра*. В системе склонения существительных в единственном числе доминирующую позицию занимает форма именительного падежа.

В словах, принадлежащих к мягкому варианту склонения, ударное **ω* появилось под действием аналогии с соответствующими формами твердой

разновидности: согласно общей модели вокализма, в этих формах должен произноситься [а] в первом предударном слоге. Однако в говоре с. Березовка отмечены оба варианта произношения: наряду с [а], который встречается преимущественно в записях 1952 г. и в речи старшего поколения информантов (*пл'аш'о*), в этой позиции распространен звук [и] (*пл[и]ч'о*, *б[и]льё*, *тр[и]льё*). Появление в этой позиции [и] — новое для говора явление — возможно, связано с возникновением тенденции к умеренности: перед слогом с мягким согласным произносится [и], перед твердым согласным — [а]. Влиянием этой тенденции, по-видимому, объясняется и появление произношения [и] перед мягким согласным в слоге перед ударным [о] из *о в слове *б[и]льмо*.

Перед ударным о из *о и *ъ гласный [а] отмечен:

а) в И. п. прилагательных м. р.: *с[а]д'о́й*, *св[а]т'о́й*, *земл[а]н'о́й*;

б) в Тв. п. существительных ср. р.: *с[а]л'о́м*, *в[а]др'о́м*.

Как и в говоре с. Присынки, произношение [а] в названных формах в говоре с. Березовка, вероятно, утвердилось под действием аналогии. Для существительных доминирующей формой является И. п. ед. ч. (*в[а]др'о́м* как *в[а]др'о*). У прилагательных, напротив, выравнивание основ происходит под действием форм косвенных падежей м., ж., ср. р. (*с[а]д'о́й* старик как у *с[а]д'о́й* старухи).

Звук [и] перед ударным [о] из *о и *ъ произносится в следующих формах:

а) у существительных, оканчивающихся на -ок: *л[и]с'о́к*, *п[и]с'о́к*;

б) в Тв. п. существительных, оканчивающихся на -ок, а также у существительных 2 скл. в позиции перед мягким согласным: *л[и]с'к'о́м*, *п[и]с'к'о́м*, *б[и]ль'м'о́м*;

в) в наречиях, образованных от Тв. п. существительных 2 скл.: *б[и]г'о́м*, *в[и]р'х'о́м*;

д) в существительных и числительных с ударением на основе: *св[и]к'р'о́вь*, *св[и]к'о́лочку*, *м[и]ш'о́чек*, *погр[и]б'о́чек*.

г) в Р. п. местоимений типа *его*: *[йи]г'о́*, *нич[и]г'о́*, *у н[и]г'о́*;

Также последовательно сохраняется [и] в основах слов, не знающих чередования ударных гласных, т. е. в словах с неподвижным ударением на основе.

Таковыми словами являются существительные, оканчивающиеся на -ок. Ударный гласный [о], восходящий к *ъ, принадлежит основе, в их парадигме нет чередования ударных гласных.

Наречия *бегом*, *верхом*, *пешком* и т. д. соотносятся с формами Тв. п. существительных только исторически, следовательно, условий для аналогии нет. В первом предударном слоге наречий сохраняется произношение [и], так как ударный гласный восходит к *ъ.

Перед ударным [о] обычно произносится звук [и], гласный [а] в этой позиции возможен только как вариант в форме Тв. п. существительных 1 скл.: *з[и]м'л'ёю* и *з[а]м'л'ёю*. Появление [а] в этой позиции, по-видимому, связано с влиянием твердой разновидности склонения существительных, а более позднее распространение [и] — явление новое для говора.

Несмотря на то что в позиции после мягких согласных сам принцип диссимиляции в говоре прослеживается достаточно хорошо, наблюдается распространение звука [и] в первом предударном слоге перед всеми гласными среднего подъема.

Перечисленные особенности говора позволяют говорить о том, что развитие его происходит под влиянием двух тенденций.

Действием первой из них, тенденции к умеренности, обусловлено произнесение гласного [и] в первом предударном слоге перед последующим мягким согласным.

Наряду с этим говор испытывает действие грамматической аналогии, которой обусловлено стремление к унификации основ существительных и прилагательных с ударением на окончании, причем в парадигме существительного выравнивание основ происходит по форме именительного падежа (*с[’а]лóm* по аналогии с *с[’а]лó*), а в парадигме прилагательного — по форме косвенных падежей (под влиянием форм *святого, святом, святому* (м. р.), *святой* (ж. р.) и т. д. становится возможным произнесение *св[’а]тóй*). В словах с ударением на основе нет условий к появлению другого гласного: в таком случае дольше всего сохраняется гласный исконной, обоянской, системы предударного вокализма (*св[’и]крóвь*, *б[’и]гóм*).

Особенности распределения звуков перед ударными гласными среднего подъема, а именно перед ударным [о] разного происхождения, позволяют определить тип вокализма данного говора как одну из разновидностей суджанского яканья [Захарова 1970: 20, 23].

Произносительная система частиц, предлогов и приставок, находящихся в позиции первого предударного слога, отличается от системы, представленной в самостоятельных словах. В этой позиции последовательно наблюдается принцип иканья (за исключением единственной формы *н[’а]мнóго*, в которой приставка «не» выделяется лишь этимологически):

Перед [а], (’а): *б[’и]сплáтно*, *н[’и]хáй*, *н[’и]знáю*, *н[’и]нáдо*, *н[’и]ржáвлиный*, *б[’и]зпáлки*, *н[’и]дáм*, *н[’и]знáю*, *н[’и]кáжный*, *н[’и]шáгну*, *н[’и]стáла*, *чер[’и]зкрáй*, *н[’и]глянóть*;

перед ударным [е] из *е, *ѣ: *н[’и]дéло*, *н[’и]éли*; *н[’и]éзжу*, *н[’и]рэжéшь*, *н[’и]дéлана*, *пер[’и]вэрнéшь*, *н[’и]пьéт*;

перед [о] из *ω, *о и *ѡ: *н[’и]хóчу*, *н[’и]пóмню*, *н[’и]бóльше*, *н[’и]гóдная*, *н[’и]пóлную*, *н[’и]плóхо*, *чер[’и]згóд*, *н[’и]прóтив*;

перед [и], [ы], [у], (’у): *н[’и]прíмете*, *н[’и]вídя*, *н[’и]мíло*, *н[’и]лíли*; *н[’и]ры́ла*, *н[’и]жéи́дкое*, *пер[’и]жéи́тку*, *н[’и]вýchодишь*; *н[’и]бúду*, *н[’и]пúстит*, *н[’и]дúжили*, *н[’и]нúжно*, *б[’и]ззуб*, *н[’и]пúстят*, *н[’и]слúхаютъ*, *н[’и]тру́дно*, *н[’и]сплú*.

Произношение гласного в приставках, предлогах и отрицаниях, оказывающихся в положении первого предударного слога, не испытывает действия тенденций, определяющих произнесение того или иного звука в самостоятельных словах. В этой позиции, вне зависимости от качества или происхождения ударного звука, произносится [и].

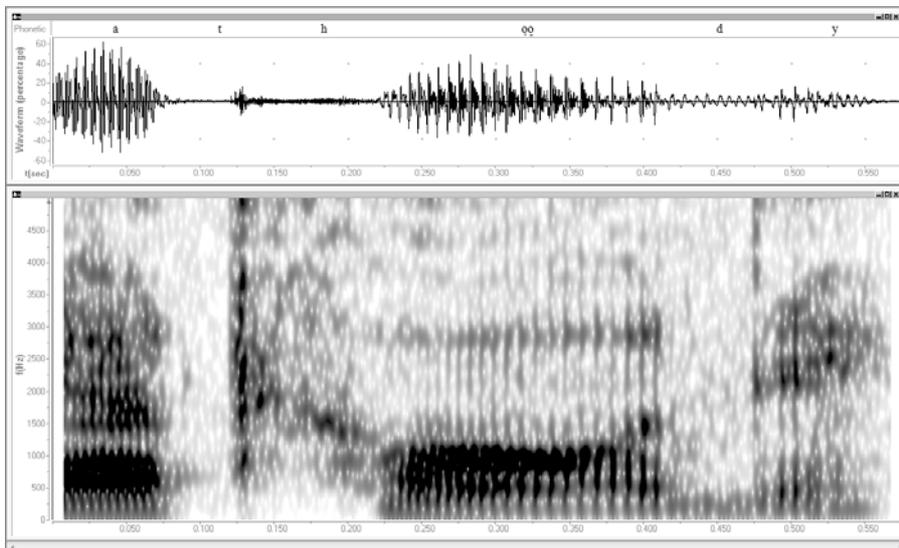

Рис. 1. Осциллограмма и спектрограмма формы *отходы* [atxʊd̪dy]

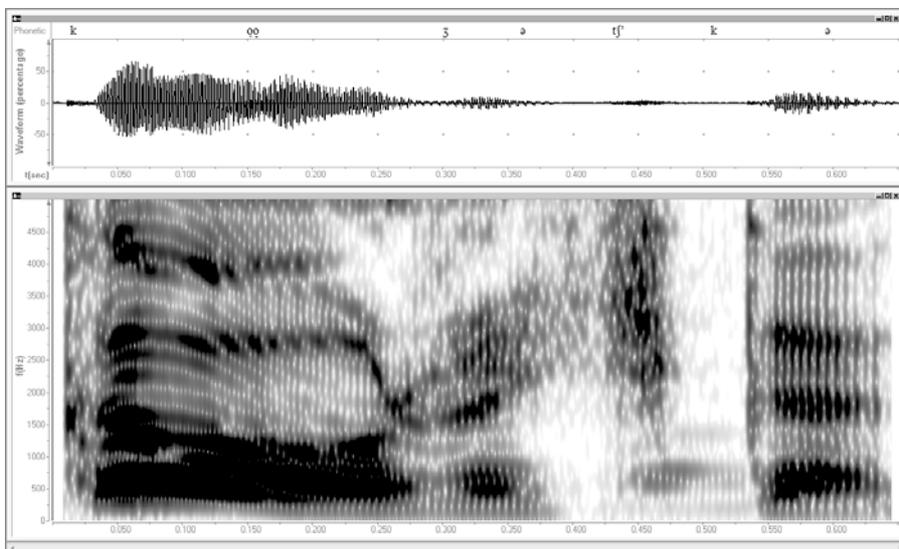

Рис. 2. Осциллограмма и спектрограмма формы *кожечка* [kʊʂɛʂ'kɐ]

Несмотря на общую для анализируемых говоров архаическую основу, после утраты особых фонем **ѣ* и **ѡ* вокалическая система каждого из них развивается своим путем, и это развитие происходит под влиянием различных факторов, набор которых индивидуален для каждого из них.

Говор с суджанским яканьем развивается под действием тенденции к умеренности, с одной стороны, и стремлением к унификации звукового оформления основ — с другой. В позиции первого предударного слога преобладает произношение [и].

В говоре с щигровским типом яканья последовательно прослеживается лишь тенденция к унификации звукового оформления основ, причем в первом предударном слоге всё большее распространение получает звук [а].

На основе имеющихся данных можно предположить, что говор с суджанским типом яканья развивается в сторону иканья, а говор с щигровским типом яканья — в сторону жиздринского типа яканья.

Л и т е р а т у р а

Аванесов 1949 — Р. И. А в а н е с о в. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М., 1949.

Высотский 2009 — С. С. Высотский. Фонотека как источник знаний о языке. Доклад на ученом совете Института русского языка АН СССР (Запись 1971 года) // Незабываемые голоса России: звучат голоса отечественных филологов. Вып. 1 / Под ред. О. В. Антоновой, Д. М. Савинова. М., 2009.

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып. 1: Фонетика. М., 1986.

Захарова 1959 — К. Ф. Захарова. Архаические типы диссимлятивного яканья в говорах Белгородской и Воронежской областей // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Т. 1. М., 1959. С. 11—19.

Захарова 1970 — К. Ф. З а х а р о в а. Типы диссимлятивного яканья: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970.

Захарова 1971 — К. Ф. З а х а р о в а. Типы диссимлятивного яканья в русских говорах (лексико-морфонологическая характеристика) // Вопросы языкознания. 1971. № 2. С. 4—10.

Савинов 2002 — Д. М. Савинов. Об особенностях произношения местоимений в форме родительного падежа (типа его) в южнорусских говорах // Проблемы фонетики V / Отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М., 2002. С. 261.

В. В. ШАПОВАЛ

ГРАФИЧЕСКИЕ ДУБЛЕТЫ В СЛОВАРЯХ: ПРИЕМЫ ВЕРИФИКАЦИИ

Přesvědčil jsem se, že sbírky nářečních slov obsahují někdy i slova, kterým nelze věnovat důvěru.

Václav Machek¹

Целью данной статьи является анализ лексикографических описаний некоторых редких диалектизмов и попытка обобщения приемов их верификации на основе внутренней и внешней критики словаря как источника.

Один из лексикографических парадоксов состоит в том, что менее употребительный материал требует к себе относительно большего внимания. Такие слабо документированные слова в словарях территориальных и социальных диалектов иногда представлены в двух (и более) альтернативных написаниях. Их предлагается условно называть графическими дублетами. Часть из них заведомо не похожа ни на фонематические варианты одного слова, ни на синонимичные паронимы. Зазор между этими решениями, с высокой долей вероятности, заполняют ошибочные написания редких слов. Выявление последних является актуальной задачей критики словарей, процедуры которой уже нуждаются в описании в жанре инструкции.

Первоочередной задачей такого описания является определение условий, достаточных для отказа в доверии одному свидетельству словаря на основе других свидетельств. Для выявления закономерностей сравнения и оценки двух противоречивых словарных свидетельств рационально начинать с анализа графических дублетов, представленных в одном и том же словаре. Это позволяет предположить, что составитель словаря считал их более или менее равноценными, коль скоро они были включены в словарь.

Трудности интерпретации описания слова, изолированного с точки зрения словообразовательных связей или бедного иллюстративным материалом, не всегда уменьшаются при наличии двух и более вариантов написа-

¹ «Я убедился в том, что собрания диалектных слов включают порой и слова, которым нельзя доверять» [Machek 1968: 7].

ния. Источником ошибок такого рода обычно является визуальное смешение букв или их элементов. (Соответствующие буквы в цитатах из словарей нами подчеркнуты.) Многие описки и опечатки при копировании редких слов свидетельствуют о том, что вопрос о фонетической значимости буквы в записи редкого слова не всегда решается автоматически. Его решение может отодвигаться на второй план. Да он и не может быть поставлен прежде сугубо графического анализа материала. Само по себе это утверждение означает, что материалы XIX и большей части XX в. для нас в определенной мере немы. И только анализ их графического — часто несовершенного — следа позволяет приблизиться к реконструкции звучания.

Первым шагом критического анализа является обнаружение сомнительных фиксаций слов. Графические дублеты на этом этапе обращают на себя внимание по причине их явной двойственности. Например: «**Бадрама́ня**, *мн.* 1. Баклажаны. Нижнедев. **Ворон.**, 1906. 2. Помидоры. Нижнедев. **Ворон.**, 1906. — Ср. Бадалжан» [СРНГ 2: 41]. Однако несколько ранее то же самое слово фиксировалось в другом виде: «**Бадража́ня**, *мн.* 1. Баклажаны. Нижнедев. **Ворон.**, 1893. 2. Помидоры. Нижнедев. **Ворон.**, 1893. — Ср. Бадалжан» [СРНГ 2: 40]. Трудно представить, чтобы за 13 лет в пределах одного сельского района так кардинально сменилось название баклажанов.

Вторым шагом является выбор предположительно правильного написания слова. Разумеется, второй способ записи формы *мн. ч. бадражания* вызывает больше доверия (см. [Аникин 2: 65]), поскольку может быть обоснован фонетически: мена плавных сонорных *л—р* встречается довольно часто, а чередование *м—ж* представляется исключительно результатом визуальной ошибки². На реальность варианта с [ж] дополнительно указывает также ряд других диалектных вариантов слова в том же словаре: *бадаржан*, *бадиджан*, *бадлажан*, *бадрижан* [СРНГ 2: 38—40]. Таким образом, в этом случае данные исключительно внутренней критики источника оказываются достаточными для вероятного выбора между двумя графическими вариантами.

На выбор между *бадраманя* и *бадражания* количество фиксаций слова не влияло, поскольку оба отмечены однократно. Однако нередко число свидетельств является одним из решающих доводов в пользу одного варианта и главным источником сомнения в другом. Например: «**Абы́гать**. См. *Обы́гать*»; «**2. Обы́гать**, аю, аешь, *несов.*; *обы́гать*, аю, аешь, *сов.*, *неперех.* 1. Просыхать (на ветру, на воздухе). Сиб., Даль. **Тобол.**, Енис. **Енис.** <...>» [СРНГ 1: 195; 22: 281] и *мн. др.*, но: «**Абы́чать**, *несов.*, *неперех.* Сохнуть. Тобол., Тюмен. **Тобол.**, 1899 (Миртов, 1930)» [СРНГ 1: 196]. Последнее, вероятно, ошибочно, поскольку представлено только в пересказе

² В том же Нижнедевицком уезде (районе) смешение *м—ж* отмечено и в записи «**Амы́шша**, *ы, ж.* Еж» [СРНГ 1: 253], ср.: «Возможно, искаженное *ажы́шша* = *ожы́шша* (*ежище*)» [Аникин 1: 206].

А. В. Миртова, где могло возникнуть смешение букв *г—ч*. Другой пример: помеченное знаком вопроса «**Мшаранá** [?], *ы, жс*. То же, что *мшара* (покрытое мохом болото). **Пск.**, Мокиенко, 1969» и «**Мшáрина** и **мшарíна**, *ы, жс*. 1. То же, что *мшара* (...)), зафиксированное в 11 регионах [СРНГ 19: 47]. Вывод очевиден, но он не абсолютен: может оказаться, что однократная фиксация является отражением реального, но редкого варианта слова.

Графические дублеты, иллюстрируемые одним и тем же примером или подозрительно близкими фразами, требуют более пристального рассмотрения: «**Сплотёр**, *м*. Ленточный червь, солитер. *Все живот болит, мне сказали — сплотер у тебя, это говорит, черемуху [надо выпить?], сплотер вышел на завтра, столь долог*. **Пинеж. Арх.**, 1959» [СРНГ 40: 163]. Сравнение с другим вариантом слова обескураживает: «**Силотёр**, *м*. Солитёр. *Все живот болит, сказали: силотер у тебя*. **Пинеж. Арх.**, 1972» [СРНГ 37: 311]. Почти дословное совпадение иллюстративных примеров через 13 лет маловероятно. Скорее, пример 1959 г. отредактирован и продублирован под 1972 г. Следовательно, одно из прочтений ложно. Думается, это *сплотёр*. Не потому, что у «*силу трущего*» *силотёра* сильнее народные корни, а потому, в частности, что в *силотёре* сохраняется исходное количество слогов. Этот признак также носит вероятностный, а не абсолютный характер.

Весьма непросто ограничить пределы произошедшей ошибки, если речь идет о многозначном слове. Следует учитывать и то, что иллюзорная многозначность иногда возникает лишь в процессе сведения материала разных регионов в рамках одной словарной статьи. На самом деле между территориями, для которых актуальны значения, соседствующие в словаре, в реальности могут быть непреодолимые расстояния, а между их фиксациями — многие десятилетия.

Так, вероятное смешение *м—ш* в следующем примере касается только первых двух значений слова *няша*: «**2. Няма**, *ы, жс*. 1. Яма; глубокое место в реке. **Челяб. Оренб.**, 1852. **Оренб., Вят., Перм.** 2. Топкое место. **Челяб., Оренб.**, 1848. 3. Голландская печь. *Голландские печки назывались нямой*. **Смол., Алт.**, 1970» [СРНГ 21: 332]. Для третьего значения с учетом смоленского контекста вероятно прочтение *н[’а]мой*, творит. пад. от ‘немая’, возможно, производное от *немецкая печь*, ср. синонимы, возникшие в результате прояснения той же исторической связи этнонима: «**2. Немка**» = *немая капуста* ‘брюква’ [СРНГ 21: 81, 84]. Ср. для первых двух значений более широко известное диалектное слово: *няша* ‘топь, яма’ [СРНГ 21: 336; Фасмер III: 195] и ошибочное *нята* [СРНГ 21: 335; Аникин 2003: 408]. Кроме того, слово *няша* является достаточно активным с точки зрения словообразования (*няшевато, няшеватый, няшеный, няшистый, няш, няшь*), в то время как *деривационные* возможности слов *няма* и *нята* оказываются абсолютно не реализованными [СРНГ 21: 335—336]. Последний довод является лишь косвенным, но довольно важным, поскольку доказывает активное функционирование слова в речи.

Смешение *м—ш* является распространенной ошибкой прочтения. Рассмотрим вероятные дублеты: «**Сорма**, ж. Узкое мелкое место на реке с ровным твердым дном, удобное для ловли рыбы и переезда вброд; пережат. **Дон.**, 1848. **Вост., Урал.**» [СРНГ 40: 16], «**Соршá**, ж. Узкое место на реке; брод. **Дон.**, Слов. карт. ИРЯЗ» [СРНГ 40: 38]. Вторая запись довольно надежно интерпретируется как ошибочная. Однако есть и «**Сорбма**, ж. Брод. **Астрах.**, Терликов, Архив АН» [СРНГ 40: 13]. Этот вариант тоже обязан своим появлением ошибкам, однако менее распространенным, поэтому остается неясным, как выглядела исходная запись: *сорьма* или *сорóма* / *соромá*.

Трудность верификации дублетов объясняется также и тем, что результаты анализа графики надо систематически соотносить с фонетическими особенностями конкретного диалекта. Так, в паре «**Смитник**, м. Смешанный лес. Пинеж. **Арх.**, 1959» [СРНГ 39: 21], «**1. Смешник**, м. Смешанный лес. Верхнетоем. **Арх.**, 1963. *Ели и сосны, и береза, дак смешник*. Пинеж. **Арх.**» [СРНГ 39: 13] — вероятно смешение *т—ш*, однако оно было поддержано тем, что запись **смишник* отразила местное произношение исторического «ять» как [и] между мягкими [Пожарицкая 2005: 42—43, 221], что затруднило соотнесение основы *с-меш-* в слове и его толковании.

Иногда установление связи между близкими по написанию синонимами только на основе данных словаря оказывается невозможным. В паре *натина* ‘ботва огородных растений’ — *натика* ‘виноградная лоза’ [СРНГ 21: 219] второе исправляется по первому [Журавлев 4: 269]. Важно, что первый вариант записи зафиксирован несколько раз и в различных регионах, а второй — однократно. Кроме того, *натина* имеет ряд производных и характеризуется широкой вариативностью: *нетина*, *нитина*, *нятина* [СРНГ 20: 175, 240, 335]. Подкрепляет этот вывод и привлечение данных других словарей³, сведений о происхождении слова *натина*, широко представленного в восточнославянских диалектах [Фасмер III: 48—49]. Вероятно, запись *натика* ‘виноградная лоза’ — это ошибка. Однако и с правление записи остается под вопросом: либо *натина*, либо вообще *нашина*, ср.: «**2. Пашина**, ы, ж. 1. Ветка виноградной лозы. **Дон.**, 1897» [СРНГ 25: 305]. Этот локальный галлицизм [Аникин 2005: 238] (вряд ли балтизм, вопреки [Лаучюте 1982: 123—124]) малоупотребителен, так что нельзя исключить даже такое деструктивное прочтение: *нашина* > *натика*. По этой причине и следует сохранять рабочие записи неизменными.

Еще два примера доказывают, что сомнения в правильности записи и ее исправление — это хотя и последовательные, но разные процедуры: «**Стожа**, м. Шест, кол, вокруг которого сметывается сено. **Олон.**, 1885-1898. **Коми АССР**» [СРНГ 41: 177]. Ниже представлены в близком значении *стожаль* и *стожар*, но есть также «**4. Стожьё**, *собир.* Коля для

³ Следует учесть, что граница между первичным и вторичным источником, если понимать под ними словари (особенно сводные), условна [Шаповал 2009: 234].

стога. Белозер. **Новг.**, 1915» [СРНГ 41: 181]. Остается неясным, как именно оценивать описание слова *стожа* (сомнение вызывает указание на м. р.). Если это ошибка, то правильным может быть отнесение к ж. р. Если же запись неверна, то неясно, какой процесс привел к появлению слова: либо утрата конечной буквы (букв), либо неверное чтение *-ье* (*-ьё?*) как *а*.

Ср.: «**Стё, ж.** Дорожка. **Ворон.**, 1973» [СРНГ 41: 104], — где также нельзя выбрать между несколькими версиями: перенос конечного *-ж* в грамматическую характеристику (ж. р.) из дефектной записи исходного *стё ж(ка)* ‘то же’ [СРНГ 41: 118], такая же трансформация не зафиксированного в этом значении *стёж(ь)* или даже *стёж* (м. р.) или еще что-то.

Нередко трудность обоснования исправления прямо зависит от количества повторов ошибки в авторитетных источниках. Таков пример смешения букв *д—з* в записи диалектного словосочетания *союзная семья*, документированного, например, материалом донских говоров: «**Союзный**, ая, ое. 1. Дружный, согласный. Даль. *Союзная семья*. **Дон.**, 1929 <...>» [СРНГ 40: 104]. В своем издании великорусских песен А. И. Соболевский привел воронежскую песню «Отлетает мой соколик», со ссылкой на «Воронежские губернские ведомости» 1852 г., № 34 (публикация нам недоступна), где в неофициальной части была опубликована эта («протяжная») песня. В ней было представлено в типовом фольклорном контексте то же самое прилагательное, однако в ошибочной записи *союдный*: «*Соседики — люди злые, Не союдная семья*» [Соболевский II: 411—412 (№ 528)], — что в дальнейшем и нашло отражение в СРНГ: «**Союдный**, ая, ое. Согласный, дружный. *Соседушки* (sic!) — *люди злые, Не союдная семья*. **Ворон.**, Соболевский» [СРНГ 40: 103]. Вариант *союдный* имеет целый ряд косвенных признаков ошибочной записи (однократная фиксация сомнительного варианта записи слова, наличие более основательно документированного правильного варианта записи, словообразовательная изолированность сомнительного варианта). В вып. 1—41 СРНГ цитаты из воронежских песен собрания А. И. Соболевского использованы 45 раз. При этом только данная цитата повторена дважды, причем с разными искажениями: «**Сосёдик**, м. Ласк. Сосед. *Нельзя, душенька, ходить. Соседики — люди злые, Не союзная семья*. **Ворон.**, Соболевский» [СРНГ 40: 41]. Любопытно, что при втором цитировании автоматически восстановлено правильное написание *союзная*, правда, формально противоречащее источнику. Такие неотмеченные исправления характерны для осведомленного переписчика. В наших примерах корректируются те слова цитаты, которые не являются предметом описания в данной словарной статье: *соседики* > *соседушки*, *союдная* > *союзная*.

Неточность цитирования редкого слова невозможно исправить, не выходя за пределы данных анализируемого словаря. В этом случае внутренняя критика бессильна: «**Анко**, союз. То же, что ано (во 2-м знач.) <так что, даже, а вот>. *Посмотрю, анко лежу я на правом боку* (песня). **Олон.**, Соболевский, Великорус. нар. песни, IV, 166» [СРНГ 1: 160]. Источник —

олонецкая песня «Не в саду листы шумят...» — показывает запись *áнно* [Соболевский IV: 165—166 (№ 215)]. Ср. мнимое *винарадный* ‘?’ [СРНГ 4: 286] (тип плетеного узора) из тривиального *виноградный* [Шаповал 2009: 236].

Нельзя не учитывать того, что для словаря дифференциального типа изначально отбирались и записывались необычные образчики речи и лексикона народных говоров. И установка на *нетривиальность* этих записей прошлого может создавать неоправданные ожидания, которые порой деформируют восприятие ручной записи, уводят от ее простого и правильного прочтения к какой-то иной, но обычно иллюзорной экзотике. Например, «*Аска*, и, ж. Трава [какая?]. Сольвыч. **Волог.**, 1850» [СРНГ 1: 284] прочитано, возможно, из названия многих трав *осóкá* [СРНГ 24: 41—42] в результате слияния начального *ос-* в *а-* и смешения под обычным ударением *о* и *с*.

Практически те же косвенные признаки (единичность, изолированность) ошибочной расшифровки рабочей записи, приведшей к визуальному смешению *к—н*, представлены в следующей словарной статье: «**2. Мáрко**, нареч. Напрасно. **Ворон.**, 1964» [СРНГ 7: 374]. Однако в данном случае предпочтительный графический дублет оказывается (в отличие от *ано*) лучше документированным: «**2. Мáрно**, нареч. Напрасно. *Марно ты туды ходишь*. **Зап. Брян.**, 1954» [СРНГ 7: 375]. Там же отмечены исторически однокоренные диалектизмы: *марнеть* ‘слабеть, хиреть, чахнуть’, *марный* ‘усталый, измученный, исхудалый’, которые М. Фасмер связывает с *мара* ‘призрак; грезы; наваждение’, ср. укр. *марний*, блр. *марны*, др.-русск. *замарьнь* и др. [Фасмер II: 575, 571].

Визуальное смешение *н—п* представлено в следующем случае: «**Огапашиться**, шусь, шийсья, *сов.* Обзавестись хозяйством, имуществом. *Огапашился он, значит, вскоре, разжился*. Кыштов. **Новосиб.**, 1972» [СРНГ 22: 39]. Думается, речь идет о неточно скопированном приставочном производном от: «**Гоношиться**, шусь, шийсья, *несов.* 1. Хлопотливо заниматься каким-либо хозяйственным делом» [СРНГ 7: 10; СРНГ 2: 35]. Запись *огапашиться* отражает аканье и содержит на месте **н** ошибочно прочитанное **п**. Примечательно, что «Словарь русских говоров Новосибирской области» и «Словарь русских говоров Сибири» не отмечают этого глагола. Смешение **н** и **п** А. Ф. Журавлев предполагает в записи диалектизмов: *зець* ‘карман’, *клянец* ‘капкан’, *напасьевна* ‘ненастная погода’, *нестерь* ‘сума’ [Журавлев 1: 191; Журавлев 2: 97; Журавлев 4: 267, 271].

Двойные ошибки прочтения труднее обнаружить, доказать и исправить, потому что фантомная запись по внешнему виду уже заметно разнится с исходным словом. Наряду с обнаруженным А. Ф. Журавлевым фантомным диалектизмом *зепельник* ‘сковородник’ = *цапельник* [Журавлев 1: 187] имеется и более солидная трансформация того же слова: «**Ганёльник**, а, м. Сковородник. Белор. **Башк. АССР**, Чурко» [СРНГ 6: 134].

Морфемная структура следующего слова, как и его потенциальный корень *-таш-*, необычны: «**Дыпрыгаташáнко**, нареч. Подлинно, непременно.

Морш. **Тамб.**, Архив РГО» [СРНГ 8: 294]. Ср. с ударением в том же месте: укр. *притама́нний* ‘присущий, свойственный’, русск. южн. (в СРНГ нет) *притаманний* ‘отчетливый, точный’, от турецкого *taman* ‘целиком, правильно, полностью, точно’ [Фасмер III: 367], а также: «**Притомá нный**, ая, ое. 1. Настоящий, подлинный. *Притоманные вотчинники вымерли*. **Ряз., Тамб., Тул., Моск., Влад., Твер. Волог.** ⟨...⟩» [СРНГ 32: 20]. Вероятно, *дыпрыташанко* — это *притаманно* [пры-], либо выхваченное вместе с союзом (*да притаманно*), либо представленное с усилительным префиксом *до-* (*до-при-таманно*).

Немало спорных фиксаций возникает в словарях и других описаниях диалектной лексики вследствие неправильной разбивки элементов рукописной фиксации на отдельные буквы [Шаповал 2009: 235]. Результаты графических переразложений, приводящих при копировании рабочей записи диалектного слова к новому и часто вполне фантомному чтению, как отмечает А. Ф. Журавлев, все еще нуждаются в полномасштабном рассмотрении [Журавлев 1: 183—184].

Сложное переразложение в графической группе *ох—ас* можно, видимо, заподозрить и в следующей фиксации: «**Охлон**, а и у, м. Скамья. Павлов. **Ворон.**, Архив РГО. — Ср. Ослон» [СРНГ 25: 35]. Если запись не отразила индивидуальный дефект произношения, то надо согласиться с указанием словаря на синонимию с ординарным *ослон*: «4. Переносная скамейка в избе. **Южн., Зап., Даль**» и мн. др. [СРНГ 24: 24]. Тогда естественно предполагать, что *охлон* возникает в результате ошибки при копировании записи *аслон*. Ср. чтение названия растения *маосорник* как *махорник* [Журавлев 4: 178].

Вариант записи глагола «**Зачары́гать**, ает, сов., *неперех.* [удар.?]. Затвердеть. Татар. **Новосиб.**, 1963» [СРНГ 11: 172] также не подтверждают «Словарь русских говоров Новосибирской области» и «Словарь русских говоров Сибири». Вместо него читается *зачары́меть* «1. Покрыться настом, затвердеть» (только о снеге) [СРГНО: 189; СРГС 2: 234], от *чарым* ‘наст’ [СРГНО: 580; СРГС 5: 60] и др. однокоренные. В данном случае представлено смешение групп *ме—га*.

Еще один пример графического переразложения интересен тем, что возможно до некоторой степени установление «авторства». Графические дублиеты «**Страуси́ть** [?], *несов., неперех.* Ст ра ус и́ т ь над собой. Беречь себя. *Вы не страусите над собой*. Жиздр. **Калуж.**, Добровольский, 1898» [СРНГ 41: 290] и «2. Стражить над собой. Беречься, остерегаться. *Вы не стражсите над собой*. Жиздр. **Калуж.**, 1905—1921» [СРНГ 41: 278] чрезвычайно близки по географии, времени фиксации и типовым контекстам, в которых они употребляются. Речь идет явно об одном глаголе *стражить*. Однако ошибочная запись *страусить* любопытна тем, что возникла в результате смешения *ж — ус* и восходит к рукописи В. Н. Добровольского. В связи с этим небезынтересно шубрейское *васьминуса* ‘восемь’, напечатанное также по рукописи В. Н. Добровольского, но, видимо, без его просмотра. Для последнего вероятнее принять чтение *васьминжа, поскольку

другие числительные в том же арго имеют своеобразный криптолалический формант *-инжа*, возможно, распространенный из названия для числительного 'пять': *тинжа* 'пять', *семиinja* 'семь', *девинжа* 'девять' [Добровольский 1897: 343]. Следовательно, в записи *васьминуса*, вероятно, также имело место смешение рукописных *ус* и *жс*, обусловленное индивидуальным начертанием буквы *жс* с удлинённой центральной мачтой, характерным для В. Н. Добровольского⁴. Такое исправление можно предложить на основе внутренней критики источника.

Рассмотрим также пример переразложения, приведший к выбору более необычного чтения на месте ординарного: «**Жглот**, а, м. Нелюдимый, жадный человек. Миасс. **Челяб.**, 1930» [СРНГ 9: 96], — которое, вероятно, было прочитано на месте *жмот: «**Жмот**, а, м. Богатый крестьянин-собственник, кулак. **Забайк.**, 1960» [СРНГ 9: 206; Шаповал 2009а: 153]. Ср. переразложение *м* в *лг* в фантомном *колзуха* на месте *комуха* 'лихорадка' [Журавлев 2: 98].

Ряд рассмотренных выше примеров показывает, насколько важным при выборе объектов для дополнительной проверки в словаре является признак словообразовательной изолированности сомнительной записи. Если два варианта записи не отличаются в этом отношении, возникают трудности при выборе правильного написания. Например, графические дублеты «**Бруй** — случайно попавший в тюрьму» и «**Брус** — новичек в тюрьме» [Потапов 1927: 19] являются изолированными, поэтому в рамках внутренней критики трудно предпочесть один из них. Только привлечение внешних данных позволяет заключить, что *бруй* возникло по ошибке при цитировании дореволюционного источника: *брусъ* 'первый раз, случайно попавший в тюрьму' [Попов 1912: 18], при этом *-съ* было прочитано как *-й* под влиянием новой орфографии [Шаповал 2007: 120]. Возможно, *брус* и *бурч* ('сообщник вора или мошенника' [Трахтенберг 1908: 11; Брейтман 1901: 191, 192]) являлись народно-этимологическими трансформациями немецкого *Bursch(e)* 'парень'. Во всяком случае выведение из русского *брус* или польского *brój* 'счет' (или производной от него фамилии *Бруй*) весьма искусственно.

В общем можно заключить, что заподозрить сомнительную запись диалектного слова можно по целому комплексу признаков:

- а) наличие графических дублетов, взаимно дискредитирующих друг друга,
- б) словообразовательная активность / изолированность (неясность морфемного членения одного из дублетов, отсутствие у него производящего и производных слов)⁵,

⁴ Это позволяет иначе взглянуть на изолированное шубрейское *абвагривать* 'обвешивать' [Добровольский 1897: 343], которое логично читать как *обваживать, от *вага* 'вес'.

⁵ Так, терское *стражак* 'молодой мерин' [СРНГ 41: 277] соотносится якобы со *стража*, но этому уникальному созвучию противостоит множество названий мо-

в) близость места и времени их фиксации (или даже их совпадение)⁶,

г) количество независимых фиксаций и иллюстративных примеров, которое свидетельствует в пользу одного варианта; их отсутствие является главным источником сомнения в реальности другого варианта⁷ (особенно если можно заподозрить ошибочное расщепление одной записи)⁸.

Дополнительно частное применение может найти анализ графики, соотносимый с фонетическими особенностями конкретного диалекта⁹. Реже представлено визуальное смешение букв для гласного и согласного звуков, но его и сложнее обнаружить, поскольку оно меняет исходное количество слогов. Установка на нетривиальность прочтения записей прошлого иногда приводит к неоправданному выбору более необычного чтения на месте ординарного¹⁰.

Однако и после обнаружения сомнительной фиксации процедура ее проверки и особенно исправления подозрительной словарной записи остается весьма непростой. Прежде всего, сомнения в правильности и исправление — это последовательные, но разные процедуры. Даже при доказанности ошибочного характера копии не всегда ясно, как выглядела исходная запись. Статус «ошибки» в каждом отдельном случае нуждается в тщательном уточнении: это может быть и реальное диалектное слово, не фиксировавшееся ранее по причине его малоупотребительности, и результат ослышки при фиксации или описки при копировании рабочей записи,

лодой лошади после первой стрижки гривы и хвоста типа *стригун* и проч., так что вероятно прочтение *стрижак* (*стр[ы]жак*). Вообще термины коневодства находятся на грани забвения, что видно и по следующей записи 1976 г., где усматривается *стригунок* в переносном употреблении: «**Стригунёй**, ая, ое. Подвижный, шустрый (о человеке). Ух, какой *стригуной ты у нас!* (говорит бабушка внучонку)» [СРНГ 41: 342; Шаповал 2009а: 153].

⁶ Поэтому трудно выбрать верную из двух донских записей 1976 г.: *стоко́рить* ‘сварить, приготовить (кашу, суп и т. п.)’ и *стопо́рить* ‘приготовить обед’ [СРНГ 41: 193, 234].

⁷ Так, однократно отмеченное в 1995 г. новгородское *спёндели* ‘вид одежды [какой?]’ явно говорит о забвении слова и реалии, но соотносится с хорошо документированным *спёнзель* ‘короткая женская одежда’ [СРНГ 40: 131].

⁸ Например, архангельское в записях 1928 г. *ва́рця* и *ва́рня* с одинаковым толкованием ‘очаг для приготовления пищи в лесных избах’ [СРНГ 4: 54, 57].

⁹ Ср. архангельское и вологодское *эдрый* ‘желтый с красным, бурым оттенком’ (*Корова едра*) [СРНГ 8: 324], которое на фоне обычного *редрый* и *рёдрый* ‘то же’ [СРНГ 35: 22] напоминает колымское «сладкоязычие» в произношении сонорных.

¹⁰ Так, значение слова *беркушка* из контекста «*Постелю постелю. По краюшкам беркушки*» не выводится, но есть параллель: «*Я старому уважу: Постелюшку постелю: .. По краюшкам — бернушки, Одеяло — борона*» [СРНГ 2: 259, 260; Соболевский II: 283—284 (№ 337)], — где ординарное чтение *бёрнушко* и толкование ‘бревнышко’ обосновать можно, несмотря на необычное в данном случае применение дерева (снимающее противопоставление постели и гроба).

иногда это оказывается неверной трансформацией общеизвестного слова, впервые встреченного неопытным собирателем диалектного материала именно в местной речи. В любом случае представляется важным следующий принцип: исправлять, т. е. менять полевой диалектный материал, представленный в словаре, можно только на основе другого материала, сохраняя и исходную запись, которая должна помечаться как вероятно ошибочная.

Объективных критериев для сравнения доказательной силы различных признаков, применяемых при сравнении графических дублетов, не выработано, но возможности сплошного контроля материала по определенным формальным параметрам заметно облегчаются автоматическим поиском по электронной версии. В целом этот инструмент превосходит ручную выборку по надежности и оперативности и позволяет учитывать значительный объем материала.

С л о в а р и

Аникин 1—3 — А. Е. А н и к и н. Русский этимологический словарь. Вып. 1—3. М., 2007—2009.

Аникин 2003 — А. Е. А н и к и н. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. Новосибирск, 2003.

Аникин 2005 — А. Е. А н и к и н. Опыт словаря лексических балтизмов в русском языке. Новосибирск, 2005.

Даль I—IV — В. И. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1978—1980.

Лаучюте 1982 — Ю. А. Л а у ч ю т е. Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982.

Попов 1912 — В. М. П о п о в. Словарь воровского и арестантского языка. Киев, 1912.

Потапов 1927 — С. М. П о т а п о в. Словарь жаргона преступников (блатная музыка). М., 1927.

СРГНО — Словарь русских говоров Новосибирской области / Под ред. А. И. Фёдорова. Новосибирск, 1979.

СРГС — Словарь русских говоров Сибири / Под ред. А. И. Фёдорова. Т. 1—5. Новосибирск, 1999—2006.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1—41. М.; Л./СПб., 1965—2007. [Электронный ресурс: <http://iling.spb.ru/vocabula/srng/srng.html>].

Трахтенберг 1908 — В. Ф. Т р а х т е н б е р г. Блатная музыка («жаргон» тюрьмы). СПб., 1908.

Фасмер — М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1986—1987.

Machek 1968 — V. M a c h e k. Etymologický slovník jazyka českého. 2-hé, opravené a doplněné vydání. Praha, 1968.

Л и т е р а т у р а

Брейтман 1901 — Г. Н. Б р е й т м а н. Преступный мир. Киев, 1901.

Добровольский 1897 — В. Н. Д о б р о в о л ь с к и й. О дорогобужских мешанах и их шубрейском или курбачком языке // Известия отд. рус. яз. и словесности Акад. наук. СПб., 1897. Т. 2. Кн. 1—2. С. 320—352.

Журавлев 1—8 — А. Ф. Ж у р а в л е в. Лексикографические фантомы. 1: СРНГ, А—З // *Dialectologia slavica*: Сб. к 85-летию С. Б. Бернштейна: Исследования по славянской диалектологии. 4. М., 1995. С. 183—193; Лексикографические фантомы. 2: СРНГ, И—К // Слово и культура: Памяти Н. И. Толстого. Т. 1. М., 1998. С. 93—104; Лексикографические фантомы. 3: СРНГ, Л—М // Слово во времени и пространстве (К 60-летию проф. В. М. Мокиенко). СПб., 2000. С. 265—282; Лексикографические фантомы. 4: СРНГ, Н—О // Исследования по славянской диалектологии. 7. Славянская диалектная лексика и лингвогеография. М., 2001. С. 265—281; Лексикографические фантомы. 5: СРНГ, О—П // Аванесовский сборник. Антология. М., 2003. С. 382—289; Лексикографические фантомы. 6: СРНГ, П // Изв. Уральск. гос. ун-та. 2001. № 20. С. 172—178; Лексикографические фантомы. 7. СРНГ: П // Исследования по славянской диалектологии. 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. М., 2001. С. 120—131.

Пожарицкая 2005 — С. К. П о ж а р и ц к а я. Русская диалектология. М., 2005.

Соболевский — Великорусские народные песни / Изд. проф. А. И. Соболевским [при участии П. Н. Шеффера]. Т. 1—7. СПб., 1895—1902. [Электронный ресурс: <http://feb-web.ru/feb/byliny/default.asp>].

Шаповал 2007 — В. В. Ш а п о в а л. Цыганские элементы в русском воровском аргю? // Вопросы языкознания. М., 2007. № 5. С. 108—128. [Электронный ресурс: <http://www.philology.ru/linguistics2/shapoval-07c.htm>].

Шаповал 2009 — В. В. Ш а п о в а л. Словарь как гипертекст и аспекты лексикографической критики // Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании. Сб. науч. ст. Вып. 8. Т. 1. М., 2009. С. 233—237. [Электронный ресурс: <http://www.philology.ru/linguistics2/shapoval-09b.htm>].

Шаповал 2009а — В. В. Ш а п о в а л. Челябинские диалектизмы в «Словаре русских народных говоров» (выпуски 1—41): проблемы лексикографической достоверности // Вестник Челябин. гос. ун-та. № 35 (173). Филология. Искусствоведение. Вып. 37. Челябинск, 2009. С. 152—154.

Н. В. ГАТИНСКАЯ

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СЛОВ *ОЧИВЪСТЬ*, *ОЧЕВИДНО*

1.0. Объектом настоящей статьи являются две лексические единицы — *очивъсть* и *очевидно* — в их семантико-синтаксическом функционировании в текстах разных эпох, разных книжных традиций и разных жанров. Интерес к этим словам объясняется, во-первых, их семантико-синтаксическими особенностями и, во-вторых, недостаточной представленностью в современных научных словарях. Так, в словаре дискурсивных слов в ряду единиц, мотивированных корнем с визуально-перцептивной семантикой (*видимо, по-видимому, видно*) [ДС 2003], мы не находим *очевидно*. В современных же толковых словарях *очевидно* представлено как словоформа прилагательного *очевидный*, что не отражает текстовой сущности этого слова. Обращение к словам *очивъсть*, *очевидно* обусловлено также общим интересом к фигуре наблюдателя (см. [Апресян 1995: 639—642; Падучева 2004: 533]) и выходом слова *очевидно* из сферы перцептивного модуса.

Примеры со словами *очивъсть* интерпретируются в данной работе не в связи с категорией эвиденциальности¹ (засвидетельствованности), а как принадлежащие понятийной категории достоверности², понимаемой толь-

¹ Засвидетельствованность может получить свое грамматическое выражение, что принято называть категорией *эвиденциальности* [Якобсон 1972; Ильина 2002], *засвидетельствованности* [Козинцева 2000]. В русском языке такой морфологической категории нет, однако есть разные средства выражения способа и источника получения информации [Там же]. Под термином *засвидетельствованность* понимается комплекс значений, которые фиксируют разные способы получения информации. Различаются прямая (зрительная) засвидетельствованность и значения косвенной засвидетельствованности, включающей в себя данные других органов чувств говорящего — слуха, обоняния, общих ощущений (перцептивность); сообщения другого лица (пересказывательность); логическое заключение говорящего (инференциальность) [Козинцева 2000: 226; Эвиденциальность 2007].

² Под термином *понятийная категория* понимается универсальная семантическая категория, рассматриваемая безотносительно к способу ее выражения в языке [ЛЭС 1990: 385; Мещанинов 1975б: 9; 1975а: 236, 238]. Понятийной категории достоверности в ее отношении к категории засвидетельствованности (эвиденциальности) посвящена статья [Гатинская 2004].

ко как соответствие действительности с точки зрения говорящего, как фактуальность.

В Словаре В. И. Даля читаем: «*очивѣсто, очивѣсть* нар. стар. очевидно, явно, вочью» [Даль, 2: 1348]. Из словарной статьи Даля явствует, что уже в 1863 г. *очевидно* рассматривалось как более современный вариант слова *очивѣсть*, которое признается устаревшим. Соответственно, можно выстроить ряд лексических единиц с корнем *ОЧ-*: *очивѣсть, очевидно, воочью*³.

Слово *очевидно* впервые зафиксировано лексикографами в «Лексиконе трехязычном» Ф. Поликарпова 1704 г., поэтому в начале статьи речь пойдет о слове *очивѣсть*, так как лексему⁴ *очевидно* можно рассматривать как семантическую преемницу *очивѣсть*. В соответствии с этим статья состоит из трех частей: 1) история *очивѣсть*; 2) история *очевидно*; 3) семантико-синтаксическая характеристика лексемы *очевидно* в текстах XVIII—XX вв.

Каждая единица будет описываться в связи с ее синтаксическими функциями, поскольку, несмотря на прозрачность внутренней формы, слова *очивѣсть, очевидно* прочитываются по-разному в разных контекстах, т. е. имеют конструктивно-обусловленное значение⁵.

1.1. Триада *очивѣсть, очевидно, въ очию* в разные периоды была представлена двумя единицами: в древнерусском — парой *очивѣсть, въ очию*, в современном русском языке — *очевидно, воочью*. И только в текстах XVII в. употреблялись все три единицы.

Наряду с *очивѣсть* функционировали и другие варианты: *очивисть*⁶, *оковидно* и *очевисто, очивѣсто, очевистно, очивѣстнѣ, очевистѣ*, более редкие варианты *очезрительнѣ* и *очевидимо*⁷ [СлРЯ XI—XVII, 14: 94, 98; СлДРЯ, 6: 325—326]. Большой набор единиц можно объяснить не только звуковой, но и семантической близостью глагола *въдѣти* (*ВЪД-/ВЪСТ-*) и глагола *видѣти* (*ВИД-*). Из всех перечисленных вариантов в памятниках наиболее частотен *очивѣсть*, поэтому для удобства в работе он выбран как «имя» («основной вид», основной вариант) слова. *Очевидно*, образованное по той же модели, что и *очивѣсть*, и синонимичное ему в сходных контекстных условиях, рассматривается нами как отдельная единица, а не как ва-

³ Об истории слова *воочью* см. [Гатинская 2008].

⁴ Термин *лексема* используется в работе в том понимании, которое было предложено В. В. Виноградовым [Виноградов 1975: 37] и развито А. А. Уфимцевой [Уфимцева 2004: 70, 71]: как единица номинативной системы и элемент строя языка. Существует традиция использования этого термина и в исторических исследованиях, см. [Цейтлин 1986].

⁵ Подробнее см. в статье [Виноградов 1977].

⁶ Наречие *очивисть*, данное в СлРЯ XI—XVII вариантом к *очивѣсть*, по-видимому, происходит из старославянского языка. **Очивисть**, нареч. (1) ѡфѡлѡфанѡс, видимо, явно, videtelně, zjevně: **ѡкоже очивисть вѣсѣмъ показатисѧ кмоу** Супр. 36. 13-14. [СС 1994: 439].

⁷ Об этой вариантности [Чурмаева 1989: 60].

риант *очивѣсть*. Если словари ([СЦРЯ 1847] и современные исторические) квалифицируют *очивѣсть* как наречие, то *очевидно* в современных толковых словарях подается через форму полного прилагательного и, следовательно, является кратким прилагательным⁸.

Контексты, в которых употребляются *очивѣсть* и *очевидно*, свидетельствуют о том, что для двух слов (учитывая их историческую преемственность) в течение всего их существования были возможны четыре синтаксических функции: 1) внутрисинтаксическая — члена предложения; 2) рамочная — предиката пропозициональной установки в составе сложноподчиненного предложения; 3) внешнесинтаксическая⁹ — вводного слова; 4) диалогическая — самостоятельного реактивного (ответного) высказывания в вопросно-ответном единстве, что признается современными словарями основанием для квалификации этого слова как частицы. Для *очевидно* в современном русском языке характерны позиции 2), 3) и 4), а также значение вероятности, характерное для позиций 3) и 4), не вытекающее из внутренней формы слова.

Если первая функция подводит интересующую нас лексическую единицу под термин «наречие», то три остальных указывают на особый статус этого слова в предложении и в тексте. Для анализа рассматриваемых слов недостаточно ни уровня словосочетания, ни уровня предложения — семантическая интерпретация этих слов требует анализа текстового уровня, что и будет предложено в настоящей работе.

1.2. Слово *очивѣсть* и его варианты представляют собой кальки с греческих наречий (*ὀφθαλμοφανῶς* и др.), которые состояли из двух разных основ¹⁰. В цитатах из ранних источников наречию *очивѣсть* и его вариан-

⁸ В современных исторических словарях эти слова по традиции отнесены к морфологическому разряду наречий [СлРЯ XI—XVII, 14: 94, 98; СлДРЯ, 6: 325], в словарях современного русского языка *очевидно* определяется двояко: 1) в отдельной словарной статье как наречие и как вводное слово [ССРЛЯ, 8: 1791]; 2) в рамках статьи полного прилагательного *очевидный* как вводное слово или частица [ОШ 1997: 486].

⁹ О различии между внутрисинтаксическим и внешнесинтаксическим словом см. в [Золотова 1973: 151].

¹⁰ Греческим наречиям на русской почве соответствуют кальки: *очивѣсть* и ее варианты, а также *очевидно*, образованные двумя разными основами с близкими значениями *ОК-/ОЧ-* и *ВЪД-/ВИД-*. Способ образования этих слов как будто должен быть отнесен к словосложению, а не к редупликации, для которой характерен повтор одного и того же корня и в то же время имеет место повтор семы. Но этот специальный вопрос в статье не обсуждается. *Очивѣсть* и *очевидно* не следует причислять к таким сложным словам, как *велелепно*, *достодолжно*, для которых характерно сочетание первой основы, имеющей усилительное значение (*веле-*; *досто-*), со второй основой, несущей основной смысл. В СлРЯ XVIII подобные сложные слова имеют разные пометы: по происхождению — *славянское* [СлРЯ XVIII, 3], иногда и по назначению — *риторическое* [СлРЯ XVIII, 6].

там соответствуют 4 разным греческих слова. Этим словам приписываются¹¹ следующие значения:

1) ὀφθαλμοφανῶς — ‘видимо глазами’:

κависа [бес] *ему очивѣсть. и гла юму. югда поеши. како не обрыдаешиса стати предъ бѣмъ, или именовати има его. ПНЧ к. XIV, 172г.*; этот пример иллюстрирует толкование наречия в словарной статье СлДРЯ, определяемое как ‘наяву, в действительности’ [СлДРЯ 6: 325]¹². Слово ὀφθαλμοφανῶς¹³ — самое частотное из греческих лексем-источников для *очивѣсть*. В древнерусском тексте «Жития Андрея Юродивого» [ЖАЮ 2000: 4об; 5б; 62 г; С141] оно соответствует четырем *очивѣсть*;

2) αὐτοπτικῶς¹⁴ буквально означает ‘в видимом образе’:

и посла г(с)ь бѣ архангѣла Михаила. очивѣсть глѣща рабу бѣию николь СбТр XIV/XV, 158 об.; этот пример из СлДРЯ иллюстрирует значение слова *очивѣсть*: ‘наяву, в действительности’ [СлДРЯ 6: 325]¹⁵;

3) αὐτοπρῶπως¹⁶ — ‘само+лично’:

это слово приводится в СлРЯ XI—XVII в качестве соответствия к наречиям *очевистоно*, *очевисто*, которые определяются как ‘лично, самолично’: *Очевисто*. (Кирил. Иерус. Огл.) Вост. II, 45. [СлРЯ XI—XVII, 14: 94]¹⁷; но в другой статье этого Словаря лексема-источник αὐτοπρῶπως приведена уже в качестве соответствия слова *очивѣсть* в значении ‘своими глазами, воочию’ с примером: *Сущу ми в мѣстѣ пустыньнѣ... нападе на ма мѣножьство бѣсѣ, и о землю ма разбиша... и къ тому нѣсмъ видѣль очивѣсть дѣмона* (Пов. о ж. Епиф.). Усп. сб., 290. XII—XIII вв. [Там же: 98]¹⁸;

¹¹ Толкования греческих слов предложены К. А. Максимовичем.

¹² Все примеры из картотеки КДРС, кроме рукописных, сверены по источникам, указанным в справочном выпуске СлРЯ XI—XVII вв.

¹³ Значение слова ὀφθαλμοφανῶς И. Дворецким определено как ‘видимым образом, заметно’ [Дворецкий 1958, II: 1211].

¹⁴ Этого слова нет в словаре И. Дворецкого.

¹⁵ Точнее, в этом примере сказано, что Бог послал архангела Михаила, не просто говорящего рабу Божию Николе, но вещающего зримо для Николы, ибо можно слышать голос, но не видеть того, кто говорит. Толкование ‘наяву, в действительности’ неточно и уводит от смысла самого наречия.

¹⁶ Слово αὐτοπρῶπος в словаре И. Дворецкого имеет дефиниции: 1) ‘с собственным лицом, т. е. без маски’ с примером из Лукиана: αὐτοπρῶπων ὄραν τι — видеть что-то в натуральном виде; 2) ‘от себя лично’: αὐτοπρῶπων καὶ δι’ αὐτοῦ λέγειν (Лукиан) [Дворецкий 1958, I: 268]. В примерах представлена форма предикативного прилагательного на -ov.

¹⁷ В статье *очевистоно*, *очевисто* к значению ‘лично, самолично’ других примеров из ранних переводных памятников нет.

¹⁸ Р. М. Цейлин, анализируя способы перевода греческих сложных слов на древнеболгарский, отмечает, что для адекватной передачи языка оригинала переводчики использовали не только калькирование. Примером удачного перевода

4) αὐτοψεί буквально означает ‘собственным видением, собственными глазами’. Наречие αὐτοψεί составлено на основе словоформы в косвенном падеже существительного ὄψις, связанного с глаголом ὄψομαι ‘увидю’ [ЭСФ III: 128]. Ср. родственное ὄμμα — более древнее наименование глаза, чем ὀφθαλμός в древнегреческом языке [Там же].

Слово αὐτοψεί находим в тексте «О Христе и антихристе» св. Ипполита, жившего в середине III в.¹⁹ В словаре И. Дворецкого слово ὄψις с примерами из античных авторов имеет такие значения: 1) внешний вид, внешность; 2) зрелище, картина; 3) явление, видение; 4) зрительное восприятие и др. К пятому значению ‘зрение’ дан пример из Фукидида с формой дательного падежа ὄψει: ὄψει τὸ δραστὲν λαβεῖν Thus. *Воочию увидеть содеянное* [Дворецкий 1958, II: 1214]. Кроме того, в этом словаре есть суш. αὐτοψία — ‘непосредственное узрение’ с примером из Лукиана: αὐτοψίῃ μαθεῖν τι ‘увидеть что-либо собственными глазами’ [Дворецкий 1958, I: 270].

Соответствие αὐτοψεί есть только в карточках в цитате с наречием *очивисть*, в самих исторических словарях СлРЯ XI—XVII и СлДРЯ оно не представлено:

...в иорданѣ [Иоанн Предтеча] *очивисть*²⁰. *кажа сѣса їзлѣви и глѣ се агньць бжїи въземлаи грехы мира.* [Слово Иппол. об ант., 66. XII в.]²¹.

При сопоставлении древнерусских переводов и толкований греческих слов-источников можно увидеть, что, несмотря на различия в исходных значениях четырех греческих слов, они переводятся наречием *очивѣсть* и его вариантами со значением ‘своими глазами, наяву’:

греч. сложения αὐτοπρόσωπον может служить словосочетание *самъ. своимъ лицомъ: овѣштавактъ дѣвци самъ. своимъ лицомъ пришьствнк гавити* Супр. 248, 23 [Цейтлин 1986: 212—213].

¹⁹ Две греческие рукописи этого текста отнесены специалистами к XV и XVI вв.; третья пергаменная рукопись датирована X в. [Святой Ипполит 2008: 204—205]. Последняя была неизвестна К. Невоструеву, опубликовавшему славянский перевод этого текста по Чудовскому списку XII в. с греческим текстом и своим переводом на русский [Слово Иппол. об ант.].

²⁰ *Очивисть* в СлРЯ XI—XVII дается как вариант к *очивѣсть* [СлРЯ XI—XVII, 14: 98].

²¹ См. текст Евангелия: На другой день видит Иоанн [Предтеча] идущего к нему Иисуса и говорит: Вот Агнец Божий, Который берет *на Себя* грехи мира. Ин.1: 29. (И далее говорится: как и сказал ему пославший его крестить в воде, Иоанн узнал Иисуса по особому знаку, он видел на нем Духа, сходящего с неба, как голубя. И засвидетельствовал, что Сей есть сын Божий. Ин.1: 32—34.)

Св. Ипполит передает событие дистанцированно, в пересказе (Иисус назван будущим Спасителем Израиля), тогда как в Новом Завете рассказ дан приближенно к событиям, как актуальная ситуация. Отмечены одновременность действия (Иисус идет к Иоанну Предтече) и восприятия (Иоанн видит его), затем речь (Иоанн говорит). Глаголы употреблены в настоящем историческом. Прямая речь — пророчество Предтечи — содержит речевой «жест» — частицу *вот*.

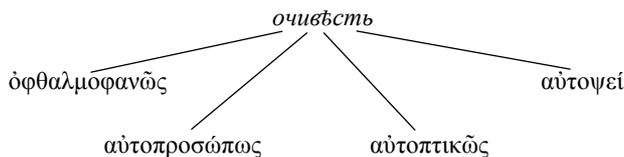

Рис. 1

1.3. Трудность интерпретации рассматриваемых лексических единиц состоит в том, что они имеют субъектную валентность (глаза должны кому-то принадлежать), которая нередко никак не выражена. Остановимся подробнее на последнем примере. Не вполне понятно, к кому относится субъектная валентность слова *очивѣсть*: либо к тому, на кого показал Иоанн, — к Иисусу, либо к тем, кто наблюдал это событие. Второй вариант кажется предпочтительным. В высказывании нет компонента, обозначающего свидетелей события, но употреблена форма глагола *казати*. Показав на Иисуса, Предтеча этим выделил его среди всех, кто там был.

Публикатором «Слова Ипполита об антихристе» К. И. Невоструевым этому примеру дан такой перевод: «...в Иордане он указывает *лично* на *самого* Спасителя и говорит: Се Агнец Божий, вземляй грехи мира» [Слово Иппол. об ант.: 66] (курсив наш. — Н. Г.).

Непонятно употребление слова *лично*. Как уже говорилось, В. И. Даль соединил в одной словарной статье *очивѣсть*, *очевидно*, *вочью* (*въ очию*), тогда как *лично* находится в другой статье²². В Словаре Академии российской (1789—1794) семантика *лично* толкуется как ‘непосредственное участие’: *Лично*. нар. 1) Сам собою. *Предписано явиться к суду лично*. 2) Изу-стно. *Непремину лично вас поблагодарить* [САР-1, 3: 1199]²³.

В первом примере из словарной статьи САР-1 *лично* относится к субъекту (*он должен лично явиться в суд*); во втором примере этим словом задано условие общения (*поблагодарю при личной встрече, а не заочно, письмом*).

Такое употребление *лично* связано с перцепцией. *Явиться лично в суд* — значит ‘показать себя (тебя видят) и видеть самому тех, кто в суде’. Но чаще в высказывании отражены как минимум два участника ситуации. В этом случае *лично* относится к одному из актантов, но сфера действия слова *лично* включает и другого участника (*сообщить, объяснить лично* — ‘сам или самому’; *вручить, доставить, передать лично* — ‘собственно-ручно или в собственные руки’ [ССРЛЯ, 6: 294].

Иное, широко распространенное в современном языке употребление *лично* квалифицируется в другом толковом словаре как частица²⁴ при предметно-личных местоимениях-существительных (*лично я, лично мне,*

²² *Лично нар.* самъ, своим лицомъ, своей особой, непосредственно. *Я лично былъ; лично ему говорили* [Даль 1995, 2: 259].

²³ См. также анализ *очевистѣ* в 2.3.

²⁴ [ОШ 1997: 323].

меня, тебя, его, ей, и др.)²⁵. Данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ) по слову *лично* позволяют сделать вывод, что подобное употребление характерно для диалога, в котором таким способом подчеркивается (1) мнение говорящего по какому-либо вопросу (*я лично так не думаю, мне лично это не нравится*); (2) мнение, предположение говорящего, касающееся второго участника диалога или третьего лица (*тебе лично увольнение не грозит; положение у всех разное: ему лично надеяться не на что*). Думается, что слово *лично* функционирует в подобных примерах как местоимение *сам*, выступая как усилитель.

В переводе Невоструева: Иоанн указал *лично* на Иисуса, на него *самого* — выделенные курсивом слова создают усиление для «указательного жеста» (*именно* на него указал), но сомнительно, чтобы *очивѣсть* использовалось только для этого. *Очивѣсть* может обозначать, что это событие происходило в присутствии свидетелей (= *прилюдно, на глазах у всех*)²⁶.

Перевод Невоструева можно объяснить влиянием семантики греческого языка²⁷. Можно предположить, что К. И. Невоструев перевел *очивѣсть* как риторическое средство усиления, так как не считал его важным в этом контексте.

По мнению К. А. Максимовича, в славянском тексте, как и в греческом оригинале, наречие указывает на то, что это событие происходило на глазах у всех, кто там был. Следовательно, смысл высказывания таков:

...в Иордане он [*Иоанн Предтеча*] *на глазах у всех* показал на Христа (*Спасителя Израиля*) и сказал: се Агнец Божий, который берет на Себя грехи мира.

²⁵ Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев, рассматривая согласуемые сочетания типа *я сам, он один, ему самому, тебе одной, всем нам* и т. п., пришли к выводу, что высказываниям с такими сочетаниями соответствуют по смыслу высказывания-перифразы с притяжательными местоимениями-прилагательными (*мой, твой, его, ее* и т. п.): *Что мне учить других воспитывать детей, когда у меня самого сын не ангел* (= *когда мой собственный сын не ангел*) [Булыгина, Шмелев 1997: 357].

²⁶ Есть еще один вариант контекстных условий, в которых толкование 'лично, самолично' дано к наречию *очивѣсть*: *(ин)ого нѣкоего увѣдѣхом(ъ) хѣа оугодьника. в съ(та)зание съ бѣсы очивѣ(ѣ)сть пришь|дѣшл. и мьногъ нѣкыхъ таинъ въпрашавьшл ихъ* Изб. 1076. 213—213 об. [СлДРЯ, 6: 326]. — Узнал [я] другого некоего Христова угодника, который *лично* (*сам*) состязался с бесами. Этот пример можно трактовать как косвенное свидетельство третьего лица, о котором говорящий сообщает собеседнику. Но в примере из «Слова Ипполита...» такого пересказа нет.

²⁷ «Предикативный признак, определяющий человека, который выражался в греческом языке с помощью обширного набора устойчивых формул, со словоформами от существительных *лицо, очи, уши* и др., при переводе должен быть отнесен к самому человеку, субъекту» [Колесов 1989: 143]. Например, в русском под влиянием греческих образцов — остатки риторических формул со словоформами от сущ. *лицо*: *от лица* своих коллег выражаю благодарность (= от своих коллег); от себя *лично* хочу сказать (= от себя *именно*).

2.1. В древнерусских текстах ситуация зрительного восприятия какого-то объекта или явления часто обозначается во фразе финитной формой самого глагола перцепции *видѣти*, *зърѣти*. При этих глаголах может стоять наречие *очивѣсть*, которое соединяет *очи* и форму глагола *вѣдѣти*. Слово *очивѣсть* нередко встречается в житиях²⁸.

2.2. В древнерусский период активно действующим было слово *очивѣсть*, для которого была характерна внутрисинтаксическая позиция, соединяющая подчинительными связями *очивѣсть*, глагол и субстантивную (местоименную) форму дат. падежа. Собранные примеры показывают, что оно употребляется в высказываниях (1) с глаголами каузации восприятия (*показати*²⁹, *казати*), (2) с глаголами восприятия (*видѣти*, *зърѣти*), (3) с глаголами, в которых соединены значения перемещения и каузации восприятия (*явитьсѧ* / *явлѧтьсѧ*), (4) с глаголами перемещения (*прїиде*, *вниде*), (5) с глаголами активного действия (*нападоша*).

Рассмотрим примеры:

*Царь же <...> шведь в' вертепъ, паде к ногама святыхъ и слезы точя; радоваша бо ся душа его и веселяшася, яко не презрѣ Господь моления его, но **показа** ему **очивѣсть** воскрешение мертвыхъ*³⁰. ВМЧ³¹, Окт. 19—31, 1797. XVI в. [СлРЯ XI—XVII, 14: 98]*³².

*Дѣмонъ же дивлься дерзновеньному его упованію и бестудию еже къ бѹ. **явися** ему **очивѣсть***. Пролог (Срз.), 186 об. 22 дек. XV в. [КДРС].

*Ему^Ж творѧщъ по три лѣта и пишѧщъ емѸ, **прїиде** к немѸ **очивѣст'ь** Іоан^Н бгѸсловъ, во образѣ сѣдѣ*. Изм., 385. XVI в. ~ XIV в. [КДРС].

Слово *очивѣсть* связано подчинительными отношениями как с глаголом (*показа*, *явися*, *прїиде*), так и с дательным адресата, которым выражается субъект восприятия.

Показати очивѣсть здесь означает 'сделать так, чтобы кто-либо увидел своими глазами'. Наречие *очивѣсть* определяет не только действие субъекта-каузатора, но и восприятие каузируемым субъектом — земной человек увидел воскрешение мертвых.

Примеры зрительных свидетельств из житий или из сборников, содержащих жития (Патериков, Четых Миней, Прологов), позволяют говорить о том, что субъектом активного действия в предложениях с наречием *очивѣсть* являются либо Бог и святые, либо дьявол и бесы.

²⁸ О регистрах в древнерусской письменности, о жанровом своеобразии текстов и отборе языковых средств см. [Живов 1996; 2004; Кагарлицкий 1999].

²⁹ В Словаре это значение глагола *показати* определено как 'дать посмотреть, предоставить возможность увидеть, являть' [СлРЯ XI—XVII, 16: 142].

³⁰ Здесь и далее полужирным шрифтом выделено нами. — Н. Г.

³¹ В работе используются сокращения названий источников, принятые в картотеках и словарях: КДРС, КСДР; СлРЯ XI—XVII и СлДРЯ.

³² Здесь и далее знак * означает, что контекст расширен по источнику.

Бог показывает святым, зримо являет человеку чудо, заставляет его воочию видеть Святой Сион, ставит перед ним святого Николая в ризах. На эту целенаправленность в текстах бывают прямые указания. Дьявол заставляет человека воочию видеть бесов или сам зримо является человеку, чтобы искушать его. Например:

Дяволь... очивѣсть являється ему и глѣть, калѣгере³³ изыди от мѣста сего. Ж. Нила Столб., 31. XVII в. ~ 1598 г. [КДРС].

При этом наиболее употребляемым глаголом оказывается *явити-ся/являтися*, представляющий ситуацию как результат целенаправленного действия высшей силы, которая являет человеку святого:

Потом же паки явися емоу очивѣсть в дне во вратехъ дому его старецъ высок возрастом. Ж. Стеф. Мхр., 464. XVII в. ~ XVI в. [КДРС].

В древнерусских текстах глагол *явити-ся/являтися* 'явить себя кому-либо'³⁴, имея сему перцептивности, образует каузативные высказывания — 'сделать так, чтобы его видели'. В этих высказываниях есть субъект каузации (*старец; дьявол*), объект каузации (человек), он же — субъект восприятия, выраженный формой дат. п. существительного или местоимения.

Наречие *очивѣсть* в соединении с дат. п. субъекта восприятия сигнализирует о ситуации зрительного свидетельства: в высказывании сообщается не только о самом явлении святого человеку, но и о том, что явленное чудо было воспринято зрительно, а значит, засвидетельствовано.

Если *очивѣсть* употребляется в высказываниях с предикатами перцепции *видѣти, зрѣти*, значение каузации восприятия сохраняется: высшая сила обуславливает видение (святой захотел, чтобы его видели), — но эта тема уходит на второй план, поскольку на первом плане оказывается человек, воспринимающий сверхъестественное событие. Например:

На той же лодѣ с нами пловый сотникъ стрелецкой видитъ очивѣсть преподобного Сергія, по морю ходяща и морским волнамъ запрещающе. <...> И видевъ то, сотникъ сказал нам свое видѣние: и оттоле море не волнуемо || и тишина бысть. Ч.Серг.Р.Аз., 74. [КДРС]*³⁵.

В другой группе примеров предикат не выражает перцепции. Он выражен глаголами движения (*прїиде, вниде, изыде*), активного действия (*нападаша на нь множество бѣсовъ*). Поскольку у этих глаголов нет валентности на перцептивное слово, наречие *очивѣсть* отрывается от глагола.

³³ Калугер — почтенный старец, монах [СлРЯ XI—XVII, 7: 38].

³⁴ В современном русском языке глагол *являться/явиться* — с дат. п. субъекта восприятия — описывает то, что человек видел во сне или в грезах: *Она во снах мне являється.*

³⁵ В тексте есть разъяснение, почему именно сотнику явился преподобный Сергий Радонежский: в момент бури он молился этому святому, тогда как другие люди, сидевшие в лодке, молились святым Зосиме и Савватию, покровителям моряков.

Можно предположить, что такие высказывания возникли в формулах: [Господь] *показа ему очивѣсть...; явися ему очивѣсть святой*. Вместо предикатов *показа, явися* стали употребляться другие глаголы. Несмотря на замену предиката в высказывании устойчивость формулы сохранялась, это способствовало тому, что при чтении она будет опознана. В вариациях такого высказывания часто используются глаголы движения, обозначающие перемещение из мира Божьего в мир человеческий, например:

прииде к нему [корабленику] очивѣсть святой во едину ноць ВМЧ, Окт. 19—31. 1637. [КДРС]. (Святой хотел, чтобы моряк его увидел.)

В этом примере сфера действия слова *очивѣсть* содержит не только глагол, но и дат. п. адресата, а также им. п. субъекта³⁶. С точки зрения современной лингвистики³⁷ слово *очивѣсть* имеет тройную связь, поэтому в таких примерах это слово не прикреплено к одному компоненту. Отрываясь от собственно присловной позиции, оно определяет предложение в целом. Чтобы показать это, рассмотрим словарный пример в расширенном контексте:

В «Житии Павла Обнорского» агиограф рассказал о том, как Господь захотел прославить своего угодника и преподобный Павел совершил свое первое посмертное чудо: лютой зимой пришел через оконце к умирающему Ивану. Иван много дней лежал безгласный, без движения, как мертвый, но ненадолго очнулся и позвал угодника на помощь. Павел пришел, исцелил его и вышел через окно:

Болныи же схапивса хотѣ| его оудръжати. и вскочивъ со о|дра своего яко николиже болѣвъ | и зршише возлѣ^д его. Онъ же очивѣстнѣ с двора

³⁶ Ср.: *Святой пришел к нему зримый*. Субъектную валентность наречие может наследовать от прилагательного, напомним, что одним из греческих слов-источников *очивѣсть* является наречие *ὀφθαλμοφανῶς*, наречие от прил. *ὀφθαλμοφανής*. Инициальная позиция *очивѣсть* (*Зримый, святой пришел к нему*) в житийных текстах не встречается, следовательно, оно не выступает в позиции детерминанта [Шведова 1964; РГ 1980, 2: 149—150], не имеющего валентностей на компоненты предложения, в которое оно входит.

³⁷ Как пишут авторы «Чешской русской грамматики» [РГ 1979], качественно характеризующее наречие (Adv Qual) (*глупо, хорошо, тихо, героически, порожняком, украдкой* и т. п.) входит в состав сказуемого или примыкает к нему, «но по своим внутренним связям оно может быть соотнесено не только со сказуемым, но также с подлежащим (дополнением)»: *Он был настроен мирно. Дома здесь строят крепко* [РГ 1979, 2: 788]. Кроме того, в современном русском синонимичны конструкции с прилагательными им. и тв. п. и наречием — адвербиализованным сущ. в тв. п.: *Он пришел босой / босым / босиком; возвращался порошний / порошным / порожняком*. В РГ 1980 также отмечено, что у наречия, имеющего словообразовательные связи с прилагательным, могут воспроизводиться связи этого прилагательного (*видно, слышно с дороги, из-за дома*) [РГ 1980, II: 77].

изыде и поѡнаса | на воздѣхъ к мнѣрю и тако | изыде ѿ очію его Ж. Павла Обн., 93. XVII в. ~ XVI в. [СлРЯ XI—XVII, 14: 98]*.

Наречие *очивѣстнѣ* выражает зрительное восприятие, наблюдение происходящего, семантически согласуясь с формой *ѿ очію*. Тем самым зримо предъявлен путь от постели больного, во двор к монастырю и за пределы зрения больного. Свидетельство о чуде исходит от исцеленного Ивана, смотревшего вослед преподобному Павлу. Хотя контекст показывает, что полет наблюдал один Иван, в высказывании это подано так, что полет мог видеть любой, это отражено и в словарном толковании³⁸.

2.3. В текстах других жанров перцептивность в семантике рассматриваемого наречия уходит на второй план, особенно в контексте ирреальных наклонений глагола:

Во уши [царю] заочне шептали на оных святых <...> митрополитѣ тогда предѣ всѣми рекль: Подобаетъ, рече, приведенным им [Селивестру и Адашеву] быти предѣ насъ, да очевистѣ на них клеветы будутъ, и намъ оубо слышети воистинну достоитъ, что они на то отвѣщаютъ Курб. Ист. 263 [СлРЯ XI—XVII, 14: 94]*.

Очевистѣ соотносится с наречием *заочне* в предтексте. Слова *заочне / очевистѣ* связаны с субъектными формами, обозначающими лиц, подвергшихся оговору, клевете (*шептали на оных святых / на них клеветы будут*). Наречие *очевистѣ* относится не к тем, кто говорит; имеются в виду «глаза и уши» тех, о ком говорят и кому речь не предназначена: пусть *говорят и смотрят* на тех, на кого клеветают = *при них, им в глаза*.

Рассматриваемый пример отсылает нас к сфере установления истины, судопроизводства, юридического права³⁹. В этой сфере важной является фигура свидетеля, и *очевистѣ* выражает личное присутствие и личное участие кого-либо в чем-либо, как в примере из деловых документов XVII в.:

Пред нами Иваном Маценкомъ наказнымъ <...> а Миском Михѣнкомъ атаманомъ городовымъ Прилуцкимъ и Лескомъ Карпичем. войтом⁴⁰ Прилуцкимъ з бурмистрами стоявшии очевистѣ Артюхъ Олексеенко <...> признал добровольно, же коня своего власного [собственного] <...> продал Калуж. а., № 26, 56. 1679 г. [КДРС].

³⁸ В словаре эта цитата иллюстрирует дефиницию наречия *очивѣстнѣ* ‘на глазах, явно, на виду у всех’ [СлРЯ XI—XVII, 14: 98]. Ср.: Он же [преподобный Павел], *всем видимый*, со двора вышел и поднялся на воздухе к монастырю.

³⁹ С юридическим термином *очная ставка* можно соотнести сочетание *очевистное глаголаніе* в примере: *Услышавши же сіе [обвинения против них], Селивестръ и Алексій начаша молити [царя], ово епистоляими посылающе, ово чрез митрополита руского, да будетъ очевистное глаголаніе с ними* [СлРЯ XI—XVII, 14: 94]*.

⁴⁰ *Войтъ* — должностное лицо (староста или судья) в Западной и Южной Руси [СлРЯ XI—XVII, 2: 311].

В этом документе, составленном на Черниговской земле, в г. Прилуках, зафиксировано то, что состоялся акт продажи коня казаком Олексеенко купеческому человеку Курчанину, москалю. Публикатор этого текста указывает, что это купчая, а перечисленные лица были свидетелями продажи. Слово *очевисть* относится не только к свидетелям продажи, но и к тому, кто продал: перед нами (*свидетелями*) он стоял сам лично и сказал добровольно, что коня продал.

2.4. Если в житийных текстах *очивѣсть* обнаруживает перцептивную семантику и, соответственно, семантически согласуется либо с глаголами перцептивными, либо с глаголами акциональными, то в летописных текстах перцептивность соединяется с выводным знанием. В Словаре русского языка XI—XVII вв. подобные употребления подпадают под толкование ‘явно, очевидно’ [СлРЯ XI—XVII, 14: 98]. Это значение иллюстрируется следующим примером из Лаврентьевской летописи: *Яко ж(е) и быс(ть), очивѣсто бо бѣ и мѣи бѣя избави я мѣстью своею, зане хрѣсьяне суть* [Там же, 98].

Чтобы понять семантику слова *очивѣсто*, рассмотрим весь отрывок о чудесном спасении Новгорода. В предтексте его рассказано о набеге русских князей на новгородские земли: они пожгли и разорили села вокруг Новгорода, убили много людей, но не вошли в город. Летописец так объясняет происшедшее:

(1169): (1) *се же бы^с за наши грѣхы.* (2) *слы||шахо^м бо пре^ж трии лѣ^т бывшеж знаменья Новѣгородѣ всѣ^м людемъ видѣшимъ. в тре^х бо црквахъ Новгородьскыхъ плакала на тре^х иконахъ стѣна Бѣа. провидѣвши бо мѣи Бжїа пагубу хотѣщую быти надѣ Новымъгородо^м и надѣ юго волостью. молашеть сѣна своего со слезамі. дабы ихъ отинудѣ не искоренилъ, яко^ж преже Содома и Гомора, но яко Ниневгитаны помилуютъ.* (3) *яко^ж и бы^с очивѣсто бо Бѣ и мѣи Бѣа избави я мѣстью своею. зане хрѣяне суть.* (4) *наказаю накази ма. рѣ Гѣ. а смърти не предажъ мене. гла Дѣдѣ.* (5) *тако и сїа людї Новгородьскыа наказа Бѣ. и смърти я дозѣла за преступленьє крѣтнюю. и за гордость ихъ наведе на нѣ. и мѣстью своею избави гра^д ихъ* [Лавр. лет., 121 об. — 122].

Приведенный отрывок связан с предтекстом анафорическим местоимением *се*.

Его можно разделить на пять частей: 1) это констатация того, что нападение на Новгородские земли, разграбление сел и убийство людей — это было послано новгородцам в качестве наказания за грехи (которые новгородцы совершили); 2) рассказ о том, что Богородица знала о пагубе, ожидающей новгородцев, плакала на трех иконах в трех церквах и просила сына своего, чтобы он их помиловал; 3) констатация того, что просьба была услышана; 4) обращение к прецедентному тексту: цитата из Псалтири, «формула мудрого наказания»; 5) применение «формулы мудрого наказания» к ситуации в Новгороде, т. е. объяснение того, в чем состояла милость Божия (Господь наказал новгородцев за нарушение крестного цело-

вания и за гордость, но при этом своей милостью избавил их город от нападавших).

В этом отрывке речь идет о действиях высших сил, люди только видят знамения на иконах (*всѣ^М людемъ видѣцимъ*) или узнают о них (*слышахомъ*); повествователь формой 1 л. мн. ч. причисляет себя ко всем этим людям.

Нас интересует та часть отрывка, в которой *очивѣсто* употребляется с клитикой *бо*, повторяющейся в этой части четыре раза. Сам четырехкратный повтор *бо* можно интерпретировать как средство создания цельности фрагмента в рамках данной синтаксической композиции⁴¹. Особенность композиции этого отрывка в том, что она образует подобие кольца: начинается обобщающим тезисом и обобщающим тезисом заканчивается. Дважды повторяются предложения с глаголом *быти* (*се же бысть; какоже и бысть*), которые можно толковать как утверждение истинности факта (достоверности).

После указанных предложений появляется частица *бо* как показатель обоснования, аргумента в пользу предшествующего утверждения (*слышахомъ бо...; очивѣсто бо*). В обоих случаях частица соседствует со словом восприятия. В таком контексте *очивѣсто* может интерпретироваться как модусная рамка типа: *очевидно, что...* (как и в предшествующем фрагменте: *слышахомъ бо* = ибо нам стало известно).

Обратимся к высказыванию (3) со словом *очивѣсто*. В этом высказывании следует переход от констатации событий к интерпретации. Глагол *избави* выступает не как глагол физического действия, которое можно увидеть (например, *освободил*), а как глагол интерпретационной семантики. Сферу действия семантики наречия *очивѣсто* составляет не один глагол *избави*, а целое высказывание, которое присоединяется посредством клитики *бо*.

На чьи глаза указывает *очивѣсто*? Глаза принадлежат новгородцам — свидетелям того, что нападавшим не удалось войти в Новгород. Избавление от неминуемой смерти истолковано как чудо, значимость этих событий выражена частичным повтором высказывания с *очивѣсто*: (*Бъ*) *мѣтью своею избави гра^А ихъ*.

Очивѣсто в тексте летописи выражает выводное знание на основании зрительно засвидетельствованных фактов: так и было, *потому что все видели, как...*⁴². Чудо, произошедшее у стен города, было *явлением Божьей милости*. Слово *милость* ассоциативно прочно связано с глаголом *явити* — показать милость⁴³. Эта связь сохранилась до наших дней во фразеологии (*явите Божескую милость*) [Михельсон 1994, 2: 570].

⁴¹ О текстообразующей функции энклитик в письменной речи писал В. В. Колесов: в древнерусских текстах разных жанров эти частицы организуют последовательность синтагм «одна по отношению к другой» [Колесов 1989: 247].

⁴² См. о различии между *видеть, что* и *видеть, как* в [Арутюнова 1988: 115, 118].

⁴³ Ср. в Псалтири: *Ужели на веки будешь гневаться на нас? или прострешь гнев Твой из рода в род? (...)* *Яви нам, Господи, милость твою и спасение Твое даруй нам.* Пс. LXXXIV, 6—8 [Псалтирь: 764]

В высказывании есть компрессия. Ср. Бог *явил милость свою* — избавил град их.

С точки зрения современного носителя русского языка *очивѣсто* трудно интерпретировать, поскольку в современном русском языке *очевидно* читается только как *очевидно* (*видно, вижу*), *что...* — т. е. не перцептивно, а собственно ментально. В тексте Лаврентьевской летописи субъектом перцепции являются все участники событий, все знающие о них. В современном же русском языке *очевидно* (без показателя субъекта в дат. п.) принадлежит только говорящему и выражает его собственную модусную рамку (т. е. эгоцентрично) [Падучева 1996: 200, 258].

Рассмотрим второй пример из Лаврентьевской летописи:

(1172) *слышавше же Болгаре. в малѣ дружинѣ княза Мъстислава пришедши. [и] идуща ѿпа^т с полюно^м. доспѣша вборзѣ и побѣаша по ни^х въ ~~ѣ~~. за малы^м не постигоша и^х за к^к верстѣ. князю Мъстиславу на оустыи с малою дру||жиною. а всю дружину пустившю ѿ себе. и възрати ѿ него Бѣ поганыа Болгары. хръяны покрывѣ рукою своего. слышавше бо наши се прославиша Ба заступи бо *очивѣсть* ѿ погану^х стѣа Бѣа. и хръяньска мѣтва. погании бо възратишася вспять. а хръяне хвалаци Ба. взерт^аишася в своя си [КСДР]* [Лавр. лет., 122 об. — 123].*

Отрывок является продолжением рассказа о том, как русские князья воевали с волжскими болгарами. Композицию этого отрывка можно представить следующим образом: (1) рассказ о том, как волжские болгары узнали, что князь Мстислав был с малою дружиной (был беззащитен), стали его преследовать и остановились — это изложение фактов жизни людей; (2) фрагмент о действиях высших сил: Бог отвратил нападение, защитив христиан от поганых; (3) фрагмент о том, как об этом узнали «наши» (христиане) и прославили Бога, (4) *потому что поняли, что* их спасение стало следствием заступничества Богородицы, которая услышала их христианскую молитву; (5) это было явленное чудо, *потому что* поганые возвратились вспять, а христиане во главе с князем Мстиславом, славя Бога, вернулись домой. Наречие *очивѣсть* употреблено в аргументативном высказывании — в той его части, в которой говорится о том, к какому выводу пришли «наши».

В летописном отрывке следование предикативных единиц (основных и зависимых) не соответствует временной последовательности событий: фрагмент (2) соединяет действия человеческие (при помощи оборота дат. самостоятельный нас возвращают к тому временному моменту, когда болгары еще преследовали христиан) и действия Божьи. Фрагмент (4) не развивает ход событий, а является интерпретацией того, что было во фрагменте (2).

В композиции этого отрывка наблюдается соединение как бы «нарезанных» кусками частей. Повествовательные высказывания соединены с частями аргументативного высказывания — развернутой логической структуры, в основе которой лежит тезис, подкрепленный обоснованием.

В данном примере *очивѣсть* не обозначает непосредственного наблюдения. Верующие *не видели* Богородицу, она им *не являлась*. В этом примере употреблена форма глагола *заступи*. По Словарю русского языка XI—XVII вв., глагол *заступити* имеет два значения: 1) ‘закрыть, заслонить’, физически, например, кого-либо собой от врагов: *Стѣславъ <...> съскочи с коня и заступи бѣца своего и поча са бити*. Ипат. лет., 475; 2) ‘защитить, оборонить’: ... *солдат вельно устроить у засѣкъ, чтобы <...> православныхъ христиан от татарской войны заступитъ* АМГ II, 64, 1638. [СлРЯ XI—XVII, 5: 309]. Но в летописи, в рассказе о вмешательстве высших сил, этот глагол выступает как интерпретирующий⁴⁴, т. е. летописец сообщает, что определенные события в действительности надо понимать как заступничество высших сил. В нашем летописном отрывке доказательством заступничества Богородицы служит предикативная единица *погании бо възвратишася вспять*.

И все-таки в тексте как будто чего-то не хватает. В одном из трех летописных примеров со сходным содержанием обнаруживается это необходимое звено:

(1172) *Тоѣ же зимы посла князь великы Андрѣй Юрьевичъ сынъ Долгорукаго Боголюбскій сына своего князя Мстислава на Болгары Воложскія и Камскіе <...>. И тако поидоша въ Болгары, и приидоша къ нимъ безвѣстно, и взяша шесть селъ, а седмое городъ <...>. И гнаша по нихъ въ седми тысящахъ Болгаре, и замала не постигоша, яко точию за двадесять версть. Князю же Мстиславу тогда въ малѣ воинствѣ, вси бо от великіа нужи ови напредѣ отъидоша, а друзіи от нужи зимныя охудѣша; но Господь Бог и пречистая его Мати возврати поганыхъ вспять, яко неизреченно чудо показа, **очевидно бо** заступи и изъ устѣ отъ поганыхъ исторже; едва бо прииде русское воинство восвояси отъ великіа нужи* [СлРЯ XI—XVII 12: 330]*.

Таким образом, те смыслы, которые в примере из Лаврентьевской летописи выражались только наречием *очивѣсть*, в отрывке из Никоновской летописи получили дополнительное выражение, они вербализованы отдельной предикативной единицей: [Господь и пречистая его Мати] *неизреченно чудо показа*. Она находится между тезисом и обоснованием. Благодаря этому во втором летописном отрывке точнее прочитывается то, что возврат волжских болгар назад надо понимать как явленное Господом необыкновенное чудо, а не как случайное стечение обстоятельств⁴⁵.

2.5. Текстовый анализ летописных примеров показывает, что разные словарные толкования — это не следствие многозначности лексической

⁴⁴ Определение и признаки интерпретационных глаголов даны Ю. Д. Апресяном [Апресян 2000: XXV].

⁴⁵ В Словаре наречие *очевидно* дано с дефиницией ‘зримо, воочию для всех’ [СлРЯ XI—XVII, 12: 330].

единицы, а результат интерпретации одного слова в разных синтаксических позициях, т. е. речь идет о позиционных вариантах. В основной массе примеров с наречием *очивѣсть* и его вариантами (29 примеров из житий) можно интерпретировать семантику интересующей нас единицы через «воочию», а в трех рассмотренных летописных примерах⁴⁶ значение *очивѣсть* можно определить как ‘в действительности’⁴⁷, но доказать различие между «воочию» и «наяву» невозможно.

Современный исторический словарь [СлРЯ XI—XVII, 14: 98] толкует летописные примеры с *очивѣсть* как ‘очевидно, явно’ в соответствии с лексикографической традицией⁴⁸. Понимая задачи лексикографов и неизбежные компромиссы при их решении, для прояснения ситуации подойдем к этому толкованию критически.

Толкование с помощью синонима *очевидно* отсылает к современному употреблению этого слова, а значит, не вполне корректно, так как соответствующие древнерусские (церковнославянские) кальки имели другую семантику. Второй компонент толкования (в СлРЯ XI—XVII — ‘явно’) использовался в текстах делового характера XVII в.⁴⁹ В более ранних текстах употреблялся другой синоним *очивѣсть* — слово *явѣ*⁵⁰. Оно больше соответствует жанровой принадлежности лексемы *очивѣсть*. Языковой материал в КДРС показывает, что *явѣ* употреблялось в двух позициях: 1) присловной — при предикате в рамках диктума; 2) рамочной — предиката пропозициональной установки в составе сложного предложения⁵¹.

⁴⁶ При подсчете не учитывались повторы одного и того же высказывания, использованные в других памятниках или в редакциях одного и того же текста.

⁴⁷ В словарной статье СлРЯ XI—XVII *очивѣсть* к значению ‘очевидно, явно’ есть еще один пример, но текстовому анализу его подвергнуть невозможно. Он взят из «Материалов к Словарию древнерусского языка» И. И. Срезневского, однако по ссылкам СлРЯ XI—XVII и Словаря Срезневского расширенный контекст найти не удалось.

⁴⁸ Впервые эти древнерусские кальки отражены в СЦРЯ: **Очивѣсто**, нар. *Стар.* Явно, очевидно. *Заступи бо очивѣсто от поганых.* Соф. Врем. 199. [СЦРЯ 1847, III: 150]. *Очивѣсто* и *очивѣсть* даны как варианты.

⁴⁹ В устойчивых сочетаниях *явно учинить* ‘сделать известным’ и т. п. Например: *и приставы посломъ говорили: мы рѣчи ваши донесемъ до государя своего, и что будет нашего государя воля, и мы вам о том явно учиним.* Польск.д. III, 526. 1567 г. [КДРС].

⁵⁰ В САР-1 *явѣ*. нар. *Сл.* Явно, не скрытно, не тайно. *Не мощи ему явѣ въ градъ внити.* Мк. 1.45. [САР-1, VI: 1024]; имеет помету *сл.*, т. е. церковнославянское. В современных исторических словарях слова *явѣ* и *явно* пока не отражены.

⁵¹ Третья позиция, когда слово *явѣ* становится синтагматически изолированным (вводным), обнаружена только в одном примере: *За что въ шанцахъ выласками непріятель много в шанцахъ побиваетъ? Явѣ за то, что шанцовые сидѣльцы стрѣлять цѣлно не умѣють, и хотя много стрѣляютъ, да мало убиваютъ. Мне, государь, мнитца, кто в цѣль стрѣлять не умѣетъ, того въ шанцы и посылать не*

Во внутрисинтаксической, приглагольной позиции *явѣ* имело значение ‘наяву, в действительности’:

блжнии [Андрей] же видаше єго [демона] явѣ. блудница же гла єго слышаху. а не видяху никогоже [ЖАЮ 2000: 9в /503—504].

В греческом оригинале наречию *явѣ* в некоторых случаях соответствует греческое наречие *φανερῶς*⁵²:

Нѣкоему рекшу к нему. твои другъ на та молви^т. и рѣ. не обличаи єго, еда обыкнуть явѣ то творити. Пч., 119. [КДРС]*. ‘Когда некий (человек) сказал ему: твой друг на тебя наговаривает, и сказал (он): не обличай его, иначе он привыкнет это делать *открыто*’.

В подобных примерах *явѣ* не выражает точку зрения субъекта модуса. Оно относится к субъекту действия и указывает на контроль этого субъекта над тем, наблюдает ли кто-то за ним. Выражая эту семантику, *явѣ* в тексте часто соотносится со словом *отаи*⁵³ = ‘тайно, чтобы не было свидетелей, чтобы никто не знал’ или подразумевает его, как в приведенном примере: Твой друг (*тайно*) на тебя наговаривает. И этот человек сказал, не обличай его, а то (он перестанет стыдиться и) будет делать это *при свидетелях, явно*.

Ср. также описание событий, отраженных в церковнославянском примере: *Не мощи ему явѣ въ градъ внити* Мк. 1.45 [САР-1, VI: 1024]: множество людей следовало за Иисусом. Человек, которого он очистил от проказы, стал рассказывать об этом. И не мог Иисус *явно, не скрываясь от чужих глаз*, войти в город. (Его бы узнали.)

В позиции предиката модусной рамки⁵⁴ *явѣ* (*єсть*), *яко* это слово имело ментальный смысл ‘явно, несомненно’. Так, в примере *явѣ же єсть, яко слово бие сдержити вѣкы* [ЖАЮ 2000: 4522] оно, вероятно, означает ‘не подлежит сомнению, что’. Но есть и контрпримеры. Так, в Толковой Палее читаем: *Но се явѣ єсть: єгда облакъ заступитъ солнце, и стѣнь его потемнѣ предъ очима нашими* [Пал.Толк. 2002: 7г., 28]. Этот пример переведен А. М. Камчатновым выражением *известно, что*. Если же попытаться передать апелляцию не к знанию, а к восприятию, то получаем модусную

для чего Пис. подметн., 39. 1700. *[КДРС] (Доношение Ивана Посошкова боярину Ѡ. А. Головину). Задавая вопрос о причине, Посошков сам же отвечает усиленным утверждением. Ср. *Несомненно*, потому, что ...

⁵² Ср. *φανερῶς* — ‘открыто, явно, очевидно, откровенно; ясно, что’ [Дворецкий 1958 II: 1713].

⁵³ *И възмѣше злато и сребро из отецъ домовъ своихъ, раздаваху маломощемъ явѣ и отаи* ВМЧ. Окт. 19—31, 1777. XVI в. [СлРЯ XI—XVII, 13: 179]. Лексема *отаи* имеет помету *нареч.* и *предлог* [Там же].

⁵⁴ Термин авторов «Коммуникативной грамматики» [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004].

рамку: *Можно видеть, что*, когда облако закроет солнце..., т. е. *любой может наблюдать, как...*⁵⁵.

Анализ языкового материала показал, что слово *очивѣсть*, выполняя «задание», которое диктует жанр текста: выразить зрительное свидетельство (в житиях) или служить обоснованием чуда (в летописях), — смысла своего не меняет. Благодаря семантической цельности слово *очивѣсть* в тексте понималось адресатом однозначно, оно удостоверяло реальность чуда и, подобно морфемам в агглютинативных языках — аффиксам с аналогичной семантикой, выступало как лексический показатель зрительного свидетельства. В отличие от *очивѣсть*, лексема *явѣ*, обладавшая целым спектром значений и их оттенков, эту роль выполнять не могла⁵⁶.

3.1. В значении ‘воочию’ в текстах XI—XVII вв. употреблялась лексема *очивѣсть* со своими вариантами, а также слово *видимо*. Как их синоним в XVII в. стало использоваться наречие *очевидно*⁵⁷. Думается, что это не случайно, ибо обе части *очевидно* прозрачны, тогда как компонент сложных наречий *очивѣсть*, *очивѣсто* — *-вѣсть* (*-вѣсто*), связанный с глаголом *вѣдѣти*, для носителей старорусского языка позднего периода уже ассоциировался только со знанием, но не с «видением», как это могло быть ранее. Кроме того, *вѣсть* и *вѣсто* употреблялись как отдельные наречия со значением ‘известно’ [СлРЯ XI—XVII, 2: 118—119].

Как уже упоминалось, лексикографическая история слова *очевидно* началась с «Лексикона трехязычного» Ф. Поликарпова (Орлова) 1704 г. В нем слова *очевидный*, *очевидно* объяснялись с помощью их иноязычных эквивалентов (греческого и латинского): ***Очевидный***, ὀφθαλμοφανής, oculis conspectus. ***Очевидно***, ὀφθαλμοφανῶς, in oculorum(m) conspectu atque obtutu [Лекс. 1704]⁵⁸.

По дефинициям словарей Российской Академии [САР 2001—2006, IV: 624; СРЯ 1847, III: 149] и современного исторического словаря [СлРЯ

⁵⁵ В сноске 53 показано, что слово *явѣ* могло выражать ментальный смысл и в том случае, когда правый компонент модусной рамки *яко* редуцирован.

⁵⁶ Ср.: [Праведницу Улиянию бесы хотят убить, но вмешательство святого Николая спасает ее]: *Она же абие от сна возбнув; увиде яве мужа из храмины дверьми изыдоша скоро аки молния* [Пов. Ульян. Осор., 345]. Это значит, что Улияния в действительности, а не во сне увидела святого Николая уходящим из горницы. Показательно, что *явѣ* обозначает реальность чуда не в каноническом житии, а в повести XVII в. с элементами агиографии.

⁵⁷ *Очевидно* встречается также в разных редакциях одного текста на месте *очивѣсть*.

⁵⁸ Прилагательному *очевидный* соответствует латинское словосочетание, которое по-русски можно выразить как *наблюдаемый глазами*.

Можно предположить, что составитель имел намерение в словарном описании разграничить две функции, отраженные в семантике слова *очевидно*: а) зрение как *способность видеть*; б) зрение как *инструмент наблюдения* человека. Итак: *in oculorum conspectu atque obtutu* — ‘в видении и наблюдении глаз’.

XI—XVII, 14: 94] слово *очевидно* на протяжении XVII — первой половины XIX в. имело три значения: 1) ‘воочию’, 2) ‘явно’, 3) ‘ясно, понятно’.

В первых двух значениях отражено употребление, относящееся к сфере синсемии, когда глагол и распространитель имеют в семантической структуре одинаковые семы [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 66]. Рассмотрим первое значение.

В «Повести о Савве Грудцыне» (XVII в.) молодой купеческий сын Савва, живя вдали от родителей, вел беспутный образ жизни. Подружившись со сверстником, он вступил в общение с бесом в человеческом обличье и даже подписал с ним договор, не подозревая о том, что продал душу бесам. И только когда Савва заболел и позвал к себе священника, он увидел, как в горницу его входит целая толпа бесов и начинает угрожать ему: *Больными же зря очевидно их [бесов], и ово ужасеся, ово же надѣяся яко на силу божию и до конца все подробно исповѣда иерею*. Сав.Грудц., 77. XVIII в. ~ XVII в. [СлРЯ XI—XVII, 14: 94]. Во время исповеди священник, хотя и был муж святой, испугался, затем что не видно было в горнице никого, кроме больного, но слышен был шум великий от того бесовского сборища [Сав. Грудц. (Скр.)].

В этом примере *очевидно* сочетается с формой перцептивного глагола *зрѣти* — деепричастием *зря*. Как и *очивѣсть* в примерах из житий⁵⁹, *очевидно* в значении ‘воочию’ здесь служит усилителем, обозначающим достоверность необычного зрелища, а именно то, что Савва видел бесов не в своем воображении, а наяву.

В текстах XVIII — начала XIX в. еще встречается сочетание *очевидно* с глаголами *зрѣти*, *видѣти*, означающее ‘видеть своими глазами что-либо’⁶⁰, а затем в этом значении стало употребляться только наречие *воочию*.

Другие значения слова *очевидно* представлены в КДРС и в нашей выборке примерами из текстов петровского времени и XVIII в. Значение ‘явно’ реализуется в примерах с предикатами, имеющими сему наблюдаемости процесса. Самые ранние примеры относятся к последней четверти XVIII в.:

Был человек, который никакого / Не знал ни промысла, ни ремесла, / Но сундуки его полнели очевидно И. Крылов. Скупой и курица [ССРЛЯ, 8: 1791].

⁵⁹ [Боляриня] зряше *очивѣсть* дѣмоны многы приходяща къ неи и устрашающе ея. Ж.Паф.Бор. 27 об. [КДРС].

⁶⁰ Например: *К нему же [Петербургу] многия жажду свою имея, хотят его очевидно зрети, и красоты его насладится охотно желают* (А. Богданов. Описание Санктпетербурга, 1751) [НКРЯ]. *Любопытные люди многие о Граде сем слухом слышат, а очевидно его не видят, то буди им в представление во утоление желаемой жажды их, представляется им абрис его или прошепт* (Там же) [НКРЯ].

По мнению С. В. Кодзасова, в подобных фразах слово *очевидно* можно считать акцентированным⁶¹: *сундуки его полнели *очевидно*.

В этом значении слово *очевидно* употреблялось и с предикатами другого типа. В их семантике нет сем зримости или наблюдаемости процесса. Это предикаты выводного знания (интерпретации). Самый ранний пример из документа петровского времени (докладной записки «Об образе шведского управления» Генриха Фика):

*Напосльдок о нынѣшнем король [Швеции] вѣдати надлежит, что <...> онь государственныя экспедиции между шести министрами раздѣлил і благоумнымъ совѣтамъ і инвенциям одного чюжестранца, барона Герца, много послѣдовал, і ему вышнѣе управление доходов на время повърил, чрез то упадиѣе состояние **очевидно** некоторым образом поправил.* Зак. Петр., I: 549. 1718 г. [КДРС]*.

В примере говорится, что король Швеции во многом последовал советам иностранца барона Герца и доверил ему на время высшее управление доходами и благодаря этому *явно* поправил тяжелое состояние страны. Слово *очевидно* определяет всю пропозицию (*небольшое улучшение состояния дел в стране*). *Очевидно* здесь соответствует смыслу ‘видно, заметно, несомненно для всех’.

ПРИМЕЧАНИЕ: Хотелось бы показать на текстах до Нового времени, как в семантике *очевидно* совершился переход от зримого к умопостигаемому. В словарной статье СлРЯ XI—XVII *очевидно* значение ‘явно, видимо’ иллюстрируется примером: *Дьяволъ же непрестанно ратоваше на преподобного [Нила Столбенского] и очевидно ему пакости дѣяше.* Пролог (П), 67. 1677 г. [СлРЯ XI—XVII, 14: 94]. Дефиниция позволяет трактовать этот пример двояко.

1. Вначале попытаемся обосновать толкование ‘явно’. По контексту видно, что дьявол сам не являлся монаху. Ряд событий, произошедших с преподобным Нилом Столбенским, повествователь относит к козням дьявола. Многократность действий дьявола в высказывании обозначена наречием *непрестанно*; событийное имя *пакости* во мн. ч.

Слово *очевидно* не занимает здесь приглагольную позицию, так как глагол *дѣлати* (*дѣяше*) не содержит семы перцептивности и используется как полузнаменательный в оценочной предикативной единице (*делал пакости*). Можно считать, что *очевидно* здесь подкрепляет, делает более уверенным логический вывод говорящего, осложненный оценкой: дьявол непрестанно боролся с преподобным и *явно, несомненно для всех* делал ему пакости.

Думается, что это всё же осовремененная трактовка семантики слова. Ведь усиливать таким способом можно субъективный вывод (*полагаю, что*). Жития писались на основе монастырских записей, сделанных современниками святого, в них соблюдалась установка на объективность, достоверность, истинность повествования. Странно предполагать, что *очевидно* усиливает уверенность повествования в тексте житийной тематики, где сомнению места нет.

⁶¹ Устное сообщение С. В. Кодзасова. В качестве пометы для акцентированных слов им предложено обозначение * (звездочка).

2. Второй компонент словарного толкования — синоним *видимо*. В ранних древнерусских текстах это слово употреблялось в двух значениях: 1. Зримо: *стѣи же николае видимо нависа ѿрю костянтину. и речемоу въстани ЧудН XII, 67в. 2. Явно, явственно: і оумыслиша свѣтъ золь. како оударити на городъ. (...) і възъбра- ни имъ видимо сила хва* ЛН XIII—XIV, 137 об. (1259) [СлДРЯ, 1: 412].

Рассмотрим контекст, в котором находится пример из Пролога. Интересно, что в предыдущем фрагменте Пролога о Ниле Столбенском говорится: [Когда Нил жил в Ржевской пустыни, питаясь травой и вершием дубным.] *Діаволь же не терпя се- го видѣти, всяко вооружается на святаго, многими страшилищи преображаяся, в зѣбри и во вся гады, и привидѣнми во дни и въ нощи; и ненаказанными чловѣки пакости ему дѣяше. И тако пребысть 13 лѣтъ* [Пролог (II): 67].

Из приведенного текста видно, что дьявол сам пугал преподобного зримо, а также действовал через невежественных людей. И вывод, и описание конкретных событий находятся в одном высказывании.

Словарный пример СлРЯ XI—XVII является частичным повтором и перифразой этого высказывания (см. подчеркнутое). В данном примере говорится о действиях дьявола против Нила, и только в последующих высказываниях разъясняется, в чем конкретно они выражались: Нилу показалось (используется глагол *мѣтти*), что на келью возложена веревка, чтобы сбросить ее в озеро; преподобный отогнал это видение молитвой. Когда жители, захотевшие согнать Нила с острова, зажгли лес, святой своей молитвой угасил пламя.

В житиях, в рассказах о нападении дьявола или бесов на человека сфера действия *очивѣсть* находится внутри одного высказывания, в этом же словарном примере сфера действия слова *очевидно* выходит за рамки одного высказывания.

Если сопоставить часть предыдущего высказывания с его повтором, то можно предположить, что *очевидно* здесь имеет значение ‘зримо’: *Діаволь ненаказанными чловѣки пакости ему дѣяше! Діаволь очевидно (видениями) ему пакости дѣяше*. В рамках этого значения возможен и другой вариант интерпретации: дьявол боролся с преподобным, и *можно было видеть* пакости, которые он ему делал. дьявол делал преподобному *видимые, зримые* пакости.

Аргументов в пользу значения ‘зримо’ немного. В то же время мы не можем не учитывать, что в соответствии с внутренней формой *очевидно* словарный пример вызывает аллюзии — отсылает к множеству описанных в житиях ситуаций, в которых дьявол вступает в борьбу с праведником (пугающих зрелищ, обманных видений и т. п.). Уже в силу этого нельзя однозначно утверждать, что *очевидно* в этом примере выражает значение ‘явно’. Он не может быть эталонным, по которому различаются значения ‘зримо, воочию’ и ‘явно, несомненно всем’.

3. Есть и третья трактовка. *Очевидно* в значении ‘ясно, понятно кому-либо’ используется как безлично-предикативный компонент и имеет валентность на имя в дат. п. Тогда сферой действия слова *очевидно* является та часть высказывания, в которую оно входит. Она не является простым предложением и в свою очередь состоит из двух частей: *очевидно ему; (дѣиаволь) пакости дѣяше (ему)*.

Таким образом, получаем: *Чтобы* преподобному было очевидно *его могущество*, дьявол делал ему пакости. = *Чтобы* вразумить его, дьявол *демонстративно досаждал*, наносил вред преподобному.

Таким образом, в этой интерпретации отражено «двойное» действие лексемы *очевидно*: ментальное значение (*понятно* ему, монаху) и остатки визуальности (дьявол делал так, *чтобы* это было *заметно, видно* Нилу). Ср. более простую трак-

товку: дьявол непрестанно боролся с преподобным и *много раз вредил* ему, *чтобы тот понял* его силу.

Почему же нельзя однозначно истолковать этот как будто бы ясный пример? Думается, здесь произошло столкновение текстового (житийного, жанрового) употребления этого слова с общим, расширенным (речевым и текстовым), в котором, кроме значения 'воочию', возможны и другие значения слова. Точнее, вместо строгого текстового прочитывается более свободный вариант употребления.

Значение 'ясно, понятно' можно отнести к употреблению *очевидно* в роли безлично-предикативного компонента в сочетании с неполнозначными глаголами *казаться / показаться; быть; стать / становиться* и др. На-пример:

[На тексте доклада барона Огильви Петр I с учетом трудностей в прошлом военном походе предлагает изменения в подготовке к предстоящему походу]:

Дабы... тяжелые артиллерийные и провиантовые телеги сыльными тяглыми волами припрячь, ибо в семъ походѣ очевидно показалось, что малыми и слабыми лошадьми... тяжелые возы невозможно вестъ [Петр III, 500]. [КДРС].

Петр I предложил впредь в тяжелые артиллерийские и провиантские телеги впрягать сильных тягловых волов, 'ибо в этом походе ясно показалось, что малыми и слабыми лошадьми тяжелые возы везти невозможно'⁶².

В середине XIX в. *очевидно* начинает выражать субъективное отношение говорящего к сообщаемому и как безличный модусный предикатив прочитывается вне структуры предложения⁶³. Это могло произойти двояким путем: 1) либо в результате усечения модусной конструкции *очевидно, что...* 2) либо в результате потери присловных внутрисинтаксических связей одиночного *очевидно*.

⁶² В словарных статьях САР и СЦРЯ безлично-предикативная функция слова *очевидно* не отмечена. В грамматиках морфологический статус таких единиц устанавливался с первой трети XIX в.: «В значении безличных глаголов у нас употребляются также прилагательные первообразные [краткие. — Н. Г.] среднего рода» [Давыдов 1854: 300—301]. А. Х. Востоков относил именные компоненты в безлично-предикативной функции к составным глаголам, которые требуют вспомогательных причастиями это и краткие прилагательные среднего рода на -о. К таким составным глаголам отнесены и существительные «с особенными окончаниями» *льзя, жаль, льнь* в роли безличных глаголов [Там же]. Исходя из его разграничения прилагательных на *склоняемые* и *спрягаемые* (*бѣлый, бѣль; синій, синь*) [Там же: 53], можно сделать вывод, что к «спрягаемым словам» (в нашем случае кратким страдательным причастиям среднего рода) А. Х. Востоков приравнивал и краткие прилагательные на -о.

⁶³ Впервые о внепредложенческом статусе единиц, названных В. В. Виноградовым модальными словами, было заявлено А. А. Шахматовым [Шахматов 1925: 258].

3.2. В письменной речи последних десятилетий XVIII в. и первой четверти XIX в. можно наблюдать, как апробируются разные способы выражения отношения говорящего к сообщаемому.

Н. С. Поспеловым отмечена конкуренция безлично-предикативных слов в качестве опорных в изъяснительной конструкции (*разумеется, что; знать, что; кажется, что; вероятно, что* и др.) с соответствующими вводными словами. В этой конкуренции побеждают последние, но только к концу XIX в. [Очерки по ИГ-5: 63, 71, 80]. Например: *Разумеется, что все такие слова без проводника идут к сердцу* (Живописец); *Знать, что всякое сострадание исчезло в их сердцах* (Фонвизин п. сестре, апр. 1778); *Кажется, что жребий нашей литературы еще не решен* (Моск. телеграф, 1825, № 8); *Вероятно, что на сем обширном пространстве найдут высокую цепь гор* (Там же, № 8).

Ср.: *Знать, при дворе у Льва привольное житье* (И. Дмитриев. Две лисы); *Не помню прямо я, по случаю какому / Отправил лев осла, но, разумеется, не в качестве посла* (И. Хемницер. Осел в уборе); *Кажется, все это и негораздо смешно было* (А. Т. Болотов). [Очерки по ИГ 5: 63—64]; *И так, сударь! вы на конец... в центрѣ художеств, наук, вкуса, увеселений, забав, и вѣроятно останетесь в этой столицѣ на всю вашу жизнь*. Сен-Меран 25 [СлРЯ XVIII, 3: 47].

Очевидно активно образует модусную рамочную конструкцию *очевидно, что...* Модусная рамка (*кому*) *очевидно, что* не выражала гипотетичности, она имела и имеет значение '(что) ясно, понятно, несомненно (кому)'. Это можно увидеть из следующих примеров:

*Какое отношение может с тем сравняться, в котором мы, человеки, находимся, как человеки, к нашему богу, к нашему создателю, к нашему отцу? Познайте же, любезные сочеловеки сего мира, величие и достоинство, которыми вы в сѣм отношении превознесены. Мы уверены, что вы чувствуете в сердцах ваших ощущения, приличные сему вашему достоинству. **Очевидно, что** бог нас сотворил и содержит для того, дабы нами своё величество, силу, славу и премудрость вселенной предъявити. Мы дело рук его; а дело превозносит творителя своего* (Н. Новиков. О достоинстве человека в отношениях к богу и миру, 1777) [НКРЯ].

Пушкин, рассказывая о своем путешествии по маршруту Радищева, находит преувеличения в его описаниях крестьянской избы и быта крестьян: *Очевидно, что Радищев начертал карикатуру* (А. Пушкин. Путешествие из Москвы в Петербург)⁶⁴.

3.3. Постепенный переход *очевидно* в дискурсивное слово⁶⁵ можно представить следующим образом. Исходя из позиции внутри предложения, оно обладало тремя возможностями:

⁶⁴ Пример Н. С. Поспелова.

⁶⁵ Н. С. Поспелов датирует появление вводного слова *очевидно* второй половиной XIX в. [Очерки по ИГ-5: 76].

1) *очевидно* в присловной (приглагольной) позиции в высказываниях-описаниях с глаголами, имеющими перцептивную сему⁶⁶;

2) в уверенных высказываниях слово *очевидно* в значении 'явно' рядом с предикатом выводного знания;

3) *очевидно* рядом с предикатом, но все высказывание находится в иных контекстных условиях (уходит «приглазность», наблюдаемость); это изменило смысл слова *очевидно* (оно перестало прочитываться в соответствии с внутренней формой) и привело к тому, что это слово позиционно оторвалось от предиката, стало синтаксически независимым в предложении и приобрело способность выступать в высказывании как отдельная синтагма.

Рассмотрим пример, характеризующий второй вариант употребления:

Шамиль очевидно боится за свой Ведень, к которому дорога почти открыта, и заставляет несчастных Чеченцев делать огромные рвы через сделанные просеки и держат там постоянные сильные караулы (М. С. Воронцов — А. П. Ермолову, 9 мая 1850) [НКРЯ].

Предикат *боится*, при котором находится *очевидно*, не может прочитываться перцептивно, для этого нет контекстных условий. Это уверенный вывод на основе знания ситуации. Из содержания высказывания естественно предположить, что это заключение объективно, так как сделано «по всем видимым признакам», т. е. на основании фактов.

Во время чтения «Кавказских писем» М. С. Воронцова, написанных А. П. Ермолову в 1845—1852 гг., читателя не покидает чувство, что автор все время держит своего неприятеля — Шамиля — в зоне постоянного внимания, находится с ним в своеобразном диалоге. Получается, что это не просто какое-то «внешнее» знание о человеке, противнике: Воронцов мысленно находится с ним «лицом к лицу». Отсюда уверенность тона.

Расширим контекст высказывания о Шамиле по источнику, обозначим цифрами две разные его части, разделим на два абзаца:

(1) *Тифлис, 9 мая 1850 г. (...)* Нестеров выздоравливает, (...) я надеюсь, что к осени он будет совершенно здоров и в состоянии приняться

⁶⁶ Поддержку «приглазности» демонстрируют примеры, в которых предикаты имеют общий смысл «делать что-либо вопреки правилам приличия, хорошего тона»: «Положительно, следует отказать ей», — подумал он уже не в первый раз за эту зиму. Алексею Григорьевичу очень не нравилось, что Наташа, такая скромная в первые два года службы у него, теперь *очевидно* кокетничает с ним. Она смотрит на него иногда какими-то странными глазами (Ф. Сологуб. Звериный быт, 1912). Варенька, передававшая мне в это время чашку чая, и Софья Ивановна, смотревшая на меня в то время, как я говорил, обе отвернулись от меня и заговорили о другом, с выражением лица, которое потом я часто встречал у добрых людей, когда очень молодой человек начинает *очевидно* лгать им в глаза, и которое значит: «Ведь мы знаем, что он лжет, и зачем он это» (Л. Толстой. Юность, 1857) [НКРЯ].

опять за службу. Между тем зимние его операции оставили большие следы и на деле, и в умах чеченцев. Шамиль **очевидно** боится за свой Ведень [свою ставку], к которому дорога почти открыта, и заставляет несчастных Чеченцев делать огромные рвы через сделанные просеки и держать там постоянные сильные караулы.

(2) Между тем другие уверяют, что он имеет намерение перебраться в Карату и уже посылает туда часть своего имущества; он назначил туда сына своего мудиром над многими наибам и сосватал его на дочери Даниель-Бека. Впрочем все слухи о разных военных приготовлениях и нашествиях оказались пустыми, и они только готовятся на отражение тех покушений, которых они от нас ожидают [НКРЯ]* [Воронцов 2004: 354—355].

Можно видеть, что в последующем контексте (во 2-й части) уверенности нет, автор снижает тон, начинает сомневаться: сообщает разные варианты действий и намерений неприятеля. Они маркируются как сведения из третьих рук, а значит, для говорящего эта информация «чужая», которой он не вполне доверяет. В 1-й же части этого отрывка слово *очевидно* находится в высказывании с высокой степенью уверенности, смысл его можно расценивать как ‘явно, определенно’⁶⁷.

Посмотрим, меняется ли смысл лексемы от контекста, в котором находится высказывание. Перенесем высказывание со словом *очевидно*, с необходимыми трансформациями, во вторую часть отрывка, которая напоминает контекст дискурсивного показателя гипотетичности: Уверяют, что он [Шамиль] имеет намерение перебраться в Карату и уже посылает туда часть своего имущества; он назначил туда сына своего мудиром над многими наибам и сосватал его на дочери Даниель-Бека. Впрочем, все слухи о разных военных приготовлениях и нашествиях оказались пустыми, и они только готовятся на отражение тех покушений, которых они от нас ожидают. **Очевидно**, Шамиль боится за свой Ведень, к которому дорога почти открыта, **потому что** он заставляет несчастных Чеченцев делать огромные рвы через сделанные просеки и держать там постоянные сильные караулы.

В таком контексте получаем неуверенное высказывание. В нем слово *очевидно* маркирует предикативную единицу, обозначающую гипотезу говорящего о том, как субъект высказывания оценивает свое положение, и обоснование этой гипотезы.

Таким образом, если в первом случае (исходный пример) говорящий ясно видит, представляет себе положение дел и строит уверенное высказывание, то во втором случае (трансформированный пример) этой ясности

⁶⁷ Из сопоставления двух частей отрывка видим: в первой части подразумевается, что Шамиль остается в своей вотчине и ставке Ведено. Во второй сказано: по слухам, Шамиль будет перебираться в другое место.

нет, уверенность теряется. В этих условиях *очевидно*, подобно другим показателям гипотетичности, встраивается в каузативные текстовые структуры. В трансформированном примере показан результат перехода *очевидно* в новое качество — дискурсивный показатель *очевидно*.

После долгого использования в позиции рядом с предикатом слово *очевидно*, по-видимому, в устной речи стало «подвижным». Это произошло задолго до того, как в письменной речи стал выделяться запятыми показатель *очевидно*.

3.4. Семантическая интерпретация рассматриваемой лексики непосредственно связана с ответом на вопрос: какой части речи принадлежит *очевидно*?

Знаменательное употребление *очевидно* в текстах XVII — середины XIX в. отражено в словарях. В Словарях Академии (САР и СЦРЯ) морфологический статус этого слова — наречие. В толковом словаре середины XX в. — ССРЛЯ — *очевидно* также трактуется как наречие. Иллюстрацией к словарной статье служат примеры, где оно употреблено с усилителями (*так*) и/или ставится в сочиненный ряд, что укрепляет его позицию, например:

Вечера А. П. отличались еще тем, что нигде, как на этих вечерах, не высказывался так очевидно и твердо градус политического термометра (Л. Толстой. Война и мир).

— *Ах, как вкусно! Ты попробуй! Было жёстко и кисло. Я видел счастливого человека, заветная мечта которого осуществилась так очевидно, который достиг цели в жизни, получил то, что хотел, который был доволен своею судьбой, самим собой* (А. Чехов. Крыжовник) [ССРЛЯ, 8: 1791].

Рассмотрим еще несколько примеров.

1 ноября 1777 г. Монпелье. Теперь вы уже знаете, что мы сюда благополучно приехали. Благодарю Бога, жена очевидно оправляется. Я имею причины ласкаться, что привезу ее к вам здоровую. Лечить ее взялся первый здешний доктор. (...) Монпелье можно назвать по справедливости больницею, но такую, где живут уже выздоравливающие (Д. Фонвизин. Письма (1777—1778) [Фонвизин II: 410—411].

В этом примере используется полнозначный глагол, который обозначает то, что можно увидеть глазами, — происходящие с человеком изменения. Поэтому здесь *очевидно* является присловным компонентом, определяющим диктальный предикат *оправляется* ‘поправляется, выздоравливает’.

[О войне союзников с Наполеоном в Европе в 1805 г.] *Неприятель начал перестрелку. (...) Совершенно от нас зависяло уничтожить принца Мюрата, но мы довольствовались пустой перестрелкой, и Мюрат был атакующим. Между тем неприятель сдѣлался предприимчиве и непо-*

нятным образом успѣл обойти наше лѣвое крыло. (...) к вечеру стали **очевидно** уменьшаться войска наши и замѣтны многіе в линіях интервалы. Легко было понять, что не таков должен быть порядок при отступлении, и что войска отходили, конечно, не по приказанію, но по произволу (Записки А. П. Ермолова. Ч. I. 1801—1812) [НКРЯ]* [Ермолов 1865: 46—47].

В этом примере *очевидно* также является присловным компонентом. Заметим, что в двух этих примерах употреблены глаголы, допускающие перцептивную сему. Это глаголы несовершенного вида.

Глаголы, употребляющиеся в таких примерах, однотипны: *усиливаться, умножаться, расти, возрастать/уменьшаться; угасать/поправляться; полнеть/худеть* (силы неприятеля очевидно умножались авангардом; она очевидно угасала; больной [холерой] очевидно худеет)⁶⁸, но, в отличие от примеров в ССРЛЯ, это полнозначенательные лексемы. Таким образом, статус *очевидно* как наречия можно считать доказанным.

В других примерах функция *очевидно* иная. Рассмотрим пример из Фонвизина:

Сорванцов. Я слыхал пословицу: не учась, в поны не ставят.

Здравомысл. С тех пор как стали следовать сей пословице, поны наши **очевидно** стали лучше и просвещеннее, и сия часть граждан отправляет свою должность гораздо порядочнее. Я совершенно уверен, что если б взято было за правило: не учась, в судьи не определять, то между судьями невежество было гораздо реже (Д. Фонвизин. Письмо от Стародума (Разговор у княгини Халдиной), 1788) [РЛ XVIII: 372].

В отличие от предыдущего примера речь идет не о переменах, происходящих «на глазах», а о том, что результат изменений стал для всех явным. В этом примере представлена оценка положения дел говорящим (священники стали лучше и просвещеннее). *Очевидно* имеет смысл ‘видно, заметно, ясно всем’.

Рассмотрим другой пример:

Достижение результатов [в обучении Пети акробатике] сопровождалось таким детским визгом, такими криками, что товарищи Беккера врывались в его комнату и отнимали из рук его мальчика. И странное дело: каждый раз как Эдвардс принимался тут же показывать, как

⁶⁸ Я застал, как он [Белинский] **очевидно** догорал в борьбе, не только со всем враждебным, чем обставлена была его жизнь, но он не совладел с хаотическим состоянием собственных сил, в которых никогда не было равновесия. Надо еще удивляться, как при этой непрерывной напряженной работе умственных и душевных сил в таком скудельном сосуде, жизнь могла прогореть почти до сорока лет! (И. Гончаров. Заметки к личности Белинского, 1874) [НКРЯ].

надо делать ту или иную штуку, Петя исполнял упражнение с большой ловкостью и охотой. Под руководством Эдвардса он сделал бы, без сомнения, большие успехи; в руках Беккера дальнейшее развитие очевидно замедлялось. Петя продолжал бояться своего наставника, как в первый день (Д. Григорович. Гуттаперчевый мальчик, 1883).

Высказывание со словом *очевидно* также представляет собой не воспроизведение зрительно воспринимаемых действий, а вывод, основанный на наблюдении.

Каков статус *очевидно* в подобных примерах? Можно предположить, что эта лексема функционирует в высказывании в особой роли — не вводного слова: подобное употребление можно трактовать как модусный показатель уверенности говорящего, который можно сопоставить со словом *явно*, как и в примере из Достоевского. В «Дневнике писателя» описан судебный процесс: родители обвинялись в жестоком обращении с родными детьми. Хотя обвинение было доказано, они были оправданы. Подробный рассказ об этом Достоевский заканчивает так: *У нас в судах случается, что когда подсудимые бывают оправданы (и особенно когда они очевидно виновны, но отпущены лишь милосердием суда), то председатель, объявляя подсудимому свободу, говорит ему иногда при этом назидание на тему: как именно ему следует принять это оправдание, что вынести из всего этого в жизнь, как избежать в дальнейшем повторения беды* (Ф. Достоевский. Дневник писателя, 1877) [НКРЯ].

В этом примере *очевидно* можно заменить словом *явно*. Именно у слова *явно* в современном русском языке есть такая позиция в высказывании — не выделяясь запятыми, располагаясь между субъектом и предикатом, оно обозначает «внешнюю» точку зрения на события. В этом примере мнение говорящего выражено предикатом выводного знания (*виновны*), слово *очевидно* означает, что это заключение явно, несомненно для всех.

3.5. Проблема частеречного статуса *очевидно* связана с его лексикографическим отображением. Толкование этого слова зависит от его частеречной характеристики. В словарях Академии XVIII—XIX вв. оно определялось как *наречие*; как *прилагательное* и как *вводное слово* — в словаре Ушакова и в Словаре Ожегова—Шведовой⁶⁹; как *наречие* и *вводное слово* — в ССРЛЯ⁷⁰; как *частица* (слово-предложение) — в словаре Ожегова—Шведовой.

⁶⁹ Характеристика *вводное слово* обозначает его синтаксическую позицию и выносит слово за пределы частей речи. В. В. Виноградов ввел термин *модальное слово*.

⁷⁰ В книге «Русский язык» В. В. Виноградов, классифицируя модальные слова по происхождению, относит *очевидно* к модальным словам, однотипным со словами категории состояния (*видно, понятно*), а не к группе модальных слов, однородных с качественными наречиями на *-о* (*действительно*) [Виноградов 2001: 602].

В толковых словарях, вероятно, в целях точности и унификации, словарные описания начинаются с полного прилагательного. В них есть два варианта словарных описаний: 1) слово *очевидно* представлено в двух словарных статьях⁷¹; 2) *очевидно* не имеет отдельной статьи и находится в рамках статьи полного прилагательного⁷².

При решении вопроса о грамматическом статусе слова *очевидно* возможны три точки зрения, представленные в отечественной русистике:

- 1) краткое прилагательное среднего рода;
- 2) качественно-характеризующее наречие в приглагольной позиции;
- 3) модусный предикатив.

Возможность трех частеречных характеристик слова *очевидно* обусловлена (1) разными синтаксическими позициями слова *очевидно*, на которые ориентированы авторы грамматик, (2) разными теоретическими установками: синхронной или диахронной.

Первая точка зрения, согласно которой *очевидно* — это краткое прилагательное среднего рода, представлена в работах историков языка [Восточков 1831; Потебня 1958]⁷³. А. А. Потебня, рассматривая прилагательное в роли предиката, говорит, что прилагательное, по отсутствию в нем представления об определенной субстанции, сходно с бессубъектным сказу-

⁷¹ В словаре Д. Н. Ушакова представлено два *очевидно*. Одно (служебное) — квалифицируется как вводное слово в значении ‘вероятно, по-видимому’. Значительное же употребление *очевидно* в качестве наречия отнесено к словарной статье прилагательного *очевидный* с основным значением «несомненный, бесспорный, такой явный, что можно убедиться собственными глазами» [СЛУ, 2: 280]. По мнению составителей, оно восходит к значению: «Первонач. заметный, видимый, взору. *Сундуки его полнели очевидно*. Крлв.» [Там же]. Прямое значение иллюстрируется примером именно с *очевидно*, это означает, что для данного значения первична форма *очевидно*. (Сочетание *очевидный свидетель* отмечено в текстах древнерусского периода и употреблялось еще в текстах XIX в.). В современном русском языке значение прилагательного *очевидный* (*очевидный ущерб, очевидная победа*) становится переносным, а прямой смысл выражается лишь отчасти, благодаря сильной внутренней форме слова.

⁷² В словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой *очевидный* толкуется как ‘явный, бесспорный’ (*очевидное недоразумение*), а *очевидно* имеет два значения 1) вероятно, по-видимому; 2) «выражение утверждения, подтверждения» [ОШ 1997]. В этой словарной статье даны следующие грамматические характеристики: 1) полное и краткое прилагательное (женский и мужской род указан, средний род — нет); 2) вводное слово; 3) частица (слово-предложение) со смыслом уверенности/неуверенности. Поскольку вводное слово — это особая синтаксическая позиция, а не часть речи, то основная грамматическая характеристика — прилагательное [Там же: 486].

⁷³ См. также: «С очень раннего времени в качестве наречия могла быть использована форма им. и вин. п. ед. ч. ср. р. именного прилагательного. Так, например, *бързо* могло обозначать (в зависимости от контекста) *быстро* и *быстрое*. Этот способ является продуктивным и в настоящее время» [Борковский, Кузнецов 1963: 306].

емым. О согласовании он пишет, что оно «не есть лишь следствие присутствия известных окончаний, но имеет цену само по себе». «Согласование на всех ступенях своего развития есть средство производить известные оттенки мысли. Его нарушение всегда образует новые грамматические категории. Так и в настоящем случае. В русском прилагательное предикативное, отличаясь от атрибутивного, остается все-таки признаком, мыслимым в субъекте и изменяющимся вместе с ним: *снег бел* и *бумага бела*» [Потебня 1958: 113]. «Когда же язык уничтожает согласование, то тем самым он отвлекает признак от субъекта» [Там же: 114]. В подстрочной сноске к этому параграфу А. А. Потебня приводит примеры: *дивно видѣхъ Словѣньскую землю* (Лавр.лет, 4); *есть ли любо въра ваша и служение* (Лавр.лет., 47) [Там же: 115], которые могут служить иллюстрацией к высказанным суждениям⁷⁴.

В словарях эта точка зрения отражена в толкованиях *очевидно* через прилагательное. Объединение с прилагательным для *очевидно* правомерно и с точки зрения морфемной структуры: *ОЧ-(Е)-ВИД-Н-О*. Суффикс *-Н-* свидетельствует, что *очевидно* — производное от прилагательного. Для прилагательных в древнерусском языке раннего периода характерны суффиксы **-ьн-* и др. [Варбот 1969: 153]. Прилагательные *видѣнь* и *видѣньи* образованы с помощью суффикса **-ьн-* от существительного *видѣ* или от глагола *видѣти*.

Эта точка зрения обосновывается анализом собственно характеризующих лексем (*зоркий, умный, тихий*). Наречия на *-о* в сочетаниях *быстро бежит, зорко видит, тихо поет* квалифицируются как краткие прилагательные среднего рода в позиции при глаголе. Впервые это сформулировал Н. Н. Дурново [Дурново 1929: 12]. М. В. Панов, развивая идеи позиционной морфологии, пишет, что прилагательная форма на *-о* утратила все словоизменительные свойства прилагательного: падеж, число и род (в ед. ч.), но, так как здесь изменение позиционное, этого достаточно, чтобы объединить (*смотрит строго* и *строгий (взгляд)*) в единое слово — прилагательное [Панов 1999: 232]⁷⁵.

Установка на синхронное описание требует признать эти слова наречиями. Эта вторая, наиболее распространенная, точка зрения связана с прилагательной позицией этих слов в современном языке и может обосновываться синонимической заменой: *очевидно виновны* — *очевидная вина*. Но примеров с *очевидно* в этой позиции в современных текстах почти нет. Прилагательное употребление отражено в текстах XVIII—XIX вв.

Третья точка зрения: форма на *-о* — это категория состояния. Для этой категории характерно наличие дательного падежа субъекта. Но в отличие

⁷⁴ См. также заметки А. А. Потебни о бессубъектных предложениях со словами *видно, слышно* [Потебня 1963: 358, 368].

⁷⁵ В связи с этим следует упомянуть интерпретацию примера Н. А. Янко-Триницкой: *отсюда видно озеро*, сделанную М. В. Пановым [Там же].

от других предикативов (*стыдно, совестно* и др.) *очевидно* сохраняет противопоставление по роду (*очевиден — очевидна — очевидно*)⁷⁶.

Можно признать, что это два разных слова: а) *очевидно* — краткое прилагательное и б) *очевидно* — предикатив; либо считать, что это одно слово, которое может соединяться (1) с неполной номинализацией⁷⁷ *то, что, ... очевидно* (используется форма среднего рода) или (2) с пропозициональным именем. В последнем случае образуется полная номинализация (с согласованием по роду) *промах очевиден, ошибка очевидна, преимущество очевидно*.

Частеречная характеристика важна для компонентов, образующих пропозициональную структуру, когда же мы выходим в сферу модуса, эта характеристика становится нерелевантной. В. В. Виноградов предложил новую категорию слов вне частей речи — модальные слова, а современные исследователи используют термин дискурсивные слова.

По-видимому, перед нами модусная лексическая единица *очевидно*, которая, выражая уверенность говорящего, может употребляться в следующих синтаксических конструкциях:

1) неполная номинализация: *то, что* придаточное занимает именную позицию (*то, что он ошибся, очевидно*);

2) полная номинализация, тот же смысл представлен существительным (*его ошибка очевидна*);

3) следующим шагом этого преобразования будет словосочетание, в котором слово, бывшее на предыдущей ступени предикатом, занимает атрибутивную позицию (*очевидная ошибка*).

Неуверенность говорящего выражается вводным *очевидно* (*Очевидно, он не придет*)⁷⁸ и «частицей» со значением неуверенного подтверждения (*Он не придет? — Очевидно*).

В современных толковых словарях словарные статьи построены таким образом, что пользователь словаря может считать первичным полное при-

⁷⁶ Может показаться спорным включение предикатива *очевидно* в один ряд с краткими прилагательными. Но по мнению Г. А. Золотовой, квалифицируя слова на *-о* в позиции предиката к девербативам (*Катание весело*), целесообразно отнести их к адъективным словам. Аргументом в пользу адъективного характера этих слов она считает их флективную способность к согласованию с подлежащим в роде и числе (*Спор бесполезен. Возражение бесполезно. Возражения бесполезны*) [Золотова, Ониненко, Сидорова 2004: 157].

⁷⁷ См. [Арутюнова 1976: 73].

⁷⁸ Н. Д. Арутюнова отмечает, что закрепление за безличными (сенсорными) значениями парентетической функции заменяет свойственное модусу восприятия значение достоверности значением предположительности: *видимо, по-видимому, как видно* вообще не могут иметь иного значения. «В позиции модуса сенсорные модальные слова выражают серединную истинностную оценку между значением достоверности (в предикате) и недостоверности (в парентетической позиции): *Очевидно (видно), что он не придет*» [Арутюнова 1988: 119].

лагательное, тогда как оно не является первичным ни семантически (диахронно *очевидно* предшествует прилагательному *очевидный*), ни синтаксически, так как полное прилагательное возникает на третьей ступени преобразований конструкций (неполных номинализаций) с предикативным компонентом *очевидно*.

3.6. Как показывает наша выборка и материал НКРЯ, в текстах второй половины XIX в. употребление *очевидно* разнообразно, но преобладает показатель *очевидно*, выделенный запятыми. В тех случаях, когда это слово не выделено запятыми, его можно трактовать двояко: как показатель уверенности ('явно') и как дискурсивное слово со значением гипотетичности ('вероятно'). Например: *Очевидно замышляется нападение на Циммермана* (Н. П. Игнатъев, Походные письма, 1877) [НКРЯ]; *Причастие очевидно не может составить особенной части речи, потому что это отглагольное имя* (К. С. Аксаков. Опыт русской грамматики, 1860) [НКРЯ].

С учетом современного употребления можно было бы использовать предикатив *очевидно* (*замышляется нападение, это очевидно; очевидно, что причастие не может быть особой частью речи*). Такая трактовка «укрупняет», а не снижает смысл высказывания, делает его более четким.

Перейдем к анализу этого функционального варианта лексемы *очевидно*. Возникает вопрос, как описывать его синтаксические возможности. Как глагол — через валентности⁷⁹ — некорректно, поскольку предикативы занимают припропозиционную позицию (*неудобно, что я забыл ее поздравить*).

Если предикатив *видно* может иметь при себе прямой объект и высказывания: *я тебя вижу; внизу видно речку и вижу, что это ты; видно, что внизу речка* — соотносятся, то с предикативом *очевидно* всё обстоит иначе. Он обозначает не зрительное восприятие, а чье-то понимание обсуждаемой ситуации, при нем не бывает прямого объекта. Союз *что* в сочетании с предикативом *очевидно* указывает не на падеж, а на переход от модуса к пропозиции: *Очевидно, что мы заблудились*.

Перифразой этих конструкций будет предложение с анафорическим местоимением *это*: *Мы заблудились, это очевидно* — высказывание с фиктивным субъектом, указывающим на объект рефлексии — пропозицию⁸⁰. Все три реализации можно показать на перифразах следующего примера:

⁷⁹ Производной от теории валентности является теория сферы действия лексических единиц [Богуславский 1996].

⁸⁰ Пример: *Это очевидно, что нас не ждали* — содержит удвоение, это высказывание избыточно. Подобное явление характерно для устной речи: говорящий, начав с одной модели, может закончить другой. Но высказывание с препозицией придаточного уже нормативно: *Что нас не ждали — это очевидно*. Ср.: *Что Головину вовсе не хотелось разорвать сношения со мной — это было очевидно; ему хотелось сорвать сердце за то, что мы печатали воззвание без него, и потом примириться — но я уж не хотел упустить из рук этого горячо желанного случая [разойтись навсегда]* (А. Герцен. Былое и думы, 1866) [НКРЯ].

Что Энгельсон не вывернется со своими десятью тысячами [годового дохода], **было очевидно**, — ему оставалось работать или занимать (А. Герцен. Былое и думы).

Было **очевидно, что** Энгельсон не вывернется со своими десятью тысячами годового дохода ↔ **То, что** Энгельсон не вывернется со своими десятью тысячами дохода, было **очевидно** = Энгельсон не вывернется со своими десятью тысячами дохода. **Это** было **очевидно**.

Для формы предикатива на *-о* характерно употребление в безличных конструкциях с косвенным падежом семантического субъекта. Исходной можно считать конструкцию I с дат. п. субъекта.

(I) (кому) **очевидно, что...**

Она модифицируется в конструкциях (Ia) с субъектом мнения, выраженным дательным падежом единственного или множественного числа имени или местоимения, а также в предложениях с субъектом в родительном падеже с предлогом *для*:

(Ia) S дат. п. ед. / мн. ч. (кому)

Для + род. п. **для** (кого)

очевидно (то), (что)...

В сказуемом могут использоваться глаголы-связки *быть, стать, казаться*.

S дат. п. ед. / мн. ч. (кому),

Для + род. п. (кого) (было, стало, становилось, казалось) **очевидно (то), (что)...**

Например: *Но теперь я живу один, и вот тут мне становится очевидно, что ощущение одиночества зимой усиливается* (А. Курков. Милый друг, товарищ покойника, 2001) [НКРЯ]; *Когда Александр Ипсиланти (...) начал набирать себе войско, Кирджали привел к нему несколько старых своих товарищей. Настоящая цель этерии была им худо известна, но война представляла случай обогатиться на счет турков, а может быть и молдаван, — и это казалось им очевидно* (А. Пушкин. Кирджали, 1834).

Высказывание с *очевидно* может содержать каузативный смысл, который появляется в сочетаниях *очевидно* со спрягаемыми формами полных глаголов с семантикой каузации восприятия и мнения. Такие сочетания идут из древнерусских текстов. Глагол каузации восприятия *показать* ([Господь] *показа ему очивѣсть воскрешение мертвыхъ*) приобретает в текстах XIX в. смысл каузации мнения. Но ментальная семантика в высказывании может усиливаться и за счет глагола. Тем самым выражается полная уверенность говорящего. В этих случаях можно говорить о наречии или неизменяемом слове *очевидно* в изъяснительной конструкции с финитной формой глагола. Это конструкции II: с глаголами *показать, доказать, убеждать* (IIa);

- (Па) N (пропозиц.) (это)
то, что... показывает / показал (-о/-а /-и) **очевидно**, что...
- (Пб) N пропозиц. (это) доказывает / убеждает **очевидно**, что...
(то, что...)

Например: «Если столько уже лет оно известно и все-таки не стало руководством жизни людей, если столько мучеников и исповедников христианства бесцельно погибло, не изменив существующего строя, то это **очевидно показывает**, что учение это не истинно и неисполнимо», говорят люди (Л. Толстой. Закон насилия и закон любви, 1908) [НКРЯ]; **Первый процесс Бартеlemi и процесс Бернара доказали мне очевидно**, насколько Англия совершеннолетнее Франции в юридическом отношении (А. Герцен. Былое и думы, 1864) [НКРЯ]⁸¹.

Модусная часть все сокращалась и в современном русском языке сократилась до *очевидно*. Предикатив *очевидно* вобрал в себя всю модусную семантику.

В конструкции III употребляется краткое прилагательное
N пропозиц. **очевиден** (/ -а/-о/-ы)

Например: **Неравенство** возрастов, полов, способностей и сил так **очевидно** и присуще всем людским делам, что всякая концепция, исходящая из начал полного общего равенства, по мне, должна быть считаемая простым заблуждением мысли (Д. Менделеев. Заветные мысли, 1903—1905) [НКРЯ]; **Преимущество** расположения нашей каюты сразу же стало мне **очевидно**, как только мы вышли из гавани и нас стало немилосердно качать штормовой балтийской волной (А. Городницкий. «И жить еще надежде», 2001) [НКРЯ];

— Вы сказали: «Россия — страна задержавшегося феодализма...»

— Россия свой «феодализм» скоро переживет. Не преувеличивайте наших слабостей, они и так **очевидны**, — но посмотрел бы я на того идиота, который рискнет ими воспользоваться (Интервью с Б. Стругацким, «Аргументы и факты», № 17, 2008).

В конструкции (кому) **очевидно, что**, дательный падеж имени обозначает субъекта сознания (авторизатора [Золотова, Онипенко, Сидорова

⁸¹ См. конструкцию с глаголом *следовать*, который в современных текстах опускается (из чего очевидно что): Уведомляю вас, Петр Андреевич, что имею величайшую надобность в платье. Зимы в Петербурге холодны, а осени весьма сыры и вредны для здоровья. **Из чего следует очевидно**, что без платья ходить нельзя, а не то можно протянуть ноги (Ф. Достоевский — П. Карепину, 20 августа 1844). Цит. по [Волгин: 351]. По-видимому, первоначально это клише письменно-деловой речи.

2004: 231—232]). В синонимичных конструкциях: **очевидно, что...** (кому) **очевидно, что...** для (кого), **очевидно, что** и в предложении **это очевидно** — выражаются следующие смыслы: обсуждаемая ситуация ясна не только говорящему, но и адресату, а также всякому третьему лицу, кого познакомят с положением дел. *Очевидно* синонимично *ясно*, потенциально ясно всем, говорящий уверен, что сторонников этой точки зрения он найдет в любом человеке. Например:

Мы забываем то, что очевидно каждому, то, что случилось с тем, который задумал построить житницы, чтобы обеспечить себя надолго: он умер в ту же ночь (Л. Толстой. В чем моя вера? 1884) [НКРЯ]; *Зачем обманывать себя? Разве не очевидно всем, кроме меня, что я умираю, и вопрос только в числе недель, дней* (Л. Толстой. Смерть Ивана Ильича, 1884—1886);

Ровно двое суток, как Гоголя нет на свете. У Гоголя было два состояния: творчество и вдохновение. Первое давно уже, вероятно вскоре после выхода «Мертвых душ», перешло в мученичество, может быть вначале благотворное, но потом перешедшее в бесполезную пытку. Как можно было полюбить человека, тело и дух которого отдыхают после пытки? Всякому было очевидно, что Гоголю ни до кого нет никакого дела. (...) Вот до какой степени Гоголь для меня не человек (С. Т. Аксаков — сыновьям, 23 февраля 1852);

Для всех было очевидно, что если шеф жандармов мог быть убит в центре города во время прогулки, то, значит, ни он, ни подведомственная ему тайная полиция ничего не знали о замыслах подпольных преступников, а если после совершения преступления злодеи могли так легко укрыться, то, значит, в самой петербургской полиции ничего не было подготовлено к борьбе с преступными замыслами крамольников (В. Мещерский. Мои воспоминания, 1897) [НКРЯ].

Сделать акцент на своей позиции в этой конструкции говорящий может, если она строится с отрицанием при предикате. Тем самым он выделяет себя из множества лиц, показывая, что у него другое мнение, например: *Ты так думаешь? Для меня это не очевидно.*

В утвердительных же высказываниях с предикативом *очевидно* обнаружение субъекта с помощью косвенных падежей не выражает особого мнения говорящего или другого субъекта. Наоборот, думается, что для выражения своего мнения говорящий часто пользуется моделью **очевидно, что...** с синтаксическим нулем субъекта, желая представить свое мнение как мнение *любого*, а значит, как объективное, авторитетное, не подвергаемое сомнению. Таковы примеры с речевой демагогией:

Где же тут идея? Очевидно, что идея Грибоедова была сбивчива и неясна самому ему, а потому и осуществилась каким-то недоноском. Потом, что за глубокий человек Чацкий? Это просто крикун, фразер,

идеальный шут, на каждом шагу профанирующий все святое, о котором говорит.<...> «Горе от ума — сатира, а не комедия» (В. Белинский. Горе от ума).

Ср.: **Я думаю, что идея Грибоедова неясна была самому автору.**

Во втором типе конструкций подлежащим становится пропозициональное имя. Предикатом служит краткая форма прилагательного *очевиден*. Субъект мнения остается за кадром. Высказывание, построенное по этой модели, часто бывает оценочным. Оценка выражается существительными: *ущерб, вред, поражение, недостатки, победа, успех, преимущество, достоинство, заслуги* и т. п.⁸²

Главные итоги нашего исследования состоят в следующем. 1. Семантику лексических единиц *очивѣсть* и *очевидно* на протяжении истории их употребления определяла как внутренняя форма, так и синтаксические функции, которые они выполняли. Анализ употребления этих слов показывает переход от перцептивного значения к ментальному. Отметим при этом, что *очевидно* не рассматривается в современных словарях дискурсивных слов. Внимание к истории упомянутых единиц обусловлено тем, что эти слова с визуально-перцептивной семантикой тяготеют к выражению позиций наблюдателя и субъекта модуса. Для двух этих слов возможны четыре синтаксические функции: а) внутрисинтаксическая — члена предложения; б) рамочная — модусного предикатива в сложном предложении; в) внешнесинтаксическая — вводного слова; г) диалогическая — слова-предложения (частицы) как ответной реплики.

2. До первого издания словаря Даля (1863—1866) в толковых словарях не было обращено внимание на то, что слова *очивѣсть, очевидно, воочию* образуют триаду. До XVII в. употреблялись *очивѣсть, въ очию*, в современном русском — *очевидно, воочию*, в XVII в. представлены все три единицы. Они имеют особое назначение в текстах — служить лексическими показателями зрительного свидетельства — достоверности.

3. Слово *очивѣсть* и его варианты употребляются главным образом в текстах одного жанра — в древнерусских переводных и в более поздних оригинальных житиях, где они маркируют свидетельства о чудесах и обозначают, что совершаемое святым чудо было увидено человеком воочию.

⁸² Иначе надо рассматривать примеры с тавтологией: *Всем была ясна очевидная глупость такого предложения*. Купр. Гамбринус [МАС, 2: 732]. Ср.: *Вот то, что хозяин наш Илья — человек хороший, мне было очевидно ясно и без страстных пояснений моего друга* (А. Битов. Дом поэта. 1975) [НКРЯ]. В словосочетании *очевидный факт* семантика прилагательного имеет усилительный характер. В МАС значение прилагательного в таких примерах трактуется как ‘не требующий доказательств в своей истинности, действительности’ [Там же]. В противоположность этому в словосочетании *очевидное удовольствие* семантика прилагательного определяется как ‘явный, видимый’ [Там же].

В этих текстах для слова *очивѣсть* характерна внутрисинтаксическая позиция. Оно связано подчинительными отношениями как с глаголом, так и с дат. п. имени адресата, которым выражается субъект восприятия. Благодаря тому, что *очивѣсть* не прикреплено к конкретному компоненту, это слово легко становится в позицию, когда оно определяет предложение в целом.

4. Иначе устроены примеры с *очивѣсть* в текстах другого жанра — в летописях. Это высказывания аргументативные, а не повествовательные, как в житиях. В них перцептивность соединена с выводным знанием. Слово *очивѣсть* сопровождает глагол (*заступи, избави*), который интерпретирует наблюдаемые события в мире людей. Как показал анализ летописных примеров, даже при переносе в другой жанр (летописи) и в другой тип текстовых построений — в каузативные структуры, *очивѣсть* не изменяет своего значения 'воочию, наяву'. По-видимому, оно осталось семантически цельной единицей благодаря своей особой функции — удостоверить чудо.

5. Слово *очевидно* в текстах XVII — первой половины XIX в. имело три значения. В первом из них оно синонимично *очивѣсть*. В значении 'явно' оно употреблялось как с глаголами, допускающими перцептивную сему, так и с предикатами выводного знания. В значении 'ясно, понятно' оно имело статус предикатива. В текстах середины XIX в. появился четвертый вариант слова в значении 'вероятно'. В этом функциональном варианте *очевидно* выражает точку зрения говорящего и занимает текстовую позицию вне структуры предложения, тем самым становится дискурсивным словом. Дискурсивное слово *очевидно* появилось, по всей вероятности, в результате потери присловных внутрисинтаксических связей одиночного (не имеющего показателя субъекта в дат. п.) *очевидно*.

6. Употребление предикатива *очевидно* связано с тремя типами синтаксических фразеологизированных конструкций. В них разными способами выражается субъектная валентность слова, субъект может быть одиночный и коллективный.

7. Рассматриваемые лексические единицы по-разному проявляли себя на протяжении своей истории. Если слово *очивѣсть* вбирало в себя значение всех греческих лексем-источников и находилось в зоне перцептивности, то *очевидно* сразу стало соединять перцептивность и ментальность, на ранних этапах преобладала перцептивность (в присловной позиции), со временем на первый план начала выходить ментальность. Лексема *очевидно* вышла из зоны перцептивности. Это доказывается тем, что прилагательное *очевидный* не употребляется с существительными, обозначающими актуально наблюдаемый объект.

Очевидно выходит из зоны перцепции, но сохраняет позиции предикатно-рамочную (*очевидно, что*) и внешнесинтаксическую (парентетическую, вводную). Используя предикатив, говорящий предлагает свое мнение как уверенное, значимое для других ('ясно, несомненно всем'). Во вводном *очевидно*, обозначающем предположение, категоричность снята, выражается неуверенность. Обозначая противоположные смыслы, эти функцио-

нальные варианты не могли существовать в рамках одного слова, произошел разрыв. Подобная поляризованность модальных смыслов не характерна для других слов с модальной семантикой. Они сохраняют семантическое единство своих функциональных вариантов. Так, предикатив *вероятно, что* выражает уверенность, модальное слово *вероятно* не удерживает уверенности, но оба варианта обозначают возможность, гипотетичность; *несомненно, что* и *несомненно* выражают уверенность, различие между ними несущественно.

Источники

Волгин — И. Волгин. Родиться в России. Достоевский и современники: Жизнь в документах. М., 1991.

Воронцов 2004 — В. А. Удовик. Воронцов. М., 2004.

Ермолов 1865 — А. П. Ермолов. Записки А. П. Ермолова с приложениями. Ч. 1 (1801—1812). М., 1865.

ЖАЮ 2000 — А. М. Молдован. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.

КДРС — Картотека Словаря русского языка XI—XVII вв.

КСДР — Картотека Словаря древнерусского языка (XI—XIV вв.).

Лавр.лет. — Лаврентьевская летопись // Полн. собр. рус. летописей. Т. 1. 2-е изд. М., 2001.

Лекс. 1704 — Ф. Поликарпов (Орлов). Лексикон трехязычный, сиречь речений славенских еллиногреческих и латинских сокровище. М., 1704.

Пал. Толк. 2002 — Палея Толковая / Подгот. древнерус. текста и пер. А. М. Камчатнова. М., 2002.

Петр — Письма и бумаги имп. Петра Великого. Т. 3. 1704—1705. Спб., 1893.

Пов.Ульян.Осор. — М. О. Скрипиль. Повесть об Улиании Осорьиной / Тр. Отд. древнерус. лит. Т. 6. Л., 1948. С. 256—323.

Пролог (П). — Славяно-русский Пролог, ч. 1. Сент.-дек. // Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 2. Спб., 1896. По печ. изд. 1675—1677 гг.

Псалтирь — Псалтирь учебная церковнославянским, гражданским шрифтом и в переводе П. Юнгера. 2-е изд. М., 2006.

РЛ XVIII — Русская литература XVIII в. / Сост. Г. П. Макогоненко. М., 1970.

Сав.Грудц. (Скр.) — М. О. Скрипиль. Повесть о Савве Грудцыне // Тр. Отд. древнерус. лит. Т. 5. Л., 1947. С. 225—308.

Святой Ипполит 2008 — Святой Ипполит, епископ Римский. О Христе и антихристе. Спб., 2008. Воспроизв. изд. «Творения святого Ипполита... в русском переводе». Вып. 1—2. Казань, 1898.

Слово Иппол. об ант. — Слово святого Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII века, с исследованием о слове и о другой мнимой беседе Ипполита о том же с примечаниями и приложениями К. И. Невоструева. М., 1868.

Фонвизин П — Д. И. Фонвизин. Собрание сочинений: В 2 т. / Подгот. текста и коммент. Г. П. Макогоненко. Т. 2. М.; Л., 1959.

Л и т е р а т у р а

Апресян 1995 — Ю. Д. А п р е с я н. Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

Апресян 2000 — Ю. Д. А п р е с я н и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 2. М., 2000.

Арутюнова 1976 — Н. Д. А р у т ю н о в а. Предложение и его смысл. М., 1976.

Арутюнова 1988 — Н. Д. А р у т ю н о в а. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

Богуславский 1996 — И. М. Б о г у с л а в с к и й. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.

Борковский, Кузнецов 1963 — В. И. Б о р к о в с к и й, П. С. К у з н е ц о в. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.

Булыгина, Шмелев 1997 — Т. В. Б у л ы г и н а, А. Д. Ш м е л е в. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.

Варбот 1969 — Ж. Ж. В а р б о т. Древнерусское именное словообразование (ретроспективная формальная характеристика). М., 1969.

Виноградов 1975 — В. В. В и н о г р а д о в. О формах слова (1944) // В. В. В и н о г р а д о в. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 33—50.

Виноградов 1977 — В. В. В и н о г р а д о в. Основные типы лексических значений слова // В. В. В и н о г р а д о в. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.

Виноградов 2001 — В. В. В и н о г р а д о в. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 2001.

Востоков 1831 — А. Х. В о с т о к о в. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. СПб., 1831.

Гатинская 2004 — Н. В. Г а т и н с к а я. Семантика достоверности и модальные значения в русском языке // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Филология / Сиб. отд-ние РАН. Новосибирск, 2004. (В честь 80-летнего юбилея М. И. Черемисиной). № 4. С. 31—39.

Гатинская 2008 — Н. В. Г а т и н с к а я. Из лексикона достоверности: форма *въ очю* в древнерусских памятниках // Логический анализ языка: между ложью и фантазией / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2008. С. 229—250.

Глубоковский 2007 — Н. Н. Г л у б о к о в с к и й. Библиейский словарь. Сергиев посад; Джорданвилль, 2007.

Давыдов 1854 — И. И. Д а в ы д о в. Опыт общесравнительной грамматики русского языка, изданный вторым отделением Императорской Академии Наук. 3-е изд. СПб., 1854.

Даль — В. И. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 1—4. М., 1863—1866. Ч. 1. М., 1863.

Даль 1995 — В. И. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 1—4. М., 1995.

Дворецкий 1958 — И. Х. Д в о р е ц к и й. Словарь древнегреческого языка. Т. 1—2. М., 1958.

ДС 2003 — Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство / Сост. К. Киселева, Д. Пайар. М., 2003.

- Дурново 1929 — Н. Н. Дурново. Повторительный курс грамматики русского языка. Вып. 2. М.; Л., 1929.
- Живов 1996 — В. М. Живов. Язык и культура в России XVIII в. М., 1996.
- Живов 2004 — В. М. Живов. Очерки исторической морфологии русского языка XVII—XVIII вв. М., 2004.
- Золотова 1973 — Г. А. Золотова. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
- Золотова 1988 — Г. А. Золотова. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.
- Золотова, Онипенко, Сидорова 2004 — Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
- Ильина 2002 — Л. А. Ильина. Эволюция глагольной категории эвиденциальности (системно-диахроническое моделирование на материале селькупского языка): Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2002.
- Кагарлицкий 1999 — Ю. В. Кагарлицкий. Риторические стратегии в русской проповеди: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.
- Козинцева 2000 — Н. А. Козинцева. К вопросу о категории засвидетельствованности в русском языке: косвенный источник информации // Проблемы функциональной грамматики: категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб., 2000. С. 226—240
- Колесов 1989 — В. В. Колесов. Древнерусский литературный язык. Л., 1989.
- Курилович 1962 — Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962.
- ЛЭС 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.
- МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд. Т. 2. М., 1999.
- Мещанинов 1975а — И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. Л. 1975.
- Мещанинов 1975б — И. И. Мещанинов. Проблемы развития языка. Л., 1975.
- Михельсон 1994 — М. И. Михельсон. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сб. образных слов и иносказаний: В 2 т. М., 1994.
- ОШ 1997 — С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1997.
- Очерки по ИГ-5 — Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Кн. 5. Изменения в строе сложноподчиненного предложения в русском литературном языке XIX в. / Под ред. В. В. Виноградова, Н. Ю. Шведовой. М., 1964.
- Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования. М. 1996.
- Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Панов 1999 — М. В. Панов. Позиционная морфология русского языка. М., 1999.
- Пиккио 2002 — Рикардо Пиккио. Древнерусская литература. М., 2002.
- Потебня 1958 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. 1—2. М., 1958.
- Потебня 1963 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. 3. (Об изменениях значения существительных.) М., 1963.
- РГ 1979 — Русская грамматика / V. Barnetová, H. Běličová-Křížková, O. Leška, Z. Skoumalová, V. Straková. Т. 1, 2. Praha, 1979.

- РГ 1980 — Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 2. М., 1980.
- САР-1 — Словарь Академии Российской. Ч. 1—6. СПб., 1789—1794 [Ч. 6. СПб., 1794].
- САР 2001—2006 — Словарь Академии Российской. Ч. 1—6. СПб., 1789—1794. Переизд.: Т. 1—6. М., 2001—2006.
- СлДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.) / Гл. ред. Р. И. Аванесов. Т. 1. М., 1988; Т. 6. 2000.
- СлРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—28. М., 1975—2008.
- СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 3. Л., 1987; Вып. 6. СПб., 1991.
- СЛУ — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 2. М., 2000.
- СС 1994 — Старославянский словарь / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1951.
- СЦРЯ 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской академии наук. Т. 1—4. Т. 3. СПб., 1847.
- Уфимцева 2004 — А. А. У ф и м ц е в а. Типы словесных знаков. 2-е изд. М., 2004.
- Чурмаева 1989 — Н. В. Ч у р м а е в а. История наречий в русском языке. М., 1989.
- Цейтлин 1986 — Р. М. Ц е й т л и н. Лексика древнеболгарских рукописей X—XI вв. / Отв. ред. Д. Иванова-Мирчева. София, 1986.
- Шахматов 1925 — А. А. Ш а х м а т о в. Синтаксис русского языка. Вып. 1: Учение о предложении и о словосочетаниях. Л., 1925.
- Шведова 1964 — Н. Ю. Ш в е д о в а. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 77—93.
- Эвиденциальность 2007 — Эвиденциальность в языках Европы и Азии: Сб. статей памяти Н. А. Козинцевой / Ред. В. С. Храковский. СПб., 2007.
- ЭСФ — М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. 3 (Муза — Сят). М., 1971.
- Якобсон 1972 — Р. О. Я к о б с о н. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.

А. Б. ЛЕТУЧИЙ

СТРАННОЕ «СОГЛАСОВАНИЕ ВРЕМЕН» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Введение

Понятие согласования времен разработано на материале латинского и греческого языков, затем оно широко применялось по отношению к английскому языку и несколько меньше — к другим индоевропейским языкам. Этим понятием обозначаются случаи, когда время (и вид) глагола не прямо выбирается исходя из семантики ситуации, а обусловлено видо-временными характеристиками другой словоформы глагола в контексте. Например, в английском языке высказывание (1) можно перевести в косвенную речь, не меняя формы:

(1) *I will go to USA next year.*

(2) *John says that he will go to USA next year.*

Иначе говоря, если ситуация, выраженная придаточным предложением, следует за ситуацией, выраженной главным, и в главном предложении глагол стоит в форме настоящего времени, то в подчиненном выбирается будущее время. Однако если главный глагол стоит в форме прошедшего времени, для глагола в подчиненном предложении допустимо только будущее в прошедшем, но не будущее время:

(2') *John said that he would go to USA next year / *will go to USA next year.*

Точно так же глагол в форме Present Perfect при согласовании времен переводится в Past Perfect, Present Continuous — в Past Continuous и т. д. Явление согласования времен также наблюдается в романских языках, например во французском.

Считается, что в русском языке согласования времен нет. Например, в аналогичных примерах, независимо от времени главного глагола, употребляется будущее время:

(3) а. *Иван говорит, что поедет в США.*

б. *Иван сказал, что поедет в США.*

Однако один тип конструкций весьма близок к английскому согласованию времен. Речь идет о предложениях с двойным вложением, где имеется придаточное с союзом *чтобы*¹, от которого, в свою очередь, зависит временное предложение с *когда*.

Глагол в придаточном с союзом *чтобы* стоит в форме прошедшего времени, поскольку данный союз не допускает других возможностей². Во временном придаточном глагол обычно стоит в форме будущего времени:

- (4) *На вашем месте я бы убивал где-нибудь в провинции, так чтобы, когда вы вернетесь в Лондон, о ваших подвигах никто не знал*³ (http://lib.ru/INPROZ/FISHER_T/idiotaow.txt_Piece40.06).

Это вполне естественно, учитывая смысл обоих придаточных: придаточное со *чтобы* фиксирует события, которые произойдут в будущем (или вообще не произойдут), а временное по умолчанию обозначает ситуацию, одновременную с ситуацией в *чтобы*-придаточном. Тем самым будущее время выбирается по смыслу.

Однако встречаются примеры, где не только в придаточном с союзом *чтобы*, но и во временном придаточном мы видим прошедшее время:

- (5) *И сегодня мне папа сказал, чтобы, когда он вернулся с работы, на мониторе красовалось... пиво* (<http://www.diary.ru/~animash4ka/r69656662.htm>)
- (6) *Сделай так, чтобы, когда я вернулся, не было разговоров, рвущих мне душу* (<http://www.peoples.ru/art/cinema/actor/kruchkov/history.html>).

Более того, опрос показывает, что носители русского языка принимают такие конструкции — тем самым объяснить их простой опиской под влиянием объемлющего придаточного нельзя. Грамматические описания русского языка, например [Грамматика 1970; Русская грамматика 1980], не упоминают о таком явлении.

При этом в отсутствие объемлющего придаточного такое употребление прошедшего времени невозможно:

¹ Здесь и ниже мы воздерживаемся от употребления термина «целевое придаточное», так как придаточные с союзом *чтобы* могут употребляться и не в целевом значении (например, выступая в качестве дополнения при глаголах речи: *Он мне сказал, чтобы я вышел*).

² Поскольку в самом союзе *чтобы* содержится частица *бы*, вполне обоснованно считать, что по крайней мере исторически в придаточном со *чтобы* глагол стоит в форме сослагательного наклонения (*чтобы никто не знал* = «что никто бы не знал»). Данный вопрос рассматривается ниже, в части «Попытка объяснения».

³ Используемые примеры в основном взяты из Национального корпуса русского языка и Интернета. В случае, если пример взят с форума в Интернете, сохраняется пунктуация оригинала. Ряд примеров сконструирован автором и проверен с участием носителей русского языка.

- (7) *Пусть, когда я вернусь / *вернулся с работы, на мониторе красуется пиво!*
- (8) **Не заводи этих разговоров, когда я вернулся!*

По-видимому, форма глагола в таких конструкциях объясняется влиянием формы глагола в придаточном с союзом *чтобы*. Е. В. Падучева [1996] вводит понятие гипотаксического режима интерпретации элементов языка наряду с нарративным и речевым (имеется в виду, что многие единицы, например видовременные формы глагола, интерпретируются особым образом, если находятся в составе подчиненного предложения). Однако случаев, когда существенно было бы именно *двойное* вложение одного придаточного в другое, для русского языка не отмечалось ни в этой работе, ни в [Varentsen 1995] и [Timberlake 2004] — работах, где подробно рассматривается интерпретация видо-временных форм русского глагола.

Ниже мы подробнее рассмотрим это явление, выясним, при каких условиях оно возникает и каков синтаксический механизм, приводящий к такому «согласованию».

Порядок придаточных

В русском языке одним из признаков сложноподчиненной конструкции, в отличие от сложносочиненной, считается возможность вставить подчиненное предложение внутрь главного: так, возможно предложение (9b), но невозможно (10b):

- (9) а. *Когда Пете позвонили из деканата, он уже ехал в поезде.*
 б. *Петя, когда ему позвонили из деканата, уже ехал в поезде.*
- (10) а. *Пете позвонили из деканата, и он срочно вернулся в Москву.*
 б. **Пете, и он срочно вернулся в Москву, позвонили из деканата.*

Такое же перемещение возможно для конструкций с двумя придаточными предложениями: одно из придаточных может занимать позицию внутри второго:

- (11) а. *Попроси его, чтобы он все написал, пока мы будем заседать.*
 б. *Попроси его, чтобы, пока мы будем заседать, он все написал* (временное придаточное с союзом *пока* разрывает изъяснительное с союзом *чтобы*).

Более того, для рассматриваемых конструкций с сочетанием синтаксического актанта с *чтобы* и временного придаточного с *когда* данный способ для некоторых информантов является основным: часть опрошенных оценивает (12b) лучше, чем (12a):

- (12) а. *Сделай так, чтобы ужин был на столе, когда я вернусь.*
 б. *Сделай так, чтобы, когда я вернусь, ужин был уже на столе.*

Возможно, это связано с тем, что (12а) с финальным положением временного придаточного допускает две интерпретации: при одной оно присоединяется к главному предложению ('когда я вернусь, сделай...'), при второй — к придаточному со *чтобы* ('чтобы ужин, когда я вернусь, был на столе').

Рассматриваемое «согласование» частотно и полностью грамматично только в случае, если союз *когда* находится непосредственно после союза *чтобы*. При любой другой расстановке оно становится менее приемлемым — носители оценивают его хуже, чем варианты без согласования:

- (13) [?] *И сегодня мне папа сказал, **чтобы** пиво уже было на мониторе, когда он вернулся с работы* (лучше: *когда он вернется с работы*).

Более того, даже если временное придаточное вставлено внутрь придаточного со *чтобы*, но не сразу после союза *чтобы*, оценка информантами предложений с «согласованием» тоже снижается:

- (14) [?] *Сделай так, **чтобы** не было, когда я вернулся, этих разговоров, ранящих мне душу.*

Тем самым роль играет, видимо, именно контактное положение двух союзов. Синтаксически предложение (13) устроено так же, как (5), — следовательно, синтаксическая структура с двумя последовательно вложенными придаточными сама по себе согласования не гарантирует.

Набор союзов

Хотя чаще всего описываемое нами явление наблюдается именно при союзе *когда*, некоторые другие типы временных придаточных также допускают подобное согласование: ср. придаточные с *как только* в (15)—(16):

- (15) *А я хочу, **чтобы как только открывала форум, там была моя любимая картинка*** (<http://a.borda.ru/?1-0-0-00005063-000-120-0>).
- (16) *Выходит, рассада нужна в любом саду уже по весне, **чтобы как только вылупились вредители из личинок, тут же прилетели бы полезные насекомые*** (<http://innatim.narod.ru/Aogorod.html>).

Ср. сомнительное:

- (17) [?] *Как только вылупились вредители, прилетят полезные насекомые.*

Иногда в подобных конструкциях встречается и союз *после того как*:

- (18) *В каком формате сохранять аватары, **чтобы** после того, как я их слова загрузила в photoshop, слои были не склеены?* (<http://www.diary.ru/~avatarss/p46288433.htm>).

Наконец, выходя за рамки временных союзов, можно отметить похожие конструкции в условных конструкциях с *если*:

- (19) *Он должен быть на виду, чтобы если пришел незнающий игры и форума человек, мог задать вопрос* (<http://forroll.forum24.ru/?1-0-0-00000102-000-0-0>).
- (20) *Мне кажется, что надо сделать, чтобы если начал делать задание, но не закончил его, это задание можно было бы закончить попозже* (<http://earnik.com/forum/topic36435s0.html>).

Однако ниже мы покажем, что здесь речь как раз идет не о «согласовании времен», а об относительном времени — употребления такого рода по сочетаемости отличаются от рассматриваемых нами.

Согласование времен или относительное время?

В русском языке есть другое явление, очень похожее на рассматриваемое, но не тождественное ему. Даже в отсутствие придаточного с союзом *чтобы* глагол в клаузе, содержащей, например, союз *после того как*, может стоять в форме прошедшего времени, хотя ситуация не предшествует моменту речи:

- (21) *После того, как Вы запустили программу, появится ее главное окно* (<http://www.alorbroker.ru/services/mts/docs/help.doc>).
- (22) *Какие наступают улучшения после того, как бросил курить?* (<http://otvet.mail.ru/question/21794838>).

В (22) речь идет о ситуации, имеющей место всегда и не локализованной во времени, а в (21) она относится к будущему времени. Тем самым *после того как* повышает вероятность употребления прошедшего времени.

В действительности в (21) и (22) прошедшее время, конечно, связано с семантикой, но интерпретируется не абсолютно, а относительно. Иначе говоря, оно употребляется потому, что ситуация в придаточном предложении (запуск программы) имеет место до ситуации в главном⁴. При этом согласования времен в подобных примерах обычно нет: напротив, время глагола во временном придаточном обычно отличается от времени в главном предложении.

Отметим на всякий случай, что приведенные выше английские примеры явно иллюстрируют согласование времен, а не относительное время. В предложении *John said that he would go to the USA* ситуация в придаточном предложении следует за ситуацией в главном — а значит, относительная интерпретация требовала бы не сослагательного наклонения, а будущего времени.

Такое относительное употребление времени, связанное с индивидуальными свойствами союза, весьма характерно для русского языка. Ср., на-

⁴ См. в связи с этим также обсуждение категории таксиса (порядка следования событий) в сборнике [Храковский 2009], включающей относительные употребления времени типа (21)—(22).

пример, настоящее время при союзе *пока* (см. также [Barentsen 1995] об относительных и абсолютных употреблениях временных форм при союзах *пока* и *пока не*):

(23) *Пока мы играем, ты вещи покараулишь.*

(24) *Ну ничего, пока я хожу, ты немного приберешь.*

Очевидно, что в (24) говорящий еще не вышел, а только собирается это сделать, однако употребляет настоящее время, поскольку ситуация ‘ходить’ одновременна ситуации ‘прибирать’.

Однако несложно увидеть, что употребления *когда* и (реже) *после того как* в конструкции с согласованием времен нельзя объяснить относительной интерпретацией прошедшего времени. Дело в том, что в русском языке относительная интерпретация имеет жестко фиксированный контекст употребления. Например, в противоположность (21), невозможно:

(25) **После того как я сейчас запустил программу, она должна выполнить эту команду* (ср. *После того, как я сейчас запущу эту программу, она должна выполнить эту команду*).

(26) **Когда ты прошел два переулка, позвони мне.*

В (21) описываемая ситуация, которая должна иметь место в будущем, — это своего рода проявление устройства мира, закона, по которому ситуация всегда развивается таким образом (например, при запуске программы выполняется команда). В (25) речь идет о планах говорящего, связанных с единичной ситуацией — эти планы никак не соотносятся с общими закономерностями устройства мира.

Тем самым рассматриваемая конструкция с относительным употреблением времени закреплена за хабитуальными, гномическими и подобными контекстами. Ситуация в таких случаях могла еще ни разу не произойти, но из устройства мира и объектов, о которых идет речь, вытекает, что она будет иметь место. Если речь идет о единичной ситуации в будущем времени, относительное употребление недопустимо. Напротив, как видно из примеров, конструкция с согласованием времен допустима вне зависимости от временной отнесенности ситуации, выраженной в главном предложении, а также в обоих придаточных.

То же самое верно и для союзов *после того как* и *как только*. Например, возможно (27), где ситуация связана с положением дел в мире (‘трасса устроена так, что после поворота можно пересекать дорогу’), но невозможно (28), где речь идет о конкретных планах говорящего:

(27) *Как только ты повернул, встреча становится «пересекаемой», а затем «попутного направления».*

(28) **Как только я повернул, я тебе оттуда позвоню*⁵.

⁵ Заметим, что в контекстах такого рода особое употребление прошедшего времени допустимо и вне временных придаточных, ср., например: *Так, значит, ты*

Есть и еще один способ различить «согласование времен» и относительную интерпретацию прошедшего времени: во втором случае глагол обычно употребляется в совершенном виде:

- (29) а. *После того, как ты прошел два дома, поворачиваешь налево.*
 б. ^{???} *После того, как ты шел по этой улице десять минут, поворачиваешь налево.*

Например, (30), с совершенным видом глагола, — явный случай согласования времен:

- (30) *Мне не хотелось, чтобы, когда зритель приходил в театр и смотрел на афишу, он бы говорил: «А, ну понятно, это его жена».*

Вернемся теперь к союзу *если*. По-видимому, предложения (19) и (20) иллюстрируют не согласование времен, а именно относительное употребление прошедшего времени. Конечно, различить эти случаи нельзя, поскольку время в двух клаузах совпадает: союз *чтобы* требует прошедшего времени. Однако не случайно, что придаточное условное обычно обозначает именно устройство мира, то, что происходит всегда, а не конкретное событие (так, (19) не значит ‘если придет (конкретный) человек’ — имеется в виду, что некоторая ситуация должна возникать *всегда*, когда приходит человек, не знающий правил).

Значим ли семантический фактор?

Важен вопрос о том, связана ли возможность согласования времен с семантикой придаточного предложения. Так, если считать, что имеет место простое копирование прошедшего времени глагола, можно ожидать, что оно будет возможно при самых разных употреблениях *чтобы*. Напротив, если на согласование влияет конкретный тип придаточного (например, целевое придаточное, как в (18)), то при остальных употреблениях оно должно быть невозможно.

В действительности верно первое предположение. При «повелительном» употреблении *чтобы* согласование также возможно:

- (31) *Я ухожу на зачеты, **чтобы** когда я пришел было 3 страницы!* (<http://forum.theabyss.ru/light/index.php/t160466.html>).
 (32) *Сейчас я должен известить директора о случившемся, и **чтобы**, когда я вернулся, вы уже спали!* (http://www.snapetales.com/all.php?fic_id=5241).

Точно так же допускают согласование конструкции со *чтобы* при глаголах с модальным значением:

скачал этот файл, загрузил программу — теперь перезагрузись и можешь спокойно работать.

- (33) *Хочу, чтобы, когда я проснулся утром, я мог почувствовать нежность* (см. также (15) (<http://gday.ru/phorum/viewtopic.php?p=347681&sid>)).

Возможно ли согласование с другими типами союзов?

Как оказывается, ни с какими союзами, кроме *чтобы*, согласование времени во вложенном придаточном со временем во «внешнем» не происходит. Однако не всегда понятно, чем это вызвано: свойствами самого союза или семантикой соответствующей конструкции. Так, время при союзе *потому что* диктуется семантикой. Если употреблена форма прошедшего времени, это значит, что ситуация действительно имела место в прошлом:

- (34) *Я плохо отношусь к Пете, потому что он меня в свое время очень сильно оскорбил.*
(35) *Я плохо отношусь к Пете, потому что он меня постоянно оскорбляет.*

Тем самым, если внутри причинного придаточного вложено еще одно (например, временное), подразумевается, что выраженная в нем ситуация имела место либо до той, которая обозначается причинным придаточным, либо одновременно с ней:

- (36) *Я плохо отношусь к Пете, потому что, когда я приехал, он меня выставил из дома.*
(37) *Я плохо отношусь к Пете, потому что, когда мы слушаем музыку, он всегда пытается подпевать и все мне заглушает.*

Это значит, что в силу самой семантики причинной конструкции глагол во временном придаточном тоже должен стоять в прошедшем времени (с другими причинными союзами: *так как, вследствие того, что, поскольку* — дело обстоит точно так же).

Теоретически согласование могло бы происходить при сочетании условного придаточного в конструкции с *если бы*⁶ и вложенного в него временного:

- (38) *Как здорово бы было, если бы, когда он придет, торт уже стоял на столе* (вариант без согласования времен).
(39) *Как здорово бы было, если бы, когда он пришел, торт уже стоял на столе* (вариант с согласованием).

⁶ Мы рассматриваем эту конструкцию отдельно от конструкции с *если*, допускающей любое время глагола в главном и придаточном предложениях. В действительности, конечно, они связаны между собой и противопоставлены по признаку реальности (*если*) vs. ирреальности (*если бы*) условия.

Судя по примерам из Интернета, конструкции типа (39) употребляются обычно в другом значении — временное придаточное обозначает в них ситуацию, которая уже имела место:

- (40) *Должен вам сказать, что если бы мне, когда я приехал в 1995 году на фестиваль в Сочи, кто-то сказал, что я буду генеральным директором АМуКа, я бы долго смеялся* (<http://www.amik.ru/Article/36/7238.html>).

В (40) говорящий уже приехал на фестиваль в Сочи. Тем самым никакого согласования времен не происходит, прошедшее время обозначает ситуацию, предшествующую моменту речи. Однако опрос носителей показал, что многие допускают для (39) две интерпретации:

- i. Прошедшее смысловое, контрфактическое условие: ‘как здорово бы было, если бы, когда он пришел (в прошлом), торт уже стоял на столе’ (но на самом деле, когда он пришел, торта на столе не было — мы не успели его приготовить).
- ii. Согласование времен, реальное условие: ‘как здорово бы было, если бы, когда он придет (в будущем), торт уже стоял на столе’ (он еще не пришел).

При второй интерпретации мы действительно имеем дело с согласованием: иначе нельзя объяснить, почему во временном придаточном, относящемся к будущему, глагол стоит в прошедшем времени⁷.

Общая черта между конструкциями с *чтобы* и *если бы* лежит на поверхности: оба союза требуют прошедшего времени глагола в придаточном предложении независимо от абсолютной и относительной временной отнесенности ситуации. Такая сильная, независимая от семантики характеристика распространяется вглубь, на внутреннее придаточное. Напротив, конструкция с *если* согласования времен не допускает: вложенное придаточное с *когда* обычно копирует форму глагола из условного.

Попытка объяснения

Наша необычная конструкция допускает три объяснения:

1. «Копирование форм». Можно считать, что носители языка при построении временного придаточного автоматически копируют форму глагола в условном придаточном. Отметим, что слово *чтобы* (и его менее частотный синоним *дабы*) — единственные в русском языке союзы, которые допускают только одну форму глагола вне зависи-

⁷ Выше мы объяснили, что время в таких конструкциях не может также трактоваться как прошедшее относительное (ср. недопустимое **Когда он пришел, торт будет / должен уже стоять на столе*).

мости от семантики — поэтому неудивительно, что оно может влиять на время глагола при *когда*, которое строго не регламентировано.

Недостаток этой гипотезы в следующем. Как мы показали выше, «согласование времен» чаще всего происходит при контактном положении союзов *когда* и *чтобы*. Тем самым оказывается, что копирование тесно связано с положением союза, что кажется не слишком естественным (очевидно, что в синтаксической структуре два придаточных расположены друг относительно друга одинаково, вне зависимости от линейного порядка).

2. «Ирреальная семантика». Придаточные с союзом *чтобы* всегда обозначают ирреальную ситуацию, которая еще не имела места и, возможно, не произойдет вообще. Можно предположить, что временное придаточное с *когда* наследует не форму глагола, а значение ирреальности. Прошедшее время глагола уже вторично по отношению к семантике.

Однако если принимать такое объяснение, неясно, почему копирование происходит в этом случае. По той же логике в конструкциях с *пусть* в главном предложении временное придаточное должно было бы содержать глагол в сослагательном наклонении, наследуя значение ирреальности от главного и оформляя глагол сослагательным наклонением. Этого тем не менее не происходит:

(41) **Пусть, когда он пришел (бы), он мне позвонит.*

Кроме того, в придаточных предложениях со *чтобы* частица *бы*, так сказать, содержится в самом союзе: именно поэтому внешне глагол принимает форму прошедшего времени, но имеет нехарактерную для этой формы ирреальную интерпретацию, т. е. можно, по примеру М. В. Панова [1966], Р. Брехта [1977] и авторов «Русской грамматики» [1980], усматривать в таких предложениях сослагательное наклонение с частицей *бы*⁸. Напротив, временное придаточное в рассмотренных примерах типа (18) содержит всё же не сослагательное наклонение, а прошедшее время — частица *бы* в них отсутствует в каком бы то ни было виде. В результате получается, что глагол в этих клаузах интерпретируется непрототипиче-

⁸ Так, в статье [Панов 1966] у показателя *бы*, обозначающего, что «отношение [действия к субъекту] не соответствует действительности», усматривается три частных, обусловленных контекстом оттенка значения: «а) действие определенного субъекта нереально, но желательно: *Пришел бы ты ко мне завтра утром еще немножко помочь!*; б) действие нереально, но возможно при некотором условии: *Он бы пришел, если бы не был так занят; Он бы пришел, да очень занят*; в) простое указание на нереальность действия: *Я ему скажу, чтобы он пришел* (союз *чтобы* включает и частицу *бы*, формирующую сослагательное наклонение)». Тем самым в качестве третьего употребления рассматривается использование частицы *бы* в составе союза *чтобы*.

ским способом: прошедшее в отсутствие частицы *бы* в русском языке не имеет ирреального прочтения.

3. «Относительное время». Хотя выше мы показали, что конструкции с относительным временем в русском языке имеют ограниченное употребление, нельзя исключить, что в рассматриваемых конструкциях оно расширяется. Например, это может быть связано с тем, что придаточное со *чтобы* имеет ирреальную интерпретацию. В этой связи данное придаточное (и подчиненное ему временное) в меньшей степени связано с моментом речи, и время интерпретируется относительно другого события, а не момента речи.

Данное решение допустимо, но усложняет ситуацию. Нет никакой причины интерпретировать две формы прошедшего времени (в условном и во временном придаточном) по-разному: одну — как продиктованную управлением союза *чтобы*, а другую — как обозначающую относительное время.

Мы склоняемся к первой гипотезе (копирование форм), но она требует уточнения. Будем считать, что реального копирования не происходит — частица *бы* в союзе *чтобы* (и составном показателе *если бы*) просто расширяет сферу действия на оба придаточных: придаточное со *чтобы* и вложенное в него временное. Такая широкая сфера действия маргинальна и продиктована прагматически: а именно чем ближе *бы* (в составе союза *чтобы*) стоит к временному придаточному, тем легче она передает ему свои свойства. Неудивительно, что легче всего распространение сферы действия происходит именно тогда, когда непосредственно после союза *чтобы* стоит временное придаточное — в случаях вставления типа (5).

Единственный вопрос, который вызывает наше решение, — почему так же не ведет себя частица *бы* в других случаях, например при сослагательном наклонении, выражающем желание (42), или в конструкции с *вот бы* — тоже со значением желания (43):

- (42) а. *Пришел бы ты лучше, когда я сдам экзамены!*
 б. **Пришел бы ты лучше, когда я сдал экзамены!* (приемлемо, только если говорящий уже сдал экзамены в прошлом).
- (43) а. *Вот бы он приехал на неделю позже, когда мы уже немного отдохнем!*
 б. **Вот бы он приехал на неделю позже, когда мы уже немного отдохнули!*

Возможно, это связано с положением временных придаточных в конце предложения (напомним, что и при *чтобы* такой порядок слов делает согласование маловероятным).

Тот факт, что рассматриваемое явление имеет место не во всех случаях, когда употребляется *бы*, дает нам право действительно говорить о согласовании времен (или, если принимать наш способ анализа, наклонения): стандартные грамматические правила не описывают расширение сферы действия *бы* на придаточное предложение.

Заключение

В данной статье мы рассмотрели нестандартный для русской грамматики случай, когда форма глагола в одной клаузе выбирается под влиянием формы глагола в другой клаузе. Как было показано, это явление внешне весьма похоже на английское согласование времен (с той только разницей, что для русского языка согласование факультативно).

Данное явление стоит отличать от относительных употреблений прошедшего времени. Как и согласование времен, относительные употребления могут использоваться в ограниченном круге контекстов, но этот круг разный у согласования и относительных употреблений.

В результате мы принимаем точку зрения, что «согласование времен» в действительности связано с тем, что сфера действия частицы *бы* расширяется, захватывая не только то предложение, где эта частица присутствует, но и подчиненное. Поскольку для русского языка это нестандартный случай, вполне объяснимо, что «согласование времен» тесно связано с прагматическими характеристиками (а именно с близостью в тексте союзов *чтобы* и *когда*), которые облегчают расширение сферы действия частицы *бы*.

Литература

Грамматика 1970 — Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1970.

Падучева 1996 — Е. В. П а д у ч е в а. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М., 1996.

Панов 1966 — М. В. П а н о в. Русский язык // Языки народов СССР. Т. 1: Индоевропейские языки. М., 1966. С. 55—122.

Русская грамматика 1980 — Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980.

Храковский 2009 — Типология таксисных конструкций / Под ред. В. С. Храковского. М., 2009.

Barentsen 1995 — A. B a r e n t s e n. Shifting points of orientation in Modern Russian. Tense selection in ‘reported perception’ // Reported speech: form and functions of the verb / Ed. by A. J. M. Janssen, W. van der Wurff. Amsterdam; Philadelphia, 1995. P. 15—55.

Brecht 1977 — R. B r e c h t. *Čtoby* or *čto* and *by* // Folia Slavica. 1977. 1. P. 33—41.

Timberlake 2004 — A. T i m b e r l a k e. A reference grammar of Russian. Cambridge, 2004.

Г. Е. КРЕЙДЛИН, А. Б. ЛЕТУЧИЙ

ЧАСТИ ТЕЛА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И В НЕВЕРБАЛЬНЫХ СЕМИОТИЧЕСКИХ КОДАХ. II. ЩЁКИ

Введение

— Вам не кажется, Ленин и Троцкий потолстели?

— Да нет, это они щеки надули.

— А зачем?

— Раздувают пожар мировой революции!

Советский анекдот

Настоящая работа продолжает серию исследований, осуществляемых в рамках проекта «Части тела в русском языке и русской культуре»¹. Об отдельных частных задачах проекта, нацеленного на построение семиотической концептуализации тела и его частей и на анализ разнообразных явлений телесности, мы здесь говорить не будем. Оставим мы в стороне и различные вопросы, касающиеся структуры и содержания понятий семиотической концептуализации и телесности, лежащих в основе проекта, а также описание общей методологии, метаязыка и конкретных методов и инструментов описания тела и телесности. Интересующийся читатель найдет соответствующую информацию в работах [Аркадьев и др. 2008а; Крейдлин 2002; 2007; 2008а; 2008б; Переверзева, Крейдлин 2008; СЯРЖ 2001].

Ниже речь пойдет о том, как представлена в двух изучаемых нами знаковых, или семиотических, кодах — вербальном (русском языке) и невербальном (русском языке жестов)² — одна из частей лица, а именно щеки. Мы покажем, как отображаются в этих кодах физические и структурные свойства щек и их функции, обсудим участие и роль щек в ряде русских

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Части тела в русском языке и русской культуре», поддержанного грантом РГНФ (№ 07-04-00203а).

² Под русским языком жестов мы имеем в виду, так сказать, «естественный» язык жестов, или язык тела (Body Language), а не жестовый язык, принятый в среде глухонемых людей (Sign Language).

жестов и, шире, в некоторых невербальных моделях коммуникативного семиотического поведения³.

Щеки — не самый «популярный» соматический объект⁴ исследования среди лингвистов и специалистов по невербальной семиотике. Если, например, глаза и взгляды, уши и слух, язык и его основная, речевая, функция не раз служили объектом лингвистического анализа⁵, то щеки описаны значительно хуже.

Сделаем еще одно, последнее, замечание. Щеки — это бинарные части в смысле нашей работы [Крейдлин, Летучий 2006], поэтому мы будем в основном рассматривать характеристики обеих щек, а не одной щеки.

Физические характеристики щек

Щеки — это части лица, а потому, как и другие части лица, они видны окружающим, т. е. доступны зрительному восприятию. Это делает щеки объектом весьма существенным для характеристики человеческой внешности и ее оценки. В норме щеки располагаются на лице симметрично по обе стороны носа (это важная структурная характеристика щек!), и любое отклонение от этой нормы, скажем, одна щека опухла, делает лицо если не обезображенным или уродливым, то, во всяком случае, эстетически менее красивым, чем прежде⁶.

³ В статье используются следующие виды шрифтовых разметок:

а) обычный шрифт — им набран основной текст статьи;

б) **жирный шрифт** используется для выделения лексических единиц языка жестов (вокабул и лексем). Если эти единицы не имеют стандартного, общепринятого естественно-языкового обозначения, они заключаются в кавычки. Кроме того, жирным шрифтом выделяются некоторые важные фрагменты основного текста;

в) *курсивом* обозначаются выражения естественного языка (среди них названия частей тела, жестовые номинации, фразеологизмы и др.);

г) названия признаков заключены в обычные кавычки, а значения признаков — в марровские кавычки ('лапки').

⁴ Мы пользуемся здесь термином *соматический объект* как объединяющим такие объекты, как само тело, части тела, части частей тела, а также органы, покровы, телесные жидкости и т. п.

⁵ Это видно не только по работам, специально посвященным глазам, ушам или языку, но и по относительно подробным лексикографическим описаниям соответствующих слов в толковых словарях и словарях сочетаемости русского языка. См., в частности, отдельные словарные статьи в [НОСС 2004], словарях [Иорданская, Паперно 1996; Ожегов, Шведова 1999], а также (среди очень многих других специальных работ) статьи [Аркадьев 2002; Булыгина, Шмелев 1997; Зализняк и др. 2005; Крейдлин 2002; Крейдлин, Летучий 2006; Летучий 2008; Argile, Cook 1976; Benthall, Polhehemus 1975; Enfield et al. 2006; Wierzbicka 2007].

⁶ Мы опускаем случаи осознанного нарушения симметрии, когда, например, одну из щек специально раскрашивают или украшают какими-то подвесками в особых эстетических целях.

Обратимся к основным физическим характеристикам щек. Их три: «текстура», или «свойство поверхности», щек, «форма» и «размер».

Что касается «текстуры», то о щеках говорят, что они гладкие, *выбритые, свежесвыбритые, небритые* и т. п., т. е. щеки бывают покрытыми или не покрытыми волосами. Можно сказать, что в применении к щекам признак текстуры имеет два значения — /шероховатые/ и /гладкие/. *Бритье* — это действие, которое выполняют исключительно мужчины. Когда о мужчине говорят, что он *небритьный*, то имеют в виду прежде всего актуальное состояние щек — в большей степени, чем подбородка или шеи. Если мужчину спрашивают *Ты вообще брился сегодня?* и тут же проверяют, проводя рукой по лицу, то трогают именно щеку или щеки. Существует выражение *небритая щека*, ср. — *Александр Сергеевич, — сказал он очень тихо, и слезы поползли по его небритым щекам* (К. Г. Паустовский).

Щеки играют важную роль в описании внешности человека, и это связано главным образом с тем, что они занимают относительно большую часть поверхности лица. По щекам мы судим не только о том, следит за собой человек или нет. Состояние щек, их «текстура», «форма» и «размер» говорят также о физическом здоровье или нездоровье человека и даже о некоторых свойствах его тела. Так, мы можем услышать слова, обращенные в адрес ребенка: *Смотри, у него одни щеки!* Имеется в виду, что щеки являются тут заметной частью детского лица, что они 'полные', выступают наружу. *Полные, пухлые щеки* делают ребенка внешне привлекательным; взрослые часто отмечают наличие у детей таких щек.

Многие языковые выражения, содержащие слово *лицо* и обозначающие «размер» и/или «форму лица», по смыслу относятся к «размеру щек» и «форме щек»; ср. сочетания *пухлое лицо, жирное лицо, одутловатое лицо* и некоторые другие.

«Форма» и «размер щек», как и «текстура», влияют на общую и эстетическую «оценку внешности или здоровья человека». Об этом говорят многие языковые выражения со значениями этих признаков. Казалось бы, сочетание *жирное лицо, пухлое лицо* относятся к лицу человека, однако они в значительной мере отражают именно свойства щек: ср. *пухлые щеки, толстые щеки, толстощекий, жирные щеки*. Такая синкретичная характеристика «формы» и «размера», как «толщина», применяется в русском языке из частей лица не только к щекам, но также к губам и носу (*толстый нос, толстые губы*). Однако чаще всего так характеризуются именно щеки. В этом отношении щеки — наиболее «иллюстративная» часть лица: многие свойства щек автоматически распространяются на лицо в целом. Например, предложение: *?? У него было худое лицо с пухлыми щеками* — по-видимому, не просто странное; оно ощущается как неправильное: *пухлые щеки* автоматически предполагают, что лицо человека тоже является пухлым, собственно говоря, *пухлое лицо* и означает, что у человека пухлые щеки.

Остановимся теперь на том, как еще могут в русском языке описываться признаки «размер щек» и «форма щек». Словосочетания, характери-

зующие размер отдельной части тела, указывают либо на абсолютный ее размер (*большой / огромный / маленький / крошечный* и др.), либо на относительный размер, т. е. на размер в некотором одном пространственном измерении (*широкий, низкий, высокий* и т. д.). «Форма щек» при этом может быть представлена как сочетаниями, выражающими геометрические значения признака (*квадратный, круглый, овальный* и др.), так сочетаниями, передающими негеометрические значения (*нос картошкой, глазки как две бусинки, губки гузкой* и др.)⁷.

Сложность описания щек состоит в том, что их «размер» выражается, как правило, одновременно, т. е. синкретично с «формой» (см. выше). Щеки не характеризуются как *широкие* или *узкие*, к ним редко применяются характеристики *большие* или *маленькие*. Чаще про них говорят: *пухлые, впалые, толстые, раздутые*. Ср. *Глядя на ее полные розовые щеки, на белую мягкую шею с родинкой <...> мужчины думали: «Да, ничего себе...» <...>* (А. Чехов. Душечка); *Раздутые щеки, нос — два моих кулака, рот до ушей, глаза по ложке <...>* (М. Загоскин. Вечер на Хопре). Все эти примеры указывают как на «размер щек» (*толстые щеки* — ‘большие’), так и на «форму» (*толстые щеки* — более ‘круглые’, они также делают более круглым все лицо).

Тесная спаянность «формы щек» и их «размера» свидетельствует о том, что для описания «формы» и «размера» (по крайней мере для некоторых соматических объектов) существенны их внутренняя структура и свойства поверхности. Сравним, например, размер таких частей тела, как живот и спина. Хотя обе они имеют широкую поверхность, только спина, но не живот, может характеризоваться как *широкая*. О животе же чаще говорят *толстый* (но редко *худой живот*). Объяснить это можно тем, что живот — ‘мясистая’ часть тела. Для ‘мясистых’ частей тела ключевым, если не и единственным, физическим признаком становится «толщина» — важная кумулятивная характеристика «формы» и «размера» соматического объекта. Сказанное относится и к щекам, поскольку они тоже ‘мясистые’. Заметим, что лицо в целом, в отличие от его части, щек, может характеризоваться как *широкое*, но в этом случае описывается линейный размер черепа, но не щек.

«Размер щек» в русском языке описывается, как правило, тогда, когда он аномальный. В этом случае щеки человека характеризуются (а) как ‘толстые’ (толще, чем считается нормальным) и ‘большие’ (больше, чем считается нормальным). Ср. сочетания, выражающие значения соответствующих признаков: *толстые щеки, пухлые щеки, тучные щеки, жирные щеки, толстощекий, вздутые щеки, щекастый*; ср. *Щекастое лицо его вызвало огорчение* (Ю. Герман. Дорогой мой человек); *Только доносившиеся до него порою крики и взвизгиванья сыновей его поддерживали судорожным*

⁷ См. подробно о форме и типологии форм применительно к телу и его частям в статье [Аркадьев и др. 2008б].

движением тучные его щеки (О. Сомов. Гайдамак); *Самое характерное в его лице было отсутствие усов, это свежесвыбритое, голое место, которое постепенно переходило в жирные, дрожащие как желе, щеки* (А. Чехов. Анна на шее). Ср. также сочетание *тяжелые щеки*, где «толщина щек» передается косвенно при помощи прилагательного тяжести, и фразеологизм *из-за щек ушей не видно*.

‘Малый размер щек’ тоже может отмечаться, т. е. передавать одно из значений признака «размер щеки» — (б) ‘малый’. Это значение выражается сочетаниями *слишком худые, впалые щеки, щеки ввалились* и т. п., которые выражают отрицательную оценку (аномально) малого размера щек. Отметим, что ни одно из отклонений от нормы размера щек, т. е. ни в ту ни в другую сторону, не оценивается положительно — в отличие, например, от глаз, для которых большой размер несет положительную оценку; так, сочетание *большие красивые глаза* выглядит нормально, а *большие красивые щеки* кажется по меньшей мере странным.

Как мы уже отмечали, ‘большой’ размер щек тесно связан с «размером лица» и с большой «толщиной (полнотой) человека» в целом. В последнем случае размер щек получает дополнительные коннотации сытости и богатства, см. *Во какие щеки наел!* Еще более показательными являются выражения малого размера щек. Сочетания *щеки ввалились* и *впалые щеки* никогда не употребляются только для того, чтобы сказать, что у человека худое лицо: подразумевается, что либо человек бедный и потому голодный, либо его худоба болезненная. Таким образом, мы еще раз убеждаемся, что щеки являются красноречивой характеристикой не только внешности, но и общего состояния человека. *Одутловатые, вздутые, надутые, дряблые, плоские щеки* несут отрицательную оценку, а *щечки, наливные щеки* (тут очевидно сравнение щек с крупными, красивыми и большими яблоками) и *круглые щеки* оцениваются скорее положительно. Прямой корреляции, впрочем, между степенью округлости щек и их эстетической характеристикой нет.

Щеки обладают свойством «подвижности». В частности, они способны менять форму и размер. И это свойство обусловлено внутренним строением щек, а именно тем, что щеки — это мягкая часть лица, состоящая из мышц. Это позволяет щекам *надуваться, вздуваться, опадать, опускаться, втягиваться, расползаться* и т. п. Человек может также сам — осознанно и намеренно — изменять размер и форму своих щек. Так, он может *надувать, втягивать, оттягивать щеки*, ср. предложения: *У двери, ведущей в переднюю, дьячок Лука, надув широко щеки и выпучив глаза, раздувает кадило* (А. Чехов. У предводительши); *Бронька опустила подбородок в ладони, оттянув вверх щеки* (Л. Улицкая. Бронька); — *Я вдохновляюсь! — он зажмурился, втянул щеки и открыл рот, как дети, когда они представляют покойника* (Н. Тэффи. Забытый путь).

С физическими свойствами щек, прежде всего с относительно большим размером и широкой поверхностью, связано то, что щеки часто служат ме-

стом появления и нахождения телесных жидкостей, таких как слезы и пот. Появление их на щеках говорит об определенном физическом или эмоциональном состоянии человека; ср. *Слезы катились по его щекам; Не слезы, а пот катился по ее серым щекам; Пот выступил на его щеках, но никто его за маской не видел* (Ю. Крелин (из дневников)). Поскольку щеки сами относительно большие и занимают большую поверхность лица, выделения пота и слез на лице фиксируются лучше всего именно на такой части лица, как щеки.

Важной характеристикой щек является также их «цвет». Согласно Русскому ассоциативному словарю, наиболее устойчивыми ассоциациями для щек являются два значения этого признака — ‘красный’ и ‘розовый’. Ср. *Я стал смотреть в мамыны глаза и почувствовал, что у меня щеки стали красные, как флаги* (В. Драгунский. Денискины рассказы (Одна капля убивает лошадь)). Языковые способы передачи этих значений часто получают эстетическую оценку. См. следующие примеры: *Одни душу продают — за розовые щеки, другие душу отдают — за небесные звуки* (М. Цветаева. Нездешний вечер); *И Наташенька ожила, заулыбалась, ее бледные щеки зарумянились* (О. Кириллов. Книга ласковых имен); *Валет пик был похож на продащицу из колбасно-сырного отдела: тугие смуглые щеки с румянцами, усики, синий берет* (Катя Метелица. Мой милый сероглазый валет); *На скамеечку присела незамужняя Семечница с кирпичным румянцем во всю щеку* (Вселенная деревни Растяпино // «Профессионал», 1998.07.01)).

Красные щеки могут оцениваться как положительно, так и отрицательно. *Румяные щеки* в норме получают позитивную оценку, ср. *щеки зарумянились, румяные щеки, румянец во всю щеку* или *румянец на щеках*, но бывает также и *нездоровый румянец*. А внешне беспричинно появившиеся румяные щеки у маленьких детей нередко являются симптомом, или проявлением болезненного состояния, а именно разновидности аллергии — диатеза.

Румяные щеки противопоставлены *бледным щекам*. Как и цвет лица, цвет щек может быть постоянным и переменным, причем изменения цвета связаны с телесной дисфункцией, болезнью или с сильными эмоциями. Цвет глаз и цвет лба у человека постоянный (впрочем, глаза могут становиться, например, красными от слез, а лоб — красным от напряжения). Цвет носа не связан с испытываемыми чувствами, а уши становятся красными или белыми преимущественно от мороза. Поведение же щек в этом отношении достаточно интересно — оно аналогично поведению лица: и цвет лица, и цвет щек могут быть симптомами внутренних состояний, испытываемых чувств или желаний, плохого самочувствия и др.

В свою очередь *желтые, серые, землистые щеки* не только внешне некрасивые, но и говорят о плохом состоянии или самочувствии человека, ср. *Чечевицын развеселился, глазки у него довольно заблестели, и даже его желтые щеки стали бурыми от оживления (...)* (М. Горький). А после того, как мужчина с густой щетиной на щеках хорошо побрился, щеки его приобретают *синеватый оттенок*.

Эстетическая функция щек и способность отображать внутреннее состояние человека — эти две важнейшие функции щек.

Щеки как активный и пассивный орган при производстве жестов

Как показано в работе [Крейдлин, Летучий 2006], части тела существенно различаются по своей роли в жестовом знаковом коде. Так, одни органы и части тела намного чаще, чем другие, реализуют функцию активного соматического объекта при жестикуляции (о понятиях активного и пассивного органа при производстве жестов см. [СЯРЖ 2001]). Активной частью тела в очень многих русских жестах служит рука. С помощью руки или рук люди выполняют большинство социально значимых и высоко частотных жестов разнообразных семантических классов. Это наказания, касания, приветствия, поглаживания, акты и жесты ободрения и одобрения и др.

Существуют, однако, и такие части тела, для которых функция активного соматического объекта нехарактерна или менее характерна, чем пассивная. К ним относятся, например, плечи, о которых подробно говорится в статьях [Крейдлин, Летучий 2005; 2006]. Если жесты **пожимать плечами** и **повести плечами** — одни из немногих, в которых плечи участвуют как активный соматический объект, то плечи как пассивный объект выступают в очень многих жестах. По плечу или плечам **хлопают**, за плечо или плечи **трогают** и **трясут**, на плечо **кладут голову** (жест ласки), плечо или плечи ласково **поглаживают**, в плечи **втягивают голову** (когда человек, например, съеживается), плечи служат опорой в разных смыслах этого слова, плеч **касаются** в знак сопереживания их обладателю или в знак участия и т. п. Более выраженная пассивная роль плеч в производстве жестов связана с их топологическими и функциональными особенностями. Во-первых, плечи не очень подвижны, во-вторых, они являются относительно широкой и плоской поверхностью, и, в-третьих, они расположены весьма высоко на теле — удобно, чтобы служить пассивным органом при исполнении жестов. Щеки тоже относятся скорее к пассивным частям тела. Ввиду своей сравнительно малой подвижности и расположения щеки не могут в ходе жестикуляции воздействовать на другие части тела. Поэтому в жестах, в которых принимают участие две части тела и из которых одна — щеки, именно последние являются пассивным соматическим объектом. Исключения существуют — это жесты ласки (ср., например, **прильнуть щекой к чьей-л. груди**, **потереться щекой о щеку** и под.), но они немногочисленны и не специфичны для щек.

Мы не случайно уже несколько раз сопоставляли щеки с плечами. Дело в том, что по характеру функций, которые щеки реализуют в русском языке тела, они близки именно к плечам. Рассмотрим классы жестов, выполняемые с участием щек:

- удары (пощечина, хлопнуть / ударить по щеке);
- «ласковые» касания (трепать по щеке);
- щипки (ущипнуть за щеку).

Из этих трех семантических классов жестов только щипки не применяются также к плечам. Интересно, однако, что смысловые характеристики жестов с участием щек совсем иные, чем у жестов с участием плеч.

Рассмотрим, например, мануальные жесты-удары. Два из них — **пощечина** и **хлопнуть (хлопать / ударить) по щеке** — казалось бы, должны быть близки по значению. В самом деле, пощечина и есть сильный хлопок, или удар по щеке, т. е. физическая реализация двух жестов, в принципе, близкая. Однако на самом деле означают эти жесты совсем разное.

Пощечина — это наиболее оскорбительный для адресата мануальный жест из класса жестов-ударов. При этом **пощечина** отнюдь не самый сильный и болезненный удар — во всяком случае, не такой сильный, как типовые незнакомые удары **дать по морде (дать по роже), ударить в живот** и т. п. Назначение незнакомых ударов по щекам — причинить боль адресату, тогда как пощечину дают с совсем другой целью, а именно унижить адресата, дать ему понять, что его поведение оскорбительно и совершенно недопустимо. Так, вряд ли является допустимым предложение: *Хулиганы на улице надавали ему пощечин*, даже если удары хулиганов действительно затрагивали щеки. См., однако, следующие вполне корректные примеры: *Он дал публично пощечину подлецу, оскорбившему память его первой жены Оксаны* (А. Городницкий); *Тот в ответ взял и погрозил <...>: если Рассадин не извинится, то Куняев даст ему <...> пощечину* (Н. Горланова).

Повторимся, что во всех представленных этими примерами ситуациях жест **пощечина** дается для того, чтобы дать человеку понять, что он совершил недопустимые поступки, и этим жестом его унижить. Не случайно наносимая **пощечина** как оскорбительный и унижающий жест в течение долгого времени служила поводом для вызова человека, нанесшего **пощечину**, на дуэль. Ситуации употребления **пощечины** количественно ограничены; соответственно, условия употребления жеста не столь широки. Как правило, человек, занимающий более высокое положение на социальной лестнице, чем адресат, не дает адресату **пощечину**. Данный жест чаще всего производится низшим или равным по положению человеком — ведь его смысл предполагает резкое понижение высокого статуса собеседника. Этим жестом как бы дают понять, что поведение человека не соответствует его относительно высокому общественному статусу.

Не случайно **пощечину**, как правило, дает взрослая женщина взрослому мужчине, см. *Когда я впервые поцеловал Светлану, она дала мне пощечину*. Поскольку изначально на социальной лестнице мужчина мыслится как стоящий выше женщины, **пощечина** понижает его статус (см. о других невербальных проявлениях, связанных с различием полов и гендерных ролей, в книге [Крейдлин 2005]).

Сказанное о **пощечине** хорошо объясняет ее метафорическое переосмысление в следующем примере: *В действительности мы дали японцам пощечину: пустили в спорные воды всех кого ни попадя* (Н. Йогансен). В этом и подобных контекстах слово *пощечина* обозначает просто оскорбительное действие, унижающее партнера; в частности, тут речь идет о том, что Россия своими действиями дала Японии понять, что статус России выше (хотя реально у них статусы равные).

Что же касается жеста и движения **хлопать (бить / хлопнуть) по щекам**, то они по своей семантике стоят ближе к жесту **трясти за плечи**, ср. *Какая-то женщина стала приводить его в чувство, растирая виски и хлопая по щекам* (Г. Матвеев); *Его хлопали по щекам, отливали водой, усаживали на стул* (В. Войнович). В этих примерах *хлопают по щекам*, чтобы привести человека в чувство: это действие заставляет его либо прийти в сознание в буквальном смысле, либо вспомнить или сообразить нечто, что он забыл или не принимает во внимание. С той же целью прямо или фигурально привести человека в чувство употребляется и жест **трясти за плечи**, ср. *Пора, пора, — тряса меня за плечо дневальный. — Иди покурить принеси* (В. Шаламов).

Обратимся теперь к классу жестовых касаний и остановимся только на одном его представителе — на жесте **трепать (потрепать) по щеке**.

Трепать по щеке по своей физической реализации занимает промежуточное положение между ударами и касаниями. Этот жест обозначает едва ли не самую слабую из всех возможных реализаций удара, вследствие чего его следует скорее отнести к касаниям, чем к ударам. Ср.: *Тетка моя называла Николеньку «лапкой», трепала по щеке и все время ставила мне в пример* (М. Шишкин); *Эти братья навалились с ласками: обнимают, треплют по щеке, подбадривают* (А. Эфрос). По-видимому, **трепать по щеке** является наиболее общим жестом ласки — столь же общим, как и **погладить**. Однако эти два жеста различаются по сфере употребления. Так, у жеста **погладить** сфера употребления достаточно широкая: он применяется и к детям, и к взрослым, причем в последнем случае реализуются на практике все четыре теоретически возможные комбинации: жест применяется мужчиной по отношению к женщине, женщиной по отношению к мужчине, женщиной к мужчине и женщиной к женщине.

Между тем жест **трепать по щеке** в подавляющем большинстве случаев применяется по отношению к детям, и гораздо реже он используется мужчинами по отношению к женщинам (и это означает, что женщины в данном невербальном акте ласки рассматриваются как дети). Иными словами, жест исполняется по отношению к людям, находящимся в более низком, чем жестикулирующий, положении.

В этой связи показательны следующие два предложения: *Он покровительственно потрепал Аллу по щеке* (М. Козаков); *Дитрих снисходительно потрепал Штейнглица по щеке* (В. Кожевников). В них употребляются наречия *покровительственно* и *снисходительно* — ср. аномальное *Он

снисходительно погладил девушку по спине. Жест **трепать по щеке** может быть и унизительным, поскольку предполагает более высокое положение адресанта по сравнению с адресатом.

Обратимся, наконец, к жестам-щипкам и рассмотрим жест **ущипнуть за щеку**.

Жест **ущипнуть за щеку** близок к предыдущему тем, что выражает расположение и ласку, ср.: *Ты вот, такой-сякой, — она шутливо ущипнула его за щеку, — ты ведь совершенно мной не интересуешься!* (Т. Тронина); *Тот склонился к своему сыну и ласково ущипнул его за щеку* (В. Ян); *«Ну уж что, кажется, во мне за краса, и какой я супруг? Нет, ущипнула за щеку: “Малыючка ты эдакая!” — говорит»* (Ф. М. Достоевский). Больше того, жест **ущипнуть за щеку** в подавляющем большинстве случаев употребления, как и **потрепать по щеке**, предполагает более высокое положение жестикулирующего: не случайно в приведенных примерах он применяется к детям. Данный жест, если судить по примерам, содержащимся в Национальном корпусе русского языка, становится в XX в. более редким; большинство примеров относится к XIX в., меньше — к первой половине XX в., и лишь совсем немногие — ко второй половине XX в.

Отметим еще раз общую черту всех жестов с участием щек: все они либо предполагают, что жестикулирующий занимает более высокое положение в некоторой иерархии, либо приводят к тому, что он начинает занимать такое высокое положение по сравнению с собеседником. Жесты **ущипнуть за щеку** и **трепать по щеке** употребляются преимущественно по отношению к более низкому по статусу собеседнику, **пощечина** сама снижает его статус. Жест **хлопать по щекам** в меньшей степени ограничивает соотношение статусов, но сама семантика этого жеста говорит о том, что жестикулирующий стоит выше адресата по положению в данной ситуации, поскольку находится в сознании и способен анализировать ситуацию.

Поцелуй в щеку

Еще один важный жест, в котором щеки являются пассивным органом, — это **поцелуй в щеку (щеки)**. По всей видимости, этот вид поцелуев в русском языке тела является наиболее частотным и обладает более широкими условиями употребления, чем, например, поцелуй в губы. Вот примеры описаний этого жеста:

- (а) *Когда они будут прощаться, Астров подойдет близко-близко, она закроет глаза — а он стыдливо клюнет ее в щеки и в лоб* (газета «Экран и сцена»).
- (б) — *Валяй, коли так, дружище, — добродушно прогудел Епрев и крепко поцеловал Шенюпина в щеки* (Е. Попов).

Поцелуй в щеку по характеру выражаемого им отношения к адресату относится к разряду теплых, дружественных, но не интимных жестов.

Жест не дифференцирован и не выражает слишком сильных позитивных чувств к адресату. Потому его можно считать относительно формальным жестом. Не случайно в примере (а) выше используется синоним слова *поцеловать* — *клюнуть*, которое обозначает, что поцелуй является мимолетным, не слишком значимым.

В щеку (или щеки) часто целуют при встрече. Родители целуют в щеку детей, но такой же поцелуй возможен между мужчиной и женщиной. Широкое употребление жеста не удивительно: ведь, как уже говорилось, щеки — наиболее широкая поверхность на лице, они часто выступают наружу, и потому целовать в щеки наиболее удобно. Естественно, что этот поцелуй становится самым нейтральным из всех.

Щеки как активный орган при производстве жеста

Есть один русский жест, в котором щеки принимают участие как активный орган: это **надуть щеки**. Человек может *набрать воздух в щеки*, *раздуть* или *надувать щеки*, а также *втягивать в себя щеки*. Когда хотят показать, что человек сильно пополнил, то исполняют жест **надуть щеки** (это одно значение жеста), а когда хотят показать, что он сильно похудел или очень худой, то их втягивают (исполняют жест **втянуть щеки**). Надувает и втягивает щеки человек легко, так как они мягкие и подвижные и обрамляют извне вместилище — ротовую полость.

Набирают воздух в щеки и тогда, когда хотят вместить в ротовую полость больше воздуха, чтобы потом его выдохнуть. Это действие называется *надуть* (*мяч*, *матрац* или какой-то другой надувной, относительно небольшой предмет, который без определенного количества содержащегося в нем воздуха не может нормально функционировать).

Надуть щеки, однако, — это языковое обозначение не только жеста, о котором мы уже говорили, и не только незнакового движения. Есть жестовая лексема **надуть щеки 2**, и это жест того же типа, что и **выпятить живот**, **выпятить грудь** или **распрямить плечи**. Исполняя все эти жесты, жестикулирующий увеличивает размеры частей своего тела, а с этим и всего тела и, поступая так, делает себя больше и сильнее в глазах окружающих. В этом случае человек **надувает щеки**, чтобы показать, что горд собой или совершённым поступком: *И приказчик важно надул щеки, гордясь тем, что служит у столь знаменитого человека* (Г. Олдмэн). *Мальчиш-Плохиш важно надул щеки, благо надувать ему есть что, и сел на любимого конька* (Интернет-новости).

Однако гордость эта сродни гордыне, поскольку в данном случае она оценивается как чрезмерная. Когда человек говорит о ком-то, что этот кто-то **надул щеки** (в рассматриваемом значении), то он предполагает, что проявляемая здесь гордость больше, чем она должна быть в данной ситуации.

Номинация жеста **надуть щеки 2** метафорически переходит в жестовый фразеологизм *надуть щеки*: человек, коллектив, социальный институт, государство *надувает щеки*, если хочет показать, что обладает силой и возможностями, которых в действительности у него, скорее всего, нет.

Щеки как граница

Как и кулак⁸, щеки могут быть не только поверхностью, но и границей между тем, что находится у человека во рту, и внешним миром. Поскольку лицо человека рассматривается снаружи, всё, что находится у человека во рту, помещается внутри или, как часто говорят, *за щеками*:

- (3) *Я не глотала, а только за щеку складывала* (Журнал «Трамвай»).
- (4) *У меня снова за щекой чупа-чупс, у Федора — какая-нибудь мясля* (А. Карабаш).

В приведенных примерах подчеркивается одна из основных функций щек — участие в процессе потребления пищи. Не случайно также, что в русском языке имеется выражение *уплетать за обе щеки* ‘есть быстро и с аппетитом’. Для других частей лица, связанных с процессом еды, в частности для зубов и рта, тоже есть идиоматичные выражения с отмеченной функцией — фразеологизмы или устойчивые выражения типа пословиц, поговорок или крылатых фраз. Ср. *На чужой каравай рот не разевай* (‘не пытайся съесть’) и *точить зубы*; ср. *Он давно точит зубы на мою коллекцию* (‘очень хочет съесть’ — и, в метафорическом употреблении, ‘хочет присвоить себе’).

Слово *щеки* подтверждает нашу, пока еще предварительную, не до конца проверенную, гипотезу, которая была высказана нами в работе [Крейдлин, Летучий 2006], о том, что во фразеологических единицах с названиями частей тела отражаются их ключевые функции.

Заключение

В работе были проанализированы употребления слова *щеки* в свободных сочетаниях и фразеологизмах и описаны отдельные жесты с активным и пассивным участием щек.

Из представленного анализа можно сделать следующие выводы.

Во-первых, по своим свойствам и в большой степени по поведению щеки — в русском языке и, в меньшей степени, в русском жестовом коде — близки к лицу в целом. Щеки занимают большую часть лица, обтянуты кожей (*дряблые щеки*, например, — это щеки с дряблой кожей). У мужчин на поверхности щек обычно растут волосы (*борода, щетина*).

⁸ О кулаке см. статью [Летучий 2008].

Толщина щек соответствует толщине лица. Как и лицо, щеки характеризуются по цвету, в частности как *бледные* или *румяные*. Благодаря своим физическим и структурным свойствам щеки могут менять форму и размер.

Наряду с *кулаком*, *ноздрями* и некоторыми другими частями тела щеки относятся к сравнительно небольшой группе соматических объектов, имеющих сразу два топологических типа: поверхность и границу. Поверхность — это тип соматического объекта. Но если у объекта есть поверхность (см. признак «Поверхность и ее типы»), то метонимически именем этого объекта называется его поверхность. *На руке* — это ‘на поверхности руки’, *на языке* — ‘на поверхности языка’ и т. п. Кроме того, не так уж мало объектов одновременно имеют поверхность и являются границей. Ср. живот (*на животе* и *полный живот*), голова (*волосы на голове* и *голова без мозгов*), грудь (*бить в грудь* и *сердце стучит в груди*). Это связано с расположением щек на лице человека — с одной стороны, они расположены на лице, а с другой, они ограничивают собой внутреннюю часть рта.

Щеки участвуют во многих русских жестах как пассивные соматические объекты и реже — как активные. Важнейшим и наиболее частотным типом поцелуя, в котором щеки участвуют как пассивный объект, является **поцелуй в щеку**. Ряд других жестов, в которых щеки выступают тоже как пассивный объект, имеет определенные ограничения в употреблении.

Многие коммуникативные жесты с участием щек выполняются человеком, имеющим более высокий статус, чем адресат. Возможно, это связано с тем, что само по себе касание лица (а не его маркированных частей, например, губ) считается прерогативой говорящего с высоким статусом.

В случае со щеками мы имеем дело с системной метонимией «часть целого — целое» («щеки» — «лицо») на множестве соматических объектов. При этом нередко щеки и лицо воспринимаются и осознаются во многих контекстах как синонимы.

В дальнейшем было бы интересно обнаружить системные метонимические отношения такого типа и для других соматических объектов.

Л и т е р а т у р а

Аркадьев 2002 — П. М. Аркадьев. Полисемия названий головы в славянских и германских языках в типологическом и историческом аспекте // Московский лингвистический журнал. 2002. Т. 6. № 1. С. 53—80.

Аркадьев и др. 2008а — П. М. Аркадьев, Г. Е. Крейдлин, А. Б. Летучий и др. Сравнительный анализ вербальных и невербальных знаковых кодов (постановка задачи и способы ее решения) // Динамические модели. Слово. Предложение. Текст: Сб. ст. в честь Е. В. Падучевой. М., 2008. С. 439—449.

Аркадьев и др. 2008б — П. М. Аркадьев, Г. Е. Крейдлин, А. Б. Летучий и др. Семиотическая концептуализация тела и его частей. I. Признак «форма» // Вопросы языкознания. 2008. № 6. С. 78—97.

Булыгина, Шмелев 1997 — Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.

- Зализняк и др. 2005 — Анна А. З а л и з н я к, И. Б. Л е в о н т и н а, А. Д. Ш м е л л е в. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.
- Иорданская, Паперно 1996 — L. I o r d a n s k a j a, S. P a p e r n o. A Russian-English collocational dictionary of the human body / Ed. by R. L. Leed. Columbus; Ohio, 1996.
- Крейдлин 2002 — Г. Е. К р е й д л и н. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М., 2002.
- Крейдлин 2005 — Г. Е. К р е й д л и н. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М., 2005.
- Крейдлин 2007 — Г. Е. К р е й д л и н. Лексикография жестов и их номинаций (словари и базы данных) // Материалы VII Междунар. школы-семинара «Современная лексикография: глобальные проблемы и национальные решения». Иваново, 2007. С. 17—19.
- Крейдлин 2008а — Г. Е. К р е й д л и н. Семиотическая концептуализация тела и его частей: идеи, подходы и этапы анализа // Теоретические и прикладные аспекты современной филологии: Материалы XIII Всероссийских филологических чтений им. проф. Р. Т. Гриб (1928—1995). Вып. 8 / Под ред. проф. Б. Я. Шарифуллина. Красноярск, 2008. С. 62—67.
- Крейдлин 2008б — G. E. K r e y d l i n. Semiotic conceptualization of human body: lexicographical or database system description? // Proceedings of the 13th EURALEX. Conference. July 15—19, 2008. Barcelona, 2008. P. 702—706.
- Крейдлин, Летучий 2005 — Г. Е. К р е й д л и н, А. Б. Л е т у ч и й. Семантическая структура слова *плечи* и его производных // Московский лингвистический журнал. 2005. Т. 8. № 2. С. 48—67.
- Крейдлин, Летучий 2006 — Г. Е. К р е й д л и н, А. Б. Л е т у ч и й. Части тела в русском языке и в невербальных семиотических кодах // Рус. яз. в науч. освещении. 2006. № 12 (2). С. 80—115.
- Летучий 2008 — А. Б. Л е т у ч и й. Часть тела/форма «кулак»: функции, концептуализация, место в системе частей тела // Вестник РГГУ. № 6. Сер. Языкознание. Московский лингвистический журнал. 2008. № 10. С. 91—108.
- НОСС 2004 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд. / Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена, 2004.
- Ожегов, Шведова 1999 — С. И. О ж е г о в, Н. Ю. Ш в е д о в а. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1999.
- Переверзева, Крейдлин 2008 — С. И. П е р е в е р з е в а, Г. Е. К р е й д л и н. Телесность и некоторые особенности семиотического диалогического поведения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии (по материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 4—8 июня 2008 г.)). М., 2008. Вып. 7 (14). С. 427—430.
- СЯРЖ 2001 — С. А. Г р и г о р ь е в а, Н. В. Г р и г о р ь е в, Г. Е. К р е й д л и н. Словарь языка русских жестов. М.; Вена, 2001. (Wiener. Slawistischer Almanach; S.-Bd. 49).
- Argile, Cook 1976 — M. A r g i l e, M. C o o k. Gaze and mutual gaze. Cambridge, 1976.
- Benthal, Polhehemus 1975 — The body as a medium of expression / Ed. by J. Benthal, T. Polhehemus. New York, 1975.
- Enfield et al. 2006 — N. J. E n f i e l d, A. M a j i d, M. v a n S t a d e n. Cross-linguistic categorization of the body: Introduction // Language Sciences. 2006. 28 (2/3). P. 137—147.
- Wierzbicka 2007 — A. W i e r z b i c k a. Bodies and their parts: An NSM approach to semantic typology // Language Sciences. 2007. 29. P. 14—65.

ПОЛЕМИКА

А. Д. ШМЕЛЕВ

ЯЗЫКОВЫЕ ФАКТЫ И КОРПУСНЫЕ ДАННЫЕ

Первая часть данной заметки «Еще раз о роли корпусных данных в лингвистическом описании» была написана как ответ на публикацию Н. В. Перцова [2006]; однако мне показалось, что она касается довольно частных вопросов, и я решил не отдавать ее для публикации. Однако через какое-то время в журнале «Русский язык в научном освещении» появилась статья В. А. Плунгяна [2008], в которой обсуждались общие тенденции развития современной лингвистики и роль, которую в этом развитии играет возможность пользоваться корпусными данными, а в применении к русистике в первую очередь — «Национальным корпусом русского языка» (далее — НКРЯ). Хотя у меня нет вкуса к публичному обсуждению столь абстрактных сюжетов, я увидел, что некоторые методологические вопросы нуждаются в разъяснении, и счел уместным дополнить уже написанный текст второй частью («Корпус: инструмент или идеология?») и предложить его для публикации в тот же журнал.

Еще раз о роли корпусных данных в лингвистическом описании

Нижеследующая реплика инспирирована полемической статьей Н. В. Перцова [2006], которая была посвящена использованию данных лингвистических корпусов (и, в частности, НКРЯ) в описаниях русского языка.

Статья Н. В. Перцова включает в себя три основных сюжета; каждый из них заслуживает отдельного обсуждения. Во-первых, автор настаивает на крайней полезности для лингвистов корпусов текстов на исследуемом языке, причем, по его мнению, многие современные лингвисты эту полезность недооценивают. Во-вторых, в статье критически рассмотрен ряд утверждений, которые автор обнаружил в недавних лингвистических публикациях. Наконец, автор излагает некоторый общий взгляд касательно слова как единицы лексики. Коснемся вкратце каждой из этих тем.

Пафос Н. В. Перцова в отношении корпусов текстов кажется несколько преувеличенным. Всем лингвистам очевидно, что лингвистические утверждения должны опираться на языковой материал, а такой материал удобно извлекать из представительного корпуса текстов. Не случайно во множест-

ве диссертационных исследований дается список источников, из которых извлекался материал для анализа (т. е. по существу корпус текстов); при этом нередко указывается метод, посредством которого извлекался материал (например, «метод сплошной выборки»), и сообщается, что собранная автором картотека составила столько-то единиц.

В отношении древних языков именно корпус текстов является самой надежной базой для выводов об исследуемом языке. Лишь в случаях, когда корпус текстов не содержит достаточных данных или вовсе отсутствует, приходится прибегать к методу реконструкции, который принято считать значительно менее надежным. Разумеется, и для древних языков методологической ошибкой было бы каждое предложение, встретившееся в корпусе, считать на этом основании правильным предложением данного языка. Всем известно, что в реальных текстах встречаются разного рода погрешности (ошибки, описки, отклонения от нормы под влиянием аналогии, неправильности, связанные с тем, что данный язык не являлся родным для автора текста, и т. д.). Кроме того, из опыта работы с текстами на живых языках мы знаем, что в них могут встречаться аномалии, сознательно допускаемые автором текста — в видах языковой игры или для достижения того или иного художественного эффекта. Нет никаких оснований исключать возможность наличия сознательно допущенных аномалий и в текстах на древних языках. Необходимость учитывать возможность наличия аномальных высказываний в корпусе текстов на древнем языке является общим местом для всех тех, кто имеет опыт работы со старинными рукописями.

Но при исследовании живых языков нет необходимости ограничиваться анализом примеров из корпуса. Обращаясь к языковой компетенции носителей языка, мы получаем возможность прибегать к эксперименту, как об этом говорится в классической статье Л. В. Щербы об эксперименте в языкознании. Конструируя высказывания и оценивая их правильность на основе языковой интуиции (языковой компетенции) носителей языка, мы имеем возможность непосредственно получить языковой материал, который может быть извлечен из корпуса лишь косвенным образом и с существенно меньшей долей достоверности. Как уже говорилось, в корпусе текстов могут встречаться аномальные высказывания (и тем самым наличие в корпусе не является гарантией правильности). Но еще важнее то, что без обращения к языковой компетенции носителей языка из корпуса никоим образом не может быть извлечен так называемый отрицательный языковой материал, т. е. сведения о том, какие языковые единицы и конструкции являются неприемлемыми в данном языке. Иными словами, если некоторая единица или конструкция регулярно встречается в корпусе, мы можем с той или иной долей уверенности заключить, что она является правильной единицей или конструкцией данного языка; однако, если она в корпусе не обнаруживается, никаких заключений о ее приемлемости или неприемлемости мы сделать не можем (а можем лишь высказывать пред-

положения, основанные на аналогии), если не обратимся к языковой компетенции носителей языка.

Разумеется, опрос информантов бывает сопряжен с целым рядом сложностей, хорошо известных полевым лингвистам. Информант может неправильно понять обращенный к нему вопрос исследователя, строить ответы, стремясь в первую очередь к тому, чтобы произвести на исследователя желаемое впечатление, руководствоваться своими представлениями о том, каких ответов требуют в том или ином случае этикетные соображения. Если лингвист сам не является носителем исследуемого языка, одним из способов преодолеть указанные трудности может быть работа с довольно представительным множеством информантов в надежде на то, что эффект нежелательных отклонений будет минимизирован. В полевой лингвистике также разработаны правила, позволяющие сгладить нежелательный эффект системных искажений, — скажем, не следует прямо задавать информантам вопрос «Можно ли так сказать?», поскольку существует вероятность, что культурные скрипты предписывают носителям соответствующего языка давать утвердительный ответ на такой вопрос независимо от степени языковой приемлемости предъявленной фразы¹.

Однако, если лингвист сам является носителем описываемого языка, ситуация оказывается значительно более счастливой. Он оказывается избавлен от таких трудностей, как непонимание поставленного вопроса или искажающий эффект этикетных соображений. Добросовестность предохранит его от того, чтобы подгонять свою языковую интуицию под предвзятые представления о языковой системе. Разумеется, в этом случае он будет описывать собственный диалект, который может в каких-то деталях отличаться от диалектов других носителей языка. Однако при описании языка вообще принято абстрагироваться от различий между диалектами — разумеется, кроме тех случаев, когда именно особенности диалектов оказываются в фокусе внимания (например, когда описывается идиостиль какого-либо писателя).

Ум человеческий не всеобъемлющ. Какие-то релевантные примеры употребления могут остаться незамеченными исследователем, если он будет заниматься исключительно интроспекцией, и он может делать поспешные утверждения, опровергаемые при помощи контрпримеров, которые могут быть конструированы другими носителями языка или почерпнуты из корпуса. В этом отношении корпус может оказать неоценимую помощь, и это хорошо известно лингвистам, которые с незапамятных времен обращались к корпусным данным (картотекам и т. п.) как к материалу для анализа. Однако окончательное суждение касательно приемлемости или неприем-

¹ Здесь можно вспомнить замечания одного из персонажей романа Грэма Грина *Burn-out case*: When you have been in Africa a little longer, you will learn not to ask an African a question which may be answered by Yes. It is their form of courtesy to agree. It means nothing at all.

лемости высказываний, обнаруженных в корпусе, все равно принадлежит носителям языка. Сам факт наличия в корпусе примеров того или иного явления еще ни о чем не говорит, если носители языка отказываются признать эти примеры правильными.

Здесь необходимо еще одно замечание. Есть лингвистические задачи, для решения которых обращение к компетенции носителей языка ничего не дает и которые могут быть решены только посредством обращения к представительному корпусу текстов. Очевидно, что изучение особенностей языка какого-либо писателя должно опираться на корпус текстов этого писателя. Но и в прочих случаях необходимо понимать, что компетенция носителя языка позволяет ответить на вопрос относительно приемлемости или неприемлемости того или иного языкового выражения, однако она не помогает определить, какой из двух альтернативных способов выражения встречается чаще. Поэтому иногда встречающиеся в лингвистических описаниях констатации, включающие слова *чаще*, *преимущественно* и т. п., подчас производят впечатление некоторой поверхностности или легковесности. Исследования разговорной речи также не могут опираться на компетенцию носителей языка: как было обнаружено довольно давно, особенности разговорной речи обычно не осознаются говорящими, которые, даже когда им предъявляют их собственные высказывания, не верят, что они могли действительно так сказать. Можно добавить, что для описания таких явлений, как социальная стратификация языка, также ничего не дает опора на интроспекцию исследователя, хотя умело проведенная работа с информантами во многих случаях может оказаться более эффективной, нежели анализ корпусных данных.

Вообще говоря, все сказанное было давно известно лингвистам (хотя и не всегда четко формулировалось). Однако замечания, разбросанные по всему тексту статьи Н. В. Перцова, показывают, что он мыслит «корпусные данные» значительно более узко и, говоря о них, имеет в виду в первую очередь электронное представление этих данных. Именно поэтому он говорит о корпусах как о новшествах в лингвистическом инструментарии и сравнивает их с «благами цивилизации». С точки зрения общей методологии лингвистики форма представления данных в корпусе (электронный вид, печатные тексты или что-то еще) не имеет принципиального значения; однако можно отдельно обсудить плодотворность использования в качестве инструмента исследования именно электронных корпусов текстов.

Очевидно, что электронное представление корпусных данных имеет неоспоримые преимущества: оно позволяет за считанные минуты получить представительное множество контекстов употребления интересующих нас языковых единиц (конечно, при условии, что корпус снабжен соответствующей системой поиска). Разумеется, поисковые возможности электронных корпусов неограничены, и, для того чтобы исследовать именные группы с родовой референцией, приемы языковой манипуляции или аллюзии в газетном тексте, пока приходится действовать «по старинке», читая

тексты, входящие в корпус, находя в них нужные примеры и выписывая их. (Единственное осязаемое преимущество электронного представления текста заключается в возможности облегчить процесс выписывания примеров путем использования команд «copy-paste».) Но в целом едва ли кто-то из лингвистов станет отрицать полезность электронных корпусов вообще и НКРЯ в частности. «Скепсис» по поводу электронных корпусов может быть связан скорее с возникающей иногда иллюзией, будто их использование само по себе обеспечивает достоверность результатов исследования.

Здесь представляется вполне удачной аналогия с автомобильным транспортом, которую предложил Н. В. Перцов. Безусловно, автомобиль позволяет быстро попасть в пункт, до которого идти пешком было бы долго и трудно, и нелепо было бы отрицать полезность автомобильного транспорта на том основании, что он «отвращает людей от таких полезных способов передвижения, как ходьба» [Перцов 2006: 228]. Однако, если не знать, в каком направлении следует двигаться, преимущество автомобиля будет сведено к нулю; также автомобиль не имеет преимуществ, скажем, при движении через лесную чащу. Так и использование электронного корпуса может способствовать скорейшему получению нужных данных, но не помогает ни в установлении того, какие именно данные нужны, ни в анализе полученных результатов.

Между тем с использованием данных, получаемых «одним нажатием кнопки», сопряжены важные соблазны. Отсутствие необходимости кропотливой работы по сбору материала может побудить к такой же поспешности в выводах. Н. В. Перцов [2006: 228] недоумевает: «Непонятно, как “нажатие кнопки” может препятствовать какому-либо размышлению — по моему, в случае корпусов оно всячески споспешествует такому размышлению». Возможно, он забыл, как собирался материал «вручную», в «докомпьютерную» эпоху: исследователь читал разнообразные тексты, выписывая из них нужные примеры, попутно размышляя об обнаруживаемых таким образом закономерностях и, возможно, уточняя параметры поиска. Конечно, никто не мешает лингвисту, получившему множество контекстов, далее неторопливо размышлять над ними, в процессе таких размышлений уточнять параметры поиска, вновь получать множество контекстов, пока наконец ему не удастся выявить закономерности, лежащие в основе анализируемых употреблений (правда, в этом случае теряется преимущество электронных корпусов — скорость получения результатов). Однако, к сожалению, бывает и так, что, быстро получив материал, исследователь наскоро его обрабатывает, а обильный материал маскирует поверхностность выводов и создает ложное впечатление фундаментальности. Поэтому несколько наивной представляется надежда Н. В. Перцова, что использование систем автоматического поиска в электронных корпусах «всячески споспешествует» тщательному размышлению. Это напоминает утверждение (продолжим аналогию, предложенную Н. В. Перцовым), что автомобиль «всячески споспешествует» пешему хождению (на том, например, осно-

вании, что можно поехать в автомобиле за город и там предаться пешей прогулке).

Еще раз подчеркну во избежание недоразумений, что я всячески приветствую разного рода новшества и блага цивилизации (в частности, и автомобили, и автоматический поиск в электронных корпусах). Мои опасения связаны с тем, что уже на данном этапе мы видим, что иногда использование обильного материала, полученного посредством автоматического поиска, заменяет детальный анализ этого материала, а по мере того как использование электронных корпусов будет всё больше входить в лингвистический обиход (что и неизбежно, и желательно), случаи такого рода могут становиться всё более частыми.

Однако основной интерес в статье Н. В. Перцова представляют не отвлеченные рассуждения, а конкретные примеры, посредством которых он стремится продемонстрировать крайнюю полезность электронных корпусов и систем автоматического поиска (и неизбежность ошибок в тех работах, авторы которых этими средствами не пользуются). Бегло разберем эти примеры.

Первый из них связан с тем, что Н. В. Перцов считает одним из самых «поразительных “открытий”, извлеченных из НКРЯ». Речь идет о том, что при глаголе *промахнуться* может выражаться не только валентность агенса (*кто*), но и прочие семантические валентности: объекта-мишени (*по чему*), инструмента (*из чего*) и средства (*чем*). Тем самым, по Н. В. Перцову, произошло «разрушение старинного лингвистического мифа» (замечу, что «старинным» наблюдение, сделанное в 1970-е гг., я бы не назвал), состоящего в том, что из четырех семантических актантов глагола *промахнуться* «только первый может быть синтаксически выражен при данном глаголе» [Перцов 2006: 228]. Правда, Н. В. Перцов сам пишет, что в «классических работах» И. А. Мельчука и Ю. Д. Апресяна, вышедших в 1974 г., «авторы высказались осторожнее: этот глагол неохотно присоединяет любой семантический актант кроме агенса, однако в особых случаях такое все-таки возможно» [Там же: 229]. Пожалуй, с такой «осторожной» формулировкой вполне можно согласиться: моя языковая компетенция вполне допускает такие сочетания, как *промахнуться по мишени* или *промахнуться с трех шагов*, но я готов поверить, что эти сочетания встречаются довольно редко (правда, я бы не сказал, что для этого нужны какие-то «особые» условия, включающие, например, противопоставление или уступительность). Если же в каких-то последующих публикациях для упрощения картины утверждалось, что такие сочетания вообще невозможны, то не требуется обращения к корпусу, чтобы построить пример, который опровергнет это утверждение (более того, такие искусственно построенные примеры были приведены в упомянутых работах И. А. Мельчука и Ю. Д. Апресяна: *Ну, по такой большой мишени из винтовки с оптическим прицелом я не промахнусь!*; *На расстоянии всего пяти метров он промахнулся в медведя из великолепного бельгийского ружья центрального боя*). Поэтому мне кажется странным,

что далее Н. В. Перцов пишет: «...поиск в НКРЯ по данному запросу дал совершенно непредсказуемый результат». Тут же выясняется, что выражение «неагенсных актантов» при глаголе *промахнуться* встречается, но относительно редко; что тут было «непредсказуемого», для меня осталось неясным, и остается столь же неясным, в чем особая ценность корпусных данных применительно к данному случаю.

Следующая иллюстрация, приводимая Н. В. Перцовым, касается вопроса о существовании возвратных форм страдательного залога у глаголов совершенного вида: Н. В. Перцов считает, что такие формы вполне допустимы, хотя и маргинальны. Примечательно, впрочем, что приводимый им пример *Книга довольно быстро раскупилась / раскупится публикой*, который действительно представляется вполне приемлемым, построен исследователем, а вовсе не извлечен из корпуса. А вот как раз примеры из реальных текстов (правда, пока не вошедших в НКРЯ) иногда производят впечатление языковых аномалий, как, например, следующие строки из стихотворения Игоря Северянина: *В дни пред паденьем Петербурга, / В дни пред всемирною войной, — / Случайно книжка Эренбурга / Купилась где-то как-то мной*. Несколько дополнительных примеров из прозы А. Азольского, обнаруженные в НКРЯ, ничего принципиально нового для понимания сути дела нам не дают, тем более что часть из них также находится на грани нормы.

Особый интерес для меня представляли замечания Н. В. Перцова по поводу утверждений, сделанных в нашей книге [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005]. Остановлюсь на них подробнее; но сразу же замечу, что среди замечаний есть дельные, есть также те, с которыми я никак не могу согласиться, однако во всех случаях приведенные данные в статье Н. В. Перцова никак не могут служить иллюстрацией вреда от недостаточного внимания к корпусным данным. Поскольку Н. В. Перцов занумеровал свои замечания, удобно рассматривать материал, следуя его нумерации.

(1) Н. В. Перцов критикует приведенное в нашей статье, написанной совместно с Анной А. Зализняк, описание идеи, которую вносит выражение *с вечера* в такие сочетания, как *собрать вещи с вечера, приготовить обед с вечера*: ‘начиная накануне вечером деятельность, основная часть которой запланирована на следующий день’. В связи с этим он приводит два примера из НКРЯ, в которых нет значений ‘деятельности’ и ‘запланированности’. Но мы и не утверждали, что во всех примерах употребления выражения *с вечера* присутствует идея ‘деятельности’ или ‘запланированности’; более того, в том же абзаце мы привели пример, когда никакой ‘деятельности’ и ‘запланированности’ явно нет: *Он как залег с вечера, так и проспал весь следующий день*, — и описали значение, вносимое выражением *с вечера*, так: ‘вечером накануне (того дня, когда происходила основная часть процесса сна)’. Общая идея состоит в том, что выражение *с вечера* используется, когда речь идет о начале вечером процесса или состояния, основная часть которого приходится на следующий день; но это выражение можно употребить и заранее, когда речь идет лишь о планах

или о прогнозах на следующий день (можно сказать *Я собрал вещи с вечера* накануне отъезда, которому, строго говоря, может еще что-то помешать).

Однако Н. В. Перцов не согласен и с этой идеей. Он спрашивает: «...разве нельзя сказать, например, в одиннадцать часов вечера *Он пьян уже с вечера*, не выражая при этом ни идеи деятельности, ни запланированности?» Мне кажется, что нельзя: предложение *Он пьян уже с вечера*, произнесенное в тот же вечер, представляется мне неуместным. Можно лишь придумывать экзотические ситуации, когда оно становится более или менее приемлемым, например, когда некто планировал на какой-то день обильную выпивку (как персонаж романа «В круге первом», о котором говорится: *в воскресенье после его дежурства намечали они с сестриным мужем крепко заложить*), но проявил нетерпение и напился еще накануне вечером. Но такая модификация в точности соответствует нашему описанию. Я допускаю, что языковое чутье Н. В. Перцова как носителя языка в данном случае не совпадает с моим; примечательно, однако, что НКРЯ не дает примеров, подкрепляющих его интуицию, так что в любом случае роль корпусных данных этот пример никак не иллюстрирует.

Показательно и рассуждение Н. В. Перцова по поводу второго из приведенных им «опровергающих» примеров: *С вечера желтое слепящее солнце тонет в багровом закатном дыму. Утром оно поднимается в том же багровом тревожном мареве...* (Б. Екимов). Н. В. Перцов [2006: 232] пишет: «...верно, что здесь сопоставляется вечернее солнце и солнце, поднимающееся на следующее утро; при этом, думается, такое описание не исключено и с точки зрения момента позднего августовского вечера, когда солнце еще не зашло». Не вполне ясно, что в точности имеется в виду. Если Н. В. Перцов полагает, что сопоставления с утренним солнцем могло бы и не быть, то здесь опять-таки имеет место несовпадение его и моего языкового чутья (без этого сопоставления использование выражения *с вечера солнце тонет в дыму* мне кажется невозможным). Если же речь идет о том, что и вечером можно сказать *С вечера солнце потонуло в дыму, чтобы утром снова подняться в том же мареве*, — то это никак не противоречит нашему описанию; но, кроме того, это был бы уже не «опровергающий» пример из корпуса, а искусственно сконструированное высказывание, которое не может демонстрировать роль корпусных данных.

(2) Н. В. Перцов не согласен с замечанием из нашей совместной статьи с И. Б. Левонтиной, согласно которому глаголы *прогуливаться* и *слоняться* не используются по отношению к животным (в отличие от глаголов *бродить* и *разгуливать*). Здесь сразу надо заметить, что, как мне уже приходилось отмечать (ср. [Шмелев 1997: 524]), ограничения такого рода снимаются в случае иронического употребления или частичной персонификации (нередко это бывает, когда речь идет о домашнем животном). Поэтому весьма немногочисленные примеры использования глаголов *слоняться* и *прогуливаться* по отношению к животным, обнаруженные Н. В. Перцовым в НКРЯ (*слоняются в них терьеры и добродушный кобель, прогуливаются*

же *молодые дрозды* и *кот Фемистоклюс*), вообще говоря, не опровергают наше утверждение (хотя побуждают его уточнить). Но в контексте обсуждаемой проблемы (роли корпусных данных) уместно заметить, что наша статья, о которой идет речь, была одной из немногих статей, вошедших в сборник, которая базировалась как раз на данных электронного корпуса (хотя и относительно небольшого). В корпусе, которым мы располагали во время написания статьи, примеров, где животные *слонялись* и *прогуливались*, вовсе не было. Если признать вывод, который мы сделали, не вполне обоснованным, то причину этого разумно видеть не в недостаточном использовании корпусных данных, а в поспешных заключениях на основании таких данных, т. е. как раз в том, в чем я и вижу некоторую опасность чрезмерного доверия данным корпусов.

(3) Следующее замечание Н. В. Перцова касается той же нашей статьи. В ней мы упомянули выражения типа *шагать через лужи*, в которых глагол *шагать*, как мы писали, «означает то же, что *перешагивать*», и заметили, что глагол *стунать* в такой конструкции не употребляется. Н. В. Перцов справедливо указал, что в НКРЯ есть семь контекстов, в которых глагол *стунать* указывает на перешагивание через препятствие (в шести примерах *через порог* и в одном *через ручей*). Здесь я признаю, что наша формулировка неточна. Правильнее было бы сказать, что глагол *шагать* может означать 'идти, перешагивая', а глагол *стунать* такого значения в нормальных условиях не имеет; если же речь идет о преодолении единичного препятствия, употребление глагола *стунать*, как показывают примеры из НКРЯ, возможны, хотя и не очень характерны. В корпусе, которым мы пользовались при написании статьи, таких примеров не было, но, конечно, мы должны были бы более тщательно анализировать собственную языковую компетенцию. Но опять-таки этот пример не столько свидетельствует о необходимости опираться на данные корпусов, сколько предостерегает от поспешности в интерпретации корпусных данных.

(4) Следующий пример, касающийся статьи Анны А. Зализняк о глаголе *добираться*, чрезвычайно поучителен в отношении выбора формулировок при описании различий в поведении членов видовой пары. Дело в том, что, когда имперфективный член видовой пары выступает в качестве тривиального «двойника» своего перфективного коррелята (в значении многократности или в настоящем историческом), его свойства в целом повторяют свойства перфективного глагола. Поэтому, когда говорят о нетривиальных отличиях глагола несовершенного вида от его видового коррелята, обычно имеют в виду прочие, «нетривиальные» значения имперфективного глагола (например, актуально-длительное)².

² Относительно недавний пример. В статье [Апресян 2005] анализируются различия в поведении между глаголами *решить* и *решать*, которые объясняются семантическими различиями: *решать* значит 'обдумывать вопрос', а *решить* — 'в результате обдумывания получить ответ на вопрос'. Этот анализ представляется

Именно этой традиции (не упоминать «тривиальные» употребления имперфективного члена видовой пары) следовала Анна А. Зализняк в статье, о которой идет речь. При прочтении первоначального варианта статьи я обратил внимание автора на то, что некоторые формулировки при этом оказываются неточными и могут ввести в заблуждение; Анна А. Зализняк высказала мнение, что постоянная оговорка «кроме тривиальных употреблений» кажется ей чрезмерным педантизмом, но все же в некоторых случаях эту оговорку сделала. Однако не во всех; и в утверждении, что глагол *добираться* в значении перемещения не сочетается с отрицанием (в отличие от перфективного глагола *добратся*), эта оговорка, вероятно, оказалась автору самоочевидной и потому излишней. Однако оказалось, что педантизм все же был уместен. Н. В. Перцов обнаружил в НКРЯ три примера, в которых глагол *добираться* в значении физического перемещения сочетается с отрицанием. Существенно, что во всех трех примерах глагол имеет значение многократности, так что возможность таких примеров вполне предполагалась описанием и не нуждалась в дополнительном подтверждении корпусными данными. Но этот казус можно считать аргументом в пользу того, что аккуратные оговорки во всех подобных случаях все же являются излишними.

(5) Следующее замечание Н. В. Перцова касается высказывания Анны А. Зализняк относительно слова *счастье*: «слово *счастье* не может обозначать ни событие (оно не может *наступить*, *произойти*, *случиться*), ни его переживание»; он сообщает, что в НКРЯ нашлось 10 контекстов, в которых счастье *наступало* (или *не наступало*). Но очевидно, что смысл приведенного высказывания состоял в том, чтобы указать на несимметричность *счастья* и *несчастья*: последнее может функционировать как обозначение события (*произошло* или *случилось несчастье*) или его переживания (*у меня несчастье*). Глагол *наступить*, скорее всего, был упомянут просто по ошибке: наступают не события (кстати, нельзя сказать *наступило несчастье*), а состояния. Установить это можно и без корпуса.

(6) В статье «О пошлости и прозе жизни» мы говорим (в разделе, написанном совместно с Анной А. Зализняк), что естественно сказать *домашний*, *дачный*, *больничный*, *лагерный*, *тюремный быт*, но неестественно *гостиничный*, *производственный*, *институтский быт*. Н. В. Перцов [2006: 234] возражает, что его «языковое чутье допускает все три отвергаемых сочетания», и добавляет, что с сочетанием *институтский быт* в НКРЯ были обнаружены три контекста. Вообще говоря, ссылка на «языковое чутье» едва ли может служить аргументом в пользу необходимости учитывать корпусные данные. То, что в корпусе встретились лишь единичные

справедливым, но можно было бы оговорить, что сказанное не относится к употреблению глагола *решать* в роли «тривиального» видового коррелята к глаголу *решить*, когда *решать* значит как раз ‘получать ответ’ (например, *Стоило ему хорошо подумать, он сразу же решал любую задачу*).

примеры с сочетаниями, которые показались нам сомнительными, тоже скорее подтверждает, чем опровергает нашу интуицию. Кроме того, мы сделали оговорку (в сноске), что возможно сдвинутое употребление слова *быт* (и привели в качестве примера сочетание *литературный быт 20-х годов*).

(7) Критикуя описание, данное Анной А. Зализняк и И. Б. Левонтиной глаголу *довелось*, Н. В. Перцов отмечает, что в НКРЯ встречаются примеры, в которых нет положительной оценки соответствующего события (хотя признает, что в большинстве случаев событие все же «трактруется в положительном ключе»), предусматриваемой описанием. Правда, авторы сделали оговорку, что событие может оцениваться положительно «не само по себе, а потому, что оно обогатило жизненный опыт субъекта», но Н. В. Перцов [2006: 234] указывает, что «встречаются контексты, в которых положительную оценку события или обогащение жизненного опыта субъекта усмотреть затруднительно». Наблюдение справедливое, но ведь авторы отметили, что *довелось* «имеет “ослабленное” употребление, в котором оценочный компонент практически исчезает», и сами привели пример из песни Галича: *Вертухай и бывший номер такой-то, / Вот где снова довелось повстречаться!* Заметим также, что приведенный Н. В. Перцовым материал мог бы поставить под сомнение и некоторые другие утверждения авторов. Так, они пишут: «*Довелось* не сочетается с обозначением не-действий», — а среди примеров из НКРЯ, упомянутых в статье Н. В. Перцова, есть цитата из Юрия Трифонова, в которой говорится об ученом совете, *на котором довелось не быть*. Однако мне представляется, что пример находится на грани нормы, и в целом материал НКРЯ скорее подтверждает, чем опровергает описание Анны А. Зализняк и И. Б. Левонтиной.

(8) В статье И. Б. Левонтиной о словах *добро* и *благо* утверждается, что «в современном языке невозможно говорить о *благ*е вообще, безотносительно к конкретному случаю». Н. В. Перцов [2006: 235] приводит «противоречащие этому категоричному утверждению словосочетания, извлеченные из корпуса»: *желание потрудиться для блага отечества; служение на благо сирот; направить усилия к общему благу; общественное благо; Он никогда не приносил стране блага*. Можно согласиться с тем, что формулировка И. Б. Левонтиной содержит неточность: имелось в виду, что говорят о *добре* вообще, а *благо* кому-то адресовано (говорят о *чьем-то благе* или *благ*е для кого-то) или же привязано к конкретной ситуации. Приведенные примеры это подтверждают, и не было никакой необходимости извлекать их из корпуса: примеры такого типа приводятся в самой статье И. Б. Левонтиной.

(9) В статье Анны А. Зализняк о «семантике щепетильности» говорится, что глагол *обидеться* имеет разные модели управления, причем модели *X обиделся на Y-а (за W)*, где *W* — слова или поступок *Y-а*, и *X обиделся за Z* (где *Z* — кто-то или что-то *X-у* дорогое) несовместимы: нельзя сказать **Я обиделся на Ивана за Васю*. Н. В. Перцов нашел в НКРЯ противоречащий пример: *Соотечественники всё-таки обиделись на него и за себя, и за*

человечество (Ф. Искандер). Мне представляется, что единичный пример мало что доказывает, тем более что я воспринимаю его как находящийся на грани нормы и как возникший в результате контаминации двух моделей управления.

(10) В той же статье описываются отличия слова *совестно* от *стыдно*, и Н. В. Перцов обнаруживает в корпусе примеры, опровергающие наблюдения автора, но замечает [2006: 235]: «Я бы не возражал против такого анализа, если бы утверждения не носили столь категоричный характер и если бы в них говорилось не о непреложных фактах языка, а о тенденциях». В ответ можно заметить, что в статье как раз и говорится о тенденциях, указывается, что «в XIX и на протяжении значительной части XX в.» употребление предикатива *совестно* было значительно шире: он использовался в контекстах, в которых в современном языке предпочтительно *стыдно*. Не удивительно, что следы такого «расширенного» употребления сохранились и до настоящего времени, так что соответствующие примеры можно встретить и в относительно недавних текстах.

(11) Последние два замечания Н. В. Перцова связаны со статьей «Компактность vs. рассеяние в метафорическом пространстве русского языка», написанной мною совместно с Анной А. Зализняк. Здесь я должен признать, что мы, возможно, были недостаточно эксплицитны, так что некоторые наши утверждения относительно слова *разврат* и его производных Н. В. Перцов интерпретировал не вполне точно. Дело в том, что, как известно, толковые словари выделяют у слова *разврат* три значения; ср., например, толкования «Малого академического словаря»: «1. Половая распущенность, беспутная половая жизнь. ... 2. Испорченность общественных нравов, моральное разложение. ... II То, что является дурным с точки зрения морали. ... 3. Избалованность, привычка к излишествам». Мы сочли (возможно, ошибочно), что второе из указанных значений (иллюстрируемое в «Малом академическом словаре» примерами из Добролюбова и Писарева) воспринимается в настоящее время как книжное и устаревшее, а для живой речи актуальны два значения, которые мы описали следующим образом: «морально осуждаемое поведение, имеющее целью получение удовольствия, связываемое с представлениями о праздности; об излишестве или расточительстве; о “потакании” своим слабостям» (соответствует третьему значению в «Малом академическом словаре») и «морально осуждаемое сексуальное поведение» (соответствует первому значению в «Малом академическом словаре»). Далее мы отметили, что слова *развратник* и *развратный* нормально соотносятся лишь со значением сексуального *разврата*, исключая случаи совмещения значений или языковой игры, как в рассказе Михаила Зощенко «Аристократка», в котором походка женщины, намеревающейся съесть пирожное в антракте, характеризуется как *развратная* (поскольку есть пирожные, по мнению рассказчика, слишком дорогое удовольствие, т. е. *разврат*). Н. В. Перцов приводит три примера из НКРЯ, в которых *развратный* не имеет прямого соотнесения со значением

сексуального *разврата*. В двух из них речь идет о гастрономических излишествах: *быстро и ловко накрыла превосходный стол, на котором царила большая развратная индейка* (С. Штерн) и *развратные торты* (М. Палей); в них я ощущаю отчетливый семантический сдвиг. В третьем примере — *развратная трата денег* (Ф. Искандер) — употребление прилагательного также представляется несколько нестандартным. Вероятно, здесь имеет место совмещение значения, соотносимого с книжным *разврат* ‘испорченность нравов; нечто дурное с точки зрения морали’, и представления о расточительстве.

(12) Последнее замечание также касается указанной совместной статьи и также основано на недоразумении. Мы говорим, что слово *разврат* (в значении, которое мы описали как ‘морально осуждаемое поведение, имеющее целью получение удовольствия, связываемое с представлениями о праздности, об излишестве или расточительстве’) употребляется только в позиции именной части сказуемого. Н. В. Перцов понимает наше замечание как относящееся ко всем «несексуальным» употреблениям слова *разврат* и говорит, что это высказывание «очевидным образом ошибочно». Но очевидно, что книжное значение ‘испорченность нравов; нечто дурное с точки зрения морали’ синтаксически свободно; поэтому «контрпримеры», которые приводит Н. В. Перцов, таковыми не являются. Любопытно, что здесь Н. В. Перцов признается, что обращение к НКРЯ «вызвано только желанием получить примеры из реальных текстов (а не извлекать их из собственной головы)». Против такого желания ничего нельзя возразить; однако из него не вытекает необходимость обращения к корпусу текстов как общетеоретическое требование.

По поводу слова *разложение* мы заметили, что сочетания с ним не задают общего морального ограничения, а характеризуют конкретную ситуацию. Возражая нам, Н. В. Перцов пишет буквально следующее: «...не думаю, что извлеченные из корпуса словосочетания *стремительное разложение органов правопорядка, дальнейшее разложение государственной власти* и т. п. характеризуют “конкретную ситуацию” — как кажется, они представляют собою общие характеристики ситуации». В чем тут противопоставление («не характеризуют ситуацию, а представляют собою характеристики ситуации»), остается не вполне ясным. Именно примеры такого рода мы имели в виду, когда делали наше утверждение: в них не задается общее правило морального кодекса, а дается характеристика конкретной ситуации, сложившейся в определенном месте в определенное время.

Итак, рассмотрев замечания Н. В. Перцова касательно частных утверждений, содержащихся в нашей книге, мы вынуждены констатировать, что тезис о необходимости использования во всяком лингвистическом описании корпусных данных остался недоказанным.

В следующем разделе Н. В. Перцов разбирает статью, написанную мною совместно с И. Б. Левонтиной, в которой рассматривается особый тип употреблений частицы *еще*, иллюстрируемый такими высказывания-

ми, как *Я еще вернусь*; *Ты еще пожалеешь*; *Ты еще всех нас переживешь*. Мы описывали значение конструкции *еще будет Р* примерно следующим образом: 'В момент речи существуют обстоятельства или высказывания, на основании которых адресат речи может сделать вывод Q (поскольку думает, что не будет Р); говорящий сообщает, что будет Р (и поэтому рано делать вывод Q)'. Иными словами, сущность данного типа употреблений частицы *еще* заключается в предостережении адресата речи, чтобы тот не делал преждевременных заключений (отсюда и название соответствующего раздела нашей работы — *Not so fast!*, т. е. 'Не спеши!'). Другие типы употребления частицы *еще* мы не рассматриваем, лишь упоминая те, которые также могут иметь место в контексте будущего времени (в частности, «аддитивное» и «континуативное» *еще*), чтобы отличить их от употреблений, которые интересуют нас.

Н. В. Перцов называет рассмотренное нами употребление «*еще* нескорое». Это наименование трудно признать удачным, поскольку оно наводит на мысль, что конституирующим для данного типа употреблений является указание на «нескорое» наступление события Р; однако сам Н. В. Перцов уже на следующей странице рассматривает ситуацию, когда говорящий ненадолго покидает аудиторию и, желая «воспрепятствовать возможному беспокойству слушающего по поводу его ухода», говорит *Я еще вернусь*. Другое дело, что данное употребление *еще* невозможно, когда речь идет о действии, к которому субъект уже приступает. Нельзя сказать *Я еще выстрелю* в ситуации, когда принято говорить *Стой, стрелять буду*; точно так же, уходя из аудитории, нельзя сказать *Я еще уйду* (имея в виду указанное употребление *еще*).

Среди наблюдений Н. В. Перцова по поводу данного типа употреблений частицы *еще* есть одно, с которым нельзя не согласиться. Мы связывали такое употребление с контекстом глагола в будущем времени (а ситуация Р отнесена к будущему относительно момента речи); однако Н. В. Перцов привел примеры, когда это же значение появляется в контексте инфинитива, подчиненного «проспективному» глаголу: *пообещал «еще вернуться»*; *надеялся еще вернуться в эти места*. Конечно, для полноты описания следовало бы учесть такие употребления³.

Сомнение у Н. В. Перцова вызывает характеристика употребления *еще* в некоторых из рассматриваемых примеров как «прагматически обязатель-

³ Можно заметить, что инфинитивные употребления нередко проходят мимо внимания лингвистов. Так, я помню, что глагол *спаться* (с отрицанием — *не спаться*) казался странным многим коллегам, так что они готовы были даже в явном виде утверждать, что для оборота *не спится* (кому-л.) нет инфинитивного варианта. Однако несложный эксперимент показывает, что оборот *не спаться* вполне может появиться в контексте модальных или фазовых глаголов; и действительно, он встречается в реальных текстах, например: *...не вам одним плохо спится, а и мне тоже стало не спаться — и в этом виноваты вы* (Николай Лесков).

ных». Скорее всего, это связано с тем, что, как пишет сам Н. В. Перцов (в сноске), понятие «прагматическая обязательность» осталось для него «непроясненным». Речь шла о том, что в некоторых случаях отсутствие частицы делает предложение странным или неуместным (или подсказывает адресату речи неправильные выводы). Так, утешая человека, у которого сорвалась запланированная поездка, можно сказать *Да ты еще десять раз съездишь на Кипр*. Вообще говоря, нужное содержание подсказывается ситуацией, так что можно было бы полагать, что в частице *еще* нет нужды; однако без нее высказывание звучало бы несколько странно. Феномен прагматической обязательности иллюстрируется примерами переводов с иностранных языков на русский, когда в переводе появляется частица, отсутствующая в оригинале, и очевидно, что без нее высказывание было бы неуклюжим, хотя в оригинальном тексте нужный смысл прекрасно вычисляется из контекста.

Однако основное содержание рассуждений Н. В. Перцова по поводу нашей статьи не имеет прямого отношения ни к данному типу употреблений частицы *еще*, ни к вопросу о роли корпусных данных для лингвистического описания. Он обсуждает вопрос о семантическом инварианте для частиц *еще* и *уже*, предлагает формулировки инварианта двух видов и высказывает мнение, что конкретные употребления *еще* являются просто «вариациями на тему», причем указывает, что некоторые «вариации» «нельзя или затруднительно подвести под рубрику какого-то конкретного значения». Стоит заметить, что о частице *уже* мы вовсе не говорили, равно как и не касались вопроса о семантическом инварианте для частицы *еще* и проблемы того, сколько значений следует выделять для нее. В этом смысле рассуждения Н. В. Перцова никак не опровергают (и даже не побуждают модифицировать) наше описание. Попутно заметим, что наличие употреблений, которые «нельзя или затруднительно подвести под рубрику какого-то конкретного значения», вообще характерно для многозначных слов и может считаться фундаментальным свойством лексической многозначности, отличающим ее от омонимии и создающим общее ощущение семантического единства слова. Лексикографические описания, в которых все примеры употребления многозначного слова четко разнесены по отдельным значениям слова (и которые тем самым обнаруживают стремление освободить словарные статьи от «неопределенных» примеров), создают несколько искаженное представление о семантической структуре описываемых слов [Шмелев 1973: 95].

Наконец, совсем забыв о нашей статье, Н. В. Перцов делает экскурс, озаглавленный им «О статусе слова как единицы лексики». С основным его тезисом, согласно которому слову нельзя отказать в статусе единицы языка, вполне можно согласиться; впрочем, этот взгляд является традиционным и почти общепринятым. С другой стороны, во многих случаях лингвисту удобно иметь дело со словом в отдельно взятом лексическом значении, и Н. В. Перцов не отрицает и этого. В лингвистике известны два

крайних и притом противоположных подхода к данному вопросу. Согласно одному из них всякое слово обладает семантическим единством, а отдельные значения слова представляют собою «лексико-семантические варианты» (термин А. И. Смирницкого). Этот подход до сих пор господствует в преподавании лингвистических дисциплин в большинстве отечественных университетов, и студентам обычно хорошо известно сокращение ЛСВ, которое как раз и призвано обозначать слово в отдельно взятом лексическом значении; слово во всей совокупности значений при таком подходе часто называют, вслед за В. В. Виноградовым, «лексемой». С другой стороны, в теории «Смысл ↔ Текст» основной единицей словаря считается не слово, а слово, взятое в отдельном значении. Не случайно именно по отношению к нему в теории «Смысл ↔ Текст» и следующей за этой терминологией Московской семантической школе используют термин «лексема» (что, конечно, может вести к путанице); слово же (которое именуется «вокабулой») рассматривается как совокупность отдельных «лексем». Ни тот, ни другой подход, если довести их до логического предела, не решают проблему многозначности слова, и на практике лексикологи тем или иным образом совмещают их, независимо от используемой терминологии. Н. В. Перцов выражает готовность следовать указанной традиции, и это можно приветствовать, но остается непонятным ни то, зачем посвящать декларации этой готовности отдельный экскурс, ни то, какое отношение имеет эта проблема к проблеме использования в лингвистике корпусных данных.

В целом можно видеть, что аргументов, которые бы свидетельствовали об исключительной роли корпусных данных для лингвистических исследований, в статье Н. В. Перцова не приведено. Ясно, что использование реального речевого материала, содержащегося в корпусе, способствует обоснованности выводов. С другой стороны, не видно оснований, по которым следовало бы отказываться от опоры на непосредственное знание носителя языка, выступает ли в роли такового посторонний информант или сам исследователь.

Корпус: инструмент или идеология?

Вопрос о роли корпусных данных в лингвистических исследованиях получил продолжение в статье В. А. Плунгяна [2008], в которой обсуждается общее состояние современной лингвистики (в первую очередь русистики) и влияние на нее современных электронных корпусов (в первую очередь НКРЯ). Следует сразу сказать, что во многих отношениях акценты в этой статье расставлены значительно более четко, нежели в статье Н. В. Перцова. Автор прекрасно отдает себе отчет в том, что внимание к реальным текстам (т. е. фактически к корпусу) всегда являлось неотъемлемой частью «традиционной» лингвистики (он упоминает в связи с этим

описания «мертвых языков», в частности классическую филологию, исследования в области «языка писателя» и «виноградовскую школу» в отечественном языкознании [Плунгян 2008: 13]). Впрочем, некоторым преувеличением (или, может быть, чрезмерным обобщением) является его утверждение касательно сложившейся практики преподавания лингвистических дисциплин: «Лингвистам со студенческой скамьи объясняли, что, конечно, они видят перед собой тексты, но не тексты являются для них по-настоящему важными: минуя их, они должны перейти к более значимому объекту — к системе правил, по которым эти тексты строятся, — и рассуждать об этой системе, а не о текстах, “реконструируя” ее на основе текстов» [Там же: 9]. Вспомним, что в отечественной практике преподавания всегда были сильны позиции «виноградовской школы», в рамках которой призыв «миновать тексты» никак не мог встретить сочувствия. Да и сама идея, что можно каким-то образом «миновать тексты», плохо вяжется с идеей, что правила «реконструируются» именно на основе текстов. Можно добавить, что в течение некоторого времени весьма распространенной претензией, высказываемой «традиционными» лингвистами по адресу ряда структуралистских работ или исследований в духе генеративной грамматики, было именно указание на то, что их авторы оперируют немногочисленными искусственными примерами, игнорируя все богатство языкового материала, который представлен в реальных текстах; очевидно, что необходимость опираться на тексты воспринималась как данность. И, скажем, отечественная академическая лексикография строилась на основе картотеки примеров, которая извлекалась методом сплошной выборки из довольно представительной совокупности текстов. Кроме того, преимущественное внимание к корпусу текстов было не чуждо и некоторым направлениям структурализма. Так, одним из основных методов американской дескриптивной лингвистики был дистрибутивный анализ, для которого характерен так называемый дешифровочный подход к языку (см., например, статью Ю. Д. Апресяна в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» [Апресян 1990]). Сущность же «дешифровочного» подхода как раз и заключается в том, что предполагается, что в распоряжении лингвиста нет ничего, кроме корпуса текстов и набора универсальных процедур (играющих роль лингвистической теории), позволяющих автоматически получить описание данного языка (как он представлен в корпусе). Именно в работах представителей этого подхода и стало активно использоваться слово «корпус» по отношению к массиву текстов.

Всё сказанное иллюстрирует мысль, что постановка корпуса в фокус лингвистического исследования отнюдь не является новацией последнего времени. Собственно, и В. А. Плунгян это признает и говорит, что корпусно-ориентированный подход «в некоторых чертах сближается с традиционной “доструктуралистской” филологией» и что современная лингвистика «во многом вернулась к тому, что декларировалось в XIX веке, а потом было забыто или отброшено» [Плунгян 2008: 13]. Правда, в связи с этим он

поминает классическую филологию и предложенное А. А. Зализняком описание языка древненовгородских берестяных грамот, а также разнообразные исследования «языка писателя» и «виноградовскую» школу — то, что едва ли может быть причислено к филологии XIX в., впоследствии «забытой и отброшенной». Более того, перечисляя «идеологические предпочтения», которые, как он считает, характерны «для нового взгляда на задачи теоретической лингвистики», он не скрывает, что эти предпочтения выявились несколько десятков лет назад. Список таких «идеологических предпочтений» включает в его изложении следующие пять пунктов:

(1) «Внимание не к слову или к предложению, а к тексту, или, как теперь чаще говорят, к **дискурсу** — то есть к реальному инструменту коммуникации в целом, а не к его отдельным фрагментам» [Плунгян 2008: 9]. В. А. Плунгян признает, что эта тенденция «обозначилась еще в 1970-е гг.», но настаивает на том, что в последнее время она «проявляется более интенсивно» [Там же]. Здесь можно было бы заметить, что «лингвистика текста» начала складываться еще в 1960-е гг., что само слово «дискурс» как раз в самое последнее время стало несколько выходить из моды, что исследование текста (или дискурса) не противоречит вниманию к отдельным его фрагментам, например, «дискурсивным словам» или средствам, обеспечивающим связность текста. Но, кроме того, говорить об утрате интереса к слову как единице языка и связывать это с широким распространением корпусно-ориентированных исследований весьма странно, учитывая, что большинство корпусов (и, в частности, НКРЯ) в высокой степени «словоцентрично»: в центре поиска находится именно слово, обладающее теми или иными характеристиками. Что же касается внимания к целостному тексту, то как раз такие проблемы, как, скажем, описание языковых средств, организующих композицию текста, решать, обращаясь к корпусу, довольно затруднительно.

(2) «Внимание к **квантитативному** аспекту языка» [Плунгян 2008: 9]. Здесь В. А. Плунгян говорит, что этот подход характерен для школы Дж. Байби, хотя его элементы «мы находим еще у Гринберга в 1960-е гг.» [Там же], и даже приводит в сноске цитату из Н. С. Трубецкого, в которой указывается на необходимость изучения статистических закономерностей в морфологии и морфонологии. Можно было бы добавить, что идея изучения статистических закономерностей в лингвистике получила распространение с конца 1940-х гг.; классический закон Ципфа был сформулирован в 1949 г. и вскоре вошел в большинство учебников по общему языкознанию (см., например, знаменитый учебник Дж. Лайонза «Введение в теоретическую лингвистику» [Lyons 1969]); в 1960-е гг. стали публиковаться частотные словари, и с тех пор внимание «к квантитативному аспекту языка» устойчиво присутствует в лингвистике, хотя, как кажется, не составляет *mainstream*.

(3) «Внимание к **синхронной вариативности** языка» [Плунгян 2008: 10]. В. А. Плунгян сам пишет, что эта тенденция «обозначилась еще в середине XX в. с возникновением социолингвистики и других дисциплин

этого круга» [Там же]. Можно добавить, что представление о синхронной вариативности языка всегда было очевидно, скажем, для диалектологов; но и при описании литературного стандарта учитывалось региональное варьирование (так, для русского языка с давних пор говорилось о различии петербургского и московского произношения). А в качестве некоторой крайности иногда указывалось, что каждый носитель языка обладает собственным идиолектом (сам термин «идиолект» вытекает из признания этого факта), так что лингвист, являющийся одновременно носителем языка, может ограничиться описанием собственного идиолекта; при таком подходе контрпримеры, в том числе почерпнутые из корпуса, могут отвергаться со словами «а в моем идиолекте это невозможно». Как бы то ни было, признание синхронной вариативности языка никак не вытекает из ориентированности на корпусные данные.

(4) «Внимание к **диахронической вариативности** языка, т. е. признание того факта, что язык постоянно изменяется во времени и полностью отвлечься от этой нестабильности невозможно» [Плунгян 2008: 10]. Вообще говоря, внимание к диахронической вариативности языка никак не является новацией последнего времени: работы по историческому языкознанию всегда составляли важную часть лингвистических исследований. Правда, из текста ясно, что речь идет о необходимости учета диахронии в синхронном описании; В. А. Плунгян даже пишет, что «“строго синхронное описание” языка является иллюзией» [Там же]. Действительно, представление о необходимости учитывать историческую изменчивость языка в синхронном описании пока не стала общим местом; однако она нередко декларировалась, и притом независимо от апелляции к корпусным данным. В. А. Плунгян сам упоминает [Там же] статью Поля Гарда, в которой предлагалось использовать *méthode bisynchrone* для описания на первый взгляд противоречивых фактов языка. Сущность данного метода заключается в том, что такие факты описываются не в терминах «правил» и «исключений», а в терминах сосуществования в рамках единого синхронного среза двух систем: старой и новой. Можно добавить, что признание сосуществования «старшей» и «младшей» нормы стало почти общепринятым при описании норм русского литературного произношения — во всяком случае, именно этот прием используется в работах М. В. Панова и его последователей. Примечательно, что сам М. В. Панов видел в этом приеме как раз одно из средств строгого разграничения синхронии и диахронии (см., в частности, его классическую книгу [Панов 1990]).

(5) «Изменение отношения к понятию языковой нормы и языковой правильности... более толерантное отношение к этим понятиям» [Плунгян 2008: 10]. В. А. Плунгян пишет, что граница «между “ошибкой” и “маргинальным вариантом”, а также между маргинальным вариантом и полноценным... признается гораздо более подвижной и зыбкой» [Там же]. Здесь некоторая неясность может быть связана с неоднозначностью понятия «нормы». В языкознании с давних пор утвердилось представление о лин-

гвистике как дескриптивной (а не прескриптивной) науке (характерно название одного из разделов знаменитого «Введения в теоретическую лингвистику» Дж. Лайонза [Lyons 1969]: «Лингвистика — наука описательная, а не нормативная»). Это не отменяет понятия языковой ошибки, а также различия между ошибкой и «маргинальным вариантом». Так, если носители некоторого диалекта так реально говорят, пусть и относительно редко, мы имеем дело с «правильным» (для данного диалекта) языковым выражением; если же человек, не вполне овладевший данным диалектом, употребит форму, которую носители данного диалекта нормально не используют, имеет место ошибка.

Сказанное касается и понятия «литературной нормы». Скажем, если то или иное языковое выражение характеризуется в лингвистическом описании (например, в словаре) как просторечное, это само по себе не делает описание прескриптивным. Такая характеристика может представлять собою констатацию того факта, что образованные носители языка (воспринимаемые как носители «литературной нормы») этого выражения не употребляют и ощущают его принадлежащим речи менее образованных носителей языка (воспринимаемых как носители «просторечия»). Тем самым наличие в описании «нормативных» характеристик вполне совместимо с дескриптивным характером описания.

Здесь мы подошли к моменту, который можно считать ключевым с точки зрения обсуждаемой в статье В. А. Плуногяна «корпусной идеологии». Если бы дело было только в том, чем являются отмеченные В. А. Плуногяном «идеологические предпочтения», — чем-то совсем новым, возникшим лишь в конце XX в., или же возвратом к традиции, или же (как представляется мне) никогда не прерывавшейся традицией, — не стоило бы и вести дискуссию. Более важны вопросы о том, что является подлинным объектом изучения в лингвистике и каковы непосредственные данные, могущие служить материалом, на котором лингвист может делать свои выводы. И здесь, как кажется, В. А. Плуногян представляет позицию «докорпусной» лингвистики несколько неточно: в центр обсуждения ставится противопоставление «системы» и «узуса», и может создаться впечатление, что для «докорпусной» лингвистики объектом исследования является «система», реконструируемая на основе анализа материала, в роли которого выступает «узус». Разумеется, взгляды разных лингвистов на столь общие вопросы могут не совпадать, однако мне представляется, что значительно более распространенным является совсем другое представление, согласно которому непосредственную данность (которую и следует изучать) для описательной лингвистики составляет языковая компетенция носителей языка, т. е. их способность отличать правильные высказывания на данном языке от неправильных. Здесь нужны разного рода оговорки: следует принимать во внимание социальную изменчивость языка, индивидуальные различия между носителями, а главное — недискретность самого противопоставления правильных и неправильных высказываний. Именно для того,

чтобы отразить эту недискретность, иногда вводится «шкала правильности» с промежуточными характеристиками (такими, как «сомнительно»). Однако именно понятие «правильных» (приемлемых с точки зрения носителя языка) высказываний находится в центре описательной лингвистики и делает возможным лингвистический эксперимент. Что касается корпусных данных, то они служат важным свидетельством того, что является «правильным» с точки зрения носителей языка: если некоторое языковое выражение устойчиво встречается в корпусе, то, скорее всего, носители языка воспринимают его как «правильное». В некоторых случаях это свидетельство приобретает особую важность: например, при изучении разговорной речи (некоторые конструкции, не вызывающие возражений у носителей языка, когда они сталкиваются с такими выражениями в повседневной коммуникации, вызывают удивление у тех же самых носителей, будучи предъявленными в отрыве от контекста) или мертвых языков, когда нет возможности непосредственно проверять языковую компетенцию носителя языка. Однако, как я уже отмечал в ответе Н. В. Перцову, даже исследуя «мертвые языки» или разговорную речь, лингвисты обычно сознают, что в материале могут встретиться и аномальные высказывания: случайные ляпсусы, приемы языковой игры, ошибки, связанные с недостаточным владением языком.

Вообще говоря, В. А. Плуноян учитывает возможность аномалий, появляющихся в реальных текстах. Он пишет [Плуноян 2008: 15]: «...в корпусе могут встретиться окказиональные явления, да и просто ошибки, которые будут отвергнуты говорящими на данном языке при предъявлении им соответствующих образцов для оценки правильности / коммуникативной уместности», но полагает: «...частотность таких явлений — если они окказиональные — будет крайне мала. Вместе с тем “ошибка” (и, шире, любое отступление от того, что принято считать “нормой”), систематически фиксируемая в корпусе, — возможно, уже не ошибка и требует более внимательного к себе отношения». Собственно, презумпция, что ошибки не могут быть частотны (так что понятие «распространенной ошибки» попросту лишается смысла), является необходимой предпосылкой дешифровочного подхода и вынужденным образом принимается в тех случаях, когда у нас нет непосредственных сведений о языковых нормах. Однако в тех случаях, когда есть возможность обратиться к непосредственной компетенции носителя «нормы», желание отказаться от этого и ограничиться данными, представленными в корпусе, представляется несколько искусственным, своего рода интеллектуальной игрой. В этом случае мимо нашего внимания пройдет расхождение между языковой практикой и языковым сознанием — случаи, когда некоторое явление регулярно встречается в речи носителей литературного языка, однако неизменно воспринимается и характеризуется ими как отклонение от нормы, когда они оценивают подобные высказывания при специальном опросе (многочисленные примеры такого рода проанализированы в статье М. Я. Гловинской [1996]). Подход,

не допускающий возможности частотных аномалий в корпусе, затрудняет и выявление случаев языковой игры, т. е. намеренно включаемых в речь языковых выражений, отклоняющихся от нормы. Языковая игра — явление довольно распространенное, и, кстати, именно языковой игрой я склонен объяснить отмеченную В. А. Плунгяном [2008: 19] частотность в корпусе ненормативных норм деепричастий на *-миш* (типа *вытимиш*, *соврамиш*, *не спамиш*)⁴.

Другой стороной подхода, ориентированного исключительно на корпусные данные, является отношение к языковым выражениям, отсутствующим или чрезвычайно редким в корпусе, как к не существующим в языке. Здесь В. А. Плунгян опять-таки признает [2008: 14], что в языке «могут существовать потенциально возможные явления, не отраженные в конкретном корпусе текстов», хотя полагает, что в случае «большого представительного корпуса сам факт отсутствия некоторого явления (пусть и потенциально возможного) всё равно значим» [Там же: 15]. Однако далее он занимает гораздо более «крайнюю» позицию и, например, говорит, что «морфология, отражающая данные корпуса ... исключает надежно прописанные в стандартной грамматике “потенциальные” (т. е. возможные лишь теоретически) формы» [Там же: 18]. Однако отсутствие в корпусе может быть вызвано разными причинами. Сколь бы ни был представлен корпус, в нем неизбежно встретятся языковые единицы, имеющие лишь единичные вхождения (например, редкие фамилии): при расширении корпуса число вхождений этих единиц может увеличиться, но появятся новые единицы, характеризующиеся лишь единичными вхождениями. В результате может оказаться, что, скажем, некоторая склоняемая фамилия представлена в корпусе лишь несколькими падежными формами; однако весьма странно было бы постулировать на этом основании неполноту парадигмы данной фамилии: «недостающие» формы при необходимости легко будут образованы носителем языка. Среди порядковых числовых сочетаний с последующим словом *год* в одном из падежей (такие сочетания чаще всего записываются не буквами, а иероглифами, т. е. цифрами) некоторые встречаются в НКРЯ сотни раз (например, *1917*, *1956*, *1984*, *2007*), некоторые — десятки раз (по состоянию на осень 2009 г. к ним относились, например, *2009* и *2011*). В то же время некоторые сочетания не встретились вовсе (например, *2079*). Едва ли это что-то говорит нам о свойствах порядковых числовых сочетаний в современном русском языке.

⁴ Заметим, что В. А. Плунгян [2008: 18] указывает на языковую игру как на один из источников русского «морфологического расширения», а также упоминает (в сноске) разнообразные приемы орфографической игры. Однако очевидно, что адекватное описание языковой игры предполагает, что используемые в ней языковые выражения мы будем отличать от «стандартных» выражений и описывать иначе, а осознание того факта, что мы имеем дело с языковой игрой, предполагает апелляцию к компетенции носителей языка.

Заметим, что предложение «отождествить понятия “существующего в языке” и “надежно засвидетельствованного в корпусе”», пусть и сделанное с некоторыми оговорками [Плунгян 2008: 16], остается не вполне проясненным. Что подразумевается под выражением «надежно засвидетельствованное в корпусе»? Если некоторое языковое выражение или конструкция встретились в корпусе всего лишь несколько раз, является ли это достаточно «надежным» свидетельством? Как будто бы да, если учесть, что единичные примеры сочетаний *тот он, который...* и *этот он, который...* приведены в статье В. А. Плунгяна в качестве опровержения мнения синтаксистов, согласно которому такие сочетания невозможны. С другой стороны, призыв ориентироваться «на явления, лучше представленные в корпусе» [Там же], как будто предполагает, что явления, представленные в корпусе лишь единичными примерами, не очень-то показательны.

Мне представляется, что неясность во многом связана с тем, что, как уже говорилось, в статье В. А. Плунгяна излишнее внимание уделяется дихотомии системы и узуса, причем утверждается, что «именно узус — т. е. тексты — и является единственной подлинной реальностью науки о языке, т. е. объектом, доступным непосредственному наблюдению» [Плунгян 2008: 16]. Для мертвых языков это так. Что же касается живых языков, то, вообще говоря, ответы информантов на вопрос «Можно ли так сказать?» или «Что вы скажете в такой-то ситуации?» также доступны непосредственному наблюдению; другое дело, что они далеко не всегда дают ясную и непротиворечивую картину (так же, как, впрочем, и данные, которые можно почерпнуть из корпуса). Если же исследователь сам является носителем исследуемого языка, то его непосредственному наблюдению доступна его собственная языковая компетенция (такое наблюдение и называется интроспекцией). ненадежность данных, полученных путем интроспекции, часто преувеличивается. Между тем «опасности» интроспекции не столь уж велики и при желании могут быть сведены к нулю.

Я надеюсь, что можно отвлечься от случаев прямой недобросовестности исследователя, когда он в угоду своим априорным представлениям об устройстве исследуемого фрагмента языковой системы объявляет правильными некоторые реально используемые (и воспринимаемые остальными носителями языка как правильные) языковые выражения или, наоборот, включает в число правильных выражения, которые не будут приняты остальными носителями языка. Помимо того, что возможная недобросовестность вообще едва ли релевантна для общеметодологических рассуждений, можно заметить, что неадекватность полученного таким образом описания будет сразу очевидна. Конечно, исследователь может отвести контрпримеры указанием на то, что описывает лишь собственный идиолект, который в данном пункте не совпадает с идиолектами прочих носителей языка, но это в большинстве случаев будет восприниматься как слишком дешевый прием.

От такой недобросовестности следует отличать сознательную настройку собственного узуса (а вместе с ним и собственной языковой компетен-

ции) на то, что данному человеку представляется «нормой». Такая настройка свойственна не только лингвистам, а даже в большей степени рядовым носителям языка, стремящимся «говорить правильно». В этом случае действительно может иметь место расхождение между представлениями о «правильном», получаемыми посредством интроспекции, и тем, как реально используется язык в корпусе. Однако случаи такого рода совершенно не подходят под описание ситуации, когда лингвист, вместо того чтобы изучать узус, описывает собственные априорные представления о «системе». Во-первых, стремление «говорить правильно» все же находит определенное отражение в узусе и тем самым составляет некоторую реальность, которая должна учитываться описанием. Во-вторых, даже если понимать «узус» статистически (как говорит большинство), в рассматриваемом случае мы имеем дело не с противопоставлением «системы» и «узуса», а с противопоставлением «нормы» и «узуса». Между тем эти противопоставления не только не совпадают, но даже не параллельны. Более того, в целом узус, пожалуй, более «системен», нежели норма: в качестве нормы часто в силу традиции закрепляется несистемное явление, тогда как узус подчиняется аналогии. Примеров, когда, напротив того, «норма» устанавливается из соображений системности, весьма немного. Так, в качестве сравнительной степени прилагательного *свежий* грамматики указывают форму *свежайший*, поскольку, в соответствии с законами русской морфонологии, суффикс *-айш-* должен использоваться только после основ, оканчивающихся на заднеязычный, который при этом чередуется с шипящим (*крепчайший, строжайший, величайший, тишайший* и т. д.). При этом в живой речи активно используется «неправильная» форма *свежайший*. Однако примечательно, что в случаях такого рода нормативные пособия обычно стремятся учесть и «несистемный» распространенный вариант, если он не является исключительной принадлежностью просторечия (в частности, «Орфоэпический словарь русского языка» [Аванесов 1983] признает допустимым *свежайший* наряду с предпочтительной формой *свежайший*).

Что же касается «системности», то я никак не вижу, чтобы в современной науке о языке наблюдался отход от нее в направлении узуса. На иной взгляд, самые впечатляющие результаты были достигнуты именно на путях системности (ср., например, разрабатываемую в Московской семантической школе под руководством Ю. Д. Апресяна «системную лексикографию»). При этом «система» вовсе не понимается как некоторый особый объект исследования, противопоставленный узусу (или языковой компетенции носителей языка). Скорее это инструмент исследования или его результат — то, что предстоит выявить в результате скрупулезного анализа языковых данных. Некоторой карикатурой представляется описание «сторонников системного подхода»: для них якобы «характерно недоверие к “экспериментальным” и “объективным” методам исследования материала, которые, с их точки зрения, мешают увидеть столь любимые ими “обобщения” (как правило, сформулированные уже до начала всякого исследо-

вания), затемняя их ненужными эмпирическими случайностями» [Плунгян 2008: 11]. По-видимому, надо понимать так, что «обобщение» сформулировано «до начала всякого исследования» в качестве гипотезы, подлежащей эмпирической проверке (иначе зачем вообще нужно исследование?), — но тогда откуда взяться «недоверию» к эмпирическим данным? Дальше о сторонниках «системного» подхода говорится: «Таким исследователям, как правило, вполне достаточно собственной интуиции...» [Там же].

Здесь мы, как кажется, попадаем в ловушку неоднозначности слова «интуиция». С одной стороны, интуиция — это один из способов познания мира наряду с тремя другими: анализом эмпирических данных, логическими умозаключениями и божественным откровением. При этом божественное откровение обыкновенно не включается в число средств научного познания (хотя само по себе может быть объектом научного изучения — например, в богословских науках). В науке обычно сочетается получение эмпирических данных (наблюдение и эксперимент), интуитивные предположения и логические рассуждения; но едва ли кто-то станет настаивать на интуиции как на единственном методе научного познания: нет никакой гарантии достоверности результатов, полученных исключительно посредством интуитивного прозрения. Здесь кажется уместным вспомнить замечание А. А. Зализняка [2004: 23] по поводу заявлений о том, что подлинность (или, напротив, поддельность) «Слова о полку Игореве» интуитивно ощущается «с первого же мгновения»: «...при всей ценности интуиции как инструмента познания приходится признать, что в данном случае она открывает одним одно решение с такой же ясностью, как другим противоположное». С другой стороны, под «языковой интуицией» (или «языковым чутьем») часто понимают непосредственное знание языка, которым обладают его носители, т. е. языковую компетенцию. «Языковая интуиция» в таком понимании может рассматриваться как непосредственная данность при изучении живых языков. Когда Плунгян противопоставляет апелляции к интуиции опору на факты, почерпнутые из «узуса» [2008: 11], кажется, что он имеет в виду именно интуицию как языковую компетенцию и речь идет о двух типах языковых данных, на которые может ориентироваться лингвист: языковую компетенцию носителей языка (умение оценить правильность высказываний на данном языке) и сами высказывания, произведенные носителями языка. Однако при таком понимании «интуиция» не предполагает «обобщений», поскольку касается непосредственной оценки конкретных высказываний. Кроме того, непонятно, как опору на «интуицию» (в таком понимании) можно совместить с недоверием к эксперименту: трудно представить себе иные пути исследования такой «интуиции», нежели экспериментальные. Существуют различные способы получения доступа к «интуиции» носителей языка, и все они носят экспериментальный характер. Можно, добавляя или устраняя какие-то единицы из уже имеющихся высказываний, переставляя в них слова, заменяя какие-то языковые выражения на синонимичные и т. п., получить искусственно сконст-

руированные высказывания, предъявить их носителям языка и предложить оценить их правильность. Другой способ состоит в том, чтобы задать некоторую коммуникативную ситуацию и выяснить, какое высказывание могло бы быть в ней произведено. Те же самые методы применимы и в том случае, когда лингвист прибегает к интроспекции, т. е. сам становится собственным информантом. Заметим, что как раз опора на узус, если она становится единственным методом исследования, никак не предполагает экспериментальной проверки: в самом деле, зачем экспериментирование, если все необходимые данные уже содержатся в узусе и всё исследование может быть сведено к обработке этих данных? Впрочем, само противопоставление представляется излишне жестким: едва ли не все действующие специалисты по живым языкам, действительно занимающиеся языком, а не предающиеся ни на чем не основанному теоретизированию, стремятся сочетать наблюдение над узусом и эксперимент, включающий работу с информантами и/или интроспекцию.

Все рассматриваемые общеметодологические вопросы могут обсуждаться (и действительно с давних пор обсуждались) независимо от существования корпусов текстов в электронной форме. Это наводит на мысль, что появление электронных корпусов ничего не изменило в методологии лингвистики, а роль электронных корпусов чисто количественная и сводится к облегчению поиска примеров, большей полноте охвата материала, появлению базы для более детального анализа статистических закономерностей. Всё это составляет несомненное удобство для лингвистов, которое, однако, как уже говорилось, сопряжено с определенными соблазнами, поскольку может подталкивать к легковесным описаниям, замаскированным видимой основательностью иллюстративного материала. Можно также полагать, что доступность корпусных данных может привести к ориентации лингвистической моды на те исследования, которые могут опираться на материал корпуса.

Однако хотелось бы обратить внимание на некоторую особенность электронных корпусов, о которой упоминается в статье В. А. Плунгяна, но которая, как кажется, не попадает в ней в фокус внимания. Существенно, что все названные удобства, доставляемые использованием корпуса, обеспечиваются тем, что корпус снабжен системой поиска, которая включает разметку корпуса. Такая разметка (которая при большом объеме корпуса осуществляется автоматически с последующей ручной корректировкой) неизбежно ориентирована на существующие лингвистические описания, и тем самым поиск оказывается зависим от существующих представлений и концепций. В этом смысле как раз подход, ориентированный исключительно на поиск в корпусе, в большей степени подвержен риску подменить языковую реальность априорными представлениями о том, как должен быть устроен язык, нежели подход, использующий интроспекцию и языковую компетенцию носителей языка.

Однако здесь же таится и едва ли не самое значительное преимущество, которое может дать нам использование корпуса. Если обнаружится, что

автоматическая разметка корпуса в каких-то случаях привела к контринтуитивным результатам, то можно допустить, что дело не в «обманчивости» интуиции, а в том, что представления, которые были положены в основу разметки, оказались неадекватными. Это открывает возможности корректировать существующие описания.

Для иллюстрации сказанного вспомню некоторую историю *pro domo mea*. Начиная с 1979 г. я преподавал различные лингвистические курсы из цикла «современный русский язык» в педагогическом институте и считал необходимым проверять все изучаемые утверждения на представительных массивах текстов (и давать эти тексты для анализа студентам). В какой-то момент, наткнувшись на фразу *Я вам стольком обязан*, я осознал, что форма *скольком* в этом высказывании не предусмотрена существующими грамматическими описаниями русского языка. Все они, включая «Грамматический словарь русского языка» А. А. Зализняка, в качестве единственно возможной формы творительного падежа для слова *сколько* давали *сколькоими* (и никакая иная лексема *сколько*, которая имела бы другой набор падежных форм, грамматиками не предусматривалась). Несложный мысленный эксперимент показал, что *сколько* «в единственном числе» имеет полный набор падежных форм (хотя соответствующие примеры в текстах мне тогда не встретились, так что пришлось их конструировать: *сколького не хватает; сколькому научился; о скольком надо поговорить* и т. д.). Кроме того, этот же эксперимент показал, что теми же свойствами обладает местоимение *сколько* в «восклицательном» значении (*Скольком я ему обязан!*; *Сколького я еще вам не рассказал!* и т. д.). Указанное наблюдение нашло отражение в нашей статье [Булыгина, Шмелев 2000]; кроме того, я тогда же рассказал о нем А. А. Зализняку, и в новое издание «Грамматического словаря» была внесена соответствующая поправка (правда, только в отношении местоимения *сколько*).

При осуществлении автоматической разметки корпуса, ориентированной на прежнее издание «Грамматического словаря», шансов обнаружить «нестандартное» прочтение формы *сколькоим* не очень много: форма будет автоматически помечаться как дательный падеж. Однако формы *сколького*, *сколькому*, *(о) скольком* не получают «стандартной» характеристики, и могла бы быть надежда, что они будут замечены лингвистами, производящими ручную корректировку автоматической разметки. Отчасти даже удивительно, что этого пока не произошло (по данным на осень 2009 г.) и что автоматическая разметка НКРЯ, очевидно, ориентирована на старое издание «Грамматического словаря»: формы *сколького*, *сколькому*, *(о) скольком* помечены как «несловарные», а форма *сколькоим* во всех вхождениях — как нормальная форма дательного падежа, в том числе в таких примерах:

- *Теперь он давно уже не сопровождает государя в путешествиях и вместе с милостью царской потерял почти и весь вес у Чернышева, который стольком ему обязан* (М. А. Корф. Из дневника (1838—1839)).

- *Да сбудется пламенное мое желание: воздать этими листами хотя малейшую лепту благоговейной благодарности тому, которому я стольким, которому я всем был обязан, тому, которому некогда история и потомство воздвигнут один из блистательнейших памятников, сужденных человеку и монарху!* (М. А. Корф. Записки (1838—1852)).
- *Пьер, стольким обязанный ему* (Л. Н. Толстой. Война и мир. Т. 1 (1867—1869)).
- *Дай Бог каждому истинно русскому патриоту стольким пожертвовать* (Борис Васильев. Были и небыли. Кн. 2 (1988)).
- *Понимаешь, я тебе стольким обязан...* (Андрей Лазарчук. Все, способные держать оружие... (1995)).
- *Не могу подписать против человека, которому стольким обязана...* (Эдвард Радзинский. Княжна Тараканова (1999)).
- *Правда, приходилось рисковать слишком многим — никогда прежде он стольким не рисковал* (Андрей Волос. Сирийские розы // Новый мир. 1999).
- *Люди, прошедшие такой путь, столько испытавшие вместе, стольким рисковавшие, не могут обойтись друг без друга* (Александр Проханов. Господин Гексоген (2001)).
- *Вот, говорил их вид, столько пережито, стольким пожертвовано, столько сделано... и где она, человеческая благодарность?* (Валерий Попов. Очаровательное захолустье (2001)).
- *Может быть, если бы его попросил Блохин, которому он стольким обязан?* (Лев Дурнов. Жизнь врача. Записки обыкновенного человека (2001)).

Можно заметить также, что в НКРЯ содержатся десятки примеров, в которых используются формы *столького*, *столькому*, *(о) стольком*. Немало также и примеров с формами *сколького* и *сколькому*. Остается удивляться, почему они в течение столь долгого времени не были замечены грамматиками. В то же время любопытно отметить, что данные НКРЯ позволяют корректировать утверждение, касающееся тех же местоимений, которое мы сделали в статье [Булыгина, Шмелев 1992]. Мы говорили, что слова *сколько* и *столько* сочетаются с существительными в единственном числе только в позиции именительного или винительного падежа (существительное при этом, разумеется, стоит в родительном падеже: *сколько блаженства*). Однако выяснилось, что есть и примеры сочетаний такого рода в других падежах, хотя они действительно не очень частотны и иногда производят ощущение некоторой шероховатости⁵. Например:

- *Стольким расстоянием друг от друга отдаленные* (В. Н. Татищев. История Российская. Гл. 13—18 (1739—1750)).

⁵ В силу отмеченной особенности разметки НКРЯ поиск приходилось вести «непрямым» образом, например искать сочетание слова *сколько* в дат. (!) падеже и существительного в твор. падеже.

- *Зачем оставить это дело, стольким трудом приобретенное?* (Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)).
- *Ты, стольким покаяньем, раскаяньем и мукой искупивший свои грехи!* (Владлен Давыдов. Театр моей мечты (2004)).
- *Мы не обладаем стольким временем* (Анатолий Эпштейн. Лекция в рамках проекта «Культурная столица» (2004—2006)).

Мораль этой истории заключается в том, что использование корпуса может оказаться более всего плодотворным, когда исследователь критически оценивает данные, получаемые при помощи корпуса. В этом случае, обращаясь к собственной языковой компетенции, он имеет шанс обнаружить лакуны или неточности в существующих описаниях языка, в том числе тех, которые были использованы в системе поиска по корпусу. При таком подходе становится ясным, что ориентация на данные корпуса и на собственную языковую интуицию не противоречат друг другу, а скорее дополняют друг друга.

Л и т е р а т у р а

Аванесов 1983 — Орфоэпический словарь русского языка / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1983.

Апресян 1990 — Ю. Д. А п р е с я н. Дистрибутивный анализ // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 137—138.

Апресян 2005 — Ю. Д. А п р е с я н. Правила взаимодействия значений и словарь // Рус. яз. в науч. освещении. 2005. № 1 (9). С. 7—45.

Булыгина, Шмелев 1992 — Т. В. Бу л ы г и н а, А. Д. Ш м е л е в. Семантические и морфологические особенности местоимений: структура парадигм // Linguistique et slavistique. Mélanges offerts à Paule Garde. Aix-en-Provence, 1992. P. 425—436.

Булыгина, Шмелев 2000 — Т. В. Бу л ы г и н а, А. Д. Ш м е л е в. Числительные в русском языке: лексикографические лакуны // Слово в тексте и слово в словаре: Сб. ст. к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2000. С. 389—306.

Гловинская 1996 — М. Я. Г л о в и н с к а я. Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Русский язык конца XX столетия. М., 1996 С. 237—304.

Зализняк 2004 — А. А. З а л и з н я к. «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. М., 2004.

Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005 — Анна А. З а л и з н я к, И. Б. Л е в о н т и н а, А. Д. Ш м е л е в. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.

Панов 1990 — М. В. П а н о в История русского литературного произношения XVIII—XX вв. М., 1990.

Перцов 2006 — Н. В. П е р ц о в. К суждениям о фактах русского языка в свете корпусных данных // Рус. яз. в науч. освещении. 2006. № 1 (11). С. 227—245.

Плунгян 2008 — В. А. П л у н г я н. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Рус. яз. в науч. освещении. 2008. № 2 (16). С. 7—20.

Шмелев 1997 — А. Д. Ш м е л е в. *Дух, душа и тело* в свете данных русского языка // Т. В. Булыгина, А. Д. Ш м е л е в. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997. С. 523—539.

Шмелев 1973 — Д. Н. Ш м е л е в. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973.

Lyons 1969 — J. L y o n s. Introduction to theoretical linguistics. London etc., 1969.

ИНФОРМАЦИОННО-ХРОНИКАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Хроника Международной научной конференции «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (Екатеринбург — «Зеленый Мыс», 8—12 сентября 2009 г.)

8—12 сентября 2009 г. в окрестностях Екатеринбурга (в пансионате «Зеленый Мыс» под Новоуральском) состоялась международная научная конференция «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология», организованная Уральским государственным университетом им. А. М. Горького (УрГУ), Институтом русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Институтом славяноведения РАН при участии Этнолингвистической комиссии при Международном комитете славистов. Кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ, ставшая основным организатором научного форума, и раньше проводила международные конференции по проблемам ономастики и этимологии, в том числе «Ономастика в кругу гуманитарных наук» (2005), «Русская диалектная этимология» (1991, 1996, 1999, 2002) и др.

Особенность этой конференции — в объединении проблематики трех разделов диахронической лингвистики. Целесообразность такого объединения подтверждается тем, что многие доклады отражали взаимодействие указанных областей языкознания (этно- и социолингвистические аспекты ономастики, этимологизация языковых фактов с опорой на этнолингвистические выкладки и т. д.).

В ходе конференции прозвучало 95 докладов исследователей из 18 городов России и 10 стран ближнего и дальнего зарубежья (Австрии, Белоруссии, Бельгии, Германии, Польши, Чехии, Сербии, США, Финляндии, Латвии).

Заседания открылись приветствиями проректора УрГУ по научной работе А. О. Иванова, председателя оргкомитета Е. Л. Березович и зав. кафедрой русского языка и общего языкознания УрГУ М. Э. Рут.

Собственно научная часть конференции началась докладом А. К. Матвеева (Екатеринбург) «Мансийская топонимия как историко-этнографический феномен», соединившим в себе все три ветви заявленной на конференции проблематики: данные этнолингвистики и этимологии использованы при исследовании ономастического материала. Мансийские топонимы рассматриваются как источник сведений об особенностях материальной и духовной культуры манси, их верованиях, контактах с соседними этносами. На основе анализа топонимического материала делаются выводы о территории, которую племена манси занимали в древности.

С. М. Толстая и С. Е. Никитина (Москва) открыли этнолингвистическое направление конференции докладами теоретического характера. В докладе «Стереотип и картина мира» С. М. Толстая ведет диалог с Е. Бартминьским о языковых особенностях стереотипов, выделяя, помимо «предметных» стереотипов (*солнце, камень* и т. п.), стереотипы «предикативного» характера (*ходить, лететь, игра, гнев*). «Предикаты» могут быть не только единицами описания предметных стереотипов, но и стереотипами как таковыми. Экспликация и интерпретация

«предикатных» стереотипов требуют особой методики. В докладе *С. Е. Никитиной* «Этноконфессиональная лингвистика?» ставится вопрос о необходимости выделения особой ветви этнолингвистики, которая изучает конфессиональную дифференциацию этнических групп, в частности вопрос о самоопределении этноса через принадлежность к той или иной конфессии.

Проблемы народной религии освещаются также в докладе *О. В. Беловой* (Москва) «Народная культура о разных конфессиях: номинация, автономинация, оценка», где, в частности, рассматриваются взаимодействия понятия «нация» и «вера» в народном сознании, особенности восприятия «чужой» веры как «греховной» и «нечистой», привлечение неспецифичной религиозной лексики (*верующие, богомольные*) для обозначения «чужой» веры. Доклад *О. А. Пашиной* (Москва) «Принципы номинации песен в русской народной традиции» представляет собой результат изучения восточнославянской (преимущественно русской) народной певческой терминологии. Классифицируя термины по принципам номинации, автор выявляет значимые для народного языкового сознания свойства песен и отмечает возможную корреляцию между способом наименования песен и их жанровыми особенностями. Исследование *А. А. Плотниковой* (Москва) «Народная демонология Закарпатья в этнолингвистическом аспекте (география ближайших параллелей)» посвящено вопросам этнолингвогеографии. Автор обращается к анализу систем мифологических персонажей трех близлежащих закарпатских сел. Для каждого из персонажей определяются параллели в карпатском ареале либо — шире — в карпато-балканской зоне.

Ряд докладов был посвящен изучению кодов традиционной славянской культуры. *В. Б. Колосова* (Санкт-Петер-

бург) в исследовании «Образ Богородицы в славянской фитонимике и этноботанике» выделяет и рассматривает «библейский» (точнее, «богородичный») код в номинации растений. К образам птиц обращается в своем докладе «Орнитологический код в “языке” усть-цилемской народной культуры» *Т. Н. Бунчук* (Сыктывкар). «Энтомологический» код народной культуры исследуется *Ю. А. Кривошаповой* (Екатеринбург) в докладе «Символика насекомых в народной медицине славян», который посвящен отраженным в языке и в культурных текстах представлениям о насекомых как источниках болезни. «Гастрономический» код анализируется в докладе *А. А. Едалиной* (Новороссийск) «“Пищевая тема” в мотивации слов, характеризующих человека по отношению к собственности».

Три работы выполнены на материале новогреческого языка и фольклора: это доклады *С. А. Сидневой* (Москва) «Этностереотипы в новогреческом фольклоре», *О. В. Чёхи* (Москва) «“Лунные” номинации в греческом народном языке: корень *φεγγάρ-/φεγγ-*» и *К. А. Климовой* (Москва) «Имя мифологического персонажа: к проблеме идентификации».

Еще одно направление исследований было связано с этнолингвистическим анализом процессов семантической деривации и семантико-словообразовательных гнезд.

Особенности семантического развития этимологических гнезд слов со значением ‘кожа, шкура’ рассмотрены в докладе *Е. Л. Березович* (Екатеринбург) и *И. А. Седяковой* (Москва) «Как устроено семантико-мотивационное пространство соматизмов (на материале слав. **kož-* и **skor-*)». «Двойственность» и «пограничность» кожи задают смысловую, мотивационную и аксиологическую амбивалентность лексики изучаемых гнезд (ср. сочетание в гнездах семантики жизни и смерти, эмоциональной откры-

тости и бесчувственности и т. п.). *Т. В. Леонтьева* (Екатеринбург) в докладе «Ситуация гошения в языковой картине мира (на материале диалектной лексики, производной от *гость*)» показывает, как одно словообразовательное гнездо может стать источником для построения целого сценария гошения, включающего участников, этапы ситуации, предметную атрибутику и др. Факты семантической деривации от наименований одежды и обуви анализируются в докладе *А. В. Тихомировой* (Екатеринбург) «Социальная символика одежды в свете русской языковой традиции».

Е. Н. Руденко (Минск, Белоруссия) в докладе «Этнолингвистические аспекты обозначений счета в старобелорусском языке» осуществляет историко-этимологический анализ лексем со значением числа, счета, измерения и прослеживает историю лексем со значением счета от старобелорусского до современного белорусского языка. Доклад *Е. В. Шабалиной* (Екатеринбург) «Половина и полтора в русской и польской языковой картине мира» посвящен реконструкции народных представлений о дробных числах, несущих в себе семантический потенциал «аномальности». В докладе *Е. Л. Березович* (Екатеринбург) «Русский *ад* на иноязычном фоне» производится анализ семантико-деривационного гнезда рус. *ад*, которое обнаруживает существенные концептуальные отличия от семантического пространства дериватов слов со значением 'ад' в других славянских, а также в романских и германских языках. К семантико-мотивационному блоку исследований примыкает также доклад *Ю. В. Пинжаковой* (Екатеринбург) «Особенности номинации предметов по признаку формы».

Отдельные тематические группы диалектной лексики с позиций этнолингвистики были проанализированы в докладах *И. И. Русиновой* (Пермь) «Магическая лексика в русских говорах Пермского

края» и *Ю. В. Зверевой* (Пермь) «Наименования одежды в пермских говорах как источник этнокультурной информации».

В ряде докладов фрагменты наивной картины мира реконструировались путем анализа текстов различных жанров. В докладе *А. Г. Кречмер* (Бохум, Германия) «Славянский этно- и глоттогенез в представлении православных славян на пороге Нового времени (на материале Славяносербских хроник Джорджа Бранковича)» анализируются идейные, композиционные, жанрово-стилевые особенности исследуемого источника; особое внимание автор уделяет данным топонимии и глоттонимии. Языковое сознание человека, находящегося «на грани жизни и смерти», описывает *А. А. Кожина* (Минск, Белоруссия) в докладе «Образ мира в польскоязычных завещаниях, составленных на территории Белоруссии». Несмотря на необходимость следования жесткой форме официального документа, тексты фиксируют особенности индивидуального сознания своих создателей. *Ю. Н. Ильина* (Сыктывкар) в докладе «Отражение обрядовой концептуальной семантики в ключевых словах фольклорного текста» обращается к текстам русских похоронно-поминальных причитаний, изучая смысловое наполнение обрядовой лексики. Этносоциоллингвистический анализ текстовых источников производится в докладе *Е. В. Поповой* (Екатеринбург) «Образ границы в советских патристических песнях 30-х гг. XX в.». *И. Б. Качинская* (Москва), представившая доклад «Дедки-прадедки (обозначение предков в архангельских говорах)», изучает диалектные контексты, содержащие лексемы со значением 'предки, старые люди', выявляя перечень черт, которыми носители народного сознания наделяют старших родственников. В докладе *Е. Д. Казаковой* (Екатеринбург) «Имя человека в зеркале метаязыковой рефлексии диалектоносителей» характе-

ризируются наивные представления о статусе и функциях личных имен и прозвищ, которые отражены в русских диалектных метаязыковых высказываниях.

Отдельные работы были посвящены изучению лингвокультурного сознания старообрядцев. В докладе *Е. Е. Королевой* (Даугавпилс, Латвийская Республика) «Запреты старообрядцев Латгалии» поднимается вопрос о сохранности традиционного конфессионального уклада в условиях современной жизни, рассматриваются вопросы функционирования древних обрядовых табу в актуальном сознании старообрядцев. *Т. Б. Юмсунова (Моррис)* (Портланд, США) в докладе «Речевой портрет староверов Орегона младшего поколения» обращает внимание на сосуществование в современном языке орегонских староверов черт средне- и севернорусского говоров, церковнославянского языка и английского языкового окружения.

Вопрос о взаимосвязи этнического состава территории и особенностей диалектной лексики и фразеологии поднимается в докладах *Е. С. Коган* (Екатеринбург) «К вопросу о региональной специфике фразеологии», *Т. А. Сироткиной* (Пермь) «Этнонимы как объект этнолингвистики (на материале этнонимии пермского края)», *А. А. Юнаковской* (Омск) «Формирование этнической модели региона (на материале Среднего Прииртышья)».

Этимологическое направление конференции открыл доклад *Ж. Ж. Варбот* (Москва) «Из опыта диалектной этимологии», в котором очерчивается круг основных проблем методического характера, возникающих в процессе этимологизации диалектных лексем: фонетическое варьирование слова, возможные нерегулярные фонетические изменения, взаимодействие лексических систем диалекта и жаргона и др.

А. Лома (Белград, Сербия) в докладе «Из топонимии древней Скифии — в

поисках страны будинов» рассмотрел круг лингвоэтнических проблем, связанных с идентификацией этнонимов *будины* и *меланхлены*, упоминающихся в древнегреческих источниках. Автор представляет факты, свидетельствующие как за, так и против этимологического тождества названия города будинов *Кариск* и русского топонима *Курск*, а также обсуждает возможные интерпретации названия другого города будинов — *Гелона*. В своем исследовании *А. Лома* использует комплексную методику, основанную на соотношении показаний археологии, данных сравнительно-исторической фонетики, а также дошедших до нас сведений этнографического характера.

Этимологизации терминологии традиционного сельского хозяйства посвящены доклады *Л. В. Куркиной* (Москва) и *М. Белетич* (Белград, Сербия). *Л. В. Куркина* в докладе «Термины горения в культурном контексте раннего земледелия» обращается к этимологии как средству изучения семантики терминов горения, функционирующих в системе культуры раннего земледелия. *М. Белетич* в докладе «*Пабрстиње*: к терминологии обработки конопли» предлагает новое этимологическое решение для серб. *пабрстиње* ‘остатки конопли’: это слово, как и болг. диал. *пѣбрсник*, *пѣбрьшняк* ‘остатки конопли при трепании’, возводится к праслав. **pobrъskati* (ср. рус. диал. *броснуть* ‘отделять кострицу ото льна’ и др.).

Методика этимологизации «темного» слова на фоне «прозрачных» обозначений той же реалии применена в докладе *Я. Влаич-Попович* (Белград, Сербия) «Об обозначениях этажа в славянских языках», в котором рассматривается происхождение сербского названия этажа *спрат* ‘этаж’. Это слово считалось не имеющим аналогов в других славянских языках и лексико-семантических связях в рамках сербского языка. Автор определяет данное слово как де-

риват глагола *спратити* 'поместиться'. С. Петрович (Белград, Сербия) в докладе «Методические проблемы трактовки тюркских заимствований в этимологических словарях славянских языков», сравнивая этимологические словари польского, русского, белорусского, украинского и сербского языков, говорит о необходимости дифференцированного подхода к заимствованной лексике, приводимой словарями в качестве соответствий, учета исторического и географического факторов при квалификации заимствований.

В ряде докладов были привлечены данные финно-угорских языков. Н. В. Кабинина (Екатеринбург) в докладе «К этимологии севернорусского *поча*» дополняет и уточняет гипотезу Я. Саарикиви о связи данной лексемы с саамск. **риса* 'рукав реки', сопоставляя слово с «живыми» восточносаамскими лексемами и выстраивая ряд возможных фонетических соответствий. В докладе О. В. Мищенко (Екатеринбург) «Рус. диал. *дожить до тюки, дожить до тюпы*» представлен этимологический анализ лексемы *тюка/тюпа*, функционирующей в указанных выражениях со значением 'разориться', 'попасть в бедственное положение'. По мнению автора, следует предполагать прибалтийско-финские истоки данного слова. Я. Саарикиви (Хельсинки, Финляндия) в своем выступлении «Новые этимологии из сферы прибалтийско-финско-славянских языковых контактов» заостряет внимание на необходимости поиска русских источников для этимологизации некоторых «темных» финно-угорских слов.

В. В. Шаповал (Москва) представил доклад «Критерии разграничения цыганских заимствований и вкраплений в русском языке: производные от корня (р)рам- 'цыган'», в котором рассмотрел факты освоения на почве русского языка самоназвания цыган и производных от этого термина.

Ставя этимологические задачи, исследователи нередко обращаются к данным этнолингвистики, которые позволяют найти новое решение или уточнить прежние. Так, этнолингвистические выкладки оказываются необходимыми для выяснения происхождения рус. *свар(ь)-ба* 'свадьба' (и его славянских параллелей с сонорными *r, l*), которое предпринимается А. В. Гурой (Москва) в докладе «О некоторых названиях свадьбы у славян». Автор развивает предположение В. Ягича о связи рус. *сварьба* с глаголом *сваривать* 'сковывать', приводя богатый материал фольклора и верований. Возможные неточности этимологических решений, объясняемые недостаточным учетом данных традиционной культуры, отмечены Н. П. Антроповым (Минск, Белоруссия) в докладе «Этнолингвистические аллюзии белорусского этимологического словаря». Исследователь анализирует некоторые этимологии обозначений радуги, построенные исключительно на формальных основаниях. Кроме того, опираясь на народные поверья и фольклорные мотивы, связанные с радугой, автор предлагает новое мотивационное решение для белорус. диал. *богатка* 'радуга'.

К анализу лексикографических источников также обращаются Л. И. Шелепова (Барнаул) в докладе «Диалектный этимологический словарь как источник изучения культуры региона (на материале "Историко-этимологического словаря русских говоров Алтая")» и С. А. Мызников (Санкт-Петербург) в докладе «Новая жизнь старых источников. (Оштинская лексика в Словаре Куликовского)». С. А. Мызников предлагает осуществлять детальный анализ классических лексикографических трудов (в частности, Словаря олонцкого наречия Г. И. Куликовского), что поможет ареалогической и этимологической интерпретации лексики определенного региона.

И. Янышкова (Брно, Чешская Республика) в докладе «Вацлав Махек — основоположник брненской этимологической школы» проследивает жизненный и творческий путь известного ученого и сообщает о подготовке к изданию собрания сочинений этимолога, которой занимается отдел этимологии Института чешского языка Академии наук Чешской Республики. Систематизация трудов Махека, демонстрирующих четко выработанные методы этимологического анализа, — задача, важная для дальнейшего развития этимологической науки.

Специфика семантической мотивации прилагательных составляет предмет исследования *М. Якубович* (Краков, Польша) и *К. В. Пьянковой* (Екатеринбург). *М. Якубович* в докладе «Из наблюдений над семантической мотивацией (на материале славянских прилагательных)» ставит проблему учета данных словообразования при этимологизации, — в частности, соотношения семантики производящей субстантивной или глагольной основы и производного прилагательного. В докладе *К. В. Пьянковой* (Екатеринбург) «Славянские гнезда **debel-*, **tlst-*, **grub-/grǫb-*: особенности семантической организации» выявляются семантические доминанты указанных гнезд и выстраивается возможный механизм развития их значений. К семантико-мотивационному направлению этимологических исследований принадлежит также работа *С. А. Мельниковой* (Москва) «О специфике функционирования модели сгибания в лексико-семантическом поле “Сила, здоровье / слабость, болезнь”».

Ономастическое направление конференции открыл доклад *Н. В. Васильевой* (Москва) «Имена собственные в ассоциативно-вербальной сети». Анализируя факты ономастики, представленные в Русском ассоциативном словаре, автор предлагает выделить

внутри когнитивной лингвистики самостоятельное направление — когнитивную оноματοлогию.

Несколько докладчиков обратились к проблемам ономастической лексикографии. *М. Э. Рут* (Екатеринбург) в докладе «О некоторых общих проблемах ономастической лексикографии» говорит о необходимости создавать словари по разным разрядам ономастики, учитывать системные связи онимов, четко формулировать прагматические установки словаря. В настоящее время топонимические словари тяготеют к описанию имен реальных объектов, в то время как антропонимы описываются как факты языковой системы «вообще». Автор считает целесообразным некоторое уравнивание подходов.

В докладе *Н. М. Ивашовой* (Екатеринбург) «К типологии ономастических словарей» речь идет о месте данных лексикографических источников среди прочих и о необходимости выработки четких критериев для их систематизации. Конкретные словарные проекты представлены в докладах *А. А. Макаровой* (Екатеринбург) «К лексикографическому описанию озерной гидронимии Белозерья: словарь и электронная база данных», *Л. Чижмаровой* (Брно, Чешская Республика) «О методических принципах работы над Словарем микропонимов Моравии и Силезии», *М. Шипковой* (Брно, Чешская Республика) «Словарь микропонимов Моравии и Силезии: теоретический и интерпретационный аспекты». *Л. Чижмарова* и *М. Шипкова* не смогли присутствовать на конференции по причине банкротства авиакомпании, однако их доклады были прочитаны с последующим обсуждением.

Существенный блок докладов был связан с проблемами ономастической этимологии. *Н. В. Лабунец* (Тюмень) в докладе «К этимологии топонима Кармак» предполагает, что данный топо-

ним родствен тюркскому слову *караул* (соответствующие названия соотносятся с этапом «дозора» сибирских рубежей в XVII — нач. XVIII в.); возможно также позднейшее влияние термина *кармак* ‘небольшой залив изогнутой формы’. В докладе *О. Г. Щитовой* (Томск) «Прием семантической типологии в процессе этимологизации заимствований: тканеобозначение *фарабат*» описывается модель метонимического переноса с названия места происхождения ткани (персидский город *Фаррухабад*) на название самой ткани. В докладе *И. И. Муллонен* (Петрозаводск) «Вепские карты в “Топонимическом атласе Карелии”» представлены результаты реконструкции по топонимическим данным исторического вепского ареала в Карелии. Финно-угорская по происхождению топонимия анализируется также в докладах *Д. В. Кузьмина* (Петрозаводск) «Топоформант *-ngV/-nkV* в карельской топонимии», *А. Л. Шилова* (Москва) «К вопросу о наличии германских заимствований в языках создателей топонимии Заволочья» (докладчик склонен отрицать наличие финно-угорских германизмов в субстратной топонимии Русского Севера). Проблемы топонимической контактологии затронуты в докладе *Р. Г. Жамсарановой* (Чита) «Явления трансференции и интерференции в топонимической системе Восточного Забайкалья».

В нескольких выступлениях были затронуты историко-культурные аспекты топонимии. *Т. П. Соколова* (Москва) в докладе «Типология раннегородских названий (на материале урбанонимов древнего Новгорода и старой Москвы)» пришла к выводу о наличии специфически новгородских топонимов и отсутствии специфических «старомосковских» урбанонимов. Памятники письменности как источник ономастического анализа рассматриваются в докладе *Е. Н. Ивановой* (Вологда) «К типологии геогра-

фических наименований в деловой письменности XIV—XV вв.». *О. Т. Молчанова* (Щецин, Польша) в докладе «Географические имена Алтая на картах XVI—XIX вв.» проследила отраженную в топонимии динамику народных представлений о географии Сибири и эволюцию топонимических систем.

Три доклада были посвящены синхронным процессам в урбанонимии. *В. И. Беликов* (Москва) в докладе «Статистический анализ неофициальной топонимии» исследует различные обозначения Екатеринбургa (*Катер, екоб, ебург, ёбург* и др.), Новосибирска (*Новосиб, Энска*), Красноярска (*Крас, Кырска*), Хабаровска (*Хабар, Хабара*), функционирующие в блогах. Автор говорит о зависимости частотности тех или иных словоупотреблений от гендерной, возрастной и региональной принадлежности информантов. *М. В. Ахметова* (Москва) и *Е. В. Кулешов* (Санкт-Петербург) в докладе «Способы образования неофициальных названий городов» рассматривают разновидности сокращений (*БГ* ‘Борисоглебск’), морфемно-фонетических изменений (*Южак* ‘Южно-Сахалинск’), семантических изменений (*Уран-Батор* ‘Железногорск’, *Хитроград* ‘Биробиджан’) урбанонимов. В докладе *Р. В. Разумова* (Ярославль) «Названия районов и микрорайонов в системах урбанонимов провинциальных городов» выявляются различия в моделях именования крупных и более мелких административных единиц в пределах города.

Значительное место в ономастическом блоке конференции занимали выступления, посвященные изучению антропонимии. *В. И. Супрун* (Волгоград) в докладе «Русский антропоним: структура, взаимосвязь компонентов, денотативные и коннотативные аспекты ономастической семантики» проанализировал своеобразие конститuentов антропонимии (в русской традиции трехчленный состав имени), особенности структуры

антропонимического поля, строгую взаимосвязь и в то же время относительную свободу выбора компонентов, денотативную и коннотативную специфику семантики антропонима.

Исследование антропонимии в историческом и историко-этимологическом аспектах представлено в докладах *Т. Н. Дмитриевой* (Екатеринбург) «Проблемы этимологизации фамилий коренного населения Ханты-Мансийского автономного округа», *Н. В. Комлевой* (Вологда) «Вологодские фамилии: история и современность».

В докладе «Языковой образ и варьирование личного имени» *Л. А. Феоктистова* (Екатеринбург), исследуя соотношение форм одного и того же имени, предпринимает попытку реконструировать его восприятие языковым сознанием диалектоносителя.

Особенности функционирования библейских и христианских имен в фольклорных текстах рассматривались в докладе *О. Е. Фроловой* (Москва) «Библейские антропонимы», *А. Б. Мороза* (Москва) «Имя святого и его фольклорная интерпретация» и *А. В. Юдина* (Гент, Бельгия) «Образ святого Петра в украинских колядках: этнолингвистическая дефиниция». *О. Е. Фролова* выделяет следующие функциональные типы паремий, включающих библейские имена: упрощенное изложение Священного Писания или комментариев к Библии, обеспечивающий ее адаптацию к обиходному употреблению; библейская гипертекстовая ссылка; предикат, называющий постоянное качество. *А. В. Юдин* представил описание образа святого Петра в украинских колядках, структурированное как этнолингвистическая дефиниция: Петр — гость; хозяин дома; пахарь, который ходит за волами на хозяйском поле; жнец, собирающий урожай; ключник, выпускающий грешные души из ада, и др. *А. Б. Мороз* анализирует особенности

интерпретации агнионимов в календарных паремиях, приметах и обрядовых текстах: объединение тезоименных святых в один персонаж; объединение нескольких святых в одну группу на основании созвучия или рифмы; этимологизация имени святого, основанная на паронимической аттракции или на актуализации внутренней формы слова и т. п. К этому блоку примыкает доклад *В. В. Алтатова* (Москва) «Английские топонимы с христианскими ассоциациями», в котором автор выявляет особенности народного религиозного мироощущения, отраженные в английской топонимии.

Данные ономастики как основа для изучения нарицательной лексики и фразеологии анализируются в докладах *О. В. Атрошенко* (Екатеринбург) «К семантической реконструкции хрономических дериватов», *Е. В. Колосько* (Санкт-Петербург) «Имена собственные в “Словаре русских народных говоров”», *И. А. Кюришуновой* (Петрозаводск) «О реконструкции лексики по данным исторической антропонимики», *А. В. Приображенского* (Петрозаводск) «Топонимия как материал для реконструкции нарицательной лексики говора», *Е. Э. Ивановой* (Екатеринбург) «Устаревшие географические термины в топонимии Среднего Урала».

Проблемам литературной ономастики были посвящены доклады *А. А. Фомина* (Екатеринбург) «О разграничении лингвистического и литературоведческого подходов в исследованиях по литературной ономастике», *М. В. Голомидовой* (Екатеринбург) «Проблемы изобретения собственных имен в практике современного книжного нейминга», *И. В. Крюковой* (Волгоград) «Ономастическое шаржирование», *С. В. Шойбоновой* (Улан-Удэ) «Ономастикон монгольских романов (этнолингвистический аспект)». Выделив общее и различное в лингвистическом и литературоведческом ис-

следовании поэтонимов (имен собственных в литературном произведении), А. А. Фомин приходит к выводу и невозможности и нежелательности жесткого разграничения этих подходов. М. В. Голомидова проанализировала особенности коммерческой номинации книжных заголовков, в которых проявляются, в частности, приемы манипулирования читательским поведением (словесные обозначения «рецептов успеха», тайного знания, магии чисел). В центре внимания И. В. Крюковой — сатирическая стилизация имен собственных, предполагающая наличие легко узнаваемого прототипа (*Понты-Мансийск*, балерина *Наволочкина*). С. В. Шойбонова охарактеризовала системы антропонимов, теонимов, топонимов, функционирующие в монгольских романах, и описала отраженные в ономастических данных особенности жизненного уклада и культуры монголов.

Прагматические аспекты функционирования имени собственного в современном социокультурном пространстве были освещены в докладах С. О. Горяева и Е. С. Пестревой (Екатеринбург) «Внеалфавитные» графические средства в современной русской

ономастике (на материале ник-неймов и рекламных имен)», Д. В. Пьянковой (Екатеринбург) «Дисконимы и мелонимы в сфере направления “тяжелый металл” (ономастиологический аспект)», О. С. Смирновой (Красноярск) «О репертуаре номинативных моделей в эргонимии двух российских городов», Т. Г. Федотовских (Екатеринбург) «Особенности имяобразования ювелирных брендов», Т. П. Романовой (Самара) «Прагматические модели рекламных собственных имен», Э. Хофманна (Вена, Австрия) «Евразия и экономика в зеркале ономастики».

Заключительным этапом конференции стало заседание этнолингвистической комиссии при Международном комитете славистов. Материалы конференции вошли в изданный к ее началу сборник, куда включено более 160 текстов (по количеству первоначально присланных работ): **Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г.** Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2009. 320 с.

Е. Д. Казакова, Е. В. Шабалина

Хроника Международной научной конференции «Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества»

19—21 октября 2009 г. в Звенигороде состоялась международная конференция «Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества», организованная отделом диалектологии и лингвогеографии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН при финансовой поддержке РФФИ, грант № 09-04-14092. Специалисты из различных научных центров России и Европы прочитали

около 100 докладов. В последнее время конференции, проводимые отделом диалектологии и лингвогеографии, стали регулярным научным мероприятием (первая состоялась в 2003 г. в Покровском Московской обл., вторая — в 2006 г. в Звенигороде).

Было проведено два пленарных заседания, работало шесть секций; всего состоялось девять секционных заседаний. Тематика секционных заседаний была

традиционной для диалектологических конференций, охватывая главные аспекты изучения русских говоров, в основном в соответствии с традиционно выделяемыми языковыми уровнями: фонетика, грамматика, лексикология, словообразование и этимология. Отдельное секционное заседание было посвящено проблемам диалектной коммуникации и организации диалектного текста.

Особенностью последней конференции было включение в нее вопросов изучения языка и культуры старообрядцев. Этому способствовала организация во время последнего, XIV Международного съезда славистов (2008 г., Охрид) Комиссии по исследованию старообрядчества при Международном комитете славистов, председателем которой был избран Л. Л. Касаткин. Во время конференции состоялось два заседания Комиссии по исследованию старообрядчества.

На пленарных заседаниях докладчики в основном касались методики диалектологических исследований и общих вопросов исследования старообрядческой культуры. Л. Э. Калынь (Москва) посвятила свой доклад проблемам описательной диалектологии в контексте современного изучения диалектов. Рассматривая описательную диалектологию как основной раздел диалектологии и одновременно как подход к диалектному материалу, задачей современной описательной диалектологии она считает создание полных описаний диалектных систем (не дифференциальных, учитывающих лишь признаки, отличающие диалекты от литературного языка, как определялась задача описательной диалектологии в период создания национальных атласов). Образцом описания фонетического уровня языка автор считает описание М. В. Панова, предложенное им в книге «Русская фонетика» (М., 1967). П. Е. Гриценко (Киев) рассмотрел в своем докладе применение метода лингвистической геогра-

фии. Им рассмотрены основные задачи и результаты изоглоссирования на восточнославянском материале. Р. Ф. Касаткина (Москва) предложила понятие северного языкового союза, включающего славянские, балтийские, прибалтийско-финские и северногерманские языки, и указала набор фонетических признаков, объединяющих севернорусские говоры с северногерманскими языками и нижне-немецким диалектом. Доклад Е. А. Брызгуновой (Москва) представляет опыт типологической оценки современной русской языковой ситуации и определения места русских говоров и просторечия в составе русского национального языка. В докладе Е. Л. Березович (Екатеринбург) на материале славянской диалектной лексики рассмотрены наименования родственников как источник системной метафоры (например, арханг. *баба*, новг. *сватья с крутым сердцем* — названия дождевых туч). Ею предложена типология системной метафоры, основанная на изучении метафорических производных от обозначений родственников. Е. А. Нефедова (Москва) говорила о диалектном варьировании, в частности о лексико-семантическом варьировании на уровне формы и содержания слова, на уровне семантических полей. Эти виды варьирования в конечном итоге отражают глубинные различия, относящиеся к ментальному, этнокультурному слою. С. Е. Никитина (Москва) посвятила свой доклад понятию территориального варианта профессиональной культуры. Автор указывает, что если различать в каждой профессиональной культуре три уровня — уровень закона (догматика и некоторые правила, заповеданные Богом), уровень обряда (овеществление закона через богослужение) и уровень порядка (установления, принятые обществом для удобства совершения обряда и исполнения закона, например завязывание платка на старообрядческой службе по-

морцев), то можно предполагать, что в территориальных вариантах конфессиональных культур остаются константными элементы закона, варьируют некоторые элементы обряда и еще более свободны в своем варьировании элементы порядка.

На заключительном пленарном заседании были прочитаны следующие доклады. *Т. В. Бахвалова* (Орел) сообщила об итогах и перспективах работы над Словарем орловских говоров — диалектным словарем дифференциального типа, который в настоящее время является наиболее полным словарем, отражающим лексику говоров южно-русского наречия (вышли в свет вып. 1—15, работа над словарем продолжается). *С. А. Мызников* (Санкт-Петербург) говорил о проблемах этимологизации диалектной лексики: изменениях первоначальной формы слова, связанных с фонетическими изменениями в говоре, как регулярными, так и более или менее окказиональными; с переразложением и опрощением основы; о преобразованиях формы слова, обусловленных иноязычным влиянием и народной этимологией. В докладе *З. М. Богословской* (Томск) обсуждались вопросы диалектной вариантологии (теории лексических видоизменений слова) и были определены этапы развития этой дисциплины. *Е. А. Оглезнева* (Благовещенск) посвятила свой доклад общей характеристике русских говоров в Китае. Основное внимание уделено говорам Трехречья (область в Маньчжурии, к югу от Тувы), среди которых различались говоры забайкальских казаков и старообрядцев; те и другие имели севернорусскую диалектную основу. В настоящее время возможна лишь реконструкция говоров Трехречья по их остаткам на территории Китая, а также на основе говоров старообрядцев Северной Америки и Австралии, выходцев из Трехречья. Доклад *Е. Н. Шабровой* (Вологда) был посвя-

щен проблемам морфемной структуры и словообразовательных связей диалектного слова, а именно изучению диалектных корневых гнезд. Автор подробно рассмотрела методику описания и структурирования корневых гнезд на материале «Словаря вологодских говоров». *Е. М. Сморгунова* (Москва) предложила общую характеристику языка старообрядцев Ветки и Стародубья с комментарием относительно истории появления и условий существования старообрядцев в этих местах. *Л. Л. Касаткин* (Москва) рассмотрел ряд спорных вопросов формирования диссимилятивного аканья в русских говорах. В связи с этим он указал на различие типов ритмической структуры слова в юго-западных и юго-восточных говорах русского языка.

Из двух заседаний секции **фонетики** одно было целиком посвящено вопросам безударного вокализма, причем большая часть докладов — отклонениям от традиционно выделяемых типов безударного вокализма, свидетельствующим о динамике его систем в современных говорах. Большинство исследователей использовали методы экспериментальной фонетики и статистики. *Д. М. Савинов* (Москва) на материале говоров Курско-Орловской группы сделал выводы о развитии суджанского типа диссимилятивного яканья в сторону иканья, выделяя две основные движущие силы этого развития: тенденции к унификации звукового состава морфем и к произношению *и* в предударном слоге перед мягкими согласными. Об упрощении еще в середине XX в. весьма пестрой картины систем предударного вокализма в курских говорах, приведшем к современному различию на этой территории жиздринского, суджанского типов яканья и иканья, сообщила в своем докладе *Н. А. Волкова* (Череповец). Подобные изменения, по сравнению с данными Диалектологиче-

ского атласа русского языка, в предупредном вокализме елецких говоров установила *Г. Н. Межецкая* (Череповец). Развитию системы щигровского яканья в одном белгородском говоре был посвящен доклад *Е. В. Корпечковой* (Москва). Напротив, *С. В. Дьяченко* (Москва) отмечает стабильность архаического типа яканья в воронежском говоре с. Веретье. В целом представленные материалы заставляют думать, что выделенные в 1950-е гг. «неархаические» типы диссимилиативного яканья, за исключением белорусского, в принципе имеют неустойчивый характер, будучи развитием архаического типа под влиянием разнообразных внутрисистемных факторов. Постепенную утрату оканья вологодскими говорами показали *Й. Ваахтера* (Хельсинки), который исследовал предупредный вокализм грязовецких говоров по записям речи лиц разных возрастных групп и установил переход к аканью у младшего поколения говорящих, и *А. Л. Ершов* (Москва), обнаруживший нерегулярные случаи аканья у старшего поколения носителей говоров Междуреченского р-на, опираясь на записи 1960-х гг. Доклад *С. Гжибовского* (Торунь, Польша) был посвящен развитию безударного вокализма русского старообрядческого говора в Польше. Автор констатирует развитие от сильного аканья и яканья псковского типа у старшего поколения носителей говора к еканью в младшем и усматривает в появлении некоторых новых особенностей современного безударного вокализма говора влияние польского языка.

Второе заседание секции фонетики было более разнообразным в отношении тем докладов. *И. И. Исаев* (Москва) представил интересные результаты экспериментально-фонетического изучения качества согласных перед гласными переднего ряда в русских говорах, не знающих смягчения согласных в данной позиции. *А. В. Тер-Аванесова* (Мо-

сква) рассказала об огласовке ударного слога заимствованных слов гласными типа *o*, *e* в говорах с различием двух фонем «типа *e*» и двух фонем «типа *o*». *А. А. Соколянский* (Магадан) посвятил свой доклад так называемому сладкоязычию — совпадению *p*, *p'*, *l*, *l'*, *й* в звуке *й* в нижеколымских русских говорах под влиянием юкагирского и чукотского языков. Сегодня «сладкоязычие» полностью утрачено. *М. Пост* (Берген, Норвегия) рассмотрела случаи просодического выделения первого слога фонетического слова в севернорусских говорах и пришла к выводу, что в терских говорах на Кольском побережье Белого моря все случаи усиления начального слога представлены в высказываниях с повторяющимся восходяще-нисходящим движением тона на каждом фонетическом слове. От этого терского явления отличается по своим условиям заонежское ляпанье — перенос ударения с конечного на начальный слог фонетического слова, не зависящий от типа фразовой интонации. В докладе *Г. С. Кобиринки* (Киев) были рассмотрены проблемы украинско-русской интерференции на акцентном уровне в говорах на границе Украины и России. *Т. Ю. Игнатович* (Чита) рассказала об утрате архаичных фонетических явлений в говорах севернорусского типа на территории Восточного Забайкалья. *В. С. Картавенко* (Смоленск) выступила с докладом о фонетических особенностях топонимов Смоленщины.

На заседаниях секции лексикологии *Е. Л. Смаль* (Киев) и *Н. А. Бойко* (Киев) выступили с докладами, посвященными восточнославянской топонимии. В докладе *Л. Г. Сомотик* (Красноярск) обсуждались аспекты использования диалектизмов в художественной литературе. *Т. В. Леонтьева* (Екатеринбург) анализировала диалектную лексику, отражающую народные представления о культуре и образованности (напр.,

полнограмотный, книжный, гумажный, письменный, полированный — эпитеты образованного человека, в противоположность *неучель, потёмки, неотёсок*. *О. А. Глущенко* (Петропавловск-Камчатский) рассмотрела пути возникновения и современное функционирование камчатского наречия — разновидности русского языка, используемой ительменами и коряками в ущерб их родным языкам. *Л. В. Колесникова* и *Г. А. Черезова* в совместном докладе изложили свои наблюдения над заимствованиями из украинского и молдавского языков в русские говоры междуречья Днестра и Дуная. *В. А. Малышева* (Пермь) рассмотрела явления синонимии в идиолексиконе на материале словаря одного носителя говора с. Акчим. *Н. С. Ганцовская* (Кострома) выступила с докладом, посвященным лексике «костромского акающего острова» — особой этнокультурной зоны Костромского Заволжья, основываясь на материалах очерка Д. Н. Жбанкова, земского врача из Корцова Солигаличского уезда Костромской губ. («Бабыя сторона». Статистико-этнографический очерк. 1891).

На втором заседании секции лексикологии были рассмотрены проблемы мотивации диалектных слов: мотивация названий цветов в восточнославянских языках (*М. В. Поистогова*, Киев), мотивация названий тысячелистника (*Е. М. Зиновьева*, Тамбов), лексико-семантические производные от наименований животных и их действий в говорах низовьев Печоры (*Т. Н. Бунчук*, Сыктывкар), мотивация лексики моральной оценки в русских говорах (*Л. В. Калинина*, Харьков). Термины заместительного родства (наименования приемных детей) в архангельских говорах рассмотрела *И. Б. Качинская* (Москва). *Е. П. Андреева* (Вологда) посвятила свой доклад звукоподражательной диалектной лексике. Фразеологизмы с частицей *ни* явились темой доклада *С. М. Беляковой* (Тюмень), фразеоло-

логизмы, включающие слово *рука* в разных его значениях, — доклада *А. Р. Поповой* (Орел). Ряд докладов был посвящен диалектной семантике. Семантическое поле «быть здоровым» на материале глаголов в русских говорах Одесской обл. было рассмотрено *А. И. Швец* (Одесса), семантическое поле «рождение» на материале архангельских говоров — *А. Б. Коконовой* (Москва), семантическое поле пространства на материале памятников западносибирской деловой письменности XVII в. — *Л. А. Инютиной* (Новосибирск). *Е. В. Колесникова* (Москва) рассмотрела семантику прилагательных *добрый* и *злой* в русских говорах. Перспективам изучения диалектной метафорической лексики был посвящен доклад *Е. В. Колосько* (Санкт-Петербург).

На заседании секции **грамматики** *В. А. Закревская* (Тюмень) выступила с докладом о способах выражения длительности и кратности действия (количественных выражениях, наречиях) и их сочетаемости с видовыми формами в архангельских говорах. *И. П. Кюльмоя* (Тарту) на материале русских говоров Эстонии и *Н. В. Маркова* (Петрозаводск) на материале русских говоров Карелии (Заонежье: Кузаранда и Толвуя) проанализировали формы и семантику «русского перфекта» (*он ушодць; у него уйдено; у них розойденось / розойденость* и под.). *О. Г. Ровнова* (Москва) рассказала об особенностях категории рода в говорах русских староверов Эстонии. *Н. Л. Голубева* (Москва) выступила с интересными наблюдениями над функционированием структурных слов в диалектных текстах (сев. *ну-ко*, юж. *вот, тады* и др.; например, употребление вологодск. *ну-ко* при описании трудной или нетипичной ситуации: *Как ну-ко ты! из Москвы бы! ты должна бы! вон какаа блаородна быть-то! Ведь вызовут ну-ко в милицию*). Доклад *С. П. Петруниной* (Новокузнецк) посвящен употреблению и семантике

союзов *то есть, то это, то бишь, бишь, бышто, быино, бышетъ, бышнать* (в большинстве контекстов — пояснительных) в сибирских говорах на материале Областного словаря Кузбасса. *Е. Е. Королёва* (Даугавпилс) рассказала о значениях предлога *около* в говоре староверов Латгалии. *С. М. Васильченко* (Орел) выступила с докладом «Имя существительное в алфавитной группе (на материале Словаря орловских говоров)».

На заседании секции **словообразования и этимологии** *Л. Ю. Астахина* (Москва) в своем докладе показала, как словообразовательные связи суздальского *трушка*, зафиксированного в описках XVII в. из монастырских сел Суздальского Покровского монастыря, позволяют установить семантику этого слова: 'емкость для хранения сухого хмеля'. *Л. Н. Новикова* (Тверь) рассмотрела взаимодействие контекста и семантики производных слов на материале «Опыта словаря Калининской области». *З. Н. Бурлуцкая* (Орел) проанализировала словообразовательную и морфемную структуру неличных имен типа *выступки, вытряски* в орловских говорах. *О. Паликова* (Тарту) рассмотрела словообразовательные типы прилагательных в русских говорах Западного Причудья. В ряде докладов обсуждалась этимология диалектных слов. Этимология тюменского *начибей* 'большое болото; большая поляна, сухой безлесный участок на болоте; сухой берег реки или озера' была представлена в докладе *Н. В. Лабунец* (Тюмень). *О. Ягинцева* (Тарту) высказала предположение о связи псков. *глѣк* 'кувшин' с *гуляти* на основании использования глиняной посуды в качестве музыкального инструмента. *А. Штейнгольд* (Тарту) говорила о происхождении западнопричудских слов *сикляха* 'муравей', *сулой, чеж* (оба — 'напитки наподобие кваса'), *рушник* 'орудие ручной молотбы'. По поводу этимологии слова *чеж* автор

считает, что вепск. *keza* является заимствованием из славянского до начала действия 2-й палатализации, однако не учитывает выводы относительно неосуществления этой палатализации в древненовгородском и древнепсковском на основании данных новгородских берестяных грамот и современных говоров (С. М. Глускина, А. А. Зализняк), а также распространение корней без эффекта 2-й палатализации в современных русских говорах. Так, *кеж* ('овсяный квас'; 'отстой тертого картофеля для приготовления крахмала' и под. значения) и сегодня фиксируется в русских говорах, находящихся в контакте с вепским языком. В опубликованных тезисах доклада форма *кепъ*, очевидно, является опiskой (вместо *кеп* 'орудие ручной молотбы' или *кепы* 'деталь ткацкого стана').

Доклады секции «**Диалектная коммуникация и диалектный текст**» были разнообразны по тематике. *И. А. Букринская* и *О. Е. Кармакова* (Москва) в совместном докладе рассмотрели высказывания о языке в диалектном социуме. *Л. Ю. Зорина* (Вологда) рассказала о вологодских этикетных выражениях в ситуации черпания воды. Доклад *М. Глушковского* (Торунь, Польша) был посвящен особенностям языка среднего поколения польских старообрядцев сувальского и августовского регионов (людей, учивших русский язык в школе в эпоху ПНР). *Д. Пинед* (Тромсё, Норвегия) рассмотрел механизмы переключения кодов (переход с саамского на русский и наоборот) в речи саамов на Кольском полуострове. В совместном докладе *О. В. Трофимовой* и *С. М. Беляковой* (Тюмень) показано влияние диалектов на формирование письменного текста на материале писем 1788 г. тюменской поселыщичьей жены Марьи Гавриловой. В докладе *С. М. Беляковой* (Тюмень) рассмотрены диалектные явления в тюменских деловых текстах XVIII в. В двух докладах сообщено о проектах по

компьютерной обработке диалектного материала. *К. Сапнок* (Бохум, Германия) сообщил о разработке акустической базы данных на материале около 1000 часов записей русской речи, зафиксированной в разных регионах России, и рассказал о ее дискурсивной аннотации. Работа ведется в Институте славистики Бохумского университета. *Р. Э. Кульшарипова* (Казань) рассказала о создании электронной библиотеки русских говоров преподавателями и сотрудниками трех факультетов Казанского университета. Материалом послужили аудиозаписи севернорусской речи, выполненные в диалектологических экспедициях в 1960-е гг.

Заседания секции «**Территориальное варьирование старообрядческой культуры**» открылись докладом одного из ведущих специалистов в области старообрядчества, организатора многочисленных экспедиций по изучению культуры и книжной традиции старообрядцев *Е. А. Агеевой* (Москва). Доклад был посвящен истории расселения, духовным центрам и книжности старообрядцев Кавказа. *Е. Анастасова* (София) показала в своем докладе, что сохранение традиций старообрядческой культуры за рубежом зависит от отношения в обществе к национальным меньшинствам и в большой степени — от законодательных норм, касающихся национальных меньшинств и официальных языков. *Е. С. Данилко* (Москва), опираясь на экспедиционные материалы, рассмотрела народные предания старообрядцев коми-пермяков о возникновении

старообрядчества. Доклад *И. В. Дынниковой* (Москва) был посвящен устной и письменной культуре старообрядцев-часовенных Бразилии по материалам экспедиции в общину Primavera do Leste. *А. А. Пригарин* (Одесса) рассмотрел антропонимию старообрядцев на Дунае по материалам XIX в. *В. Л. Кляус* (Москва) рассказал о старообрядцах Трехречья (Китай), опираясь на записанные им рассказы «местных русских» (детей от русско-китайских браков) Маньчжурии. Доклад *А. А. Плотниковой* (Москва) был посвящен специфике народной мифологии старообрядцев Добруджи в Румынии. *О. В. Трефилова* (Москва) описала функционирование церковнославянского языка у старообрядцев села Новая Некрасовка Одесской обл. Доклад *А. Феноген* (Бухарест) был посвящен изображению старообрядцев-липован в румынской литературе. *Е. М. Юхименко* (Москва), основываясь на архивных документах, рассказала об истории Монинской моленной. *Н. Г. Денисов* (Москва) рассмотрел в своем докладе богослужебно-певческую и общинную традицию казаков-некрасовцев.

Краткое содержание докладов, прочитанных на конференции, и подготовленные к ней материалы опубликованы в сборнике: **Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества: Тезисы докладов Международной конференции 19—21 октября 2009 г.** М., 2009. 242 с.

А. В. Тер-Аванесова

Отчет о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН 2009 года *

В 2009 году диалектологи Института организовали и провели 12 экспедиций в

различные регионы распространения русского диалектного языка в России и

* Экспедиции состоялись благодаря поддержке Российского гуманитарного научно-

го фонда (проект № 09-04-18027е, руководитель Л. Л. Касаткин).

за ее пределами. Шесть экспедиций обследовали южнорусские говоры (населенные пункты в Белгородской, Брянской, Воронежской, Калужской, Курской, Орловской областях); две группы работали на территории распространения среднерусских говоров (Московская и Владимирская области), две экспедиции собирали материал севернорусских говоров (Архангельская и Вологодская области), две экспедиции обследовали говоры русских старообрядцев зарубежья (Эстония, Австралия). Основная задача всех экспедиций заключалась в фиксации на диктофон звучащей углубленной речи для последующих углубленных исследований. За прошедший полевой сезон сделаны аудиозаписи продолжительностью более 350 часов.

Основные результаты экспедиций, работавших в южнорусских говорах, заключаются в следующем.

В мае 2009 года сотрудники Института И. И. Исаев, О. Г. Ровнова, Д. М. Савинов в течение недели обследовали говор села **Кирейкова Ульяновского района Калужской области**. Населенный пункт расположен приблизительно в 60 км к югу от Козельска, его говор относится к говорам Юго-Западной диалектной зоны.

Выбор пункта для экспедиции обусловлен тем, что это село входит в сетку обследования Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ). В начале 1950-х гг. Е. С. Клейменова собирала здесь материалы по Программе ДАРЯ, на основании которых в 1956 г. защитила кандидатскую диссертацию «Говоры южной части Калужской области». По ее данным, в Кирейково сохраняется архаическая основа предупредного вокализма, которая поддерживается наличием семи гласных фонем под ударением: диссимильтивно-умеренное яканье архаического подтипа и диссимильтивное аканье, сохраняющее различие предупредных гласных только перед /o/ и

/o/. Цель экспедиции состояла в том, чтобы установить современное состояние предупредного вокализма в говоре.

Собранный во время экспедиции материал (24 часа аудиозаписей) показывает, что в говоре Кирейкова соотношение [a:э] в первом предупредном слоге перед гласными верхнего и нижнего подъёмов является достаточно устойчивым: *вэдá, пэн'иáл, пау'и́п, камьши, нау́, ражу́*. Распределение звуков [э] и [а] в первом предупредном слоге перед ударными гласными средне-верхнего и среднего подъёмов говорит о том, что в говоре функционирует архаическое диссимильтивное аканье. При этом типе вокализма произношение [э] прослеживается не только перед /a/, но также перед /o/ и /e/, тогда как перед /o/ и /ь/ обычно отмечается гласный [а]: *бэл'нóй, с эцём, ээ кэвó, пакóс; хару́бшэйа; вэлэк'эцэ, вэз'м'эш, пэдэ́й'эм'*. Однако в результате дальнейшего развития местной фонетической системы гласный [э] появляется перед ударным гласным среднего и средне-верхнего подъёмов, т. е. перед фонемами /o/ и /ь/: *пэ́жэ ду, кэп'эич'к'и, вэстóк*. Это указывает на постепенное изменение предупредного вокализма исследуемого говора в направлении к прохоровскому типу диссимильтивного аканья, обнаруженному Л. Л. Касаткиным в говоре с. Бояновичи Хвастовичского района Калужской области («Русские народные говоры», М., 1999, с. 46). После мягких согласных в говоре отмечается похожая тенденция: перед /o/ распространяется гласный [и], появляются формы *с'и́лó, кэл'исó*.

Грамматическая система говора характеризуется хорошо сохранившимся комплексом диалектных явлений. В частности, существительные ср. рода сочетаются в И. и В. падежах с родоизменяемыми словами ж. рода: *селó больша́я бы́лá, больша́я го́ря, два кладби́ща — одна тут, другая там, нам ка́кая сча́стья подвали́ла; у друго́ю окно́ ки-*

нули *гранату*, вот *эту* *платье*. Отмечено образование формы мн. числа существительных с суф. *-j-* и ударным окончанием *-а*: *лошадья*, *матерья*, *коренья*, *цыганья*. В форме Т. падежа существительных, прилагательных и местоимений ж. рода выступает окончание *-ою/ -ею*: *мы с бабкою со своею на свёкле*, *приехала с нею*, *с девочкою*, *узяла с собою*. Краткое прилагательное *рады* имеет старую форму *ради*: *и не ради*, *что купили*. В речи некоторых информантов зафиксированы указательные местоимения *тэтот*, *тэта*, *тэто*, *тэти/тэты*: *тэтот* *парень* и *бил*; *на тэту* *сотню двое жили*; *на тэто* *окно постановил*; *нам жалко тэти* *яички*, *мы не ели тэты* *лепёшки*. Возвратные глаголы оформляются постфиксами *-сы* и *-си*, которые по преимуществу распределяются следующим образом: постфикс *-сы* закреплен за формой прошедшего времени м. рода (*колхоз распалсы*, *сын женилсы*, *чайник закоптелсы*), *-си* — за остальными глагольными формами (*корова отелиласи*, *что случилосьси*, *как получилиси*, *мы училиси*, *ты не обижайси*). Продуктивны глаголы дистрибутивного способа действия с приставкой *по-*: *мы не спали — позакрылись* и *сидим*; *ураганом крыши по-снимало* *у людей* и *окны по-вытащило*; *нас послали усех в один колхоз*. Свободно употребляются деепричастия с суффиксами *-ши*, *-миши* в предикативной функции: *клевару сколько сеяли*, *а теперь всё заросши*; *бабки они старые привыкши к работе*; *какие дома остамши* — *блиндажи делали*; *а сейчас они* (дети) *все поразъехамшись*; *в стаде корова — она напимши и наемши*. Распространены целевые конструкции с глаголами движения и В. падежом существительного с предлогом *по*: *Нюра, пойдём по траву*; *я не собираюсь ходить по клубнику*; *поехала на колонку по воду*; *я пойду туда по хлеб*; *по хлебно итить надо*.

В области лексики и фразеологии отмечены примеры: *брехло* 'неправда, вымысел', *гладать пол* 'досадовать', *гундбсики* 'комары', *гурак* 'индюк', *гурки* 'индюшка', *двобэчка* — нар. 'вдвоем', *дле* — предл. 'рядом, около', *дробный*, *дробенький* 'мелкий', *жэреб* 'жребий', *жерело* 'передняя части печи', *заболъ* 'болезнь', *как следно* 'как следует', *кирчить* 'полоть', *клещук* 'клещ', *крэстьбины* 'крестины', *крэст-наперекрэст* — нар. 'крест-накрест', *кубарю* — нар. 'кубарем', *лихой* 'злой, жестокий', *ловать* 'ловить', *молонья* 'молния', *напоследах* 'напоследок', *напротив* — нар. и предл. 'напротив', *ни кысь ни брысь* 'о полном отсутствии чего- или кого-либо', *обалбеть* 'обалдеть', *обалбэтый* 'обалдевший', *обдевать* 'одевать', *овощник* 'огород', *отбощать* 'сильно побить, поколотить', *оцахнутъ* 'прийти в себя, набраться сил', *пашеника* 'пшеница', *поясника* 'поясница', *проязычитьсья* 'проговориться, проболтаться', *скибка* 'кусок', *скородить* 'боронить', *спика* 'заноза', *спичка* 'вязальная спица', *тамочи* — нар. 'там', *то в пень*, *то в колоду* 'о неумении сделать что-либо', *умёршая* — сущ. 'свидетельство о гибели, похоронка', *чазом* — нар. 'быстро, мгновенно'.

В июле 2009 г. состоялась десятидневная экспедиция И. И. Исаева, О. Г. Ровновой и Д. М. Савинова в Должанский район Орловской области. Выбор данного района для обследования обусловлен тем, что он находится на стыке Юго-Восточной и Юго-Западной диалектных зон, что дает основания предполагать наличие вариативных звеньев в системе диалектного языка. В начале 1950-х гг. по Программе ДАРЯ были обследованы два населенных пункта на этой территории: с. Кривцово-Плотá и д. Дубровка. В 2009 г. участники экспедиции записали более 40 часов звучащей диалектной речи в шести населенных пунктах: селах

Кривцово-Плота, Баранчик, Никольское, Студёное и деревнях Дубровка, Прудки. В результате экспедиции установлено, что для обследованных населенных пунктов характерны три системы гласных первого предупредного слога после мягких согласных: яканье суджанское, щигровское и умеренно-диссимильативное.

В отличие от говора с. Кирейково, говоры обследованных пунктов Должанского района в целом характеризуются плохой сохранностью. Из зафиксированных диалектных явлений можно назвать утрату затвора у аффрикат: *отé[с]*, *ов[с]ы́*, *тти́[с]а*, *на нé[ш']ке*, *на́ло[ш']ки*, *ни́то[ш']ка*, *толкá[ш']* — и факты гиперкоррекции: [ц]арáй, [ц]ахар, [ц]ын; изредка произношение [с], [з] в соответствии с ш, ж и [сс], [с'] в соответствии с ц: [с]офёрские, мёнь[с]ая, да́[з]е, не и[сс]ы́, не[с']у́рки, [с']ётверо; метатезу гласных: к[ар]вátка, н[ра]тя́нки, в[ар]ждовáли; редукцию второго гласного в приставке пере- (пердовая, пердальсь, пержила, перстует и др.).

Яркой чертой свадебного обряда в Должанском районе является особое блюдо — вареная свиная голова, это блюдо называют зуб.

С 4 по 14 июня 2009 г. состоялась вторая экспедиция диалектологов Института в село **Роговатое Старооскольского района Белгородской области**. В ней приняли участие О. Е. Кармакова и Е. В. Колесникова. Первая, пробная поездка в это село, говор которого характеризуется сохранением многих архаичных черт, была проведена в июле 2007 г.

Целью работы нынешней экспедиции являлся сбор лексического материала по Программе ДАРЯ, а также сбор этнолингвистического материала, направленный на выявление архаичных элементов в составе различных обрядов. Помимо лексического анализировался материал и других уровней.

В ходе работы записано 45 часов аудиоматериала от носителей как традиционного, так и передового говора. Сделанные многочисленные фотографии отражают особенности быта и уклада крестьянского хозяйства XIX—XX вв. Внимание уделялось и подробной фиксации отдельных фольклорных жанров: частушек, лирических песен, городских романсов, заговоров.

Наиболее существенные фонетические явления говора представлены в отчете экспедиции 2007 г. (РЯНО. 2008. № 1 (15)). В настоящем отчете обращается внимание на характерные черты в области морфологии и лексики.

У существительных ж. рода 1 склонения зафиксировано в Р. п. ед. ч. окончание *-el-и*: *от войнэ́, с войнэ́, с горэ́, с рабóте, у этой ба́бе, от хáти*; в Д. п. ед. ч. *-ы*: *к сястры́, к войны́, к мамы́, к хáты*; отмечена продуктивность флексии *-у* в форме П. падежа существительных м. рода: *в сунду́ку, на своём языке́ рассказывали, в кони́ку, на шастом этажу́, на лобу́* (на лбу), *при Ста́лину*; местоимения с основной *тоб-*, *соб-*: *к табэ́, к сабэ́*; указательные местоимения *энтот, энта, энто, энти*; сущ. *мышь* относится в говоре к м. роду. Широко употребляется вопросительная частица *чи*: *Чи я не сочиняю? Чи я сумею, чи нет? Чи на ноу надавляет?*

Полностью собран материал по лексической части Программы ДАРЯ, который показал, что в области лексики сохраняются диалектные различия, свойственные южнорусским говорам: *уса́дьба* 'место, на котором находится дом с хозяйственными постройками', *цеп* 'орудие для ручной молотбы', *держáлень, держáк* 'ручка цепа', *цепи́нка* 'било', *хому́тик* 'кожаный ремень, соединяющий деревянные части цепа', *дю́же* 'очень', *пискля́та* 'цыплята', *сосу́н, сосуно́к* 'жеребенок в первые месяцы', *стригу́н, стрыгу́н* 'жеребенок по третьему году', *третья́к, третя́к*

‘жеребенок по третьему году’; *жерёбаная лошадь* ‘та, которая должна ожеребиться’, *кóтаная овца* ‘та, которая должна окотиться’; *велёк* ‘палка для выколачивания белья’ и др.

8—16 ноября 2009 года состоялась вторая экспедиция Н. Л. Голубевой в **Почепский район Брянской области** (первая экспедиция была проведена при поддержке гранта РГНФ № 06-04-18003е в ноябре 2006 г.). В экспедиции 2009 г. Н. Л. Голубева записала более 20 часов диалектной речи от восьми носителей говоров старшего и среднего поколений (говоры деревень Староселье и Пушкари Тубольского сельсовета); больше всего записей говора д. Староселье. Небольшая часть записей сделана от уроженцев Почепского района, в большей или меньшей степени утративших говор. Записи произведены в разных речевых ситуациях.

В экспедиции 2009 г. специальное внимание было уделено сбору историко-краеведческих сведений о Почепском районе, материала по истории заселения данной местности. Н. Л. Голубева работала в краеведческом музее г. Почепа. Историки и археологи свидетельствуют, что территория современного Почепского района на протяжении многих веков занимала пограничное положение и в разные исторические эпохи ее население контактировало с другими этносами, а значит, испытывало языковое влияние со стороны этих этносов. В лингвистике такие территории называются зонами языкового контакта. Статус говоров данного региона определялся в лингвистике по-разному: как особая группа белорусских говоров, как говоры переходные к русским на белорусской основе, как русские говоры юго-западной части Западной зоны.

Яркой чертой обследованного юго-западного, брянского говора являются неопределенные местоимения с частицей *-сь* (которая по правилам фонетики

говора произносится «шепеляво» — [с’]): *Кто-[с’]* *приехал на машине на белой* (кто-то); *Камушок який-[с’]* *у тебя есть* (какой-то); *куды-[с’]* *работать* (куда-то, куда-нибудь); *чым-[с’]* *работает* (кем-то) и др.

Говоры деревень Почепского района Брянской области характеризуются большим своеобразием, о чем свидетельствуют сами выходцы из почепских деревень. По их единодушному мнению, это в первую очередь касается лексики говоров. Лексика западной Брянщины давно обращала на себя внимание: еще в конце XIX в. любители начали записывать ее; в XX в. эта работа была продолжена. Например: *калі́вка* ‘немного’; *ля́га* ‘ленточка’; *па́новка* ‘прорубь’; *простелá* ‘подзор на кровать’; *подпортóлить* ‘подтолкнуть к какому-л. действию, поторопить’; *покресnúть сатане* ‘присягнуть’; *праць* ‘стирать, полоскать белье’ и ‘бить кого-л.’; *рахма́ньский* ‘не теплый и не холодный’; *ретова́ть* ‘спасать’; *рештачо́к* ‘нависающая часть крыши’; *рясье* ‘одежда’; *сварі́тися* ‘ругаться, браниться’; *сде́ться* ‘раздеться’; *скаріно́чка* ‘корочка хлеба’; *сқубну́ть* ‘взять то, что не должно брать’; *сыродо́й* ‘парное молоко’; *торнова́ться* ‘делать усилия, напрягаться’; *тур* ‘проход между домами’; *тра́пнуть* ‘настать (о времени)’; *(под)хóвьывать* ‘(при)прятывать’; *хвату́ры* ‘похороны’.

Речь носителей почепских говоров характеризуется юмором, образностью, богата пословицами и поговорками: *Укра́дется мех* (мешок) — *и на батьку грех* (о клевете); *Не глумі́ головы, Не лементу́й головы* (не бери в голову); *Соба́чьему ж виду нема сты́ду; Это еще не горе — за горем пойдём; Никто мне не дал оберну́ть пальчика* (об отсутствии приданого); *кидать с ро́та* (говорить бранные, осуждающие слова). Этикет почепских говоров характеризуется употреблением отчеств при ней-

тральном обращении в разговорной речи: *Львовна, Евгеньевна, Вячеславовна*.

Две самостоятельные экспедиции в южнорусские говоры провели аспиранты Института С. В. Дьяченко и Е. В. Корпечкова по темам своих исследований. 18—23 января 2009 г. они работали в **с. Веретье Острогжского района Воронежской области**. Исторически сложилось так, что одну часть села населяют русские, другую — украинцы, в селе немало смешанных семей, что, безусловно, не могло не отразиться на языковой ситуации. В ходе экспедиции было записано 13 часов диалектной речи от информантов 1925—1934 годов рождения — как русскоязычных, так и украиноязычных жителей села.

Цель поездки заключалась в том, чтобы, с одной стороны, выяснить, как развивается русский говор села (по данным ДАРЯ, здесь отмечается архаическое аканье и обоянское яканье, подержанные семифонемной системой вокализма), а с другой стороны, проследить, как развивается украинский говор в условиях взаимодействия с русским говором села и использования русского языка в качестве литературного.

В ходе экспедиции в русском говоре было отмечено сохранение семифонемной системы вокализма, а также архаического аканья и яканья с редкими исключениями: *в[’и]тряк, од[’и]ва́лись, б[’и]рёмок, н[’и]лёнки, б[’и]лók, в[’а]ртéлась, ч[’а]сóв, л[’а]пíли, шерст[’а]ннёе, хл[’а]бну́ла, но С[’и]ргéевна, ч[’и]тьире*.

В украинском говоре наблюдаются существенные различия между старшим и младшим поколениями его носителей. Отмечен переход от системы различения фонем /а/ и /о/ в безударной позиции к системе их нейтрализации, о чем свидетельствуют примеры: *с[а]сédка, н[а] э[а]рóдах* и т. д.

С 26 по 30 июля 2009 г. С. В. Дьяченко и Е. В. Корпечкова обследовали

говор **д. Старый Бузец Железногорского района Курской области**.

По материалам ДАРЯ, этот говор характеризуется жиздринским типом аканья и достаточно редким типом яканья — дмитриевским, который был отмечен впервые именно здесь. Целью поездки являлся сбор материала, который позволил бы сравнить современное состояние говора с данными ДАРЯ, а также получить примеры на все позиции, необходимые для определения типов аканья и яканья. В ходе работы проводились тематические беседы с информантами, включавшие специальные вопросы, направленные на получение нужных форм слов.

За четыре рабочих дня было сделано 10 часов записей звучащей речи от восьми информантов — пожилых жительниц деревни (1926—1941 годов рождения).

В результате наблюдений выяснилось, что говор имеет отступления от дмитриевского типа яканья в определенных грамматических формах. Наблюдается следующее распределение гласных в первом предупредном слоге после мягкого согласного:

а) в слоге перед ударными *и, ы, у* произносится [а]: *кр[’а]стíли, на з[’а]мí, с[’а]стрý, н[’а]нькó;*

б) в слоге перед ударным *а* — [и]: *в[’и]зáли, з[’и]мля, с[’и]стрá;*

в) в слоге перед ударным *е* вне зависимости от этимологии, а также *о* из *е* произносится *и*: *т[’и]лéга, н[’и]дéля, н[’и]вéста, д[’и]рéвня, н[’и]сét; в[’и]дёрочко, в[’и]сéлка*.

В этих позициях исключений не отмечено.

г) в слоге перед *о*, восходящим к **о*, чаще произносится [а], однако встречаются варианты с [и]: *з[’а]рнó, д[’а]лóв, но: с[’и]лó;*

д) в слоге перед *о*, из **о*, **ъ* преобладает произношение [и]: *н[’и]шкóм, н[’и]сóчком, в[’и]рхóм, м[’и]шкóм; но в*

этой позиции встречается также звук [a], чаще всего в форме И. п. м. р. ед. ч. прилагательных: *н[’а]мóй, сл[’а]пóй, земл[’а]нóй* и, реже, у существительных: *кп[’а]ткóм*.

Две группы под руководством Л. Л. Касаткина и И. И. Исаева обследовали среднерусские говоры.

Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина и К. Сапнок (Университет г. Бохума, Германия) 18—26 июня 2009 г. продолжили начатое ими в 1991 г. обследование деревень **Ялмоти** — бывших нескольких приходов на крайнем востоке **Московской области (Шатурский район)**, в число которых входит с. Лека, обследованное в 1912 и 1913 гг. А. А. Шахматовым и в 1945 г. группой сотрудников Института русского языка АН СССР под руководством С. С. Высотского. В этот раз были сделаны записи речи жителей деревень Великодворье, Волово, Дорофеево, Зименки, Коренец, Лека, Маврино, Перхурово, Сычи, Филисово, Шеино, Югино. Записано 38 часов диалектной речи старшего поколения жителей. Таким образом, за четыре экспедиции эта группа собрала весьма представительный корпус магнитофонных записей речи (7 часов в 1991 г., 20 часов в 2007 г., 21 час в 2008 г., 38 часов в 2009 г., всего 86 часов) из всех деревень, в которых наблюдается говор, описанный А. А. Шахматовым, С. С. Высотским и членами данных экспедиций. Этот корпус звучащих текстов позволяет не только делать выводы о характерных чертах говора, но и устанавливать разную их сохранность у конкретных лиц, выяснять причины этого различия и динамику развития говора у старшего поколения. Записи, сделанные в д. Перхурово, подтверждают указания местных жителей на то, что это другой говор по сравнению с остальными обследованными деревнями Ялмоти: в Перхурове иканье, тогда как в остальных деревнях еканье. Другие черты,

различающие эти говоры, покажет дальнейший анализ сделанных записей.

В октябре—ноябре 2009 г. прошла пятнадцатидневная экспедиция И. И. Исаева и С. В. Дьяченко во **Владимирскую область**. Задача экспедиции состояла в том, чтобы продолжить сбор материала в зоне взаимодействия восточных среднерусских акающих и окающих говоров. За прошедшие годы группой под руководством И. И. Исаева обследовано 42 населенных пункта на стыке трех областей — Московской, Владимирской и Рязанской. Основное внимание экспедиции этого года было уделено установлению границ диалектного произношения переднеязычных согласных в окающих говорах. В ходе полевого обследования записано 20 часов аудиоматериала и установлено, что апикальное постальвеолярное произношение шелевых и смычных согласных (распространенное прежде, как кажется, достаточно широко в исследуемых говорах) является общим для типологически различных говоров на этой территории. Формирование современной корреляции согласных по твердости-мягкости встречает известное затруднение, связанное со сложностью выражения дополнительной «йотовой» артикуляции мягких согласных в рамках такой артикуляционной базы. Система согласных части говоров Меленковского района так же, как говоры юго-востока Гусь-Хрустального района, характеризуется наличием только твердой свистящей аффрикаты (твердое цоканье). Это явление последовательно реализовано в речи староверов села Тимошино. Весь фонетический комплекс, морфология и лексика старейших жителей этого села указывают на коренное старообрядческое население.

Севернорусские говоры обследовала группа под руководством О. Е. Кармаковой и Е. В. Колесникова.

С 26 июля по 3 августа 2009 г. О. Е. Кармакова, И. А. Букринская и И. И. Исаев собирали материал в **Устюженском районе Вологодской области**. Были обследованы говоры деревень Волóсово, Никóла, Высотинó, Обúхово, записано 25 часов звучащей диалектной речи. Кроме того, изучалась регионально окрашенная речь жителей г. Устюжны по теме «Язык провинциальных городов России».

Обследованные говоры относятся к Белозерско-Бежецкой группе говоров по диалектному членению К. Ф. Захаровой — В. Г. Орловой. В современных говорах отмечаются следующие явления: полное оканье, еканье, заударное ёканье: *пóл'о*, *с''éjou*, *вр'ém'о*, *пос't'éлош*; sporadическое употребление /ʎ/: *л'ието* (дифтонг [иэ] или [ê] перед твердым согласными), *в лите* ([и] перед мягким согласным), формы *д'в'и*, *вс'и*; шепелявые зубные *с''/з''*: *з'ерно́*, *с''éжал'и*; упрощение групп согласных: *жыс'*, *кр'ес*; сосуществование [ч'], [ч] и полумягкого: *п'еч*, *кач'ыга* 'палка для стирки белья'; твердые губные в конце слов: *се[м]*, *восе[м]*, *церко[ф]*; отсутствие перехода *е* в *о* перед шипящими: *горш'ечек*, *меш'ечек*, *верет'ешко*; произношение [нн] в соответствии с литературным [дн]: *холо[нн]ый*, *о[нн]а*, *вре[нн]ый*; произношение [шн] на месте *чн*: *врушную* (вручную), *молошная каша*, *яшница*; твердые шипящие на месте долгих мягких шипящих: *яшшык*, *шшóлок*, *дóжжык*, *вóжжы*; выпадение *-j-* с последующим стяжением в формах глагола и прилагательных: *мáленька была*, *гл'яняна квашóнка*, *намáтываи*, *картошку вырáшыыват зять*, *гон'ям* (гоняем); распространение форм *товдá*, *ковдá*, *колдá*; изменение существительного *лошадь* по образцу 1 скл.: *на лошадé*, *к лошадé*; совпадение Д. и Т. падежей сущ. мн. ч.: *гвозд'ям крыли*, *рукáм жали*, *за ягодам*, *с дет'ям*; двусложные формы местоимения *та*: *тáя*,

тúю; деепричастие в роли сказуемого: *пропки вы́счочифшы*, *два мужыка остáфши были*, *нога чего-то сдéлафшы была*, *он был в клубе пришо́цы*; постпозитивная частица, употребляемая в различных функциях: *в каком году-ту*, *за что плачу-ту*.

В области лексики отмечены следующие явления: употребление слов *таскать* 'убирать лен', *кáрзина* 'ход в подполье в виде ящика', *но́нче* 'в этом году', *лётось* 'в прошлом году', *завару́ха* 'каша из муки', *приу́зь* 'цеп', *зы́бка* 'подвесная колыбель', *вьить* 'аппетит', *пахáть* 'места под в печи', *упря́жка* 'отрезок времени', *бáбка* 'укладка снопов', *горáзд* 'очень'. В целом наблюдается сочетание западных и восточных лексических изоглосс с преобладанием западных.

В июле 2009 г. Е. В. Колесникова в течение двух недель обследовала деревни Шидрово, Усть-Вага, Сельцо, Осиново, Шиленьга, Прилук **Виноградовского района Архангельской области** и сделала 24 часа записей звучащей диалектной речи.

Виноградовский район располагается в центральной части Архангельской области, в среднем течении реки Северная Двина. На севере он граничит с Пинежским районом, на западе — с Шенкурским, на востоке — с Верхнетоемским. Подвинье и Поважье издревле славились пушным зверем, рыбой, птицей, соляными промыслами, кроме того, имели выгодное расположение, поскольку впадение Ваги в Северную Двину обеспечивало возможность проведения торговых путей как с юга на север, так и с запада на восток. Исторически данная территория была яблоком раздора между Новгородом и Москвой. Не случайно, с точки зрения О. Г. Гецовой, данные говоры представляют особую диалектную зону, представляющую собой своеобразный клин, широкая часть которого обращена к югу, а

узкая часть вдается в среднее течение р. Северной Двины.

В ходе полевого исследования были отмечены следующие черты в области фонетики: произношение звука [и] на месте древнерусского ѣ под ударением между мягкими согласными: с[й]яли, м[й]сте, хл[й]бины и др.; утрата *в* перед *з* и *с*: *звоз* < *взвоз*, *сточный* < *всточный* < *восточный*; произношение группы согласных [мн] как [вн]: зу[вн]о́, но[вн]ю; последовательное мягкое цоканье; случаи утраты затвора аффрикаты *ц'* в различных позициях: *спе[с]ально* 'специально', [сэ]рквы 'церкви', *полу[с']яют* 'получают', *о[с']ень* 'очень', *вру[с']ную* 'вручную', *моло[с]ный* 'молочный'. В области морфологии отмечена высокая продуктивность прилагательных, образованных с помощью суффикса *-иц-* со значением высшей степени проявления признака: *гнилящей*, *глупящей*, *сухящей*; регулярное несоответствие окончаний Т. п. мн. числа субстантивного и адъективного склонений: *с чужима людьми*, *с двоима лодками*, *с двацима рублями*; регулярное употребление форм плюсквамперфекта; отмечены формы глаголов 3 л. наст. времени без конечного *-т* от глаголов I спряжения в ед. числе с ударением на окончании и глаголов II спряжения во мн. числе с ударением на основе: *берё*, *зовё* и *хóдя*, *вóзя*. В области лексики отмечается употребление нерасчлененного понятия *шаньга* для наименования ватрушек как из дрожжевого, так и недрожжевого теста, слов *ярушник* 'хлеб из смеси нескольких видов муки', *муз-гáрь* 'паук'.

В 2009 г. было продолжено полевое обследование говоров старообрядцев зарубежья.

В июле—августе О. Г. Ровнова (20 дней) и Д. М. Савинов (10 дней) работали в Эстонии, в населенных пунктах Западного Причудья, где живет русское население. Экспедиционная ра-

бота велась совместно с научными сотрудниками Тартуского университета в рамках российско-эстонского проекта «Русские говоры Западного Причудья в лингвистическом, лингвогеографическом и культурологическом аспектах», поддержанного грантами РГНФ (проект № 09-04-95402а/Э) и Эстонского фонда науки. Аудиозаписи общей продолжительностью 36 часов были сделаны в поселениях со старообрядческим населением (г. Калласте, д. Березье) и деревнях с русским нестарообрядческим населением (Нос, Ротчина, Вяльги).

Во время экспедиций решались несколько задач. Во-первых, продолжался сбор диалектной лексики для «Словаря говоров староверов Эстонии», уточнялись значения слов, относящихся к пассивному слою диалектной лексики или представляющих собой архаизмы (*бэбеки* 'внутренности, расположенные в брюшной полости', *вандаться* 'хлопотать над решением проблем', *выгальяться*, неодобр. 'кривляться, выставляя себя напоказ', *крýлья* 'лопатки', *мáзать* 'говорить неправду', *маклокí* 'тазобедренные суставы', *перелекáться* 'выгибать тело', *попустíться* 'уступить', *спíрвицы* 'плечи', *сухрэстцы* 'поясница', *хаз* 'позвоночник' и др.).

Во-вторых, проводились целенаправленные наблюдения над морфологическими, синтаксическими и семантическими особенностями выражения родовых различий имен существительных в говоре староверов. Он не относится к числу говоров, для которых так называемая утрата среднего рода существительными (на морфологическом или синтаксическом уровне) является типичным явлением. Между тем отмечены факты, действительно свидетельствующие о некоторой «слабости» ср. рода в системе родовых противопоставлений.

(1) Выделяется небольшая группа широко употребительных слов, принадлежность которых не к ср. роду оформ-

лена морфологически и является устойчивой в говоре: *каділа* ‘кадило’, *коро-місел* ‘коромысло’, *крылёц* ‘крыльцо’, *начал* ‘начальная часть молитвы; начальные молитвы обряда’, *помял* ‘помело’. (2) Отмечены примеры сочетания существительных ср. рода (только с безударными окончаниями) в И. и В. падежах с прилагательными и глагольными формами ж. рода: *раньше ездили лук мяняли по крястьянам, здесь эта вся наша Причудья; вся побережья ездила торговать в Питер; продали в другую государство*. (3) Принадлежность существительных к ж. роду в некоторых случаях выражена морфологически, падежной формой В. и Т. падежей: *Немец хорошую давал пособию, у кого маленькие дети; жгли чучелу, в раннее время жгли что-то: костры или чучелу; заросло всё мхом и болотой*. Употребление (2)—(3) является довольно редким.

Наряду с этими фактами зафиксированы противоположные — *стуло, фамилие: моё фамилие раннее Поташова; и не боюсь своё фамилия, у меня не замарано моё фамилие никак* ‘я не замарала фамилию’; *прежне стуло такó с поперечинкой стуло; на стуло поставит*.

Отличается от литературного языка распределение по родам существительных с нулевым окончанием и мягким конечным согласным основы. С грамматическим значением м. рода отмечены существительные *болезнь, бутылъ, грязь, купель, молодёжь, прорубь, цепь*, со значением ж. рода — *лось, огонь, портфель, ясень*, а также *день* в составе наречия *денью-день* ‘каждый день’. Существительные ж. рода *вещь, жизнь, постель, свекровь* относятся в говоре к I склонению: *веща, жизнья, постеля, свекрова*.

Отмечены примеры несогласования по роду: *не было такой запрета; Что это за бес такое?*, а также *мои оба де-*

вочки в хоре, находящие параллели в древнерусском языке

Морфологическая и синтаксическая специфика категории рода существительных в говоре староверов Западного Причудья не обусловлена контактированием с эстонским языком, в котором эта категория отсутствует, и находит объяснение на собственно русской почве с привлечением исторических данных.

В-третьих, велись сопоставительные наблюдения над говорами старообрядческих и нестарообрядческих поселений Западного Причудья. Материал, собранный в деревнях Нос, Ротчина и Вяльги, в которых проживает русское старообрядческое население, позволяет сделать следующие предварительные выводы о гомогенности/гетерогенности говоров двух конфессиональных групп русского населения. Комплекс важнейших фонетических, грамматических и лексических диалектных явлений, характерных для говоров прибрежных деревень Ротчина и Нина, свидетельствует о единстве старообрядческих и нестарообрядческих говоров Западного Причудья. Сложнее обстоит с дело с говором удаленной от побережья лесной деревни Вяльги, русские жители которой являются активными русско-эстонскими билингвами и основным языком общения которых является эстонский. При том, что в их русской речи отмечен целый ряд черт, общих с говорами староверов, в ней зафиксированы своеобразные фонетические и лексические явления (*l*-европейское, альвеолярное произношение [н], слова *самік* ‘самец’, *туды* ‘там’, *кушало* ‘еда’, *в домах* ‘дома’ и др.), не отмеченные в говорах Западного Причудья. Вопрос о типе этого говора требует дальнейшего изучения.

В октябре—ноябре 2009 г. О. Г. Ровнова в течение месяца записывала языковой материал в старообрядческих общинах Австралии (штаты Новый

Южный Уэльс и Квинсленд; 54 часа аудиоматериалов от 20 старообрядцев в возрасте от 43 до 83 лет). Старообрядцы переселились в Австралию в начале 1960-х гг. из Китая, главным образом из Маньчжурии. Часть семей прожила какое-то время в Бразилии и потом «перекочевала» в Австралию, часть семей сразу из Китая перебралась в Австралию.

На сегодняшний день в Австралии нет компактных старообрядческих поселений, старообрядцы живут в собственных домах в «пригородках» Сиднея, Брисбена и Мельбурна или на своих «фармах». Здесь неактуально противопоставление «синьцзянцев» и «харбинцев», старообрядцы чаще называют себя «приморскими». Языковая ситуация отличается от той, которая наблюдается в старообрядческих общинах Южной Америки, и напоминает ситуацию в североамериканском штате Орегон: на русском диалектном языке говорит лишь старшее поколение старообрядцев и те женщины 40—50 лет, которые выросли в странах Южной Америки и

вышли замуж за старообрядцев из Австралии; поколение 30—40-летних, выросших и получивших школьное и специальное образование в Австралии, говорит по-русски с сильным английским акцентом или предпочитает английский; младшее поколение перешло на английский язык, хотя «понимает по-русски». Тем не менее в речи старшего поколения сохраняется весь комплекс диалектных черт, характерный для «харбинцев» Южной Америки. Процессы, происходящие в современном говоре староверов Южной Америки и Австралии, во многом схожи. Это 1) сохранение и консервация русских диалектных черт, среди которых много архаичных; 2) использование лексических и словообразовательных ресурсов русского диалектного языка для обозначения реалий австралийской жизни; 3) заимствование английской лексики, ее фонетическая, грамматическая и лексическая адаптация; 4) развитие русско-английской лексической синонимии.

О. Г. Ровнова

РЕЦЕНЗИИ

Великие четьи минеи. Проблемы и задачи нового издания

Die Grossen Lesemenäen des Metropoliten Makarij.

Uspenskij Spisok. 1.—8. Mai / Hrsg. von E. Weiher u. a. — Freiburg i. Br., 2007. — (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris; T. 51, *51.) — 639, *210 S.

Великие четьи минеи митроп. Макария (ВМЧ) являются самым объемным и монументальным собранием христианской письменности у славян. Вместе с Геннадиевской библией (ГБ) и Степенной книгой Минеи образуют полный свод религиозных и исторических документов, служивших основанием культурной и конфессиональной жизни, самой русской государственности XV—XVI вв. Образцом для них мог послужить менологий Симеона Метафраста конца X в. [Плигузов 2000: 108] или даже дометафрастовский менологий Студийского монастыря [Афиногенов 2006], но в ходе исполнения работы она вышла далеко за пределы богослужебных потребностей в сфере создания энциклопедического свода данных изо всей церковной письменной традиции, так что ее результаты могут быть поставлены в один ряд с такими научными предприятиями, как Acta sanctorum Яна ван Болланда (1595—1665) и его продолжателей, Patrologia graeca и Patrologia latina Жак-Поля Миня (1800—1875). Значимость и роль ВМЧ в деле изучения культуры и письменности древней Руси серьезно страдают от того, что начатая Археографической комиссией в 1868 г. работа остановилась в 1916 г. из-за войны и революции. За пять десятилетий тогда были опубликованы тома за сентябрь, октябрь, декабрь и апрель, тогда как ноябрь был издан в объеме 25 дней, январь — 11 [см. Кобяк 2000]. По скромности тира-

жа полные комплекты издания являются достоянием лишь немногих крупных отечественных библиотек. Публикация этой антологии древнерусской словесности, казалось бы, должна была стать отправной точкой в деле изучения древнерусской литературы, подобно тому как ГБ 1499 г. стала для А. В. Горского и К. И. Невоструева [Описание 1855] и продолжателей их дела отправной точкой славянской библеистики. Однако, несмотря на исключительный расцвет, наблюдавшийся во второй половине XX в. в изучении летописания, археографии, кодикологии и древнерусской литературы в целом, ВМЧ не стали объектом серьезного приложения сил [Дробленкова 1988]; лишь небольшое собрание отрывков из ВМЧ, главным образом по Софийскому комплекту, было включено в многотомную библиотеку древнерусской литературы [Библиотека 2003: 10—319, 537—588]. Удар, нанесенный в 1917 г. отечественной археографии, был столь силен, что дело возобновления издания должна была взять на себя немецкая славистика. По инициативе проф. Фрейбургского университета Экхарда Вайера в 1997—2001 гг. появилась публикация мартовского тома ВМЧ в трех томах [Weiher 1997; 1998; 2001]. В подготовке издания активно участвовали и отечественные специалисты, однако инициатива его, финансовое обеспечение, общий замысел, многие стороны практической реализации проекта были делом немецкой

стороны, что следует подчеркнуть с чувством глубокой благодарности.

Издание мартовской миinei в значительно большей степени было сосредоточено на кодикологической и археографической стороне дела, чем это было в старом издании Археографической комиссии. Так, текст набран в нем не гражданским, а старославянским шрифтом, точно воспроизводится его расположение на листе рукописи с сохранением числа строк и букв в строке. Немногочисленные примечания посвящены палеографическим и орфографическим чертам публикуемого оригинала. Между тем старое издание давало во многих необходимых случаях содержательные комментарии о правильности того или иного чтения, о греческих и латинских соответствиях для переводных текстов, что придавало ему внушительный научный вес. Для восполнения этой стороны дела публикация мартовского тома сопровождалась приложением в виде двухтомника со статьями разнообразного характера [Voss, Warkentin, Weiher 2000; Maier, Weiher 2006]: некоторые из них касаются ВМЧ, другие дают обзор многих вопросов палеославистики, так или иначе связанных с ВМЧ. В частности, речь в них идет о бумаге, на которых написаны ВМЧ [Дианова 2000], писцах, занятых исполнением дела [Костюхина 2000], о составе тома [Daiber 2000; Шульгина 2000].

Большое удовлетворение вызывает то обстоятельство, что фрейбургское издание не ограничилось изданием мартовского тома и в 2007 г. состоялась публикация майского тома ВМЧ, первый выпуск которого охватил восемь дней [Weiher 2007a]. Здесь находятся такие важные для славистики тексты, как книга пророка Иеремии и его же апокрифический Паралипоменон, житие Пафнутия Боровского, сборник проповедей Афанасия Александрийского против ариан, Житие Феодосия Печер-

ского и Киево-Печерский патерик, книга Иова. Обе библейские книги никогда прежде не издавались, следующий выпуск откроется книгой Исаии, которая тоже еще не издавалась печатно. Так, издатели ВМЧ выполняют исключительно важную задачу введения в оборот новых источников. Настойчивость, с какой немецкие слависты продолжают начатую работу, заставляет думать, что они намерены довести до конца незавершенный труд Археографической комиссии. Было бы неразумно не замечать этого, следует приложить все старания к тому, чтобы поддержать и довести до конца это исключительное по важности начинание.

Формат издания майского тома изменен сравнительно с мартовским и очевидным образом приближен к изданию Археографической комиссии. Выпуск открывается тремя исследованиями, относящимися к палеографии (автор Л. М. Костюхина), бумаге и филиграням (Э. В. Шульгина), книжным украшениям ВМЧ и майского тома в частности (Е. И. Серебрякова). Но главным новшеством является то, что с известным систематизмом в майском томе приводятся разночтения из двух других списков ВМЧ — Софийского и Царского, а также иногда из некоторых других источников, в том числе и параллели из греческих и латинских оригиналов для переводных произведений, даются исправления текста. Основной корпус критического аппарата размещен не при изданном тексте, а в отдельном переплетенном приложении [Weiher 2007b]. Объясняется это тем, что при сохранении постраничного и построчного воспроизведения рукописного оригинала большой аппарат не может быть размещен в нижней части страницы, где оставлены только комментарии палеографического характера. Майский том ВМЧ написан убористым почерком, поэтому в издании пришлось использо-

вать более мелкий сравнительно с мартовским томом кегль.

Из вступительной заметки Э. Вайера к критическому аппарату [Weiher 2007b] нетрудно заметить, что издатели не смогли достичь согласия в вопросе о том, каким должен быть аппарат, на какие вопросы давать ответ. Действительно, копировать структуру аппарата изданий Археографической комиссии было бы сегодня вряд ли уместно в связи со значительным изменением наших представлений о текстологии, археографии, методах палеографического исследования в связи с тем, что за XX столетие немало произведений оригинальной славянской агиографии подверглось тщательному изучению на основе охвата всей рукописной традиции. Сегодня издание ВМЧ в гораздо меньшей степени служит делу первичного введения в научный оборот новых памятников письменности, чем это было полтора столетия и сто лет тому назад. Определяя приоритеты, мы должны думать, что главным из них, безусловно, является по возможности скорейшее издание этой энциклопедии, что растягивать издательский процесс еще на столетие непозволительно, что каждое десятилетие потерянного времени снижает научную значимость целого. Думая о возможности более экономной организации труда и, следовательно, более скорого введения в научный оборот Миней в их полном составе, хотелось бы именно с этой точки зрения оценить работу по созданию критического аппарата в первом выпуске майского тома.

Назначение критического аппарата редактор объясняет следующим образом: «Почти все тексты ВМЧ представляют собою наиболее поздние звенья зачастую столетней цепи их истории, и было бы ошибочно рассматривать их как основу для какого бы то ни было историко-критического издания. (...) Главная задача нашего издания заклю-

чается в документации того, что дошло до нас в трех версиях ВМЧ. Сравнение со славянскими параллельными рукописями, так же как и указания на различия между переводными текстами и их оригиналами и на особенности перевода, следует рассматривать как предварительное и фрагментарное дополнение» [Weiher 2007b: *XI—XII]¹. Более ясно о представлении трех списков ВМЧ сказано в предисловии к самому тексту, где отмечено, что в критическом аппарате приведены все разночтения Софийского и Царского списков [Weiher 2007a: XXXVII], исключая многое из того, что можно отнести на счет орфографии. Если действительно в аппарате отражены все значимые разночтения трех источников ВМЧ (у меня нет возможности проверить это утверждение), то аппарат дает большую и в целом значимую информацию. Назначение «дополнения» остается не вполне объясненным и понятным.

В притекстовом аппарате (т. е. томе [Weiher 2007b]) проявлено исключительное внимание к двум особенностям Успенского списка: инициалам и лигатурам. То и дело встречаются замечания такого рода о размере инициалов: *Initiale K über drei Zeilen* («инициал К выше трех строк»), примечание к л. 272d 39). С другой стороны, с полной последовательностью в сносках под

¹ Звездочкой (*) отмечены страницы тома, содержащего комментарий, т. е. [Weiher 2007b], и мы следуем этой системе маркировки, предложенной издателями. При цитировании текста миней даются указания на столбцы и строки рукописи, как делают сами издатели в комментариях. Вводные статьи опубликованы на двух языках, немецком и русском, обе версии принадлежат издателям, но выражение «столетней цепи их истории» далеко не точно передает нем. *hunderterte von Jahren* (*VIII), которое имеет в виду историю многих столетий.

текстом отмечается наличие лигатур, которые в самом тексте передаются с помощью выносных букв. Кажется, что в том и другом случаях речь идет о графике, а не орфографии. Вероятно, проще было бы описать некоторое количество типичных лигатур во вступительной статье, посвященной палеографии. Если и есть смысл стремиться к передаче всех особенностей графики средствами типографского набора, то он кажется оправдан при издании некоторых, и далеко не всех, древних источников, но выглядит излишним при воспроизведении поздних источников XVI в. Для демонстрации графики достаточно приложить несколько фотографических снимков, которые и помещены в настоящем томе [Weiher 2007a: LV—LXXVII] вместе с описанием некоторых типичных лигатур [Там же: XLI, XLIII, XLVI]. Напротив, жирный шрифт, которым выделены инициалы в издании, очень мало отличается от рядового шрифта, так что начала статей, если они оказываются в середине строки, трудно обнаружить. Хотя перечень инициалов дан в оглавлении, следовало бы более заметно выделять инициалы на страницах издания, чтобы облегчить для читателя восприятие текста. Я вообще не считаю необходимым то, чтобы страница издания внешне не отличалась от страницы рукописи, ибо вопросы палеографии не могут и не должны изучаться по наборному изданию; вряд ли какой читатель ждет ответа на них, обращаясь к наборному изданию.

Не остается ясности, действительно ли сравнение основного, Успенского, списка с двумя другими проводится с полной последовательностью. Редактор издания высказывает мнение о том, что строго научная процедура требовала бы того, чтобы все три списка были изданы в отдельности со всеми присущими им особенностями [Weiher 2007a: XXXVII]. Такой подход кажется чрезмерно ригор-

истичным для письменных документов XVI в., где орфография неустойчива и уже мало что дает для истории текста, тогда как и текстология имеет ограниченную значимость. В одной из рецензий на мартовский том были отмечены и другие недостатки замысла издавать в отдельности все три списка [Турилов 2001], и новая форма работы над майским томом явилась единственно разумным ответом на критику. В комментариях нередко указаны ошибки Софийского и Царского списков. Так, мы узнаем, что вместо **голгофы** Соф. предлагает **голгохы** (274а 9). Вероятно, перед нами описка, объясняемая диалектной заменой звука [f], но и в этом случае было бы неразумно со стороны читателя ждать от издателя ВМЧ полной фонетической характеристики навыков письма одного из нескольких новгородских копиистов. Для чтения **при б̄голюбцы** (274а 30) отмечается в Цар. **при б̄голюбцѣ**. Смешение мягкого и твердого вариантов склонения в XVI в. едва ли кого удивит. Стоит ли уделять ему внимание, если порожденное этим варьирование может проявляться в письме одного и того же копииста? Некоторые варианты Софийского и Царского списков представляют собою общие ошибки: так, вместо **оученіа исписана** они предлагают **оученіа неписана** (274а 18), неудовлетворительное в смысловом отношении. Возможно, что такие варианты что-то дают для текстологии, но все же очень мало, ибо, как известно, общие ошибки не являются релевантным текстологическим признаком. Некоторые другие приведенные варианты вообще носят лишь орфографический смысл. Например, для орфограммы **пѣс** с выносным «с» приводится разночтение **пѣснь**, для написания **мѣтнѣми** с выносным «с» приводится разночтение **мѣдѣстнѣми** (*184).

В настоящем своем виде критический аппарат содержит значительный

объем разнообразных и интересных сведений о вошедших в издание текстах, сообщаемые здесь наблюдения издатель над соотношением рукописных вариантов, над особенностями перевода имеют несомненную и порою исключительную ценность особенно потому, что для некоторых текстов настоящее издание дает *editio princeps* и ему суждена долгая историческая судьба.

Так, безусловную ценность имеют замечания при издании книги пророка Иеремии, что **акы** (11с 10) является ошибкой на месте **азъ** (ἐγώ), **наслаждоу** (19с 37) является искажением первоначального **насаждоу** (φουδεσω) и что правильное чтение сохранено в Софийском и Царском списках и ГБ, и т. д. При издании слов Афанасия Александрийского обращено внимание на редкое слово **коурълькъъ** (123с 6) «образец, модель» и приведено греческое соответствие τρόπος; в книге Иова к выражению **цѣлители влъсви** (260а 8, то же в ГБ) приведено соответствие *iatai kakōn lantez*, которое позволяет предположить, что первоначально здесь читалось **цѣлители зъль вьси** (и действительно, такое чтение зафиксировано в рукописи РГБ, МДА (ф. 173) № 141, XVI в., л. 67 об.). Впервые в истории изучения книги Иова отмечено сохранение в тексте остатков толкований при стихах 7.21 (259b 41—45) и 21.4 (262с 11—17, здесь толкования заменяют стихи 5—6), предложены удачные конъектуры. Так, вместо **напа видньна** (258а 31) предлагается чтение **напа видньна** (μισθίου αἰθημεριβοῦ, т. е. «поденного наемника», откуда видно, что второе слово следует реконструировать как **ввидньна**), **на.по ждыи** (258а 34) исправляется на **напъ ждыи**. Примеров такого комментирования множество, и внимательный читатель найдет в критическом аппарате точные наблюдения и полезные советы.

Не все замечания кажутся верными, что не удивительно при обширности

аппарата. Так, в комментариях к книге Иеремии сообщается, в частности, что после **оумре** пропущено *καί* (21с 3), что для первого элемента выражения **скорѣ сокроушоу** (12b 3) нет греческого соответствия, и т. п. Но пока не проведена реконструкция славянского архетипа, такие сопоставления недостоверны. Например, **скорѣ** отсутствует в известном списке библейских книг Матфея Десятого (БАН. 24.4.28), созданном в 1507 г. в Супрасльском монастыре (см. об этой рукописи [Алексеев, Лихачева 1978]). Иначе говоря, содержание аппарата в таких и подобных случаях находится в противоречии с кругом источников и, следовательно, характером издания.

Другие неточности в аппарате Иеремии объясняются тем, что использовано неверное издание греческого текста. Например, утверждается, что для **сбѣѣ** (11d 3) нет греческого соответствия (стих 27.2)², что после **своимѣ** (11d 11) пропущено *ὄτι* (27.4), после **рече** (19а 39) пропущено *αὐτοῖς* (41.6), после **въверже** (19b 2) пропущено *ἐκεῖ* (41.9), после **поустги** (19d 44) пропущено *μέ* (49.21), и т. д. Легко убедиться, что издание [Ziegler 1976] содержит во всех этих случаях необходимые для объяснения славянского текста элементы либо в основном тексте, либо в критическом аппарате. Это издание указано как источник при оценке текста ВМЧ, но в действительности вместо него использовано справочное издание Альфреда Ральфа (так называемая *Septuaginta stuttgartensis*, 1935).

Механическое приведение греческих параллелей может порождать превратное представление о подлинном характере текста. Для выражения **доброта ихъ** (11b 13—14) в комментарии к Иеремии приведена греческая параллель *τὰ κατάλοιπα τῆς εἰρήνης* (25.37), которая

² В скобках приводим номера глав и стихов по изданию [Ziegler 1976].

вызывает недоумение. В действительности оказывается, что среди греческих разночтений к стиху есть вариант *καλά* (вместо *κατάλοια*), разделяемый византийскими источниками «лукиановско-го» типа, тогда как список БАН 24.4.28 вместо *нхъ* дает *мира*. Выражению *въ преддверіи вратъ храма гнѣ* (11b 45—11c 1) в оригинале соответствует *ἐν προθύροις πύλης οἴκου κυρίου τῆς καινῆς* (26.10). В комментарии по этому вопросу даются следующие разъяснения: *храма*] > гр.; *пач* *гнѣ*] > τῆς καινῆς, то есть «для *храма* нет соответствия в греческом; после *гнѣ* пропущена форма τῆς καινῆς». Первое утверждение неверно, поскольку слав. *храмъ* передает греч. οἶκος; второе сообщение верно, но бесполезно, ибо непонятно без обращения к греческому оригиналу. Еще один пример: для род. мн. *пррѣкъ* (11d 21) дана греч. параллель *ψευδοπροφῆτῶν*, по которой читатель должен понять, что перевод не вполне соответствует оригиналу. В действительности в вариантах стиха 27.9 есть нужная форма *προφῆτῶν*, характерная для «лукиановских» источников. Некоторые более объемные пропуски текста являются чертой лишь тех новгородских списков, на которые опирается рецензируемое издание. Так, пропуск части стиха 28.2 (11d 6) и целого стиха 28.5 (12a 32), отмеченный в комментарии со ссылкой на греческий оригинал, не подтверждается списком 1507 г. (БАН 24.4.28).

В тщательно составленном и лаконичном комментарии к Иову без ясных причин отмечены как неточные (упреца) такие нормальные соответствия, как *женимины* *παλλακίδων* (261d 43), *вблчненіе* *ἐλεγχίς* (263b 11). Нет причин считать неточным соответствием форму *стражда* (267b 6) «стража» при греч. *φουλάκας*. Текст ВМЧ в этой фразе действительно содержит ошибки, но для того, чтобы понять, в чем они заключаются, необходим более широкий кон-

текст. При форме *лицемѣріе* (267c 3) указано, что она не соответствует греч. *ὕλοκριταί*, но контекст, в котором с этим именем согласуется глагол *въззмоутатъ*, заставляет думать, что перед нами собирательное существительное. Представляется, что критика должна бы быть более мотивированной. Так, при форме *наложивъ* (266b 33) указано, что она не соответствует греч. *ἐλί κοίτης*. Это верно, но нетрудно заметить, что если славянский текст представить в виде *на ложи въ*, это существенно изменит его отношение к греческому оригиналу.

Однако главным недостатком критического аппарата я считаю не его сравнительно немногочисленные ошибки и неточности, которые являются почти неизбежным элементом всякой сложной текстологической работы, а его излишества. На подбор ненужных параллелей тратится много времени, они занимают много места в самом издании и в целом сильно увеличивают объем работы и замедляют ее осуществление.

Например, славянскими источниками для сравнения с книгой Иеремии в ВМЧ взяты ГБ по списку 1499 г. и Григоровичев паримийник. Выбор не объясняется, однако понять его не трудно. Текст ГБ действительно кое-что дает для понимания того, как формировались ВМЧ, тогда как паримийник должен объяснить чтения глав 1—2, которые вошли в ВМЧ и другие родственные списки из паримийника [Мострова 1995]. Однако приведенные из паримийника варианты подтверждают лишь тот известный факт, что в рукописях бывают разночтения. Ср., например: *хелкневѣ* : *холькиновѣ*, *нерѣн* : *ереа*, *анафотѣ* : *анатотѣ*, *веньаминѣ* : *веньаминовѣ*, *носна* : *нозна*, *чревѣ* : *жтробѣ*, *сын* : *сжи*, *вѣмъ* : *свѣмъ*, *нерлимъ* : *нерлимскъ*, *нудины* : *нюдовы*, *стѣны* : *страны* (ошибка в паримийнике), *господѣ* : *господеви*, *житѣ* :

животъ (ошибка в паримийнике), **злапа** : **зло**, **ошоушасл** : **осушасл**. Они ничего решительно не дают для текста ВМЧ. Но и за пределами паримийника из самой ГБ дается множество малозначащих различий, в которых отражены системные и легко предсказуемые лингвистические явления. Такими я считаю случаи **вифлеомоу** (19b 25) при **вифлеомоу** в ГБ и греч. Βηθλέμ; **отвѣщаать** (19b 41) при **отвѣщаать** ГБ; **нерлими** (15d 19) при **нерлими** в Соф. и Цар. Тщательно отмечаются хаотические орфографические колебания, не имеющие никакого значения для документов XVI в. Например, на л. 16с 40 в Усп. написано **рогозъ** при **рогозъ** в ГБ, но на л. 17b 32 Усп. дает совпадающее в ГБ написание через -о во втором слоге, однако при этом наблюдается расхождение в окончании: **рогозомъ** : **рогозмъ**. ГБ находится, конечно, ближе к ВМЧ по времени своего возникновения и сделана в той же книжной школе, но едва ли вопрос о природе книжной школы может и должен изучаться по критическому аппарату, который основан на весьма ограниченном круге источников.

Комментарий к майскому выпуску последовательно включает в себя лингвистические варианты как фонетической, так и морфологической природы, ср.: **нѣкогда** : **нѣкъгда** (79с 17), **всѣхъ** : **всихъ** (34b 42), **недѣли** : **недѣли** (72a 18), **тобѣ** : **тебѣ** (35с 27), **нокти** : **ногти** (36b 29), **выша** : **бѣша** (26b 30), **людіе** : **люди** (30a 23), **хранителе** : **хранители** (79с 9), **посредѣ** : **посреди** (31a 37), **концѣхъ** : **концехъ** (36b 37), **внидѣте** : **внидете** (36d 1), **лицемъ** : **лицьмъ** (40d 15), **мечемъ** : **мечьмъ** (41a 42), **идеже** : **идѣже** (44d 42), **дни** : **днѣ** (Gen. Sg., 33d 26), **цркви** : **цркви** (82с 19), **имени** : **именѣ** (81b 34) и т. д., и т. п.

С исключительной последовательностью в издании слов Афанасия Александрийского приведены все особенно-

сти списка собр. Погодина 968 (РНБ), по которому первое слово было издано в свое время А. Вайаном [Vaillant 1954]. Этот список второй половины XV в. обладает удивительно архаичной орфографией, но приводимые из него в большем количестве выписки уже доступны в опубликованном виде и к тому же характеризуют только этот список, а не ВМЧ. Ср.: **въпрашаемомоу** : **въпрашаемоуоуоуоу** (90d 6), **писано** : **псано** (92с 41, 93a 37) и другие подобные.

На протяжении всего тома издатели придают непомерно серьезное внимание обычным колебаниям в написании корня **видѣти**/**вѣдѣти** или **рекоста**/**рькоста**/**ркоста** (ср. *188 и др.).

Нечто подобное можно сказать о приведении греческих параллелей. Нередко это оказываются самые очевидные регулярные соответствия. Ср. **погывнѣ остатѣ**] ἀπολοῦνται οἱ κατάλοιποι (19a 19), **о зловахъ**] ἐπὶ τοῖς κακοῖς (19с 39), **прѣваго мѣца**] πρῶτον μῆνα, **перваго времени**] τὸν πρῶτον χρόνον, **и каландъ**] ὀκτὼ καλανδῶν (*135), **приде**] ἦκει, **жиды**] ἑβραῖοις с едва ли оправданной, в частности, попыткой объяснить попутно закономерности в употреблении синонимов **ноудѣи** и **жидове** (*136) и другие подобные. Иные комментарии могут породить недоумение. Так, к **воевати** (19b 13) не только приводится **воевати** Соф., Цар., но и греч. параллель πολεμεῖν. Замена первичного супина инфинитивом проходит последовательно по всем славянским текстам, греческая параллель лишь наталкивает на мысль, что издатели ВМЧ полагают, что списки Соф. и Цар. были отредактированы по греческому оригиналу или же что таково было исходное славянское чтение. Ср. еще: **житъ** (19d 8) на месте первоначального **житъ** при греч. κατοικεῖν.

Сравнение переводных славянских текстов с их оригиналами является необходимым этапом правильного про-

чтения и издания источника. Но, если приблизительно из 60 списков, в которых сохранилась, например, книга Иереми, для издания выбирается четыре, такое сравнение должно ограничиться скромной задачей объяснения состава текста и комментирования грубых ошибок перевода. Кажется, что от всего прочего можно отказаться без какого-либо ущерба для издания, здесь находится самый большой резерв экономии сил и средств, потребных для публикации.

Другой вопрос, которым должны быть озабочены издатели столь сложного сводного произведения, каким являются Четьи минеи, это источниковедение. В рассматриваемом томе есть лишь два случая эксплицитного рассмотрения вопроса об источниках, они относятся к четвертому слову Афанасия Александрийского против ариан и его же посланию о Пасхе (*124—125, *133—135). Во всех остальных случаях читатель может лишь догадываться о мотивах избрания источников. Если сам он не осведомлен о состоянии источниковой базы того или иного текста, то не может рассчитывать на помощь издателей. Рассмотрим именно с этой точки зрения некоторые включенные в настоящий выпуск тексты.

На первый день мая помещены произведения, связанные с именем Иереми. Это собственно книга пророка, приписываемые ему же книги Плач и Послание, а также книга Варуха, надписанная именем писца пророка Иереми; кроме того, в византийской традиции к этому прибавлялись небольшие биографические и библиографические статьи и заметки. Составители ВМЧ дважды привели соответствующий материал: (а) вначале они взяли все книги (Иереми, Плач, Послание и Варуха) из обычного списка толковых пророков, затем (б) обратились к ГБ и скопировали все это снова уже из нее [Мострова 2006: 109—110]. Между двумя вариан-

тами есть существенная разница. В первом из них книга Иереми дана в объеме 1.1—8, 11—17, 2.2—12, затем 25.15—45.5 и 52.4—27, 31—34 (10с 17—21d 21), во втором случае, будучи скопированной из ГБ, она содержит весь состав текста, в котором главы 1—25 (28b 14—40с 45) и 46—51 (49с 22—54а 36) восполнены переводом с латыни. Структура материала известна нам из труда А. В. Горского и К. И. Невоструева [Описание 1855]. В начале комментария перечислены источники, использованные для подведения различий, в частности издания греческого и латинского текста, но, где помещены латинские, а где греческие параллели и почему те или другие, не разъясняется. К совпадающим в двух версиях книги Иереми частям, т. е. главам 26—45 и 52 (11b 17—21d 21 и 40d 1—49с 23, 54а 37—54d 11), переведенным с греческого, славянские различия из ГБ и греческие параллели приведены дважды (*8—17 и *33—42, *46). Это почти целиком тождественный материал, и поскольку библейский текст не разделен в издании на главы и стихи и различия приведены полистно, читатель может заметить, что топчется на месте, лишь с большим напряжением внимания. При повторном помещении Сказаний, а также книг Плач и Варух различия приведены из самого Успенского сборника, т. е. на с. *46—54 повторен в другом расположении материал, уже приведенный на с. *19—24. Читателю придется немало времени провести за чтением, прежде чем он поймет, что ходит по кругу. К числу мелких неприятностей можно отнести то, что начало латинского перевода книги Иереми 1.1 (28b 14) никаким заглавием в комментариях на с. *24 не отмечено.

Среди различий, заимствованных из ГБ, иногда указываются номера глав, которые внесены в ГБ в конце XV в. из печатной Вульгаты; см., например, ука-

знание на то, что после слова **ЗЕМЛИ** (19b 29) в ГБ добавлено **глава лѣв.** Думаю, во вступительной заметке следовало бы напомнить читателю, что текст в ГБ обладает разбивкой на главы, но не приводит нумерацию глав в качестве различий. Полезней было бы, пожалуй, невзирая на избранный принцип воспроизведения средствами современной полиграфии внешнего облика рукописи, внести в издаваемый библейский текст принятую разбивку на главы и стихи.

Книга Иеремии была взята в ВМЧ в своей толковой разновидности, но редакторы ВМЧ не всегда могли выявить толкования и устранить их из библейского текста. В составе последнего осталось 40 отрывков из толкований. В комментарии они отмечены всего лишь как пропуски (омиссии) ГБ. Действительно, при редактировании ГБ эта же самая работа была произведена значительно точнее (но и там небезупречно). Непонятно, почему именно ГБ взята в качестве меры библейского текста, а не Септуагинта. Из таких указаний читатель не сделает правильного вывода о природе данных пропусков, ибо он легко может допустить, что отмеченные пассажи находятся в греческом тексте Иеремии³. Лишь в одном случае при пассаже 21a 43—21b 5 отмечено «aus dem Kommentar» (*16), а следующий далее толковый пассаж 21b 20—22 отмечен как повторение предыдущего, зато толковые пассажи 17c 1—8, 18d 1—9, 19d 26—37 остались просто не замечены. Указание на толковый пассаж 19c 9—35 в комментарии приведено с опечаткой, которая делает комментарий

непонятным; ср. и. **ОУБЪЕНОУ**] > **Сенн**, где точкой вместо многоточия обозначен пропуск 26 строк текста. Один из толковых пассажей книги Иеремии (17b 27—38) не был устранен новгородскими редакторами ГБ, так что встречается еще раз на л. 46b 9—22 (где в ВМЧ скопирован текст ГБ), вовсе не привлекающая внимания издателей.

Для сведения тех, кто будет пользоваться изданием майского тома, приводим список толковых пассажей в составе книги пророка Иеремии с указанием в скобках стиха текста, за которым данный пассаж следует: 12a 4—21 (27.22), 12b 18—40 (28.16), 13a 32—41 (30.21), 13b 4—23 (31.2), 13b 35—41 (31.6), 13c 10—21 (31.9), 13c 37—45 (31.14), 13d 4—28 (31.15), 13d 45—14a 9 (31.20), 14a 16—25 (31.22), 14a 43—14b 4 (31.30), 14d 24—32 (32.24), 14d 36—42 (32.25), 15a 28—39 (32.35), 15d 17—34 (34.10), 16a 30—16b 8 (34.22), 16b 43—16c 2 (35.12), 16c 30—37 (35.19), 17a 30—42 (36.25), 17b 27—38 и 46b 9—22 (37.2), 17c 1—8 (37.5), 17c 22—34 (37.10), 17d 32—18a 3 (38.3), 18a 22—35 (38.9), 18b 15—22 (38.18), 18c 9—21⁴ (38.28), 18d 1—9 (39.18), 19c 9—35 (42.8), 19d 26—37 (42.18), 20a 3—11 (42.22), 20a 34—20b 3 (43.7), 20b 21—38 (43.13), 20c 30—33 (44.10), 20d 12—21 (44.17), 20d 31—32 (44.18), 20d 36—40 (44.20), 21a 43—21b 5 (44.30), 21b 20—22 (45.4), 21d 21—22a 25 (52.31). Эта же картина наблюдается в тексте книги Варуха, где остались три толковых пассажа: 23b 45—23c 11 (3.28a), 23c 26—34 (3.35) и 23c 40—23d 19 (3.38).

Должно признаться, что пользоваться изданием, в котором сохраняется лишь то деление текста, какое представлено в рукописи, исключительно трудно. И дело не только в этом. По вопросу о составе библейского текста в

³ Отсутствие в этих случаях указаний на текст Септуагинты тем более странно, что при пропусках союза «и» в комментарии то и дело встречаются ссылки и на греческий текст, и на ГБ. См., например, замечания к л. 22c 41, 22d 11 и др. (*18).

⁴ Здесь оmissia в ГБ определена издателями лишь в объеме строк 9—15 (*14).

ГБ или в ВМЧ комментарий не дает никаких сведений, о наличии остатков толкований нет упоминаний в работе Мостровой [2006], между тем этот материал говорит о том, что составители ВМЧ были плохо осведомлены о смысле и характере работы создателей ГБ, трудившихся всего лишь несколькими десятилетиями раньше в том же Новгороде. Подобным образом в июньский том ВМЧ один и тот же перевод книги пророка Иезекииля включен дважды: с толкованиями и без них [Тасева 2006].

С другой стороны, при подведении разночтений к книге Иова (255d 34—270a 27) ГБ не используется, и разночтения даны лишь по Софийскому и Царскому спискам ВМЧ. Между тем Иов заимствован в ВМЧ прямо из ГБ с сохранением всех особенностей текста, включая разбивку на 42 главы. Даже такая, казалось бы, случайная особенность трех списков ВМЧ, как полторы пустые строки (в Успенском списке находится на л. 266с 16—18), заимствована из ГБ, в которой на соответствующем месте есть киноварная запись **здѣ двоу стихъ нѣтъ** (ГБ, л. 371). При сравнении с ГБ бросается в глаза, что Успенский список самый небрежный из трех копий ВМЧ.

Паралипоменон Иеремии (7d—10с) сверен с Успенским сборником [Усп. сб.]. В этом можно видеть смысл, учитывая крайне бедную рукописную традицию памятника. И все же мало что в данном случае дают такие варианты текста, как **великаго** : **великие**, **нынѣ** : **ныня**, **авимелехъ же иде** : **иде авимелехъ**, **възмогохомъ** : **могохомъ**, **смокви** : **смоковъ**, **словеси** : **словесе** и т. п. При этом, однако, в комментарии не использован неоднократно издававшийся греческий оригинал [Freydank 1973: 596]. То же можно сказать о Житии Афанасия Александрийского (79a—80с, *64—65).

Равным образом не использован греческий оригинал Слова о явлении креста

[Freydank 1973: 597], молчанием обойден древний список, вошедший в состав Успенского сборника XIII в. [Усп. сб.: л. 86г 25—90а 11]. Многие чтения ВМЧ можно было бы исправить лишь при сверке с Усп. сб. Вполне очевидно, что вместо **радоуиса славо хрѣтіанскаа** (274b 38) следует читать вместе с Усп. сб. **слово хрѣтіанскоє**; вместо **отемлемыа благостына** (274с 37) — **неотемлемыа**; вместо **что есть любви крѣтна имене или славы же крѣтаномъ** (274с 44—45) — **слаже**; вместо **исцѣленіе бл҃голъпенъ** (274d 26—27) — **бл҃голъпно**. Некоторые другие поправки нужно принять независимо от Успенского сборника, ибо не во всех случаях его чтения дают правильную форму. Например, **товою** [крестом] **во на нѣсѣхъ земніи чл҃цы точно аг҃ломъ бѣви работаят** (274с 18—20); здесь и Усп. сборник дает дательный падеж вместо нужного им. **аг҃лан**. Еще случай такого рода: **крѣтъ живоущимъ краситель право** (274d 42): последнее слово издатели Усп. сборника оценили как наречие [Усп. сб.: 659], тогда как здесь перед нами смешение редуцированного и гласного полного образования в окончании прил. **правъ**. Есть и другие случаи в тексте майского тома, не вызывающие доверия. Ср., например, **восіа во сѣтъа дни сѣго пентикостіа** (274а 44—45), **въ свѣтлыи днѣ праздника вашего** (274b 33). В первом из них ожидается **во** вместо **во**, во втором — **нашего** вместо **вашего**. В таких и подобных случаях у читателя не остается ясности в том, кем допущена ошибка — писцом ВМЧ или современным издателем, тогда как крайне желательно, чтобы в издании такого обширного и сложного произведения, как ВМЧ, все сомнительные чтения оригинала были прокомментированы. Маргиналий *sic!* в скобках при неправильных чтениях издатели пользуются только на листах оглавления, а затем забывают о ней.

Отмечу, что в этом тексте издатели сделали несколько удачных исправлений, основанных на Софийском и Царском списках. Так, **стѣна нападающа** (274d 8—9) в комментарии предлагается читать **непадающа** в согласии с Соф. и Цар.; во фразе **крѣтъ воинъ погоубленіе діаволу** (274d 21—22) предлагается чтение **воинну** «всегда», поскольку оно встречается на соседнем листе рукописи (лучше было бы, впрочем, предложить форму **въ иноу** согласно принятому в издании правилу раздельного написания предлогов в предложно-именных сочетаниях).

Во фразе **крѣтъ хранитель градѣ нековъ инному** (вм. **нековъно**) и **неиспрометно** (274d 18) пропущено существительное **оружіе**, с которым согласованы эпитеты, что оставлено без комментария. Об этом же предмете сообщается: **крѣтъ воѣ оружіе крѣпко и не страшно противными** (274d 15—17), и здесь издатели без ссылки на источники предлагают убрать отрицание, не обратив внимания на необходимость исправления также творительного падежа на дательный. Во фразе **спсеное древо... въ стѣнѣ мѣстѣ съкровень** (274a 34) на основе чтения Соф. и Цар. последнее слово предлагается читать как **сокровена** (*183), тогда как следует **съкровено**. Именно так читается в Успенском сборнике (л. 87а 10).

Статья, надписанная именем Полихрония (270b 15 сл.), которой заключается книга Иова, сопровождается лишь разночтениями из Софийского и Царского списков (*181). Между тем она входит в ГБ и в недавнее время дважды издавалась по разным другим спискам, указан ее греческий оригинал в «Амфилохиях» патриарха Фотия [Гордеева 1999, Алексеев 2004]. Сравнение с этими публикациями позволяет объяснить два темных места в тексте ВМЧ: **ѳѳ коравліе** (270b 34) следует читать как **ѳѳе коравное** (или **коравльное**) «корабельный канат», **на роукоу** (270b 37) понимать как **нарока** «межа».

Обширным объемом отличается критический аппарат к Словам Афанасия Александрийского (80d—157b), для первого слова взяты материалы издания Андре Вайана [Vaillant 1954], которые, вероятно, и обусловили размер комментариев (*66—141). Многие в них посвящено вопросу о соотношении греческого оригинала и славянского перевода, что, как говорилось выше, не может быть рассмотрено убедительно на основе списка XVI века. Впрочем, в этом разделе отмечены все вплоть до мельчайших ошибки текста, что дает читателям гарантию точности его воспроизведения.

Более кратким и удобным является аппарат Деяний ап. Иоанна (278a—300a), где сверка произведена лишь с греческим оригиналом [Zahn 1880]. Однако печальной особенностью этого увлекательного текста является то, что значительная его часть не прошла ни редактуры, ни корректуры и пестрит грубыми ошибками. Приведем лишь некоторые из них, для которых не нужно ни греческого оригинала, ни славянских параллелей. Ср.: 280a 32 **отгнан** — **отгна и**; 280b 4 **отвѣща ими** — **отвѣщан ми**; 280b 20 **окоупли ею** — **о коупли ею**; 280b 23 **же на си** — **жена си**⁵.

Добавлю попутно, что такие ошибки встречаются и на других страницах издания. Ср., в частности, **и ѿ** вместо **иѿ** (название буквв иод) (24d 35), **послылаа** вместо **посылаа** (66b 37), **изыде свои** вместо **изыде с вои** (159b 9), **отшел бѣ свои** вместо **отшел бѣ с вои** (159c 1), **ш бладанъ** вместо **шбладанъ** (219b 39), **изъ има** вместо **изъима** (220c 44), **же**

⁵ Во втором выпуске майского тома (дни 2—23), который появился из печати в конце 2009 г., издатель проф. Вайер дает заверение, что в третьем выпуске будет опубликован список опечаток. Это освобождает меня от необходимости полного приведения соответствующих поправок в настоящей рецензии.

навидѣвши вместо **жена видѣвши** (221a 23) и проч. Такие случаи порождают сомнения в достоверности многих других пассажей издания. Использование греческого оригинала позволяет предложить исправления для некоторых мест в Деяниях ап. Иоанна. Например, 280a 34 **много глѡ** — **много глѡуть** (πολλὰ λέγουσιν); 286b 29 **сътвори въ мѧ** — **сътвори въ мѧ** (ἐνήργησεν εἰς ἐμέ).

Как известно, документы, относящиеся к апостолу Иоанну, помещены в ВМЧ также под 26 сентября [Прохоров, Рождественская 1987] и, следовательно, увидели свет в старом издании сентябрьского тома Археологической комиссии [ВМЧ сент. (3)]. Из этого старого издания обильно приведены разночтения для трех похвальных слов апостолу (305b 12—311d, *195—203), но не использованы разночтения для Деяний. Между тем сентябрьская разновидность Деяний не лишена интереса с точки зрения истории сложения ВМЧ. Текст Деяний подвергся там весьма решительной редактуре, осуществленной при самом составлении ВМЧ. Это видно из того, что она произведена только в Успенском списке и лишь незначительно затронула Софийский и Царский, которые находятся гораздо ближе к версии майского тома, чем к Успенской версии 26 сентября. При том интересе к процессу создания ВМЧ, о котором заявлено издателями⁶, сравнение двух версий Деяний дало бы много для понимания сути дела. Кроме того, сентябрьская версия помогает понять неко-

торые темные места майской. Например, невразумительное чтение 286a 24 **сынове три и питна** с греческой параллелью τρεῖς υἱοὶ ῥήτορες [Zahn 1880: 57.11] вполне разъясняется сентябрьским чтением **сынове три вѣтѣа** [ВМЧ сент. (3): 1611], но при этом возникает сомнение в том, правильно ли издатели майского текста прочли и воспроизвели чтение своих рукописных источников.

По поводу другого места комментарий сообщает (*188), что в греческом нет соответствия для слов **вѣси оумрета жали вѣси, ни приносимы вѣдъ страхъ естъ на** (283c 28—30). Между тем в сентябрьском томе Соф. и Цар. списки содержат тоже не совсем ясную, но все-таки более внятную фразу: **вѣ ни телестѣма оубо оумрети жали ви си, ни приносимыхъ вѣдъ страхъ естъ нама** [ВМЧ сент. (3): 1601, примеч. 8]. Эта форма текста уже явно соответствует тому, что читается в греческом: ἡμεῖς οὐτε χρημάτων ἀποτιοῦμεθα οὐτε σωμάτων. τὸ ἀποθανεῖν καὶ τὸ ἀπολέσαι τὰ χρήματα ἡμεῖς ἐδιδάχθημεν [Zahn 1880: 41.7—8], т. е. «мы не жалеем ни о благах, ни о телах; нас научили, что умереть и погибнуть есть благо».

В оригинальной части этого тома привлекает внимание цикл повествований о Пафнутии Боровском, в составе которого впервые публикуется особая разновидность жития этого святого, вошедшая в майский том ВМЧ и имеющая, как считается, определенные отличия от отдельной редакции [Лурье 1988; Шульгина 2006: 376]. Память преподобного Пафнутия по Софийскому списку издана недавно Н. В. Савельевой [Библиотека 2003: 232—235, 571—572]. При сравнении с рецензируемым томом выявляется важное разночтение, ибо во фразе **исцѣлениа неоскоудно по-даваетъ приходящимъ с вѣрою** (цитируется по [Библиотека 2003]) причастие **приходящимъ** в майском томе ВМЧ опущено (69d 41—42), а комментарий

⁶ «Для нас (...) важно не только опубликовать тексты рукописи Усп., но представить последнюю как памятник русской письменности и культуры XVI в., а также облегчить дальнейшее исследование соотношений между Усп., Соф. и Цар. и, прежде всего, способа работы над этим компендиумом митрополита Макария и его помощников» [Weiber 2007a: XXXVI—XXXVII].

не указывает на его наличие в Софийском списке (*56).

Я коснулся лишь немногих текстов, вошедших в рецензируемый том, и, конечно, довольно поверхностно, но все же это позволяет сделать некоторые выводы.

Точность воспроизведения текста, за немногими досадными исключениями, в майском томе ВМЧ выше, чем в старом издании Археографической комиссии, равным образом и количество приведенных параллелей из славянских рукописей и текстов, послуживших оригиналами при переводе, значительно больше. При этом, однако, у читателя во многих случаях нет уверенности в том, что те или иные чтения являются особенностью рукописного источника, а не внесены в издание в силу разных случайных обстоятельств на разных этапах обработки рукописного источника. Механизм верификации сомнительных чтений еще не закреплен в какой-то строгой процедуре и не проводится с должной последовательностью и простотой. Внимание, которое уделяется в издании палеографической и кодикологической стороне дела (в частности, лигатурам, инициалам), едва ли соответствует главной цели этого издания, а она, по моему пониманию современного состояния славистики, заключается в источниковедении. Можно сказать, что в этом издании господствует принцип воспроизведения буквенного состава текста, включая в это число инициалы и лигатуры, тогда как в старом издании Археографической комиссии ставилась задача воспроизведения содержания текста.

Думаю, что немалая часть критического аппарата может быть устранена без серьезных потерь для целого, но зато со значительным выигрышем времени, сил и финансовых расходов. Критический аппарат не может быть совершенно тождественным для разных произведений, вошедших на правах со-

ставляющих элементов в столь обширную компиляцию, какой являются ВМЧ, но в каждом отдельном случае принципы его создания должны быть напрямую обусловлены историческими особенностями каждого отдельно взятого текста. Поэтому библиографические заметки о текстах вроде тех, что сопровождают издание слов Афанасия Александрийского, должны быть непременной частью всякого отдельного комментария. Четкое соотнесение критического аппарата отдельного текста, вошедшего в ВМЧ, с его происхождением, его историей и задачами его дальнейшего изучения должно быть главной целью того научного исследования, которое осуществляется сегодня большим коллективом в ходе издания ВМЧ.

Вероятно, нужно снова и еще раз обдумать и сформулировать принципы и задачи научного комментирования издаваемых текстов. Разумно было бы стремиться к экономии сил, чтобы в скорейшие сроки издать как можно больший объем текста ВМЧ. Нельзя оставлять усилий придать работе международный характер путем привлечения на основе партнерства специалистов и институты из других славянских стран и прежде всего России. Героическая борьба немецкой славистики за научное спасение славянского и славяно-византийского письменного наследия заслуживает высокой оценки, благодарности и всемерной поддержки.

Л и т е р а т у р а

Алексеев 2004 — А. А. Алексеев. Грамматическая статья патриарха Фотия в славянском переводе // Тр. Отд. древнерус. лит. 2004. Т. 55. С. 374—378.

Алексеев, Лихачева 1978 — А. А. Алексеев, О. П. Лихачева. Супрасльский сборник 1507 г. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой

- книги [Библиотеки АН СССР]. Л., 1978. С. 54—88.
- Афиногенов 2006 — Д. Е. Афиногенов. Новгородское переводное четье-минейное собрание: происхождение, состав, греческий оригинал // Maier, Weiher 2006. С. 261—283.
- Библиотека 2003 — Библиотека литературы Древней Руси. Т. 12: XVI век. СПб., 2003.
- ВМЧ сент. (3) — Великие Миней Четии, собранные Всерос. митрополитом Макарием. Изд. Археографической комиссией. Сентябрь, дни 25—30. СПб., 1883.
- Гордеева 1999 — Е. Н. Гордеева. Македонский листок — источник Пролога Иоанна экзарха Болгарского // *Byzantinoslavica*. 1999. Т. 60. S. 539—556.
- Дианова 2000 — Т. В. Дианова. Исследование бумаги и бумажных водяных знаков мартовского тома Софийского комплекта Великих миней четых митрополита Макария // Voss, Warkentin, Weiher 2000. S. 1—11.
- Дробленкова 1988 — Н. Ф. Дробленкова. Великие миней четья // *Словарь книжников и книжности древней Руси*. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 126—133.
- Кобяк 2000 — Н. А. Кобяк. К вопросу об издании Великих миней четых Императорской археографической комиссией // Voss, Warkentin, Weiher 2000. S. 77—97.
- Костюхина 2000 — Л. М. Костюхина. Русские писцы в книжной мастерской митрополита Макария (по Успенскому списку Великих миней четых) // Voss, Warkentin, Weiher 2000. S. 21—37.
- Лурье 1988 — Я. С. Лурье. Вассиан Санин // *Словарь книжников и книжности древней Руси*. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 125—126.
- Мострова 1995 — Т. Мострова. Старобългарският превод на книгата на пророк Иеремия по преписи от XIV—XVI век // *Старобългаристика*. 1995. Т. 19. С. 9—26.
- Мострова 2006 — Т. Мострова. О структурных особенностях книги пророка Иеремии в составе Великих миней четых митрополита Макария // Maier, Weiher 2006. S. 109—136.
- Описание 1855 — А. В. Горский, К. И. Невострев. Описание славянских рукописей московской синодальной библиотеки. Отд. I. М., 1855.
- Плигузов 2000 — А. И. Плигузов. Предисловия к Великим минеям четым митрополита Макария: поиски жанра // Voss, Warkentin, Weiher 2000. S. 107—120.
- Прохоров, Рождественская 1987 — Г. М. Прохоров, М. В. Рождественская. Апокрифы о Иоанне Богослове // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 1. Л., 1987. С. 59—61.
- Тасева 2006 — Л. Тасева. Книга пророка Иезекииля в составе Великих миней четых митрополита Макария // Maier, Weiher 2006. S. 199—221.
- Турилов 2001 — А. А. Турилов. [Рец. на Weiher 1997, 1998] // *Славяноведение*. 2001. № 2. С. 90—92.
- Усп. сб. — Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подг. О. А. Князевская и др. М., 1971.
- Шульгина 2000 — Э. В. Шульгина. Сравнительный анализ состава мартовских томов Чудовской и Макарьевской (по Успенскому списку) Миней четых // Voss, Warkentin, Weiher 2000. S. 121—138.
- Шульгина 2006 — Э. В. Шульгина. Предварительный анализ состава майских томов Чудовской и Макарьевской (по Успенскому списку) Миней четых // Maier, Weiher 2006. S. 359—379.
- Daiber 2000 — Th. Daiber. Bemerkungen zu Bestand und Anordnung der Texte in März-Band der 'Grossen Lesemenäen' // Voss, Warkentin, Weiher 2000. S. 43—75.
- Freydank 1973 — D. Freydank. Verzeichnis griechischer Paralleltexzte zum Успенский сборник // *Zeitschrift für Slawistik*. 1973. Bd. 18. S. 695—704.
- Maier, Weiher 2006 — *Abhandlungen zu den Grossen Lesemenäen des Metropoliten Makarij. Kodikologische, miszellenologische und textologische Untersuchungen*. Bd. 2 / Hrg. von E. Maier, E. Weiher. Freiburg i. Br., 2006.

Vaillant 1954 — A. Vaillant. Discours contre les ariens de Saint Athanase. Sofia, 1954.

Voss, Warkentin, Weiher 2000 — Abhandlungen zu den Grossen Lesemenäen des Metropoliten Makarij. Kodikologische, miszellanologische und textologische Untersuchungen. Bd. 1 / Hrsg. von Ch. Voss, H. Warkentin, E. Weiher. Freiburg i. Br., 2000.

Weiher 1997 — Die Grossen Lesemenäen des Metropoliten Makarij. Uspenskij Spisok. 1.—11. März / Hrsg. von E. Weiher u. a. Freiburg i. Br., 1997.

Weiher 1998 — Die Grossen Lesemenäen des Metropoliten Makarij. Uspenskij Spisok. 12.—25. März / Hrsg. von E. Weiher u. a. Freiburg i. Br., 1998.

Weiher 2001 — Die Grossen Lesemenäen des Metropoliten Makarij. Uspenskij Spisok.

26.—31. März / Hrsg. von E. Weiher u. a. Freiburg i. Br., 2001.

Weiher 2007a — Die Grossen Lesemenäen des Metropoliten Makarij. Uspenskij Spisok. 1.—8. Mai / Hrsg. von E. Weiher u. a. Freiburg i. Br., 2007.

Weiher 2007b — Die grossen Lesemenäen des Metropoliten Makarij. Uspenskij Spisok. 1.—8. Mai. Kritischer Apparat / Hrsg. von E. Weiher u. a. Freiburg i. Br., 2007.

Zahn 1880 — Th. Zahn. Acta Johannis. Erlangen, 1880.

Ziegler 1976 — Jeremias. Baruch. Threni. Epistula Jeremiae / Ed. J. Ziegler. 2. Auf. Göttingen, 1976.

A. A. Алексеев

***Протоиерей Георгий Крылов. Книжная справа XVII века. Богослужебные Минеи.* — М.: Индрик, 2009. — 496 с.**

Рецензируемая книга излагает результаты исследования в области весьма актуальной для истории церковнославянского языка (равно как и русского литературного языка), но в последние годы (после работ В. Г. Сиромахи и Б. А. Успенского [Сиромаха 1979; 1999; Сиромаха, Успенский 1987; Успенский 2002: 433—471]) явно недостаточно разрабатываемой; речь идет об истории книжной справа XVII в. Автор обследовал обширный массив кавычных книг и правленных рукописей месячных миней, хранящихся в РГАДА (в фондах Синодальной типографии), и восстановил все этапы литургической и отчасти языковой истории текста этого важнейшего богослужебного памятника, начиная от изданий 1620-х гг., печатавшихся при патриархе Филарете, и до последних подвергшихся справа изданий 1690-х гг., отразивших последний этап «никоновской и послениконовской» справа (при патриархе Адриане систематическая справа богослужебных

книг прекращается); в книге описана также судьба общих и праздничных миней. Малоизвестность изученного материала (многие книги и рукописи автор первым вводит в научный оборот) и его важность как завершительного этапа справа, с наибольшей полнотой раскрывшего ее принципы, цели и противоречия, делают данную монографию незаменимым пособием для историков-литургистов и историков языка XVII в.

Книга начинается разделом «Семиотика и культурология литургической реформы XVII в.», который представляется наименее удачным в составе рецензируемого труда. Автор рассматривает так называемые никоновские реформы как едва ли не главную катастрофу в истории русской духовности, связанную с радикальной сменой мировосприятия. Сама по себе такая точка зрения имеет определенные основания, хотя ее безоглядный радикализм нуждается в серьезной коррекции. Прискорбное впечатление оставляет то, как

протоиерей Георгий реконструирует произошедшую в XVII в. революцию. Составляя странный меланж из различных высказываний Б. А. Успенского, А. Ф. Лосева, о. Иоанна Мейендорфа, Ю. М. Лотмана, С. С. Аверинцева, Д. С. Лихачева, М. Н. Громова и др., автор утверждает, что случившийся перелом был падением из мира средневекового православного благочестия, основанного на истинно религиозных принципах, в мир «гуманизма» и «ренессанса», лишенный «сакрально-мистической» основы и пронизанный западной секуляризацией (с. 34—50). Автор полагает, что литургическая реформа патриарха Никона «практически подвела черту под Святой Русью» (с. 50), а характеризуя этот потерянный золотой век, реликты которого сохраняются в «народном благочестии» и у старообрядцев, говорит о том, что «решающую роль в формировании мировоззрения средневекового русского христианина, которое в XVII в. вступило в конфликт с импортируемым гуманизмом», сыграл исихазм. Исследователю, хоть сколько-то знакомому с исихастской литературой, должно быть совершенно очевидно, что у старообрядческих авторов (будь то Аввакум, диакон Федор или Никита Пустосвят) невозможно найти даже затертых следов исихастской традиции, рецепция которой в средневековой Руси (вопреки неосновательным соображениям Д. С. Лихачева) была вообще крайне ограниченной. Мифологизируя дониконовскую Русь, автор игнорирует реформистский характер деятельности боголюбцев (о котором подробно писали и П. Паскаль, и С. А. Зеньковский [Паскаль 1938; Зеньковский 1970]), предшествовавшей никоновской «революции» и находящейся с нею в весьма сложных и противоречивых отношениях (достаточно вспомнить проблему единогласия). Не вдаваясь в детальную полемику с историко-

церковными построениями автора, не могу не заметить, что столь явное пристрастие протоиерея Георгия к противникам той деятельности, которую он изучает, не может способствовать ее адекватной оценке: исследование порою превращается в обвинительный вердикт (в особенности в отношении Евфимия Чудовского, который, не напоминая, возможно, древнерусского аскета, все же никак не похож на оголтелого секуляризатора).

К счастью, основная часть монографии существенно лучшего качества. Первая глава «Книжная справа богослужебных миней в XVII в.», занимающая более половины книги, начинается кратким общим обзором книжной справы на Руси. Затем даются сведения о справщиках Московского печатного двора, работавших над минеями во второй половине XVII столетия, а после этого приводятся результаты почерковедческого анализа, позволяющего определить, кому принадлежит справа отдельных фрагментов миней и, поскольку их исправление было большим коллективным предприятием, какие напластования вскрываются при анализе рукописного материала. Затем идет описание всех изданий миней в XVII в. с указанием их соотношения и тех изменений, которые вносились при переиздании. Автор систематизирует те сведения, которые имеются о минейных изданиях первой половины XVII в. и минее за сентябрь—ноябрь 1666 г., и затем приступает к подробному изложению истории миней в издании 1690—1691 и 1692—1693 гг. (предшествующая часть важна для этого описания, поскольку при подготовке использовались кавычные книги, т. е. прежние издания, исправленные справщиками). Автор восстанавливает работу комиссии, которой была поручена справа миней, распределение работы справщиков (здесь существенным моментом было

создание рукописных списков кавычных книг, которые затем вновь правились; это среди прочего обуславливало многослойность справки). Разбираются также примеры справки, произведенной Евфимием Чудовским и затем отмененной (с. 192; прежде всего *Премудрость > Мудрость*). Богатство материала сочетается здесь с осторожностью в интерпретациях.

Пожалуй, вызывает недоумение лишь замечание об аористе. Автор пишет: «Обновленческие тенденции справки определили последовательную нелюбовь справщиков к аористу как к устаревшей и неупотребительной форме (нелюбовь не только справщиков, но и их начальства — духовных властей, так как подобные глобальные исправления могли быть произведены только с их разрешения)» (с. 182, примеч. 535). Очевидно, что ни о какой «нелюбви» к аористу не может быть речи и упрек в «обновленчестве» бессмысленно тенденциозен; автору все же не хватает лингвистической образованности. Правится не аорист вообще, а аорист 2 л. ед. ч. (а, например, аорист 3 л. мн. ч. никто не правит, и на него эта воображаемая «нелюбовь» никониан никак не распространяется), и мотивировка этих исправлений прозрачна: справщики избавляются от омонимии форм 2 и 3 л. ед. ч., которую они, ориентируясь на греческую грамматическую модель, воспринимают как аномалию. И эти мотивы, и те семантические несуразности, к которым такие исправления могли приводить, известны и описаны (в частности, Б. А. Успенским и мною: [Живов, Успенский 1986]). Философические выкладки о значении времен и об их сакральности или профанности кажутся в этом контексте неуместными (в частности, и те псевдофилософические построения, в которые пускалась С. Матхаузерова, рассуждая о временах «бытия» и «предбытия» [Матхаузерова 1976]; про-

тоиерей Георгий цитирует эти неразумные обобщения). Конечно, противники справки (а ранее противники преп. Максима Грека) в своих полемических выпадах говорили о «всегдашнем» времени и времени «преходящем», и мы с Б. А. Успенским цитировали и разбирали эти высказывания. Протоиерей Георгий воспроизводит наши цитаты (с. 182), но вырывает их из их полемического контекста, придавая им как бы «объективное» значение. Такого значения они, конечно, не имели, никаким собственно лингвистическим содержанием не обладали и никакого традиционного восприятия глагольных форм не отражали (само существование такого восприятия вне полемики крайне сомнительно). Поэтому лингвистически абсурдным кажется сделанный автором далее вывод: «И самое главное — справщики сознательно разрушали средневековую славянскую систему сакрализованных форм (аорист употреблялся всегда в отношении к Богу, так как выражал действие без отношения к границе во времени, то есть идею вечности)» (с. 248). Может показаться, что автор никогда не читал летописей и житий, в которых аорист употребляется в отношении кого угодно и никакой идеи вечности не выражает, да и из гимнографии можно вспоминать без конца, хотя бы канон Рождеству Христову: пастухи «получиша» и «рекоша», а Ирод «испыта» лето звезды. Таким образом, кривое построение культурной истории справки, о котором мы говорили выше, оборачивается и бессмысленными лингвистическими утверждениями, а следовательно, ошибочной трактовкой описываемых параметров справки.

Следующая часть первой главы посвящена трактату Евфимия Чудовского «О исправлении в прежде печатных книгах Минеях...». Описаны три существующие рукописи трактата, и установлено их соотношение. Автор под-

робно обсуждает обстоятельства написания трактата (когда Евфимий был отстранен от sprawy и защищал свои филологические принципы) и те источники, с которыми работал Евфимий; это позволяет весьма убедительно датировать трактат июлем—августом 1690 г. Много полезной информации можно найти в обсуждении отдельных примеров евфимиевской sprawy и объяснений, которые грекофильствующий книжник дает своим действиям. Некоторые утверждения и здесь шокируют, например: «[Ч]аще всего некорректность (да и прямые ошибки) древнеславянских переводчиков, как это ни парадоксально, не влекли за собой изменения общего смысла песнопения — такова особенность богодухновенного перевода» (с. 242). Я бы с большей осторожностью прилагал данный эпитет к неизвестным нам болгарским книжникам X в. и почаще перечитывал бы те древнеславянские переводы, где ошибки совсем не парадоксальным образом ведут к искажению смысла или как минимум делают текст невразумительным (хорошую подборку можно найти у В. И. Ягича [Ягич 1886]).

Иногда автор не описывает (критически) филологические приемы Евфимия, а вступает с ним в полемику, например утверждая, что предложенный Евфимием перевод βασι λεια как ‘царство’ вместо традиционного ‘царь’ (в отношении Вифлеема) столь же неточен (с. 252); лучше было бы объяснить грамматические мотивы Евфимия, полагавшего, что для неодушевленного существительного лучшим сравнением является неодушевленное же существительное.

Последняя часть первой главы посвящена общим и праздничным минеям. Весьма тщательно перечислены их издания, отмечено, как они соотносятся друг с другом и как их текст согласуется с текстом месячных миней.

Во второй главе «Источники книжной sprawy богослужебных миней XVII в.» рассмотрено, какими материалами мы располагаем (печатные и рукописные корректурные экземпляры) и как они позволяют восстановить процесс sprawy. Интересно утверждение автора о том, что при подготовке к печати миней в 1620-е гг. «справщики пользовались (и весьма активно) греческими источниками» (с. 290); доказательств, к сожалению, не приводится, при том что подобный факт мог бы внести значимые дополнения в наши представления о деятельности Дионисия Зобниновского и его соратников (ср. [Якше 1984—1985]). С особой подробностью, как и в предшествующей главе, автор разбирает справу 1680-х гг., выделяя в ней три этапа. По почеркам установлено, кто и когда правил отдельные части, как одна правка накладывалась на другую, как, что особенно интересно, отменялись некоторые решения, предложенные Евфимием Чудовским.

Привлекает внимание наблюдение, согласно которому ссылки справщиков на источники (обосновывающие то или иное филологическое исправление) «часто имеют декларативный характер». Автор утверждает: «Часто, сначала исправляя грамматику или лексику по общим филологическим принципам sprawy, справщики “де-факто” искали подтверждение правленной форме в источниках, подтасовывая доказательства истинности исправленного (...) это подтверждает “иезуитский” характер мировоззрения и принципы творцов sprawy (цель оправдывает средства» (с. 331). Моральные инвективы, впрочем, кажутся без надобности резкими и в целом неосновательными: ссылки делались для внутреннего употребления и, возможно, для патриарха, и адресат явно принимал и принципы sprawy, и типичные для нее исправления, так что

особой надобности в «иезуитском» обмане никак не видно. Вряд ли эти ссылки должны были доказывать «правильность исправлений воображаемым оппонентам» (там же): если под оппонентами имеются в виду старообрядцы, диалог с ними, по крайней мере после 1682 г., велся с помощью костра и топора, а не текстологических рассуждений (ср. размышления автора на эту тему на с. 164—165).

Не кажется обоснованным утверждение автора, согласно которому «система рабочих правил» справщиков сходна с принципами, которым следовал Авраамий Фирсов, создавая свою Псалтирь на «обыклом словенском языке»; Фирсов перекладывает Псалтирь на гибридный церковнославянский язык, выборочно заменяя аорист и имперфект разных чисел и лиц *л*-формами (которые оказываются основной формой прошедшего времени), а согласованные краткие причастия — несогласованными [Целунова 2006: 67—78; Живов 1996: 56]; только совсем не понимая этого лингвистического механизма, можно найти какие-либо аналоги этой работе в справе церковнославянского текста, избегающей любых элементов гибридности.

Третья глава «Детальный анализ книжной справы 1680-х годов на примере некоторых служб Минеи-июль» имеет дело с изменениями, сделанными в службах июля месяца. Июльская минея выбрана неслучайно, для нее сохранилось два корректурных экземпляра, печатный и рукописный. Автор идентифицирует всех справщиков, участвовавших в создании каждого из экземпляров. Печатную корректуру производили Никифор Симеонов и Флор Герасимов, первую рукописную корректуру — игумен Сергей, Евфимий Чудовский и писец Дмитрий Федоров, последнюю — игумен Сергей. Для многих служб июля автор описывает перемены в составе службы и ее стату-

се, и эта историко-литургическая работа выполнена, насколько я могу судить, весьма тщательно. Оценка, как и в других случаях, отличается радикализмом: справа — «попытка усреднить русское средневековое благочестие и церковную жизнь» (с. 391).

Филологическую справу автор описывает выборочно — «не всю (...) а только самую характерную» (с. 375), в отдельных случаях ограничиваясь словами, что «справа характерная и неинтересная» (с. 401). Но и это описание, без надобности краткое, оставляет ряд вопросов. Скажем, в ряде случаев для отдельных фрагментов служб указывается «аорист → перфект», и это, конечно, относится к замене форм 2 л. ед. ч. аориста на перфект; в других фрагментах такое указание отсутствует и остается неясным, почему там нет подобных исправлений: в силу того, что форм аориста не было в исходном тексте, или по благодушию справщиков. Равным образом непонятно, когда указывается наличие исправления *облистая* → *облистаючи* (с. 395, примеч. 1313), относится ли это причастие к субъекту м. или ж. рода и, соответственно, заменяется ли «неправильная» форма на «правильную» или наоборот. В таких случаях сказывается, видимо, недостаток профессионализма автора.

Заключая, можно сказать, что нельзя не приветствовать обращение протоиерея Георгия Крылова к исследуемой им теме, она важна, исключительно интересна и существенно недоразработана. Большая описательная работа, проведенная автором, хотя и не совсем свободна от недостатков, заслуживает всяческих похвал; впрочем, изложение могло бы быть лучше организованным; многочисленные подстрочные примечания (числом 1351), иногда представляющие собой целые экскурсы, затрудняют чтение рецензируемого труда. Куда более сомнительны авторские

интерпретации, вносящие в филологическое и историко-литургическое исследование ненужное апокалиптическое возбуждение. Чем более общий характер они имеют, тем больше они вызывают вопросов. В них просматриваются элементы отдельной «клерикальной науки», что не может быть полезно ни для науки, ни для церкви.

Литература

- Живов 1996 — В. М. Живов. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
- Живов, Успенский 1986 — В. М. Живов, Б. А. Успенский. Grammatica sub specie theologiae. Претеритные формы глагола *быти* в русском языковом сознании XVI—XVIII веков // Russian Linguistics. 1986. № 10. С. 259—279. Перепечатано в кн.: Б. А. Успенский. Избранные труды. Т. 3. М., 1997. С. 363—388.
- Зеньковский 1970 — С. А. Зеньковский. Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. München, 1970. (Forum Slavicum; Bd. 21.)
- Матхаузорова 1976 — С. Матхаузорова. Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1976.
- Паскаль 1938 — P. Pascal. Avvakum et les débuts du Raskol. La crise religieuse au XVII siècle en Russie. Paris, 1938.
- Сиромаха 1979 — В. Г. Сиромаха. Языковые представления книжников Московской Руси второй половины XVII в. и грамматика М. Смотрицкого // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 1979. № 1. С. 3—14.
- Сиромаха 1999 — В. Г. Сиромаха. Книжные справщики Печатного двора 2-й половины XVII в. // Старообрядчество в России (XVII—XX вв.) / Отв. ред. и сост. Е. М. Юхименко. М., 1999. С. 15—44.
- Сиромаха, Успенский 1987 — В. Г. Сиромаха, Б. А. Успенский. Кавычные книги 50-х годов XVII-го века // Археографический ежегодник за 1986 г. М., 1987. С. 75—84.
- Успенский 2002 — Б. А. Успенский. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). 3-е изд. М., 2002.
- Целунова 2006 — Псалтырь 1683 г. в переводе Авраамия Фирсова: Текст, словоуказатель, исследование / Предисл., исслед., подгот. текста и сост. словоуказат. Е. А. Целуновой. М., 2006.
- Ягич 1886 — И. В. Ягич. Служебные Минии за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по рукописям Московской Синодальной Типографии 1095—1097 гг. Труд орд. акад. И. В. Ягича. СПб., 1886. (Памятники древнерусского языка; Т. 1).
- Якше 1984—1985 — H. Jaksche. Arsenij Gluchoj — ein russischer «Philologe» des 17. Jahrhunderts // Anzeiger für slavische Philologie. Bd. 15/16 (1984/1985). S. 31—75.

В. М. Живов

ОБЗОРЫ

**Т. В. Рождественская. Язык и письменность
средневекового Новгорода:
Богослужебные надписи и берестяные грамоты XI—XV вв.:
Учеб. пособие. — СПб.: Факультет филологии
и искусств СПбГУ, 2008. — 136 с.**

Эта книга, конечно, может служить учебным пособием, однако ее ценность явно не сводится к чисто дидактической функции. В книге содержится новый, в первый раз вводимый в научный оборот лингвистический материал и новые интерпретации, весьма ценные для построения кириллической палеографии. Пособие, предназначенное для спецкурса «Язык и письменность средневекового Новгорода», распадается на четыре раздела или главы. Новый материал и оригинальные наблюдения содержатся прежде всего в двух первых разделах, посвященных новгородским граффити; два последних раздела, в которых рассматриваются берестяные грамоты и Новгородский кодекс (церы), являются скорее весьма полезным изложением той совокупности сведений, которая доступна в современной исторической русистике.

В кратком введении обсуждается значение таких источников, как «монументальные надписи храмовых росписей и неофициальные литургические надписи-граффити» для изучения церковнославянской языковой культуры. Автор справедливо отмечает характерность церковных граффити «для всей средневековой культуры византийского круга», хотя, как мне представляется, противопоставленность этого явления культуре западноевропейского средневекового мира нуждается в оговорках: можно указать хотя бы на многочис-

ленные славянские надписи в Сандзено в Вероне.

Затем следует первый (и самый обширный) раздел «Надписи на фресках: Тексты. Комментарий». Здесь публикуются надписи из Софийского собора, Собора Рождества Богородицы Антониева монастыря, Георгиевского собора Юрьево монастыря, Николо-Дворищенского собора, церкви Спаса Преображения на Нередице и церкви св. Георгия в Старой Ладого. Ряд из этих надписей публикуется впервые, остальные заново проанализированы, и в некоторых случаях это ведет к существенным поправкам в прежних прочтениях. Все публикуемые надписи снабжены очень ценным палеографическим комментарием (стоит особо отметить важный вывод о том, что декоративность графических форм в надписях на фресках может обуславливать их консервативность — с. 34), необходимыми замечками о встречающихся в надписях формах, особенно в тех случаях, когда они отражают древненовгородский диалект, переводом и идентификацией текста (в случае библейских и богослужебных цитат). Я бы, впрочем, был несколько осторожнее в трактовке написаний с ерами по обеим сторонам плавного в рефлексам *СъгС (типа *Ѹгъьрьди*) как отражений севернорусского второго полногласия (с. 60, 67), поскольку такие написания встречаются и в ранних южнорусских рукописях. Особенно подробно разбирается ктиторская

надпись из церкви Спаса Преображения на Нередице; она заново прочитана по сохранившемуся негативу фотографии и убедительно датирована концом XII — началом XIII в. (с. 42—57).

Во втором разделе разбираются богослужебные надписи-граффити из церкви Спаса Преображения на Нередице, Федора Стратилата на Ручью, Успения на Волотовом поле, св. Климента в Старой Ладоге. И здесь палеографический анализ сочетается с заметками о языке и литургическим комментарием. Автор справедливо пишет о том, что надписи существуют в едином литургическом пространстве храма и включены в порядок богослужебного действия. В этом же разделе говорится о глаголических надписях и высказываются интересные соображения о функционировании глаголицы.

В третьем разделе приводятся 16 берестяных грамот с богослужебными и заговорными текстами. В прочтении и лингвистическом анализе автор в основном следует анализу А. А. Зализняка, в литургических комментариях — соображениям А. Е. Мусина, не всегда бесспорным (ср. о расшифровке «неясных указаний типика» — с. 103). В последнем очень кратком разделе сообщаются

основные сведения о Новгородском кодексе (деревянном триптихе) начала XI в., древнейшем точно датированном славянском книжном (церковном) тексте, и приводится текст 75-го псалма.

Книга снабжена рядом снимков и прорисей надписей, рисунков и берестяных грамот. Она несомненно является ценным вкладом в изучение книжной культуры средневекового Новгорода. Из мелких замечаний не могу не указать на повторение нередко встречающегося в филологической литературе и ничем не обоснованного утверждения о том, что Путятиня минея датируется первой половиной XI в. (с. 9); надо ли говорить, что эта рукопись не датирована, что палеографические данные не могут дать оснований для такой датировки, поскольку датированных рукописей этого времени не существует и, следовательно, не существует палеографической сетки, а орфографические параметры не соотносятся непосредственно с абсолютной хронологией и в любом случае никак не более «архаичны», чем аналогичные характеристики Остромирова евангелия.

В. Ж.

**Жития Игнатия Вологодского, Игнатия Ломского,
Герасима Вологодского и Кассиана Угличского:**

Тексты и словоуказатель / Сост. И. В. Азарова, Е. Л. Алексеева,
Л. А. Захарова, К. Н. Лемешев; Под ред. А. С. Герда. —
СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. —

(Памятники русской агиографической литературы; 11). — 196 с.

Книга продолжает издания русской агиографической литературы, публикуемые группой под руководством А. С. Герда. Вологодские жития Игнатия Вологодского, Игнатия Ломского и Герасима Вологодского подготовлены к печати А. А. Романовой. А. А. Романова

исследовала списки жития Игнатия Вологодского (в миру князя Ивана Андреевича), племянника Ивана III и двоюродного брата Василия III, проведенного в заточении всю жизнь; установлены редакции жития и перечислены все известные на сегодняшний день рукопи-

си. Хотя житие должно быть, видимо, датировано серединой XVI в., древнейшие списки относятся к XVII в. Житие любопытно как агиографический памятник, написанный на гибридном языке; в нем occasionally появляются немотивированные л-формы (*и поимал князь великий... и возложи...*, л. 183 об. — 184), часто нарушается согласование кратких причастий (*жена... живуще... радуяся... славяще*, л. 192—193), причастные обороты, в том числе и постпозитивные, часто соединяются с основным предложением с помощью сочинительных союзов, встречаются такие элементы не книжного синтаксиса, как дистантные приложения (ср.: *Человек некий имянем Давыд, живушу ему в селе преподобнаго Димитрия чудотворца, зодчий каменной...*, л. 194).

Игнатий Ломский не был широко почитаемым святым, и его житие дошло до нас в единственном списке 1-й половины XVIII в., хотя время составления жития А. А. Романова не без основания относит к 1650—1660-м гг. Собственно, никакой биографии святого в житии не содержится (говорится, что он основал Ломскую обитель, но не указывается, ни кем он был, ни когда жил), перечисляется несколько чудес святого, и к этому перечню прибавляется общериторическое похвальное слово. В чудесах отступления от стандартного книжного языка (черты гибридности) довольно многочисленны; это и употребление л-форм (*поил и кормил*, л. 75 об.), и несогласованные краткие причастия (*она слыша, моля, славя* и т. д., л. 75 об. — 76 об.); похвальное слово составлено из общих мест и заимствует целые пассажи (например, из Епифаниева Жития Сергия), так что нарушения книжной нормы в нем единичны.

Герасим Вологодский жил, по преданию, в XII в. и пришел на реку Вологду, возможно, еще до основания горо-

да. Сверх этого легендарного сведения, сообщаемого в житии, о нем ничего не известно. Публикуемый памятник представляет собой не житие, а описание чудес, совершившихся с конца 1640-х гг. по 1666-й г., к этому периоду естественно относить и его написание. В статье А. А. Романовой перечисляются списки чудес (не слишком многочисленные) и выделяются редакции. Язык чудес — гибридный, л-формы употребляются чаще, чем аорист и имперфект.

Е. Л. Алексеева публикует житие Кассиана Угличского. В предваряющей публикации статье Алексеева расшифровывает счетную тайнопись в конце одного из списков жития, что позволяет определить имя автора и идентифицировать его с игуменом основанного Кассианом Учемского монастыря Захеем. Это дает возможность датировать составление первоначального жития серединой XVI в. (сам святой, в миру князь Константин Мангупский, приехавший на Русь в свите Софии Палеолог, умер в 1504 г.). В статье выделяется семь редакций жития Кассиана и указываются содержащие их рукописи. Язык жития — довольно правильный церковнославянский без существенных отступлений от нормы, что для текста середины XVI в. представляет определенный интерес.

В издании имеется словоуказатель, представляющий собой перечень встречающихся в опубликованных текстах словоформ без лемматизации и грамматических помет, а также индекс имен собственных. Эти указатели могут служить некоторым подспорьем при работе с текстами, но как источник лингвистических сведений ценности не представляют, поскольку в них соединяются четыре разнородных и разновременных памятника.

**Die russische Sprache und Literatur im 18. Jahrhundert:
Tradition und Innovation: Gedenkschrift für Gerta Hüttl-Folter;
Русский язык и литература в XVIII веке: традиция и инновация:
Сборник статей памяти Герты Хюттл-Фолтер /
Hrsg. von Juliane Besters-Dilger und Fedor B. Poljakov =
Под ред. Ю. Бестерс-Дильгер и Ф. Полякова. —
Frankfurt am Main et al.: Peter Lang, 2009. (Русская культура в Европе =
Russian Culture in Europe / Ed. by Fedor B. Poljakov; Vol. 5). — 384 с.**

Хотя аннотирование сборников — малопродуктивное занятие, поскольку оно в значительной степени состоит из перепечатки оглавления, для рассматриваемого издания стоит сделать исключение, поскольку содержащиеся в нем работы в совокупности существенно продвигают наши знания о литературно-языковой проблематике того переломного столетия, когда формировался современный русский литературный язык и современная русская литература. Конечно, и нам придется ограничиться перечислением статей с факультативным минимальным комментарием.

Сборник открывается статьями Вернера Лефельдта «Zu Leben und Werk Gerta Hüttl-Folters» и Габриеллы Зауберер «Zur Bedeutung von Übersetzungen und interkultureller Kommunikation im Werk Gerta Hüttl-Folters», описывающих ту выдающуюся роль, которую сыграла покойная исследовательница в изучении нескольких аспектов истории русского языка (процессы формирования языкового стандарта, лексикология, синтаксис, языковая ситуация, факторы вариативности в письменном языке).

В статье Алеша Бранднера «Развитие русского литературного языка в XVIII веке на фоне реформ Петра Первого (Вводные замечания)» высказана справедливая, хотя и не совсем новая мысль, что борьба с церковнославянским языком и многочисленные лексические инновации, характеризовавшие эпоху Петра, не создали «стабильного и единого литературного языка», который

появляется лишь в первой половине XIX в.

Статья А. А. Алексеева «Западное влияние в России Нового времени и церковнославянское языковое наследие» содержит интересные соображения о переосмыслении церковнославянского наследия в XVIII в., в частности об индуцированной западным влиянием рецепции этого наследия; более всего говорится в статье о парадоксальном использовании этого наследия в творчестве Радищева (о котором у А. А. Алексеева есть отдельная статья), который не находит иных средств для выражения своего (антиклерикального) морального радикализма, кроме традиционных церковнославянских.

Андраш Золтан в статье «Вопрос о неославянизмах в исследованиях последних десятилетий» анализирует ряд слов, пришедших в русский книжный язык из латыни через польское и украинско-белорусское посредство (через язык Литовской Руси); разбираются такие примеры, как *государь* 'монарх' < *dominus*, *бумба* < ср.-лат. *battualia*; *одержать победу* < ср.-лат. *victoriam obtineo*; *то есть* < польск. *to jest* < лат. *id est*. Польскому посредству в обогащении словарного состава русского языка посвящена и статья Веслава Витковского «Польское участие в обогащении русского языка XVIII века немецкой лексикой». Ценные материалы для истории словарного состава русского языка дает и работа Адама Фаловского «Русско-немецкий словарь товаров

Ф. А. Немниха (Гамбург, 1797) и его значение для русской исторической лингвистики».

В. Лефельдт в статье «*Noch einmal zum französischen Einfluss auf die Herausbildung der russischen Literatursprache im 18. Jahrhundert*» обращается к теме, над которой Герта Хютль-Фольтер работала в последние годы своей жизни, — к формированию синтаксиса русского литературного языка нового типа в процессе перевода с западноевропейских языков (прежде всего с французского) в XVIII в. Лефельдт, основываясь на магистерской работе Елены Денисовой, защищенной в Гёттингене, описывает, как обстоит дело с относительным подчинением в переведенной Третьяковским с французского «Родословной истории о татарах» Абулгази. Переводам посвящены и две следующие статьи сборника: Анны Болек «От польского католического текста к славенороссийскому православному: особенность перевода *Деяний церковных и гражданских* Цезаря Барония — Петра Скарги в издании 1719 года» и Стефано Гардзонио «О переводе музыкальной драмы “Мир героев”» (о переводе итальянского либретто Иваном Барковым).

Герхард Невекловски в статье «Ударение имени существительного и глагола в Домострое (Забелинская редакция)» восстанавливает акцентологическую систему писцов Забелинской редакции и указывает на отличия этой системы от той, которая реконструируется для Коншинской редакции; дефинициализация, характерная для забелинской акцентной системы, локализирует ее в западном ареале.

В весьма интересной статье Светланы Менгель «*“Ist es nicht nach der Russischen Mund=Art?”: У истоков русского литературного языка нового типа*» рассказывается о редакции русского перевода «Малого катехизиса» А. Г. Франке, трижды издававшегося в Галле (в 1704,

1718 и 1729 гг.). Перевод первого издания был отредактирован, как установил автор статьи, И. Э. Глюком; автор обсуждает особенности этой редакции (например, оперирование двумя формами «аблатива»), соотнося их с составленной Глюком грамматикой русского языка. В статье Гельмута Кайперта «*Die Darstellung des russischen Verbums in der “Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache” von J. W. Paus (1705—1729)*» обсуждается трактовка глагола в грамматике ближайшего сподвижника Глюка И. В. Пауса, ее отношение к предшествующим трактовкам (Людольфа и Глюка) и ее значение для последующего развития русской грамматической мысли, в частности для «Очерка русского языка» 1731 г. в приложении к Вейсманову лексикону и для «Российской грамматики» Ломоносова, который, как теперь кажется несомненным, был знаком с грамматикой Пауса.

Ян Ивар Бьорнфлаттен в статье «*The form of the Present Gerund and the formation of the Russian Standard Language*» исследует вопрос о пустых клетках в глагольных парадигмах, образуемых деепричастиями настоящего времени (типа **вря*, **стрижа*, **режа* и т. д.). Возникновение пустых клеток автор объясняет устранением деепричастий на *-учи* при нормализации литературного языка и аналогическим образованием деепричастий от глаголов первого класса, требующим палатального или палатализованного согласного в конце основы. В статье Ю. Бестерс-Дильгер «*Изменения в системе сложноподчиненных причинных предложений в XVIII веке*» показывается, как вытесняются из употребления церковнославянские союзы и как входят в употребление союзы, идущие из делового языка (*потому что*, *потому как* и т. д.) и новообразования (*так как*, *поскольку*). Идеи о значимости делового (приказного) языка (или, во всяком случае, ново-

го делового языка Петровской эпохи) для формирования русского литературного языка в XVIII в. развиваются и в работе Юрия Кагарлицкого «Придаточные определительные с союзным словом *кой* и некоторые проблемы становления русского литературного языка нового типа», показывающей, по каким путям идет экспансия исследуемого союзного слова и какую роль оно играет в формирующемся синтаксисе относительного подчинения.

В статье Анны Кречмер «Человек за письмом (Русский человек Петровского времени в частной переписке)» рассматриваются дискурсивно-мировоззренческие особенности эпистолярных текстов начала XVIII в. и делается (в полемике с А. В. Исаченко) не вполне обоснованный вывод о деловой письменности как связующем звене русского литературного языка нового типа и допетровского узуса. Эпистолярные источники использует и Михаил Мозер в статье «Russisch, Ukrainisch und Suržik des 18. Jahrhunderts in der Privatkorrespondenz ukrainischer Frauen». Е. А. Земская в работе «Проблемы гендерлингвистики: историко-культурный и социолингвистический аспекты (по материалам семейного архива Булгаковых)» сопос-

тавляет письма бабушки и дедушки писателя М. А. Булгакова А. И. и М. В. Покровских конца XIX — начала XX в. и обсуждает источники различий в их языке. В статье Стефана Михаила Невекла «Die Wiener Vertreter der tschechischen nationalen Erneuerung und ihre Verbindungen zu Russland in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts» рассматриваются начальные этапы развития славистики и в особенности богемистики в Вене. Работа Федора Полякова «“Беспамятство” русской культуры XVIII века и прапамять письменного языка в языковом сознании Алексея Ремизова» посвящена тому, как А. Ремизов инкорпорировал «древнерусское» наследие (прежде всего языковое) в свое творчество, как он концептуализировал «восточное» начало в древней Руси и почему считал, что в «осмнадцатом столетии» Россия лишается памяти.

Разнообразие и новизна разрабатываемых в сборнике тем создает уверенность, что Герта Хютль-Фольтер, если бы он попал к ней в руки, читала бы его с живым интересом и благодарностью.

В. Ж.

Secondary predicates in Eastern European languages and beyond /

Ch. Schroeder, G. Hentschel, W. Boeder (eds.). —

Oldenburg: BIS-Verlag, 2008. (Studia Slavica Oldenburgensia; 16). — 449 S.

Сборник содержит 20 статей, посвященных вторичным предикатам (т. е. конструкциям типа *он пришел домой голодный/голодным, он пьет чай горячим, он вступил в город как победитель/победителем* и т. п.). Практически в каждой статье обсуждается, что представляют собой конструкции с вторичными предикатами, каковы их специфические особенности и чем они от-

личаются от смежных образований — в первую очередь от наречных конструкций. Книга затрагивает весь круг проблем, связанных с вторичными предикатами. Для русиста представляют непосредственный интерес две статьи, одна из которых посвящена древнерусскому, а вторая — современному русскому языку. Т. Менцель (Th. Menzel. On secondary predicates in Old Russian)

исследует конструкции с вторичными предикатами на материале «Хожения» Афанасия Никитина, новгородских берестяных грамот, «Русской Правды», «Повести временных лет», «Жития Стефана Пермского» и «Жития Феодосия Печерского»; привлекаются также данные Новгородской I летописи. Этот материал показывает, что в древнерусском вторичные предикаты характерны в большей степени для не книжных текстов и наиболее распространенной является конструкция, в которой вторичный предикат стоит в том же падеже, что и его контроллер, причем чаще всего в памятниках встречаются конструкции с винительным падежом (*водаи гривену исто* 'дай гривну в качестве капитала'), а в роли вторичного предиката гораздо активнее используются прилагательные и причастия, чем существительные. Творительный предикативный в древнерусских текстах сравнительно редок; его распространение в XVII в., возможно, происходило благодаря польскому влиянию. В своей статье А. Стригин (A. Strigin. Secondary predication and the instrumental case in Russian) выдвигает тезис, согласно которому в русском языке любой референт первичной ситуации может стать референтом — т. е. субъектом и контроллером — вторичной предикации; автор подробно разбирает отличия творительного предикативного от творительного времени, меры и инструмента; коснувшись вопроса о неупотребительности результативных вторичных предикатов (типа *напился пьян*) в русском языке, он высказывает предположение, что это связано с наличием глагольных видовых противопоставлений.

Для понимания ситуации в русском языке важны также статьи о вторичных предикатах в других славянских языках, поскольку они имеют сходные конструкции: нижнелужицком (H. Bartels. Sekundäre Prädikation im Niedersorbischen)

и хорватском (L. Šarić. Secondary predicates in Croatian), где вторичный предикат всегда стоит в том же падеже, что и его контроллер, а также в польском (B. Chachulska. Prädikativer Instrumental, Kasuskongruenz oder analytische Markierung bei sekundären Prädikaten im Polnischen), где творительный предикативный характерен для существительных, выступающих в роли предикатов (прежде всего — первичных, т. е. являющихся частью составного сказуемого; при вторичных он воспринимается как архаизм), в то время как прилагательные и причастия в этой роли обычно согласуются в падеже со своим контроллером. Не менее интересны для русиста статьи о вторичных предикатах в балтийских языках (A. Holvoet. Secondary predicates in Baltic; L. Semëniènè. Die morphosyntaktische Markierung substantivischer sekundärer Prädikative im Litauischen), где вторичные предикаты, как в русском или польском, могут либо стоять в том же падеже, что и контроллер, либо принимать форму косвенного падежа, причем выбор падежа определяется отчасти теми же факторами, что в русском или польском.

Остальные статьи сборника, анализирующие материал греческого, албанского, английского, немецкого, венгерского, финского, турецкого и некоторых других языков, важны для понимания феномена вторичных предикатов с типологической точки зрения. Неожиданную перспективу сообщает этой книге статья о предикатах в классическом ацтекском (Th. Stolz. Primary versus secondary predication in Classical Aztec), в котором невозможно установить иерархию предикаций (каждая из них представляет собой самодостаточную синтаксическую единицу) и отличить первичные предикаты от вторичных.

Незабытые голоса России: Звучат голоса отечественных филологов.**Вып. 1 / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН;**

Под ред. О. В. Антоновой, Д. М. Савинова. —

М.: Языки славянских культур, 2009. — 240 с.

Данное издание, открывающее собой серию «Незабытые голоса России», ценно прежде всего тем, что является звучащей хрестоматией. В нее вошли магнитофонные записи рассказов, бесед, докладов и лекций известных лингвистов. Эти записи помещены на компакт-диске, который прилагается к изданию; сама книга состоит из расшифровок данных записей, сопровождающихся необходимыми комментариями.

Текстам предшествуют вступительные статьи Л. П. Крысина «Незабытые голоса» и Р. Ф. Касаткиной «Об устной форме речи». В первой речь идет о том, насколько необходимо сохранение и распространение записей с лекциями, беседами и т. п. выдающихся русских филологов: слушая голоса ученых, мы приобретаем и к их научным взглядам, и к той культурной среде, которая их окружала. «Вместе с этими голосами не только входит в наш дом филологическая наука прошлого, — отмечает автор статьи, — но и возрождаются иные, порядком стёршиеся за последнее время нравственные принципы: верность научной истине (и в то же время терпимость к иному мнению), бескорыстие и преданность выбранной профессии, душевная щедрость, доброжелательность и ровность в общении и со студентом, и с ученым сверстником, и с академическим или университетским начальством». Во второй статье даются сведения об отношениях между устной и письменной формами речи, характеризуются средства устной речи, указываются особенности помещенных в книге расшифровок, обусловленные их устными источниками.

В качестве материала для хрестоматии были использованы записи выступлений отечественных филологов середины и второй половины XX в.: Р. И. Аванесова «О Московской фонологической школе», С. И. Бонди «О литературе классицизма», В. В. Виноградова «Разработка вопросов поэтики и стилистики в 20—30-е годы» и «Берегите родной язык», Т. Г. Винокур «Ушаковские мальчики» и «Десять заповедей культуры речевого поведения», С. С. Высотского «О московском народном говоре» и «Фонотека как источник знаний о языке», С. С. Высотского, И. С. Ильинской и А. А. Реформатского «Беседа о русском произношении», А. П. Евгеньевой «Воспоминания», А. В. Исаченко «О некоторых грамматических категориях», В. Д. Левина «Искандер Ислахи. Еще один фонетический парадокс», В. Н. Сидорова «Работа комиссии по реформе русской орфографии», О. Н. Трубочева «Беседы о методологии научного труда» и «Выступление в Днепрпетровском университете», Д. Н. Ушакова «О московском произношении», Р. О. Якобсона «Некоторые вопросы лингвистической семантики».

В книгу включены по большей части записи монологического характера, представлены различные жанры: научные доклады, лекции, выступления по радио, беседы с аспирантами, воспоминания и т. д. В расшифровках сохранены паузы, повторы, нарушения порядка слов, окказионализмы — словом, всё то, что характеризует устную спонтанную речь.

Издание снабжено вклейкой с фотографиями Р. И. Аванесова, С. С. Высотского, С. М. Бонди, В. В. Виноградова,

Т. Г. Винокур, В. Н. Сидорова, А. А. Реформатского, В. Д. Левина, О. Н. Трубачева, Р. О. Якобсона, Д. Н. Ушакова.

Книга имеет несомненную научную и культурологическую ценность и мо-

жет оказаться полезной как для специалистов-филологов, так и для широкого круга читателей.

С. В. Дьяченко

